Д6 Дубровин
250 „Пугачёв и
Д79 его сообщники"
т. 2, Спб. 1884 г.

2T:20P

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Вологда, тип. „Сов. Печатник" Зак. 1[illegible]

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Б
250
Д79

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.
198374
ПРОВ. 1935

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

«Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ и правителей; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ». (Манифестъ 15 декаб. 1763 г. П. С. З. № 11989).

Н. ДУБРОВИНЪ.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.
1884.

К
947рд
Д-797
Q.3
А730
V
БИБЛИОТЕКА
№ 1623.06
КУБИЗ'а
Кабинет Библиотека
Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
198374

2-го ГВАРДЕЙСКАГО РЕЗЕРВНАГО БАТАЛІОНА
БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ГЛАВА I.	Движеніе Пугачева къ Яицкому городку.—Аудіенція съ посланнымъ отъ киргизскаго Нуръ-Али-хана.—Письмо Пугачева къ хану.—Первая жертва.—Появленіе мятежниковъ у Яицкаго городка.—Воззваніе яицкимъ казакамъ.—Движеніе Пугачева вверхъ по рѣкѣ Яику.—Занятіе Илецкаго городка, Разсыпной и Нижне-Озерной крѣпостей	1
ГЛАВА II.	Положеніе Оренбурга.—Переписка губернатора съ киргизскимъ ханомъ.—Отправленіе отряда бригадира барона Билова на встрѣчу Пугачеву.—Занятіе самозванцемъ Татищевой и Чернорѣченской крѣпостей.—Мѣры къ защитѣ Оренбурга.—Воззваніе Рейнсдорпа къ жителямъ.—Отправленіе въ станъ самозванца ссыльно-каторжнаго Хлопуши.—Занятіе Пугачевымъ Каргалы и Сакмарскаго городка.—Свиданіе Пугачева съ Хлопушей.—Приближеніе толпы мятежниковъ къ Оренбургу.—Воззваніе Пугачева, обращенное къ губернатору и жителямъ.—Отвѣтъ Рейнсдорпа . . .	20
ГЛАВА III.	Появленіе Пугачева подъ Оренбургомъ.—Состояніе Казанской губерніи и мѣры къ ея защитѣ.—Петербургъ въ концѣ 1773 года.—Извѣстіе въ столицѣ о появленіи самозванца и его успѣхахъ.—Мѣры правительства къ подавленію возстанія.—Назначеніе генералъ-маіора Кара.—Инструкціи ему данныя.—Первый манифестъ о Пугачевѣ.—Распоряженія Военной Коллегіи и сибирскаго губернатора по отправленію войскъ къ Оренбургу	49
ГЛАВА IV.	Приближеніе Пугачева къ Оренбургу.—Воззваніе его къ гарнизону.—Неудачныя вылазки изъ города.—Прибытіе подкрѣпленій къ самозванцу.—Расширеніе раіона волненій.—Происшествіе въ Верхне-Озерной крѣпости.—Грабежи киргизъ-кайсаковъ.—Помѣщики покидаютъ свои имѣнія.—Отправленіе Хлопуши на заводы для возмущенія рабочихъ.—Бомбардированіе Оренбурга.—Письмо Падурова.—Указъ Пугачева Оренбургской губернской канцеляріи	72
ГЛАВА V.	Отъѣздъ Кара изъ Петербурга.—Боевыя средства, коими онъ могъ располагать.—Состояніе обороны	

стр.

Казанской губерніи.—Прибытіе Кара въ Кичуевскій фельдшанецъ. — Первоначальный планъ дѣйствій.— Встрѣча съ мятежниками у деревни Юзеевой. —Плѣненіе роты 2-го гренадерскаго полка. — Прапорщикъ Швановичъ.—Отступленіе Кара.—Печальная судьба, постигшая полковника Чернышева и его отрядъ.— Неудачная вылазка изъ Оренбурга 14 ноября. . . 92

ГЛАВА VI. Указъ Пугачева генералу Рейнсдорпу.—Отправленіе отряда подъ начальствомъ Хлопуши и Андрея Бородина для овладѣнія крѣпостями Верхне-Озерною и Ильинскою. — Стойкость гарнизона Верхне-Озерной крѣпости. — Судьба, постигшая отрядъ маіора Заева въ Ильинской крѣпости.—Дѣйствія отрядовъ генерала Деколонга.—Возстаніе въ Башкиріи.—Обложеніе города Уфы башкирцами.—Занятіе Бузулука мятежниками.—Грабежи киргизъ-кайсаковъ.—Тяжелое положеніе оренбургскаго гарнизона и жителей 112

ГЛАВА VII. Отправленіе изъ Петербурга въ станъ самозванца яицкихъ казаковъ Аѳанасія Перфильева и Петра Герасимова. — Прибытіе Перфильева въ Берду. — Жизнь въ Бердѣ. — Организація и администрація Пугачевскихъ силъ.—Пугачевская военная коллегія.—Свиданіе Перфильева съ Овчинниковымъ и Пугачевымъ . 129

ГЛАВА VIII. Положеніе генералъ-маіора Кара и его отряда.— Просьба о присылкѣ подкрѣпленій. — Отступленіе къ Бугульмѣ. — Отъѣздъ Кара въ Петербургъ для объясненій съ графомъ Чернышевымъ.—Состояніе Казанской губерніи.—Прибытіе Кара въ Москву. — Толки въ первопрестольной столицѣ. — Смѣна Кара.—Неудовольствіе императрицы 151

ГЛАВА IX. Назначеніе А. И. Бибикова для усмиренія волненій.— Посылка новыхъ полковъ на театръ дѣйствій. — Второй манифестъ императрицы.—Права и власть, предоставленныя новому главнокомандующему.—Мѣры правительства относительно колодниковъ и конфедератовъ.— Образованіе секретной коммиссіи 166

ГЛАВА X. Народные толки о происходящемъ подъ Оренбургомъ.— Состояніе Казани. — Объявленіе губернатора городскимъ обывателямъ.—Выселеніе изъ города Казани.— Грабежи киргизъ-кайсаковъ.—Волжскіе казаки и ихъ бездѣятельность. — Манифестъ Пугачева. — Занятіе мятежниками всей Самарской линіи и города Самары.— Развитіе мятежа на границахъ Казанской губерніи.— Занятіе инсургентами Заинска. — Состояніе города Уфы, Пермской и Исетской провинцій.—Мѣры, принятыя мѣстными властями для защиты противъ мятежниковъ.—Волненія заводскихъ крестьянъ 180

ГЛАВА XI. Прибытіе Зарубина (Чики) къ городу Уфѣ, его дѣятельность, наставленіе и инструкціи.—Занятіе Красно-

стр.

уфимска башкирцами.—Появленіе ихъ у города Кунгура. — Дѣятельность жителей по оборонѣ города.— Прибытіе въ Кунгуръ секундъ-маіора А. В. Попова съ отрядомъ и его энергическая дѣятельность. — Инструкція, составленная для жителей. — Пораженіе башкирцевъ на рѣкѣ Иренп и въ деревнѣ Кишертѣ. — Воззваніе Ивана Кузнецова къ жителямъ Кунгура.— Происшествіе въ Челябинскѣ.—Возмущеніе городскихъ казаковъ.—Воззваніе атамана Грязнова къ жителямъ Челябинска 197

ГЛАВА XII. Генералъ-аншефъ Бибиковъ на пути изъ Петербурга въ Казань.—Манифестъ императрицы въ толкованіи народномъ. — Объявленіе секретной коммиссіи. — Пріѣздъ Бибикова въ Казань и свиданіе его съ губернаторомъ.—Административные порядки въ краѣ.— Постановленіе казанскаго дворянства о сформированіи коннаго корпуса.—Императрица Екатерина — казанская помѣщица.—Рескрипты ея Бибикову. — Торжество въ Казани по полученіи этихъ рескриптовъ. . 223

ГЛАВА XIII. Мѣры правительства къ усмиренію возстанія.—Засѣданіе государственнаго совѣта 9 декабря. — Мнѣніе Сената о преданіи анаѳемѣ какъ Пугачева, такъ и его сообщниковъ.—Указъ о предосторожностяхъ противъ возмутителей. — Манифестъ 23 декабря 1773 года.—Мѣры къ усмиренію башкирцевъ. — Состояніе войска Донскаго. — Сожженіе дома Пугачева и его воззваній. — Отправленіе въ Казань семейства Пугачева и награда за поимку его 237

ГЛАВА XIV. Прибытіе войскъ, назначенныхъ въ распоряженіе А. И. Бибикова.—Пораженіе мятежниковъ у Самары и пригорода Алексѣевска. — Планъ наступательныхъ дѣйствій.—Дѣйствія полковника Юрія Бибикова.—Пораженіе мятежниковъ у сел. Сухарева. — Освобожденіе Заинска.—Занятіе Нагайбака и крѣпости Бакалы.— Дѣйствія князя П. Голицына и генералъ-маіора Мансурова.—Воззваніе къ калмыкамъ. — Пораженіе мятежниковъ у деревни Захаркиной.—Состояніе Оренбурга. 247

ГЛАВА XV. Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ защитѣ Яицкаго городка.—Дѣятельность Толкачева.—Перестрѣлка гарнизона съ казаками.—Прибытіе Пугачева въ Яицкій городокъ.—Минныя работы мятежниковъ.— Взрывъ подкопа и попытка казаковъ штурмовать укрѣпленія.—Выборъ атамановъ и старшинъ.—Посылка Овчинникова за порохомъ въ Гурьевъ городокъ и возмущеніе въ немъ. — Новый подкопъ. — Женитьба Пугачева на Устиньѣ Кузнецовой.—Взрывъ миннаго колодца подъ колокольней.—Отъѣздъ Пугачева подъ Оренбургъ.—Жизнь Устиньи въ Яицкомъ городкѣ.— Ея придворный штатъ.—Переписка съ Пугачевымъ.— Переговоры Перфильева съ капитаномъ Крыловымъ. 267

стр.

ГЛАВА XVI. Вылазка изъ Оренбурга.—Заботы Рейнсдорпа о продовольствіи.—Захватъ мятежниками Илецкой защиты.—Письмо изъ Берды генералу Рейнсдорпу.—Наступленіе отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова.—Столкновеніе ихъ съ мятежниками у Бузулука и деревни Пропкиной.—Побѣда подъ Татищевою и ея послѣдствія 285

ГЛАВА XVII. Дѣйствія отряда генералъ-маіора Ларіонова, назначеннаго для освобожденія города Уфы.—Занятіе правительственными войсками Нагайбака и Бакаловъ.—Просьба генералъ-маіора Ларіонова объ увольненіи его отъ командованія отрядомъ.—Назначеніе подполковника Михельсона.—Положеніе Уфы.—Попытка мятежниковъ овладѣть городомъ.—Пораженіе инсургентовъ у деревни Чесноковки.—Плѣненіе Зарубина (Чики) и его сообщниковъ.—Освобожденіе города Уфы отъ блокады.—Дѣйствія Михельсона въ окрестностяхъ этого города.—Покорность населенія 308

ГЛАВА XVIII. Оборона Кунгура.—Несогласія, возникшія между мятежниками.—Движеніе отряда маіора Гагрина на выручку Кунгура.—Пораженіе мятежниковъ при селеніи Ординскомъ и г. Красноуфимскѣ.—Происшествія подъ Екатеринбургомъ.—Дѣятельность Бѣлобородова на заводахъ.—Положеніе обороны Екатеринбурга.—Афиши полковника Василія Бибикова.—Приближеніе отряда маіора Гагрина.—Пораженіе мятежниковъ въ Уткинскомъ и Каслинскомъ заводахъ 328

ГЛАВА XIX. Занятіе Челябинска отрядомъ генерала Деколонга.—Дѣйствія мятежниковъ.—Бой у дер. Першиной.—Отступленіе Деколонга.—Выселеніе челябинскихъ жителей.—Жалоба главнокомандующаго на бездѣйствіе Деколонга.—Намѣреніе императрицы замѣнить его Суворовымъ.—Отказъ графа П. А. Румянцова отпустить Суворова изъ своей арміи.—Развитіе мятежа.—Блокада Долматова монастыря.—Занятіе инсургентами Курганской слободы и другихъ пунктовъ на границахъ Сибирской губерніи.—Дѣятельность сибирскаго губернатора Чичерина по усмиренію возстанія. . . 351

ГЛАВА XX. Бѣгство Пугачева изъ Берды.—Освобожденіе Оренбурга отъ осады.—Награды губернатору и жителямъ.—Преслѣдованіе самозванца.—Бой у Каргалы.—Бѣгство Пугачева въ Башкирію 373

ГЛАВА XXI. Положеніе отряда полковника Симонова въ Яицкомъ городкѣ.—Переговоры казаковъ съ гарнизономъ ретраншемента.—Письмо Симонова атаману Каргину и отвѣтъ на него.—Тяжелое положеніе гарнизона.—Прибытіе отряда генерала Мансурова.—Освобожденіе защитниковъ отъ осады.—Кончина А. И. Бибикова.—Возвышеніе Г. А. Потемкина 388

I.

Движеніе Пугачева къ Яицкому городку.—Аудіенція съ посланнымъ отъ киргизскаго Нуръ-Али-хана.—Письмо Пугачева къ хану.—Первая жертва.—Появленіе мятежниковъ у Яицкаго городка.—Воззваніе яицкимъ казакамъ.—Движеніе Пугачева вверхъ по рѣкѣ Яику.—Занятіе Илецкаго городка, Разсыпной и Нижне-Озерной крѣпостей.

Переночевавъ на р. Кушумѣ и собравъ вокругъ себя человѣкъ 200 вооруженныхъ, въ томъ числѣ и татаръ, которые были приведены Идоркою, Пугачевъ, на разсвѣтѣ 18 сентября, двинулся черезъ Кошъ-Яицкій (Кошевскій тожь) на Чаганскій форпостъ.—Пройдя первый, самозванецъ былъ встрѣченъ опередившимъ его писаремъ Забиромъ, поднесшимъ ему подарки, присланные Нуръ-Али-ханомъ.

— Киргизъ-кайсацкій ханъ, говорилъ Забиръ черезъ переводчика Идорку, — приказалъ вамъ кланяться и прислалъ вамъ подарки.

— Что ты за человѣкъ и зачѣмъ присланъ? спросилъ Пугачевъ.

— Я мулла, и присланъ поклониться и васъ посмотрѣть, потому что я бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ и государя видѣлъ.

— Узнаешь ли меня?

— Какъ не узнать; я узналъ, что ты государь. Нуръ-Али-ханъ приказалъ ваше величество просить, чтобы вы написали къ нему письмо.

Отдавъ Забира подъ присмотръ, Пугачевъ поручилъ Идоркину сыну, яицкому казаку Болтаю, написать хану отвѣтъ [1]).

«Я вашъ всемилостивѣйшій государь, писалъ Болтай отъ

[1]) Показаніе Уразгильда Аманова. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д., №№ 467 и 512.

имени Пугачева [1]), купно и всѣхъ моихъ подданныхъ и проч. проч. Петръ Ѳедоровичъ. Сіе мое именное повелѣніе киргизъ-кайсацкому Нуръ-Али-хану, для отнятія о состояніи моемъ сомнѣнія. Сегодня пришлите ко мнѣ одного вашего сына солтана со ста человѣками въ доказательство вѣрности вашей, съ посланными съ симъ отъ нашего величества къ вашему степенству, ближними нашими Уразомъ Амановымъ съ товарищи. Императоръ Петръ Ѳедоровичъ».

Подозвавъ къ себѣ Аманова, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Забиромъ, Пугачевъ передалъ ему письмо, съ приказаніемъ требовать отъ Нуръ-Али-хана 100 человѣкъ вооруженныхъ киргизовъ, которыхъ и привести къ Песчанымъ хуторамъ.

Не успѣлъ Амановъ отъѣхать трехъ верстъ отъ стана самозванца, какъ былъ задержанъ казачьимъ разъѣздомъ изъ отряда старшины Окутина, высланнаго полковникомъ Симоновымъ въ подкрѣпленіе сержанту Долгополову.

— Куда ты ѣдешь? спросили казаки.

— Я посланъ, отвѣчалъ Амановъ,—отъ государя Петра Ѳедоровича къ киргизскому хану съ письмомъ.

Казаки остановили посланнаго и представили его старшинѣ Окутину.

— Гдѣ стоитъ самозванецъ? спрашивалъ Окутинъ;—сколько при немъ людей и кто они?

— Государь находится, отвѣчалъ Амановъ,—между Кошъ-Яицкаго и Чаганскаго форпостовъ и при немъ яицкихъ казаковъ человѣкъ триста; они хотятъ идти прямо въ городокъ.

Получивъ такое свѣдѣніе, Окутинъ тотчасъ же собралъ съ постовъ казаковъ и, поспѣшно отступивъ въ городокъ, донесъ коменданту полковнику Симонову. Послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи части 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ нестроевыми считалось 923 человѣка и 112 человѣкъ оренбургскихъ казаковъ съ ихъ старшинами [2]).

---

[1]) Арх. Главн. Штаба. Книга № 1. «Секретныя бумаги и манифесты Пугачева».

[2]) Въ отрядѣ Симонова находилось на лицо: 1 штабъ-офицеръ, 2 адъютанта, 1 лекарь и 2 подлекаря; въ 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командахъ: 13 оберъ-офицеровъ, 53 сержанта и унтеръ-офицера, 670 рядовыхъ, 50 канонировъ, 137 не-

При полевыхъ командахъ находилось нѣсколько орудій, но съ весьма ограниченнымъ запасомъ зарядовъ, а прислуга, «кромѣ капрала да и того изъ непрактикованныхъ», состояла вся изъ рекрутъ [1]).

Зная, что большинство населенія Яицкаго городка сочувствуетъ самозванцу и готово при первомъ удобномъ случаѣ передаться на сторону Пугачева, полковникъ Симоновъ не рѣшился оставить Яицкій городокъ безъ гарнизона и выдти со всею своею командой на встрѣчу приближавшейся толпѣ мятежниковъ. Онъ составилъ отрядъ изъ трехъ некомплектныхъ ротъ пѣхоты и приказалъ всѣмъ выѣзжать для разогнанія толпы Пугачева. Удаляя такимъ распоряженіемъ сомнительный элементъ изъ городка, Симоновъ рѣшился защищаться съ оставшеюся командой и готовился ко встрѣчѣ Пугачева.

Между тѣмъ, собираясь въ походъ, казаки: Яковъ Почиталинъ, Андрей Овчинниковъ, Фофановъ и другіе согласились передаться на сторону самозванца, который послѣ полудня 18 сентября появился въ виду Яицкаго городка [2]).

Двигаясь по направленію къ городку, Пугачевъ забиралъ съ собою какъ съ форпостовъ, такъ и изъ зимовій всѣхъ находившихся тамъ казаковъ, вооруженныхъ и безоружныхъ. Хотя всѣ они шли къ нему охотно, «но самозванецъ всѣмъ пристававшимъ къ нему приказывалъ, чтобы никто не отставалъ, и стращалъ смертью, если кто отстанетъ или уйдетъ» [3]).

На пути толпа захватила посланнаго полковникомъ Симоновымъ сержанта Дмитрія Николаева, и представила его Пугачеву.

— Ты откуда? спросилъ Пугачевъ.

строевыхъ, всего 923 человѣка, изъ нихъ 736 человѣкъ строевыхъ, и 112 оренбургскихъ казаковъ. Г. Д. Анучинъ, на основаніи показаній казака Синельникова (Арх. Главн. Штаба. Кн. II, 420), болѣе чѣмъ удвоилъ силы Симонова и на этомъ построилъ неправильныя заключенія (*См. Воен. Сборн.* 1869 г. №№ 5 и 6). Изъ этого можно видѣть, какъ изслѣдователь, неимѣющій въ своихъ рукахъ точныхъ данныхъ, долженъ быть остороженъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ.

[1]) Рапортъ Симонова Сенату отъ 23 ноября.

[2]) Показаніе Аманова, Госуд. Арх. VI д. № 467.

[3]) Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 года; показанія Ивана Почиталина, Степана Кожевникова, Кузьмы Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Зарубина (Чики) и другихъ. Госуд. Арх. VI д., №№ 467, 506 и 512.

*

— Изъ Яицкаго городка, отвѣчалъ Николаевъ,—посланъ отъ коменданта до Астрахани курьеромъ.

— Есть у тебя бумаги?

— Бумагъ нѣтъ, а ѣду я по форпостамъ сказать караульнымъ, чтобы стояли осторожно, потому что орда (Киргизъ-Кайсацкая) пришла къ Яику.

— Если за этимъ посланъ, то поѣзжай, отвѣчалъ Пугачевъ.

Николаевъ тронулся-было въ дальнѣйшій путь, но подводчикъ, подозвавъ къ себѣ изъ толпы казака Давилина, заявилъ, что Николаевъ солгалъ.

— Этотъ сержантъ государя-то обманулъ, говорилъ подводчикъ;—онъ везетъ указы во всѣ мѣста, чтобы государя ловить. Въ указахъ называютъ его не государемъ, а донскимъ казакомъ Пугачевымъ.

Давилинъ задержалъ Николаева и привелъ его опять къ самозванцу, которому и передалъ отобранные у Николаева пакеты. Пугачевъ передалъ бумаги своему секретарю Ивану Почиталину, приказалъ ихъ распечатать и прочитать. Показанія подводчика оказались справедливыми и въ бумагахъ заключалось приказаніе форпостнымъ начальникамъ ловить донскаго казака Емельяна Пугачева, принявшаго на себя титулъ императора Петра III.

— Зачѣмъ Пугачева ловить, говорилъ спокойно самозванецъ, приказывая изодрать и бросить бумаги,—Пугачевъ самъ идетъ въ городокъ, и если я Пугачевъ, какъ они меня называютъ, такъ пусть возьмутъ и свяжутъ, а если я государь, такъ съ честью примутъ въ городъ.

— Для чего ты обманулъ меня и не сказалъ правды? спрашивалъ съ гнѣвомъ Пугачевъ сержанта Николаева,—приготовьтека висѣлицу.

— Виноватъ предъ вашимъ величествомъ, говорилъ Николаевъ, кланяясь самозванцу въ ноги;—я вину свою заслужу вамъ.

— Что на него смотрѣть! прикажи повѣсить, кричали казаки.

Пугачевъ однакоже не согласился, главнымъ образомъ потому, что нашелъ въ Николаевѣ человѣка грамотнаго, ему крайне необходимаго.

— Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, говорилъ

самозванецъ,—пусть вамъ и мнѣ служить станетъ, и отдамъ его подъ команду Ивана Почиталина.

Подходя къ Сластинымъ хуторамъ, принадлежавшимъ братьямъ Мясниковымъ, толпа захватила въ свои руки старшинской руки казака Скворкина и привела его къ Пугачеву.

— Этотъ казакъ посланъ изъ городка шпіономъ, говорили поймавшіе, — развѣдать о вашемъ величествѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь по хуторамъ позади моего войска ѣздишь, спрашивалъ самозванецъ, — и откуда ты посланъ?

— Я посланъ отъ старшины Мартемьяна Бородина изъ городка, провѣдать о васъ, гдѣ идете, сколько у васъ силы, чего ради стороною мимо вашей команды и пробирался съ тѣмъ извѣстіемъ, что вы идете въ городокъ.

— Ты человѣкъ молодой, говорилъ Пугачевъ наставительнымъ тономъ, — тебѣ бы надо мнѣ служить, а ты поѣхалъ противъ меня шпіоничать.

— Надежа-государь, прикажи его злодѣя повѣсить, просили казаки Давилинъ и Дубовъ, — отецъ его дѣлалъ намъ великія обиды, да и онъ даромъ что молодъ, но такъ же, какъ и отецъ, насъ смертельно обижалъ.

— Подлинно онъ, батюшка, плутъ, кричали казаки, — прикажи его повѣсить, таковскій.

— Если онъ такой худой человѣкъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — такъ повѣсьте его.

Скворкинъ былъ тотчасъ же повѣшенъ, и эта казнь была первою изъ безчисленныхъ впослѣдствіи жертвъ кровавой дѣятельности Пугачева и его сообщниковъ.

У Сластиныхъ хуторовъ явился къ Пугачеву одинъ изъ первыхъ его сообщниковъ, Тимоѳей Мясниковъ, нѣсколько дней скрывавшійся въ кустахъ отъ преслѣдованія.

— Что дѣлается въ городѣ? спросилъ его самозванецъ.

— Я, батюшка, самъ едва-едва уплелся, отвѣчалъ Мясниковъ, — и не знаю что теперь тамъ дѣлается.

— Однакоже пойдемъ къ городку, сказалъ Пугачевъ съ рѣшимостью.

Замѣтивъ издали, что впереди городка, перейдя черезъ Чаган-

скій мостъ, стоитъ команда казаковъ и небольшой отрядъ пѣхоты съ пушками, подъ начальствомъ секундъ-маіора Наумова, самозванецъ остановился. Тогда Наумовъ, съ цѣлью осмотрѣть силы мятежниковъ, отправилъ впередъ старшину Окутина съ казаками, но старшина отошелъ на очень небольшое разстояніе отъ пѣхоты. Оба противника довольно долгое время не предпринимали ничего другъ противъ друга. Въ станѣ Пугачева былъ возбужденъ вопросъ, какъ дѣйствовать? Одни полагали, что слѣдуетъ напасть на городъ силой, а другіе совѣтовали вступить въ переговоры съ высланными Симоновымъ казаками. Пугачевъ склонился на сторону послѣдняго предложенія и желалъ, чтобъ его «впустили въ городъ безъ драки».

— Я пошлю къ войску указъ, говорилъ онъ, — и когда насъ примутъ, то прямо въѣдемъ, а когда будутъ противиться, то поѣдемъ мимо, за Строгоновъ садъ, и тамъ ночуемъ.

Предложеніе было принято, и по приказанію самозванца Иванъ Почиталинъ написалъ:

«Войска яицкаго коменданту, казакамъ, всѣмъ служивымъ и всякаго званія людямъ мое именное повелѣніе.

«Какъ дѣды и отцы ваши служили предкамъ моимъ, такъ и мнѣ послужите великому государю и за то будете жалованы крестомъ и бородою, рѣками и морями, денежнымъ жалованьемъ и всякою вольностью. Повелѣніе мое исполняйте и со усердіемъ меня великаго государя встрѣчайте, а если будете противиться, то возчувствуете какъ отъ Бога, такъ и отъ меня гнѣвъ. Великій государь Петръ III всероссійскій».

Отправляя нарочнаго съ указомъ, Пугачевъ приказалъ передать его старшинѣ Окутину и стараться убѣдить его и бывшихъ при немъ казаковъ, чтобъ они приняли его съ честью.

— Если-жь они во мнѣ сомнѣваются и за точнаго государя не признаютъ, говорилъ Пугачевъ, — то приняли бы меня съ тѣмъ, чтобъ отвезти въ Петербургъ и спасти мою жизнь.

Держа надъ головою воззваніе самозванца, посланный [1]) поскакалъ къ Чаганскому мосту.

---

[1]) По свидѣтельству однихъ, то былъ казакъ Петръ Боковъ (показаніе Чики и Пугачева), а по другимъ, казакъ Барановъ (показаніе Ивана Почиталина).

— Вотъ вамъ указъ отъ государя, сказалъ онъ передавая пакетъ Окутину, — прочтите его всѣмъ.

— У насъ есть государыня, отвѣчалъ Окутинъ, — а государя Петра Ѳедоровича нѣтъ давно на свѣтѣ.

Посланный, не ожидая отвѣта, ускакалъ обратно, а Окутинъ, не читая присланной ему бумаги, передалъ ее капитану Крылову [1]).

Казаки потребовали, чтобъ указъ былъ прочтенъ, но Окутинъ не исполнилъ требованія, и тогда, по заранѣе условленному плану, казаки: Яковъ Почиталинъ, Андрей Овчинниковъ, Дмитрій Лысовъ, Фофановъ и другіе подняли шумъ и затѣмъ, въ числѣ пятидесяти человѣкъ, ускакали въ толпу мятежниковъ. Многіе изъ нихъ пали предъ самозванцемъ на колѣни, а Яковъ Почиталинъ подошелъ и поцѣловалъ руку.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ его Пугачевъ.

— Я, батюшка, отецъ Иванушки писаря, который при вашемъ величествѣ.

— Иванъ, это твой отецъ?

— Точно такъ.

— Ну, старикъ, коли хочешь мнѣ служить вѣрою и правдой, то садись на лошадь и ступай со мною.

Обратившись къ Андрею Овчинникову и Дмитрію Лысову, самозванецъ спросилъ ихъ, что думаютъ о немъ остальные казаки?

— Почти всѣ желаютъ служить тебѣ, отвѣчали они, — но манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили.

Желая склонить на свою сторону остальныхъ казаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить при немъ бывшихъ въ томъ, что онъ истинный государь, Пугачевъ отправилъ вторично своего посланнаго съ требованіемъ, чтобы прислали къ нему Окутина для переговоровъ.

— Я его прежде жаловалъ, говорилъ самозванецъ, — такъ надѣюсь, что онъ меня узнаетъ и увѣритъ васъ, что я истинный государь.

---

[1]) По какому случаю Крыловъ, отецъ нашего баснописца, находился при старшинѣ Окутинѣ, мы доискаться не могли, но что онъ былъ тамъ, это несомнѣнно и подтверждается показаніями почти всѣхъ участниковъ.

Окутинъ, конечно, не поѣхалъ къ самозванцу и лишь только увидѣлъ, что толпа мятежниковъ двинулась къ городу, онъ, не надѣясь на свою команду, сталъ отступать на пѣхоту.

— Пропало теперь все Яицкое войско, замѣтилъ Крыловъ оставшимся казакамъ.

Между тѣмъ прибѣжавшіе казаки объявили Пугачеву, что на Чаганскомъ мосту приготовлены пушки и что имъ приказано открыть огонь.

— Съ голыми руками не сунешься на пушки, а у насъ ихъ нѣтъ, отвѣчалъ на это самозванецъ. — Чѣмъ терять напрасно людей, пойдемъ теперь вверхъ, авось либо завтра одумаются и, когда подъѣдемъ, примутъ.

Повернувъ вверхъ по р. Чагану, толпа намѣрена была перейти въ бродъ на противоположный берегъ, но Наумовъ для воспрепятствованія переправы послалъ, подъ начальствомъ старшины Витошнова, партію казаковъ во 100 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и Максимъ Шигаевъ, отправленный для увѣщанія казаковъ, принявшихъ сторону самозванца. Подпустивъ команду Витошнова къ себѣ на довольно близкое разстояніе, Пугачевъ сразу охватилъ ее со всѣхъ сторонъ. Бывшіе въ командѣ казаки войсковой стороны тотчасъ же безо всякаго сопротивленія присоединились къ самозванцу, а незначительное число казаковъ старшинской руки было связано и приведено къ Пугачеву, причемъ Овчинниковъ, Давилинъ, Лысовъ и другіе жаловались на приведенныхъ и просили наказать ихъ немедленно.

— Держите ихъ до завтра подъ карауломъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — а завтра будетъ резолюція.

Мятежники переправились черезъ рѣку и расположились на ночлегъ [1]).

Появленіе ихъ въ тылу высланнаго отряда, два случая передачи казаковъ на сторону Пугачева, невозможность поручиться за остальныхъ и, наконецъ, опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ городка, заставили секундъ-маіора Наумова отступить, причемъ онъ

[1]) Показанія казаковъ: Григорія Бородина, Якова Почиталина, Кузьмы Кочурова и Степана Кожевникова. Госуд. Арх. VI д. № 467 и № 506. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Тамъ же, д. № 512.

приказалъ уничтожить мостъ черезъ рѣку Чаганъ. Въ Яицкомъ городкѣ партія войсковыхъ казаковъ волновалась и на столько ясно выражала свое сочувствіе, что Симоновъ принужденъ былъ объявить, что въ случаѣ малѣйшаго замѣшательства онъ прикажетъ поджечь городокъ со всѣхъ сторонъ и поступитъ съ ними, ихъ женами и дѣтьми, какъ съ сущими злодѣями. Казаки присмирѣли, но по одиночкѣ пробирались въ станъ самозванца, силы котораго быстро возростали и, по показанію сообщниковъ, достигли 700 человѣкъ [1]). Цифра эта, конечно, увеличена вдвое, но она свидѣтельствуетъ, что толпа мятежниковъ возростала на столько быстро, что главнымъ сообщникамъ самозванца она казалась уже весьма значительною. По мѣрѣ возростанія толпы увеличивалась и самоувѣренность Пугачева, который, узнавъ, что въ числѣ захваченныхъ казаковъ послушной стороны находится старшина Витошновъ [2]), бывавшій нѣсколько разъ въ Петербургѣ и видѣвшій покойнаго императора Петра III, рѣшился употребить тотъ же способъ для убѣжденія толпы, какой онъ думалъ примѣнить, вызывая къ себѣ Окутина. — Пугачевъ потребовалъ, чтобы привели къ нему Витошнова.

— Знаешь ли ты меня? спросилъ его самозванецъ.

Вопросъ этотъ былъ равносиленъ тому: хочешь быть повѣшеннымъ? и если нѣтъ, то признавай во мнѣ государя.

— Видалъ еще маленькимъ, отвѣчалъ Витошновъ уклончиво.

Пугачевъ былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ.

— Вотъ спросите, онъ меня знаетъ, сказалъ самозванецъ, обращаясь къ окружающимъ.

Ночь прошла спокойно, такъ какъ Симоновъ не могъ выдти изъ городка, справедливо опасаясь, что непослушные казаки воспользуются случаемъ и не впустятъ его обратно.

Движеніе же съ пѣхотнымъ отрядомъ, необезпеченнымъ ни продовольствіемъ, ни боевыми припасами, было безцѣльно противъ конной толпы мятежниковъ, положившихъ проводить «гдѣ день,

---

[1]) Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх. VI д. № 422. Пугачевъ самъ показывалъ впослѣдствіи, что въ этотъ день у него было человѣкъ 500.

[2]) Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія* 1858 г. кн. II) и у всѣхъ авторовъ, пользовавшихся этимъ источникомъ, ошибочно напечатано Витошковъ.

БИБЛІОТЕКА

гдѣ ночь, тамъ и сутки прочь», и всегда имѣвшихъ способы уклониться отъ боя. Совсѣмъ иное дѣло было бы, если бы Симоновъ могъ опереться на казаковъ и употребить ихъ для преслѣдованія Пугачева, но съ пѣхотой нельзя было уничтожить шайки Пугачева, а можно было только отогнать отъ городка, т.-е. сдѣлать то, что̀ самозванецъ сдѣлалъ самъ безо всякаго боя. На утро ближайшіе сообщники Пугачева явились къ самозванцу и возбудили вопросъ о плѣнныхъ казакахъ.

— Что̀, ваше величество, прикажете съ ними дѣлать?

— Надобно ихъ увѣрить и привесть къ присягѣ, отвѣчалъ Пугачевъ.

— Мы имъ не вѣримъ, говорили сподвижники самозванца, и просили его избавить ихъ отъ одиннадцати человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ.

— Мы знаемъ, говорили Овчинниковъ и Лысовъ,—кого можно простить и кого повѣсить; тутъ есть великіе злодѣи.

«Видя столь сильную ихъ жалобу, показывалъ Пугачевъ[1]), и хотя (желая) ихъ тѣмъ удовольствовать, чтобъ они были усерднѣе, а другимъ, кои ему не хотятъ быть вѣрными, подать страхъ», самозванецъ приказалъ повѣсить всѣхъ одиннадцать человѣкъ. Приказаніе было мгновенно исполнено, и «просители послѣ тѣхъ повѣшенныхъ раздѣлили по себѣ бывшую на нихъ одежду». Старшина Витошновъ и племянникъ бывшаго атамана, Григорій Бородинъ, были прощены.

Послѣ казни Пугачевъ поручилъ сержанту Николаеву написать указъ въ войско Яицкое, чтобъ оно одумалось и встрѣтило его «яко великаго государя». Указъ былъ написанъ, и самозванецъ, приказавъ подписать Ивану Почиталину, отправилъ его съ казакомъ Барановымъ, который не возвратился, а какъ только толпа стала подходить къ городку, то по приказанію Симонова было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ.

— Что̀, други мои, васъ терять напрасно,—сказалъ тогда Пугачевъ,—видно они мнѣ не рады, такъ пойдемъ мимо туда, гдѣ насъ примутъ.

---

[1]) 4 ноября 1774 г., Госуд. Арх. VI д., № 512.

— Пойдемъ, ваше величество, по линіи [1]) до Илецкой станицы, говорили казаки.

— А есть ли тамъ форпосты и на нихъ пушки? спросилъ самозванецъ.

— Есть, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну, такъ пойдемъ.

Яицкіе форпосты состояли по большей части изъ шалашей, сдѣланныхъ изъ плетня. Они занимались обыкновенно 20—25 человѣками казаковъ. Тамъ, гдѣ былъ недостатокъ лѣса, форпосты укрѣплялись плетнемъ и земляпымъ валомъ; въ мѣстахъ лѣсистыхъ устроивались бревенчатыя стѣны или срубы. Каждый форпостъ имѣлъ одну или двѣ пушки, каланчу или вышку для наблюденія и маяки [2]). Предназначенные для защиты границы отъ дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи, форпосты удовлетворяли своему назначенію, такъ какъ киргизы были вооружены копьями и стрѣлами, и вторгались небольшими партіями. Но для такой шайки, какая была у Пугачева, они не могли оказать сопротивленія.

Обогнувъ городъ, толпа двинулась вверхъ по рѣкѣ Яику къ Гниловскому форпосту, гдѣ Пугачевъ присоединилъ къ себѣ всѣхъ форпостныхъ казаковъ и захватилъ одну пушку, «коя стояла въ телѣгѣ» [3]). Не доходя до поста Рубежнаго и видя, что силы его растутъ, самозванецъ рѣшился дать своему ополченію нѣкоторое устройство и назначить начальствующихъ лицъ.

— Надобно подкрѣплять васъ чинами,—говорилъ самозванецъ Григорію Бородину,—чтобы вы отъ меня не бѣгали.

Онъ приказалъ собрать казачій кругъ, желая тѣмъ показать яицкимъ казакамъ, что уважаетъ ихъ древніе обычаи, такъ недавно уничтоженные учрежденіемъ комендантскаго управленія. Собравшись въ кругъ, казаки выбрали: Андрея Овчинникова атаманомъ, Дмитрія Лысова (онъ же Сергѣевъ) полковникомъ, Андрея

---

[1]) Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія*, 1858 г., кн. II) вмѣсто словъ «по линіи» ошибочно напечатано «полемъ», что и повторено авторами многихъ монографій.

[2]) *Путешествіе Палласа*. Изд. 1809 г. ч. I. Путешествіе академика Фалька. См. *Собраніе ученыхъ путешествій*. Т. VI, изд. 1824 г.

[3]) Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показанія Якова Почиталина и Степана Кожевникова. Госуд. Арх. VI д., №№ 467, 506 и 512.

Витошнова есауломъ, Алексѣя Кочурова и еще нѣсколькихъ лицъ хорунжими. Выбранные отправились къ самозванцу и цѣловали его руку.

— Умѣешь ли ты написать присягу? спросилъ Пугачевъ, обратившись къ сержанту Дмитрію Николаеву.

— Умѣю.

— Такъ поди же напиши.

Когда присяга была составлена, то Пугачевъ, передавъ ее Ивану Почиталину, приказалъ прочитать вслухъ.

Почиталинъ читалъ:

«Я, нижеименованный, обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ его Евангеліемъ, въ томъ, что хощу и долженъ всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору Петру Ѳедоровичу служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ всемогущій» [1]).

— Готовы тебѣ, надежа-государь, кричали казаки по окончаніи чтенія,—служить вѣрою и правдой.

— Куда же мы отсюда пойдемъ? спросилъ Пугачевъ.

— Пойдемъ мы отсюда,—говорилъ Овчинниковъ,—черезъ всѣ форпосты нашего Яицкаго войска, кои всѣ намъ согласны, и заберемъ ихъ съ собою, а не доходя до Илецкаго городка я поѣду туда одинъ и навѣдаюсь, примутъ ли васъ илецкіе казаки...

— Какъ не принять! перебилъ его Лысовъ, и толпа двинулась далѣе по берегу рѣки Яика.

Проходя черезъ форпосты: Генварцовскій, Кирсановскій и Иртекскій, мятежники забирали съ собою всѣхъ казаковъ и успѣли пріобрѣсти три пушки съ боевыми зарядами. Остановившись на ночлегъ, верстъ за 50 отъ хутора бывшаго войсковаго атамана Андрея Бородина, самозванецъ отправилъ къ нему казака Дмитрія Дубова съ приказаніемъ, чтобы Бородинъ встрѣтилъ государя съ почестью. Бородинъ обѣщался исполнить требованіе, но когда Дубовъ уѣхалъ, то Бородинъ сѣлъ въ коляску и поскакалъ въ

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Зарубина (Чики), Госуд. Арх. VI д., №№ 422, 506, 512. Впослѣдствіи форма присяги была разослана всюду и употреблялась во всѣхъ случаяхъ.

Оренбургъ. Заѣхавъ въ Илецкій городокъ, онъ предупредилъ атамана Лазаря Портнова, что къ нему идетъ толпа мятежниковъ [1]).

Илецкій казачій городокъ находится на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Яика (Урала), при впаденіи въ него въ верстѣ ниже рѣки Илека. Городокъ былъ укрѣпленъ четыреугольною бревенчатою стѣной съ батареями для 12 пушекъ и имѣлъ болѣе 300 казачьихъ домовъ. Обязанные выставлять отъ 350 — 400 человѣкъ служивыхъ, илецкіе казаки были причислены къ яицкимъ, но права на рыбную ловлю не имѣли, а занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Во главѣ казаковъ стоялъ атаманъ, подчиненный яицкой комендантской канцеляріи [2]).

Человѣкъ преданный правительству, атаманъ Портновъ, за два дня до прихода самозванца, получилъ ордеръ Симонова, въ которомъ тотъ, сообщая о принятіи Пугачевымъ имени Петра III, просилъ принять всѣ мѣры осторожности и къ защитѣ городка. Портновъ собралъ кругъ, прочиталъ полученное предписаніе Симонова, и всѣ казаки согласились поступать по присягѣ. Такъ какъ Илецкій городокъ находился не на прямомъ пути къ Оренбургу, а на степной сторонѣ рѣки Яика, то для лучшаго обезпеченія отъ нападенія мятежниковъ Портновъ приказалъ разобрать мостъ.

Атаманъ спокойно ожидалъ появленія самозванца, но не спокойно относились къ этому казаки. Въ тотъ же самый день, когда было прочтено въ кругу предписаніе Симонова, казакъ Потапъ Дмитріевъ говорилъ окружающимъ:

— Что вы это слушаете, какой онъ Пугачевъ; онъ, сказываютъ, точный государь. Онъ скоро сюда будетъ съ яицкими казаками, какъ тутъ станешь противиться!

На другой день илецкій казакъ Аѳанасій Новиковскій, ѣздившій въ Яицкій городокъ, своими разсказами произвелъ еще большее волненіе между казаками.

— Намъ, братцы, открывается свѣтъ, говорилъ Новиковскій;— сказывали, что государь Петръ Ѳедоровичъ умеръ, а онъ живъ и

---

[1]) Показаніе илецкаго казака Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI д., № 506.

[2]) Путешествія Палласа и Фалька.

идетъ къ намъ на Илекъ. Я самъ его видѣлъ, и онъ пожаловалъ мнѣ лошадь.

Новиковскій уговаривалъ товарищей не противиться и встрѣтить государя съ честью [1]). Казаки были въ нерѣшимости, но на третій день явился въ Илецкомъ городкѣ Андрей Овчинниковъ, съ указомъ на имя Портнова, слѣдующаго содержанія:

«Отъ великаго государя императора Петра Ѳедоровича Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая.

«Симъ моимъ именнымъ указомъ Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинамъ и казакамъ повелѣваю: какъ вы служили мнѣ и предкамъ моимъ до сего времени, такъ и нынѣ, вѣрные мои рабы, мнѣ послужите вѣрно и неизмѣнно, и докажите мнѣ свою вѣрноподданническую ревность тѣмъ, что, во-первыхъ, ожидайте меня, великаго государя, къ себѣ съ истинною вѣрноподданническою радостію и изъ городка на встрѣчу мнѣ съ оружіемъ своимъ выдьте, и въ доказательство своей мнѣ вѣрноподданнической вѣрности, положите оружіе свое передъ знаменами моими. Почему и приму я васъ съ великою честью и удостою службы мнѣ, которую ежели такъ будете продолжать, какъ присяжный долгъ требуетъ, и такъ, какъ мнѣ пріятно можетъ быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны. И чего вы ни пожелаете, во всѣхъ выгодахъ и жалованьяхъ отказано вамъ не будетъ, и слава ваша не истечетъ до вѣку, и какъ вы, такъ и потомки ваши, первые при мнѣ, великомъ государѣ, учинитесь, а жалованья, провіанта, пороху и свинцу всегда достаточно отъ меня давано будетъ. Кто же сверхъ чаянія моего преслушаетъ и не исполнитъ сего моего великаго повелѣнія, тотъ вскорѣ почувствуетъ сколь жестоки приготовлены муки измѣнникамъ моимъ, а когда атаманъ или старшины, вамъ, рядовымъ казакамъ, попрепятствуютъ, то и самихъ ихъ неволею предъ меня привести, за что̀ награжденъ тотъ, кто приведетъ ихъ, будетъ. Я великій государь Петръ III императоръ Всероссійскій» [2]).

Воззваніе это было передано Овчинникову въ двухъ экземпля-

---

[1]) Госуд. Арх. VI д. № 416.

[2]) Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1, листъ 60.

рахъ, съ тѣмъ, что если его примутъ въ городѣ, то одинъ онъ отдалъ бы Портнову, а другой—казакамъ, чтобъ они могли прочесть сами, въ томъ случаѣ, когда атаманъ откажется читать. Лишь только въ городкѣ узнали о прибытіи Овчинникова съ нѣсколькими мятежниками, составлявшими его свиту [1]), илецкіе казаки толпами спѣшили къ пріѣзжимъ.

— Государь съ великою силой идетъ къ Илеку, говорилъ Овчинниковъ собравшимся,—и остановившись всего въ семи верстахъ отсюда, послалъ меня къ вамъ сказать, чтобы вы встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Это истинный государь, и смотрите, атаманы-молодцы, не дурачьтесь, а встрѣтьте его съ подобающею честью. Если же вы хотя мало воспротивитесь, то государь приказалъ вамъ сказать, что васъ онъ станетъ вѣшать, а вашъ городъ выжжетъ и вырубитъ.

Казаки собрали кругъ и долго не могли условиться какъ поступить.

— Если его не встрѣтить, говорили они,—то онъ насъ перевѣшаетъ, а буде встрѣтимъ, то чтобы потомъ не было хлопотъ какихъ.

Послѣ довольно долгихъ и оживленныхъ споровъ, большинство рѣшило однакоже встрѣтить самозванца съ честью, о чемъ и сообщили Овчинникову. Послѣдній отправился въ станъ самозванца, оставивъ казакамъ для передачи Портнову манифестъ Пугачева. Исполняя порученіе Овчинникова, казаки требовали, чтобы манифестъ былъ прочитанъ, но Портновъ отказался и положилъ его въ карманъ. Предвидя недоброе, онъ хотѣлъ уѣхать изъ городка, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ казаки стали наблюдать за нимъ.

На утро 21 сентября илецкіе жители исправили мостъ, и предшествуемые духовенствомъ съ крестами и образами, вышли съ хлѣбомъ-солью и съ знаменами встрѣчать самозванца. Пугачевъ со своею толпой, имѣя въ авангардѣ Овчинникова, двинулся къ городку, причемъ Овчинниковъ прошелъ прямо въ городокъ и аре-

---

[1]) По показаніямъ однихъ, съ Овчинниковымъ было 6, а по другимъ—20 человѣкъ свиты.

стовалъ тамъ атамана Портнова. Пугачевъ же остановился предъ духовенствомъ, слѣзъ съ лошади и приложился ко кресту. Казаки преклонили знамена, а духовенство цѣловало государеву руку.

— Я подлинный государь, сказалъ онъ,—служите мнѣ вѣрою и правдой; за вѣрную службу я буду награждать, а за невѣрную казнить смертію.

Принявъ хлѣбъ-соль и обласкавъ жителей, самозванецъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи духовенства и при звонѣ колоколовъ, отправился въ церковь, приказалъ служить молебенъ и на эктеніяхъ упоминать имя государя Петра Ѳедоровича, а государыню исключить.

— Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, говорилъ Пугачевъ окружающимъ,—то зашлю ее въ монастырь и пускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ села и деревни отберу и буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я лишенъ престола, тѣхъ безо всякой пощады перевѣшаю. Сынъ мой человѣкъ молодой, такъ онъ меня и не знаетъ. Дай Богъ, чтобъ я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здоровымъ!

По окончаніи молебна началась присяга. Первымъ присягнулъ попъ, который затѣмъ, по приказанію Пугачева, сталъ приводить къ присягѣ и всѣхъ илецкихъ казаковъ.

Выйдя изъ церкви, самозванецъ приказалъ отворить питейный домъ, обѣщалъ народу избавить его отъ «утѣсненія и бѣдностей», и затѣмъ, при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, производимыхъ казаками въ честь государя, Пугачевъ отправился въ приготовленный ему Овчинниковымъ домъ казака Ивана Творогова, одинъ изъ лучшихъ въ городкѣ.

— А гдѣ здѣшній атаманъ Лазарь Портновъ? спросилъ самозванецъ обращаясь къ Овчинникову.

— Я его арестовалъ.

— За что?

— Ваше величество приказали, чтобы посланный отъ васъ манифестъ онъ прочелъ казакамъ, а онъ читать его не сталъ и положилъ въ карманъ. Онъ же приказалъ разломать чрезъ Яикъ мостъ и вырубить два звена, чтобы вамъ съ войскомъ перейти было нельзя, а напослѣдокъ хотѣлъ бѣжать.

Едва Овчинниковъ окончилъ свою обвинительную рѣчь, какъ

нѣсколько буйныхъ головъ пожаловались Пугачеву, что Портновъ ихъ постоянно обижалъ и въ конецъ разорилъ.

— Коли онъ такой обидчикъ, сказалъ Пугачевъ Овчинникову,— то прикажи его повѣсить.

Приказаніе было немедленно исполнено. Портновъ былъ повѣшенъ яицкимъ казакомъ Иваномъ Бурновымъ, исполнявшимъ должность палача, и имѣніе несчастнаго атамана разграблено мятежниками, причемъ болѣе всѣхъ поживился Зарубинъ (Чика). Пугачеву же были доставлены послѣ казни Портнова взятые въ его домѣ 300 рублей денегъ, жалованный ковшъ, два бешмета, кафтанъ, канаватная лисья шуба и кушакъ.

Два дня оставался Пугачевъ въ Илецкомъ городкѣ въ домѣ Творогова, пользуясь радушіемъ хозяина и его желаніемъ угодить государю. Первое время Твороговъ былъ искренно убѣжденъ, что Пугачевъ истинный Петръ III, и потому, показывалъ онъ, «былъ угощаемъ отъ меня, по возможности съ оказаніемъ всякаго почтенія». Пугачевъ наградилъ услуги Творогова должнымъ образомъ.

— Будь же ты у меня, сказалъ ему самозванецъ,—полковникомъ и командиромъ надъ илецкими казаками.

Довольный тѣмъ, что Илецкій городокъ, одинъ изъ главныхъ населенныхъ пунктовъ той мѣстности, призналъ надъ собою его власть, какъ законнаго государя Петра III, Пугачевъ ободрился и сталъ помышлять о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Объѣзжая крѣпость, онъ приказалъ снять съ нея пушки и, выбравъ изъ нихъ нѣсколько годныхъ, сдѣлать къ нимъ лафеты, которыхъ не было. Назначивъ начальникомъ артиллеріи яицкаго казака Ѳедора Чумакова, самозванецъ приказалъ ему забрать изъ крѣпости весь порохъ, свинецъ, снаряды и, присоединивъ къ себѣ до 300 человѣкъ илецкихъ казаковъ, двинулся далѣе къ Разсыпной крѣпости [1]), расположенной по скату горы праваго берега рѣки Яика.

Разсыпная крѣпость была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно киргизъ-кайсаки переправлялись вбродъ чрезъ Яикъ, для

[1]) Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показанія Ивана Творогова въ казанской коммиссіи и тайной экспедиціи въ Москвѣ. Показанія Зарубина (Чики), Тимоѳея Мясникова 9 мая и Максима Горшкова 8 мая 1774 года. «Госуд. Арх.» VI д. №№ 422, 505, 506 и 5[illegible]

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

вторженія и грабежа въ нашихъ предѣлахъ. Она была укрѣплена только однимъ палисадомъ, населена 50 человѣками оренбургскихъ казаковъ и имѣла одну гарнизонную роту, подъ начальствомъ коменданта маіора Веловскаго, въ помощь которому изъ Нижне-Озерной крѣпости (она же и Столбовая) была отправлена команда подъ начальствомъ капитана Сурина изъ одной роты пѣхоты и сотни казаковъ. Команда эта была еще далеко отъ Разсыпной, когда въ крѣпости явился посланный съ возмутительнымъ листомъ Пугачева слѣдующаго содержанія [1]):

«Отъ самодержавнаго императора Петра Ѳедоровича всероссійскаго и проч. и проч.

«Симъ моимъ именнымъ указомъ въ Разсыпной крѣпости всякаго званія людямъ повелѣваю: какъ вы, вѣрные мои рабы, служили и покорны были напредь сего мнѣ и предкамъ моимъ, такъ и нынѣ въ самомъ дѣлѣ будьте вѣрны и послушны, стремитесь съ истинною вѣрноподданническою радостію и дѣтскою ко мнѣ, государю вашему и отцу, любовію; потомъ старайтесь служить вѣрно и неизмѣнно, за что жаловать буду всѣхъ сихъ вѣчною вольностію, рѣками, морями, всѣми выгодами, жалованьемъ, провіантомъ, порохомъ, свинцомъ, чинами и честію, а вольность на вѣки получатъ. Кто же сего моего указа не послушаетъ, тотъ самъ узнаетъ праведный гнѣвъ противникамъ моимъ».

Веловскій не принялъ возмутительнаго листа и при приближеніи мятежниковъ открылъ огонь изъ ружей, но по малочисленности гарнизона не могъ долго сопротивляться. Толпа Пугачева, разбивъ ворота, ворвалась въ крѣпость. Маіоръ Веловскій съ семействомъ, со всѣми бывшими въ крѣпости офицерами и нѣсколькими нижними чинами, заперся въ комендантскомъ домѣ и поражалъ мятежниковъ изъ оконъ. Казаки хотѣли зажечь домъ, но Пугачевъ, опасаясь, чтобы не сгорѣла вся крѣпость и не пострадали напрасно тѣ, кого онъ намѣренъ былъ склонить на свою сторону, запретилъ поджигать домъ, «а приказалъ онаго коменданта достать такъ». Послѣ довольно долгихъ усилій, мятежники выломали дверь комен-

[1]) Арх. Глав. Штаба. Книга № 1. «Секретныя бумаги и манифесты Пугачева», листъ 8.

дантскаго дома и захвативъ защитниковъ привели къ самозванцу, который приказалъ повѣсить: маіора Веловскаго съ женою, поручика Толбаева и священника. Поверставъ всѣхъ солдатъ въ казаки, забравъ три чугунныя пушки, пять боченковъ пороху, нѣсколько снарядовъ, Пугачевъ двинулся на слѣдующій день къ Нижне-Озерной крѣпости [1]), и на пути уничтожилъ отрядъ капитана Сурина и самого его повѣсилъ [2]).

Нижне-Озерная крѣпость (иначе Столбовая) находилась на берегу Яика, на утесистомъ мысу, и была обнесена бревенчатою стѣной. Гарнизонъ ея состоялъ изъ нѣсколькихъ драгунъ, престарѣлыхъ гарнизонныхъ солдатъ и до 50 человѣкъ поселенныхъ оренбургскихъ казаковъ [3]). Комендантъ крѣпости, маіоръ Харловъ, какъ только узналъ о приближеніи Пугачева, приготовился къ защитѣ. Онъ отправилъ въ Татищеву крѣпость свою молодую жену, дочь тамошняго коменданта Елагина, и распредѣлилъ по стѣнамъ крѣпости свой малочисленный гарнизонъ. Съ наступленіемъ ночи бывшіе въ крѣпости казаки бѣжали въ станъ самозванца, расположившагося вблизи на почлегѣ, а маіоръ Харловъ для ободренія оставшихся гарнизонныхъ солдатъ всю ночь стрѣлялъ изъ пушекъ. Мѣра эта не помогла дѣлу, и комендантъ, видя что гарнизонъ со страхомъ и робостью ожидаетъ прибытія мятежниковъ, приказалъ затопить часть пороха, бывшаго въ крѣпости. Когда утромъ 26 сентября Пугачевъ со своею толпой сталъ подходить къ Нижне-Озерной крѣпости, то маіоръ Харловъ, видя своихъ подчиненныхъ окончательно оробѣвшими, самъ съ фитилемъ въ рукахъ бѣгалъ отъ одного орудія къ другому и производилъ выстрѣлы, хоть и безвредные для непріятеля. По словамъ Пугачева, стрѣльба изъ пушекъ продолжалась часа два, но наконецъ мятежники отбили ворота и ворвались въ крѣпость, причемъ маіоръ Харловъ былъ изрубленъ ка-

---

[1]) Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI, д. №№ 467, 506 и 512.

[2]) Записка Ѳедора Сукина, изложенная имъ въ формѣ письма къ петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга изъ собранія рукописей графа А. Уварова № 559. Я обязанъ А. Ѳ. Бычкову тѣмъ, что имѣлъ возможность воспользоваться этимъ любопытнымъ собраніемъ документовъ.

[3]) Путешествіе академиковъ Палласа и Фалька.

закомъ Давилинымъ и съ нимъ погибло нѣсколько офицеровъ и человѣкъ 10 нижнихъ чиновъ [1]).

Забравъ съ собою по обыкновенію весь уцѣлѣвшій гарнизонъ, годныя пушки и снаряды, Пугачевъ двинулся далѣе къ Татищевой крѣпости, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ регулярными войсками, высланными изъ Оренбурга по распоряженію губернатора Рейнсдорпа.

II.

Положеніе Оренбурга.—Переписка губернатора съ киргизскимъ ханомъ.—Отправленіе отряда бригадира барона Билова на встрѣчу Пугачеву.—Занятіе самозванцемъ Татищевой и Чернорѣченской крѣпостей.—Мѣры къ защитѣ Оренбурга.—Воззваніе Рейнсдорпа къ жителямъ.—Отправленіе въ станъ самозванца ссыльно-каторжнаго Хлопуши.—Занятіе Пугачевымъ Каргалы и Сакмарскаго городка.—Свиданіе Пугачева съ Хлопушей.—Приближеніе толпы мятежниковъ къ Оренбургу. — Воззваніе Пугачева, обращенное къ губернатору и жителямъ.—Отвѣтъ Рейнсдорпа.

До 21 сентября въ Оренбургѣ не только ничего не подозрѣвали о дѣйствіяхъ Пугачева, но и не знали даже, что онъ болѣе мѣсяца находится въ предѣлахъ губерніи. Въ этотъ день прискакалъ въ Оренбургъ илецкій казакъ [2]) съ извѣстіемъ, что городокъ занятъ самозванцемъ и что населеніе встрѣтило его съ хлѣбомъ-солью. Извѣстіе это было сочтено губернаторомъ Рейнсдорпомъ «невѣроятнымъ, потому что прибывшій не привезъ письменнаго рапорта». Рейнсдорпъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы провѣрить на сколько достовѣрно полученное извѣстіе, и вечеромъ 22 сентября совершенно спокойно устроилъ у себя балъ по случаю коронаціи императрицы. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ; общество веселилось, не подозрѣвая объ угрожающей ему близкой опасности

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 512. Пушкинъ, а затѣмъ и другіе авторы статей о пугачевскомъ бунтѣ рисуютъ страшную картину смерти Харлова, но откуда почерпнуты эти свѣдѣнія—Пушкинъ не говоритъ. Разсказъ Пугачева и его сообщниковъ намъ кажется болѣе согласнымъ съ истиною, а потому мы на немъ и остановились.

[2]) Къ сожалѣнію, неизвѣстно кто былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ, но изъ показанія Пугачева видно, что отецъ его былъ приведенъ къ самозванцу въ то время, когда онъ подходилъ къ Нижне-Озерной крѣпости, и за то что послалъ сына, повѣшенъ Твороговымъ.

и предстоящихъ лишеніяхъ. Среди бала былъ полученъ рапортъ коменданта Татищевой крѣпости и начальника ниже-яицкой дистанціи, полковника Елагина, доносившаго о занятіи Пугачевымъ Илецкаго городка. Не придавая и на этотъ разъ серьезнаго значенія успѣхамъ самозванца, Рейнсдорпъ скрылъ полученное донесеніе отъ гостей и самъ до 24 числа не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Въ этотъ промежутокъ времени былъ полученъ рапортъ отъ полковника Симонова и явился въ Оренбургъ посланный отъ Нуръ-Али-хана киргизъ-кайсацкаго.

По отбитіи Пугачева отъ Яицкаго городка, полковникъ Симоновъ и старшина послушныхъ казаковъ Мартемьянъ Бородинъ опасались, чтобы Пугачевъ не склонилъ на свою сторону Нуръ-Али-хана и тѣмъ не увеличилъ бы своихъ силъ. При малѣйшемъ сочувствіи Нуръ-Али-хана самозванцу, киргизы легко могли переправиться черезъ рѣку Яикъ, ворваться въ Астраханскую губернію и опустошить ее. Считая необходимымъ убѣдиться въ видахъ и намѣреніяхъ хана, полковникъ Симоновъ и Мартемьянъ Бородинъ отправили въ степь гонца и просили хана прибыть для совѣта къ мосту, что̀ у Яицкаго городка. Зная отъ Забира, что Пугачевъ личность подозрительная и сомнительно, чтобъ онъ былъ истинный государь, Нуръ-Али откликнулся на призывъ и тотчасъ же пріѣхалъ на свиданіе. Заявивъ, что искренно преданъ императрицѣ, ханъ предлагалъ свои услуги.

— Если вы сами со своею командой управиться можете, говорилъ Нуръ-Али,—то поймайте разбойниковъ, а если силъ вашихъ къ тому доставать не будетъ, то повелите мнѣ, чтобъ я съ моимъ народомъ, учиня поискъ, тѣхъ разбойниковъ поймалъ; только безъ позволенія оренбургскаго губернатора за рѣку Яикъ переѣхать я не въ состояніи (не имѣю права).

— Мы и со своими силами справимся, не заимствуя вашей, отвѣчали Симоновъ и Бородинъ. — Мы и тѣмъ довольны, что вы пріѣхали сюда на совѣтъ.

Не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, Нуръ-Али-ханъ, по возвращеніи въ свой станъ, отправилъ посланнаго въ Оренбургъ съ письмомъ къ Рейнсдорпу, въ которомъ писалъ, что «мы на степи находящіеся люди не знаемъ: сей ѣздящій воръ-ли, или реченный

государь самъ? А для того, что онъ называется государемъ, посланъ былъ отъ меня подъ однимъ претекстомъ нарочный, который возвратясь объявилъ мнѣ, что какой онъ человѣкъ не знаетъ и не опозналъ, токмо борода у него русая. Однако изъ-за сего думалъ я какимъ ни есть случаемъ поймать его, только безъ вашего извѣстія на то не поступилъ» [1]).

Пользуясь, конечно, случаемъ, Нуръ-Али просилъ губернатора возвратить его аманатовъ, отогнанный скотъ и бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Какъ чистый азіятецъ, привыкшій главнѣйшую часть переговоровъ вести на словахъ, чтобы въ случаѣ нужды можно было отказаться отъ заявленнаго, Нуръ-Али поручилъ своему посланному сказать Рейнсдорпу, что онъ готовъ собрать до пяти тысячъ человѣкъ киргизовъ, идти съ ними по слѣдамъ самозванца и разбить его. Губернаторъ отвѣчалъ, также на словахъ, что въ помощи хана нѣтъ надобности, что для разбитія «злодѣя» довольно и однихъ русскихъ войскъ [2]). Въ отвѣтѣ же своемъ Рейнсдорпъ писалъ хану [3]): «Бывшій императоръ Петръ III, какъ всему свѣту извѣстно, въ С.-Петербургѣ скончался и тѣло, въ засвидѣтельствованіе кончины его, нарочно дней съ семь на парадномъ мѣстѣ лежало, которое я самъ видѣлъ и руку его цѣловать удостоился. А тотъ, который въ войскѣ яицкомъ проявился, плутъ и злодѣй, бѣглый донской казакъ именемъ Емельянъ Пугачевъ, коего указомъ ея императорскаго величества сыскивать и поймать велѣно.

«И такъ, увѣряя васъ, высокопочтеннаго хана, прошу, ежели сей злодѣй, съ пріобщившимися къ нему при поискѣ здѣшнихъ командъ, паче чаянія на вашу сторону перебѣжитъ и будетъ искать вашего покровительства, то подчиненнымъ вашимъ киргизъ-кайсакамъ велѣть ихъ разбить и переловить, а особливо онаго плута самозванца, и выдать въ здѣшнюю сторону, за что вы, высокопочтенный ханъ, не только высочайшаго ея импера-

---

[1]) Арх. Главн. Штаба. Книга № 1 «Секретныя бумаги и указы Пугачева».

[2]) О началѣ яицкихъ неспокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады. Госуд. Арх. VI, д. № 435.

[3]) Въ письмѣ отъ 25 сентября. Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1 л. 65.

торскаго величества благоволенія, но и награжденія удостоены быть можете.

«Хотя я съ вами, высокопочтеннымъ ханомъ, и весьма свидѣться бы желалъ, но когда обстоятельства не допустили, то остаюсь съ сожалѣніемъ. Однако прошеніе ваше по справедливости удовольствовать не премину»...

Нуръ-Али-ханъ остался недоволенъ отвѣтомъ Рейнсдорпа и откочевалъ со своими улусами въ глубь степи, а оставшіеся безъ хана киргизы, переправляясь черезъ Яикъ, производили грабежи въ пограничныхъ селеніяхъ.

Отклонивъ содѣйствіе киргизскаго хана и считая достаточнымъ для уничтоженія Пугачева тѣхъ силъ, которыя были въ его распоряженіи, Рейнсдорпъ отправилъ на встрѣчу самозванцу бригадира барона Билова съ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 410 человѣкъ съ шестью полевыми пушками [1]) и съ открытымъ ордеромъ, въ подкрѣпленіе своего отряда, брать въ лежащихъ на пути укрѣпленіяхъ и форпостахъ столько людей, сколько онъ признаетъ нужнымъ. Билову предписано было идти съ отрядомъ къ Илецкому городку, нагнать «злодѣйскую толпу», разбить, и мятежниковъ переловить, «а особливо упомянутаго Пугачева, обѣщая въ награжденіе ежели кто живаго поймавъ представитъ, дачею изъ казны пятисотъ, а буде мертваго, то двухсотъ пятидесяти рублевъ» [2]).

Для содѣйствія барону Билову было приказано полковнику Симонову составить сборный отрядъ изъ частей 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командъ и поручивъ его маіору Наумову, отправить къ Илецкому городку. Сверхъ того, 500 человѣкъ калмыковъ изъ Ставрополя должны были идти прямо на соединеніе съ Биловымъ и Наумовымъ, а для подкрѣпленія Оренбурга вытребованы изъ ближайшихъ селеній 500 человѣкъ башкирцевъ и 300 человѣкъ сепговскихъ татаръ [3]).

---

[1]) Въ составъ отряда вошли: 110 чел. Алексѣевскаго полка, 90 чел. гарнизонныхъ, 150 оренбургскихъ казаковъ и 60 ставропольскихъ калмыковъ.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 25 сентября 1773 г. Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1.

[3]) Тамъ же.

Дѣлая всѣ эти распоряженія, Рейнсдорпъ и не подозрѣвалъ, что въ сущности онъ хлопочетъ для Пугачева и что большая часть калмыковъ, башкирцевъ и татаръ, отправляемыхъ на театръ дѣйствій, перейдутъ на сторону самозванца и увеличатъ его силы.

Баронъ Биловъ выступилъ изъ Оренбурга 24 сентября; онъ не особенно торопился своимъ движеніемъ и только къ ночи 25 сентября пришелъ въ Татищеву крѣпость, находившуюся отъ Оренбурга въ 64 верстахъ. Утромъ 26 числа онъ двинулся къ Нижне-Озерной крѣпости и пройдя 18 верстъ, получилъ рапортъ отъ маіора Харлова, которымъ тотъ доносилъ, что отправленная имъ въ Разсыпную крѣпость команда, подъ начальствомъ капитана Сурина, разбита мятежниками и онъ остался въ крѣпости «безлюденъ». Харловъ просилъ помощи, но баронъ Биловъ, узнавъ о приближеніи Пугачева къ Нижне-Озерной крѣпости и опредѣляя, по слухамъ, силы самозванца въ 3,000 человѣкъ, совѣтовалъ ему спасать себя какъ знаетъ [1]), а самъ остановился въ полѣ и не зналъ на что рѣшиться. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжали два казака, заявившіе, что Пугачевъ уже взялъ Нижне-Озерную крѣпость. Баронъ Биловъ приказалъ тогда сотнику Падурову «сдѣлать изъ обоза осаду», опаясась, чтобы самозванецъ не атаковалъ его врасплохъ. «И такъ, принявъ всѣ предосторожности, простояли до полуночи, люди безъ сна, а лошади безъ корма». Видя изнеможеніе людей, Биловъ спрашивалъ офицеровъ что̀ дѣлать? и всѣ единогласно рѣшили возвратиться въ Татищеву крѣпость и тамъ ожидать прибытія мятежниковъ [2]).

Расположенная на горномъ увалѣ, при рѣчкѣ Камышъ-Самарѣ, за полверсты отъ ея впаденія въ рѣку Яикъ (Уралъ), Татищева крѣпость была построена неправильнымъ четыреугольникомъ, обнесена бревенчатою стѣной, рогатками и имѣла по угламъ деревянныя батареи. Въ крѣпости насчитывалось до 200 обывательскихъ домовъ и находился комендантъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ части Яицкой линіи.

---

[1]) О началѣ яицкихъ неспокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г. Госуд. Арх. VI, д. № 435.

[2]) Показаніе Падурова 10 мая 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 506.

Находясь на сообщеніи Оренбурга съ Самарской линіей и Яикомъ, Татищева крѣпость считалась главнымъ опорнымъ пунктомъ Яицкой линіи и потому въ ней находились склады амуниціи, денежная казна, артиллерія и другіе запасы. Гарнизонъ крѣпости былъ значительно болѣе всѣхъ остальныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, и съ начала весны и до глубокой осени для службы въ Татищевой крѣпости призывались крещеные калмыки и башкирцы, смѣняемые погодно [1]). Однимъ словомъ, съ возвращеніемъ Билова въ Татищеву крѣпость гарнизонъ ея состоялъ не менѣе какъ изъ тысячи человѣкъ и 13 орудій.

Въ ожиданіи приближенія Пугачева, ставропольскіе калмыки, находившіеся въ отрядѣ бригадира Билова, всѣ, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, ушли изъ крѣпости, а на утро, 27 сентября, въ Татищевой увидѣли, что версты за три на горахъ показалась толпа мятежниковъ. Комендантъ крѣпости, полковникъ Елагинъ, какъ человѣкъ храбрый, предлагалъ Билову выдти изъ крѣпости и встрѣтить мятежниковъ въ полѣ, но Биловъ не согласился, и тогда полковникъ Елагинъ выслалъ изъ крѣпости для развѣдыванія о непріятелѣ и опредѣленія силъ мятежниковъ одного офицера и съ нимъ человѣкъ 30 пѣхоты и 20 казаковъ при одномъ орудіи. Едва только команда эта отошла на незначительное разстояніе отъ Татищевой, какъ была атакована и почти уничтожена: офицеръ былъ убитъ, нижніе чины захвачены въ плѣнъ, и только солдатъ 4-го оренбургскаго баталіона Степанъ Колесниковъ съ тремя товарищами успѣли спастись и увезти въ крѣпость пушку. Вслѣдъ за ними подъѣхали человѣкъ шесть или семь яицкихъ казаковъ и требовали, чтобы къ нимъ было выслано изъ крѣпости столько же человѣкъ для переговоровъ. Бригадиръ Биловъ приказалъ сотнику Падурову выслать человѣкъ десять оренбургскихъ казаковъ. Переговоры продолжались недолго.

— Съ нами ѣдетъ государь Петръ Ѳедоровичъ, говорили депутаты Пугачева,—такъ смотрите же, ребята, сдайтесь ему безъ сопротивленія. Если вы не сдадитесь, то мы принуждены будемъ сдѣлать вамъ кровопролитіе.

---

[1]) *Путешествіе Палласа*. Изданіе 1809 г. ч. I, 339. О началѣ яицкихъ неспокойствъ и проч. Госуд. Арх. VI, д. № 435.

— Какой тамъ у васъ Петръ Ѳедоровичъ? отвѣчали оренбургскіе казаки:—всѣмъ извѣстно, что онъ давно скончался.

— Нѣтъ, это неправда; онъ точно живъ, и если у васъ есть такой человѣкъ, который его знавалъ прежде, такъ пошлите его съ нами; государь ничего дурнаго съ нимъ не сдѣлаетъ, а еще будетъ радъ.

Оренбургскіе казаки отказались исполнить послѣднее требованіе и, возвратившись въ крѣпость, передали барону Билову содержаніе переговоровъ. Послѣдній выслалъ казака сказать депутатамъ Пугачева, что все это «враки».

— Государя Петра III нѣтъ больше на свѣтѣ, говорилъ посланный со словъ Билова,—а это самозванецъ и бродяга, бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Мы точно это знаемъ, а потому и не можетъ никогда статься, чтобы мы почли бродягу за государя.

— Когда вы такъ упорствуете, отвѣчали мятежники,—то послѣ на насъ не пеняйте.

Переговоры были прерваны и въ крѣпости замѣтили, что часть толпы направляется къ вершинамъ рѣки Камышъ-Самары. Бригадиръ Биловъ приказалъ тогда сотнику Падурову со всѣми оренбургскими казаками выѣхать въ поле и разсыпаться по степи, надѣясь тѣмъ устрашить мятежниковъ. Какъ только казаки показались изъ крѣпости, толпа Пугачева открыла по нимъ огонь, и бригадиръ Биловъ послалъ Падурову приказаніе возвратиться обратно, но тотъ вмѣстѣ съ казаками передался на сторону самозванца. На выстрѣлы мятежниковъ отвѣчали огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій, но ядра не вредили ихъ толпѣ, а переносились черезъ головы. Пугачевъ раздѣлилъ свои силы на двѣ части: одна, подъ начальствомъ Андрея Витошнова двинулась въ атаку снизу Яика, а другая, подъ предводительствомъ самого самозванца, направилась съ верховой стороны. Бригадиръ Биловъ успѣлъ отбить эту атаку и тогда Пугачевъ, замѣтивъ близъ крѣпостной стѣны стоги съ сѣномъ, приказалъ зажечь ихъ и какъ въ то время вѣтеръ былъ на крѣпость, то за стогами скоро загорѣлись сараи, а потомъ бревенчатая ограда крѣпости и дома обывателей. Большинство защитниковъ бросилось тушить пожаръ и спасать свои се-

мейства и имущество, а мятежники, воспользовавшись этимъ, стали перебираться черезъ палисадъ и рогатки въ крѣпость. Бригадиръ Биловъ и комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою были убиты. Дочь Елагина, бывшая въ замужествѣ за погибшимъ Харловымъ, была захвачена въ плѣнъ, а гарнизонъ не оказалъ почти никакого сопротивленія; солдаты бросали ружья и были выведены изъ крѣпости въ поле. Тамъ въ одной общей и нестройной кучѣ собралось ихъ человѣкъ 300, по которымъ, для страху, мятежники сдѣлали три выстрѣла и убили нѣсколькихъ человѣкъ [1]).

Объѣхавъ Татищеву крѣпость, Пугачевъ приказалъ тушить пожаръ, снять годныя пушки, забрать весь наличный порохъ, снаряды, и затѣмъ отправился къ толпѣ плѣнныхъ. Впереди самозванца бѣжали яицкіе казаки, чтобы предупредить солдатъ о скоромъ его прибытіи.

— Становитесь на колѣни, кричали они,—государь ѣдетъ.

Толпа пала на колѣни и скоро увидѣла предъ собою Пугачева, одѣтаго въ красный казачій кафтанъ, обшитый галунами.

— Что вы надѣлали? спрашивалъ онъ грозно;—развѣ вы меня не знаете? Вѣдь я вашъ императоръ Петръ III. Станете ли вы мнѣ служить вѣрою и правдой?

— Станемъ, ваше величество, отвѣчали солдаты.

— Если такъ, то Богъ васъ проститъ, и я, великій государь, васъ прощаю; ступайте за мною.

Отъѣхавъ съ полверсты отъ крѣпости, Пугачевъ остановился на лугу и послалъ за священникомъ, для приведенія къ присягѣ плѣнныхъ. Онъ потребовалъ къ себѣ составителя присяги сержанта Дмитрія Николаева, но оказалось, что его утопили яицкіе казаки, за то только, что онъ былъ изъ дворянъ и сталъ близкимъ человѣкомъ къ самозванцу. Тогда Пугачевъ призвалъ къ себѣ Ивана Почиталина, и по прибытіи священника Симеона со крестомъ и евангеліемъ, приказалъ ему читать присягу, по окон-

---

[1]) Эти нѣсколько человѣкъ убитыхъ дали случай г. Мордовцеву («Русскіе госуд. дѣятели прошлаго вѣка», «Отеч. Зап.» 1868 г. № 8) написать: «солдатъ и башкирцовъ разстрѣлялъ картечью». Башкирцовъ тутъ не было, точно также невѣрно и то, что у самозванца была «*сильная артиллерія*».

чаніи которой всѣмъ плѣннымъ были острижены волосы и приказано именоваться *государевыми казаками* [1]).

Въ Татищевой Пугачевъ успѣлъ захватить значительную сумму денегъ, большой складъ амуниціи, провіанта, соли, вина и нѣсколько орудій, лучшихъ изо всѣхъ, находившихся на Яицкой линіи.

Паденіе Татищевой крѣпости имѣло весьма важное вліяніе на послѣдующія дѣйствія. Овладѣвъ довольно сильнымъ и важнымъ по своему положенію пунктомъ, Пугачевъ являлся уже не простымъ разбойникомъ, а грознымъ врагомъ, предъ которымъ не могла устоять ни одна изъ лежавшихъ на пути крѣпостей и городковъ.

«Что касается мелкихъ городовъ, доносилъ императрицѣ капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ [2]), которые злодѣй разорилъ до основанія, то брать ему ихъ столь легко можно было, какъ грибы. А хотя въ нихъ въ каждомъ и были воинскія команды, но только одно названіе, а душа, коя должна быть въ томъ званіи, давно на небесахъ, слѣдственно не близко, а вселить оную надобно. Въ доказательство тому довольно и сего: когда въ губерніяхъ служивые люди большею частію хлѣбопашцы, какъ же въ Сорочинской, Татищевой, въ Сакмарѣ и прочихъ крѣпостяхъ не быть промышленникамъ, да они въ томъ и невиновны, для того, что всѣ командиры въ оныхъ мѣстахъ имѣютъ свои хутора и живутъ помѣщиками, а они ихъ данники. Крѣпости же только одно названіе имѣютъ, а чѣмъ были ограждены давно сгнило и въ развалинахъ. Но кто сему неприсмотру виновенъ, о томъ долженъ кто ни есть быть свѣдомъ и дать вамъ, всемилостивѣйшая государыня, отчетъ. А потому и должно быть раздѣленіе, ибо великая разница жить въ службѣ для себя и служить отечеству съ пользою, а чрезъ то сдѣлать угодность вашему величеству».

Положеніе Татищевой давало возможность Пугачеву двинуться или къ Оренбургу, или къ Казани, и конечно, если бы онъ обладалъ достаточнымъ соображеніемъ, то видя къ себѣ столь большое

---

[1]) Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показаніе солдата Степана Колесникова, показаніе сотника Тимоѳея Падурова 10 мая 1774 г. Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Архивъ VI, д. №№ 431, 506 и 512. Письмо Ѳедора Сукина отъ 23 ноября 1773 г. Рукописная книга № 559 изъ собранія гр. А. Уварова.

[2]) Отъ 21 мая 1774 г., Оренбургъ.

сочувствіе, онъ двинулся бы не на окраину Россіи, подъ Оренбургъ, а въ центръ, къ Казани и тогда, при отсутствіи тамъ войскъ, могъ произвести такое замѣшательство, результатъ котораго трудно и предвидѣть. На сколько опасно было бы послѣднее движеніе Пугачева, мы увидимъ изъ общаго очерка хода дѣйствій, а теперь должны сказать, что Пугачевымъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не руководили никакія соображенія: онъ шелъ куда вели его яицкіе казаки, въ понятіяхъ которыхъ овладѣніе Оренбургомъ, какъ главнымъ пунктомъ края, было первою и самою главною цѣлью. Къ Оренбургу они шли еще и потому, что въ случаѣ неудачи имѣли путь отступленія и могли бѣжать въ Золотую Мечеть, Персію или Турцію, куда и звалъ ихъ Пугачевъ...

Послѣ трехдневнаго пиршества, пьянства и неистовствъ въ Татищевой, Пугачевъ двинулся къ Чернорѣченской крѣпости. На половинѣ пути мятежники остановились на хуторѣ статскаго совѣтника Рычкова, гдѣ всю скотину и домашнихъ птицъ перерѣзали, людей и лошадей забрали съ собой, а строеніе выжгли. Престарѣлый комендантъ Чернорѣчья, премьеръ-маіоръ Краузе, отдавъ въ отрядъ Билова бо́льшую часть гарнизона, остался съ людьми больными и къ службѣ неспособными. Еще задолго до приближенія Пугачева онъ донесъ о томъ губернатору и получилъ отъ Рейнсдорпа приказаніе со всѣми оставшимися людьми перейти въ Оренбургъ. Краузе оставилъ Чернорѣченскую крѣпость, но бо́льшая часть жившихъ тамъ казаковъ не согласилась идти съ нимъ, и когда пришелъ самозванецъ, то встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью.

Въ Чернорѣченской крѣпости явилась къ Пугачеву дворовая дѣвка капитана Нечаева, взятаго въ плѣнъ въ Татищевой крѣпости [1]), и жаловалась самозванцу на жестокое обращеніе съ нею господина. Пугачевъ приказалъ повѣсить Нечаева, а дѣвку оставилъ при себѣ, «которая и была всегда при немъ въ стряпухахъ» [2]).

---

[1]) Нечаевъ не былъ въ Чернорѣченской крѣпости командиромъ и не заступалъ мѣста маіора Краузе, какъ говоритъ Пушкинъ въ своей *Исторіи Пугачевскаго бунта*.

[2]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Падурова 10 мая 1774 г., Госуд. Арх. VI, д. № 506 и № 512. Съ этою дѣвкой мы встрѣтимся еще при изложеніи дальнѣйшаго хода событій.

Быстрые успѣхи самозванца произвели огромное впечатлѣніе на разнохарактерное населеніе Оренбургской губерніи, и примѣръ Падурова подъ Татищевой подѣйствовалъ на многихъ: командированные въ числѣ 500 человѣкъ башкирцы не пришли по назначенію и предались самозванцу, а 300 человѣкъ сентовскихъ татаръ, посланные къ Билову, возвратились въ Оренбургъ, жители котораго съ ужасомъ узнали о паденіи Татищевой, разбитіи отряда Билова и о занятіи Пугачевымъ Чернорѣченской крѣпости. Всего 28 верстъ отдѣляли теперь самозванца отъ Оренбурга, и на этомъ пространствѣ не было ни одного пункта, способнаго оказать сопротивленіе мятежникамъ: городъ прямо подпадалъ подъ ихъ удары, а между тѣмъ и онъ находился почти въ беззащитномъ состояніи. За выводомъ большей части полковъ въ дѣйствующія арміи, вся Оренбургская губернія охранялась тремя легкими полевыми командами [1]), нѣсколькими гарнизонными баталіонами и мѣстнымъ казачьимъ населеніемъ. Все это было разбросано на огромномъ протяженіи пограничной линіи, охранявшей наши предѣлы отъ хищничества степныхъ народовъ и, слѣдовательно, не могло быть скоро сосредоточено. Поэтому на первый случай генералъ Рейнсдорпъ предписалъ: 1) коменданту Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру Корфу, командировать въ Оренбургъ съ пяти крѣпостей его дистанціи по 20 человѣкъ, и 2) оренбургскому оберъ-коменданту, генералъ-маіору Валленштерну, собрать немедленно въ городъ всѣхъ солдатъ изъ ближнихъ отлучекъ и указать каждому баталіону, куда собираться по тревогѣ.

Сообщивъ 24 сентября о появленіи Пугачева и объ угрожающей опасности губернаторамъ сибирскому, казанскому, астраханскому и въ подвѣдомственныя ему провинціальныя канцеляріи [2]), генералъ Рейнсдорпъ, на другой день послѣ паденія Татищевой крѣпости, и именно 28 сентября, собралъ совѣтъ, въ составъ котораго были приглашены: оберъ-комендантъ, генералъ-маіоръ Валленштернъ, подполковникъ и легкихъ войскъ войсковой атаманъ

---

[1]) Въ каждой командѣ было: двѣ мушкетерскія роты по 146 нижнихъ чиновъ, 52 егеря, 65 драгунъ и четыре орудія; всего въ трехъ командахъ 1,227 человѣкъ.

[2]) Въ этомъ отношеніи обвиненіе г. Д. Анучинымъ (см. «Первые успѣхи Пугачева», *Воен. Сборн.* 1869 г., № 5) Рейнсдорпа, будто онъ не сообщилъ никому о происшествіяхъ на Яикѣ, совершенно несправедливо.

Могутовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ, коллежскіе совѣтники: Мясоѣдовъ и Тимашевъ, и директоръ пограничной таможни Обуховъ. Совѣщавшіеся положили: 1) у находящихся въ Оренбургѣ конфедератовъ отобрать оружіе и отправить ихъ тотчасъ же по линіи въ безопасныя мѣста, «даже до Троицкой крѣпости», гдѣ велѣть содержать ихъ подъ строгимъ смотрѣніемъ; 2) всѣ мосты чрезъ Сакмару разломать и «комяги» сжечь или, разломавъ, пустить внизъ по рѣкѣ, дабы непріятель употребить ихъ для себя не могъ; 3) сентовскихъ татаръ, жившихъ въ особой слободѣ, извѣстной подъ именемъ Каргалы, взять всѣхъ въ городъ и «велѣть имъ по партіямъ переѣзжать», причемъ тѣхъ, которые имѣютъ оружіе, подчинить коллежскому совѣтнику Тимашеву, а безоружныхъ употреблять для тушенія пожаровъ; 4) привести въ исправное состояніе артиллерію, снабдить ее всѣмъ необходимымъ и поручить въ полное распоряженіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Старова-Милюкова, бывшаго прежде полковникомъ артиллеріи; 5) разночинцамъ, имѣющимъ ружья, назначить мѣста для обороны крѣпости, а безоружныхъ опредѣлить для тушенія могущаго случиться внезапно пожара. Первыхъ подчинить оберъ-коменданту, въ помощь которому назначенъ коллежскій совѣтникъ Мясоѣдовъ, а безоружныхъ подчинить директору таможень Обухову; 6) «вслѣдствіе того, г. оберъ-коменданту дать строжайшіе приказы, чтобы никто отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто назначенъ, хотя бы гдѣ и пожаръ увидѣли, отнюдь не отлучались, а буде кто отлучится, того, въ страхъ другимъ, застрѣлить, и 7) всѣ слабыя мѣста города, которыя требуютъ укрѣпленія, велѣть вышереченному статскому дѣйствительному совѣтнику Старову-Милюкову тотчасъ осмотрѣть, и еслибы къ перелазу способныя усмотрѣны были, оное къ предостереженію надлежащимъ образомъ учредить» [1]).

Послѣднее было особенно необходимо, потому что укрѣпленія Оренбурга были въ весьма плохомъ состояніи. Правда, что въ Петербургѣ считали Оренбургъ крѣпостью, построенною по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства и вооруженною 70 орудіями

[1]) Постановленіе совѣта, приложенное къ рапорту Рейнсдорпа въ военную коллегію, отъ 28 сентября. Архивъ Главнаго Штаба, кн. № 1.

разныхъ калибровъ. Укрѣпленія Оренбурга состояли изъ десяти земляныхъ бастіоновъ и двухъ полубастіоновъ, примыкавшихъ къ крутому, правому берегу рѣки Яика. Между бастіонами было устроено четыре выхода изъ города: сѣверный или главный на казанскую или новомосковскую дорогу; восточный—на Егорьевскую слободу, находившуюся тотчасъ за городскимъ рвомъ, и два западныхъ выхода: одинъ за Мѣновой дворъ за рѣкой Яикомъ, а другой по дорогѣ на Чернорѣченскую крѣпость. Таковъ былъ планъ крѣпости, для постройки которой одиннадцать лѣтъ жили въ Оренбургѣ инженерные генералъ-маіоры: сначала Этингеръ, а потомъ Дирсенъ, успѣвшіе одѣть камнемъ только три бастіона, а остальные не были даже окончательно насыпаны. Забота ихъ о скорѣйшемъ приведеніи работъ къ окончанію была такъ мала, что ровъ, окружающій городъ, былъ на столько заваленъ пескомъ, глиною и землей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туземцы переѣзжали его на телѣгахъ, въ другихъ — верхами, и только тамъ нельзя было пробраться въ городъ, гдѣ ко рву прилегала каменная стѣна. Ровъ не былъ обнесенъ ни рогатками, ни палисадомъ, а въ крѣпостныхъ воротахъ не было затворовъ[1]).

Въ такомъ видѣ крѣпость не могла оставаться въ ожиданіи прибытія мятежниковъ, и потому тотчасъ же приступлено къ очищенію рва, къ устройству въ разныхъ мѣстахъ рогатокъ и рѣшено городскія ворота завалить навозомъ. Съ этою цѣлью «у каждыхъ воротъ нарочно навозъ былъ заготовленъ»; но вскорѣ распоряженіе это было отмѣнено, какъ ненужное и затруднительное.

Тогда же приведена была въ извѣстность численность защитниковъ, между которыми и распредѣлены пункты обороны города. При этомъ оказалось, что со всевозможными натяжками для защиты Оренбурга можно было собрать 2,906 человѣкъ[2]), изъ которыхъ собственно регулярныхъ солдатъ было только 174 человѣка[3]), гарнизонныхъ—1,314 человѣкъ, рекрутъ—105, казаковъ—

[1]) Рукописная книга № 559 изъ собранія гр. А. Уварова. Письмо Ѳедора Сукина петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г.

[2]) Къ этому числу надо прибавить 82 человѣка артиллерійскихъ и инженерныхъ служителей, которыхъ было далеко недостаточно для дѣйствія изъ орудій.

[3]) Алексѣевскаго пѣхотнаго полка 134 человѣка и 40 человѣкъ прибывшихъ съ арестантами изъ Архангельской губерніи.

467, татаръ—350 и отставныхъ солдатъ вмѣстѣ съ обывателями 496 человѣкъ. Изъ этого числа гарнизонные солдаты были по преимуществу люди престарѣлые и плохо вооруженные, рекруты только-что собраны и необучены, татары ненадежны, отставные солдаты калѣки, а обыватели вовсе не вооружены. Что же касается бо̀льшей части офицеровъ, говоритъ современникъ, «то о томъ лучше я умолчу» [1]).

Съ такимъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ стариковъ, людей неподвижныхъ или небывавшихъ на войнѣ, Рейнсдорпу трудно было выдти въ поле, и безъ обоза, съ плохимъ вооруженіемъ дѣйствовать противъ коннаго непріятеля, неимѣющаго точно опредѣленной цѣли и быстро возроставшаго въ численности своихъ силъ.

Почти ежедневно въ Оренбургѣ получались извѣстія, что сосѣднія селенія инородцевъ принимаютъ сторону мятежниковъ, а 30 сентября было получено донесеніе коменданта Верхне-Озерной дистанціи бригадира Корфа о замѣшательствѣ между находящимися на службѣ калмыками, которые, по его словамъ, самовольно уходятъ съ форпостовъ. Генералъ Рейнсдорпъ предложилъ Корфу собрать съ форпостовъ всѣхъ людей и орудія въ Верхне-Озерную крѣпость, гарнизонъ Пречистенской крѣпости съ орудіями отправить въ Оренбургъ, а находящимся въ его дистанціи конфедератамъ «толковать, если они противъ непріятеля съ ревностію поступать будутъ и усердіе свое въ вѣрности докажутъ, то объ отпускѣ ихъ въ отечество къ ея императорскому величеству представлено будетъ» [2]).

При такихъ условіяхъ оренбургскій губернаторъ совершенно основательно оцѣнилъ значеніе Оренбурга и важность удержанія его за собою; но рѣшившись защищать городъ, Рейнсдорпъ сдѣлалъ большую ошибку, что не обезпечилъ жителей провіантомъ, который, по словамъ Рычкова, оставался въ брошенной Чернорѣченской крѣпости, и, сверхъ того, могъ быть закупленъ у окрест-

[1]) Письмо Ѳедора Сукина отъ 25 ноября 1773 г.

[2]) Экстрактъ происшествій въ Оренбургѣ, приложенный къ донесенію Рейнсдорпа Сенату отъ 25 ноября 1773 г. Архивъ кабинета Его Императорскаго Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

ныхъ обывателей, въ теченіе нѣсколькихъ дней свободно пріѣзжавшихъ въ городъ «съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ» [1]).

Если затѣмъ оренбургскій губернаторъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей этой эпохи, и не подлежитъ упреку относительно военныхъ мѣръ имъ принятыхъ, то политическія его дѣйствія ниже всякой критики: это рядъ ошибокъ, послужившихъ къ усиленію Пугачева.

Скрывая весьма долгое время отъ жителей истинное положеніе дѣлъ, Рейнсдорпъ лишилъ ихъ возможности запастись продовольствіемъ и далъ пищу различнаго рода толкамъ, особенно усилившимся съ появленіемъ въ городѣ агента самозванца.

Послѣ овладѣнія Чернорѣченскою крѣпостью, Пугачевъ отправилъ въ Оренбургъ захваченнаго въ Чернорѣчьѣ отставнаго сержанта Ивана Костицына и находившагося въ Разсыпной крѣпости ссыльнаго Семена Демидова. Онъ поручилъ имъ подговорить жителей, чтобы сдались безъ сопротивленія, и если представится случай, то убить губернатора. Подъѣхавъ къ Оренбургу, Демидовъ изъ боязни вернулся обратно въ станъ самозванца и «сказалъ ложно, что въ городѣ былъ и уговаривалъ жителей, но они на то не соглашаются» [2]), а сержантъ Костицынъ пробрался въ городъ и, пока его схватили, успѣлъ поработать въ пользу мятежниковъ.

По городу стали ходить слухи, что Пугачевъ не простой казакъ, а «другаго состоянія», и что Петръ III дѣйствительно живъ и успѣлъ скрыться изъ Петербурга. Для разсѣянія этихъ толковъ Рейнсдорпъ приказалъ оренбургской губернской канцеляріи написать воззваніе къ жителямъ, которое въ воскресенье, 30 сентября, и было прочитано во всѣхъ церквахъ, по окончаніи службы.

Воззваніе это было слѣдующаго содержанія [3]):

«По указу ея императорскаго величества, изъ Оренбургской губернской канцеляріи публикація.

«Извѣстно учинилось, что о злодѣйствующемъ съ яицкой сто-

---

[1]) Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, А. С. Пушкина.

[2]) Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI, д. № 467.

[3]) Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, соч. А. С. Пушкина.

роны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, якобы онъ другаго состоянія нежели какъ есть; но онъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣйства *наказанъ кнутомъ, съ поставленіемъ на лицѣ его знаковъ; но чтобъ онъ въ томъ познанъ не былъ, для того передъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ*, почему нѣкоторые изъ здѣшнихъ, бывшихъ у него въ рукахъ, самовидцы, изъ которыхъ одинъ, солдатъ Демидъ Куликовъ, вчера выбѣжавшій, точно засвидѣтельствовать можетъ. А какъ онъ Пугачевъ съ измѣнническою его толпой, по учиненіи нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложнаго разглашенія всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ объявляется, что всякъ самъ изъ поступковъ можетъ понять, что онъ Пугачевъ злодѣй и какъ извержанный отъ честнаго общества, старается вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества честныхъ рабовъ поколебать и ввергнуть въ бездну погибели, а притомъ имѣніемъ ихъ обогатиться, какъ то онъ въ разоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего всякій увѣщевается: во время наступленія его съ измѣнническою толпой стараться, для сохраненія общества, дому и имѣнія своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своея, такъ, какъ вѣрноподданнымъ ея императорскаго величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждаго должность обязуетъ, и отнюдь никакимъ ложнымъ разглашеніямъ не вѣрить».

Одновременно съ чтеніемъ этой публикаціи въ церквахъ, губернаторъ поручилъ оберъ-коменданту объявить ее и войскамъ, съ подтвержденіемъ, чтобы каждый добросовѣстно исполнялъ «присяжную свою должность» и съ назначеннаго ему мѣста до послѣдней капли крови не отступалъ. Всѣ войска были разставлены вдоль оборонительной линіи укрѣпленій, раздѣленной на семь участковъ, причемъ къ каждому изъ 70 орудій было назначено по пяти человѣкъ прислуги [1]).

Публикація губернской канцеляріи не успокоила населенія, а

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 25 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба. Книга № 2. «Секретныя бумаги и манифесты Пугачева».

напротивъ того, разъяснила ему всю угрожающую опасность, для устраненія которой войскъ было недостаточно и жители призывались къ самозащитѣ. Съ другой стороны, «публикація» послужила въ пользу Пугачева, пеимѣвшаго на лицѣ наложенныхъ знаковъ, скрываемыхъ подъ шапкой. Оренбургскіе жители, показывалъ впослѣдствіи Пугачевъ [1]), «твердили часто, что я Пугачевъ и бѣглый казакъ, однако же мои не вѣрили и говорили противное. Тутъ же говорено было, да и письменно знать дано, что будто я битъ кнутомъ и рваны ноздри, а какъ онаго никогда не было, то сіе не только въ толпѣ моей развратy не причинило, но еще увѣреніе вселяло, ибо у меня ноздри цѣлы и потому еще больше вѣрили, что я государь».

Такимъ образомъ Рейнсдорпъ сдѣлалъ важную ошибку, допустивъ ложь въ столь серьезномъ дѣлѣ; но ошибка эта была не единственная и вслѣдъ за чтеніемъ публикаціи была сдѣлана вторая. По совѣту коллежскихъ совѣтниковъ Мясоѣдова и Тимашева, губернаторъ поручилъ послѣднему потребовать ссыльно-каторжнаго Хлопушу къ себѣ въ домъ, куда и самъ вскорѣ пріѣхалъ [2]). Хлопуша былъ человѣкъ, лѣтъ двадцать воровавшій и разбойничавшій въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, человѣкъ съ вырванными ноздрями, съ поставленными на лицѣ знаками, два раза бѣгавшій изъ Сибири, четыре раза битый кнутомъ и, наконецъ, содержавшійся скованнымъ по рукамъ и ногамъ въ оренбургскомъ острогѣ [3]).

---

[1]) Показаніе Пугачева 16 сентября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 506

[2]) О началѣ яицкихъ неспокойствъ, записка Обухова. Рукописная книга изъ собранія гр. А. Уварова № 559.

[3]) Родившись въ сел. Мошковичъ, Тверской губерніи, Хлопуша былъ крестьяниномъ вотчины тверскаго архіерея Митрофана и по паспорту жилъ въ Москвѣ, въ извозчикахъ. Познакомившись съ двумя солдатами Коломенскаго полка, онъ вмѣстѣ съ ними былъ пойманъ въ воровствѣ серебряныхъ вещей. Назвавшись въ допросѣ бѣглымъ солдатомъ Черниговскаго полка, Хлопуша былъ отосланъ въ военный кригсрехтъ и по конфирмаціи былъ прогнанъ сквозь строй шесть разъ черезъ тысячу человѣкъ. Послѣ наказанія Хлопуша былъ отосланъ въ команду къ маіору Есипову, для содержанія съ такими же бѣглыми, откуда черезъ мѣсяцъ бѣжалъ въ свой домъ, гдѣ и жилъ на свободѣ года съ три. Будучи въ Торжкѣ, онъ вымѣнялъ краденую лошадь, былъ оговоренъ и содержался подъ карауломъ. Преосвященный Митрофанъ по просьбѣ крестьянъ заявилъ тверской провинціальной канцеляріи, что Хлопуша человѣкъ весьма дурнаго поведенія и что обыватели не же-

— Я посылаю тебя, Хлопуша, на службу, говорилъ Рейнсдорпъ; — возьми ты четыре указа и поѣзжай въ толпу Пугачева: одинъ отдай яицкимъ казакамъ, другой илецкимъ, третій оренбургскимъ, а четвертый самому Пугачеву; разсказывай всѣмъ, что онъ не государь, и если подберешь партію, то постарайся увезти Пугачева въ Оренбургъ.

Хлопуша, конечно, охотно согласился снять съ себя кандалы и получить свободу. Ему были переданы не указы, а увѣщевательныя письма, подписанныя наличными генералами и штабъ-офицерами. Въ этихъ письмахъ Рейнсдорпъ и всѣ подписавшіе ихъ уговаривали казаковъ, не вдавая себя въ обманъ и «не ввергаясь въ вящшую свою погибель», отстать отъ самозванца. Чтобы не смѣшать писемъ и знать какое кому адресовано, Хлопуша разложилъ ихъ по разнымъ карманамъ и ночью отправился къ Пугачеву, который не воспользовался, повидимому, выгодами своего близкаго положенія къ Оренбургу и на нѣсколько дней отдалился отъ города.

Отъ Чернорѣчья до Оренбурга было всего 28 верстъ, и если бы Пугачевъ шелъ не останавливаясь, то легко могъ овладѣть городомъ; но заявленіе Демидова, что жители Оренбурга не соглашаются его принять, заставило Пугачева подумать объ увеличеніи своихъ силъ, и потому онъ охотно принялъ приглашеніе татаръ Сеитовской слободы побывать у нихъ, а затѣмъ, съ тою же цѣлью увеличенія своей толпы, онъ рѣшилъ соединиться съ яицкими каза-

---

лаютъ принять его къ себѣ въ общество. Хлопуша былъ высѣченъ кнутомъ и отправленъ на жительство въ Оренбургскую губерніо. Поселившись въ Бердинской слободѣ, близъ Оренбурга, Хлопуша женился и ходилъ на работу къ коллежскому совѣтнику Тимашеву, въ село Никольское, потомъ работалъ на Покровскомъ графа А. И. Шувалова мѣдномъ заводѣ. Узнавъ, что съ Ирбитской ярмарки возвращаются четыре татарина на шести лошадяхъ съ деньгами и товаромъ, Хлопуша подговорилъ двухъ крестьянъ и вмѣстѣ съ ними отправился на грабежъ. Связавъ татаръ, грабители отняли у нихъ 28 руб. денегъ, 6 бумажныхъ халатовъ, 12 мерлушекъ и шесть лошадей, но впослѣдствіи были пойманы, и Хлопуша вторично былъ наказанъ кнутомъ, съ вырваніемъ поздрей, съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ и посланъ въ каторжную работу въ Тобольскъ. Изъ Тобольска онъ бѣжалъ съ намѣреніемъ пробраться въ Берду, гдѣ жила его жена, но въ Сакмарѣ былъ пойманъ, третій разъ высѣченъ кнутомъ и отправленъ въ Омскую крѣпость. Черезъ мѣсяцъ онъ бѣжалъ изъ Омска, былъ опять пойманъ въ Сакмарѣ, высѣченъ четвертый разъ кнутомъ, закованъ въ желѣза и оставленъ въ оренбургской тюрьмѣ.

ками, жившими въ Сакмарскомъ городкѣ. Повернувъ въ лѣвую сторону, самозванецъ двинулся степью на Сентовскую слободу, извѣстную также подъ именемъ Каргалинской, и тѣмъ далъ возможность жителямъ Оренбурга и его гарнизону приготовиться къ защитѣ.

По дорогѣ къ Каргалу Пугачевъ разграбилъ многіе хутора, въ томъ числѣ и губернаторскій, только за годъ предъ тѣмъ построенный, богато отдѣланный и состоявшій изъ 12 прекрасныхъ комнатъ. При хуторѣ была «съ хорошимъ украшеніемъ» церковь, въ которую яицкіе казаки и татары въѣзжали верхомъ на лошадяхъ и разграбили богатую ризницу со всею утварью. Впослѣдствіи у пойманныхъ мятежниковъ находили образа, писанные на холстѣ, вмѣсто потниковъ подъ сѣдлами, «а у Распятія Господня, которое надъ царскими дверьми стояло, усмотрѣнъ гвоздь въ уста пробитый».

Помѣстившись на нѣсколько часовъ въ губернаторскомъ домѣ и устроивъ здѣсь попойку, Пугачевъ приказалъ перебить всѣ стекла въ окнахъ и зеркала, изрубить стулья, столы, канапе и кровати. Шелковыя занавѣски и сукно, которымъ были устланы полы, мятежники взяли съ собою [1]).

— Вотъ, господа, говорилъ самозванецъ, смотря на разрушеніе прекраснаго дома,—какъ славно живутъ мои губернаторы, а на что имъ такіе покои, когда я самъ, какъ видите, живу просто.

Въ полдень 1 октября Пугачевъ со своею толпой пріѣхалъ въ деревню Каргалу, гдѣ жители давно приготовились къ встрѣчѣ: на площади разостлали коверъ и поставили парадный стулъ. Какъ только Пугачевъ подъѣхалъ и сталъ слѣзать съ лошади, двое татаръ подхватили его подъ руки, а всѣ остальные, снявъ шапки, пали на землю и лежали до тѣхъ поръ, пока самозванецъ не сѣлъ на приготовленный ему стулъ.

— Вставайте, дѣтушки, говорилъ Пугачевъ, ободряя жителей,— гдѣ у васъ люди хорошіе (т.-е. почтенные представители)?

---

[1]) Сказаніе о Пугачевѣ оренбургскаго священника Ивана Полянскаго. Госуд. Арх. VI, д. № 525. Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта* А. С. Пушкина.

— Въ Оренбургъ всѣ забраны, отвѣчали татары, и стали подходить къ самозванцу и цѣловать протянутую имъ руку.

Приглашеніе татаръ зайти въ ихъ Каргалинскую слободу навело самозванца и его ближайшихъ совѣтниковъ на мысль, что и прочіе инородцы также добровольно и охотно покорятся ихъ власти. «По настоянію Овчинникова, говорилъ Пугачевъ [1]), и однимъ словомъ всѣхъ яицкихъ казаковъ и каргалинскихъ татаръ», онъ рѣшился отправить указъ башкирцамъ, и 1 октября каргалинскій татаринъ скакалъ въ Башкирію съ указомъ самозванца, слѣдующаго содержанія [2]):

«Я во свѣтѣ всему войску и народамъ учрежденный великій государь, явившійся изъ тайнаго мѣста, прощающій народъ и животныхъ въ винахъ, дѣлатель благодѣяній, сладоязычный, милостивый, мягкосердечный россійскій царь императоръ Петръ Ѳедоровичъ во всемъ свѣтѣ вольный, въ усердіи чистъ и разнаго званія народовъ содержатель и проч., и проч., и проч.

«На семъ свѣтѣ живущему въ городахъ и крѣпостяхъ мнѣ подданному, благодѣтельному и продерзательному народу съ домашними, т.-е. съ дѣтьми и женами, объявляется сей мой указъ во всѣхъ сторонахъ, какъ-то: на всѣхъ дорогахъ, мѣстахъ, деревняхъ, на перекресткахъ и улицахъ публикуется.

«За нужное нашелъ я желающимъ меня показать и для отворенія на сихъ дняхъ пространно милостивой моей двери, послать нарочнаго къ башкирской области старшинамъ, деревенскимъ старикамъ и всѣмъ малымъ и большимъ; тѣмъ какъ гостинецъ посылаю мои поздравленія. Заблудившіе и изпуренные, въ печали находящіеся, по мнѣ скучавшіе услыша мое имя, ко мнѣ идти, у меня въ подданствѣ и подъ моимъ повелѣніемъ быть желающіе, безо всякаго сумненія идите и какъ прежде сего ваши отцы и дѣды моимъ отцамъ и дѣдамъ же служа выходили противъ злодѣевъ въ походы, проливали кровь, а съ пріятелями были пріятели, такъ и вы ко мнѣ вѣрно, душевно и усердно, безсумненно къ моему свѣтлому лицу и сладоязычному вашему государю, для похода безъ измѣны и

---

[1]) Въ показаніяхъ отъ 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 512.

[2]) Госуд. Арх. VI, д. № 504.

премѣненія сердцовъ и безъ криводушія въ подданство и въ мои повелѣнія идите. А особливо первая надежда на Бога на семъ свѣтѣ, мнѣ вольному вашему государю служа душъ вашихъ не пожалѣйте, противъ моего непріятеля проливать кровь, когда прикажется быть готовымъ, то изготовьтесь. А что вѣрно я, то для увѣренія васъ своею рукой во всѣ стороны, какъ то и къ вамъ указы посылалъ.

«Слушайте! когда на сію мою службу пойдете, такъ и я васъ помилую, а что я вашъ подлинно милостивый государь, признавайте и вѣрьте. Нынѣ я васъ, во-первыхъ, даже до послѣдка землями, водами, лѣсами, жительствами, травами, рѣками, рыбами, хлѣбомъ, пашнями, денежнымъ жалованьемъ, свинцомъ и порохомъ, какъ вы желали, пожаловалъ по жизнь вашу и пребывайте такъ, какъ степные звѣри въ благодѣяніяхъ и продерзостяхъ, всѣхъ васъ пребывающихъ на свѣтѣ освобождаю и даю волю дѣтямъ вашимъ и внучатамъ вѣчно.

«Повелѣнія мои послушайте и исполните. А что точно вашъ государь самъ идетъ, то съ усердіемъ вашимъ, для смотрѣнія моего свѣтлаго лица встрѣчу выѣзжайте. А я уповаю на Бога и вамъ подтверждаю отъ такихъ продерзостей размышляй на себя сумненія не возлагайте. Когда же кто на приказанія боярскія въ скоромъ времени положась измѣнитъ и повстрѣчастся моему гнѣву, то таковые отъ меня благодѣянія уже не ожидайте и милости не просите и къ гнѣву моему прямо не идите. Сіе дѣйствительно Божіимъ именемъ подъ присягою я сказываю, послѣ истинно не прощу.

«Доброжелатель великій императоръ государь Петръ Ѳедоровичъ и царь самъ третій руку приложилъ.

«Сей мой указъ писанъ и скрѣпленъ по исходѣ сентября мѣсяца во вторникъ, то-есть въ Покровъ» [1]).

Отправивъ этотъ указъ и приказавъ всѣмъ каргалинскимъ татарамъ приготовиться къ походу, Пугачевъ 2 октября направился къ Сакмарскому городку.

---

[1]) На конвертѣ было написано: «Между народомъ красивый и сладоязычный сей написанный указъ, отъ высоковременнаго и высокопочтеннаго, величайшаго императора и царя Петра Ѳедоровича слѣдуетъ въ Башкирскую область».

За нѣсколько дней до его прихода была прислана въ городокъ изъ Оренбурга небольшая команда Алексѣевскаго полка, при двухъ офицерахъ, которымъ атаманъ Донской сдалъ бывшія въ городкѣ четыре пушки, порохъ и боевые заряды, а самъ уѣхалъ въ Оренбургъ. Недостатокъ войскъ въ Оренбургѣ заставилъ Рейнсдорпа вытребовать эту команду обратно, приказать всѣмъ престарѣлымъ и малолѣтнимъ казакамъ съ семействами переселиться въ Красногорскую крѣпость, а атаману Донскому со служащими казаками, оставивъ только въ городкѣ 20 человѣкъ для почтовой гоньбы, идти въ Оренбургъ. Такъ какъ атамана Донскаго не было въ городкѣ, то оставшійся послѣ него старшимъ есауломъ Яковъ Крушинъ собралъ къ себѣ престарѣлыхъ казаковъ и приказалъ имъ приготовиться къ переселенію съ семействами въ Красногорскую крѣпость.

— Зачѣмъ намъ туда идти? говорили казаки:—пойдемъ лучше въ Оренбургъ.

Казаки просили Крушина съѣздить въ Оренбургъ и испросить на то позволеніе губернатора. Возвратившись въ тотъ же день обратно, Крушинъ объявилъ, что ему приказано забрать изъ города порохъ, всѣ снаряды и идти въ Оренбургъ только со служащими казаками.

— А вы какъ хотите, говорилъ онъ старикамъ,—буде желаете, то идите въ Красногорскую крѣпость, а если не желаете, то оставайтесь дома.

Положивъ орудія и припасы на подводы и взявъ всѣхъ служащихъ казаковъ, Крушинъ отправился въ Оренбургъ, а для почтовой гоньбы и управленія престарѣлыми и малолѣтками оставилъ станичнаго писаря Ивана Бородина.

Въ ночь съ 1 на 2 октября пріѣхали въ Сакмарскій городокъ нѣсколько человѣкъ яицкихъ казаковъ, въ томъ числѣ Максимъ Шигаевъ и Петръ Митрясовъ, шуринъ Донскаго. Остановившись въ домѣ атамана, они поручили Дмитрію Донскому, отцу атамана, собрать къ себѣ народъ. Увидѣвъ въ числѣ собравшихся священника Ивана Михайлова, Шигаевъ и Митрясовъ обратились прежде всего къ нему.

— Здравствуй, батюшка, говорили они,—мы пріѣхали къ вамъ съ указомъ отъ государя.

— Государь скончался, замѣтилъ священникъ.

— Врешь, батька, онъ живъ, а вмѣсто него погребенъ другой; вотъ и указъ его, читай.

— Я плохо вижу, отвѣчалъ священникъ.

Тогда прибывшіе предложили прочитать указъ писарю Бородину. Подъ предлогомъ глазной болѣзни, Бородинъ также отказался отъ чтенія и бумага эта была передана жившему въ Сакмарскомъ городкѣ отставному солдату Степану Подхилимову. По прочтеніи манифеста, въ которомъ требовалось, чтобы всѣ были покорны и служили императору Петру III, яицкіе казаки уѣхали, предупредивъ народъ, что завтра будетъ въ городокъ самъ государь.

На утро 2 октября пріѣхало въ Сакмарскъ человѣкъ 30 казаковъ и, объявивъ собравшемуся у станичной избы народу, что государь Петръ Ѳедоровичъ съ арміей слѣдуетъ въ городокъ, требовали, чтобы населеніе встрѣтило его съ хлѣбомъ-солью. Сакмарцы повиновались. Попъ Иванъ Михайловъ взялъ крестъ, дьячокъ Максимъ Ѳедоровъ—образъ, а старики-казаки хлѣбъ-соль и въ сопровожденіи толпы пошли за городъ до околицы, гдѣ на избранномъ мѣстѣ разостлали кошму (войлокъ), поставили на ней столъ, положили на немъ хлѣбъ-соль, а для самозванца поставили стулъ. Какъ только показался Пугачевъ, ѣхавшій верхомъ, населеніе сняло шапки, а когда сталъ сходить съ лошади, то всѣ пали на землю. Самозванецъ приложился ко кресту, поцѣловалъ хлѣбъ-соль и сѣлъ на стулъ.

— Вставайте, дѣтушки, произнесъ Пугачевъ и протянулъ свою руку, которую сакмарцы, подходя поочередно, съ почтеніемъ цѣловали.

— Гдѣ ваши казаки? спросилъ самозванецъ.

— Одни на службѣ, а другіе забраны въ Оренбургъ, отвѣчали ему,—а для почтовой гоньбы оставлено двадцать человѣкъ, да и тѣхъ здѣсь нѣтъ.

— Чтобы были, сказалъ строго Пугачевъ, обращаясь къ священнику;—для того тебѣ приказываю, что ты священникъ и атаманъ, а если не сыщете, то только и жить будете.

По окончаніи цѣлованія руки, Пугачевъ сѣлъ опять на лошадь и при колокольномъ звонѣ отправился въ городокъ, и прямо въ

церковь, гдѣ священникъ Михайловъ служилъ молебенъ и упоминалъ имя императора Петра III. Послѣ молебна самозванецъ отправился въ домъ атамана, а бо̀льшая часть его толпы, переправившись чрезъ рѣку Сакмару по мосту, расположилась лагеремъ недалеко отъ городка.

Старикъ Дмитрій Донской, отецъ атамана, приготовилъ обѣдъ для Пугачева и его приближенныхъ.

— Если бы сынъ твой, говорилъ ему самозванецъ, — былъ здѣсь и при своей командѣ, то обѣдъ вашъ былъ бы высокъ и честенъ, но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Сынъ твой какой атаманъ, если свое мѣсто покинулъ?

Сытно пообѣдавъ, и пьяный конечно, Пугачевъ хотѣлъ было достойнымъ образомъ отблагодарить хозяина. Онъ приказалъ взять Дмитрія Донскаго и повѣсить за измѣну сына, но приближенные испросили помилованіе и старикъ отдѣлался тѣмъ, что былъ закованъ и посаженъ въ станичную избу; домъ же атамана былъ разграбленъ. Самозванецъ отправился въ лагерь, гдѣ и ночевалъ. На другой день толпа задержала въ разныхъ мѣстахъ трехъ человѣкъ, высланныхъ изъ Оренбурга для разузнанія о мятежникахъ. Пугачевъ приказалъ ихъ повѣсить, а вслѣдъ затѣмъ ему доложили о прибытіи изъ Сакмарска казаковъ, оставленныхъ для почтовой гоньбы. Самозванецъ обошелся съ ними ласково и приказалъ имъ присоединиться къ своей толпѣ [1]).

— Сколько изволите приказать взять съ собою провіанта? спрашивали казаки.

— Возьмите съ собою краюшку хлѣба, отвѣчалъ Пугачевъ,— вы проводите меня только до Оренбурга.

Отпустивъ казаковъ обратно въ городокъ для приготовленія къ походу, Пугачевъ остался съ Шигаевымъ и среди разговора замѣтилъ, что къ нимъ приближается человѣкъ съ вырванными ноздрями и поставленными на лицѣ знаками. То былъ Хлопуша.

---

[1]) Показанія священника гор. Сакмары Ивана Михайлова, сотника Тимоѳѣя Падурова 10 мая 1774 г. и станичнаго писаря Ивана Бородина 13 мая 1774 г. Гос. Арх. VI, д. №№ 467 и 506. Показаніе крестьянина села Богоруслана Алексѣя Кирилова 7 октября 1773 г. Архивъ Главн. Штаба. Кн. № 1, листъ 49.

Выйдя ночью изъ Оренбурга и зная гдѣ искать самозванца, Хлопуша направился въ свою родную слободу Берду и на дорогѣ встрѣтился со знакомымъ ему кузнецомъ Сидоромъ.

— Не знаешь ли гдѣ стоитъ Пугачевъ? спросилъ онъ кузнеца.

— Онъ стоитъ на Старицѣ рѣки Сакмары, на самомъ берегу, отвѣчалъ Сидоръ, а чтобы тебѣ примѣтно было, то увидишь повѣшенныхъ трехъ человѣкъ.

Хлопуша отправился по указанію и подойдя къ Пугачеву и Шигаеву, поклонился.

— Ты что за человѣкъ и откуда? спросилъ самозванецъ.

— Это, ваше величество, Хлопуша, самый бѣдный человѣкъ, сказалъ Шигаевъ, сидѣвшій съ каторжникомъ въ одномъ острогѣ въ Оренбургѣ, когда судились яицкіе казаки.

Хлопуша подалъ Пугачеву всѣ четыре пакета, данные ему Рейнсдорпомъ. Самозванецъ приказалъ положить ихъ къ себѣ на столъ и накормить Хлопушу, а самъ отправился съ молодыми казаками въ степь, на скачку и джигитовку. Возвратившись въ свою кибитку, Пугачевъ потребовалъ къ себѣ Хлопушу.

— Кто ты и откуда? повторилъ самозванецъ свой вопросъ.

— Я оренбургскій ссыльный и присланъ къ тебѣ отъ оренбургскаго губернатора, съ тѣмъ чтобы въ толпѣ вашей людямъ отдать указъ, коимъ повелѣно, чтобъ отъ тебя народъ отсталъ и пришелъ къ ея величеству съ повинною, да и тебя бы изловили. Мнѣ приказано также, чтобъ у тебя сжечь порохъ и заклепать пушки, но я этого ничего дѣлать не хочу, а желаю послужить вамъ вѣрою и правдой.

— Развѣ лучше тебя, говорилъ шутя Пугачевъ, — некого было губернатору послать?

— Я, ваше величество, этого не знаю, отвѣчалъ Хлопуша.

— Знать у губернатора только и дѣло, что людей бить кнутомъ да ноздри рвать.

Самозванецъ приказалъ своему секретарю Почиталину подать ему пакеты, принесенные Хлопушею, распечаталъ ихъ и, показывая видъ будто читаетъ, повертѣлъ предъ глазами, а затѣмъ приказалъ разорвать и бросить въ огонь.

— Что же ты, Хлопуша, спросилъ Пугачевъ,—въ Оренбургъ хочешь ѣхать обратно, или у меня служить?

— Зачѣмъ мнѣ, батюшка, въ Оренбургъ ѣхать, я желаю вашему величеству служить.

— Полно, ты подосланъ къ намъ, говорилъ Овчинниковъ,— и подмѣтя все, уйдешь отсюда. Лучше скажи правду, а то повѣсимъ.

— Я всю правду сказалъ, отвѣчалъ Хлопуша.

— Есть ли же у тебя деньги? спросилъ самозванецъ.

— Четыре алтына только.

Пугачевъ вынулъ изъ кармана семь рублей, отдалъ ихъ Хлопушѣ, чтобъ онъ купилъ себѣ платье.

— Какъ издержишь, сказалъ онъ, — приходи опять ко мнѣ; также скажи, когда не будетъ у тебя хлѣба.

Хлопуша поблагодарилъ и вышелъ, а Овчинниковъ совѣтовалъ Пугачеву не довѣрять словамъ присланнаго.

— Воля твоя, говорилъ онъ, — прикажи его повѣсить; онъ плутъ, уйдетъ и все что здѣсь увидитъ, тамъ перескажетъ, а притомъ и людей нашихъ станетъ подговаривать.

— Пусть его бѣжитъ и скажетъ, въ этомъ худаго нѣтъ; безъ одного человѣка армія пуста не будетъ.

Пугачевъ приказалъ только первое время слѣдить за всѣми дѣйствіями Хлопуши, и какъ доноса не было, то онъ скоро былъ освобожденъ ото всякаго надзора [1]).

Двигаясь сначала на Каргалинскую слободу, а потомъ на Сакмарскій городокъ, Пугачевъ, какъ человѣкъ вовсе незнакомый съ географическимъ положеніемъ этихъ пунктовъ, имѣлъ въ виду одну цѣль: увеличить свою толпу. Каргалинская слобода «имѣющимся въ ней дворовымъ числомъ» равнялась Оренбургу [2]) и, слѣдовательно не воспользоваться приглашеніемъ столь значительнаго населенія значило отказаться отъ увеличенія своихъ силъ по крайней мѣрѣ пятью-стами человѣкъ. Близъ Каргалинской

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. №№ 467 и 512.

[2]) Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ «*Исторіи Пугачевскаго бунта*» А. С. Пушкина, § 24.

слободы находился Сакмарскій городокъ, населенный 250 — 300 яицкихъ казаковъ, отъ содѣйствія которыхъ отказаться также было невозможно, потому что все это были люди наиболѣе надежные, лучшій контингентъ толпы мятежниковъ [1]).

Все это привело Пугачева въ Сакмарскій городокъ, но когда онъ занялъ его, то все-таки не замѣтилъ, что кромѣ комплектованія толпы пріобрѣтались весьма важныя выгоды. Мятежники овладѣли обоими берегами р. Сакмары и тѣмъ отрѣзали Оренбургъ отъ Россіи, лишили его возможности снабдить себя продовольствіемъ и тогда уже поставили городъ почти въ блокадное положеніе. Изъ Сакмарска можно было слѣдить за подкрѣпленіями, идущими къ Оренбургу, какъ съ Самарской линіи и московской дороги, такъ съ Верхне-Яицкой линіи и изъ Сибири. Если бы Пугачевъ и его сообщники поняли важное стратегическое положеніе Сакмарскаго городка, то для обезпеченія своего тыла оставили бы въ немъ часть своихъ силъ и подъ прикрытіемъ этого отряда могли свободно дѣйствовать подъ Оренбургомъ. Но двигатели мятежа поступили иначе; они забрали съ собою изъ Каргалы и Сакмарска все населеніе, способное носить оружіе, и оставили въ этихъ пунктахъ однихъ престарѣлыхъ и дѣтей [2]).

Собираясь идти къ Оренбургу и желая подготовить себѣ нѣкоторый успѣхъ, Пугачевъ отправилъ въ городъ два указа, изъ коихъ одинъ былъ на имя губернатора, а другой на имя оренбургскаго атамана, подполковника Могутова. Самозванецъ обнадеживалъ атамана, что за вѣрность и службу награжденъ будетъ кафтаномъ, рѣками, озерами, бородой, крестомъ и пр. Воззваніе же къ губернатору было слѣдующаго содержанія:

---

[1]) О каргалинскихъ татарахъ и сакмарскихъ казакахъ Пугачевъ свидѣтельствуетъ, что это были лучшіе дѣятели въ его шайкѣ и «во все время его злодѣяній безотлучны». См. показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 512.

[2]) Говоря о занятіи Сакмарскаго городка, мы не можемъ согласиться со словами Д. Анучина (*Воен. Сборн.* 1869 г. № 5, 31), будто «Пугачевъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ военнымъ тактомъ». Можно ли допустить военный тактъ и соображенія у человѣка, незнающаго карты, неимѣющаго никакого понятія о мѣстности, спрашивающаго у своихъ приближенныхъ куда идти, что дѣлать и гдѣ находится указываемый ему пунктъ. Если самозванецъ имѣлъ военный тактъ и сознавалъ важное значеніе Сакмарскаго городка, то почему онъ не воспользовался его значеніемъ, не укрѣпилъ его и не оставилъ въ немъ надежнаго гарнизона?

«Сей мой именной указъ Оренбургской губернской канцеляріи и господину губернатору Реінъздорпу и рядовымъ казакамъ и всякаго званія людямъ мое именное повелѣніе.

«Какъ дѣды и отцы ваши служили предкамъ моимъ, такъ и вы послужите мнѣ великому государю вѣрно и неизмѣнно до капли своей крови, а какъ я къ Оренбургу къ городу прибуду, такъ все съ усердіемъ могли соотвѣтствовать достойно лицу моему. Второе, когда вы исполните мое именное повелѣніе и за то будете жалованы чинами и напредки ваши рякою и землею и травами и морями и денежнымъ жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ и свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностію и повелѣніе мое исполните со усердностію меня государя встрѣчайте, то совершенно меня за оное пріобрѣсти можете къ себѣ мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то въ скорости восчувствуете на себѣ праведный гнѣвъ мой и власти Всевышняго создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ. Никто тебя (губернатора) отъ сильныя нашея руки защитить не можетъ» [1]).

Въ отвѣтъ на это изъ Оренбурга былъ отправленъ 2 октября, подписанный многими лицами указъ слѣдующаго содержанія [2]):

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской.

«Находящимся при самозванцѣ яицкимъ и плецкимъ казакамъ.

«Къ крайнему всякаго прискорбію оказались вы въ такомъ состояніи, что забывъ страхъ Божій и учиненную въ вѣрности Ея Императорскому Величеству присягу, повѣря лестному и совсѣмъ на лжи основанному представленію самозванца, отважились на такое злое и богомерзкое дѣло, о коемъ всякъ разумъ имѣющій безъ внутренняго содроганія пребыть не можетъ, что вы приставъ къ нему, какъ ослѣпленные погружаете себя у Бога и у цѣлаго свѣта во

---

[1]) Архивъ главнаго штаба. Книга № 1, листъ 71.

[2]) Указъ этотъ подписали: Иванъ Рейнсдорпъ, Карлъ Веллепстернъ, Василій Старовъ-Милюковъ, Петръ Рычковъ, Иванъ Мясоѣдовъ, Иванъ Тимашевъ, подполковникъ Василій Могутовъ, Михайло Ушаковъ, артиллеріи маіоръ Иванъ Норовъ, баталіонный командиръ премъеръ-маіоръ Францъ Даллеровскій, баталіонный командиръ Ѳедоръ Шкапскій, маіоръ Василій Молостовъ и баталіонный командиръ секундъ-маіоръ Иванъ Скирмантовъ.

глубину погибели. Но какъ таковымъ должно напослѣдокъ придти во свѣтъ разума и самого себя познаніе, то васъ все здѣшнее общество прилежно увѣщеваетъ отъ всѣхъ производимыхъ вами злыхъ дѣлъ совершенно отстать и быть на свѣтѣ человѣками. А какъ вы очень важное преступленіе уже учинили, то вотъ вамъ къ утоленію высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва средство: реченнаго самозванца постараться поймать и представить, черезъ что можете удостоить себя въ томъ вашемъ злодѣяніи здѣшняго у Ея Императорскаго Величества предстательства, которое, конечно, учинить не оставлено будетъ. А ежели сердце ваше такъ ожесточилось, что сіе увѣщеваніе не проникнетъ, то остается непремѣнно погибать вамъ, какъ въ семъ вѣкѣ, такъ и въ будущемъ. Причемъ дается вамъ знать, что упомянутый самозванецъ бѣглый изъ Казани донской казакъ, именемъ Емельянъ Пугачевъ, который предъ симъ въ равномѣрномъ злодѣяніи въ Астраханской губерніи пойманъ и жестоко наказанъ былъ, слѣдовательно такому человѣку, который честнаго общества изверженъ, мерзить и удаляться должно».

Конечно, переписка эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, и 3 октября передовыя толпы мятежниковъ показались въ виду Оренбурга почти въ то самое время, когда отрядъ маіора Наумова втягивался въ городъ.

Будучи отправленъ полковникомъ Симоновымъ въ погоню за Пугачевымъ и имѣя въ своемъ отрядѣ 246 человѣкъ пѣхоты и 378 казаковъ [1]), Наумовъ двинулся вверхъ по Яику. Не догнавъ мятежниковъ и получивъ по дорогѣ извѣстіе о значительномъ увеличеніи толпы самозванца, Наумовъ предпочелъ переправиться на противоположный берегъ рѣки Яика и прямо степью направился къ Оренбургу. Прибытіе Наумова было встрѣчено жителями съ большимъ восторгомъ и, по словамъ Рейнсдорпа, «Оренбургская крѣпость, въ случаѣ атаки, въ состояніе пришла» [2]).

---

[1]) Экстрактъ изъ журнала, веденнаго въ Оренбургѣ и представленнаго Рейнсдорпомъ Сенату при рапортѣ отъ 25 ноября. Рапортъ Симонова Сенату 12 октября 1773 г. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

[2]) Тамъ же.

III.

Появленіе Пугачева подъ Оренбургомъ.—Состояніе Казанской губерніи и мѣры къ ея защитѣ.—Петербургъ въ концѣ 1773 года. — Извѣстіе въ столицѣ о появленіи самозванца и его успѣхахъ.—Мѣры правительства къ подавленію возстанія.—Назначеніе генералъ-маіора Кара. — Инструкціи ему данныя.—Первый манифестъ о Пугачевѣ. — Распоряженія Военной Коллегіи и сибирскаго губернатора по отправленію войскъ къ Оренбургу.

При первыхъ извѣстіяхъ о появленіи Пугачева, оренбургскій губернаторъ, генералъ Рейнсдорпъ, писалъ казанскому, фонъ-Брандту, что намѣренія самозванца по всей вѣроятности заключаются въ томъ, чтобъ идти въ Казанскую губернію «помѣщичьими жительствами, преклоняя на свою сторону крестьянъ и обольщая ихъ дачею вольности».

Трудно сказать, на чемъ Рейнсдорпъ основывалъ свои предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ самозванца; тѣмъ не менѣе сообщеніе это озадачило Брандта и вызвало съ его стороны усиленную дѣятельность.

Казанская губернія была почти беззащитна: изъ трехъ гарнизонныхъ баталіоновъ, находившихся въ Казани, бо́льшая часть была командирована для набора рекрутъ и для конвоированія арестантовъ, отправляемыхъ въ Сибирь огромными партіями. Оставшихся налицо нижнихъ чиновъ такъ мало, доносилъ Брандтъ [1]), «что не только поиску и истребленія речепной сильной, злодѣйской шайкѣ, но и обороны противъ ихъ воровскаго нападенія дѣлать некѣмъ». На мѣстное населеніе въ защитѣ границъ губерніи полагаться было невозможно, потому что «земледѣльцы разныхъ родовъ, а особливо помѣщичьи крестьяне, по ихъ легкомыслію, въ семъ случаѣ весьма опасны, и нѣтъ надежды, чтобы помѣщики крестьянъ своихъ съ пользой могли употребить себѣ и обществу въ оборону».

Всю надежду генералъ Брандтъ возлагалъ на поселенія остав-

[1]) Сенату отъ 3 октября 1773 г. Госуд. Арх. VI, дѣло № 414. Донесеніе Брандта Военной Коллегіи отъ 2 октября 1773 г. № 39.

ныхъ солдатъ, которые хотя не имѣли оружія и «забывъ военные обряды, совсѣмъ сдѣлались мужиками», но на этотъ разъ могли считаться единственными защитниками границъ Казанской губерніи. На этомъ основаніи завѣдывавшему поселеніями отставныхъ нижнихъ чиновъ, генералъ-маіору Миллеру, было приказано собрать на первый разъ отъ 200 до 500 человѣкъ и расположить ихъ по рѣкѣ Черемшану, протекавшей по границѣ губерніи. Казанскому архіепископу Веніамину предложено, при помощи подчиненнаго ему духовенства, употребить всѣ мѣры къ отклоненію населенія отъ содѣйствія самозванцу. Веніаминъ назначилъ 5 октября торжественное богослуженіе въ соборѣ. Онъ выѣхалъ изъ монастыря въ большомъ экипажѣ («берлинѣ»), отдѣланномъ золотомъ, на шестеркѣ лошадей въ шорахъ. Кучеръ былъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ, съ огромными обшлагами и въ трехугольной шляпѣ, а впереди ѣхали двое верховыхъ въ зеленыхъ епанчахъ, одинъ держалъ на рукѣ архіерейскую мантію, а другой—посохъ. На паперти собора, высокопреосвященный Веніаминъ надѣлъ мантію, взялъ въ руки посохъ и вошелъ въ церковь, а послѣ литургіи вышелъ къ народу, публично проклялъ Пугачева и предалъ его анаѳемѣ [1]). Вслѣдъ затѣмъ казанскій архіепископъ приказалъ отобрать отъ всѣхъ священниковъ подписки, въ томъ, что они постараются своихъ прихожанъ «отъ помянутаго противнаго и опаснаго всему обществу случая отвратить». Духовнымъ правленіямъ и консисторіямъ вмѣнѣно въ обязанность отправить священниковъ по возможности въ каждое село и поручить имъ убѣждать населеніе, что принявшій на себя имя императора Петра III есть самозванецъ, бѣглый Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, и что всѣ кто примутъ его сторону будутъ преданы вѣчному проклятію [2]).

Между тѣмъ, генералъ-маіоръ Миллеръ успѣлъ собрать 730 отставныхъ солдатъ, изъ коихъ 170 человѣкъ было конныхъ, на собственныхъ лошадяхъ, и 560 человѣкъ пѣшихъ. Раздѣленные

---

[1]) Рапортъ преосвященнаго Веніамина Св. Синоду, отъ 9 октября 1773 года. Арх. Синода, дѣло № 145.

[2]) Донесеніе преосвященнаго Веніамина Св. Синоду 15 ноября 1774 года. Государств. Арх. VI, дѣло № 468.

на два отряда, поселенцы были расположены: въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и Черемшанской крѣпости, на половинѣ пути отъ Кичуя до Ставрополя. На подкрѣпленіе ихъ было прислано потомъ еще 224 человѣка, и 60 человѣкъ отправлено для защиты пригородовъ Тѣпнска и Ерыклинска. Сверхъ того, собрано было до 700 поселенныхъ солдатъ, на обязанность коихъ возложено охраненіе своихъ жилищъ, а для защиты устья Черемшана приказано спуститься на лодкахъ по Волгѣ командѣ въ 30 человѣкъ, назначенныхъ для сыску и преслѣдованія воровъ [1]).

Получивъ извѣстіе о волненіи въ Башкиріи, генералъ Брандтъ отправилъ туда секундъ-маіора Тевкелева, который донесъ, что башкирцы изъявили ему усердное желаніе служить императрицѣ, и что онъ ничего сомнительнаго въ нихъ не видитъ. Успокоенный съ этой стороны, казанскій губернаторъ пригласилъ дворянъ вооружить своихъ людей сколько кто можетъ и содѣйствовать ему въ охраненіи границъ губерніи. Дворяне откликнулись на призывъ, вооружили дворовыхъ людей и подъ водительствомъ Ѳедота Михайловича Веригина отправились за рѣку Каму прикрывать границы Казанской губерніи. «Хотѣли было», писалъ Платонъ Любарскій [2]), «созвать охотниковъ изъ конфедератовъ, но извѣстясь, что они въ Оренбургѣ невѣрность оказали, оставили ихъ въ покоѣ». Взамѣнъ того приказано было уничтожить нѣкоторые не особенно важные посты и возвратить нижнихъ чиновъ, отправленныхъ для пріема и препровожденія рекрутъ, причемъ находившіеся въ Кунгурѣ и Хлыновѣ должны были слѣдовать въ Казань, а изъ Пензы—въ Симбирскъ [3]).

Всѣ эти мѣры лишь въ слабой степени обезпечивали границы Казанской губерніи, въ особенности потому, что, по получавшимся

---

[1]) Донесеніе Миллера Сенату 27 октября 1773 года и 14 октября 1774 года, Государств. Арх. VI, дѣла №№ 466 и 504. Сравн. со статьей Д. Мордовцева: «Русскіе государственные дѣятели» и проч. (*Отечественныя Записки*, 1868 г., № 8), гдѣ авторъ совершенно произвольно обращается съ цифрами и историческими фактами, смотря по тому, какой подборъ ему нуженъ.

[2]) Архимандритъ Спасо-Казанскій въ письмѣ къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому отъ 24 октября 1773 года. Госуд. Арх. IV, дѣло № 527.

[3]) Рапортъ Брандта Военн. Коллегіи 3 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба въ Петербургѣ, книга № 1.

*

ежедневно свѣдѣніямъ, сельское населеніе въ большинствѣ сочувствовало самозванцу.

«Удивленія достойно», писалъ Брандтъ [1]), «что сей злодѣй такую на себя, какъ говорятъ, важность принялъ, что куда въ крѣпость ни придетъ, всегда къ несмысленной черни оказываетъ свое сожалѣніе, якобы и подлинно государь о своихъ подданныхъ, что онъ ничего донынѣ не зналъ въ какомъ они утѣсненіи и бѣдности находятся. Тѣми своими льстивыми словами и обнадеживаньями и уловляетъ глупыхъ сихъ людей. Почему, по легкомыслію подлаго народа, если онъ скоро не истребится и ворвется въ Казанскую губернію, не безопасно есть. И хотя онъ угрожаетъ, что пойдетъ къ Казани [2]), однакожь, мнится, что онъ не оставитъ стени, и конечно будетъ, защищаясь съ одной только стороны, стараться перейти черезъ Волгу около Самары и пробраться къ Дону въ разсужденіи томъ, что когда еще онъ, по поимкѣ въ Малыковкѣ, содержался здѣсь подъ карауломъ, то допросомъ показывалъ, что недоброхотствующимъ яицкимъ казакамъ говорилъ: если они согласятся идти на Донъ, то для нихъ приготовлены тамъ и деньги [3]). Посему я теперь всѣ силы напрягаю разсѣянные баталіоны и разныя команды, елико можно, собрать, *также дворянъ, съ ихъ людьми вооружа, приготовить: казанскихъ у Камы, а симбирскихъ у Волги*, дабы не перепустить чрезъ нихъ и наблюдать, въ которую сторону кинется и туды всѣ силы обратить. Весьма предосудительно, что такой великій городъ, какой есть Казань, *да и почти въ самой Азіи*, гдѣ всегда должно быть въ осторожности и другимъ прилежащимъ частямъ, въ случаѣ какихъ злодѣйскихъ предпріятій, вспоможеніе дѣлать, а не имѣетъ не только довольно военныхъ людей, но самаго нужнаго оружія и артиллеріи, ибо когда потребовалъ се, то

---

[1]) Въ письмѣ кн. М. Н. Волконскому, отъ 3 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба въ Петербургѣ, книга № 1.

[2]) Въ то время ни Пугачевъ, ни ближайшіе его совѣтники не заходили такъ далеко и не помышляли о движеніи на Казань; они ограничивались желаніемъ взять Оренбургъ.

[3]) Генералъ Брандтъ не помнилъ точно показаній Пугачева и рѣку Донъ смѣшалъ съ рѣкою Кубанью. Вообще предположенія его, куда двинется Пугачевъ, лишены всякаго значенія и не имѣютъ за собой ни малѣйшей вѣроятности.

въ здѣшнемъ цейхгаузѣ нашелъ не больше двухъ единороговъ, да и тѣ посылаю къ Миллеру, а еще осталось четыре пушки, но почти къ употребленію негодныя, которыя также велѣлъ приготовить».

Что касается ручнаго огнестрѣльнаго оружія, то во всей Казани нашлись годныхъ сто сорокъ три ружья и сто паръ пистолетовъ, да и тѣ принадлежали Московскому легіону. Отправивъ это оружіе также въ распоряженіе генерала Миллера, казанскій губернаторъ собралъ все негодное оружіе, хранившееся въ складахъ, призвалъ къ себѣ городскихъ слесарей и приказалъ имъ исправить что было можно. По мѣрѣ исправленія, ружья и пистолеты отправлялись партіями въ Кичуй, но ихъ было слишкомъ мало, и потому генералъ фонъ-Брандтъ просилъ главнокомандующаго въ Москвѣ князя М. Н. Волконскаго прислать ему оружіе и войска, такъ какъ бывшихъ въ его распоряженіи считалъ недостаточными для усмиренія края и захвата самозванца.

Получивъ эту просьбу въ шестомъ часу пополудни 8 октября, князь Волконскій оцѣнилъ вполнѣ положеніе дѣлъ и опасаясь, чтобы «пламя не вышло», на другой же день отправилъ въ Казань триста человѣкъ Томскаго полка съ однимъ орудіемъ [1]). Приказавъ имъ слѣдовать на ямскихъ подводахъ, Волконскій сообщилъ объ этомъ президенту Военной Коллегіи, графу З. Г. Чернышеву, и высказалъ мнѣніе о необходимости потушить волненіе какъ можно скорѣе [2]).

Письмо московскаго главнокомандующаго было получено въ Петербургѣ въ ночь на 14 октября, а вслѣдъ затѣмъ были получены рапорты оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ и тотчасъ же представлены императрицѣ [3]). Извѣстіе о появленіи само-

---

[1]) Большаго числа войскъ князь Волконскій отправить не могъ, такъ какъ за конвоированіемъ партій, отправляемыхъ въ Сибирь на поселеніе, и командированныхъ для пріема рекрутъ, у него оставалось столько, что едва можно было занять заставы отъ чумы и содержать караулы въ Москвѣ.

[2]) Письмо князя Волконскаго графу Чернышеву 9 октября 1773 года. Арх. Гл. Штаба, книга № 1.

[3]) Г. Р. Державинъ въ своихъ *Запискахъ* написалъ, будто извѣстіе о появленіи Пугачева получено было въ С.-Петербургѣ въ день свадьбы Павла Петровича, 29 сентября. Въ 1869 году г. Д. Анучинъ (*Военный Сборникъ*, 1869 года, № 5) ука-

званца и его успѣхахъ было совершенно неожиданно для столицы, и значительно усиливало затруднительность положенія, въ которомъ находились правительство и сама императрица.

1773 годъ былъ не изъ блестящихъ годовъ въ исторіи Россіи и начался при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Еще съ конца предшедшаго и въ теченіе всего этого года, въ Петербургѣ происходила борьба партій династическихъ и политическихъ, среди которыхъ положеніе императрицы было крайне щекотливо. Недавній раздѣлъ Польши возбудилъ зависть державъ, непринимавшихъ участія въ этомъ раздѣлѣ и вызвалъ интриги въ особенности со стороны Франціи.

Работая усердно въ Константинополѣ и стараясь отклонить Порту отъ согласія на уступки, требуемыя Россіей, Франція въ то же время обѣщала снабдить средствами короля Шведскаго, дабы онъ явился опаснымъ сосѣдомъ Россіи. Отношенія наши къ Швеціи были до того натянуты, что въ Петербургѣ принимались мѣры, необходимыя на случай наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ Финляндіи. Галеры и всѣ корабли въ Кронштадтѣ и Ревелѣ поспѣшно вооружались, всѣ свободные полки сосредоточивались или въ окрестностяхъ Петербурга, или на границѣ, и даже вызвано было нѣсколько полковъ изъ первой арміи графа П. А. Румянцова, несмотря на то, что подобный вызовъ значительно ослаблялъ армію, дѣйствовавшую на Дунаѣ. «Мы когда возвышаемъ наши требованія (у турокъ)», писалъ графъ П. А. Румянцевъ Обрѣзкову, «тогда не ищемъ тѣхъ способовъ, которые въ такихъ случаяхъ сущимъ суть подкрѣпленіемъ, то-есть чтобъ умножать свои силы противъ непріятеля, но паче ихъ ослабляемъ въ виду такъ-сказать враговъ на то взирающихъ». По настоянію графа Румянцова, хотя и приказано было возвратить взятые полки, но время, когда они могли быть полезны на Дунаѣ, было упущено.

Пятый годъ уже тянулась война наша съ турками. Почти ежегодно для комплектованія армій, которыя теряли людей, не столько въ

залъ то число, когда узнали въ Петербургѣ о появленіи самозванца, но и до сихъ поръ изслѣдователи повторяютъ слова Державина. См., напримѣръ, книгу: «*Цесаревичъ Павелъ Петровичъ*». Соч. Кобеко, стр. 111; журналъ *Вѣкъ*, 1882 года, № 3, стр. 343 и др.

сраженіяхъ, сколько въ госпиталяхъ отъ убійственнаго климата, производились рекрутскіе наборы, обременявшіе населеніе и возбуждавшіе ропотъ и неудовольствіе. Блестящія побѣды русскихъ войскъ не давали видимыхъ результатовъ, и турки не соглашались ни на какія уступки. Причиной тому были интриги Франціи, хорошо видѣвшей, что блюстители нашихъ интересовъ въ Константинополѣ, представители союзныхъ Россіи державъ Пруссіи и Австріи, не выказывали особенной дѣятельности. Прусскій министръ Зегелинъ, по выраженію графа Румянцова, имѣлъ «волчій ротъ и лисій хвостъ». Словомъ, наши союзники поведеніе свое въ Константинополѣ соразмѣряли съ собственною своею пользой и выгодой. «Не видали мы еще отъ нихъ, писалъ Румянцовъ Обрѣзкову, добрыхъ услугъ или убѣдительныхъ сильныхъ представленій, которыя могли бы склонить трактующихъ съ нами къ соглашенію».

Въ виду натянутыхъ отношеній нашихъ къ Швеціи, Государственный Совѣтъ считалъ продолженіе войны съ Турціей весьма неудобнымъ и полагалъ необходимымъ согласиться на нѣкоторыя уступки въ нашихъ требованіяхъ. Императрица отвѣчала, что страхъ предъ шведами обличаетъ въ членахъ Совѣта сомнѣніе въ собственныхъ силахъ и что она не согласится на отмѣну требованій свободнаго плаванія по Черному морю, пока Совѣтъ не представитъ ей болѣе уважительныхъ причинъ. Требованія были повторены, но Порта не уступала Россіи ни одной гавани на Черномъ морѣ.

— Уступить Керчь и Еникале, говорилъ рейсъ-эфенди, все равно что подчиниться Россіи, которая въ короткое время построитъ тамъ страшный флотъ и будетъ предписывать намъ законы.

Переговоры были прерваны, и графъ Румянцовъ получилъ приказаніе дѣйствовать наступательно за Дунаемъ. Походъ этотъ былъ неудаченъ, и русскія войска принуждены были возвратиться на лѣвый берегъ. Екатерина была крайне недовольна ходомъ событій, главнѣйше потому, что не могла надѣяться блескомъ побѣдъ и выгоднымъ миромъ обратить на себя вниманіе, возбудить всеобщій энтузіазмъ и славою своего царствованія заглушить интригу партіи, работавшей въ пользу державныхъ правъ наслѣдника.

Императрица знала, что вступленіемъ на престолъ она обязана была Орловымъ и что, напротивъ того, графъ Никита Панинъ же-

лалъ, чтобы переворотъ совершился въ пользу великаго князя Павла Петровича. Такимъ образомъ, съ перваго дня царствованія, Екатеринѣ было извѣстно о существованіи партіи, желавшей видѣть на престолѣ не мать, а сына. Открывавшіеся впослѣдствіи заговоры отдѣльныхъ лицъ, съ цѣлью возведенія на престолъ Павла Петровича, заставляли императрицу не оставаться равнодушною къ этому вопросу, быть всегда на-сторожѣ и зорко слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ и противною ей партіей.

Намѣреніе императрицы вступить въ 1763 году въ бракъ съ графомъ Григоріемъ Орловымъ и противодѣйствіе этому преимущественно графа Никиты Панина, вызвало вражду между этими фамиліями. Если Орловы были сильны расположеніемъ къ нимъ Екатерины, то графъ Панинъ былъ силенъ въ общественномъ мнѣніи, и борьба съ нимъ была нелегка для Орловыхъ. «Всѣ думали, писала впослѣдствіи Екатерина, что если Павелъ Петровичъ не на рукахъ у Панина, такъ онъ пропалъ».

Это опасеніе заставляло императрицу не давать особеннаго предпочтенія ни той, ни другой партіи, и вражда двухъ фамилій продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Побѣда зависѣла отъ случая, которымъ и не замедлилъ воспользоваться графъ Панинъ. Видя, что императрица стала тяготиться деспотическимъ вліяніемъ Григорія Орлова и его братьевъ, графъ Панинъ устроилъ посылку его въ Москву, для принятія мѣръ противъ чумы въ 1771 году, а затѣмъ въ слѣдующемъ году на конгрессъ въ Фокшаны, для заключенія мирныхъ условій съ Портой. Въ отсутствіе Орлова Екатерина почувствовала себя болѣе самостоятельною, и участь фаворита была рѣшена; окончательное его удаленіе было только вопросомъ времени. Появился новый любимецъ, камеръ-юнкеръ Васильчиковъ.

Узнавъ о возвышеніи Васильчикова, графъ Григорій Орловъ попялъ въ чемъ дѣло и, предпочитая личные интересы, прервалъ переговоры и поскакалъ въ Петербургъ, но въ столицу не попалъ, а былъ остановленъ въ Гатчинѣ. Повидимому, паденіе его было рѣшено окончательно, но сложившіяся обстоятельства поставили его опять у дѣлъ. 20 сентября 1772 года Павлу Петровичу минуло восемьнадцать лѣтъ, и всѣ ожидали, что съ совершеннолѣтіемъ ве-

ликаго князя ему будутъ предоставлены нѣкоторыя права, или по крайней мѣрѣ извѣстная доля самостоятельности и независимости. День былъ трудный для Екатерины, трудный потому, что она не раздѣляла ожиданій большинства и не желала придавать никакого значенія совершеннолѣтію сына.

Рѣшившись на такую мѣру и считая братьевъ Орловыхъ единственными людьми, на которыхъ могла вполнѣ положиться, императрица вызвала Григорія Орлова изъ Гатчины, осыпала его наградами и пожаловала княжескимъ титуломъ. Орловъ снова пріобрѣлъ силу и нашелъ себѣ сторонниковъ. Въ Петербургѣ образовались двѣ партіи, причемъ партія Орлова была въ то время сильнѣйшею [1]). Значеніе Панина падало, и положеніе его было весьма непріятно. «Всѣ интриги и всѣ струны настроены, писалъ Фонъ-Визинъ сестрѣ [2]), чтобы графа отдѣлить отъ великаго князя, даже до того, что, подъ претекстомъ перестраивать покои во дворцѣ, велѣно ему опорожнить тѣ, гдѣ онъ жилъ. Князь Орловъ съ Чернышевымъ злодѣйствуютъ ужасно графу Никитѣ Ивановичу, который мнѣ открылъ свое намѣреніе, то-есть буде его отлучатъ отъ великаго князя, то онъ ту-жь минуту пойдетъ въ отставку. Развращенность здѣшнюю описывать излишне. Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего Двора всеминутно происходятъ, и все вертится надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію кажется конца не будетъ. Брата своего (графа Петра Ивановича) онъ сюда привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломили, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто-бъ ему былъ истинный другъ. Ужасное состояніе».

Прежніе друзья или старались скрыть свои отношенія къ графу Панину, или переходили на сторону противной ему партіи. Въ числѣ ихъ былъ и Сальдернъ, бывшій посланникъ въ Варшавѣ,

---

[1]) Къ партіи Орловыхъ принадлежали: графъ З. Г. Чернышевъ, князь А. А. Вяземскій, генералъ-полиціймейстеръ, оберъ-прокуроръ Зиновьевъ, графъ Брюсъ, баронъ Черкасовъ, князь Бѣлосельскій, Бецкій, Нарышкины, сенаторъ Елагинъ и бо́льшая часть сенаторовъ. На сторонѣ Панина были: вице-канцлеръ князь Голицынъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, адмиралъ Мордвиновъ, генералъ Пассекъ и камеръ-юнкеръ Васильчиковъ. Графъ К. Г. Разумовскій и А. П. Шуваловъ были нейтральны.

[2]) См. *Сочиненія и письма Фонъ-Визина*, изд. 1866, стр. 403.

искусившійся во всякаго рода интригахъ. Графъ Панинъ не одобрялъ грубаго поведенія Сальдерна въ Польшѣ, и въ октябрѣ 1772 года онъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Недовольный Панинымъ и будучи человѣкомъ продажнымъ, получавшимъ субсидіи отъ Даніи, Сальдернъ сталъ убѣждать Екатерину въ необходимости уступить этой державѣ Голштинію. Предлогомъ тому онъ избралъ натянутыя отношенія матери къ сыну и вопросъ о верховной власти. Сальдернъ говорилъ Екатеринѣ, что ей, какъ обладательницѣ столь обширной Имперіи, какова Россія, неприлично, владѣя маленькою Голштиніей, быть въ нѣкоторой зависимости отъ Германской имперіи. Сальдернъ далъ понять императрицѣ, что великій князь Павелъ Петровичъ сдѣлался уже совершеннолѣтнимъ и потому необходимо лишить его Голштинскаго владѣнія, ибо можно опасаться, что наслѣдникъ, въ званіи Германскаго имперскаго князя, можетъ держать себя въ нѣкоторой независимости отъ Русской императрицы и, увлекшись, вступить въ союзъ, вредный интересамъ Екатерины.

Доводы эти были признаны на столько основательными, что трактатомъ 21 мая 1773 года Шлезвигъ и Голштинія были уступлены Даніи. Великій князь Павелъ Петровичъ пріобрѣлъ взамѣнъ того графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ и чрезъ два мѣсяца (14 іюля 1773 г.) принужденъ былъ уступить ихъ коадъютору Любскому, Фридриху-Августу, представителю младшей линіи Голштинскаго дома. Комбинаціи эти воздвигли еще бо́льшую преграду между матерью и сыномъ и, въ концѣ іюля 1773 года, положеніе дѣлъ было такое, что каждый находившійся въ милости императрицы обязанъ былъ быть противникомъ наслѣдника престола. Расположенія послѣдняго къ матери, по словамъ англійскаго посланника Гуннинга [1]), «достигли размѣровъ, могущихъ имѣть важныя послѣдствія въ случаѣ, еслибъ онъ былъ окруженъ людьми предпріимчивыми и энергическими».

«Здѣсь, прибавлялъ Гуннингъ, не можетъ быть раздѣленія власти. Когда великій князь достигнетъ власти, онъ долженъ получить ее всецѣло. Если императрица будетъ дѣйствовать осторожно, но

[1]) *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIX, стр. 376.

въ то же время энергично, то время это весьма удалено: въ противномъ случаѣ она находится въ критическомъ положеніи».

Сознавая свое положеніе, Екатерина скоро узнала, что тотъ же Сальдернъ, который повидимому былъ ея приверженцемъ, получивъ значительную субсидію отъ Даніи, сталъ интриговать въ пользу Павла Петровича, надѣясь, что быть-можетъ и тутъ перепадетъ что-нибудь на его долю. Соединясь съ представителемъ Франціи, столь усиленно интриговавшей въ Константинополѣ, Сальдернъ и его товарищъ стали убѣждать всѣхъ кого было можно, что интересы и польза Россіи требуютъ возведенія на престолъ наслѣдника, достигшаго совершеннолѣтія. Ученіе это нашло себѣ послѣдователей, и Сальдернъ составилъ планъ о призваніи Павла Петровича къ соучастію въ управленіи государствомъ. Планъ этотъ, къ удивленію Сальдерна, былъ отвергнутъ Паниным и послужилъ въ пользу послѣдняго. Значеніе воспитателя наслѣдника стало быстро возростать, и императрица, желая положить предѣлъ всѣмъ интригамъ, рѣшилась парализовать дѣйствія партіи, работавшей въ пользу ея сына и отвлечь хотя на время общественное вниманіе отъ жгучаго вопроса. Бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича было весьма удобнымъ для того средствомъ.

«Сего мѣсяца 15 числа, писала Екатерина князю Волконскому [1]), въ церкви Зимняго Дворца принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская приняла нашъ законъ и наречено ей имя Наталія Алексѣевна. На другой день было въ Лѣтнемъ Дворцѣ въ церкви обрученіе сына моего съ великою княжною Наталіею Алексѣевною. Вчерашній день я о семъ подписала въ Сенатѣ указъ, о чемъ васъ чрезъ сіе увѣдомить за благо разсудила».

Пользуясь тѣмъ, что съ бракосочетаніемъ Павла Петровича дѣятельность графа Н. И. Панина, какъ воспитателя, прекращалась, императрица въ день годовщины своей коронаціи осыпала наградами какъ его, такъ и противника его, графа З. Г. Чернышева.

22 сентября 1773 года Высочайше повелѣно «дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Никиту Панина съ сего числа считать въ первомъ классѣ въ рангѣ фельдмаршала, съ жалованьемъ и

---

[1]) Въ письмѣ отъ 18 августа 1773 года, Государ. Арх. VI, дѣло № 587.

столовыми деньгами противъ бывшихъ канцлеровъ» [1]). Ему пожалована по смерть ежегодная пенсія по 25,000 рублей [2]), до 9,000 душъ крестьянъ [3]), на заведеніе дома 50,000 рублей, провизія и погребъ на годъ, экипажи и ливреи дворцовые. Вице-президентъ Военной Коллегіи графъ Захаръ Чернышевъ въ тотъ же день утвержденъ президентомъ и награжденъ пожалованіемъ нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ [4]).

«Совокупленные ваши труды, писала вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина гр. Панину, въ воспитаніи сына моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго Иностраннаго Департамента, которые вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто во внутренности сердца моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя различныхъ спхъ, силу человѣку данную непсчерпаемыхъ упражненій. Но польза имперіи моей, по горячему моему всегдашнему попеченію о благомъ устройствѣ всего мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію моею вамъ порученныхъ. Нынѣ же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына моего, и мы, на двадцатомъ его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дня брака его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію воспитаніе великаго князя само-собою тѣмъ окончеппымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъявить мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ *по нѣжности матерней любви и пристрастію не мнѣ приложе судить;* но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправ-

---

[1]) Указъ Сенату 22 сентября 1773 г. Арх. Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. 135, листъ 424.

[2]) Указъ Сенату 22 сентября 1773 г. Тамъ же, листъ 425 *Сочинен. фонъ-Визина*, изд. 1866 г., стр. 270.

[3]) Купленныхъ у стат. сов. Швебса (4.512 душъ) въ Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, села: Левшино и Дугино съ деревнями, и въ Псковской губерніи, Полоцкой провинціи, войтовства Нищанское, Лиспянское и Клещинское (тамъ же, листъ 426).

[4]) Въ Рогачевской провинціи, Могилевской губерніи, староство Чечерское, съ принадлежащими къ нему угодьями (тамъ же, листы 427 и 428).

даніемъ служить имѣютъ, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно.

«Окончивъ съ толикимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность и пользуясь утѣшеніемъ, отъ нея вамъ справедливо происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи, вамъ отъ меня ввѣренной и на сихъ дняхъ вновь вамъ подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій».

29 сентября 1773 года состоялось торжественное бракосочетаніе Павла Петровича, и затѣмъ начался цѣлый рядъ празднествъ, тянувшихся до 11 октября. Все вниманіе великаго князя было поглощено новою обстановкой семейной жизни, партіи парализованы, графъ Панинъ возвышенъ до званія канцлера, перваго лица въ государствѣ, и ему поручено заняться преслѣдованіемъ исключительно мирныхъ цѣлей. Повидимому все шло благополучно, и чтобы покончить съ вопросомъ о правахъ наслѣдника, императрицѣ оставалось пріобрѣсти любовь народа славою своего царствованія и преданностью благу отечества. Но слава царствованія помрачилась неудачнымъ походомъ графа Румянцова за Дунай и возвращеніемъ на лѣвый берегъ рѣки, а полученныя извѣстія о происшествіи подъ Оренбургомъ не служили доказательствомъ всеобщаго благоденствія.

Опасаясь, чтобы волненія внутри имперіи не имѣли значительнаго вліянія на внѣшнія дѣла, и чтобы созидаемое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не было разрушено разомъ, правительство признало необходимымъ полученное извѣстіе хранить въ тайнѣ, не трогать цѣлыхъ полковъ расположенныхъ на границахъ, и тѣмъ не давать повода къ предположенію, что смута имѣетъ серьезное значеніе. Между тѣмъ, свободныхъ войскъ подъ руками не было, и приходилось собирать ихъ по клочкамъ, небольшими разрозненными командами, и отправлять на театръ дѣйствій безъ всякой связи и единства.

Съ 14 октября въ столицѣ кипѣла усиленная работа по принятію мѣръ къ возстановленію спокойствія. Князю М. Н. Волкон-

скому приказано было немедленно отправить изъ Калуги въ Казань генералъ-маіора Фреймана, и слѣдомъ за нимъ послать на почтовыхъ три остальныя пушки Томскаго полка съ ихъ прислугой и зарядными ящиками. Командиру Вятскаго пѣхотнаго полка, полковнику Миллеру, предписано отправить на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ гренадерскую роту (около 182 человѣкъ) съ двумя орудіями, изъ Новгорода въ Москву и далѣе въ Казань [1]). Комендантамъ: царицынскому, полковнику Циплетеву, и крѣпости св. Димитрія, генералъ-маіору Потапову, поручено: первому препятствовать переправѣ Пугачева черезъ рѣку Волгу для слѣдованія на Кубань, а второму не пропускать самозванца на Донъ. Въ случаѣ нужды Циплетевъ долженъ былъ требовать помощи отъ астраханскаго коменданта, а Потаповъ — отъ главнокомандующаго второю арміей, князя В. М. Долгорукаго, главная квартира котораго находилась въ Полтавѣ [2]). «Для ученія же *сильнаго* (?) поиска надъ упомянутымъ злодѣемъ, писалъ графъ З. Чернышевъ князю Волконскому, и прекращенія всѣхъ его злоумышленій, посылается *нынѣ же наскоро* генералъ-маіоръ Каръ», бывшій командиръ С.-Петербургскаго легіона.

Василій Алексѣевичъ Каръ родился въ 1730 году, и десятилѣтнимъ ребенкомъ былъ зачисленъ на службу въ 1740 году [3]). Спустя два года, а именно 4 января 1742 года, онъ былъ зачисленъ въ пажи и въ 1748 году выпущенъ въ полевые полки поручикомъ. Въ Семилѣтнюю войну, Каръ находился волонтеромъ: въ 1757 году въ цесарской, а въ 1758 году во французской арміяхъ. Въ 1760 и 1761 годахъ онъ былъ въ Пруссіи при русской арміи и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ августѣ 1766 года, графъ Н. Панинъ сообщилъ графу З. Чернышеву [4]), что императрица повелѣла отправить въ Польшу по политическимъ ея величества дѣламъ полковниковъ Василія Кара и Оттона барона Игельстрома. Назначенный состоять при князѣ Радзивилѣ, полков-

[1]) Письмо Чернышева князю Волконскому и указъ Военной Коллегіи полковнику Миллеру, отъ 14 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба, кн. № 1.

[2]) Указы Военн. Коллегіи полковн. Циплетеву, ген.-маіору Потапову и кн. Долгорукову отъ 15 октября, за №№ 505—507, тамъ же.

[3]) По показанію самого Кара. Сенат. Арх. Высочайшія повелѣнія, кн. № 201.

[4]) Отъ 17 августа 1766 года. Арх. канцеляріи Военн. Министерства. Высочайшія повелѣнія, кн. № 56.

нпкъ Каръ имѣлъ случай выказать твердость характера и свои дипломатическія способности. Въ мартѣ 1768 года, Каръ былъ уволенъ къ минеральнымъ водамъ [1]), а въ маѣ 1769 года назначенъ командиромъ Иностраннаго легіона, переименованнаго потомъ въ С.-Петербургскій.

Пріобрѣтенный боевой опытъ въ Семилѣтней войнѣ и, затѣмъ, участіе въ войнѣ съ конфедератами доставили Кару репутацію прекраснаго офицера, и онъ, не имѣя еще сорока лѣтъ отъ роду, 1 января 1770 года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Разстроенное здоровье заставило В. А. Кара искать отдыха и обратиться къ серьезному лѣченію. Пользовавшій его лейбъ-хирургъ Реслеинъ нашелъ болѣзнь его хроническою и трудно излѣчимою. Онъ совѣтовалъ Кару ѣхать къ теплымъ водамъ, «что̀ одно излѣчить его можетъ». Въ декабрѣ 1771 года Каръ просилъ уволить его на годъ за границу, «дабы, получа тамъ совершенную отъ его болѣзни свободу, могъ попрежнему продолжать службу. Буде-жь настоящей войны обстоятельства въ томъ воспрепятствуютъ, то за долговременную и безпорочную его службу, какъ законы повелѣваютъ, отъ воинской и статской службы уволить вовсе» [2]). Императрица, цѣня заслуги В. А. Кара, разрѣшила ему ѣхать за границу, и по возвращеніи изъ отпуска онъ въ октябрѣ 1773 года, въ званіи бригаднаго командира, былъ въ числѣ очень немногихъ генераловъ, находившихся въ Петербургѣ и руководилъ наборомъ рекрутъ. Естественно, что на него палъ жребій командовать войсками, отправленными противъ Пугачева.

Указомъ Военной Коллегіи отъ 14 октября генералъ-маіору Кару приказано было «какъ наискорѣе отсюда отправясь слѣдовать въ Казань, а оттуда, усматривая надобность, и въ Оренбургъ, изъ конхъ въ то или другое мѣсто, куда нужно, слѣдующимъ изъ Москвы и Новгорода командамъ идти предпишите, а между тѣмъ совѣтами своими и общимъ принятіемъ съ губерна-

---

[1]) Письмо гр. Н. Панина къ гр. З. Чернышеву 31 марта 1768 года. Арх. канцеляріи Военн. Министерства, кн. № 59.

[2]) Всеподд. докладъ Военной Коллегіи отъ 9 декабря 1771 года. Архивъ сенатск. Высочайшія повелѣнія, кн. № 201.

торами мѣръ имѣете возложенное на васъ Высочайшимъ указомъ въ дѣйствіе производить».

Императрица поручала генералъ-маіору Кару принять подъ свое начальство войска, собранныя казанскимъ губернаторомъ, тѣ, которыя отправлены изъ Новгорода и Москвы, призвать къ оружію башкирцевъ, поселенныхъ солдатъ, и со сформированнымъ такимъ образомъ отрядомъ «учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую *его шайку переловить* и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить».

Требуя отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ полнаго содѣйствія Кару [1]), императрица уполномочивала послѣдняго дѣйствовать ея именемъ. «Башкирцамъ и поселеннымъ (солдатамъ) объявить, писала Екатерина II [2]), что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ помянутаго поиска окажутъ они намъ новый опытъ своего усердія и пріобрѣтутъ себѣ особливое монаршее благоволеніе. Вслѣдъ же за вами мы немедленно отправимъ увѣщательный манифестъ, который вы сами или же обще съ губернаторами имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать».

Для составленія этого манифеста, 15 октября былъ собранъ Государственный Совѣтъ. На вопросъ императрицы, достаточны ли принятыя на первый случай мѣры для усмиренія волненій, члены Совѣта признали ихъ вполнѣ достаточными. Большинство присутствовавшихъ не придавало особаго значенія смутѣ и полагало, что она можетъ только на нѣкоторое время разстроить рекрутскій наборъ. Графъ Чернышевъ заявилъ, что возникшій мятежъ есть только искра волненій, происходившихъ въ прошломъ году на Дону, но что теперь казаки образумились и живутъ спокойно.

— Еслибъ атаманъ Ефремовъ, прибавилъ къ этому графъ Панинъ,—въ пору схваченъ не былъ, то мы имѣли бы всю Кубань на плечахъ, что̀ видно по перепискѣ моей съ татарами.

---

[1]) Указы по этому поводу генераламъ Брандту и Рейнсдорпу напечатаны у А. С. Пушкина. См. *Полное Собраніе Сочиненій* изд. 1881 года, т. VI, ч. II, стр. 178.

[2]) Въ указѣ генералъ-маіору Кару, отъ 14 октября 1773 года, Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), книга № 1.

Генералъ-прокуроръ предложилъ сообщить архіереямъ, чтобы духовенство въ церквахъ увѣщевало народъ не присоединяться къ самозванцу, но императрица находила, что прежде всего необходимо обнародовать манифестъ, составленіе коего и возложила на Совѣтъ.

Желая однакоже сохранить въ тайнѣ отъ большинства населенія Имперіи происходившее подъ Оренбургомъ, Екатерина поручила князю Вяземскому напечатать манифестъ въ Сенатской типографіи, и не болѣе какъ въ 200 экземплярахъ [1]). Утромъ 16 октября былъ напечатанъ и представленъ императрицѣ манифестъ слѣдующаго содержанія:

«Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ.

«Изъ полученныхъ отъ губернаторовъ казанскаго и оренбургскаго рапортовъ съ сожалѣніемъ мы усмотрѣли, что бѣглый казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ бѣжалъ въ Польшу въ раскольническіе скиты и, возвратясь изъ оной подъ именемъ выходца, былъ въ Казани, а оттуда ушелъ вторично, собралъ шайку подобныхъ себѣ воровъ и бродягъ изъ яицкихъ селеній, дерзнулъ принять имя покойнаго императора Петра III, произвелъ грабежи и разоренія въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ по рѣкѣ Яику, къ сторонѣ Оренбурга, и симъ названіемъ маломысленныхъ людей приводитъ въ развратъ и совершенную пагубу. Мы о таковыхъ матерински сожалѣя, чрезъ сіе ихъ милосердно увѣщеваемъ, а непослушнымъ напастрожайше повелѣваемъ отъ сего безумія отстать, ибо мы таковую продерзость по сіе время не самимъ въ простотѣ и въ невѣдѣніи живущимъ нижняго состоянія людямъ приписываемъ, но единому ихъ невѣжеству и коварному упомянутаго злодѣя и вора уловленію. Но ежели кто за симъ нашимъ милостивымъ увѣщаніемъ и императорскимъ повелѣніемъ отважится остаться въ его шайкѣ, и тотчасъ не придетъ въ настоящее раскаяніе и рабское свое повиновеніе, тотъ самъ уже отъ насъ за бунтовщика и возмутителя противъ воли нашей императорской признанъ будетъ и никакимъ образомъ, яко сущій нарушитель своей при-

[1]) Предложеніе князя Вяземскаго Сенату отъ 15 октября 1773 года. Сенатск. Арх. Именные указы, кн. CXIV, листъ 139.

сяти и общаго спокойства, законнаго нашего гнѣва и тяжчайшаго по опому наказанія не избѣжитъ. Мы для возстановленія порядка и тишины въ тѣхъ предѣлахъ отправили нарочно нашего генералъ-маіора Кара, которому и сей манифестъ публиковать повелѣли, повелѣвая и надѣясь, что каждый впадшій въ сіе заблужденіе самъ узнаетъ тягость своего преступленія, возвратится къ законному повиновенію и обще со всѣми нашими вѣрноподданными стараться и споспѣшествовать будетъ по мѣрѣ силъ своихъ и по своему званію, такъ какъ каждый присягою вѣрности обязанъ, къ прекращенію сего безбожнаго между народомъ смятенія и къ доставленію скорѣйшаго способа тому нашему генералъ-маіору къ истребленію упорственныхъ и къ доставленію въ его руки самого того главнаго вора, возмутителя и самозванца».

Какъ ни торопились напечатать этотъ манифестъ, но когда онъ былъ готовъ, генералъ-маіора Кара не было уже въ Петербургѣ, и манифестъ пришлось посылать за нимъ въ догонку. Чрезъ нѣсколько дней были получены въ Петербургѣ два донесенія Рейнсдорпа, отъ 7 и 9 октября [1]); онъ доносилъ о взятіи Пугачевымъ нѣсколькихъ крѣпостей и о нерѣшительности оренбургскаго гарнизона. Извѣстія эти произвели большой переполохъ въ столицѣ и вызвали лихорадочную дѣятельность.

Императрица просила архіепископа казанскаго, преосвященнаго Веніамина [2]), чтобъ онъ отправилъ отъ себя «священникамъ наставленіе, кое бы они своимъ прихожанамъ съ увѣщаніемъ читать и тѣмъ удерживать ихъ могли отъ присоединенія къ самозванцу, толкуя имъ, сколь страшно преступленіе предъ Богомъ и предъ свѣтомъ нарушеніе учиненной государю своему присяги и что таковыхъ преступниковъ Святая наша Церковь предавала и предаетъ всегда вѣчному проклятію».

«Впрочемъ, я уповаю, прибавляла Екатерина, что ваше преосвященство не оставите предать имъ все то ученіе, какое потребно

---

[1]) Въ статьѣ г. Д. Анучина: «Первые успѣхи Пугачева» и проч. (*Воен. Сборн.* 1869 года, № 5, 148) ошибочно сказано, что получены были донесенія Рейнсдорпа отъ 7 и 13 октября (См. Арх. Главн. Шт., кн. № 1, листъ 82, Моск. Арх. Главн. Шт., опись 47, кн. 53).

[2]) Въ рескриптѣ отъ 22 октября 1773 года.

для утвержденія въ сердцахъ ихъ клятвенной памъ присяги и вѣрности. Если же не вся Оренбургская епархія состоитъ въ вашемъ вѣдѣніи, то прошу сіе мое письмо сообщить и тѣмъ архіереямъ, подъ вѣдомствомъ коихъ тѣ мѣста состоятъ, дабы они по сему исполненіе учинили» [1]).

На другой день по отправленіи этого письма были разосланы курьеры съ указами Военной Коллегіи, въ коихъ повелѣвалось: князю Волконскому отправить изъ Москвы въ Казань на ямскихъ подводахъ гренадерскую роту Томскаго полка [2]); генералъ-аншефу князю В. М. Долгорукову отправить въ Царицынъ изъ Бахмута или изъ находящихся вблизи онаго два гусарскіе эскадрона [3]); губернаторамъ Псковской губерніи генералъ-маіору Кречетникову и Могилевской генералъ-поручику Каховскому отправить въ Саратовъ—первому 23-ю и 25-ю, а второму 22-ю и 24-ю легкія полевыя команды, на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ, и объявивъ командирамъ командъ о цѣли, съ какою они посылаются, обязать ихъ хранить ее «въ наивысшемъ секретѣ» [4]). Генералъ-фельдцейхмейстеру, князю Г. Г. Орлову, приказано отправить въ Казань на ямскихъ подводахъ двѣ тысячи ружей и въ Москву два двѣнадцатифунтовыя орудія съ принадлежащими къ нимъ снарядами и полнымъ комплектомъ прислуги, при офицерѣ [5]). Наконецъ, тѣмъ 700 башкирцамъ, которые пришли изъ Польши въ Смоленскъ, приказано слѣдовать прямо и какъ можно скорѣе въ Оренбургъ [6]).

Опасаясь, чтобы Пугачевъ, спустившись по Волгѣ, не привлекъ

---

[1]) *Православн. Собесѣдникъ* 1859 года, II, стр. 203.

[2]) Указъ Военн. Коллегіи кн. Волконскому отъ 23 октября 1773 года, № 410. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. 53.

[3]) То же, полковнику Циплетеву за № 408 и кн. Долгорукову за № 409.

[4]) То же, Кречетникову и Каховскому за №№ 411, 412, 413 и 414.

[5]) То же, князю Орлову отъ 25 октября 1773 года за № 423 и 4 ноября за № 430.

[6]) Въ Польшѣ, въ отрядѣ генералъ-поручика Бибикова, находилось двѣ тысячи башкирцевъ, и такъ какъ въ нихъ большой надобности тамъ не было, то еще въ августѣ 1772 года приказано было оставить въ Польшѣ тысячу человѣкъ, а остальныхъ возвратить въ свои дома, отправляя ихъ партіями по триста человѣкъ со старшинами (Указъ Бибикову отъ 25 августа 1772 года. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. 52, л. 318).

*

на свою сторону многочисленныхъ инородцевъ, населявшихъ Астраханскую губернію, императрица приказала вновь назначенному туда губернатору П. Н. Кречетникову имѣть свое пребываніе въ Саратовѣ до усмиренія волненій [1]).

Сообщая объ этихъ распоряженіяхъ генералъ-маіору Кару и предоставляя ему дальнѣйшее руководство войсками, Военная Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ писала генералу Рейнсдорпу: «Изыскивая всѣ способы и возможности, постарайтесь вы, губернаторъ, *накопившуюся невѣжами мятежническую толпу* атаковать, разбить и разсѣять, а заводчика всему злу, самозванца Пугачева, и ближнихъ его помощниковъ какъ возможно захватить, тѣмъ больше, что число регулярныхъ въ такомъ у васъ состоитъ количествѣ, что всякая подобная вышеписанной шатающаяся шайка отнюдь противостоять имъ не можетъ, когда только споспѣшествуетъ руководству свойственная войскамъ ея императорскаго величества храбрость и мужество» [2]).

Этихъ-то послѣднихъ свойствъ въ оренбургскомъ гарнизонѣ не было, не потому, чтобы русскій человѣкъ трусилъ и не былъ храбръ, а потому, что обѣщанныя самозванцемъ льготы и милости были слишкомъ соблазнительны и сулили въ будущемъ улучшеніе матеріальнаго и нравственнаго быта. Догадываясь, хотя и смутно, гдѣ главнѣйшій источникъ силы Пугачева, Военная Коллегія поручила командующему войсками на Сибирской линіи, генералъ-поручику Деколонгу, чтобъ онъ обратилъ особенное вниманіе «касательно до отвращенія замысловъ помянутаго бездѣльника на государевы въ Сибири состоящіе рудокопные заводы, которымъ, въ случаѣ требованія къ вамъ отъ находящихся на тѣхъ заводахъ командировъ, имѣете всю совершенную безопасность доставить» [3]).

Предписаніе это не застало Деколонга на Сибирской линіи, такъ какъ онъ при первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева выступилъ съ отрядомъ къ Оренбургу.

---

[1]) Письмо кн. Вяземскаго къ Кречетникову отъ 22 октября 1773 года. Арх. кабинета Е. И. В., особое дѣло о Пугачевѣ.

[2]) Указъ Военной Коллегіи генералу Рейнсдорпу отъ 23 октября 1773 года, № 406.

[3]) Указъ Военной Коллегіи Деколонгу 4 ноября 1773 года, № 431.

Вечеромъ 11 октября было получено въ Тобольскѣ первое извѣстіе о появленіи Пугачева, и черезъ двѣнадцать часовъ по пріѣздѣ курьера сибирскій губернаторъ Чичеринъ отправилъ уже на подставныхъ лошадяхъ, подъ начальствомъ премьеръ-маіора Заева, 2-ю тобольскую губернскую роту. Черезъ два дня выступили изъ Тобольска и двѣ резервныя роты тобольскихъ гарнизонныхъ баталіоновъ съ двумя орудіями, всего 356 человѣкъ пѣхоты съ 23 артиллерійскими служителями.

Принявъ общее начальство надъ этими войсками, маіоръ Заевъ долженъ былъ слѣдовать на Оренбургскую линію, войти тамъ въ сношеніе съ сосѣдними воеводами и дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Въ тотъ же день Чичеринъ разослалъ приказанія о повсемѣстномъ сборѣ выписныхъ казаковъ [1]), отставныхъ солдатъ и даже татаръ [2]). Комендантъ Троицкой крѣпости, бригадиръ де-Фейерваръ, приказалъ изъ пяти баталіоновъ, стоявшихъ на линіи отъ Звѣриноголовской до Озерной крѣпостей, выслать въ Верхо-Яицкую крѣпость отъ каждаго баталіона по 250 человѣкъ съ офицерами, а съ каждой изъ пяти дистанцій этой линіи по 500 человѣкъ линейныхъ казаковъ и башкирцевъ. Вслѣдъ затѣмъ Фейерваръ отправилъ въ Верхо-Яицкую крѣпость двѣ полевыя пушки и приказалъ слѣдовать туда же находившейся въ Троицкой крѣпости 8-й легкой полевой командѣ (за исключеніемъ одной роты) съ ея артиллеріей.

Предполагая собрать отрядъ до шести тысячъ человѣкъ и отправить его къ Оренбургу, Фейерваръ считалъ необходимымъ назначить особаго генерала для командованія войсками и единства въ дѣйствіяхъ.

«Возмущеніе безчеловѣчнаго злодѣя, писалъ Фейерваръ графу Чернышеву [3]), въ здѣшнемъ краю такъ опасно, что я не могъ преминуть ваше сіятельство объ ономъ увѣдомить. Видно, что злодѣй

---

[1]) Выписные казаки, сказано въ дневной запискѣ Чичерина, «еще съ 1746 года изъ государственныхъ крестьянъ учреждены были на нужный случай, а впрочемъ они всѣ въ равенствѣ съ крестьянами».

[2]) Дневная зап. о распоряженіи сибирскаго губернатора. Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 47 кн. III.

[3]) Отъ 18 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга № 1.

нечаянно своею хитростью и силою Ивану Андреевичу Рейнсдорпу къ распоряженію всѣ способы отнялъ, потому что по линіи ни одинъ командиръ отъ его превосходительства о семъ нечаянномъ случаѣ предложенія не получалъ и всякій по получаемымъ нечаяннымъ извѣстіямъ увѣдомлялся, и доколѣ по линіи стали справляться, оный злодѣй весьма усилился. Всѣхъ казаковъ и башкирцевъ приводитъ къ колебанію, киргизы опасны, и настоящаго предводителя (у насъ) нѣтъ. Мы подобны здѣсь стадамъ безъ пастыря: всякій старается, да ничего не успѣваетъ, а непріятель между тѣмъ усиливается. Однимъ словомъ, велика есть здѣсь опасность и требуетъ скорой помощи. Покорно прошу ваше сіятельство отправить въ самоскорѣйшемъ времени *надежнаго генерала, который бы могъ своимъ авторитетомъ и распоряженіемъ здѣсь порядокъ завести и общественнаго злодѣя истребить*».

Скорѣйшая и сильнѣйшая помощь Оренбургу, по мнѣнію Фейрвара, была весьма нужна, «ибо если сей общественный злодѣй, доносилъ онъ [1]), въ скорости истребленъ не будетъ, то можетъ такъ усилиться, *что послѣ принуждено будетъ большою силой его искоренять, а между тѣмъ много тысячъ невинныхъ людей, крѣпостей и жительствъ разорить не преминетъ*».

Сосредоточивая войска въ Троицкой крѣпости и сознавая, что Уйская и Верхо-Яицкая линіи остаются безъ защиты, Фейерваръ просилъ генералъ-поручика Деколонга оказать ему помощь и занять эти линіи сибирскими войсками [2]). Не ожидая приказанія сибирскаго губернатора Чичерина, Деколонгъ тотчасъ же двинулъ 14-ю легкую полевую команду изъ Петропавловской (Св. Петра) крѣпости, 10-ю легкую полевую команду изъ Омска и 11-ю легкую полевую команду изъ Ямышевской крѣпости.

Отправляясь самъ въ Троицкую крѣпость, Деколонгъ сообщилъ Рейнсдорпу о движеніи полевыхъ командъ и спрашивалъ, не прикажетъ ли онъ бригадиру Корфу не выступать изъ Озерной крѣпости къ Оренбургу, чтобы, дождавшись прибытія полевыхъ командъ, дѣйствовать совокупными силами противъ мятежниковъ. При

[1]) Въ рапортѣ Военной Коллегіи, отъ 17 октября. Архивъ Главнаго Штаба въ Петербургѣ, книга № 1-й.

[2]) Рапортъ Фейервара Деколонгу 13 октября 1773 года, тамъ же.

энергическомъ наступленіи, силъ этихъ было, конечно, достаточно для того, чтобы разогнать сборище Пугачева и возстановить спокойствіе. Но, не ограничиваясь этимъ и желая еще болѣе обезпечить успѣхъ, Деколонгъ приказалъ выступить къ Оренбургу 12-й легкой полевой командѣ изъ Усть-Каменогорска и 13-й полевой командѣ изъ Кузнецка.

Прибывъ въ Троицкую крѣпость, Деколонгъ получилъ увѣдомленіе отъ Рейнсдорпа, *что онъ вовсе не имѣетъ нужды въ его полевыхъ командахъ*, что въ самомъ непродолжительномъ времени, «уповая на милость Божію», какъ скоро соберутся оренбургскія войска, онъ, губернаторъ, «надъ злодѣемъ атаку учинитъ», и слѣдовательно командированныя изъ Сибири войска ко времени этой атаки «поспѣть уже не могутъ». Рейнсдорпъ предписалъ Деколонгу расположить его войска въ Орской и Троицкой крѣпостяхъ и охранять эти пункты. Бригадиру же Фейервару, за то, что онъ требовалъ присылки войскъ изъ Сибири, оренбургскій губернаторъ сдѣлалъ строгій выговоръ и писалъ, что всѣ его требованія *почитаетъ за излишнія* [1]).

Такое распоряженіе Рейнсдорпа удивило Деколонга. Онъ видѣлъ, что содѣйствіе его непріятно оренбургскому губернатору и что Рейнсдорпъ желаетъ за собою однимъ сохранить славу разбитія мятежниковъ и усмиренія волненій. Исполняя распоряженіе губернатора, Деколонгъ приказалъ отряду генералъ-маіора Станиславскаго [2]) занять Орскую, а отряду секундъ-маіора Зейферта [3]) Верхне-Яицкую крѣпость, въ окрестностяхъ которой башкирцы производили грабежи. Не смотря на то, что отряды эти шли все время форсированными маршами и въ двадцать дней сдѣлали болѣе 800 верстъ, они пришли въ полномъ порядкѣ и готовые двинуться далѣе.

Въ ожиданіи прибытія остальныхъ командъ, Деколонгъ оставался въ Троицкой крѣпости, и видя по общему ходу дѣлъ, что вол-

---

[1]) Письмо Деколонга кн. Щербатову отъ 17 іюня 1774 года, № 1,124. Моск. Архивъ Главнаго Штаба. Опись 47, кн. X.

[2]) Въ отрядѣ Станиславскаго находились: 14-я легкая полевая команда, одна губернская и двѣ баталіонныя роты и нѣсколько казаковъ.

[3]) У Зейферта были: 10-я легкая полевая команда, одна рота тобольскаго баталіона и нѣсколько казаковъ.

ненія въ краѣ не могутъ быть скоро подавлены, принялъ мѣры къ заготовленію продовольствія, запасовъ коего вовсе не было [1]).

Въ такомъ положеніи и безо всякой дѣятельности сибирскія войска оставались довольно долгое время. Сначала Рейнсдорпъ не желалъ воспользоваться ихъ прибытіемъ, а потомъ, когда призналъ необходимымъ ихъ содѣйствіе, то не могъ уже дать знать о своемъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мятежниками, и всѣ сообщенія съ Оренбургомъ были прерваны.

IV.

Приближеніе Пугачева къ Оренбургу.—Воззваніе его къ гарнизону.—Неудачныя вылазки изъ города.—Прибытіе подкрѣпленій къ самозванцу.—Расширеніе раіона волненій.—Происшествіе въ Верхне-Озерной крѣпости.—Грабежи киргизъ-кайсаковъ.—Помѣщики покидаютъ свои имѣнія.—Отправленіе Хлопуши на заводы для возмущенія рабочихъ.—Бомбардированіе Оренбурга.—Письмо Падурова. — Указъ Пугачева Оренбургской губернской канцеляріи.

Въ пятницу, 4 октября, Пугачевъ оставилъ Сакмарскій городокъ, и двинувшись внизъ по рѣкѣ Сакмарѣ, ночевалъ вблизи Оренбурга, при Камышевомъ озерѣ. Здѣсь, съ присоединеніемъ къ нему жителей Бердинской слободы, въ которой считалось до 200 дворовъ, силы самозванца простирались до 2,360 человѣкъ съ 20 орудіями, при которыхъ было нѣсколько зарядовъ и до 10 бочекъ пороха [2]).

Считая невозможнымъ со столь незначительными силами овладѣть городомъ, Пугачевъ 5 октября, въ одиннадцатомъ часу утра, перешелъ къ рѣкѣ Яику на такъ-называемые казачьи луга, находившіеся отъ города въ пяти верстахъ. Отсюда самозванецъ направился къ Оренбургу и, желая устрашить защитниковъ и показать имъ свои силы болѣе значительными, чѣмъ онѣ были на самомъ

---

[1]) Рапортъ Деколонга Военной Коллегіи 9 ноября 1773 года, № 351. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. № 1.

[2]) Силы эти распредѣлялись такъ: яицкихъ казаковъ 500, илецкихъ 300, изъ Разсыпной крѣпости 40, изъ Нижне-Озерной 100, легкой команды, которая сдалась подъ Татищевою, 100, оренбургскихъ казаковъ и калмыковъ подъ начальствомъ Падурова 600, изъ Татищевой сдавшихся солдатъ 300, каргалинскихъ татаръ 500 и сакмарскихъ человѣкъ 20 (Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года).

дѣлѣ, Пугачевъ растянулъ свою толпу въ одну шеренгу. «И такъ устроясь, показывалъ онъ впослѣдствіи [1]), пошелъ къ городу и остановился на горѣ въ тѣхъ мысляхъ [2]), чтобы городскимъ меня, а мнѣ ихъ видно было».

Въ Оренбургѣ ударили тревогу: гарнизонъ сталъ по мѣстамъ, а остальное населеніе съ ужасомъ ожидало появленія самозванца; «всѣ жители представили себѣ смерть, пишетъ очевидецъ [3]), и былъ великій плачъ и неутѣшное рыданіе». Но скоро населеніе стало успокоиваться: самозванецъ не двигался впередъ, и лишь смѣльчаки изъ его толпы появились въ форштадтѣ не болѣе какъ въ 15 саженяхъ отъ городскаго вала. Рейнсдорпъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и зажечь предмѣстье города, «ибо, доносилъ онъ, тотъ форштадтъ великую опасность предъявлялъ, что̀ доказать можетъ построенная на краю того форштадта каменная церковь во имя Св. Георгія, которая съ поруганіемъ употреблена ими была вмѣсто пушечной батареи».

Въ тотъ же день казакъ Иванъ Солодовниковъ подъѣхалъ къ городу и ущемивъ въ колышекъ бумагу воткнулъ его въ землю, а самъ ускакалъ. Бумага эта содержала въ себѣ воззваніе самозванца, обращенное къ гарнизону.

«Симъ моимъ именнымъ указомъ, писалъ Пугачевъ [4]), регулярной командѣ повелѣваю: какъ вы мои вѣрные рабы, регулярные солдаты, рядовые и чиновные напредь сего служили мнѣ и предкамъ моимъ, великимъ государямъ императорамъ Всероссійскимъ, вѣрно и неизмѣнно, такъ и нынѣ послужите мнѣ, законному своему великому государю Петру Федоровичу до послѣдней капли крови, и *оставя принужденное послушаніе къ невѣрнымъ командирамъ вашимъ, которые васъ развращаютъ и лишаютъ вмѣстѣ съ собою великой милости моей,* придите ко мнѣ съ послушаніемъ и положа оружіе свое предъ знаменами

[1]) Показаніе Пугачева 16 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506.

[2]) А не «въ тѣхъ мѣстахъ», какъ напечатано въ *Чтеніяхъ* 1858 года.

[3]) Дневная записка священника Ивана Осипова. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 430.

[4]) Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. № 1. Секретныя бумаги и манифесты Пугачева.

моими, явите свою вѣрноподданническую мнѣ, великому государю, вѣрность; за что̀ награждены и пожалованы мною будете денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и чинами. Какъ вы, такъ и потомки ваши первыя выгоды имѣть въ государствѣ моемъ будете и славную службу при лицѣ моемъ служить опредѣлитесь. Ежели же кто, позабывъ свою должность къ природному своему государю Петру Федоровичу, дерзнетъ сего именнаго моего повелѣнія не исполнить и силою моего оружія въ руки моего вѣрнаго войска полученъ будетъ, тотъ увидитъ на себѣ праведный мой гнѣвъ и казнь жестокую».

Не получивъ никакого отвѣта на это воззваніе, Пугачевъ на слѣдующее утро, 6 октября, началъ жечь возлѣ города сѣно, заготовленное жителями на зиму. Желая спасти запасы, генералъ Рейнсдорпъ выслалъ изъ крѣпости маіора Наумова съ отрядомъ въ 1,500 человѣкъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, при двухъ-трехъ орудіяхъ, и приказалъ ему атаковать мятежниковъ. Человѣкъ нерѣшительный, не особенно храбрый и наслышавшійся на пути къ Оренбургу о жестокостяхъ Пугачева, маіоръ Наумовъ вышелъ изъ города и, остановясь вдали отъ непріятеля, приказалъ открыть огонь изъ орудій. Мятежники отвѣчали тѣмъ же, а сами разсыпались по степи небольшими кучками и тѣмъ лишили Наумова возможности наносить имъ вредъ своими выстрѣлами. Послѣ двухчасовой перестрѣлки, разстрѣлявъ всѣ свои заряды, маіоръ Наумовъ счелъ болѣе удобнымъ возвратиться въ крѣпость, тѣмъ болѣе, что, по словамъ его, онъ замѣтилъ въ своихъ подчиненныхъ «робость и страхъ» [1]). Выходцы изъ толпы самозванца говорили послѣ, что если бы Наумовъ продвинулся впередъ, а не оставался на мѣстѣ, то толпа мятежниковъ побросала бы свои пушки и убѣжала бы въ лагерь, такъ какъ зарядовъ у нихъ почти не оставалось [2]). Но Наумовъ поторопился отступить, и обѣ стороны, сохранивъ свое относительное положеніе, въ теченіе двухъ дней не предпринимали ничего другъ противъ друга.

8 октября, для защиты отъ разграбленія мѣноваго двора и

---

[1]) Рапортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи отъ 9 октября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. № 1.

[2]) Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта* Пушкина.

оставшихся въ немъ купеческихъ товаровъ, оренбургскій губернаторъ выслалъ 300 человѣкъ драгунъ и яицкихъ казаковъ, которые не только прогнали мятежниковъ, но и захватили въ плѣнъ 116 человѣкъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Рейнсдорпъ рѣшился на слѣдующій день произвести новую вылазку изъ крѣпости, но, къ сожалѣнію, назначилъ начальникомъ отряда того же премьеръ-маіора Наумова.

«Какъ по единогласному взятыхъ сегодня плѣнниковъ объявленію извѣстно», писалъ Рейнсдорпъ Наумову [1]), «что въ толпѣ самозванца набраны люди бо̀льшею частью изъ разныхъ народовъ, яко-то: солдатъ, казаковъ и башкирцевъ, и въ такомъ количествѣ состоятъ, что ввѣренный вашему высокоблагородію корпусъ не только количествомъ, но и качествомъ военныхъ служителей гораздо превосходитъ, то разсудилъ я, не допуская сихъ злодѣевъ до дальняго вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества разоренія, призвавъ Бога въ помощь, завтрашняго числа его атаковать».

Утромъ 9 октября всѣ командиры назначенныхъ въ составъ отряда частей заявили коменданту, генералъ-маіору Валленштерну, что среди подчиненныхъ имъ чиновъ слышится «роптаніе, изъявляющее великую робость и страхъ», и что потому они отказываются идти противъ толпы мятежниковъ [2]).

Валленштернъ былъ человѣкъ хотя и пожилыхъ уже лѣтъ, но чрезвычайно дѣятельный и храбрый, какимъ и показалъ себя въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ заявленіе начальниковъ, но какъ человѣкъ совершенно новый, только недѣли за двѣ пріѣхавшій изъ Сибири и не успѣвшій осмотрѣться [3]), принужденъ былъ сказать о томъ Рейнсдорпу. Вылазка была отмѣнена, и оренбургскій губернаторъ просилъ Военную Коллегію прислать ему на помощь войска и хорошихъ командировъ.

«Состояніе Оренбургской губерніи, писалъ Рейнсдорпъ графу

---

[1]) Въ ордерѣ отъ 8 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ) книга № 1.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи отъ 9 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), книга № 1.

[3]) Письмо Ѳедора Сукина петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 года. Рукописная книга № 559 изъ собранія графа Уварова.

Чернышеву [1]), весьма жалкое и болѣе опасное, чѣмъ я могу вамъ описать. Регулярная армія силой въ 10 тысячъ человѣкъ не испугала бы меня, но одинъ измѣнникъ съ тремя тысячами бунтовщиковъ заставляетъ дрожать весь Оренбургъ. Священное имя монарха, которымъ этотъ злодѣй злоупотребляетъ, и его неслыханная жестокость отняли у подчиненныхъ мнѣ офицеровъ почти все мужество и къ несчастію между ними пѣтъ и двухъ испытанныхъ на практикѣ. Мой гарнизонъ, состоящій всего изъ 1,700 человѣкъ, есть единственная команда, на которую я полагаюсь. По милости Всевышняго мы поймали 12 шпіоновъ, подосланныхъ этимъ злодѣемъ: двое назначены были умертвить меня, а остальные чтобы зажечь городъ».

Не полагаясь ни на одного казака, оренбургскій губернаторъ принужденъ былъ принять оборонительный образъ дѣйствій, предоставить инпціативу самозванцу, и смотрѣть безучастно на расширеніе его власти въ краѣ. Такое положеніе было оскорбительно для оренбургскаго губернатора, и генералъ Рейнсдорпъ, обходя по нѣсколько разъ въ день укрѣпленія и ободряя гарнизонъ [2]), достигъ того, что тѣ же самые командиры, которые отказались идти на вылазку, «по довольномъ увѣщаніи одумались и къ той атакѣ готовыми себя представили».

12 октября маіоръ Наумовъ со своимъ отрядомъ опять вышелъ изъ города и двинулся противъ мятежниковъ. «Регулярныя войска, доносилъ Рейнсдорпъ [3]), столь крѣпко наступали, что ежели бы перегулярныя имъ соотвѣтствовали и по предписанію моему учинили, то бы желаемаго успѣха весьма достигнуть было можно, а то послѣднія по робости ихъ противъ разсѣяннаго непріятеля почти ничего не дѣйствовали, а стояли подъ защитой пушекъ».

Мятежники въ разсыпную окружили со всѣхъ сторонъ отрядъ, и Наумовъ, послѣ четырехчасовой канонады, принужденъ былъ

---

[1]) Въ частномъ письмѣ отъ 9 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 88.

[2]) По словамъ г. Сукина, губернаторъ весьма часто обходилъ укрѣпленія, ободрялъ гарнизонъ и всегда являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

[3]) Рапортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи 16 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), книга № 2.

построить каре и, скрывъ немъ орудія, отступить къ городу. Онъ потерялъ при этомъ 22 человѣка убитыми, 31 человѣка ранеными, 6 человѣкъ захваченными въ плѣнъ, а 64 человѣка передались на сторону самозванца.

Эта новая неудача заставила Рейнсдорпа отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій до прибытія подкрѣпленій, и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ недѣль военныя дѣйствія подъ Оренбургомъ не сопровождались никакими особенностями, которыя могли бы измѣнить взаимное положеніе сторонъ. Почти ежедневно небольшія кучки мятежниковъ подходили къ крѣпости, кричали, чтобы гарнизонъ сдался государю, по нимъ производилось нѣсколько выстрѣловъ, и тѣмъ дѣло кончалось.

Рейнсдорпъ предписалъ начальнику Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру Корфу, собрать команды съ постовъ и идти къ нему на помощь; прислъ о томъ же киргизскаго Айчувакъ-султана, а Пугачевъ разослалъ повсюду воззванія и приглашалъ въ свою толпу киргизовъ, погайцевъ, заводскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ приказывалъ выпустить всѣхъ содержащихся въ тюрьмахъ и «у хозяевъ имѣющихся въ невольности людей», и всѣмъ кто получитъ его указъ, идти на соединеніе съ его толпой.

«Приказаніе отъ меня такое, писалъ самозванецъ: [1]) если будутъ оказываться противники, таковымъ головы рубить и кровь проливать, чтобы дѣтямъ ихъ было въ предосторожность. И какъ ваши предки, отцы и дѣды служили дѣду моему *блаженному богатыро*, государю Петру Алексѣевичу, и какъ вы отъ него жалованье (получали), такъ и я нынѣ и впредь васъ жаловать буду и пожаловалъ землею, водою, вѣрою и молитвою, пажитью и денежнымъ жалованьемъ, за что должны вы служить до послѣдней погибели, и буду вамъ за то отецъ и жалователь; и не будетъ отъ меня лжи много, будетъ милость, въ чемъ я далъ мою предъ Богомъ заповѣдь. Буде кто противъ меня будетъ противникъ и невѣроятенъ, таковымъ не будетъ отъ меня милости: голова будетъ рублена, а пажити ограблены».

Какъ это, такъ и другія воззванія самозванца были приняты

[1]) Госуд. Арх. VI, дѣло № 415.

населеніемъ съ большимъ сочувствіемъ: они обѣщали каждому свободу религіи, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе землей.

Прежде всего присоединились къ Пугачеву тѣ 400 человѣкъ башкирцевъ, которые были вытребованы для подкрѣпленія гарнизона Оренбурга, а затѣмъ былъ полученъ въ Башкиріи указъ самозванца, отправленный изъ Каргалинской слободы. Указъ этотъ поднялъ большую часть населенія, такъ что когда черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ башкирскія селенія сержантъ Бѣловъ, посланный изъ Таналыкской крѣпости собрать башкирцевъ для защиты линіи, то онъ увидѣлъ, что почти всѣ уже были вооружены [1]). Бѣловъ передалъ старшинамъ приказаніе бригадира Корфа, чтобъ они собрали свои силы и шли на помощь Верхне-Озерной крѣпости, но башкирцы отвѣчали, что идутъ къ государю. Раздѣлясь на двѣ партіи, они отправились въ станъ самозванца: сначала прибылъ старшина Еманъ-Серай съ 500 человѣкъ, а чрезъ нѣсколько дней пришелъ и старшина Кинзя, также съ 500 человѣкъ. [2]) Пугачевъ щедро наградилъ старшинъ, и изъ взятыхъ въ разныхъ крѣпостяхъ денегъ приказалъ выдать по рублю каждому пришедшему башкирцу [3]).

Не ограничиваясь этимъ первымъ успѣхомъ, самозванецъ разослалъ свои указы по крѣпостямъ и форпостамъ, требуя покорности какъ отъ гарнизоновъ, такъ и отъ комендантовъ. Одинъ изъ такихъ указовъ дошелъ до бригадира Корфа и поставилъ его въ странное положеніе. Пугачевъ требовалъ, чтобы бригадиръ поступилъ къ нему въ подданство, «*а какъ штиль въ оном (указѣ) явствуетъ на складъ крестьянскій*, писалъ Корфъ [4]), *слѣдовательно потому и надобно думать сіе несправедливо*». Одумавшись, Корфъ приказалъ собрать со всей ввѣренной ему дистанціи регулярныя команды въ Верхне-Озерную крѣпость и намѣ-

---

[1]) Предложеніе подполковника Росса въ состоящія вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую крѣпости отъ 15 октября 1773 года. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

[2]) Показаніе Пугачева, 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

[3]) Показаніе Зарубина (Чики). Тамъ же, № 422.

[4]) Комендантъ Верхне-Яицкой дистанціи Е. А. Ступишину, 7 октября 1773 года. Тамъ же, № 504.

репъ былъ здѣсь защищаться. При этомъ сборѣ оказалось, что на всемъ протяженіи, отъ Нѣжинскаго редута до Губерлинской крѣпости, находилось на службѣ 1,156 человѣкъ иррегулярнаго войска и только 340 регулярныхъ. При требованіи командъ въ Верхне-Озерную крѣпость многіе казаки, калмыки и башкиры бѣжали, а изъ Нѣжинскаго и Вязовскаго редутовъ, съ ихъ форпостами и заставами, команды вовсе не прибыли. Точно также отказались идти въ Озерную и красногорскіе казаки, получившіе уже указъ Пугачева, адресованный на имя капитана Уланова, который по своей «безразсудности» прочелъ его публично при собраніи казаковъ. Хотя Улановъ и былъ за это арестованъ, но казаки все-таки не пошли въ Озерную, гдѣ собрались команды лишь нѣкоторыхъ крѣпостей и были расположены лагеремъ.

Вскорѣ бригадиръ Корфъ узналъ, что среди прибывшихъ командъ находятся явные сторонники Пугачева и что одинъ изъ таковыхъ, казакъ пригорода Табынска, Тимоѳѣй Красильниковъ, успѣлъ съѣздить въ станъ самозванца и привезти оттуда указъ на имя атамана Немирова.

Утромъ 8 октября вся иррегулярная команда отправилась изъ лагеря въ Верхне-Озерную крѣпость, причемъ Красильниковъ впереди всѣхъ везъ указъ Пугачева и показывалъ его народу [1]).

Корфъ вышелъ изъ своего дома и потребовалъ указъ; но Красильниковъ не отдалъ его бригадиру, а просилъ собрать сначала всѣхъ казачьихъ старшинъ и призвать атамана Немирова, чтобъ онъ прочелъ его всенародно. Хотя старшины «на тотъ случай, къ отвращенію и увѣщеванію отъ худыхъ мыслей» и собраны были въ домѣ Корфа, но онъ не призналъ нужнымъ ихъ вызывать и взялъ силой указъ отъ Красильникова. Пришедшая толпа бросилась тогда бѣжать изъ крѣпости въ лагерь съ крикомъ: «ступай на конь и бери ружья!» Корфъ двинулъ вслѣдъ за бѣжавшими регулярную команду и приказалъ атаковать возмутившихся. При этой атакѣ были убиты два табынскіе казака, а прочіе, сѣвъ на

[1]) Г. Анучинъ говоритъ, что казаки требовали, «чтобы привезенный ими на *ружьѣ* указъ Пугачева былъ прочитанъ всенародно» (*Военн. Сборникъ*, 1869 года, № 5, стр. 38). Въ подлинникѣ же сказано: «везя тотъ запечатанный указъ въ показаніе народу наруже», то-есть открыто.

коней, «разсѣялись грудами по разнымъ мѣстамъ, изъ конхъ тѣ самые, по которымъ стрѣляли, больше сорока человѣкъ, совсѣмъ бѣжали, а калмыки и нѣкоторые казаки возвращены уже ласкательствомъ». Возвращенные были приведены къ присягѣ, но побѣги не прекратились. Посланный на другой день урядникъ Бѣлоглазовъ съ одиннадцатью казаками для развѣдыванія о мятежникахъ не возвратился и ушелъ въ толпу самозванца вмѣстѣ со всею командой. Тогда Корфъ перевелъ всю иррегулярную команду изъ лагеря въ крѣпость и, перемѣшавъ ее съ солдатами, разставилъ по укрѣпленіямъ. Казаки и калмыки потребовали фуража для лошадей. Бригадиръ приказалъ выдать имъ деньги изъ экстраординарной суммы; но сознавалъ, что положеніе его среди подобнаго гарнизона незавидно. Оно усложнялось еще и тѣмъ, что въ Верхне-Озерной крѣпости находилось до 200 конфедератовъ, легко могшихъ перейти на сторону мятежниковъ, а въ окрестностяхъ начались грабежи киргизъ-кайсаковъ.

Собравшись довольно значительными партіями, киргизы отгоняли скотъ изъ-подъ самыхъ крѣпостей, покушались на то же самое и въ Верхне-Озерной, но были прогнаны. 11 октября они пытались овладѣть Губерлинскою крѣпостью, а оставшійся командиромъ въ Ильинской крѣпости сержантъ Мартышевъ въ тотъ же день доносилъ, что близъ самой крѣпости, за рѣкой Яикомъ, разъѣзжаютъ киргизы значительными толпами. Для защиты этихъ пунктовъ Корфъ отправилъ по 20 человѣкъ команды въ каждую крѣпость, но въ этотъ день (13 октября) получилъ приказаніе Рейнсдорпа идти со своимъ отрядомъ въ городъ Оренбургъ для усиленія гарнизона. Корфъ не рѣшился тотчасъ же выступить изъ крѣпости и требовалъ себѣ помощи съ крѣпостей и постовъ Верхо-Яицкой линіи [1]). Онъ писалъ комендантамъ [2]), что хотя ему и слѣдовало бы идти какъ можно скорѣе къ Оренбургу, чтобы напасть тамъ на мятежниковъ совокупными силами, но «въ разсужденіи колеблемости въ нерегулярныхъ, дабы они, при сраженіи съ непріяте-

[1]) Рапортъ Корфа Рейнсдорпу 14 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ). Книга № 1.

[2]) Отношеніе Корфа дистанціоннымъ и крѣпостнымъ комендантамъ по линіи отъ Орской до Троицкой крѣпости 14 октября 1773 года. Тамъ же. Книга № 2.

лемъ, не измѣнили и тѣмъ не подвергли регулярныхъ большой опасности, а оставшіяся крѣпости въ малолюдствѣ бѣдствію съ одними регулярными, которыхъ не болѣе набраться можетъ 400 человѣкъ, выступить я удержался до присылки требуемыхъ мною съ верхнихъ крѣпостей командъ».

Разсчеты Корфа на прибытіе скорой помощи не оправдались. Слухъ о появленіи «государя» проникъ уже далеко отъ Оренбурга, и почти все населеніе Оренбургской губерніи пришло въ движеніе. Еще 5 октября комендантъ Зелаирской крѣпости, поручикъ Долгоносовъ, просилъ помощи у начальника Верхне-Яицкой дистанціи, полковника Ступишина, и писалъ ему, что въ составѣ гарнизона Зелаирской крѣпости находится всего одна рота Озернаго гарнизоннаго баталіона и въ ней болѣе половины польскихъ конфедератовъ, «на коихъ надежды вѣрной, къ сохраненію вѣрноподданныхъ, уповать не можно, ибо они, какъ я развѣдалъ, не хотятъ за Россію стоять» [1]). Ступишинъ отказалъ въ помощи Долгоносову, такъ какъ въ окрестностяхъ Верхне-Яицкой крѣпости поднималось уже все заводское населеніе, среди котораго появились эмиссары Пугачева.

По мѣрѣ того, какъ регулярныя войска оставляли заставы, форпосты, укрѣпленія и собирались въ центральныхъ пунктахъ дистанцій, оставшееся населеніе принимало сторону самозванца, и покинутыя укрѣпленія занимались мятежниками. Такимъ путемъ были заняты: Пречистенская и Красногорская крѣпости, Нѣжинскій и Вязовскій редуты и другіе пункты. Утверждаясь въ укрѣпленныхъ пунктахъ, приверженцы Пугачева, безъ его вѣдома и указаній, сами все шире и шире распространяли свою дѣятельность въ краѣ и встрѣчали повсюду сочувствіе. Принявъ на себя самовольно званіе полковниковъ и атамановъ, предводители шаекъ дѣйствовали именемъ Петра III и распоряжались по своему усмотрѣнію. Если предводителемъ партіи былъ яицкій казакъ, то онъ считалъ долгомъ заявить населенію, что царь приказалъ ломать нынѣшнія церкви и строить семиглавыя, а креститься не трехперстнымъ, а двухперстнымъ сложеніемъ. Предводитель башкирецъ

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

говорилъ, чтобы крестьяне своихъ помѣщиковъ не слушали, и что отъ государя приказано: «ежели кто помѣщика убьетъ до смерти и домъ его разоритъ, тому дано будетъ жалованья 100 рублей, а кто десять дворянскихъ домовъ разоритъ, тому тысяча рублей и чинъ генеральскій» [1]). Населеніе предавалось разгулу и пьянству, а помѣщики бѣжали, кто куда могъ, оставляя свое имущество на разграбленіе мятежникамъ. Уже въ началѣ октября почти всѣ имѣнія, раскинутыя на сто и болѣе верстъ вокругъ Оренбурга, были брошены ихъ владѣльцами. Помѣщикъ селенія Ляховки, находившагося въ 250 верстахъ отъ Оренбурга, отставной капитанъ Петръ Ляховъ, и его сосѣди: отставной маіоръ Александръ Кудрявцевъ, капитанъ Михайло Карамзинъ и прапорщикъ Данило Куроѣдовъ, при первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, подъ Оренбургомъ оставили свои имѣнія. Едва успѣли они уѣхать, какъ въ имѣніе Карамзина, село Михайловку, прибыли одиннадцать человѣкъ яицкихъ казаковъ.

— Дома помѣщикъ? былъ первый вопросъ прибывшихъ.

— Нѣтъ дома, отвѣчали работавшіе у церкви крестьяне.

Казаки приказали всѣмъ идти на господскій дворъ, гдѣ и объявили волю.

— Мы посланы, говорили они, — изъ арміи государя Петра Ѳедоровича разорять помѣщичьи дома и давать крестьянамъ свободу. Смотрите же, мужики, отнюдь на помѣщика не работайте и никакихъ податей ему не платите; а если мы впередъ застанемъ васъ на помѣщичьей работѣ, то всѣхъ переколемъ.

Ограбивъ помѣщичій домъ, казаки уѣхали, приглашая желающихъ отправиться въ станъ государя и посмотрѣть его [2]).

Другая такая же партія, въ ночь на 12 октября, прошла черезъ Бугульчанскую пристань и направилась на Воскресенскій Твердышева мѣдиплавильный заводъ. Управляющій заводомъ былъ убитъ, домъ его сожженъ и деньги забраны. Поверставъ бо́льшую часть заводскихъ крестьянъ въ казаки, мятежники взяли съ собою

---

[1]) Показаніе священника села Ляховки, Петра Степанова. Государственный Архивъ, VI, д. № 433.

[2]) Показаніе Сидора Колесникова, 18 декабря 1773 года. Государств. Арх., VI, дѣло № 433.

всѣ пушки, порохъ, снаряды и отправились къ Оренбургу въ станъ самозванца.

18 октября толпа инсургентовъ, состоявшая изъ пяти яицкихъ казаковъ и пятидесяти калмыковъ, появилась въ виду Сорочинской крѣпости, находившейся въ 170 верстахъ отъ Оренбурга. Какъ только получено было объ этомъ свѣдѣніе, казакъ Тимоѳѣй Черновъ побывалъ въ толпѣ и объявилъ жителямъ, что самъ государь идетъ въ крѣпость. Сговорясь съ присланнымъ въ Сорочинскъ за порохомъ изъ Тоцкой крѣпости, атаманомъ Никифоромъ Чулошниковымъ, они рѣшили встрѣтить мятежниковъ съ почетомъ. Разъѣзжая по городу на лошади и махая копьемъ, Черновъ требовалъ, чтобы населеніе вышло за городъ со звономъ колоколовъ и святыми иконами.

— Кто встрѣчать не пойдетъ, кричалъ Черновъ, — тѣхъ велѣно мнѣ колоть.

Жившій въ крѣпости отставной сержантъ Измайловскаго полка Петръ Бабаевъ, увѣрялъ, что былъ въ станѣ Пугачева, самъ его видѣлъ, и что по лицу и росту онъ точно бывшій императоръ. Увѣреніе его смутило и начальника гарнизона, капитана Брейтигама, который приготовился было къ оборонѣ, а потомъ, узнавъ, что самозванецъ многихъ командировъ за ослушаніе повѣсилъ, приказалъ снять пушки съ крѣпости и отвезти въ складъ.

Утромъ 20 октября толпа, предшествуемая бѣлымъ знаменемъ, стала подходить къ Сорочинску. Въ церкви ударили въ колоколъ, и все населеніе съ хоругвями и иконами двинулось за городъ. Впереди всѣхъ шелъ капитанъ Брейтигамъ съ хлѣбомъ и солью. Самозванный полковникъ слѣзъ съ лошади, приложился ко кресту и приказалъ всѣмъ идти въ церковь, гдѣ отслуженъ былъ молебенъ за здравіе императора Петра III. Послѣ молебна было произведено нѣсколько салютаціонныхъ выстрѣловъ и началась присяга, причемъ священникъ Кирилла Васильевъ присягнулъ первый, а за нимъ и всѣ остальные. Послѣ разбитія кабаковъ и усиленной попойки, мятежники удалились изъ Сорочинской крѣпости, захвативъ съ собою двѣ пушки, тридцать пять бочекъ пороху, два ящика ядеръ и всю денежную казну [1]).

[1]) Рапортъ симбирскаго коменданта Чернышева казанскому губернатору 31 октября 1773 года. Показаніе Петра Бабаева 17 декабря 1773 года. Государств. Арх., VI

Ободренный столь неожиданнымъ успѣхомъ и усиленіемъ своей толпы, Пугачевъ, по совѣту главнѣйшимъ образомъ Зарубина (Чики) и другихъ яицкихъ казаковъ, почти ежедневно разсылалъ свои указы въ разныя стороны, и спустя нѣсколько дней по прибытіи подъ Оренбургъ, отправилъ яицкаго казака Дмитрія Лысова къ калмыкамъ, а ссыльно-каторжнаго Хлопушу—на заводы. Лучшаго выбора, конечно, Пугачевъ сдѣлать не могъ: Хлопуша зналъ Оренбургскую губернію вдоль и поперекъ, жилъ и работалъ самъ на нѣсколькихъ заводахъ, и, бѣгая три раза изъ Сибири, зналъ всѣ заводы наперечетъ.

— Снаряжайся-ка въ дорогу, сказалъ однажды Шигаевъ, отыскавъ Хлопушу.

— У меня хлѣба нѣтъ, отвѣчалъ хитрый каторжникъ.

— О хлѣбѣ не пекись, а пойдемъ-ка къ государю.

Хлопуша и Шигаевъ пришли въ кибитку самозванца.

— Возьми ты двухъ казаковъ, говорилъ Пугачевъ Хлопушѣ,— да провожатаго съ Авзяно-Петровскаго завода [1]), крестьянина Дмитрія Иванова, поѣзжай туда и объяви заводскимъ крестьянамъ указъ, и если будутъ согласны мнѣ служить, то посмотри, есть ли мастера лить мортиры, и если есть, то прикажи лить.

Снабженный деньгами на дорогу, Хлопуша отправился по назначенію, а слѣдомъ за нимъ выѣхалъ, 14 октября, и Шигаевъ съ указомъ, въ которомъ самозванецъ писалъ: «Никогда и никого не бойтесь, и моего непріятеля, яко сущаго злодѣя, не слушайте; кто меня не послушаетъ, тому за то учинена будетъ казнь» [2]). Имѣя порученіе собирать казаковъ по верхнимъ яицкимъ

дѣло № 462. Показаніе священника Кириллы Васильева 9 декабря 1773 года. Тамъ же, № 433.

[1]) Авзяно-Петровскій желѣзный заводъ названъ по рѣкѣ Авзянѣ и построенъ въ 1753 году. Онъ находился отъ Оренбурга въ 330, отъ города Уфы въ 250 и отъ Табынска въ 100 верстахъ. Сначала заводъ принадлежалъ графу А. П. Шувалову, а потомъ дворянину Евдокиму Демидову. Къ заводу было приписано: крестьянъ изъ Казанскаго уѣзда 3,708 душъ, изъ черносошныхъ крестьянъ—1,002 души, да собственныхъ Демидова, переведенныхъ изъ его вотчинъ, 274 души; всего на заводѣ было до 4,784 душъ.

[2]) Въ заголовкѣ указа было написано: «Всѣмъ арміямъ государь, Россійскою землею владѣтель, государь и великая свѣтлость, императоръ Россійскій, царь Петръ Ѳедоровичъ, ото всѣхъ государей и государыни отмѣнный», и проч., и проч.

форпостамъ, Шигаевъ успѣлъ привести до 100 человѣкъ въ станъ самозванца. Нѣсколько дней спустя прибыло еще 100 человѣкъ казаковъ, бѣжавшихъ изъ Яицкаго городка, подъ начальствомъ казака Серебрецова. Они привезли съ собою связаннаго старшину Копѣечкина, котораго Пугачевъ, по просьбѣ казаковъ, приказалъ четвертовать [1]). За казаками пришли высланные Хлопушей 83 человѣка заводскихъ крестьянъ Преображенскаго (Зелаирскаго) Твердышева завода [2]) и привезли много денегъ, пять пушекъ и весь порохъ, какой былъ въ заводѣ [3]).

Спустя нѣсколько дней, въ станъ самозванца явились: черемисскій старшина Мендей съ 500 человѣкъ, башкирскій старшина Альвей съ 600 человѣкъ и старшина ставропольскихъ калмыковъ Дербетевъ съ 300 человѣкъ [4]).

По мѣрѣ того, какъ увеличивались силы мятежниковъ, Пугачевъ принималъ мѣры къ тѣснѣйшей блокадѣ Оренбурга, и не надѣясь взять крѣпость приступомъ, намѣренъ былъ голодомъ принудить жителей сдаться и просить пощады.

Изрѣдка самозванецъ подвозилъ свои орудія и бомбардировалъ городъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, устроивалъ даже подобіе осадныхъ батарей, но видя весьма малый успѣхъ въ дѣйствіяхъ своей артиллеріи, приказалъ жечь сѣно и уничтожать запасы. Оренбургу грозила опасность въ самомъ непродолжительномъ времени остаться безъ фуража. Поэтому генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ призналъ необходимымъ выслать изъ города всѣхъ лошадей,

---

[1]) Это тотъ самый Копѣечкинъ, который во время возмущенія казаковъ и убійства генерала Траубенберга былъ на сторонѣ старшинъ, а потомъ посылаемъ былъ изъ Яицкаго городка для поимки Пугачева предъ его появленіемъ.

[2]) Преображенскій (Зелаирскій) мѣдиплавильный заводъ находился на почтовой Челябинской дорогѣ. Заводъ этотъ построенъ въ 1750 году коллежскимъ ассессоромъ Твердышевымъ и Мясниковымъ на рѣчкѣ Урманъ-Тжелаиръ. Отъ этой рѣки онъ получилъ искаженное названіе *Зелаирскаго*, а по церкви, построенной во имя Преображенія Господня, названъ *Преображенскимъ*. Въ заводѣ было 214 домовъ съ населеніемъ въ 587 душъ мужскаго пола. Заводъ не имѣлъ укрѣпленій, но укрѣпленъ былъ самою природой: отовсюду окружали его высокіе каменные утесы (Путешествія академиковъ Лепехина и Фалька).

[3]) Рапортъ коменданта Зелаирской крѣпости полковнику Ступишину, 21 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга № 1.

[4]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

принадлежавшихъ частнымъ лицамъ и негодныхъ казенныхъ [1]), а рогатый и мелкій скотъ совѣтовалъ жителямъ употреблять въ пищу или же самимъ озаботиться пріобрѣтеніемъ фуража, доставать который было очень трудно и почти невозможно, въ виду наступившаго холоднаго времени и совершеннаго бездорожья.

14 октября выпалъ первый снѣгъ, наступили морозы, и на рѣкѣ Яикѣ появились ледяныя закраины; къ утру 16 числа снѣгу выпало столько, что начали ѣздить на саняхъ. Въ такую погоду гарнизону тяжело становилось постоянно находиться на валу крѣпости, и необходимо было устроить закрытія для защитниковъ. Рейнсдорпъ выслалъ 15 октября особыя команды за лѣсомъ и лубками, для устройства землянокъ, и нѣсколько сотъ подводъ за сѣномъ. Вылазка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и мятежники не оказали никакого препятствія, такъ какъ имъ самимъ приходилось плохо, и они много терпѣли отъ стужи и непогоды. Мнимый государь ихъ жилъ въ калмыцкой кибиткѣ, а всѣ его сообщники валялись по степи ничѣмъ неприкрытые или прятались по кустамъ, спасаясь отъ холода. Опасаясь ронота и побѣговъ, Пугачевъ 18 октября перешелъ отъ рѣки Яика къ рѣкѣ Сакмарѣ, и остановясь въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, между Бердинскою слободой и Маячною горой, расположилъ часть своей толпы по домамъ и сараямъ, а для остальныхъ началъ строить землянки. Если бы Рейнсдорпъ въ это время выслалъ изъ крѣпости отрядъ подъ предводительствомъ энергичнаго начальника, онъ, конечно, могъ бы разогнать толпу плохо вооруженную и неимѣвшую пристанища; но предъидущія неудачи заставили оренбургскаго губернатора быть осторожнымъ и придавать силамъ самозванца гораздо большее значеніе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Рейнсдорпъ рѣшился поджидать прибытія подкрѣпленій, а Пугачевъ, пользуясь бездѣйствіемъ губернатора, принималъ самыя дѣятельныя мѣры къ усиленію своей толпы.

Въ концѣ октября онъ отправилъ двухъ посланныхъ, одного опять къ башкирамъ, а другого къ киргизамъ. При этомъ Кинзя

[1]) Отправленныя въ Уфимскій уѣздъ, Верхне-Яицкую дистанцію и Илецкую защиту, лошади эти впослѣдствіи были захвачены мятежниками.

Арслановъ писалъ башкирскому старшинѣ Аблаю Мурзагулову: «Желаемое нами отъ Бога, далъ Богъ намъ. Отъ земли потерянный царь и великій государь Петръ Ѳедоровичъ подлинный самъ, клянусь тебѣ Богомъ, и сынъ его Павелъ Петровичъ съ 72,000 донскихъ казаковъ къ намъ приближается» [1]).

Разсылая свои воззванія, Пугачевъ не переставалъ тревожить Оренбургъ и въ этомъ отношеніи выказалъ гораздо бо́льшую дѣятельность, чѣмъ губернаторъ. Начиная съ 22 октября и по 4 ноября мятежники находились почти постоянно въ виду города и вели перестрѣлку съ гарнизономъ. Пользуясь окружающими городъ мѣстными закрытіями, неуничтоженными зданіями форштадта и даже Георгіевскою церковью, Пугачевъ тайно по ночамъ подвозилъ свои орудія и высылалъ стрѣлковъ, которые съ наступленіемъ утра открывали огонь. Изъ крѣпости имъ отвѣчали тѣмъ же, и взаимная канонада продолжалась по нѣскольку часовъ, съ малымъ однакоже успѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Среди этой канонады одиночные всадники подъѣзжали къ городскому валу и совѣтовали гарнизону сдаться.

— Господа яицкіе казаки, кричалъ одинъ изъ такихъ,—пора вамъ одуматься и служить государю Петру Ѳедоровичу.

Другой изъ подъѣхавшихъ звалъ стоявшихъ на валу защитниковъ къ себѣ въ гости и кричалъ: «у нашего батюшки вина много»!

— Пріѣзжайте-ка вы къ намъ со своимъ царемъ обѣдать, кричали съ городскаго вала,—у насъ въ городѣ вина больше.

— Погодите, пріѣдемъ, отвѣчали мятежники, и дѣйствительно утромъ 27 октября Пугачевъ почти со всѣми своими силами показался въ виду города. Повидимому онъ намѣренъ былъ двинуться на штурмъ, но видя, «что крѣпости онъ одолѣть не могъ и въ крѣпость влѣзть было не можно» [2]), самозванецъ послѣ перваго отпора со стороны гарнизона приказалъ отступить.

— Не стану тратить людей, говорилъ онъ, — а выморю городъ моромъ.

---

[1]) Государств. Арх., VI, дѣло № 416.

[2]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 512.

Съ этою цѣлью самозванецъ ежедневно посылалъ небольшія партіи тревожить жителей, перехватывать курьеровъ и уничтожать запасы. Въ ночь на 2 ноября мятежники построили вокругъ города батареи, и съ разсвѣтомъ открыли огонь, продолжавшійся цѣлый день. Такъ какъ на этотъ разъ батареи были устроены вблизи города, то непріятельскіе снаряды причинили нѣкоторый вредъ: человѣкъ шесть обывателей было убито, семь ранено; два ядра попали внутрь губернаторскихъ покоевъ, одно — въ двери палатки, гдѣ хранилась денежная казна, другое, — въ стѣну дома Соляпаго управленія, гдѣ была судейская камора, и наконецъ на дворъ дома Рычкова. Хотя результаты продолжительнаго бомбардированія были почти ничтожны, но, во-первыхъ, стоили крѣпости 1,788 снарядовъ, выпущенныхъ въ отвѣтъ на выстрѣлы мятежниковъ, и во-вторыхъ, произвели сильное нравственное впечатлѣніе на жителей. Желая воспользоваться этимъ впечатлѣніемъ и считая ядромъ защиты Оренбурга казаковъ яицкихъ и оренбургскихъ, Пугачевъ рѣшилъ вновь войти съ ними въ сношеніе и предложить сдать городъ.

— Я намѣренъ, говорилъ онъ Падурову, — къ городу послать казаковъ на переговорку, чтобы жители, не доводя себя до конечной погибели, сдались мнѣ. Напиши-ка ты отъ себя къ оренбургскому атаману Василію Могутову, да къ яицкому старшинѣ Мартемьяну Бородину, чтобъ они, если желаютъ получить отъ меня за противность ихъ прощеніе, уговаривали бы городскихъ солдатъ и казаковъ, а равно губернатора и всѣхъ командировъ сдать городъ и покориться мнѣ въ подданство. Ты ихъ обнадежь, что я, право, ничего имъ не сдѣлаю и прощу. Если же они не сдадутся и мнѣ удастся штурмомъ городъ взять, то тогда я поступлю съ ними безо всякой пощады. Ты увѣряй ихъ въ тѣхъ письмахъ, что я точно Петръ III, да опиши притомъ и мои примѣты, вотъ какія: верхняго наперед зуба нѣтъ, правымъ глазомъ прищуриваю [1]). Они меня видѣли и помнятъ оныя примѣты. Да напиши Могутову и то: развѣ ты-молъ забылъ государевы милости, вѣдь онъ сына твоего пожаловалъ въ пажи.

---

[1]) Примѣты, ходившія въ народѣ о покойномъ Петрѣ III.

Падуровъ написалъ эти письма и принесъ ихъ самозванцу. Пугачевъ повертѣлъ ихъ предъ глазами и затѣмъ, передавая Ивану Почиталину, приказалъ прочитать ихъ [1]).

— Очень хорошо, проговорилъ самозванецъ по окончаніи чтенія, — ты оставь ихъ у меня, я самъ запечатаю и отошлю въ городъ съ казаками.

Падуровъ писалъ атаману Могутову, что дальнѣйшее сопротивленіе приведетъ жителей въ крайнее разореніе, потому что государь намѣренъ штурмовать Оренбургъ, и уже получены съ заводовъ пять бомбъ такого большаго размѣра, «что онѣ чинятся пороху по два пуда слишкомъ».

«Чѣмъ то допустить и всѣмъ разориться, прибавлялъ Падуровъ [2]), то не возможно ли, батюшка, уговорить его превосходительство Ивана Андреевича (Рейнсдорпа), чтобъ онъ склонился и по обычаю прислалъ бы къ нему письмо съ прописаніемъ тѣмъ, чтобъ онъ васъ простилъ и ничего бы надъ вами не чинилъ.

«Сверхъ того вамъ объявляю, батюшка Василій Ивановичъ, что онъ (Пугачевъ) упоминаетъ васъ всегда, что вы къ тому не склонны и вспоминаетъ то, какъ вашего сына Ивана Васильевича пропзвелъ въ пажи. Сверхъ того, вашему высокоблагородію объ немъ объявляю, что онъ роста средняго, лицомъ смуглъ, верхняго зуба нѣтъ, правымъ глазомъ прищуриваетъ».

Падуровъ увѣрялъ Бородина, что Пугачевъ истинный государь, и что всѣ распускаемые о немъ слухи ложны.

«Удивляюсь я вамъ, братецъ Мартемьянъ Михайловичъ», прибавлялъ Падуровъ [3]), «что вы въ такое глубокое дѣло вступили и всѣхъ[17] въ то привлекли. Самъ ты знаешь, братецъ, противъ кого идешь! Ежели бы не вы съ дядею, то-бъ и разоренія на народъ того не было. Извѣстенъ ты самъ, какъ нашъ государь Петръ Ѳедоровичъ умре, а нынѣ вы называете его донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него ноздри рваны и клейменый. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется».

---

[1]) Показаніе Падурова 10 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 506.
[2]) Въ письмѣ Могутову, отъ 4 ноября 1773 года.
[3]) Въ письмѣ Бородину, отъ 4 ноября 1773 года.

Требуя, чтобы Бородинъ и яицкіе казаки покорились самозванцу, Падуровъ просилъ Могутова сдѣлать то же и не смотрѣть на Мартемьяна Бородина и дядю его, своими поступками разорившими Яицкій городокъ и все яицкое войско.

Письма эти были оставлены безо всякаго отвѣта, и тогда Пугачевъ, видя что совѣты Падурова не дѣйствуютъ на атамановъ, отправилъ въ Оренбургъ слѣдующій указъ:

«Самодержавнаго императора
«Петра Федоровича всероссійскаго
«и проч., и проч., и проч.

«Именной мой указъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію губернатору Иренъздорпу (Рейнсдорпу) Ивану Андреевичу и всемъ господамъ и всякаго званія людямъ. Выдите вы изграда (изъ города) вонъ, выпишите знамена и оружіе, приклоните знамена и оружіе предъ великимъ государемъ. И за то великій Государь не прогнѣвался што вы учинили великую палбу и въ томъ великій Государь прощаетъ чиновныхъ и солдатъ и казаковъ и всякаго званія людей. А когда вы не выдите изграда вонъ да учините великую противность, то не будетъ вамъ отвеликаго государя прощенія и власти всевышняго создателя нашего избегнуть ниможете, никто васъ отнашея сильныя руки защитить не можетъ. 1773 году, ноября 5 дня. Великій государь Петръ третій всероссійскаго» [1]).

Едва манифестъ этотъ былъ доставленъ по назначенію, какъ въ лагерь самозванца прибѣжалъ мужикъ и объявилъ Овчинникову, что къ Сакмарѣ идетъ генералъ съ войсками.

— Велика ли у него команда? спросилъ Овчинниковъ.

— Не добре-де велика, отвѣчалъ прибѣжавшій, — однако-таки и не мала.

Извѣстіе это было тотчасъ же сообщено Пугачеву, и самозванецъ, понимая всю важность перваго столкновенія съ правительственными войсками, отправилъ на встрѣчу Кару самыхъ лучшихъ и дѣятельныхъ своихъ сподвижниковъ: атамана Овчинни-

[1]) Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга II, листъ 172.

кова и казака Зарубина (онъ же Чика и впослѣдствіи графъ Чернышевъ). Пугачевъ приказалъ Овчинникову не допустить Кара до Оренбурга и для того взять съ собою 500 человѣкъ казаковъ съ шестью орудіями, присоединить къ себѣ всѣ команды, какія только встрѣтитъ по дорогѣ, и Хлопушу, шедшаго съ Авзяно-Петровскаго завода съ набраннымъ имъ ополченіемъ.

На Авзяно-Петровскомъ заводѣ Хлопуша встрѣтилъ большое сочувствіе, и манифестъ Пугачева былъ принятъ съ восторгомъ, при всеобщихъ крикахъ: «Рады ему, государю, служить».

22 октября заводскіе рабочіе постановили, что такъ какъ «не самовольно», а въ силу государева указа имъ велѣно ѣхать съ завода, то они «повинились и ѣхать въ свое отечество согласны».

«И притомъ избрали мы отъ себя, писали они въ постановленіи [1]), для препровожденія оной нашей партіи тебя, Степана Панкина, ѣхать дорогой до своихъ жительствъ и въ проѣздѣ нашемъ никакихъ обидъ, ни налоговъ въ жительствахъ ни чинить, въ томъ тебя и утверждаемъ».

Такихъ охотниковъ служить «государю» собралось до 500 человѣкъ, и они начали свою дѣятельность съ того, что сковали своего приказчика и шесть человѣкъ расходчиковъ, которые и были потомъ повѣшены самозванцемъ.

— Есть ли у васъ на заводѣ пушки? спрашивалъ Хлопуша собравшихся въ походъ рабочихъ.

Ему было представлено до 40 орудій, изъ которыхъ только шесть оказались годными. Взявъ съ собою эти орудія, 120 лошадей съ приборомъ, 7,000 рублей денегъ изъ конторы, 300 барановъ, 77 быковъ, пуда два серебряной посуды, столовые часы, два пуда пороху и всю господскую одежду, Хлопуша отправился со своимъ ополченіемъ въ путь, приказавъ оставшимся рабочимъ вылить шесть однопудовыхъ ядеръ и прислать ихъ подъ Оренбургъ.

По дорогѣ Хлопуша зашелъ на Воскресенскій Твердышева заводъ, но нашелъ его уже разграбленнымъ; большая часть рабо-

---

[1]) Постановленіе это подписали 26 представителей отъ приписанныхъ къ заводу деревень. Госуд. Арх., VI, дѣло № 416.

чихъ ушли уже къ Пугачеву [1]). Отсюда Хлопуша направился къ Берду, но на пути былъ встрѣченъ яицкимъ казакомъ Самодуровымъ, который взялъ его съ 300 человѣкъ и двумя пушками на казанскую дорогу, въ отрядъ Овчинникова, и повелъ въ Биккулову деревню, гдѣ собирались силы самозванца для дѣйствія противъ отряда генералъ-маіора Кара, слѣдовавшаго на выручку Оренбурга.

Остановясь въ деревнѣ Биккуловой и присоединивъ къ себѣ еще 1,500 человѣкъ башкирцевъ, шедшихъ на службу къ «государю», Овчинниковъ отправилъ Чику (Зарубина) съ небольшимъ отрядомъ въ деревню Юзееву и приказалъ ему наблюдать за движеніемъ правительственныхъ войскъ. Чика съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе, и, какъ увидимъ ниже, совершенно неожиданно атаковалъ авангардъ генералъ-маіора Кара.

V.

Отъѣздъ Кара изъ Петербурга.—Боевыя средства, коими онъ могъ располагать.—Состояніе обороны Казанской губерніи. — Прибытіе Кара въ Кичуевскій фельдшанецъ. — Первоначальный планъ дѣйствій. — Встрѣча съ мятежниками у деревни Юзеевой.—Плѣненіе роты 2-го гренадерскаго полка.—Прапорщикъ Шивановичъ.—Отступленіе Кара. — Печальная судьба, постигшая полковника Чернышева и его отрядъ. — Неудачная вылазка изъ Оренбурга 14 ноября.

Осенняя распутица и дурная дорога задержали генералъ-маіора Кара въ пути, и лишь 20 октября онъ прибылъ въ Москву. Посланный за нимъ фельдъегерь нагналъ его 18 октября въ Вышнемъ-Волочкѣ и передалъ ему экземпляры увѣщевательнаго манифеста императрицы [2]). Въ 11 часовъ утра, 21 октября, Каръ выѣхалъ изъ Москвы въ Казань, а вслѣдъ за нимъ, 22 октября, прискакалъ изъ Калуги генералъ-маіоръ Фрейманъ и въ тотъ же день отправился далѣе.

Спустя два дня, 24 октября, выступила изъ Москвы гренадер-

[1]) Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 467 (13).

[2]) Всеподд. донесеніе Кара 18 октября 1773 года. *Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.* Я. К. Грота. *Записки Акад. Наукъ.* Т. I. Приложеніе.

ская рота Вятскаго полка съ двумя орудіями, подъ начальствомъ секундъ-маіора Черносвитова [1]), а 27 октября двинулась и гренадерская рота Томскаго полка [2]). Остальныя войска, назначенныя въ распоряженіе генералъ-маіора Кара, выступили въ походъ лишь въ началѣ ноября и могли прибыть къ мѣстамъ назначенія не ранѣе января 1774 года [3]).

Такимъ образомъ, для предстоящихъ дѣйствій генералъ-маіоръ Каръ могъ разсчитывать только на тѣ войска, которыя были отправлены изъ Москвы и собраны казанскимъ губернаторомъ.

Послѣдній выѣхалъ изъ Казани на границу губерніи, чтобы быть ближе къ мѣсту происшествій и наблюдать за движеніями и дѣйствіями мятежниковъ.

Прибывъ 17 октября въ Кичуевскій фельдшанецъ и желая оказать помощь оренбургскому губернатору, генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ совѣтовалъ ставропольскому коменданту, бригадиру фонъ-Фегезаку, чтобъ онъ, не ожидая приказаній отъ генерала Рейнсдорпа, собралъ сколько можно войскъ и калмыковъ и двинулся съ ними на выручку Оренбурга. На случай ухода войскъ, ставропольскимъ жителямъ объявлено, чтобъ они никуда изъ города не отлучались и имѣли бы каждый *огненное и холодное оружіе,* а у кого таковаго нѣтъ, то сдѣлали бы себѣ копья. У рогатокъ и заставъ города Ставрополя были учреждены постоянные караулы днемъ и ночью, и находившемуся при полицейскихъ дѣлахъ сержанту Григорьеву приказано, поочередно съ товарищемъ, ходить рундомъ по городу и о всемъ замѣченномъ рапортовать [4]).

---

[1]) Рапортъ Кара Военн. Коллегіи 21 октября изъ Москвы. Письмо кн. Волконскаго гр. Чернышеву отъ 24 октября. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I. Рапортъ новгородскаго губернатора Сиверса Сенату 23 октября. Государств. Арх., VI, д. № 504.

[2]) Рапортъ кн. Волконскаго Военн. Коллегіи 28 октября 1773 г., № 19.

[3]) Такъ, 22-я легкая полевая команда, подъ начальствомъ подполковника Гринева, выступила 4 ноября изъ Могилева; 23-я команда, подъ начальствомъ подполковника Аршеневскаго,—4 ноября изъ Полоцка; 24-я команда, подъ начальствомъ Муфеля,—3 ноября изъ Бобра; 25-я легкая полевая команда, подъ начальствомъ премьеръ-маіора Повало-Швейковскаго, — 4 ноября изъ Витебска, и наконецъ, 6 ноября собрались въ Луганской станицѣ для слѣдованія въ Царицынъ два эскадрона бахмутскихъ гусаръ подъ начальствомъ капитана Собова.

[4]) Постановленія Ставропольской канцеляріи отъ 2 и 19 октября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

Для поддержанія движенія бригадира фонъ-Фегезака, казанскій губернаторъ приказалъ симбирскому коменданту, полковнику Чернышеву, собрать всѣхъ строевыхъ людей своего баталіона, и присоединивъ къ нимъ находившихся въ городѣ 150 человѣкъ солдатъ, назначенныхъ для отвода рекрутъ, двинуться съ ними по Самарской линіи [1]) до Бузулукской крѣпости. Проходя чрезъ Ставрополь, Самару и другія крѣпости, Чернышевъ долженъ былъ забрать съ собою всѣ регулярныя и иррегулярныя войска и 500 человѣкъ калмыковъ, назначенныхъ для отправленія въ Яицкій городокъ, но за выжженіемъ степи непопавшихъ туда и вернувшихся обратно на Самарскую линію.

Одновременно съ движеніемъ Чернышева, генералъ Брандтъ двинулъ изъ Кичуя, по ново-московской дорогѣ [2]), чрезъ Бугурусланскую слободу, также къ Бузулуку премьеръ-маіора фонъ-Варнстедта съ шестьюстами человѣкъ казанскаго баталіона, двумя единорогами и тремя трехфунтовыми пушками. Для охраненія же границъ Казанской губерніи рѣшено было оставить въ Кичуѣ и по рѣкѣ Черемшану 400 солдатъ [3]) и всѣхъ вооруженныхъ поселенцевъ.

Не получая долгое время никакого извѣстія отъ Чернышева и не зная двинулся ли онъ по назначенію, генералъ Брандтъ приказалъ Варнстедту остановиться въ Бугульмѣ, выслать авангардъ по ново-московской дорогѣ и небольшой отрядъ въ деревню Усманову [4]).

Такимъ образомъ, протянувъ линію постовъ до Бузулукской крѣпости, Брандтъ установилъ ежедневные разъѣзды, «дабы жи-

---

[1]) Начинаясь у Самары, линія эта проходила чрезъ слободу Мочинскую, крѣпости: Борскую, Бузулукскую, Тоцкую, Сорочинскую, Переволоцкую, Татищеву и далѣе къ Оренбургу.

[2]) Дорога эта проходила чрезъ Кичуевскій фельдшанецъ, Бугульму, деревню Сарманаеву и Сакмарскій городокъ въ Оренбургъ.

[3]) Сто оставшихся отъ гарнизоннаго баталіона и триста армейскихъ, пришедшихъ изъ Петербурга для пріема рекрутъ.

[4]) Отрядъ этотъ былъ подъ начальствомъ поручика Краспльникова и состоялъ изъ 86 человѣкъ (30 пѣхотныхъ солдатъ, 24 конныхъ поселянъ и 32 вооруженныхъ казанскихъ татаръ). Рапортъ Брандта Сенату, 21 октября 1773 года. Всеподд. рапортъ Брандта, отъ 27 октября 1773 года. Государ. Арх., VI, дѣло № 504. Военно-учен. арх., дѣло № 104 (а).

тели, видя толикую строгость, не льстились на злодѣйскія разглашенія и удобнѣе бы могли отъ того остерегаться, а паче бы всего отъ злодѣйской толпы или партіи не имѣли способу вбѣгать въ здѣшніе предѣлы и производить злодѣйства» [1]).

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, казанскій губернаторъ хотѣлъ какъ можно скорѣе увѣдомить о томъ Рейнсдорпа, «но и за обѣщанное денежное вознагражденіе, доносилъ онъ [2]), не сыскалось охотниковъ провезти прямо въ Оренбургъ мое сообщеніе, почему уже и отправилъ оное въ Бузулукъ, предписавъ тамошнему коменданту, чтобъ онъ доставилъ чрезъ городъ Яикъ, киргизскою степью».

Въ такомъ положеніи была защита Казанской губерніи, когда 30 октября генералъ-маіоръ Каръ пріѣхалъ въ Кичуевскій фельдшанецъ, находившійся въ 432 верстахъ отъ Оренбурга. Войска, которыя должны были поступить въ его распоряженіе, состояли изъ трехъ незначительныхъ отрядовъ: 1) секундъ-маіора Астафьева, находившагося въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и на постахъ по границѣ Казанской губерніи; 2) премьеръ-маіора фонъ-Варнстедта, стоявшаго за Бугульмой, по ново-московской дорогѣ и имѣвшаго авангардъ въ Кутлумбетевой слободѣ, и 3) симбирскаго коменданта полковника Чернышева, стоявшаго въ Бузулукѣ и имѣвшаго авангарды въ Тоцкой и Сорочинской крѣпостяхъ.

Въ отрядѣ маіора Астафьева было 794 человѣка съ однимъ орудіемъ [3]), у Варнстедта—1,825 человѣкъ съ пятью орудіями [4]) и у Чернышева—849 съ двумя орудіями [5]),—всего 3,468 человѣкъ. Такимъ образомъ войска эти стояли преимущественно изъ старыхъ, никуда негодныхъ гарнизонныхъ солдатъ (1,631 человѣкъ), плохо вооруженныхъ поселянъ (1,231 человѣкъ) и лишь незначительнаго числа полевыхъ войскъ (606 человѣкъ).

---

[1]) Рапортъ Брандта Военн. Коллегіи, 6 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. № I, листъ 206.

[2]) Сенату, отъ 21 октября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

[3]) Изъ нихъ 84 человѣка гарнизонныхъ, 652 вооруженныхъ поселянъ и 58 вооруженныхъ татаръ, экономическихъ дворцовыхъ крестьянъ и дворянскихъ людей.

[4]) Въ томъ числѣ 606 человѣкъ армейскихъ, 901 гарнизонныхъ и 318 вооруженныхъ поселянъ, татаръ, крестьянъ и дворянскихъ людей.

[5]) Въ томъ числѣ 646 человѣкъ гарнизонныхъ и 203 казаковъ. Рапортъ Кара Военной Коллегіи, 31 октября 1773 года. Арх. Главн. Шт. (въ Петерб.), кн. I.

Собранное ополченіе было въ самомъ печальномъ положеніи и и не имѣло никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Въ отрядахъ не было продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, не было ни обоза, ни достаточнаго числа артиллеріи. Въ отрядѣ маіора Варнстедта было по счету пять орудій, но изъ нихъ два никуда не годились, а три могли быть употреблены только по нуждѣ. Недостатокъ въ артиллеріи былъ такъ ощутителенъ, что генералъ-маіоръ Каръ признавалъ невозможнымъ ожидать прибытія орудій изъ Москвы и просилъ генералъ-поручика Баннера, за отсутствіемъ Брандта, командовавшаго войсками въ Казани, чтобъ онъ приказалъ доставить къ нему, изъ Саратова, хотя четыре орудія съ полнымъ числомъ прислуги. Прибывшій уже въ то время въ Саратовъ астраханскій губернаторъ Кречетниковъ взялъ эти орудія и отправилъ ихъ къ Кару на обывательскихъ подводахъ, съ полнымъ числомъ прислуги и подъ прикрытіемъ 20-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ саратовскаго гарнизоннаго баталіона [1]).

Разославъ повсюду увѣщевательные манифесты и отправивъ на усиленіе отряда Варнстедта только-что прибывшую команду Томскаго полка и до 200 человѣкъ гарнизонныхъ солдатъ казанскаго баталіона, генералъ-маіоръ Каръ намѣренъ былъ самъ немедленно отправиться къ передовымъ войскамъ. Не имѣя никакихъ положительныхъ свѣдѣній о степени распространенія мятежа и не подозрѣвая, что отрядъ Деколонга уже прибылъ на театръ дѣйствій и находится въ недальнемъ разстояніи отъ Оренбурга, Каръ зналъ только, что Пугачевъ со своею толпой стоитъ подъ Оренбургомъ, по рѣкѣ Сакмарѣ до казачьяго городка [2]). При этомъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе казанскимъ губернаторомъ фонъ-Брандтомъ, увѣрявшемъ, что толпа Пугачева немногочисленна и состоитъ *изъ сущей сволочи.*

На основаніи этихъ данныхъ Каръ рѣшилъ: прикрывая границу Казанской губерніи, между Волгой и Камой, двигаться впередъ по двумъ направленіямъ: по ново-московской дорогѣ и по

---

[1]) Рапортъ Кречетникова Сенату, 16 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

[2]) Рапортъ Кара Военн. Коллегіи 31 октября 1773. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петерб.), кн. I.

Самарской линіи, для атаки мятежниковъ одновременно съ двухъ сторонъ. «Опасаюсь только того—доносилъ онъ императрицѣ [1])—что сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились».

Желая воспрепятствовать такому бѣгству и отрѣзать главнѣйшіе пути отступленія мятежникамъ, Каръ предписалъ полковнику Чернышеву занять какъ можно скорѣе Татищеву крѣпость, и для подкрѣпленія его намѣренъ былъ отправить генералъ-маіора Фреймана съ 300 человѣкъ пѣхоты и нѣкоторымъ числомъ башкирцевъ, какъ только они прибудутъ къ отряду. Но присоединеніе послѣднихъ было дѣломъ весьма гадательнымъ и для самого Кара. Хотя на Богульчанской и Стерлитамакской пристаняхъ собиралось до 2,000 башкирцевъ, но разсчитывать на ихъ содѣйствіе было нечего, такъ какъ часть ихъ открыто измѣнила, а остальные заявили, что пойдутъ къ «законному государю».

Мѣстное населеніе было вообще неблагонадежно, и увѣщательные манифесты императрицы не оказывали никакого дѣйствія. Илецкіе казаки задержали посланнаго съ манифестомъ и намѣрены были отправить его въ станъ самозванца; у яицкихъ же казаковъ, доносилъ Симоновъ [2]), по полученіи манифеста, «оказалось зловредное отрыгновеніе».

— Хотя и устращиваютъ насъ, говорили казаки, — публикуемыми манифестами, но мы того не боимся.

Противодѣйствіе казаковъ имѣло весьма важное значеніе для Кара: оно лишало его кавалеріи, а слѣдовательно и всѣхъ средствъ для полученія свѣдѣній о непріятелѣ и преслѣдованіи въ случаѣ успѣха.

«Я бы усердно желалъ, писалъ онъ [3]), сіе злодѣйское сборище захватить, но нахожу весь здѣшній край въ смятеніи и потому

---

[1]) Отъ 31 октября. *Матеріалы* и проч. Я. Грота. *Записки Академіи наукъ* Т. I, приложеніе 22.

[2]) Рапортъ Симонова генералу Брандту 10 ноября 1773 года. Рапортъ его же. Сенату 21 ноября 1773 года. Государств. Арх., VI, дѣло № 504.

[3]) Въ письмахъ графу З. Г. Чернышеву и князю А. А. Вяземскому отъ 31 октября 1773 года. Письма эти дословно одного и того же содержанія.

не надѣюсь получить къ преслѣдованію довольно легкихъ войскъ, ибо калмыковъ собрано было на Самарской линіи до пятисотъ, которые, выступя уже въ походъ, взбунтовавшись противъ опредѣленнаго къ нимъ штабъ-офицера и не пріемля никакихъ увѣщаній, разбѣжались врознь, а куда — донынѣ неизвѣстно. Подобнаго сему происшествія опасаюсь я чтобы не послѣдовало и отъ башкирцевъ, потому что отъ бѣжавшаго въ толпу, со своими подчиненными, башкирскаго старосты Кинзи Арсланова, чрезъ разсѣяніе во всю Башкирію злодѣйскихъ возмутительныхъ писемъ, въ великой колеблемости находятся и по сіе время приходомъ къ регулярнымъ командамъ медлятъ.

«Однакожь, будутъ ли они или нѣтъ, съ одною пѣхотой прямо на толпу наступать стану. Только когда не дождавъ меня (непріятель) обратится въ бѣгъ, то преслѣдовать, по нынѣшнему уже почти зимнему времени, къ тому же и по малоселеніямъ, за неимѣніемъ провіанта и фуража, съ одною пѣхотой весьма трудно будетъ или и совсѣмъ невозможно».

Видя, что до его прибытія казанскій губернаторъ сдѣлалъ по сбору войскъ все что̀ было возможно и *не находя откуда больше получить людей* для усиленія своихъ боевыхъ средствъ, генералъ-маіоръ Каръ отправился въ отрядъ маіора Варнстедта. [1])

Ноября 2 онъ прибылъ въ Бугульминскую слободу, гдѣ узналъ, что большая часть окрестныхъ селеній перешла на сторону самозванца, что жители покинули свои дома, что край совершенно разоренъ, и что, слѣдовательно, прежде чѣмъ двигаться впередъ, необходимо заготовить продовольствіе и фуражъ. Заготовленіе это производилось весьма медленно, и пришлось прибѣгать къ помощи реквизиціи, посылая для того довольно значительныя и самостоятельныя команды. Къ тому же плохое состояніе артиллеріи въ отрядѣ дурно дѣйствовало на собранныя войска, и среди гарнизонныхъ солдатъ замѣчалась «нѣкоторая колеблемость, что̀ и принуждаетъ меня, писалъ Каръ [2]), обождать слѣдуемыхъ сюда ар-

[1]) Въ рапортѣ Военной Коллегіи отъ 2 ноября 1773 года Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. I.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ Кара отъ 31 октября 1773 года. *Матеріалы* Я. К. Грота. *Записки Ак. наукъ*, т. I. Приложеніе 22.

мейскихъ командъ и артиллеріи, дабы тѣмъ самымъ можно было *малодушіе ихъ утвердить, а въ противномъ случаѣ и къ достойному повиновенію принудить.* Однакожь, и при семъ состояніи по-маленьку со всѣмъ корпусомъ подаюсь».

Наступившіе жестокіе морозы задерживали движеніе, а невѣрно обозначенныя на картѣ разстоянія между селеніями сбивали всѣ разсчеты Кара: вмѣсто одного перехода приходилось дѣлать два или ночевать въ степи.

Къ 6 ноября генералъ-маіоръ Каръ съ отрядомъ Варнстедта дошелъ до деревень Мустафиной и Сарманаевой, гдѣ и рѣшился ожидать присылки къ нему изъ Казани артиллеріи и прибытія гренадерской роты 2-го гренадерскаго полка.

Въ это время въ отрядѣ Кара находилось налицо: 631 человѣкъ армейскихъ солдатъ, 740 гарнизонныхъ, 96 вооруженныхъ татаръ, конныхъ поселенныхъ и экономическихъ крестьянъ, всего 1,467 человѣкъ съ пятью орудіями.

Не смотря на разнохарактерный составъ своего ополченія и ограниченность боевыхъ силъ [1]), генералъ-маіоръ Каръ признавалъ, что быстрота дѣйствій есть единственное средство для успѣха. «Нынѣ употребить одно средство остается, писалъ онъ графу Чернышеву [2]), ввести волнующуюся чернь въ границы повиновенія ихъ должности, предпріятіемъ къ разбитію злодѣйской толпы съ тѣми только войсками и расположеніемъ, что ваше сіятельство изъ рапортовъ моихъ усмотрѣть изволите».

Все еще опасаясь, чтобы Пугачевъ, узнавъ о приближеніи войскъ, не «бросился» по Яицкой линіи или перебравшись за рѣку не пошелъ киргизскою степью, генералъ-маіоръ Каръ вторично отправилъ 4 ноября приказаніе полковнику Чернышеву, чтобъ онъ

---

[1]) Въ 1862 году были напечатаны Я. К. Гротомъ *Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Записки Академіи*, т. I), изъ которыхъ видно какими силами располагалъ Каръ. Тѣмъ не менѣе въ 1866 году г. Д. Мордовцевъ писалъ («*Вѣстникъ Европы*» 1866 года, т. I, стр. 330), что у Кара была уже не одна негодница, не одни срамцы и скареды, но правильно организованное войско. Г. Мордовцевъ привелъ также преданіе о встрѣчѣ Кара съ Пугачевымъ, тогда какъ Пугачевъ никогда съ Каромъ не встрѣчался и былъ въ то время подъ Оренбургомъ.

[2]) Въ письмѣ отъ 6 ноября 1773 г. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петерб.). кн. I, 212; «*Военный Сборникъ*» 1869 года, № 5, 179.

*

какъ можно скорѣе выступилъ изъ Сорочинской крѣпости и занялъ Татищеву, а затѣмъ, со всѣми предосторожностями, слѣдовалъ къ Чернорѣченской крѣпости.

Обѣщая подкрѣпить его людьми, провіантомъ и фуражемъ, генералъ-маіоръ Каръ поручалъ ему зорко слѣдить за непріятелемъ, и при первомъ покушеніи его къ бѣгству, преслѣдовать самымъ настойчивымъ образомъ, «ибо если я, писалъ онъ [1]), не успѣю поспѣшить, то, по крайней мѣрѣ, для преслѣдованія въ тылъ вышлется изъ города Оренбурга за нимъ корпусъ». Каръ требовалъ, чтобы Чернышевъ донесъ ему, когда дойдетъ до Татищевой, дабы соображать съ этимъ и свое движеніе, и раннимъ появленіемъ съ одной стороны «не отогнать сего злодѣя отъ теперешняго мѣста, чрезъ что̀ въ преслѣдованіи подвержены будутъ лишнимъ затрудненіямъ».

Планъ Кара и его разсчеты были совершенно вѣрны, и казалось, что правительство имѣло всѣ средства разсѣять мятежниковъ. Подходившія къ Оренбургу подкрѣпленія окружали толпу самозванца съ трехъ сторонъ: въ деревняхъ Сарманаевой и Мустафиной находился отрядъ Кара; на пути изъ Сорочинской крѣпости въ Татищеву — отрядъ Чернышева; въ Верхне-Озерной крѣпости — отрядъ бригадира Корфа, а за нимъ въ Орскѣ — весьма значительныя силы Деколонга, пришедшія изъ Сибири. При одновременномъ и единодушномъ дѣйствіи этихъ отрядовъ, подкрѣпленныхъ еще вылазкой изъ Оренбурга, конечно, толпа мятежниковъ не въ состояніи была бы бороться съ регулярными войсками; но, къ сожалѣнію, начальники отрядовъ не выказали единства въ дѣйствіяхъ по причинамъ отъ нихъ не зависѣвшимъ. Каръ не подозрѣвалъ о близкомъ присутствіи отряда Деколонга и о сосредоточеніи въ Верхне-Озерной крѣпости отряда Корфа. Точно также Деколонгъ и Корфъ не имѣли никакихъ извѣстій о порученіи, данномъ Кару, да и самъ оренбургскій губернаторъ узналъ объ этомъ, когда Пугачевъ успѣлъ уже напасть на отряды по частямъ, разбилъ ихъ и праздновалъ побѣды.

---

[1]) Въ рапортѣ Военной Коллегіи отъ 6 ноября 1773 года, Я. К. Гротъ, *Записки Академіи*, т. I. приложеніе, 24.

7 ноября Каръ получилъ извѣстіе, что Хлопуша разграбилъ Авзяно-Петровскій заводъ и поднялъ все заводское населеніе, что 500 башкирцевъ передались на сторону самозванца и идутъ къ Оренбургу съ захваченными на заводѣ пушками и мортирами. Каръ рѣшился перехватить Хлопушу съ его толпой, и такъ какъ дорога отъ Бугульчанской пристани къ Оренбургу проходила около деревни Имангуловой, то шедшему впереди нижегородскихъ гарнизонныхъ баталіоновъ секундъ-маіору Шишкину, съ 400 пѣхотныхъ солдатъ, 92 всадниками и съ двумя орудіями, приказано было занять деревню Юзееву, находившуюся въ 32 верстахъ отъ Мустафиной.

Подходя къ деревнѣ Юзеевой, авангардъ Шишкина, состоявшій изъ 75 человѣкъ пѣхоты и 92 всадниковъ, былъ неожиданно атакованъ Чикой (Зарубинымъ) съ толпой въ 400 человѣкъ съ двумя орудіями. Восемнадцать конныхъ татаръ тотчасъ же передались на сторону самозванца, и сторонники Пугачева приглашали къ тому же остальныхъ всадниковъ, но огонь пѣхоты ободрилъ ихъ, и они остались при авангардѣ. Тогда мятежники, замѣтивъ приближеніе отряда Шишкина, подобрали своихъ убитыхъ и раненыхъ, и положивъ ихъ въ сани, ускакали. Шишкинъ занялъ деревню Юзееву, а въ 4 часа утра пришелъ туда и Каръ со своимъ отрядомъ. Темнота ночи и недовѣріе къ оставшимся всадникамъ не дозволили ему отправить разъѣзды для собранія самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Выставивъ кругомъ пѣхотные пикеты, Каръ рѣшился ожидать разсвѣта и тогда уже атаковать непріятеля [1]).

На утро 8 ноября оказалось, что деревня Юзеева и отрядъ Кара были окружены толпой, состоявшею человѣкъ изъ шестисотъ съ однимъ орудіемъ. Не нападая на войска, мятежники подсылали одиночныхъ всадниковъ уговаривать солдатъ, чтобъ они не сражались противъ самозванца. Въ отвѣтъ на это отправленъ былъ увѣщевательный манифестъ императрицы, но мятежники, принявъ его, отвѣчали «что ихъ манифесты правѣе, и начали стрѣлять

---

[1]) Рапортъ Кара Военной Коллегіи 11 ноября 1773 года. *Матеріалы* Я. К. Грота. *Записки Ак. наукъ* т. I, приложеніе, 27. Письмо генералъ-маіора Фреймана Кречетникову 22 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

изъ пушки». Каръ приказалъ открыть огонь изъ своихъ орудій, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ толпа разбѣжалась.

Въ это время прибылъ подпоручикъ Татищевъ и донесъ Кару, что въ тотъ же день должна присоединиться къ отряду рота 2-го гренадерскаго полка, шедшая изъ Симбирска, въ составѣ 4 офицеровъ и 176 человѣкъ гренадеръ [1]), подъ начальствомъ поручика Карташева. Въ ожиданіи ея прибытія, Каръ весь день 8 ноября провелъ въ деревнѣ Юзеевой, не имѣя впрочемъ никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ. Онъ считалъ его разбѣжавшимся въ разныя стороны, а между тѣмъ Овчинниковъ со своею толпой стоялъ всего въ двухъ верстахъ въ сторонѣ отъ дороги на мельницѣ, и зорко слѣдилъ за правительственными войсками. Выставленные имъ по дорогѣ, въ тылу Кара, казачьи посты успѣли захватить полковаго квартирмейстера, который объявилъ, что ѣдетъ въ деревню Юзееву, а позади его идетъ рота гренадеръ. Получивъ это извѣстіе, Овчинниковъ съ наступленіемъ ночи предпринялъ съ частью своихъ силъ смѣлое движеніе въ тылъ отряда Кара и на встрѣчу подходившей гренадерской роты. Послѣдняя шла безъ всякихъ военныхъ предосторожностей: ружья не были заряжены, и солдаты спали въ саняхъ. Выстрѣлы изъ орудій Овчинникова разбудили солдатъ, и пока они разобрали ружья, мятежники окружили ихъ и «болѣе уговариваніемъ, показывалъ впослѣдствіи Чика [2]), чтобъ они не стрѣляли», преклонили гренадеръ на свою сторону. Солдаты положили оружіе и отказались защищаться [3]). Два офицера и семь нижнихъ чиновъ были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ и отправлены въ Берду. Тамъ Пугачевъ устроилъ имъ народную встрѣчу: вышелъ на улицу, приказалъ поставить себѣ кресла, сѣлъ въ нихъ и велѣлъ представить плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ было два офицера: поручикъ Волжинскій и прапорщикъ Швано-

---

[1]) Въ томъ числѣ больныхъ и озябленныхъ было 23 человѣка. Руничъ въ своихъ *Запискахъ* (*Русская Старина* 1870 года, т. II, 213) ошибается, говоря, что на помощь Кару пришелъ весь 2-ой гренадерскій полкъ. Затѣмъ весь разсказъ автора *Записокъ* о дѣйствіяхъ Кара не имѣетъ никакой достовѣрности. То же самое можно сказать и о *Запискахъ* маіора Пекарскаго, помѣщенныхъ въ *Москвитянинѣ* 1841 года, ч. III, 448.

[2]) Госуд. Арх., VI, № 427.

[3]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, № 512.

вичъ. Такъ какъ они оба сдались безъ боя и изъявили желаніе служить самозванцу, то и были назначены: Волжинскій атаманомъ, а Шванович есауломъ. Всѣмъ плѣннымъ приказано было присягнуть и затѣмъ подойти къ рукѣ мнимаго государя, который утиралъ глаза платкомъ, показывая видъ что плачетъ.

— Вотъ, дѣтушки, говорилъ при этомъ Пугачевъ,—Богъ привелъ меня опять надъ вами царствовать по двѣнадцатилѣтнемъ странствованіи.

По окончаніи обряда цѣлованія руки самозванецъ всталъ съ кресель и, махнувъ въ воздухѣ рукой, проговорилъ: «Жалую васъ землями, морями и лѣсами, крестомъ и бородою и всякою вольностію». Двое солдатъ объявили, что бывали въ Петербургѣ и его знаютъ. Пугачевъ остался этимъ доволенъ, потому что, по его словамъ, такое заявленіе еще болѣе увѣрило толпу, что онъ истинный Петръ III, ибо «мужики вѣрятъ болѣе солдатамъ чѣмъ казакамъ».

Приказавъ всѣмъ плѣннымъ остричь волосы, самозванецъ ушелъ въ свою квартиру, и спустя нѣсколько дней призвалъ къ себѣ Шванович.

— Откуда ты родомъ? спросилъ Пугачевъ.

— Я изъ Петербурга, отвѣчалъ Шванович; — государыня Елизавета Петровна меня крестила.

— Я слышалъ, сказалъ самозванецъ,—что ты умѣешь говорить на иностранныхъ языкахъ?

— Умѣю, надежа-государь, отвѣчалъ Шванович.

Пугачевъ подалъ ему листъ бумаги и приказалъ написать по-шведски, «а какъ я не зналъ, показывалъ Шванович, по-шведски, то написалъ по-нѣмецки».

— Напиши еще на какомъ ты знаешь языкѣ.

Шванович написалъ по французски: «ваше величество Петръ III».

— Мастеръ, замѣтилъ самозванецъ, повертѣвъ предъ собою листъ бумаги, и видя что на Швановичѣ кафтанъ худъ, подарилъ ему шубу и шапку, съ объявленіемъ, что онъ будетъ у него завѣдывать иностранною перепиской.

Шванович дѣйствительно написалъ въ разное время нѣсколько

нѣмецкихъ писемъ, и въ томъ числѣ къ оренбургскому губернатору [1]).

Первая побѣда надъ правительственными войсками была отпразднована въ станѣ самозванца усиленнымъ пьянствомъ, а спустя нѣсколько дней получено извѣстіе, что и генералъ-маіоръ Каръ со своимъ отрядомъ отступилъ къ Казани.

Въ полночь съ 8 на 9 ноября, въ деревнѣ Юзеевой, въ тылу отряда были услышаны орудійные выстрѣлы, поставившіе Кара въ весьма непріятное положеніе. Считая себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Казани, онъ рѣшился немедленно отступить и идти на соединеніе съ поручикомъ Карташевымъ и съ башкирцами, высланными къ нему со Стерлитамакской пристани. Едва, утромъ 9 ноября, онъ вышелъ изъ деревни Юзеевой, какъ былъ окруженъ толпой мятежниковъ въ двѣ тысячи человѣкъ съ девятью орудіями, значительно бо́льшихъ калибровъ чѣмъ въ отрядѣ Кара. У Овчинникова были двѣнадцати, шести и трехфунтовыя пушки и восьмифунтовые единороги, тогда какъ у Кара былъ всего только одинъ восьмифунтовой единорогъ и четыре никуда негодныя трехфунтовыя пушки. Разсыпавшись по степи и поставивъ орудія на разстояніи недостижимомъ для орудій Кара, мятежники открывали огонь и стрѣляли весьма мѣтко, «не такъ какъ бы отъ мужиковъ ожидать должно было». Единственный единорогъ, бывшій при отрядѣ, былъ скоро подбитъ, и удачное дѣйствіе артиллеріи мятежниковъ произвело замѣшательство среди отступавшихъ; солдаты кричали, что бросятъ ружья, а экономическіе крестьяне въ числѣ тридцати одного человѣка ускакали въ толпу самозванца. Все это, по мнѣнію Кара, происходило отъ того, «что люди собраны изъ разныхъ командъ, и то либо очень стары, или недавно изъ рекрутъ, а офицеры по большей части молодые и небывалые въ сраженіяхъ». При содѣйствіи генералъ-маіора Фреймана и премьеръ-маіора Варнстедта Кару удалось удержать нѣкоторый порядокъ въ отрядѣ, и онъ, «построясь ко всегдашнему отпору» въ колонну, отступалъ 17 верстъ и отстрѣливался восемь часовъ.

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года, Госуд. Арх., VI, дѣло № 512. Показаніе Шванович 17 мая 1774 года. Тамъ же, дѣло № 506.

Потерявъ въ теченіе трехъ дней, 7, 8 и 9 ноября, 123 человѣка, Каръ отошелъ къ деревнѣ Сарманаевой, гдѣ узналъ, что пришедшіе сюда наканунѣ съ княземъ Ураковымъ 150 человѣкъ башкирцевъ, при первыхъ выстрѣлахъ со стороны деревни Юзеевой разбѣжались. Имѣя на всѣ орудія только 167 зарядовъ и одного канонира, лишенный почти всѣхъ средствъ къ пріобрѣтенію продовольствія, Каръ рѣшился еще отступить, и 11 ноября прибылъ въ деревню Дюсметеву, гдѣ къ нему присоединились 57 тархановъ и башкирцевъ и 20 мещеряковъ, при старшинѣ Юсупѣ Надыровѣ и сотникѣ Суюшѣ.

Наступившіе сильные морозы увеличили число больныхъ въ отрядѣ. Самъ Каръ заболѣлъ лихорадкой; многіе нижніе чины, немѣвшіе теплой одежды, перезнобились. Все это заставило начальника отряда, остановившись въ деревнѣ Дюсметевой, выждать прибытія изъ Казани артиллеріи и боевыхъ припасовъ, заготовить продовольствіе, купить шубы, онучи и лапти для нижнихъ чиновъ, и затѣмъ уже перейти въ наступленіе и атаковать мятежниковъ одновременно съ отрядомъ полковника Чернышева. Съ этою цѣлью еще 10 ноября Каръ отправилъ Чернышеву приказаніе не двигаться далѣе, а остановиться или въ Переволоцкой крѣпости, или отступить въ Сорочинскую и до времени ограничиться прикрытіемъ Самарской линіи.

Посланный съ этимъ приказаніемъ курьеръ въ ночь на 13 ноября доѣхалъ только до Бузулука [1]), а полковникъ Чернышевъ въ эту же ночь выступилъ изъ Чернорѣченской крѣпости, съ намѣреніемъ пробраться въ Оренбургъ [2]). Отрядъ его, состоявшій отъ 600—700 гарнизонныхъ солдатъ, 500 ставропольскихъ калмыковъ, 100 крѣпостныхъ казаковъ, при 15 орудіяхъ и огромномъ обозѣ, въ полдень 12 ноября, двигаясь къ крѣпости Чернорѣченской, остановился на хуторѣ г. Рычкова, въ 40 верстахъ отъ Оренбурга. Отсюда Чернышевъ отправилъ двухъ казаковъ къ ге-

[1]) См. рапортъ генерала Брандта Военной Коллегіи 16 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 297.

[2]) Впослѣдствіи получено было свѣдѣніе, что курьеръ этотъ былъ захваченъ мятежниками. См. рапортъ Кара Военной Коллегіи отъ 15 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 311.

нералъ-поручику Рейнсдорпу, съ просьбой оказать содѣйствіе къ скорѣйшему соединенію и указать ему, по какой сторонѣ рѣки Яика двигаться. Такъ какъ къ вечеру Чернышевъ располагалъ быть въ Чернорѣченской крѣпости, находившейся всего въ 18 верстахъ отъ Оренбурга, то посланнымъ приказано было непремѣнно въ ту же ночь возвратиться съ отвѣтомъ.

Казаки Чернышева прибыли въ Оренбургъ спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Рейнсдорпъ получилъ рапортъ бригадира Корфа, доносившаго, что онъ, съ собраннымъ отрядомъ, находится въ пути къ Оренбургу и къ ночи 12 ноября остановится въ редутѣ въ 20 верстахъ отъ города. Сформировавъ отрядъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты и 450 человѣкъ яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ для вылазки изъ города, генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ въ 4 часа пополуночи 13 ноября отправилъ предписанія, чтобы Корфъ и Чернышевъ выступили со своихъ ночлеговъ въ одно время, на разсвѣтѣ и слѣдовали бы къ Оренбургу въ боевомъ порядкѣ и со всѣми военными предосторожностями. Такъ какъ Чернышеву приходилось идти мимо лагеря самозванца, то бригадиру Корфу приказано было слѣдовать къ нему на соединеніе, и оба начальника были предупреждены, что для поддержки ихъ будетъ произведена вылазка изъ города.

«Такимъ образомъ», писалъ современникъ [1]), «ожидая дня, можно было ласкать себя надеждой, что злодѣи будутъ съ трехъ сторонъ нечаянно атакованы и что совершенное разореніе ихъ шайкѣ послѣдовать можетъ; но вмѣсто благополучнаго успѣха постигло несчастіе полковника Чернышева».

Прибывъ въ первомъ часу ночи на 13 ноября въ Чернорѣченскую крѣпость, Чернышевъ расположилъ свой отрядъ по квартирамъ, по затѣмъ приказалъ нàскоро собраться и готовиться къ дальнѣйшему движенію. Поводомъ къ тому было прибытіе сакмарскаго атамана Углецкаго съ двумя казаками. Углецкій объявилъ Чернышеву, что силы Пугачева весьма значительны, что генералъ-маіоръ Каръ разбитъ и принужденъ отступить, что по-

[1]) Ѳедоръ Сукинъ въ письмѣ петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга изъ собранія графа А. Уварова, за № 59.

сланная изъ Симбирска гренадерская рота вся безъ остатка взята въ плѣнъ и отправлена въ лагерь самозванца, что Чернышевъ будетъ непремѣнно атакованъ и ему остается только пробраться въ Оренбургъ тайно, ночью. Захваченные въ Чернорѣчьѣ пять человѣкъ казаковъ изъ толпы самозванца и солдатъ Крыловъ, приведенные къ Чернышеву, подтвердили слова атамана Углецкаго.

— Если пробудете въ Чернорѣчьѣ до утра, говорили они, — то атакованы непремѣнно будете, и вамъ со своей командой устоять будетъ не можно.

Не отпираясь отъ того, что были въ толпѣ самозванца, приведенные просили помилованія и обѣщали за то провести отрядъ скрытными путями въ Оренбургъ. Чернышевъ повѣрилъ ихъ словамъ и приказалъ собирать отрядъ безъ шума и битья въ барабаны.

По указанію солдата Крылова, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Сакмарѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шла конница, потомъ артиллерія, пѣхота и обозъ. Пролегавшая среди мелкаго лѣса дорога была весьма узка, и растянувшійся на весьма большое разстояніе отрядъ шелъ въ безпорядкѣ. Самъ Чернышевъ, одѣвшись въ старый мужицкій кафтанъ, ѣхалъ въ саняхъ за пѣхотой.

Переправившись черезъ рѣку Сакмару по льду, отрядъ слѣдовалъ далѣе, и на разсвѣтѣ 13 числа сталъ подниматься на такъ-называемую Маячную гору [1]), въ 4 ½ верстахъ отъ Оренбурга. За этою-то горой и поджидалъ Пугачевъ, получившій еще наканунѣ извѣстіе о движеніи Чернышева. Самозванецъ собралъ толпу въ двѣ тысячи человѣкъ съ двумя орудіями, и лишь только передовыя войска перевалили черезъ гору и стали спускаться внизъ, какъ были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій. Ставропольскіе калмыки и казаки тотчасъ же передались на сторону самозванца, а затѣмъ и гарнизонные солдаты, послѣ незначительной перестрѣлки, продолжавшейся не болѣе четверти часа, также отказались защищаться. Отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Берду. Чернышевъ пересѣлъ на козлы и взялъ въ руки вожжи. По при-

[1]) Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія*, 1858 г., кн. II, 26) ошибочно напечатано «у Маниной горы».

бытіи въ станъ самозванца, всѣ офицеры (32 человѣка) были посажены подъ караулъ, а у солдатъ отобраны ружья, шпаги, и патронныя сумы. Чернышевъ скромно сидѣлъ на козлахъ своихъ саней. Проходившій мимо яицкій казакъ Давилинъ замѣтилъ, что на козлахъ сидитъ человѣкъ, хотя и въ старомъ армякѣ, но не похожій на простого мужика, «а паче по рукамъ призналъ, что онѣ не рабочія» [1]).

— Что ты за человѣкъ? спросилъ Давилинъ Чернышева.

— Извозчикъ, отвѣчалъ спрошенный.

— Скажите, братцы, правду, что это за человѣкъ? говорилъ Давилинъ, обращаясь къ солдатамъ.

— Это нашъ полковникъ Чернышевъ, отвѣчали они.

Мнимый извозчикъ былъ тотчасъ же снятъ съ козелъ, посаженъ подъ караулъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ офицерами представленъ самозванцу.

— Какъ вы осмѣлились вооружиться противъ меня? спрашивалъ Пугачевъ;—вѣдь вы знаете, что я вашъ государь. На солдатъ пенять нельзя: они простые люди, а вы офицеры и регулы знаете.

— Ты еще полковникъ, замѣтилъ самозванецъ, обращаясь къ Чернышеву, — а нарядился мужикомъ. Если бы ты шелъ въ порядкѣ, то можно бы было тебѣ попасть и въ Оренбургъ. Тебя и всѣхъ васъ велю повѣсить за то, чтобы вы знали своего государя.

Приговоръ былъ произнесенъ; осужденные стояли молча и, къ удивленію Пугачева, «ни одинъ, чтобъ избавить ихъ отъ смерти не просилъ» [2]). Это еще болѣе возмущало самозванца, и онъ торопился привести въ исполненіе свое рѣшеніе.

Съ осужденныхъ сняли одежду, обувь и повели къ висѣлицѣ, вокругъ которой поставили всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ солдатъ. Пугачевъ присутствовалъ при церемоніи казни. Вѣшали поодиночкѣ, и самозванецъ самъ махалъ платкомъ, когда, вслѣдъ за повѣшеннымъ, слѣдовало вести новую жертву. Отвратительное

---

[1]) Показанія Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 512.

[2]) Тамъ же.

зрѣлище это продолжалось весьма долго, такъ какъ въ этотъ день повѣшено было 32 офицера, калмыцкій старшина и жена артиллерійскаго офицера.

Послѣ казни, всѣмъ плѣннымъ приказано было стать на колѣни, поднять къ верху два пальца правой руки и повторять присягу на вѣрность императору Петру Ѳедоровичу.

— Богъ и я, государь, говорилъ Пугачевъ, — жалую васъ крестомъ, бородою и всякою вольностью.

Всѣмъ плѣннымъ были острижены волосы по-казачьи, причемъ яицкіе казаки приказывали креститься непремѣнно двуперстнымъ сложеніемъ.

— Если кто, говорили они, — будетъ иначе креститься, то батюшка (самозванецъ) прикажетъ отрубить пальцы.

Плѣнные были раздѣлены по сотнямъ и помѣщены въ землянкахъ. Трупы повѣшенныхъ сняты и брошены подъ гору безъ погребенія, причемъ у ставропольскаго гарнизоннаго баталіона маіора Семенова и капитана Калмыкова, «какъ они были собою толсты, вскрыты были груди злодѣями, и вынимали изъ нихъ сало, сказывая, что оно пригодно для леченія ранъ» [1]).

«Полковника и симбирскаго коменданта Чернышева судьбина» писала императрица князю Волконскому [2]), «весьма сожалѣнія достойна. Ни уже что неслыханною суровостью своей извергъ Пугачевъ своей шайкѣ самой не опротивится? Ибо и простой народъ, видя вдругъ 39 человѣкъ чиновниковъ (34 человѣка) невинно повѣшенныхъ, нельзя, чтобъ не чувствовалъ неистовство

---

[1]) Показаніе подпрапорщика Ставропольскаго баталіона Григорія Аверкіева, 5 февраля 1774 года. Показаніе оренбургскаго войска хорунжаго Родіона Чеботарева. Показаніе симбирскаго баталіона солдата Савина Степанова, 14 ноября 1773 года. Государств. Арх., VI, дѣла №№ 432, 436, 504. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, 472. Въ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, А. С. Пушкина, многіе эпизоды написаны по разсказамъ и преданіямъ, а потому невѣрно. Падуровъ не являлся къ Чернышеву и не велъ отряда. Капитанъ Калмыковъ былъ дѣйствительно повѣшенъ (см. *соч. Пушкина*, т. VI, 118, прим. 45) и никто не дѣлалъ, какъ говоритъ авторъ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, изъ калмыцкаго старшины капитана Калмыкова.

[2]) Въ письмѣ отъ 1 декабря 1773 года. *Осьмнадцатый вѣкъ*, П. Бартенева, кн. I, 102. Письмо это напечатано въ *Москвитянинѣ* 1845 года, № 9, но съ пропусками и невѣрно помѣчено 2-мъ декабря. О родѣ Чернышевыхъ см. *Историческія замѣчанія*, *Русскій Архивъ* 1865 года, стр. 334.

таковаго поступка и омерзѣніе къ производителю онаго. Въ несчастіи семъ можно почесть за счастіе, что сіи капалы привязались два мѣсяца цѣлые къ Оренбургу, а не далѣе куда пошли».

Покончивъ съ отрядомъ Чернышева и «обольстясь тою важною побѣдой», Пугачевъ, по его словамъ [1]), оплошалъ. Имѣя еще съ утра свѣдѣнія о приближеніи къ Оренбургу отряда Корфа изъ Озерной, самозванецъ хотя и отправилъ стеречь его Якова Пономарева съ четырьмя казаками, но предполагая, что Корфъ подойдетъ не скоро, разрѣшилъ своей толпѣ обѣдать. «Въ Бердѣ была великая радость, показывалъ впослѣдствіи Иванъ Почиталинъ, и происходило пьянство; вина же было довольно взято въ Татищевой крѣпости». Среди шумнаго и пьянаго обѣда прибѣжалъ посланный Пономарева съ донесеніемъ, что Корфъ пробирается уже къ Оренбургу. «Казаки на кони» крикнулъ Пугачевъ, но пока двухтысячная толпа собиралась, прошло времени много, и ему не удалось настичь Корфа, отчасти потому, что послѣдній двигался не по той дорогѣ, по которой предполагалъ самозванецъ.

Рано утромъ 13 ноября прискакалъ въ Оренбургъ изъ отряда Чернышева капитанъ Ружевскій, съ пятью доброконными казаками, и явившись къ Рейнсдорпу, донесъ, что отрядъ переправляется черезъ рѣку Сакмару и что полковникъ проситъ помощи [2]). По выходѣ Ружевскаго изъ дома губернатора послышались выстрѣлы, продолжавшіеся не болѣе четверти часа, и затѣмъ все смолкло. Рейнсдорпъ понялъ тогда, что въ отрядѣ Чернышева неладно: или онъ отступилъ, или захваченъ толпой мятежниковъ [3]). Опасаясь, чтобы не случилось того же и съ отрядомъ бригадира Корфа, генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ отправилъ ему на встрѣчу новое приказаніе: не идти на соединеніе съ Чернышевымъ, а слѣдовать какъ можно скорѣе въ Оренбургъ по противоположному берегу рѣки Яика. Эта перемѣна въ направленіи движенія и была причиной того, что посланный Пугачевымъ отрядъ былъ задержанъ рѣкою Яикомъ и не успѣлъ нагнать Корфа, который, соединясь съ ка-

[1]) Показанія Пугачева 16 сентября, 1774 года. *Чтенія* 1858 года, кн. II, 27.

[2]) Рапортъ капитана Ружевскаго Рейнсдорпу, отъ 16 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

[3]) Письмо Рейнсдорпа генералъ-маіору Кару, 13 ноября 1773 года. Тамъ же.

заками, высланными изъ крѣпости, безо всякаго препятствія и потери вступилъ въ Оренбургъ. Онъ привелъ съ собою 2,495 человѣкъ [1]) съ 22 орудіями, въ числѣ коихъ было четыре единорога [2]). Впрочемъ, бо́льшая часть пришедшихъ съ Корфомъ войскъ были весьма худоконны и на сраженіе вовсе негодны [3]); они увеличили собою только число ртовъ, уничтожавшихъ и безъ того незначительные запасы продовольствія, заготовленные въ Оренбургѣ.

Тѣмъ не менѣе, на другой день по прибытіи отряда бригадира Корфа, то-есть, 14 ноября, Рейнсдорпъ рѣшился предпринять вылазку изъ города. Сформировавъ отрядъ въ 2,400 человѣкъ съ 22 орудіями, оренбургскій губернаторъ выслалъ его изъ города подъ начальствомъ оберъ-коменданта, генералъ-маіора Валленштерна. Недавно прибывшій въ Оренбургъ и совершенно незнакомый съ мѣстностью, Валленштернъ около полудня построилъ свой отрядъ предъ городомъ, и имѣя на флангахъ кавалерію, двинулся прямо къ высотѣ въ пяти верстахъ отъ города, на которой стоялъ передовой наблюдательный отрядъ самозванца. Лишь только казаки стали огибать гору съ фланговъ, какъ мятежники, видя предъ собой наступающую пѣхоту, покинули гору и отступили къ лагерю, въ которомъ замѣчена была большая тревога и движеніе. Пугачевъ тотчасъ же выступилъ со всѣмъ своимъ ополченіемъ на встрѣчу отряда Валленштерна и для увеличенія своихъ силъ приказалъ слѣдовать за собой и безоружнымъ солдатамъ отряда Чернышева, взятымъ въ плѣнъ наканунѣ. Всего собралось здѣсь до 10,000 человѣкъ съ 40 орудіями, привезенными частію на лафетахъ, частію на саняхъ. Завязавшаяся перестрѣлка, а затѣмъ и орудійная пальба продолжались болѣе полутора часа. Мятежники постепенно окружали отрядъ Валленштерна, и тѣмъ принудили его построиться въ каре и отстрѣливаться. Двинуться впередъ онъ не могъ, потому что между горой и лагеремъ самозванца пролегалъ весьма глубокій буеракъ, который хотя и можно было обойти, припявъ версты на двѣ въ сторону, но тогда Валленштернъ дошелъ

---

[1]) Въ томъ числѣ 1,418 солдатъ и 1,077 казаковъ.

[2]) Письмо Рейнсдорпа генералу Кару, отъ 13 ноября 1773 года.

[3]) Письмо Ѳедора Сукина петербургскому губернатору, 25 ноября 1773 года, Рукопис. кн. изъ собранія гр. А. Уварова, № 559.

бы до лагеря самозванца только съ наступленіемъ ночи. Признавая такое движеніе безполезнымъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ крѣпости, Валленштернъ отступилъ, и пробиваясь сквозь толпу непріятеля, возвратился въ Оренбургъ безъ всякаго успѣха, потерявъ убитыми 32 и ранеными 93 человѣка [1]).

Пугачевъ торжествовалъ, толпа его праздновала новую побѣду.

VI.

Указъ Пугачева генералу Рейнсдорпу. — Отправленіе отряда подъ начальствомъ Хлопуши и Андрея Бородина для овладѣнія крѣпостями Верхне-Озерною и Ильинскою.—Стойкость гарнизона Верхне-Озерной крѣпости. — Судьба, постигшая отрядъ маіора Заева въ Ильинской крѣпости.—Дѣйствія отрядовъ генерала Деколонга. — Возстаніе въ Башкиріи. — Обложеніе города Уфы башкирцами. —Занятіе Бузулука мятежниками. — Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Тяжелое положеніе оренбургскаго гарнизона и жителей.

Три послѣдовательные успѣха съ короткими промежутками времени настолько ободрили Пугачева и сдѣлали его самонадѣяннымъ, что 17 ноября онъ потребовалъ отъ генералъ-поручика Рейнсдорпа покорности и сдачи города.

«Указъ нашему губернатору Иренисдорпу», писалъ Пугачевъ.

«Довольно извѣстно вамъ (и) изъ публикованныхъ манифестовъ усмотрить можете какимъ образомъ мы отъ завистниковъ общаго покоя всероссійскаго престола безъзаконно лишены были, а нынѣ всемогущіе Г-дь неизъ реченъными своими прявдными судьбами паки возъвести насъ соизволитъ нашихъ вѣрно подъданъныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а зависниковъ общему покою подноги нашы повергаетъ.

«Только вы осленясь неведеніемъ или помрачитесь злобою ни приходити въ чювъство, власти нашея бизмерно чинити зъбольшимъ кровопролитиямъ и тъщитися предъ светящаяся имя наша такимже образомъ какъ и прежде паки угасить и нашихъ верноподъданъыихъ рабовъ, аки младенцовъ оспротитъ. Однако мы по природному нашыму къ верноподъданъному отеческому великоду-

[1]) Показанія хорунжаго Р. Чеботарева. Госуд. Арх., VI, д. № 432.

шію, буде хотя и ныне возъникнувъ отмрака невѣденія и пришедъ въ чювъство власти нашея усердно покорясь всемилостивѣйшими прощаемъ и сверхъ того всякою волностію отечески васъ жалую. А будешъ въ такомже ожесточеніи и суровости останитись и данъной намъ отъ создателя высокой власти непокоритесь, то уже нимінуемо навлечете на сибя праведный нашъ гневъ» [1]).

Прочтя этотъ указъ, оренбургскій губернаторъ былъ безсиленъ отвѣчать съ достоинствомъ на дерзкую выходку самозванца. Рейнсдорпъ пришелъ къ сознанію, что всѣ его попытки разогнать мятежниковъ не увѣнчались успѣхомъ, что, не смотря на значительный численный составъ гарнизона [2]), онъ не можетъ бороться съ Пугачевымъ и положеніе его весьма затруднительно.

Окруживъ со всѣхъ сторонъ Оренбургъ, мятежники отрѣзали всѣ сообщенія, и доставка въ городъ продовольствія и фуража оказывалась почти невозможною. Запасы въ городѣ были весьма незначительны: продовольствія могло хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, а фуража для лошадей и того меньше. Въ такомъ положеніи Оренбургу оставалось ожидать освобожденія извнѣ, и потому въ день полученія вышеприведеннаго указа самозванца, Рейнсдорпъ просилъ Кара поспѣшить наступленіемъ, спрашивалъ гдѣ онъ находится, сколько у него войскъ, что̀ намѣренъ дѣлать, и когда можно ожидать его прибытія, чтобы выслать на встрѣчу отрядъ [3]).

Посланные съ этимъ письмомъ казаки не могли попасть въ отрядъ Кара, въ деревню Дюсметеву, а привезли его въ городъ

---

[1]) Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 175.

[2]) Въ Оренбургской крѣпости находилось годныхъ для дѣйствія въ полѣ: регулярнаго войска 2,819 человѣкъ и иррегулярнаго 450 человѣкъ. Сверхъ того, инвалидовъ, больныхъ, безконныхъ казаковъ и татаръ состояло 1,422 человѣка. Назначая этихъ послѣднихъ собственно для защиты крѣпости, оренбургскій губернаторъ находилъ необходимымъ прибавить къ нимъ, по числу семи дистанцій обороны, 910 человѣкъ и для внутреннихъ карауловъ въ крѣпости оставить 461 человѣка. За выдѣломъ этихъ 1,371 человѣкъ у него оставалось для дѣйствій въ полѣ 1,448 человѣкъ регулярныхъ и 450 иррегулярныхъ, всего 1,898 человѣкъ. Съ этимъ отрядомъ генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ не признавалъ возможнымъ перейти въ наступленіе и разогнать толпу Пугачева, болѣе потому что, не имѣя обоза, былъ прикованъ къ крѣпости.

[3]) Письмо Рейнсдорпа генералу Кару отъ 17 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. 504.

Яикъ, къ коменданту полковнику Симонову [1]). Не подозрѣвая этого, оренбургскій губернаторъ удивлялся, почему Каръ ему не отвѣчаетъ и не идетъ на выручку Оренбурга, а Пугачевъ, считая себя обезпеченнымъ съ этой стороны, сожалѣлъ только, что и Кара не постигла участь Чернышева.

Когда Овчинниковъ и Зарубинъ (Чика) пріѣхали въ Берду съ донесеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ противъ Кара, самозванецъ выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, что они не захватили весь отрядъ живьемъ.

— Для чего вы его упустили? спрашивалъ Пугачевъ.

— У насъ не достало зарядовъ, отвѣчалъ Овчинниковъ.

Обратясь къ Хлопушѣ, самозванецъ благодарилъ его за присылку въ Берду людей, провіанта, пороха и денегъ [2]).

— Сколько теперь у тебя команды? спрашивалъ Пугачевъ.

— Человѣкъ пятьсотъ и три пушки, отвѣчалъ Хлопуша.

— Гдѣ взялъ людей?

— На Авзяно-Петровскомъ заводѣ, а иные пришли и изъ другихъ жительствъ.

— Порохъ, провіантъ, пушки и деньги, кои ко мнѣ прислалъ, гдѣ бралъ?

— Все это взято на заводахъ, а провіантъ возили изъ разныхъ мѣстъ, куда я посылалъ отъ себя команды.

— Будь же ты за это полковникъ и имѣй у себя въ командѣ заводскихъ мужиковъ.

— Я грамотѣ не знаю, замѣтилъ Хлопуша, — а потому и управлять людьми неспособно.

— У насъ и дубина служитъ вмѣсто грамоты, отвѣчалъ Пугачевъ;—вотъ если что̀ украдешь, то и за алтынъ удавлю.

Вслѣдъ затѣмъ самозванецъ призвалъ къ себѣ яицкаго казака Андрея Бородина и приказалъ ему съ казаками, а Хлопушѣ съ заводскими крестьянами идти къ Верхне-Озерной крѣпости, гдѣ, по свѣдѣніямъ, были большіе запасы продовольствія, взять крѣпость и доставить порохъ и провіантъ въ лагерь. Для полученія

[1]) Рапортъ Симонова Сенату 23 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 470.

[2]) Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года, Госуд. Арх., VI, д. № 467 (13).

же снарядовъ и орудій, еще 8 ноября было отправлено въ Уфимскій уѣздъ приказаніе приказчику Воскресенскаго Твердышева завода, Петру Безпалову, исправлять орудія и лить снаряды. «Исправить тебѣ, сказано было въ указѣ Безпалову [1]), великому государю пять гаубицъ и 30 бомбовъ и которая изъ дѣла выйдетъ гаубица, представить бы тебѣ въ скоромъ поспѣшеніи къ великому государю и не жалѣть бы государевой казны — сколько потребно давай, а я тебя за то, великій государь, буду жаловать». Не ожидая, чтобы Безпаловъ выказалъ особую дѣятельность, Пугачевъ послалъ для наблюденія за нимъ казаковъ: Зарубина (Чику), Илью Ульянова и Якова Антипова [2]).

— Надобно бы было, говорили при этомъ ближайшіе совѣтники самозванца [3]),—послать на нижніе яицкіе форпосты Михаила Толкачева съ манифестомъ, чтобъ онъ до самаго Яицкаго городка бралъ вездѣ казаковъ, а къ Дусали султану (киргизскому) послать яицкаго казака изъ татаръ Тангапча также съ манифестомъ, чтобъ онъ далъ вамъ въ помощь хотя 200 человѣкъ. И когда Толкачевъ наберетъ казаковъ, а Тангапчъ приведетъ киргизовъ, то они и ударятъ на Яицкій городокъ.

Яицкій городокъ былъ необходимъ мятежникамъ, какъ опорный пунктъ для зимовки, на тотъ случай, если Оренбургъ не сдастся и у нихъ не хватитъ средствъ для продовольствія толпы. Поэтому совѣтники самозванца настаивали, чтобы прежде всего овладѣть деньгами, боевыми и продовольственными запасами въ крѣпостяхъ Верхне-Озерной и Ильинской [4]), а затѣмъ атаковать и Яицкій городокъ.

---

[1]) Государств. Архивъ, VI, № 505 (2).

[2]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх., VI, д. №№ 422, 467 и 512. Впослѣдствіи Антиповъ оказалъ большія услуги самозванцу. 25 декабря 1773 г. онъ доставилъ въ Берду секретную гаубицу и приступилъ къ отливкѣ нѣсколькихъ новыхъ. 27 января 1774 г. Антиповъ прислалъ мортиру и единорогъ. — Въ мартѣ 1774 г. ему приказано было, «для необходимой общественной надобности», отлить 1,500 ядеръ обыкновенныхъ и 500 «съ ушками чиненыхъ» (Госуд. Арх., VI, д. № 508).

[3]) Казаки: Овчинниковъ, Лысовъ, Шигаевъ, Витошновъ, татаринъ Идорка и другіе.

[4]) Показаніе сотника Бѣлоносова. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 380.

*

Пугачеву такъ понравился этотъ совѣтъ, что онъ приказалъ тотчасъ же написать два манифеста: Ивану Почиталину по-русски, а Болтаю по-татарски, и отправилъ съ ними Толкачева и Тангаича.

Между тѣмъ, получивъ приказаніе самозванца, Хлопуша и Андрей Бородинъ выступили изъ Берды съ толпой въ 400 илецкихъ казаковъ и 400 заводскихъ крестьянъ. Присоединивъ по пути ногайцевъ изъ Желтаго редута, находившагося вблизи Озерной крѣпости, и башкирцевъ, жившихъ по рѣкѣ Ику, Хлопуша послалъ приказаніе кундровскимъ татарамъ, чтобъ они шли къ Верхне-Озерной крѣпости, а самъ двинулся къ Ильинской, находившейся въ 42 верстахъ выше и неимѣвшей почти никакого гарнизона.

По выступленіи бригадира Корфа съ отрядомъ изъ Верхне-Озерной крѣпости, для защиты послѣдней, какъ наиболѣе важной, былъ присланъ изъ Ильинской полковникъ Демаринъ почти со всѣмъ гарнизономъ, состоявшимъ впрочемъ «изъ неспособныхъ къ походу польскихъ конфедератовъ», нѣсколькихъ казаковъ, башкирцевъ, мещеряковъ и калмыковъ [1]). Въ Ильинской крѣпости оставался лишь комендантъ поручикъ Лопатинъ и десятка полтора инвалидовъ. При нападеніи Хлопуши Лопатинъ былъ захваченъ въ плѣнъ и потомъ по дорогѣ изрубленъ, а солдаты не оказали никакого сопротивленія. Забравъ съ собою деньги, пушки, снаряды и продовольствіе, Хлопуша пошелъ назадъ и къ ночи 22 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной крѣпости, считавшейся самою важною и самою сильною въ Красногорской дистанціи. Она обнесена была небольшимъ земляннымъ валомъ съ шестью бастіонами, имѣвшими впереди ровъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ палисадъ. Въ гарнизонѣ крѣпости находились: прибывшія изъ Сибири двѣ роты звѣриноголовскаго гарнизоннаго баталіона, 80 гарнизонныхъ солдатъ, оставленныхъ бригадиромъ Корфомъ, и команда конфедератовъ—всего до 369 человѣкъ пѣхоты, 30 казаковъ, 100 калмыковъ и 60 башкировъ. Приготовляясь къ оборонѣ, Демаринъ расположилъ свой гарнизонъ по фасамъ крѣпости и, въ видахъ всег-

[1]) Рапортъ Демарина графу П. И. Панину, 8 декабря 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 27, кн. 502, листъ 58 (См. также *Оренбургскія вѣдомости* 1869 года, №№ 26—28).

дашней готовности къ отраженію, устроилъ въ крѣпостномъ валу землянки. Казаковъ, башкировъ и калмыковъ размѣстили между солдатами, которымъ было приказано колоть каждаго, покусившагося на побѣгъ.

Оставивъ въ Желтомъ редутѣ, подъ прикрытіемъ 200 человѣкъ, все награбленное въ Ильинской крѣпости имущество и шесть пушекъ [1]), Хлопуша въ ночь на 23 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной и незамѣтно, скрывая свои силы въ оврагахъ, окружилъ крѣпость, но не успѣлъ овладѣть ею врасплохъ. Непривычная къ порядку, толпа мятежниковъ не въ состояніи была скрыть своего приближенія, и раздавшіеся выстрѣлы одного изъ нетерпѣливыхъ атакующихъ спасли крѣпость. Услыхавъ выстрѣлы не далѣе ста шаговъ отъ себя, часовой, стоявшій на валу, ударилъ тревогу, и гарнизонъ, быстро занявъ свои мѣста, открылъ огонь по наступавшимъ. Завязалась перестрѣлка, безвредная для гарнизона, но продолжавшаяся почти цѣлый день. Одиночные смѣльчаки подъѣзжали къ крѣпости и кричали, чтобы солдаты не слушали офицеровъ, перестали стрѣлять и покорились государю. Дождавшись вечера и видя, что увѣщанія не дѣйствуютъ на гарнизонъ, Хлопуша двинулся на штурмъ, но былъ отбитъ. Въ самомъ началѣ дѣла всѣ инородцы и бо́льшая часть казаковъ передались на сторону самозванца, но польскіе конфедераты защищались храбро и отразили какъ это, такъ и слѣдующее нападеніе. Не имѣя вовсе ни канонировъ, ни запаса ружейныхъ пуль, Демаринъ сформировалъ изъ поляковъ прислугу при орудіяхъ, вмѣсто пуль употреблялъ «жеребки» нарѣзанные изъ желѣза, и возвысивъ валъ присыпкой къ нему снѣга, удержалъ крѣпость за собою [2]).

Хлопуша отступилъ къ Кундровской слободѣ, находившейся въ 12 верстахъ отъ крѣпости. Видя стойкость гарнизона и имѣя приказаніе, въ случаѣ неудачи, увѣдомить самозванца, Андрей Боро-

[1]) Показаніе сотника Ивана Бѣлопосова, Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 380.

[2]) Рапортъ Де-марина графу П. И. Панину 8 декабря 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 27, кн. 502, листъ 58. Рапортъ его же генералу Деколонгу 23 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 133. Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта* А. С. Пушкина. Т. VI, изд. 1881 года, стр. 312.

динъ написалъ письмо Пугачеву, что Верхне-Озерную взять не могли. Тогда Пугачевъ самъ выступилъ изъ Берды со всѣми яицкими казаками. Захвативъ по дорогѣ высланныхъ изъ Оренбурга худокопныхъ казаковъ съ ихъ лошадьми и присоединивъ къ себѣ ногайцевъ, онъ утромъ 26 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной крѣпости и приказалъ открыть огонь изъ пушекъ, ружей и сайдаковъ. Въ полдень самозванецъ двинулъ свои силы на штурмъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ изъ крѣпости. Штурмующіе замѣшались, атака не ладилась.

— Грудью, други! кричалъ Пугачевъ.

— Сунься-ко самъ! отвѣчали ему изъ толпы;—развѣ не видишь, какъ намъ пули въ лобъ прилетаютъ?!..

Пугачевъ принужденъ былъ отступить и къ вечеру отвелъ свою толпу къ Кундровской слободѣ [1]). Отсюда, послѣ дневки, онъ двинулся къ Ильинской крѣпости, случайно занятой отрядомъ маіора Заева, шедшаго по распоряженію генералъ-маіора Станиславскаго на помощь Демарину. Узнавъ, что мятежники отступили отъ Верхне-Озерной крѣпости, Заевъ 27 ноября остановился въ Ильинской, имѣя у себя двѣ гарнизонныя роты тобольскихъ баталіоновъ, одну губернскую роту, 91 казака и три пушки, всего до 462 человѣкъ [2]). По разореніи Хлопушей, Ильинская крѣпость была въ самомъ печальномъ положеніи: все вооруженіе ея состояло изъ одной негодной пушки, брошенной въ воротахъ; провіантскій сарай стоялъ отвореннымъ, нѣсколько четвертей муки и сухарей было раскидано на дворѣ [3]). Размѣстивъ свой отрядъ по квартирамъ небольшими командами, что̀ составляло весьма важную ошибку, Заевъ приказалъ запереть ворота и разставить бывшія съ нимъ орудія на укрѣпленіяхъ. Въ крѣпости было четыре бастіона, а пушекъ всего три; поэтому четвертый бастіонъ, обра-

[1]) Показаніе Пугачева и Хлопуши. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 467 и 512.

[2]) При выступленіи изъ Тобольска, въ каждой изъ гарнизонныхъ ротъ было по 122 человѣка строевыхъ и по 5 нестроевыхъ, а въ губернской 127 строевыхъ и 5 нестроевыхъ Рапортъ сибирскаго губернатора Чичерина военной коллегіи 27 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 459.

[3]) Показаніе капрала Ивана Кайгородова. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, 377.

щенный къ рѣкѣ Яику, остался невооруженнымъ. На каждомъ бастіонѣ были поставлены наблюдательные пикеты, человѣкъ по 12 солдатъ при офицерахъ, за ними стояли небольшіе резервы; «отводныхъ бекетовъ ни конныхъ, ни пѣшихъ за крѣпостью не было, а только ночью, показывалъ фурьеръ Пановъ, посылались казаки разъѣздомъ кругомъ крѣпости не въ дальнемъ отъ оной разстояніи». Солдатамъ, разставленнымъ по обывательскимъ квартирамъ, было приказано быть въ полной готовности, спать не раздѣваясь и въ боевой амуниціи, а часовымъ окликать проходящихъ и если кто по третьему отзыву не отзовется, то стрѣлять.

Въ сумерки, 28 ноября, человѣкъ сто мятежниковъ появились въ виду Ильинской крѣпости и учредили вокругъ нея свои разъѣзды. Одиночные всадники подъѣзжали къ укрѣпленіямъ и кричали часовымъ, чтобъ они не стрѣляли, а вышли бы изъ крѣпости съ покорностью, «ибо-де подступилъ подъ крѣпость самъ государь», который наградитъ ихъ жалованьемъ.

— У насъ въ Россіи, отвѣчали часовые, — есть государыня императрица Екатерина Алексѣевна и наслѣдникъ ея великій князь Павелъ Петровичъ; кромѣ ихъ, никакого у насъ государя нѣтъ.

Спустя часа два послѣ этихъ переговоровъ, пугачевцы подвезли свои пушки и открыли огонь по крѣпости, но произведя выстрѣловъ десять прекратили стрѣльбу и отступили къ ближайшей деревнѣ. Нѣкоторые солдаты и конфедераты, бывшіе въ отрядѣ, просили Заева дать имъ подъемныхъ и казачьихъ лошадей и позволить атаковать мятежниковъ [1]).

— Развѣ вы хотите передаться злодѣю? спросилъ Заевъ;— оставайтесь здѣсь и защищайте крѣпость, а я отъ генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю.

Ночь прошла спокойно, а на утро 29 ноября, часовъ въ десять, Пугачевъ двинулъ на штурмъ всѣ свои силы, болѣе 1,500 человѣкъ, съ двумя орудіями, положенными на сани. Впереди везли возовъ пять сѣна, и скрываясь за ними шли мятежники, стрѣлявшіе по крѣпости. Атака была произведена со стороны рѣки Яика,

---

[1]) Показаніе гренадера Ивана Ахлестина (у г. Апучина певѣрно Ахлестышева) 2 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 387.

противъ бастіона, на которомъ не было ни одного орудія. Маіоръ Заевъ приказалъ привезти двѣ пушки съ другихъ бастіоновъ, но онѣ не помогли дѣлу. Пугачевцы успѣли пробить брешь и ворвавшись въ крѣпость, кололи и рубили защитниковъ. Маіоръ Заевъ убитъ былъ однимъ изъ первыхъ и лежалъ со вскрытою злодѣями грудью. Команда его растерялась и послѣ незначительнаго сопротивленія положила оружіе. Бывшіе въ отрядѣ Заева казаки вовсе не защищались, и пугачевцы «тѣхъ казаковъ нисколько не били» [1]).

— Для чего вы къ намъ не вышли? спрашивали ихъ мятежники.

— Еслибъ, отвѣчали казаки,—мы изъ крѣпости стали выходить, то насъ бы солдаты побили.

Всѣхъ плѣнныхъ (число которыхъ доходило до 110) и раненыхъ (до 60) Пугачевъ приказалъ отвести въ свой станъ, въ ближайшую татарскую деревню. Тамъ поставили ихъ на колѣни противъ заряженнаго единорога и въ такомъ положеніи приказали ожидать прибытія самозванца.

— Прощаетъ васъ Богъ, сказалъ Пугачевъ, подъѣхавъ къ плѣннымъ,—и я вашъ государь Петръ Ѳедоровичъ третій, императоръ.

Плѣннымъ приказано было встать; единорогъ повернули въ противоположную сторону, и произведенный выстрѣлъ понесъ ядро въ степь. Послѣ этой церемоніи самозванецъ призвалъ къ себѣ капитана Камешкова, прапорщика Воронова и неизвѣстнаго по фамиліи казачьяго сотника.

— Для чего вы противъ меня, вашего государя, идете и меня не слушаете? спросилъ самозванецъ.

— Ты не государь нашъ, отвѣчали офицеры, — и мы тебя онымъ не признаемъ; ты самозванецъ и бунтовщикъ.

Пугачевъ приказалъ тотчасъ же ихъ повѣсить и привести къ себѣ изъ татаръ капитана Башарина. Ему грозила та же участь, но человѣкъ тридцать солдатъ губернской роты просили простить его.

— Капитанъ былъ до насъ добръ, говорили они, — и въ нашихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ насъ.

---

[1]) Показаніе фурьера Степана Панова. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 375.

— Ну, когда онъ былъ до васъ добръ, сказалъ Пугачевъ, — такъ я его прощаю.

Башарину и всѣмъ плѣннымъ обрѣзали волосы по-казачьи, а казакамъ оставили лошадей и оружіе. По принятымъ правиламъ, со всѣхъ убитыхъ (даже и своихъ) было снято все платье [1]), а Ильинская крѣпость сожжена. Захвативъ вблизи крѣпости караванъ изъ 25 верблюдовъ съ 20 бухарцами, Пугачевъ роздалъ товары своимъ сподвижникамъ, яицкимъ казакамъ [2]), а на верблюдовъ нагрузилъ боевые припасы, одежду, снятую съ убитыхъ, оружіе и прочее имущество, захваченное въ крѣпости. Дождавшись прибытія изъ Желтаго редута оставленныхъ тамъ орудій и прикрытія, Пугачевъ въ тотъ же день, въ сумерки, съ пѣснями, выступилъ обратно въ Берду, имѣя въ своей толпѣ до 2,200 человѣкъ съ 12 орудіями [3]). Онъ не пытался снова атаковать Верхне-Озерной крѣпости, потому что было получено извѣстіе о приближеніи 14-й легкой полевой команды подъ начальствомъ генералъ-маіора Станиславскаго, шедшаго изъ Орской крѣпости на помощь отряду маіора Заева.

Не доходя 25 верстъ до крѣпости Ильинской, генералъ Станиславскій узналъ объ участи, постигшей отрядъ Заева. Онъ остановился и не пошелъ далѣе, опасаясь самъ попасть въ руки самозванца. Подъ предлогомъ того, «чтобы не открыть всей линіи злодѣямъ на похищеніе» [4]), Станиславскій возвратился въ Орскую крѣпость, а вслѣдъ затѣмъ получилъ приказаніе генерала-поручика Деколонга отступить къ Верхо-Яицкой крѣпости, забирая съ собою изъ лежащихъ на пути крѣпостей гарнизоны, денежную казну, артиллерію и жителей, которые изъявятъ желаніе слѣдовать за отрядомъ. Тѣхъ жителей, которые пожелаютъ остаться въ сво-

---

[1]) «Съ побитыхъ людей, показывалъ сотникъ Яковъ Сутормінъ, — какъ со своихъ, такъ и съ нашихъ, опъ злодѣй, Пугачевъ, одежду всеё приказываетъ снимать и на оныхъ ничего не оставлять, и всѣ мертвыя тѣла валяются въ крѣпости и за оной безо всякаго прибору...» Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 383.

[2]) Тамъ же, листъ 383.

[3]) Тамъ же, листъ 384.

[4]) Рапортъ Станиславскаго Рейнсдорпу, отъ 4 декабря. Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, А. С. Пушкина, т. VI, изд. 1881 г., стр. 318.

ихъ домахъ, генералъ-маіору Станиславскому приказано было снабдить продовольствіемъ, а артиллерію, которую почему-либо нельзя было взять съ собою, испортить или бросить въ воду.

Такое оставленіе значительной части края безъ войскъ, Деколонгъ признавалъ необходимымъ по ограниченности своихъ силъ (всего двѣ легкія полевыя команды [1]), по недостатку для нихъ продовольствія и по необходимости защитить Исетскую провинцію и екатеринбургскіе заводы. По мнѣнію Деколонга, опасность, грозившая Исетской провинціи, была такъ велика, что съ наличными своими силами онъ не находилъ возможнымъ защитить столь обширный край, и просилъ сибирскаго губернатора Чичерина прислать ему тысячу выписныхъ казаковъ и сколь возможно рекрутъ, обученныхъ экзерциціи [2]).

«Хотя мое намѣреніе, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ графу З. Чернышеву [3]), и состояло въ томъ, чтобы находящимися при мнѣ сибирскихъ линій воинскими командами подать помощь осажденному городу Оренбургу и всѣ неполезныя слѣдствія обратить во благо, но злодѣи башкирцы генеральнымъ своимъ взбунтованіемъ до того не допустили, и причиняя почти повсемѣстно варварскія свои злодѣянія, заставили пещись о предохраненіи линейныхъ и внутреннихъ Исецкой провинціи россійскихъ селеній».

Башкирія была въ полномъ возстаніи, и сообщеніе съ Оренбургомъ было прервано на столько, что курьеры могли доѣзжать только до Орской крѣпости, да и то степною киргизскою стороной, а далѣе къ Оренбургу надо было отыскивать охотниковъ, пробиравшихся скрытными путями и по ночамъ.

Разъѣзжая конными партіями, башкиры грабили русскія селенія. 18 ноября они произвели нападеніе на Стерлитамакскую пристань, на рѣкѣ Бѣлой, а 24 ноября толпа ихъ, въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ самозванныхъ: полковника башкирца Кашкина-

---

[1]) Третья легкая полевая команда находилась еще въ походѣ. См. рапортъ Деколонга, отъ 14 декабря. Военн.-учен. арх,, д. № 104 (А), листъ 101.

[2]) Письмо Деколонга Чичерину, 12 декабря 1773 года. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, дѣло о Пугачевѣ, кн. III. — Рапортъ Деколонга военной коллегіи, 14 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. II, листъ 358.

[3]) Въ письмѣ, отъ 14 декабря 1773 года, кн. II, листъ 359.

Самарова и подполковника уфимскаго казака Губанова, появилась въ виду селенія Чесноковки, находившагося въ десяти верстахъ отъ города Уфы. Жители селенія наложили четыре воза печенаго хлѣба и встрѣтили башкирцевъ съ покорностью. Примѣру ихъ послѣдовали всѣ остальныя подгородныя селенія, и мятежники, окруживъ городъ, расположились въ Чесноковкѣ, Богородскомъ, Ермашевскомъ и Красномъ-Яру [1]). Сообщеніе Уфы съ окрестностями было прервано, и башкирцы распространили свои разъѣзды столь далеко, что воевода города Бирска, находившагося въ 50 верстахъ отъ Уфы, секундъ-маіоръ Моисеевъ бѣжалъ и скрылся въ дер. Каракулинѣ [2]), но потомъ былъ захваченъ башкирцами. Число мятежниковъ съ каждымъ днемъ увеличивалось прибывающими ясачными татарами, помѣщичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами, и въ короткое время доросло болѣе чѣмъ до тысячи человѣкъ.

Ноября 29-го къ городу Уфѣ подъѣхало нѣсколько башкирцевъ, съ желаніемъ вызвать кого-либо изъ жителей для переговоровъ, но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, уѣхали. На слѣдующій день они повторили то же самое, и тогда на встрѣчу имъ были высланы: секундъ-маіоръ Пекарскій [3]) и коллежскіе регистраторы Черкашенниновъ и Дуровъ. Башкирцы требовали сдачи города, выдачи полковника и коменданта Мясоѣдова и воеводы Борисова. Получивъ отказъ, мятежники 1 декабря подошли уже значительною толпой къ городу, со стороны села Богородскаго, но были разогнаны сотней казаковъ, къ которымъ присоединились обыватели, имѣвшіе лошадей. Мясоѣдовъ установилъ вокругъ города почные разъѣзды, «въ которые назначались и статскіе чины, какъ-то: секретари и протоколисты, регистраторы и приказные служители» [4]). Видя, съ одной стороны, стойкость гарнизона и жителей, а съ другой — что съ шайкою, вооруженною преимущественно стрѣлами,

---

[1]) Журналъ о происшествіяхъ въ городѣ Уфѣ. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, дѣло о Пугачевѣ, кн. IV.

[2]) Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 347.

[3]) Тотъ самый Пекарскій, записка котораго напечатана въ *Москвитянинѣ* 1841 года, ч. III.

[4]) Журналъ о происшествіяхъ въ городѣ Уфѣ.

копьями и рогатинами, взять городъ невозможно, предводители толпы отправили къ Пугачеву нарочнаго съ просьбой о помощи.

«Мы, сказано было въ прошеніи, привезенномъ нарочнымъ [1]), казанской дороги башкиры и служилые татары, черемисы и дворцовые крестьяне, всѣ согласясь милосердому государю Петру Ѳедоровичу склонились; что бы его величество ни приказалъ, мы свои услуги показать должны, не пожалѣя силъ своихъ до послѣдней капли крови. Для того мы всепокорнѣйше просимъ вашего царскаго милосердія, въ нашу сторону прислать войска и нѣсколько пушекъ. Когда явятся въ нашу сторону какіе-нибудь супротивники вашему величеству, то намъ сократить ихъ не съ чѣмъ безъ пушекъ. Нынѣ у насъ подкомандующихъ болѣе тысячи человѣкъ, и (приказано) всѣмъ окольнымъ жителямъ изготовлять для нынѣшней войны съ каждаго двора по одному казаку со всѣми ружьями, затѣмъ, что мы нынѣшнюю пятницу городъ Уфу разорять ѣхать намѣреніе имѣемъ».

Добровольное подчиненіе башкирцевъ власти мнимаго императора было весьма важно для Пугачева, потому что, владѣя большимъ числомъ лошадей, они гнали въ станъ самозванца цѣлые косяки и дозволили ему посадить на коней бо́льшую часть своего ополченія.

Пугачевъ радъ былъ случаю и возможности отправить въ Башкирію одного изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, чтобы болѣе прочно подчинить населеніе своей власти. Воспользовавшись пребываніемъ Зарубина (Чики) въ Уфимскомъ уѣздѣ, на Воскресенскомъ Твердышева заводѣ, самозванецъ приказалъ ему отправиться подъ городъ Уфу и принять начальство надъ всѣмъ собравшимся тамъ ополченіемъ [2]).

Не успѣлъ башкирскій посланный уѣхать изъ стана самозванца, какъ въ Бердѣ было получено новое радостное извѣстіе о занятіи мятежниками города Бузулука и почти всей Самарской линіи.

Самарская линія была совершенно беззащитна съ тѣхъ поръ,

---

[1]) Государств. Архивъ, VI, д. № 416.

[2]) Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх., VI, д. № 422.

какъ симбирскій комендантъ, полковникъ Чернышевъ, двигаясь къ Оренбургу и желая усилить свой отрядъ, забиралъ изъ крѣпостей лежавшихъ на пути его слѣдованія, всѣхъ лучшихъ людей, какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ. Въ Бузулукской крѣпости, считавшейся наиболѣе важною и имѣвшей коменданта, завѣдывавшаго нѣсколькими сосѣдними крѣпостями [1]), Чернышевъ оставилъ всего 27 рядовыхъ при шести унтеръ-офицерахъ и капралахъ, но и тѣ были старые и дряхлые. Двѣ годныя пушки Чернышевъ взялъ съ собой, а въ Бузулукѣ оставилъ тѣ, которыя или были забракованы, или не имѣли лафетовъ. При нихъ не осталось ни одного канонира, а снарядовъ было хотя и много, но другаго калибра, такъ что ни одинъ изъ нихъ не входилъ въ дуло орудія.

Съ уходомъ Чернышева, въ Бузулукѣ осталось до 200 отставныхъ драгунъ, солдатъ и поселенныхъ казаковъ, но все это были люди больные, дряхлые, отказывавшіеся защищаться по неимѣнію оружія, «ибо полковникъ Чернышевъ не довольно что людей, но и ружья обобралъ и оставилъ однѣ испорченныя» [2]).

Тѣмъ не менѣе, комендантъ Бузулукской крѣпости, подполковникъ Вульфъ, зять казанскаго губернатора фонъ-Брандта, установилъ между крѣпостями своей дистанціи постоянные разъѣзды днемъ и ночью; но распоряженіе это исполнялось недолго. Въ началѣ ноября, находившійся въ Тоцкой крѣпости атаманъ Чулошниковъ прислалъ сказать Вульфу, что онъ со всѣми своими подчиненными «преклонился къ императору Петру III», далъ слово служить государю и совѣтуетъ то же сдѣлать коменданту Бузулукской крѣпости, такъ какъ въ непродолжительномъ времени къ нему прибудетъ отъ государя полковникъ съ войсками.

Человѣкъ нерѣшительный, слабаго характера, неумѣвшій заставить подчиненныхъ повиноваться и исполнять свои приказанія, подполковникъ Вульфъ струсилъ и сталъ помышлять о собственномъ спасеніи. 17 ноября онъ съ ужасомъ узналъ отъ прибѣжав-

---

[1]) Въ подчиненіи бузулукскаго коменданта находились крѣпости: Сорочинская, Тоцкая, Елшанская, Борская и Красно-Самарская, въ коихъ регулярныхъ войскъ вовсе не было, а были одни казаки подъ начальствомъ атамановъ.

[2]) Рапортъ подполковника Вульфа Брандту 6 ноября 1773 г. Государственный Архивъ. VI, д. № 433.

шихъ изъ отряда Чернышева объ участи, постигшей симбирскаго коменданта, и въ слѣдующую ночь, призвавъ къ себѣ сержанта Ивана Звѣрева, объявилъ ему о своемъ намѣреніи уѣхать изъ крѣпости.

— Ну, Звѣревъ, говорилъ подполковникъ Вульфъ,—оставайся ты здѣсь съ сержантомъ Осипомъ Куклинымъ, а я съ командою отсюда уѣду. Я не хочу здѣсь, какъ Чернышевъ, умереть напрасно, а защищаться мнѣ не съ кѣмъ.

Звѣревъ просилъ и ихъ взять съ собою.

— Васъ взять нельзя, отвѣчалъ Вульфъ, — потому что вы находитесь при такихъ должностяхъ, которыя остановить никакъ нельзя [1]).

Утромъ 18 ноября подполковникъ Вульфъ, забравъ свое семейство, отправился въ Самару, подъ конвоемъ двухъ унтеръ-офицеровъ, двухъ капраловъ и 25 рядовыхъ [2]). Покидая ввѣренный ему постъ, подполковникъ Вульфъ написалъ въ приказѣ, что «имѣетъ онъ, по нѣкоторому повелѣнію, отбыть изъ крѣпости Бузулукской со всею регулярною командой». Два дня спустя толпа яицкихъ казаковъ пріѣхала въ Бузулукъ, опечатала всѣ провіантскіе магазины, обобрала всѣхъ лучшихъ лошадей и уѣхала, а почти въ полдень 30 ноября, послѣ обѣдни, ко двору Куклина подъѣхало до двадцати саней съ мятежниками, подъ предводительствомъ отставнаго солдата Ивана Жилкина. Онъ объявилъ, что отправленъ изъ арміи государя для забранія провіанта и денегъ. Узнавъ, что комендантъ оставилъ крѣпость и населеніе не намѣрено оказывать сопротивленія, Жилкинъ сталъ распоряжаться самовластно: осмотрѣлъ провіантскій магазинъ, приказалъ принести вина для своихъ сообщниковъ и призвать всѣхъ солдатъ. Послѣ всеобщей попойки, въ которой принимали участіе два священника, солдаты и казаки, Жил-

---

[1]) Звѣревъ завѣдывалъ всѣмъ письмоводствомъ, а Куклинъ—провіантомъ, денежною казной, питейнымъ и соляннымъ сборомъ.

[2]) Показаніе Звѣрева 31 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 437. Показаніе подполковника Вульфа 29 января 1775. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 94, связка 17, дѣло № 23. По опредѣленію военной коллегіи 31 марта 1775, подполковникъ Вульфъ «за презрительную робость», какъ происходящій изъ курляндскихъ мѣщанъ, былъ исключенъ изъ службы и вмѣстѣ съ женой высланъ за границу.

кинъ взялъ ножницы, обрѣзалъ у солдатъ косы, объявилъ, что теперь всѣ они казаки, и распустилъ ихъ по домамъ.

Въ тотъ же день къ вечеру, въ предположеніи, что Жилкинъ встрѣтитъ сопротивленіе въ Бузулукѣ, была прислана ему на помощь команда изъ 50 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ильи Арапова, которая пьянствовала всю ночь, а на утро вмѣстѣ съ Жилкинымъ отправилась грабить помѣщичьи имѣнія. Забравъ у жителей подводы, мятежники нагрузили на нихъ 62 четверти сухарей, 164 куля муки, 12 четвертей крупъ, пять пудовъ пороху и 2,010 рублей мѣдныхъ денегъ, большею частью денежками и полушками [1]).

Не смотря на столь быстрые успѣхи самозванца, дѣйствія его противъ Оренбурга были крайне нерѣшительны и ограничивались обложеніемъ. Пугачевъ не рѣшался сунуться на штурмъ, и увѣрялъ своихъ легковѣрныхъ сообщниковъ, что «сколько-де онъ городовъ ни прошелъ, сказывая якобы онъ бывалъ въ Іерусалимѣ, въ Царьградѣ и въ нѣмецкихъ городахъ, но столь крѣпкаго города, каковъ есть Оренбургъ, не видалъ». Онъ говорилъ, что «болѣе приступовъ дѣлать къ городу не намѣренъ, а хочетъ осадой до того довести, чтобъ у жителей не стало пропитанія, а тогда-де и городъ сдаться ему будетъ принужденъ» [2]).

Въ Оренбургѣ было дѣйствительно весьма мало продовольствія, и потому положеніе его было тяжелое. «Наши обстоятельства, писалъ Рычковъ къ Миллеру [3]), такія, какихъ сначала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное неполученіе писемъ моихъ даетъ вамъ идею, сколь трудно находить способовъ къ отправленію отсюдова писемъ, а почты ординарной уже съ два мѣсяца отъ насъ нѣтъ въ отправленіи. Помощь наша отъ Господа, сотворившаго небо и землю: мы всю надежду имѣемъ на Него». Всѣ попытки гарнизона улучшить свое

---

[1]) Показаніе сержанта Ивана Звѣрева 31 октября 1774. Госуд. Архивъ, VI, дѣло № 437.

[2]) Рычковъ, *Осада Оренбурга*. См. Сочиненія Пушкина, т. VI, изд. 1881 г., приложеніе, стр. 297.

[3]) Отъ 25 ноября 1773 года. *Жизнь Рычкова*, соч. академика Пекарскаго, стр. 136.

положеніе были тщетны. Получивъ извѣстіе объ уходѣ Пугачева подъ Верхне-Озерную и Ильинскую крѣпости, генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было положено произвести въ ночь на 30 ноября вылазку съ тѣмъ, чтобъ атаковать непріятеля до разсвѣта и нечаянно. Вылазка эта однакоже не состоялась, такъ какъ назначенныя подъ орудія 30 лошадей въ ту ночь пали [1]). И генералъ-поручику Рейнсдорпу не оставалось ничего болѣе, какъ просить военную коллегію, чтобъ она учинила «*защитительное попеченіе*» ввѣренной ему губерніи «при настоящемъ ея страданіи, сопряженномъ съ государственнымъ большимъ предосужденіемъ». Губернаторъ писалъ, что, лишившись отъ безкормицы почти всей кавалеріи, онъ не въ состояніи съ одною пѣхотой разогнать непріятеля, нахватавшаго въ разныхъ мѣстахъ хорошихъ лошадей и не подпускающаго къ себѣ не только на ружейный, но и на картечный выстрѣлъ [2]).

При вылазкахъ изъ крѣпости мятежники обыкновенно разсыпались по степи, держались внѣ выстрѣловъ и поражали наступающихъ огнемъ своихъ орудій, везомыхъ хорошими лошадьми и потому болѣе подвижныхъ, чѣмъ тѣ, которыми располагалъ гарнизонъ. Не смотря однакоже на значительное превосходство своего положенія, мятежники бывали смѣлы лишь не видя передъ собою наступающихъ войскъ. Тогда они подъѣзжали почти къ самому городу, вели переговоры съ гарнизономъ и требовали, чтобы онъ покорился государю Петру Ѳедоровичу. 7 декабря они объявили осажденнымъ, что завтрашній день будетъ къ нимъ изъ Москвы великій князь Павелъ Петровичъ съ 30,000 войскъ и съ тремя генералами.

— Въ понедѣльникъ (9 декабря), говорили они, — мы сдѣлаемъ такой приступъ, что всему уже городу жарко будетъ.

Въ Оренбургѣ не вѣрили этимъ словамъ, но видя, что большинство подъѣзжавшихъ находятся въ полупьяномъ состояніи, гарцуютъ и джигитуютъ по степи, что въ лагерѣ самозванца замѣтно особое оживленіе и усиленное пьянство, долго не могли по-

---

[1]) Рычковъ, *Осада Оренбурга.* Соч. Пушкина, т. VI, прил., стр. 308.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи 25 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 169.

нять причины, и лишь впослѣдствіи узнали, что Пугачевъ праздновалъ прибытіе изъ Петербурга яицкаго сотника Аѳанасія Перфильева, сдѣлавшагося впослѣдствіи ближайшимъ и наиболѣе энергическимъ сообщникомъ самозванца.

VII.

Отправленіе изъ Петербурга въ станъ самозванца яицкихъ казаковъ Аѳанасія Перфильева и Петра Герасимова. — Прибытіе Перфильева въ Берду. — Жизнь въ Бердѣ. — Организація и администрація Пугачевскихъ силъ. — Пугачевская военная коллегія. — Свиданіе Перфильева съ Овчинниковымъ и Пугачевымъ.

Недѣли за двѣ до полученія въ Петербургѣ извѣстій о появленіи Пугачева подъ Оренбургомъ, прибыли въ столицу депутаты отъ яицкаго войска: сотники Аѳанасій Перфильевъ, Иванъ Герасимовъ и казакъ Савелій Плотниковъ, дабы просить императрицу о невзысканіи съ яицкаго войска наложеннаго на нихъ штрафа [1]). Въ столицѣ они нашли казака Петра Герасимова, еще 27 декабря 1771 года подававшаго прошеніе императрицѣ и скрывавшагося отъ преслѣдованія и розысковъ военной коллегіи. Не зная ничего о происходящемъ въ войскѣ, казаки Перфильевъ, двое Герасимовыхъ и Плотниковъ вновь сочинили прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ писали, «что могли вымыслить къ оправданію войсковой стороны, закрывая сколь можно свою вину, дабы черезъ то можно было получить испрашиваемое». Не найдя случая подать прошеніе лично императрицѣ и считая Орловыхъ покровителями яицкаго войска, Перфильевъ съ товарищами передали прошеніе графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, отъ котораго получили отвѣтъ, что просьба ихъ передана ея величеству и что имъ необходимо подождать резолюціи.

Спустя нѣкоторое время яицкіе депутаты были потребованы къ графу А. Г. Орлову.

— У васъ на Яикѣ сдѣлалось несчастіе, сказалъ графъ пришедшимъ къ нему казакамъ. — Одинъ разбойникъ, бѣглый донской казакъ Пугачевъ, назвавшись ложно покойнымъ государемъ

[1]) См. Томъ I глава VIII.

Петромъ III, собралъ себѣ небольшую шайку изъ приста́вшихъ къ нему вашихъ же яицкихъ казаковъ, какъ-то Чики и прочихъ, укрывавшихся отъ наказанія по бывшему объ убійствѣ Траубенберга слѣдствію, и съ набранною шайкой пошелъ по крѣпостямъ къ Оренбургу. Съѣздите туда и постарайтесь уговорить казаковъ, дабы они отъ сего разбойника отстали и его поймали. Если вы постараетесь это сдѣлать, то по возвращеніи въ Петербургъ ваше дѣло будетъ рѣшено въ пользу казаковъ.

— Готовы усердно служить всемилостивѣйшей государынѣ, отвѣчали Перфильевъ и его товарищи, — и сколько силъ будетъ, исполнимъ повелѣніе въ точности [1]).

Заручившись такимъ обѣщаніемъ и справедливо считая графа Захара Чернышева виновнымъ во многомъ, что́ происходило на Яикѣ и подъ Оренбургомъ, графъ Орловъ постарался устранить президента военной коллегіи отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла яицкихъ казаковъ. Сговорившись съ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, они испросили согласіе императрицы отправить на Яикъ двухъ казаковъ, Аѳанасія Перфильева и Петра Герасимова, а казаковъ Ивана Герасимова и Савелія Плотникова оставить въ Петербургѣ, какъ бы заложниками, но съ тѣмъ, чтобъ они зависѣли только отъ одного князя Вяземскаго.

12 ноября 1773 года генералъ-прокуроръ объявилъ Тайной экспедиціи, что императрица повелѣла выдать сотнику Перфильеву и казаку Петру Герасимову, для проѣзда ихъ до Казани и обратно до Петербурга, каждому по паспорту, «назвавъ въ оныхъ обоихъ ихъ, для извѣстныхъ ему, генералъ-прокурору, причинъ *черкесами* [2]). Другому же сотнику Ивану Герасимову и казаку Савелію Плотникову, для свободнаго здѣсь, въ Петербургѣ, жительства,

---

[1]) Показаніе Аѳанасія Перфильева 12 сентября 1774 года. Государств. Арх., VI, д. № 425.

[2]) Паспорты эти были слѣдующаго содержанія: «Объявитель сего черкесъ (Аѳанасій Перфильевъ или Петръ Герасимовъ) отправленъ изъ С.-Петербурга въ Казань, къ генералу-аншефу и казанскому губернатору фонъ-Брандту, того ради по тракту сему, на заставахъ и въ городахъ имѣющимся начальникамъ вездѣ пропущать безъ задержанія, а что по прошествіи положеннаго времени явиться ему у меня (князя Вяземскаго), въ томъ обязанъ подпискою. Въ вѣрность сего данъ ему сей паспортъ за подписаніемъ руки моей и съ приложеніемъ обыкновенной печати».

дать изъ Тайной экспедиціи билеты [1]), съ такимъ предписаніемъ, чтобы ихъ ни въ какое правительственное мѣсто [2]), безъ объявленія ему, генералъ-прокурору, не брать и являться имъ каждую недѣлю по одному разу въ Тайной экспедиціи и изъ Петербурга никуда имъ не отлучаться» [3]).

Получивъ паспорты, Перфильевъ и Герасимовъ выѣхали изъ Петербурга, но были въ большомъ раздумьѣ, какъ поступить имъ въ будущемъ.

— Какимъ образомъ это сдѣлалось, что простой человѣкъ могъ назваться государемъ? спрашивалъ Перфильевъ Герасимова. — Кажется, статься сему нельзя. Можетъ-быть, называемый Емелькою Пугачевымъ и прямо государь Петръ III.

— Я покойнаго государя видѣлъ много разъ, отвѣчалъ спрошенный, — и буде сей называющійся подлинно государь, то его узнаю.

Припоминая молву, ходившую по всей Россіи, что Петръ III не умеръ, что манифесты о его смерти ложны, но что онъ изъ-подъ ареста «выкраденъ» и освобожденъ, Перфильевъ и Герасимовъ рѣшили, что если по пріѣздѣ къ Пугачеву Герасимовъ признаетъ въ немъ истиннаго государя, то рукъ на него не поднимать и «никакого злаго умысла противъ него не предпринимать».

— Какъ можно намъ, говорили казаки между собою, — свои руки поднять на государя; ихъ головы помазанныя. Вѣдь Богъ знаетъ чью сторону держать: государя или государыни; они между собою какъ хотятъ такъ и дѣлять, а намъ нечего въ ихъ дѣла

---

[1]) Билеты были такого содержанія: «По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, Правительствующаго Сената изъ Тайной экспедиціи данъ сей билетъ войска яицкаго сотнику Ивану Герасимову (въ другомъ, казаку Савелью Плотникову) для того, чтобъ жить ему до указу здѣсь въ С.-Петербургѣ, у кого и гдѣ пожелаетъ. Буде же по какому-либо дѣлу, въ какое судебное мѣсто потребенъ будетъ, но однакожь его, когда онъ сей билетъ покажетъ, никуда не брать, а что онъ потребенъ въ какое присутственное мѣсто, о томъ тотчасъ объявить генералъ-прокурору, откуда и резолюція дана быть имѣетъ. До будущаго же о немъ опредѣленія являться ему въ тайной экспедиціи каждую недѣлю одинъ разъ, а потому, гдѣ онъ жительство будетъ имѣть объявить и безъ указу изъ Петербурга никуда не отлучаться и безъ объявленія квартиры своей не перемѣнять».

[2]) То-есть въ Военную Коллегію, которой подчинены были казаки во всѣхъ отношеніяхъ.

[3]) Государств. Арх., VI, д. №№ 414 и 415.

*

вступаться; неравно его сторона возьметъ, такъ мы въ тѣ поры безо всего пропадемъ, а лучше останемся у него служить.

Условившись такимъ образомъ, Перфильевъ и Герасимовъ 25 ноября пріѣхали въ Казань и явились къ генералъ-поручику фонъ-Брандту. Отсюда они должны были, подъ видомъ курьеровъ, ѣхать съ печатными манифестами о самозванцѣ и съ письмами казанскаго губернатора къ яицкому коменданту, полковнику Симонову. Письма эти были на столько безсодержательны, что по проѣздѣ чрезъ разъѣзды, выставленные по границѣ Казанской губерніи, ихъ дозволено было уничтожить, точно такъ же какъ и подорожныя, въ которыхъ имъ разрѣшалось проѣхать по Самарской линіи до Бузулукской или другой какой крѣпости. Генералу Брандту стоило однакожь не малыхъ трудовъ заставить ихъ выѣхать изъ Казани. «Наплу, писалъ онъ [1]), уговоромъ ихъ отсюда 28-го числа выжилъ, ибо по нынѣшнимъ здѣшнимъ, отъ безпутныхъ вѣстей сумнительнымъ обстоятельствамъ, не разсудилъ тѣмъ казакамъ себѣ дать въ карты глядѣть, да и по всегдашнемъ ихъ пьянствѣ, не увѣрясь совсѣмъ на нихъ, подъ видомъ наблюденія моего въ народѣ кредита, имѣлъ при нихъ, яко при чужихъ людяхъ черкесами названныхъ, вѣрнаго унтеръ-офицера, какъ для примѣчанія ихъ разговоровъ, такъ и для отвращенія при такомъ случаѣ народнаго во мнѣ сомнѣнія, ибо слухъ пронялся, что извѣстный злодѣй, по выступленіи моемъ изъ Казани на границы, разгласилъ, яко бы я къ нему добровольно ѣду».

Прибывъ въ Самару, Перфильевъ и Герасимовъ были узнаны казакомъ Ергучевымъ, ѣхавшимъ изъ Яицкаго городка съ донесеніями отъ полковника Симонова. Ергучевъ заявилъ самарскимъ властямъ, что они не черкесы, а ихъ яицкіе казаки, бунтовщики, участвовавшіе въ убійствѣ генерала Траубенберга и бѣжавшіе изъ Яицкаго городка. Перфильевъ и Герасимовъ были задержаны и отправлены въ симбирскую провинціальную канцелярію, и отпущены далѣе только по наведеніи надлежащихъ справокъ [2]).

---

[1]) Въ письмѣ князю Вяземскому, отъ 30 ноября 1773 года. Государств. Арх., VI, д. №№ 414 и 415.

[2]) Письмо генералъ-поручика Брандта князю А. А. Вяземскому отъ 29 декабря 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 414.

Изъ Симбирска они пріѣхали опять въ Самару, а затѣмъ, отправились въ Яицкій городокъ, гдѣ и явились къ коменданту полковнику Симонову. Послѣдній долго не могъ повѣрить, что казаки посылаются въ станъ самозванца, но подорожныя и письма Брандта заставили его согласиться на дальнѣйшее отправленіе, причемъ уполномоченные графа Орлова разъѣхались въ разныя стороны: Петръ Герасимовъ поѣхалъ на нижніе яицкіе форпосты, а сотникъ Аѳанасій Перфильевъ въ Берду, въ сопровожденіи взятыхъ имъ съ собою казаковъ Ивана Фофанова и Ивана Мирошихина.

— Я посланъ изъ Питера, говорилъ дорогою Перфильевъ своимъ спутникамъ,—отъ графа Орлова уговаривать казаковъ, чтобъ изловить называющагося государемъ.

— Не моги ты объ этомъ и думать, отвѣчали они. — Мы тебя заколемъ, если объ этомъ только подумаешь. Онъ, мы слышали, точный государь и къ намъ наслалъ весьма милостивые указы, что насъ станетъ жаловать всею вольностью. Будучи еще въ городкѣ, мы догадались, что вы съ Герасимовымъ не даромъ изъ Петербурга пріѣхали, и хотѣли было по пріѣздѣ въ Берду на тебя донесть, да хорошо что самъ намъ признался. Мы тебѣ еще разъ подтверждаемъ, что не моги ты этого дѣлать.

Сторонникъ казачьихъ интересовъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ бывшей борьбѣ казаковъ за старые порядки, Перфильевъ не могъ не сочувствовать общему движенію и, прося товарищей, чтобъ они на него не доносили, клялся, что будетъ вмѣстѣ съ ними служить вѣрно и не предприметъ ничего противнаго казачьимъ интересамъ.

Около Николина дня Перфильевъ и его спутники пріѣхали въ станъ самозванца, гдѣ все было для нихъ ново и необычайно.

Остановясь въ Бердѣ, Пугачевъ и его ближайшіе совѣтники расположились въ слободѣ, причемъ самозванецъ занялъ лучшій домъ казака Ситникова и назвалъ его «государевымъ дворцомъ». Стѣны дворца вмѣсто обоевъ были обиты шумихой, украшены зеркалами, и на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ цесаревича Павла Петровича, взятый въ имѣніи Тимашева и привезенный въ Берду атаманомъ Андреемъ Овчинниковымъ [1]). На крыльцѣ «государева

[1]) Впослѣдствіи пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ-Яромъ.

дворца» находился постоянный караулъ въ 25 человѣкъ, выбранныхъ изъ наиболѣе преданныхъ самозванцу яицкихъ казаковъ, составлявшихъ гвардію Пугачева и его конвой при торжественныхъ въѣздахъ.

Гвардія эта пользовалась нѣкоторыми привилегіями и составляла отдѣльную единицу въ общей организаціи пугачевскихъ войскъ, подчиненныхъ сначала одному Андрею Овчинникову, носившему званіе главнаго атамана, а потомъ раздѣленныхъ на полки различной численности, но по возможности одинаковаго племеннаго состава. Такъ Овчинниковъ командовалъ полкомъ яицкихъ казаковъ, полковники: Иванъ Твороговъ—полкомъ илецкихъ казаковъ, Билдинъ—исетскихъ казаковъ, Тимоѳѣй Падуровъ — оренбургскихъ и другихъ казаковъ, взятыхъ въ крѣпостяхъ [1]), Дербетевъ—полкомъ ставропольскихъ калмыковъ, Мусса-Алиевъ — каргалинскихъ татаръ, Кинзя-Арслановъ—полкомъ башкирскимъ, Хлопуша—полкомъ заводскихъ крестьянъ. Всѣми плѣнными солдатами командовалъ Шванович, а всею остальною сборною пѣхотой завѣдывалъ Казанскаго уѣзда татаринъ Абдулъ. Артиллеріей управлялъ, подъ руководствомъ казака Чумакова, взятый въ Татищевой крѣпости солдатъ Калмыковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ исправлять испорченныя пушки и мортиры.

Полки дѣлились на роты, человѣкъ во сто каждая, и ими командовали сотники, есаулы и хорунжіе. Выборъ должностныхъ лицъ, даже и нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ, производился почти исключительно яицкими казаками, имѣвшими значительное вліяніе на всѣхъ остальныхъ. Обыкновенно собирался кругъ, которому предлагали имена кандидатовъ на должности, и «если выбираемый былъ *не по ихъ мысли*, то казаки кричали *негоденъ*» [2]), Ни полковые командиры, ни ихъ помощники не знали точно, сколько находилось въ ихъ вѣдѣніи людей.

«Списковъ не было, показывалъ впослѣдствіи Шигаевъ [3]),

---

[1]) Въ составъ этого полка входили оренбургскіе, самарскіе, красногорскіе, дубовскіе и бердинскіе казаки, всего до 800 человѣкъ (Показаніе Падурова 10 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506).

[2]) Показаніе Наума Калмыкова. Госуд. Арх., VI, д. № 437.

[3]) Показаніе Максима Шигаева 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506. А. С. Пушкинъ ошибается, говоря, что полки имѣли одинаковый составъ въ 500 чело-

потому что часто прибывали и убывали, а былъ счетъ однимъ только командирамъ, кому въ руки и жалованье на ихъ команду отдавалось». Сводя показанія многихъ лицъ, можно заключить, что въ началѣ декабря 1773 года силы Пугачева простирались до 15 тысячъ человѣкъ съ 86 орудіями разныхъ калибровъ [1]). Все это ополченіе было весьма плохо вооружено: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой; ружей сравнительно было мало; башкирцы были вооружены стрѣлами, а бо́льшая часть пѣхоты имѣли штыки, воткнутые на палки, часть была вооружена дубинами, а остальные не имѣли вовсе никакого оружія и ходили подъ Оренбургъ съ одною плетью [2]). Барабановъ и трубъ не было, а потому утренняя и вечерняя заря обозначались выстрѣлами изъ орудій; «буде сдѣлается какая тревога, то собираютъ народъ атаманы, сотники и десятники (хорунжіе), а иногда и самъ самозванецъ бѣгаетъ подъ окно къ яицкимъ казакамъ и приказываетъ выходить въ походъ» [3]).

Каждый полкъ стоялъ особо въ своихъ землянкахъ и имѣлъ свое знамя, приготовленное изъ шелковой матеріи желтаго или краснаго цвѣта. На однихъ знаменахъ были нашиты кресты, на другихъ ликъ Спасителя или Николая Чудотворца [4]). Полки поочередно посылались на сторожевую службу и на единственную заставу (наблюдательный отрядъ), учрежденную на рѣкѣ Сакмарѣ, ниже моста. На этой заставѣ располагалось обыкновенно до двухсотъ человѣкъ, а въ разъѣзды по степной сторонѣ рѣки Яика посылались партіи по сту и болѣе человѣкъ. Сторожевая служба отправлялась, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ: не было ни паролей, ни лозунговъ, а «когда по пикетамъ, показывалъ подпрапорщикъ Аверкіевъ, въ ночное время разъѣзжаютъ дозоры и

вѣкъ каждый и что жалованье получали одни яицкіе казаки. Жалованье выдавалось всѣмъ, но не аккуратно, а когда были деньги.

[1]) Самъ Пугачевъ показывалъ, что въ это время у него было до 12,000 человѣкъ. Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія*, 1858 года, кн. 2-я, стр. 25) всѣ цифры невѣрны и самый текстъ напечатанъ съ искаженной рукописи.

[2]) Показаніе ссыльнаго Семена Демидова, Госуд. Арх., VI, дѣло № 467 (13).

[3]) Показаніе подпрапорщика Ставропольскаго баталіона Григорія Аверкіева, 5 февраля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 436.

[4]) Показаніе Астафія Долгополова. Государственный Архивъ, VI, д. № 435.

ихъ окликаютъ, то они не больше отвѣчаютъ, что *казакъ*, а потому и можно безо всякой опасности объѣзжать ихъ пикеты и вѣрнымъ изъ войскъ ея величества».

Продовольствіе пріобрѣталось при помощи фуражировокъ, грабежа и доставки изъ селеній, принявшихъ сторону самозванца. Хлѣбъ и скотъ доставлялись изъ занятыхъ крѣпостей, изъ Каргалинской слободы и Сакмарскаго городка. Все это, по словамъ оренбургской слѣдственной коммиссіи, дѣлалось «почти безъ чувствованія тягости, обнадѣясь на обѣщанныя имъ (жителямъ) льготы и вольность» [1]).

Вскорѣ послѣ перехода въ Берду, мятежники захватили 300 лошадей, 100 быковъ и 3,000 овецъ, отправленныхъ киргизомъ Аблаемъ для продажи въ Оренбургъ. Пугачевъ спрашивалъ киргизовъ-погонщиковъ, сколько имъ заплатить за все взятое.

— Намъ денегъ не надо, отвѣчали они,—а дайте намъ товаровъ.

— Товаровъ теперь нѣтъ, сказалъ самозванецъ,—подождите здѣсь.

Киргизы, до семидесяти человѣкъ, остались въ Бердѣ и служили при Пугачевѣ, а пригнанный ими скотъ употребленъ на продовольствіе толпы, почти ежедневно увеличивавшейся приходящими «*кучами* изъ разныхъ селеній». Сюда стекались русскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе рабочіе, приписные крестьяне, «по сколько оныхъ было, говорилъ Пугачевъ, то не только онъ, но думаетъ, что и Овчинниковъ не зналъ» [2]). Что касается заводскихъ крестьянъ, то, по словамъ оренбургской слѣдственной коммиссіи, они были всѣхъ усерднѣе къ самозванцу, «потому, что имъ отъ него также вольность обѣщана и уничтоженіе всѣхъ заводовъ, кои они ненавидятъ, въ разсужденіи тягости работъ и дальнихъ переѣздовъ» [3]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ оренбургской секретной коммиссіи 21 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 508 (2).

[2]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ оренбургской секретной коммиссіи 21 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 508 (2).

По мѣрѣ того, какъ толпа мятежниковъ увеличивалась и вліяніе самозванца въ краѣ распространялось, яицкіе казаки пытались ввести среди ополченія нѣкоторый порядокъ и устройство. Самъ Пугачевъ почти не вмѣшивался въ администрацію, и всѣ распоряженія исходили изъ учрежденной имъ *военной коллегіи.*

Спустя нѣсколько дней послѣ обложенія Оренбурга, самозванецъ призвалъ къ себѣ яицкаго старшину Андрея Витошнова, казаковъ: Ивана Творогова, Максима Шигаева, Данилу Скобочкина, Ивана Почиталина, илецкаго казака Максима Горшкова и объявилъ имъ, что для управленія краемъ и войсками онъ учреждаетъ *военную коллегію* [1]).

— Богъ и я великій государь, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ Витошнову, Творогову, Шигаеву и Скобочкину,—жалую васъ судьями въ военную коллегію, тебя Почиталинъ дьякомъ, а тебя Горшковъ секретаремъ.

Пожалованные въ эти должности сначала просили избавить ихъ отъ такого назначенія, отговариваясь: Витошновъ старостью, Шигаевъ тѣмъ, что онъ завѣдывалъ раздачей войску хлѣба и денегъ, а Твороговъ тѣмъ, что имѣлъ много хлопотъ, командуя илецкимъ полкомъ. Пугачевъ запретилъ имъ возражать и приказалъ исполнить его волю безпрекословно, причемъ объявилъ, что въ помощь имъ назначаетъ четырехъ повытчиковъ. Сперва главнымъ судьей былъ назначенъ Твороговъ, какъ полковникъ, но когда онъ самъ просилъ, чтобы главнымъ сдѣлать Витошнова, какъ старшаго лѣтами, то самозванецъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы на Твороговѣ лежало все веденіе дѣла.

— Они люди безграмотные, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ Творогову и указывая на избранныхъ имъ судей,—такъ ты одинъ станешь за нихъ подписывать бумаги. Тебѣ тутъ не сколько (не очень) много дѣла будетъ—только подписывай, а написать и безъ тебя есть кому.

Твороговъ повиновался этому распоряженію, и въ засѣданіяхъ коллегіи Витошновъ всегда «сидѣлъ выше Творогова, а Шигаевъ,

---

[1]) Ни Бѣлобородовъ, ни Падуровъ, какъ говоритъ Пушкинъ, не находились въ составѣ военной коллегіи.

по словамъ Горшкова [1]), хотя и ниже ихъ сидѣлъ, но какъ онъ былъ ихъ замысловатѣе и любимѣе самозванцемъ, то они слѣдовали больше его совѣтамъ, а равно Почиталинъ и я слушали больше его».

«Сію коллегію, показывалъ впослѣдствіи Иванъ Твороговъ [2]), злодѣй учредилъ для того, что ему наскучило давать самому указы свои тѣмъ, которые, приходя къ нему со стороны, изъявляли свое усердіе набирать въ его службу людей или грабить помѣщичьи дома и самихъ убивать, такъ какъ (наскучило) и разбирать многія жалобы на башкирцевъ и казаковъ, въ его толпѣ находящихся, въ обидахъ и разореніяхъ, народу причиняемыхъ». Подобныхъ депутатовъ, присланныхъ отъ селеній, приходило много, и Пугачевъ принималъ ихъ всегда съ особою привѣтливостью [3]).

— Отъ меня, говорилъ обыкновенно самозванецъ приходившимъ,—никогда приказу такого не было, чтобы дѣлать обывателямъ обиды. Я велю тебѣ дать указъ, чтобы никто не разорялъ, а кто ограбленъ и кѣмъ именно, прикажу тебѣ самому изслѣдовать.

Обѣщанный указъ обыкновенно выдавался изъ «военной коллегіи», причемъ въ немъ писалось, чтобы по разслѣдованіи о грабежѣ было непремѣнно донесено, и включалось требованіе, чтобы присланный депутатъ склонилъ своихъ односельцевъ быть вѣрными государю, набралъ желающихъ въ его службу и съ ними защищалъ отъ нападенія войскъ императрицы не только свое, но и сосѣднія селенія. Въ «коллегіи» велся списокъ всѣмъ выданнымъ указамъ, и чрезъ посредство лицъ, получившихъ указы, администрація самозванца получала всѣ необходимыя свѣдѣнія о движеніи правительственныхъ войскъ и средства къ продовольствію собственныхъ. Всѣ хозяйственныя, стратегическія и тактическія соображенія также лежали на «военной коллегіи»: она обязана была формировать отдѣльные отряды, указывать имъ цѣль дѣйствій, избирать пункты для сторожевыхъ постовъ и снабжать

---

[1]) Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

[2]) Въ показаніи отъ 27 октября 1774 г. Тамъ же, № 505.

[3]) Показаніе ясашнаго крестьянина Богорусланской слободы Гаврилы Давыдова 17 апрѣля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 431.

отдѣльныя команды продовольственными и боевыми припасами. «Въ сочиненіяхъ (бумагъ), показывалъ Твороговъ [1]), упражнялись Горшковъ и повытчики, а Почиталинъ рѣдко писывалъ, ибо мы съ нимъ худо знаемъ грамотѣ, а только что почти имена свои можемъ подписывать».

«Въ сей коллегіи, говорилъ Горшковъ [2]), никакихъ письменныхъ судовъ не производилось, а разбираемы и рѣшаемы оныя были судьями на однихъ словахъ. Письменное же въ ней производство было только такое, что даваемы были отъ нея наставленія поставленнымъ отъ самозванца начальникамъ, посылаемымъ отъ него въ разныя мѣста для покоренія народа, доставленія провіанта, фуража, разграбленія господскихъ пожитковъ и проч.».

Всѣ распоряженія «военной коллегіи» приводились въ исполненіе по бо́льшей части безъ доклада и утвержденія Пугачева, считавшаго, что въ глазахъ толпы его значеніе, какъ государя, будетъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и имѣть сношеній со мнимыми своими подданными. Никто, напримѣръ, не имѣлъ права входить во дворецъ государя безъ доклада казака Екима Давилина, любимца самозванца, исполнявшаго при немъ обязанность дежурнаго генералъ-адъютанта [3]). Онъ обязанъ былъ ежедневно представлять своему безграмотному повелителю записки о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Записки эти составлялись въ «военной коллегіи» и заключали въ себѣ преимущественно свѣдѣнія о пріѣзжихъ. «Пріѣзжалъ за казной, сказано въ одной [4]), яицкаго полка есаулъ Иванъ Ѳедоровъ Кузнецовъ. «Еще взялъ сотникъ Иванъ Васильевичъ Изюмовъ восемь пушекъ».

Пугачевъ принималъ эти донесенія съ важностью государя, о чемъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія, а поступалъ такъ, какъ казалось ему должны поступать государи. Однажды, во время

---

[1]) Показаніе Творогова 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

[2]) Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

[3]) Показаніе Максима Шигаева 8 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 506. Этотъ Давилинъ впослѣдствіи пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ-Яромъ.

[4]) Госуд. Арх., VI, д. № 512.

бомбардированія Оренбурга, находясь со своими сообщниками въ церкви св. Георгія Побѣдоносца, бывшей вблизи города въ форштадтѣ, самозванецъ сѣлъ на престолъ, желая убѣдить присутствующихъ, что онъ истинный государь [1]).

— Вотъ, дѣтушки, говорилъ онъ,—двѣнадцать лѣтъ уже, какъ я не сиживалъ на престолѣ.

Хотя этотъ поступокъ и послужилъ для нѣкоторыхъ доказательствомъ, что Пугачевъ истинный государь, но были и такіе, которые говорили, что «еслибъ и подлинно онъ былъ царь, то не пригоже сидѣть ему въ церкви на престолѣ». Такія лица должны были сохранить свое мнѣніе въ тайнѣ, потому что Пугачевъ не церемонился со своими сообщниками и вѣшалъ всѣхъ, въ комъ видѣлъ сомнѣніе въ своей личности. Онъ не пощадилъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, Дмитрія Лысова, бывшаго у него полковникомъ, и какъ только тотъ въ пьяномъ видѣ проговорился, что знаетъ откуда явился государь, то уже на слѣдующее утро былъ повѣшенъ. Отставной солдатъ Сорочинской крѣпости былъ повѣшенъ за то, что «въ пьянствѣ говорилъ съ бабой, которая пила вино за благополучный успѣхъ взятія Оренбурга, а солдатъ отвѣчалъ, что нынѣ-де время зимнее, какъ можно его взять» [2]).

Доносы и шпіонство другъ на друга были развиты въ лагерѣ самозванца въ высшей степени, и счастливъ былъ тотъ на кого доносили не прямо самозванцу, а въ «военную коллегію». Пугачевъ вѣшалъ безъ суда и разбора, а въ «военной коллегіи» судили словеснымъ судомъ и въ случаѣ явныхъ уликъ вѣшали, а въ случаѣ недостатка въ доказательствахъ обвиняемый освобождался отъ наказанія, если призывалъ Бога во свидѣтели своей невинности и соглашался произнести установленную для этой цѣли клятву.

«Азъ, нижепоименованный», долженъ былъ произнести онъ,

---

[1]) Показаніе прапорщика 2-го гренадерскаго полка Михаила Шваповича, 17 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 506. Срав. *Русскую Старину* 1870 года, т. II, стр. 418. Память измѣнила разскащику и онъ передалъ фактъ невѣрно.

[2]) Показаніе солдата ставропольскаго баталіона Наума Калмыкова. Госуд. Арх. VI, д. № 437.

«обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ, что клевещетъ на меня тотъ (имя обвинителя), что я сдѣлалъ то-то. Азъ же ей-ей и ни-ни, какъ сіе божественное Евангеліе учитъ и заповѣдаетъ, что я того не дѣлывалъ. А если я сказалъ ложно и что мнѣ изглаголано пресвитеромъ клянущихся и неправедно, то буду отлученъ отъ свѣта единаго Бога въ семъ нынѣшнемъ и будущемъ мірѣ и застрянусь яко Каинъ и да приму проказу, геену и удавленіе Іудино и смерть Ананину и жены его Сапфиры и буду я съ беззаконными еретиками въ жилищѣ вѣчнаго огня уготованнымъ и не обрящу Славу въ день воздаянія и да казнитъ мя Вышній Царь, яко преступника и супостата. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Самъ Пугачевъ никакихъ разбирательствъ не производилъ и былъ строгъ со своими сообщниками. Никто не смѣлъ «никогда подавать ему никакихъ совѣтовъ, показывалъ Максимъ Шигаевъ [1]), а тѣмъ меньше выспрашивать о чемъ-нибудь, ибо самозванецъ надо всѣми, безъ различія, велъ большую строгость и часто выговаривалъ, что онъ не любитъ ни совѣтниковъ, ни указчиковъ». Просителей и доклады «военной коллегіи» Пугачевъ принималъ обыкновенно сидя въ креслахъ, взятыхъ въ загородномъ домѣ оренбургскаго губернатора, и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ: одного съ булавой, а другого съ топоромъ, знаками власти. Всѣ приходившіе съ просьбами обязаны были кланяться въ землю, цѣловать руку и затѣмъ излагать дѣло, величая Пугачева: «надёжа-государь», «ваше величество», а иногда и просто «батюшко». Всегда одѣтый въ казачье платье, Пугачевъ въ торжественныхъ случаяхъ носилъ шаравары малиноваго бархата, бешметъ голубого штофа, черную мерлушечью шапку съ бархатнымъ малиновымъ дномъ и бѣлую рубашку съ косымъ воротомъ. Вооруженіе его состояло изъ сабли и двухъ пистолетовъ. Ходилъ онъ не иначе, какъ поддерживаемый подъ обѣ руки жившими у него дѣвками или татарками, пріѣзжавшими изъ Каргалинской слободы и бывшими его наложницами. При такомъ парадномъ шествіи самозванца,

[1]) 29 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 506.

яицкіе казаки пѣли пѣсню, нарочно ими въ честь его сочиненную, а писарь командира исетскаго полка Билдина, Иванъ Васильевъ, долженъ былъ играть на скрипкѣ.

«Во время такихъ веселостей всѣ напивались до-пьяна, а самозванецъ отъ излишняго питья воздерживался и употреблялъ рѣдко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили къ нему разныхъ съѣстныхъ припасовъ изобильно» [1]). Каждый старшина или предводитель партіи обязанъ былъ представлять самозванцу все лучшее изъ награбленнаго имущества, что и присылалось при особыхъ запискахъ или рапортахъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Его императорскому величеству и всея Россіи Государю Петру Федоровичу.

«Отъ атамана и вѣрнаго вашего величества раба Ильи
«Аранова

«покорнѣйшій рапортъ.

«При сей случившейся радостной вашего величества оказіи, отъ изверженныхъ и недостойныхъ вашего величества рабовъ, которые безчувственно ослѣпясь сами себя отреклись—собрано (захвачено) разныхъ сортовъ *кусу* (провизіи) и другихъ тому подобныхъ вещей, присемъ съ нарочно посыланнымъ отъ меня хорунжимъ Василіемъ Жоновымъ, съ приложеніемъ при этомъ обыкновеннаго реестра [2]), въ покорности моей посылаются».

Кушанье приготовляли двѣ жившія у Пугачева русскія дѣвки, изъ коихъ одна была та самая дворовая капитана Нечаева, которая явилась къ самозванцу въ Чернорѣчьѣ съ жалобой на жестокость своего господина. Иногда же, за отсутствіемъ дѣвокъ, обязанность повара исполнялъ яицкій казакъ Козьма Фофановъ,

---

[1]) Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

[2]) Реестръ, коликое число послано *кусу* къ его императорскому величеству, а именно: сахару три головы, винограду боченковъ два, рыбы свѣжей: осетръ одинъ, севрюга одна, бѣлорыбица одна, севрюгъ провѣсныхъ двѣ, ягодъ изюмныхъ небольшое число, завернутое въ бумажкѣ, сорочинскаго пшена небольшое число, водки сладкой, сургуча въ завернутой бумажкѣ два пучка, бумаги писчей одна стопа, сотовъ три гнѣзда, гусей четыре гнѣзда, утокъ четыре гнѣзда, масла коровьяго одна кадка, рюмокъ хрустальныхъ одна пара, стопа хрустальная одна съ покрышкой, маку фунтовъ съ десять. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

жившій всегда въ домѣ Пугачева, бывшій его дворецкимъ и хранителемъ награбленныхъ денегъ и пожитковъ [1]).

Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены «военной коллегіи» и нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ. Первый тостъ Пугачевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ висѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича.

— Здравствуй всероссійскій наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, произносилъ самозванецъ, и при этомъ всегда высказывалъ опасеніе за будущую судьбу цесаревича.

— Жаль мнѣ Павла Петровича, говорилъ онъ; — какъ бы-де его окаянные злодѣи не извели.

Самозванецъ старался убѣдить толпу, что князь Григорій Орловъ ищетъ случая похитить Павла Петровича, хочетъ жениться на государынѣ и вступить на престолъ. Обѣщая истребить всѣхъ Орловыхъ, Пугачевъ иногда, подъ пьяную руку, высказывалъ планы будущихъ своихъ дѣйствій. Планы и предположенія эти были весьма шатки, неопредѣленны и противорѣчивы: то онъ говорилъ, что царствовать не желаетъ и хлопочетъ только въ пользу Павла Петровича, то высказывалъ, что самъ вступитъ на престолъ и облагодѣтельствуетъ своихъ подданныхъ [2]).

— Надобно, однако же, прежде всего взять Оренбургъ, замѣчалъ Пугачевъ, — а тамъ будетъ другое дѣло. Пойду на Казань, оттуда въ Москву, приму тамъ царство и буду писать великому князю, чтобы ко мнѣ пріѣхалъ. Если государыня меня встрѣтитъ безъ брани, съ честью, то ее тогда прощу и (отпущу) куда похочетъ въ свою ли прежнюю землю ѣхать, или въ монастырь Бога молить о своихъ грѣхахъ. Богъ судья тетушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, она меня молода женила и оттого я спозналъ чужую сторону и былъ въ такой бѣдности!

Желая польстить яицкимъ казакамъ, Пугачевъ говорилъ, что уничтожитъ Петербургъ и сдѣлаетъ Яицкій городокъ своею столи-

---

[1]) Показаніе Козьмы Фофанова 7 декабря 1774 года. Государств. Архивъ, VI, дѣло № 512.

[2]) Показаніе Зарубина (Чики), Почиталина и другихъ.

цей, что велитъ «держать всѣмъ старую вѣру», запретитъ брить бороды и носить нѣмецкое платье, «и будутъ, говорилъ онъ, всѣ ходить въ казачьемъ платьѣ». Съ приближенными императрицы самозванецъ обѣщалъ поступить очень строго и безпощадно, такъ какъ, по его словамъ, они одни были причиной его скитальческой жизни.

— Я, говорилъ Пугачевъ,—съ церквей велѣлъ кресты снять тѣ, которые сдѣланы крыжемъ, какъ на киркахъ бываетъ, а вмѣсто ихъ поставить настоящіе кресты, какъ божественное писаніе повелѣваетъ, а бояры взвели на меня, будто я церкви обращалъ въ кирки, чего у меня и въ мысляхъ не бывало. Главная причина вотъ чѣмъ я имъ былъ нелюбъ: многіе молодые люди изъ бояръ и середовичи (среднихъ лѣтъ) бывало еще при тетушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а потомъ и при мнѣ, годные бы еще служить, взявъ чинъ, пойдутъ въ отставку, живутъ себѣ въ деревнѣ и разоряютъ бѣдныхъ крестьянъ. Я сталъ таковыхъ принуждать къ службѣ и хотѣлъ отнять у нихъ деревни, чтобъ они служили на одномъ жалованьи, а судей, которые дѣла судятъ неправедно и притѣсняютъ народъ, наказывалъ и смерти хотѣлъ предавать. Вотъ за это и стали они копать подо мною яму, и когда я поѣхалъ по Невѣ-рѣкѣ гулять въ шлюпкѣ, то они тутъ меня и заарестовали, показали на меня небылицу и заставили меня странствовать по свѣту, и гдѣ только я ни былъ и какой нужды ни претерпѣлъ!.. Да что объ этомъ говорить много, вамъ самимъ вѣстимо; помните, какъ вы меня обрѣли: рубашка на мнѣ гроша не стоила. Теперь, утвердясь на царствѣ, буду стараться, чтобы все было порядочно и народъ отягощенъ не былъ. Отъ дворянъ лучше всѣ деревни отнять и опредѣлить имъ жалованье, хотя бы и большое. Васъ же, яицкихъ казаковъ, буду жаловать всякою вольностію и деньгами. Учредивъ такъ все порядочно, пойду воевать въ другія земли—я вѣдь служивый человѣкъ, мнѣ на одномъ мѣстѣ не усидѣть. Пойдемъ мы воевать по всѣмъ государствамъ, и мнѣ во всемъ будетъ удача.

Такъ говорилъ Пугачевъ, стараясь возбудить къ себѣ сочувствіе, польстить самолюбію присутствующихъ и убѣдить ихъ въ томъ, что онъ истинный государь Петръ Ѳедоровичъ. Тѣ яицкіе

казаки, которые знали истинное происхожденіе Пугачева, старались помочь самозванцу и установили, чтобы всѣ плѣнные солдаты, при приближеіии Пугачева, сами безъ приказанія становились на колѣни и черезъ то «многимъ мужикамъ дѣлали увѣреніе, что онъ подлинно царь» [1]).

— Вотъ, други мои, говорилъ въ такихъ случаяхъ Пугачевъ окружающей его толпѣ, — эти господа служивые нѣсколько разъ видѣли меня, когда я царствовалъ, а потому и вы, мужики, должны увѣриться, что я есть подлинный царь, а не самозванецъ.

Солдатамъ дарили платье, деньги, лошадей, а толпа вѣрила словамъ Пугачева, потому что хотѣлось вѣрить, потому что будущее казалось лучше прошлаго. Когда въ началѣ блокады Оренбурга мятежники захватили шедшую изъ Петербурга почту и нашли въ ней манифестъ императрицы, то Пугачевъ приказалъ прочесть его предъ всѣмъ народомъ.

— Смотрите, пожалуй, сказалъ онъ, — какъ они меня называютъ — Емельяномъ Пугачевымъ! Добро-де, до времени терпѣть буду, а потомъ всѣ узнаютъ, что я истинный государь.

Въ другой разъ, когда изъ крѣпости кричали, что онъ самозванецъ, Пугачевъ показывалъ видъ, что на это не сердится.

— Что на нихъ пенять! говорилъ онъ; — они, бѣдные, обмануты и почитаютъ меня мертвымъ.

Въ Бердинской слободѣ жили праздно и весело. Это былъ вертепъ разврата, пьянства и буйства всякаго рода. Пугачевъ имѣлъ пять наложницъ, въ числѣ коихъ была и жена покойнаго Харлова, впослѣдствіи повѣшенная по приказанію самого же Пугачева. Остальныя — жены и дочери офицеровъ, захваченныя по крѣпостямъ, были отданы на поруганіе сообщникамъ самозванца.

Почти ежедневныя казни составляли общественное зрѣлище, и трупами несчастныхъ были завалены всѣ овраги, гдѣ мертвыя тѣла валялись полураздѣтыми, нагими и незарытыми въ землю. Иногда Пугачевъ самъ присутствовалъ при казняхъ, и тогда вы-

[1]) Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. — Показаніе Зарубина (Чики). — Показаніе Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 422, 467 (13) и 506.

ходилъ или выѣзжалъ изъ своего дворца въ сопровожденіи своей гвардіи. Отъ нечего дѣлать въ Бердѣ устроивались скачки, стрѣльба въ цѣль, или смотрѣли на пляску двухъ медвѣдей, приведенныхъ въ подарокъ самозванцу заводскими мужиками. Будучи хорошимъ стрѣлкомъ, Пугачевъ часто забавлялся стрѣльбой, пробивалъ кольчугу набитую сѣномъ или на всемъ скаку попадалъ въ шапку, поднятую на копьяхъ [1]). Присутствуя на скачкахъ, самозванецъ высматривалъ лучшихъ скакуновъ, отбиралъ ихъ у своихъ сообщниковъ и отправлялъ на свою конюшню, чтобъ имѣть въ запасѣ на случай бѣгства. Мысль о возможности бѣгства не покидала самозванца, и онъ никогда не выѣзжалъ иначе какъ имѣя за собой пять или шесть хорошихъ заводныхъ лошадей. Отправляясь подъ Оренбургъ, Пугачевъ всегда переодѣвался въ самое простое платье, чтобъ его не узнали, и держался въ сторонѣ отъ выстрѣловъ [2]).

Такова была обстановка въ лагерѣ самозванца, когда Перфильевъ и его спутники пріѣхали въ Берду. Перфильевъ тотчасъ же отправился къ атаману Овчинникову.

— Зачѣмъ пріѣхалъ? спросилъ хозяинъ вошедшаго гостя.

— Служить государю, отвѣчалъ тотъ.

— Ты не самъ пріѣхалъ, а присланъ, конечно, изъ Петербурга зачѣмъ ни есть, но не спроста.

— Будучи въ Петербургѣ, я услышалъ про проявившагося здѣсь государя, бѣжалъ оттуда съ тѣмъ, чтобы поступить къ нему на службу.

— А какъ же ты, спрашивалъ вкрадчиво Овчинниковъ, — ушелъ оттуда, не окончивъ нашего войсковаго дѣла?

— Да нечего уже тамъ поклоны-то терять, отвѣчалъ Перфильевъ. — Вѣдь самъ знаешь, что не скоро дождешься конца. Прослышавъ, что здѣсь государь, я разсудилъ, что лучше у него милости просить.

Послѣднія слова возбудили въ Овчинниковѣ еще большее подозрѣніе относительно пріѣзда Перфильева. Какія милости просить

---

[1]) Показаніе подпрапорщика Аверкіева, 5 февраля 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 436.

[2]) Показаніе Ивана Почиталина, 8 мая 1774 г.; тамъ же № 506.

будетъ, когда милости уже пожалованы государемъ войску? Кто уполномочивалъ его быть здѣсь ходатаемъ? Это такіе вопросы, на которые и самъ Перфильевъ не могъ отвѣтить. Онъ видѣлъ, что Овчинниковъ не вѣритъ его словамъ, что его допрашиваютъ, въ немъ сомнѣваются, и тогда онъ рѣшился во всемъ признаться откровенно.

— Я присланъ отъ графа Орлова, говорилъ Перфильевъ, — васъ, казаковъ, уговаривать, чтобы вы отстали отъ самозванца и его связали. Если казаки это сдѣлаютъ, то государыня обѣщаетъ не только прощеніе, но и милость такую, чтобъ остаться намъ при старыхъ обрядахъ.

— Слушай, Аѳанасій! коли бы ты не былъ мнѣ знакомъ, говорилъ на это Овчинниковъ,—и я бы тебя не любилъ, то тотчасъ бы сказалъ государю. Но мнѣ жаль тебя; плюнь ты на все это и служи нашему батюшкѣ вѣрно. Онъ намъ оказалъ уже милости: пожаловалъ насъ водами и сѣнокосами, крестомъ и бородой и обѣщаетъ намъ еще жалованье — чего же больше. Онъ точный государь Петръ III, мы довольно въ семъ увѣрены. Вольно же имъ называть его Пугачевымъ, пусть называютъ какъ хотятъ. Они скрываютъ прямое его названіе отъ простыхъ людей, а на обѣщаніе ихъ смотрѣть нечего, довольно мы отъ нихъ потерпѣли. Теперь мы сами все въ своихъ рукахъ имѣть будемъ; теперь, братъ, мы сами резолюціи дѣлаемъ. Полно, перестань и не моги ты никому объ этомъ (о порученіи) сказывать; служи вѣрно государю и скажи ему прямо зачѣмъ сюда присланъ.

Въ тотъ же день Овчинниковъ представилъ пріѣхавшаго самозванцу.

«Коль скоро взглянулъ на злодѣя, показывалъ впослѣдствіи Перфильевъ, то въ сердце кольнуло, что не государь онъ, а какой ни есть простой мужикъ, однакожь поклонился злодѣю въ ноги».

— Откуда ты? спросилъ Пугачевъ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ Перфильевъ.

— Зачѣмъ ты былъ въ Петербургѣ?

— Я, батюшка, для войсковой просьбы туда ѣздилъ, да недождавшись резолюціи, прослыша про ваше величество, что вы здѣсь,

оставя просьбу свою, бѣжалъ сюда къ вамъ и хочу служить вашему величеству вѣрою и правдою.

— Полно, такъ-ли, замѣтилъ Пугачевъ; — не шпіонничать-ли пришелъ и не подослали-ли тебя меня извести?

— Нѣтъ, ваше величество, я право отнюдь противъ васъ не имѣю никакого злаго намѣренія, сохрани меня Господи! а пріѣхалъ, чтобъ усердно вамъ служить.

— Ну, когда это правда, такъ служи мнѣ, какъ и другіе ваши казаки служатъ, и я тебя не оставлю.

По возвращеніи Перфильева, Овчинниковъ спрашивалъ его: сказалъ ли онъ Пугачеву зачѣмъ присланъ.

— Нѣтъ, не сказалъ.

— Такъ поди же скажи, а то какъ провѣдастъ помимо меня, тебѣ хуже будетъ.

На другой день Перфильевъ опять отправился къ самозванцу.

— Что скажешь? спросилъ Пугачевъ.

— Виноватъ я предъ вами, говорилъ Перфильевъ, кланяясь въ ноги, — что вчера вамъ правды не сказалъ и отъ васъ ее утаилъ.

— Богъ проститъ, коли винишься; но скажи, что отъ меня утаилъ?

— Я былъ въ Петербургѣ, и оттуда государыня послала меня на Яикъ и велѣла все яицкое войско уговаривать, чтобъ оно отъ тебя отстало, пришло бы въ повиновеніе ея величеству, а тебя бы связали и привезли въ Петербургъ.

— Ну, вотъ, вѣдь я угадалъ вчера, что ты присланъ со злымъ намѣреніемъ, сказалъ самозванецъ.—Но я не боюсь ничего и думаю, что мнѣ никто дурнаго не сдѣлаетъ.

— Я съ тѣмъ и на Яикъ ѣздилъ, продолжалъ Перфильевъ,— и объ ономъ Симонову разсказалъ. Симоновъ меня сюда, а товарища моего, который со мною изъ Петербурга пріѣхалъ, къ Толкачеву послалъ уговаривать казаковъ. Но я этого, такъ и товарищъ мой дѣлать не хотимъ и сохрани меня Богъ! Я никакъ не думалъ сіе противъ васъ дѣлать, а желаю служить вамъ вѣрно.

— Поди и служи, сказалъ Пугачевъ;—вотъ ужо я съ тѣми, которые тебя послали, расправлюсь. А что про меня говорятъ?

— Да Богъ знаетъ, батюшка; слыхалъ въ кабакахъ отъ черни, да и то не вьявь, а тихонько говорятъ, что явился около Оренбурга императоръ Петръ III и беретъ города и крѣпости...

— Это правда, перебилъ его Пугачевъ; — ты самъ видишь сколько взято крѣпостей, а народу у меня какъ песку. Дай сроку, будетъ время и къ нимъ въ Петербургъ заберемся, моихъ рукъ не минуютъ. Я знаю, что вся чернь меня съ радостію вездѣ приметъ, лишь только услышитъ. Теперь въ Петербургѣ вамъ просить уже нечего, мы и безъ просьбы съ ними раздѣлаемся. Что говорятъ про меня бояры въ Петербургѣ?

— Бояры межь собою шушукаются и собираются они, да и государыня ѣхать за море.

Пугачевъ улыбнулся; онъ зналъ, что Перфильевъ вретъ.

— Ну, бояры-то таковскіе, замѣтилъ самозванецъ,—а государынѣ-то зачѣмъ ѣхать—я не помню ея грубостей, пусть бы только она пошла въ монастырь. Каковъ Павелъ Петровичъ?

— Хорошъ и великъ; онъ уже обрученъ.

— На комъ?

— На какой-то изъ нѣмецкой земли принцессѣ, и зовутъ ее Наталья Алексѣевна.

Пугачевъ сдѣлалъ видъ будто крайне обрадованъ этимъ извѣстіемъ, напоилъ Перфильева до-пьяна, подарилъ ему кармазинный красный кафтанъ, тринадцать рублей денегъ и своего сѣраго коня.

«Послѣ сего, показывалъ Перфильевъ [1]), ни одного казака уже не склонялъ, да и изъ сердца своего все объявленное отъ графа Орлова повелѣніе истребилъ, а только думалъ и старался о томъ, чтобы показать злодѣю услугу, а черезъ то и быть большимъ человѣкомъ».

Воспользовавшись прибытіемъ Перфильева, самозванецъ и его сообщники стали распускать слухъ, что въ Берду пріѣхалъ изъ Петербурга посланный съ извѣстіемъ, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ идетъ на встрѣчу къ своему отцу съ большимъ войскомъ и тремя генералами. Спустя нѣсколько дней, а именно 9 декабря,

[1]) Госуд. Арх. VI, д. № 512 (1).

Пугачевъ съ толпой тысячи въ двѣ подошелъ къ Оренбургу, чтобы показать Перфильева тѣмъ яицкимъ казакамъ, которые знали о посылкѣ его въ Петербургъ, находились въ крѣпости и остались вѣрными правительству.

Выѣхавъ впередъ, Перфильевъ намѣренъ былъ войти въ переговоры съ казаками, собравшимися на валу.

— Угадываете ли вы, казаки, кричалъ онъ,—кто я?

— Мы видимъ, что ты казакъ, отвѣчали изъ крѣпости,—но кто ты таковъ—не знаемъ.

— Я Перфильевъ, былъ въ Петербургѣ и присланъ оттуда къ вамъ отъ Павла Петровича съ тѣмъ, чтобы вы шли и служили его величеству Петру Ѳедоровичу.

— Коли ты подлинно присланъ съ этимъ отъ Павла Петровича, такъ покажи намъ руки его хотя одну строчку, и тогда мы тотчасъ всѣ пойдемъ.

— На что вамъ строчка? кричалъ Перфильевъ,—я самъ все письмо.

Казаки не повѣрили; въ одну изъ кучъ было пущено ядро изъ крѣпости, и толпа мятежниковъ возвратилась въ лагерь безъ всякаго успѣха [1]), а въ Оренбургѣ въ этотъ день было получено извѣстіе, что Каръ отступилъ по ново-московской дорогѣ [2]), и слѣдовательно разсчитывать на его помощь было нечего.

Рейнсдорпъ принужденъ былъ теперь сознаться, какъ опрометчиво поступилъ онъ, отказавшись отъ содѣйствія и помощи, предложенныхъ ему Деколонгомъ. Оренбургскій губернаторъ оправдывался тѣмъ, что «скорѣе имъ (генералъ-маіорамъ Кару и Фрейману) съ войсками, нежели сибирскому корпусу прибыть сюда уповалъ. Только къ крайнему моему сожалѣнію, прибавлялъ онъ [3]), реченныхъ генералъ-маіоровъ не только понынѣ сюда дождаться, но по неоднократнымъ моимъ чрезъ нарочныхъ предложеніямъ и

---

[1]) Показаніе Перфильева отъ 12 сентября 1774 года. Показаніе Пугачева отъ 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. №№ 425 и 512.

[2]) Лѣтопись Рычкова. См. Сочиненія Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, приложеніе, стр. 317.

[3]) Въ отношеніи Деколонгу отъ 10 декабря 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, ч. VI.

увѣдомленія отъ нихъ получить не могу, гдѣ они и въ какомъ состояніи находятся. По причинѣ чего, *будучи со мнѣніемъ вашего превосходительства весьма согласенъ*, прошу для содѣйствія здѣшнимъ войскамъ корпусъ подъ предводительствомъ генералъ-маіора Станиславскаго или кого другаго отправить сюда весь совокупно, ибо отправленіе раздробленное подвергается крайнему предосужденію».

Сообщая Деколонгу, что городъ Оренбургъ крайне нуждается въ продовольствіи и что запасовъ можетъ хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, Рейнсдорпъ просилъ заготовить провіантъ въ Исетской провинціи и прислать его съ отрядомъ Станиславскаго.

Почти поголовное возстаніе башкирцевъ, ихъ грабежи и разореніе русскихъ селеній лишили Деколонга всякой возможности оказать какую либо помощь Оренбургу. Опасаясь за городъ Челябинскъ и екатеринбургскіе заводы, Деколонгъ принужденъ былъ прикрывать ихъ и принять мѣры къ ихъ охраненію. «Сверхъ того, писалъ онъ [1]), за пожженіемъ башкирцами по линіи почти всѣхъ редутовъ и по неимѣнію подводъ, по нынѣшнему зимнему холодному времени маршировать къ Оренбургу между крѣпостями, совсѣмъ нежилыми мѣстами, слишкомъ по семидесяти верстъ должно съ великимъ для солдатъ изнуреніемъ».

Такимъ образомъ отказъ Деколонга лишалъ Рейнсдорпа послѣдней надежды на скорую помощь. Защита города предоставлялась собственнымъ средствамъ гарнизона, и освобожденіе его отъ осады откладывалось на неопредѣленное время.

VIII.

Положеніе генералъ-маіора Кара и его отряда.—Просьба о присылкѣ подкрѣпленій.—Отступленіе къ Бугульмѣ.—Отъѣздъ Кара въ Петербургъ для объясненій съ графомъ Чернышевымъ.—Состояніе Казанской губерніи.—Прибытіе Кара въ Москву. — Толки въ первопрестольной столицѣ. — Смѣна Кара. — Неудовольствіе императрицы.

Послѣ неудачи, испытанной въ дѣлѣ подъ деревней Юзеевою, генералъ-маіоръ Каръ признавалъ невозможнымъ какое бы то ни

[1]) Генералъ-поручику Брандту отъ 22 декабря 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, ч. VI.

было наступательное движеніе съ тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи. Правда, что на подкрѣпленіе его прибыли два орудія съ прислугой и 500 человѣкъ башкирцевъ и мещеряковъ, но все это не улучшало положенія отряда. Башкирцы и мещеряки хотя и увѣряли, что готовы служить, но когда имъ приказано было расположиться верстахъ въ двадцати отъ отряда для развѣдыванія о непріятелѣ, то старшины просили оставить ихъ лучше въ той деревнѣ, гдѣ стоитъ пѣхота и пушки. Такое подкрѣпленіе только обременяло отрядъ, а не усиливало его, и Каръ рѣшился просить о присылкѣ къ нему хотя по одному полку пѣхоты, карабинеровъ и гусаръ и 12 орудій съ полнымъ числомъ прислуги.

«Безъ того, писалъ онъ [1]), съ успѣхомъ поиски къ истребленію бездѣльника Пугачева никакого способа не остается сдѣлать. Собранною нынѣ разныхъ командъ пѣхотой не только атаковать всю злодѣйскую толпу, но и отдѣленныя отъ оной, для грабительства и разореніевъ, съ пушками партіи прогонять способу нѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ, получаемыя извѣстія подтверждали, что толпа мятежниковъ съ каждымъ днемъ возростаетъ и что самозванецъ располагаетъ уже 70 орудіями, съ значительными запасами пороха и снарядовъ. Хотя слухи эти во многомъ были преувеличены, но не имѣя возможности ихъ провѣрить, Каръ не рѣшался двинуться впередъ. «Теперь принужденъ только *маячить*, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву [2]), а къ Оренбургу идти, то надобно всю собранную горстку людей, отъ морозовъ и злодѣйской канонады, безплодно только потерять. Въ полѣ вышины занимать не можно, а въ деревняхъ, по рѣдкости ихъ и по состоянію все въ ямахъ, окруженныхъ горами, никакъ держаться нѣтъ средствъ для того, что по чрезмѣрной стужѣ людей тотчасъ всѣхъ перезнобишь, безъ провіанта и безъ выстрѣловъ останешься».

Поставленный въ затруднительное положеніе, Каръ не нахо-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложеніе, стр. 31.

[2]) Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложеніе, стр. 31.

дилъ ничего другаго, какъ отступить къ Бугульмѣ и, прикрывъ границы Казанской губерніи, оставаться въ такомъ положеніи до прибытія подкрѣпленій, такъ какъ *«съ одною пѣхотой предпринять ничего не можно, безъ совершеннаго ея изнуренія и безо всякаго успѣха»* [1]).

Предупреждая, что замедленіе въ присылкѣ войскъ затруднитъ въ будущемъ прекращеніе волненій и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, что правительство не оцѣнитъ вполнѣ положенія дѣлъ подъ Оренбургомъ, генералъ-маіоръ Каръ рѣшился самъ отправиться въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ графомъ Чернышевымъ.

«Пока еще слѣдуемыя войска сюда собираются», писалъ онъ [2]), учредивъ все нужное, по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы есть для переговору съ вашимъ сіятельствомъ о многихъ сего края подробностяхъ, поруча команду генералъ-маіору Фрейману (который, мнѣ кажется, человѣкъ хорошій и ничего нужнаго къ исполненію не упуститъ), намѣренъ я отъѣхать въ Петербургъ, *ибо то время, которое употреблю на пзду свою и съ возвратомъ, здѣсь безо всякихъ предпріятіевъ протечетъ!»*

Заявленіе Кара не было одобрено въ Петербургѣ, и графъ Чернышевъ, въ день полученія письма, отправилъ курьера съ требованіемъ, чтобы Каръ не отлучался отъ своего отряда.

«Намѣреніе ваше, писалъ президентъ военной коллегіи [3]), чтобъ оставя порученную команду ѣхать сюда, учинили вы неосмотрительно, и буде оное исполните, то поступите точно противу военныхъ регулъ и для того симъ предупреждая, рекомендую вамъ отнюдь команды своей не оставлять и сюда ни подъ какимъ видомъ не отлучаться; а буде уже въ пути сюда находитесь, то гдѣ бы вы сіе письмо ни получили, хотя бы то подъ самымъ Петербургомъ, изволите тотчасъ съ того мѣста не ѣздя далѣе возвратиться и какъ наискорѣе ѣхать къ порученной вамъ командѣ,

---

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Кара военной коллегіи отъ 15 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 312.

[2]) Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложеніе, стр. 31.

[3]) Въ письмѣ Кару отъ 25 ноября 1773 г. *Матеріалы* Я. К. Грота. *Записки Академіи*. Т. I. Приложеніе, 32.

куда всемѣрно не замедлится доставлена вамъ быть вся требуемая нынѣ и впредь по представленіямъ вашимъ резолюція».

Генералъ-маіоръ Каръ не дождался ни резолюціи, ни этого письма. Дойдя до селенія Шалты и почувствовавъ «во всѣхъ костяхъ нестерпимый ломъ», доведшій до того, «что и послѣднія силы терять началъ», онъ сдалъ 18 ноября начальство надъ отрядомъ генералъ-маіору Фрейману. Приказавъ ему остановиться въ Бугульмѣ и, расположившись тамъ на зимовыя квартиры, ожидать подкрѣпленій [1]), Каръ уѣхалъ въ Казань, гдѣ своимъ появленіемъ произвелъ переполохъ среди населенія,

Еще задолго до пріѣзда Кара жители Казани находились въ большомъ страхѣ, и «вѣстей у насъ кромѣ худыхъ, иныхъ нѣтъ, писалъ Платонъ Любарскій Н. Н. Бантышъ-Каменскому [2]), и народъ въ крайнемъ смущеніи, какъ во тьмѣ находится». По городу ходили самые нелѣпые и преувеличенные слухи объ успѣхахъ Пугачева и объ опасности, угрожающей населенію. 3 ноября преосвященный Веніаминъ получилъ вышеприведенное нами письмо императрицы и тотчасъ поручилъ Платону Любарскому составить увѣщаніе къ народу. 4 ноября оно было уже написано и разослано во всѣ мѣста епархіи [3]).

Напомнивъ о бѣдственныхъ для Россіи временахъ Гришки Отрепьева и Стеньки Разина, преосвященный Веніаминъ въ посланіи къ своей паствѣ убѣждалъ населеніе, что Пугачевъ есть самозванецъ и похититель чужаго имени. Находясь въ Петербургѣ [4]), будучи очевидцемъ и участникомъ при погребеніи императора Петра III,

---

[1]) Рапортъ Кара военной коллегіи отъ 18 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 309.

[2]) Архимандритъ Спасо-казанскій, въ письмѣ отъ 14 ноября 1773. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

[3]) Увѣщаніе начинается словами: «Долгъ пастырскаго нашего званія» и проч. Оно напечатано сначала въ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1844 года № 37, потомъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1860 года, кн. II, 83, и наконецъ въ *Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1863 года, № 22. Въ *Казанскихъ Вѣдомостяхъ* и *Чтеніяхъ* невѣрно обозначено октябрь 1773 года, а въ *Вятскихъ Вѣдомостяхъ* ни мѣсяцъ, ни годъ не обозначены.

[4]) Въ званіи архіепископа с.-петербургскаго. Подробности объ этомъ см. въ статьѣ: *Преосвященный Веніаминъ митрополитъ Казанскій и Свіяжскій*, свящ. Архангельскаго. *Странникъ*, 1866 года, № 1.

казанскій архіепископъ писалъ своей паствѣ, что тѣло покойнаго императора было при немъ привезено на утренней зарѣ въ Александро-Невскій монастырь, стояло въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ жилъ преосвященный и что на его глазахъ приходили къ покойному для отданія христіанскаго долга вельможи и люди всѣхъ званій. Преосвященный Веніаминъ свидѣтельствовалъ, что въ сопровожденіи многочисленной толпы народа тѣло императора Петра III перенесено изъ его покоевъ въ церковь, тамъ отпѣто *и самимъ имъ запечатлѣно земною персты*.

Архіепископъ казанскій просилъ своихъ духовныхъ дѣтей не вѣрить никакимъ разглашеніямъ. «Твердитесь разумомъ, писалъ онъ въ своемъ посланіи, бодрствуйте въ вѣрѣ, стойте непоколебимо при присягѣ, яко и смертію запечатлѣти вамъ любовь и покореніе къ Высочайшей власти. Мужайтеся противъ всѣхъ ратоборцевъ, льстецовъ и нарушителей общія тишины и благоденствія, утверждайтеся и утверждайте въ благодушномъ повиновеніи, Господа ради, аще ли Монархинѣ яко законной преобладающей, аще ли княземъ, яко отъ нея посланнымъ...

«Препоясаша чресла ваша истиною, примите въ защищеніе правды вся оружія Божія, яко возмощи вамъ противу кознемъ дьявольскимъ, противу нарушителей вѣры и преданій церковныхъ, противу хулителей чести и похитителей власти царской; словомъ, противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ, покой души и жизни вашей, такожь чинъ государственный дерзостно возмущающихъ».

Въ это время никакихъ достовѣрныхъ извѣстій изъ Оренбурга не было, а слышно только было, что генералы Каръ и Фрейманъ съ отрядомъ стояли во ста верстахъ отъ самозванца, который, гуляя свободно между Оренбургомъ и Сакмарскимъ городкомъ, вовсе не опасался приближенія правительственныхъ войскъ.

«Удивленія достойно, прибавлялъ Платонъ Любарскій, что злодѣй свободно фуражируетъ, заводы и селенія грабитъ, изъ заводскихъ крестьянъ шайку свою пріумножаетъ, плевелы въ околичностяхъ не безъ успѣха разсѣваетъ. Съ нашей же стороны доселѣ ни препятствія, ни поиску, ни поимки для полученія о состояніи его толпы извѣстія не учинено. Изъ Ставрополя увѣ-

домляютъ, что отправленные въ сикурсъ нашимъ калмыки вреда окольнымъ селеніямъ причинили и причиняютъ много».

Казанскій губернаторъ все еще находился въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и распоряжался ничтожнымъ отрядомъ маіора Астафьева, разбросаннымъ по постамъ небольшими частями. «У прикрытія границъ казанскихъ», писалъ Платонъ Любарскій [1]), «принялъ команду здѣшній оберъ-комендантъ Лецкій; въ его распоряженіи состоятъ закамскіе дворяне съ дворовыми своими людьми, экономическіе, дворцовые и ясашные крестьяне, чуваши, черемисы и прочая мордва, вооруженные луками, рогатинами, ножами, топорами и проч.».

Это ополченіе не внушало къ себѣ особаго довѣрія, а другихъ войскъ въ Казани не было. Городъ былъ наполненъ конфедератами, возвращаемыми изъ Сибири; въ немъ было до 2,000 колодниковъ и ожидалось еще 700 человѣкъ изъ Москвы. Прибытіе этой партіи крайне затрудняло губернское начальство, тѣмъ болѣе, что по случаю прекращенія сообщеній въ ближайшихъ къ Казани селеніяхъ было уже размѣщено до 4,000 человѣкъ, назначенныхъ для отправленія въ Сибирь на поселеніе. Все это были люди, ожидавшіе только случая перейти на сторону Пугачева и радовавшіеся каждому успѣху его сообщниковъ. Для присмотра за ними въ Казани оставалось лишь нѣсколько дряхлыхъ и раненыхъ солдатъ, да и тѣ несли караульную службу почти безсмѣнно.

Находясь въ такомъ положеніи, жители Казани узнали сначала о неудачѣ, постигшей Кара, а затѣмъ, въ половинѣ ноября, было получено свѣдѣніе, что болѣе трехсотъ яицкихъ казаковъ и калмыковъ съ двумя орудіями появились на Самарской линіи, захватили команду въ 60 человѣкъ съ двумя офицерами и направились къ Бузулукской крѣпости, съ цѣлью ворваться въ мѣста болѣе населенныя и склонить жителей къ возстанію [2]). Такимъ образомъ опасность стала угрожать и Казанской губерніи. Въ Ка-

[1]) Бантышъ-Каменскому въ письмѣ отъ 14 ноября 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

[2]) Рапортъ Брандта военной коллегіи отъ 16 ноября. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 297.

зань возвратился генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ; а почти вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и генералъ-маіоръ Каръ. Толки въ городѣ успѣлись и были не въ пользу правительства.

«По привычкѣ многихъ легкомысленныхъ людей», доносилъ Брандтъ [1]), «къ ложнымъ и пустымъ разглашеніямъ, такія, по возвращеніи моемъ изъ Кичуевскаго фельдшанца, услышалъ я здѣсь разносящіяся о касательствахъ до извѣстной злодѣйской толпы эхи, что къ удержанію сего въ народѣ неистовства и къ сохраненію желаемой общей тишины необходимо должно здѣшній городъ укрѣпить сколь можно военными командами».

Когда прибудутъ такія команды, да и прибудутъ ли еще—никто не зналъ, и въ виду угрожающей опасности все дворянство Казанскаго и Симбирскаго уѣздовъ стало переселяться въ Москву и въ ближайшіе къ ней уѣзды. Имѣнія оставлялись безъ всякаго присмотра, а простой народъ «безъ надежнаго обузданія» [2]). Воспользовавшись свободой, крестьяне грабили дома своихъ господъ, и безпорядки въ краѣ стали распространяться все шире и шире. Прекратить ихъ и возстановить спокойствіе было некому. Уполномоченный правительствомъ генералъ-маіоръ Каръ отдалъ генералъ-маіору Фрейману категорическое приказаніе не предпринимать ничего до прибытія подкрѣпленій [3]), а самъ, пробывъ въ Казани два дня, уѣхалъ въ Москву.

«По осмотрѣ лекаремъ», писалъ онъ графу Чернышеву, «открылась, къ несчастію моему, еще фистула, которую безъ операціи никакъ излечить не можно. Къ тому-жь, въ бытность мою здѣсь не только облегченія ни малѣйшаго не получилъ, а время отъ времени большее умноженіе той моей болѣзни слѣдуетъ. По неимѣнію же здѣсь нужныхъ лекарствъ и искусныхъ медиковъ, вышедъ изъ терпѣнія и опасаясь бо̀льшаго отъ застарѣлости му-

---

[1]) Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 21 ноября 1773 г. Тамъ же, листъ 299.

[2]) Письмо Кречетникова князю Вяземскому отъ 10 декабря 1773 г. Архивъ Кабинета Е. И. В. Особое дѣло о Пугачевѣ.

[3]) Въ это время въ отрядѣ Фреймана находилось: штабъ и-оберъ-офицеровъ 34; унтеръ-офицеровъ—36, капраловъ—58, цирюльниковъ—9, музыкантовъ—29, рядовыхъ—1,418 и мастеровыхъ 13, всего 1,597 человѣкъ. Казаковъ поселенныхъ и экономическихъ крестьянъ—130. Башкирцевъ и мещеряковъ—1,236 человѣкъ. При отрядѣ находилось 8 орудій и 22 зарядныхъ ящика.

ченія, рѣшился для произведенія сей операціи ѣхать въ Москву, уповая на милость вашего сіятельства, что вы между тѣмъ по посланному отъ меня въ государственную военную коллегію рапорту, требуемую мною о позволеніи семъ резолюцію прислать сонзволите, дабы тѣмъ, въ случаѣ иногда отъ монхъ злодѣевъ въ другую сторону толковъ, отвратить было можно могущій вредъ» [1]).

Прося разрѣшенія военной коллегіи на отъѣздъ въ Москву, Каръ не думалъ покидать отрядъ, а намѣренъ былъ только воспользоваться тѣмъ временемъ, пока собираются отправленныя къ нему подкрѣпленія [2]).

23 ноября онъ выѣхалъ изъ Казани, а 29 числа, въ 30 верстахъ отъ Москвы, встрѣтился съ курьеромъ, везшимъ ему письмо графа Чернышева, запрещавшее отлучаться отъ отряда. Копія съ этого письма была отправлена и князю Волконскому съ просьбой ни въ какомъ случаѣ не пропустить Кара въ Петербургъ и съ этою цѣлью «наблюсти на почтовомъ дворѣ и гдѣ слѣдуетъ, чтобы онъ, не бывъ у вашего сіятельства, Москвы проѣхать не могъ» [3]).

Больной и въ горячкѣ, Каръ не исполнилъ приказанія президента военной коллегіи и въ тотъ же день пріѣхалъ въ первопрестольную столицу.

«Пріѣздъ сюда г. Кара», писалъ князь М. Н. Волконскій графу Чернышеву [4]), «худыя толкованія въ публикѣ здѣсь произвелъ, какъ въ положеніи оренбургскихъ дѣлъ, такъ и его персоны, что я сердечно сожалѣю».

Императрицѣ также былъ весьма непріятенъ поступокъ Кара, дававшій поводъ къ разнаго рода толкамъ, и въ особенности тамъ, гдѣ толки эти были наиболѣе опасны. Тогдашняя Москва еще не оправилась отъ чумы, и всѣмъ памятны были только-что уси-

---

[1]) Письмо Кара графу З. Г. Чернышеву 21 ноября 1773 года. *Записки Академіи.* Т. I, приложеніе 34.

[2]) Рапортъ Кара военной коллегіи 21 ноября. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 310.

[3]) Письмо графа Чернышева князю Волконскому 25 ноября 1773 г. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 228.

[4]) Отъ 30 ноября. *Записки Академіи.* Т. I, приложеніе 36. Подпись подъ этимъ письмомъ слѣдуетъ читать не Бибиковъ, а Волконскій.

ренныя волненія черни. Интеллигентное населеніе первопрестольной столицы состояло въ большинствѣ изъ лицъ недовольныхъ правительствомъ, почему-либо удалившихся отъ Двора или вышедшихъ въ отставку. Во главѣ ихъ стоялъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Считая себя недостаточно награжденнымъ послѣ штурма Бендеръ, онъ просилъ объ увольненіи его отъ службы.

«Командующій нашею арміею генералъ графъ Панинъ», сказано въ указѣ Сенату [1]), «всеподданнѣйше насъ просилъ объ увольненіи отъ воинской службы и всѣхъ дѣлъ, по причинѣ умножающихся отъ попесенныхъ имъ въ нынѣшнюю кампанію трудовъ, болѣзненныхъ припадковъ, которые такъ усилились, что привели его въ несостояніе продолжать оные. Сколь ни велики его усердіе и ревность къ Намъ и Отечеству, мы, пріемля таковое прошеніе, всемилостивѣйше увольняемъ его по его желанію.

«Въ знакъ же нашего монаршаго къ нему благоволенія, за долговременную его службу и знаменитыя услуги, повелѣваемъ нашему Сенату производить ему по смерть полное по его чину жалованье вмѣсто пенсіона».

Оставивъ службу, графъ Панинъ поселился въ своемъ подмосковномъ имѣніи, гдѣ и построилъ подобіе Бендерской крѣпости. Порицая многія распоряженія правительства и, будучи сторонникомъ державныхъ правъ великаго князя Павла Петровича, графъ П. Панинъ обращалъ на себя вниманіе императрицы, и она поручила начальнику Москвы зорко слѣдить за его поведеніемъ.

«Здѣсь слухъ носится», писала императрица князю Волконскому [2]), «что Петръ Панинъ, живучи въ деревнѣ, весьма дерзко вретъ и для того пошлите туда кого-нибудь надежнаго выслушать его рѣчей, и если что-нибудь такое иногда услышите, чего бы могло объяснить какихъ ни есть непозволительныхъ обращеній здѣсь (въ Петербургѣ) или у васъ, то дайте мнѣ наскорѣе узнать, дабы я могла усмирить мнѣ непокорныхъ людей, въ чемъ на вашу мнѣ извѣстную вѣрность весьма полагаюсь.

«Для бо̀льшаго объясненія я вамъ на ушко скажу, что я здѣсь

[1]) Отъ 19 ноября 1770 года. Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, кн. № 130.

[2]) Въ письмѣ отъ 30 августа 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 587.

на примѣтѣ имѣю двухъ негодныхъ молодцовъ, что̀ выйдетъ—не знаю. Я за ними примѣчаніе имѣю. Не объясните-ли вы сіе, ибо болтунъ всего болтаетъ, а шайка кажется ихъ. Прошу все сіе весьма скрыть, чего до времени нужно, чтобы не обидѣть людей понапрасну, такъ какъ и самимъ не остаться въ расплохѣ».

«Что касается до дерзкаго, вамъ извѣстнаго, болтуна», писала Екатерина въ другомъ письмѣ князю Волконскому [1]), «то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его (графа Никиту Ивановича) осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уйметъ же, а домъ мой очистится отъ каверзы».

Тайное разслѣдованіе князя Волконскаго и посылка надежнаго человѣка въ подмосковное имѣніе графа П. И. Панина показали, «что сей тщеславный самохвалъ много и дерзко болтаетъ», что всѣхъ и все критикуетъ; но съ нѣкотораго времени «гораздо утихъ и въ своемъ болтаньи нѣсколько скромнѣе сталъ». Извѣстіе о наградахъ, пожалованныхъ брату, графъ П. Панинъ принялъ равнодушно, сталъ болѣе задумчивъ и собирался ѣхать въ Петербургъ, но разрѣшенія не получилъ, такъ какъ происшествія подъ Оренбургомъ заставили императрицу, въ интересахъ сохраненія власти, обратить особенное вниманіе на недовольныхъ и ни въ какомъ случаѣ не сосредоточивать ихъ вокругъ себя. Всѣхъ такихъ лицъ князь Волконскій совѣтовалъ не приближать ко Двору, а напротивъ того, разсѣять по разнымъ мѣстамъ. «Ежели смѣю, всемилостивѣйшая государыня», писалъ онъ [2]), по моей безпредѣльной вѣрности и искренно-усердной къ освященной вашей особѣ преданности, мое мнѣніе сказать, кажется лучше-бъ всего какъ наискорѣе отлучить отъ Двора и отъ обѣихъ резиденцій всѣхъ суспектныхъ (подозрительныхъ) людей тѣмъ или другимъ образомъ и шайку сію разсыпать, то все такъ и кончится. Я ничего иного на сердцѣ не имѣю, не взирая ни на что̀, какъ службу вашего императорскаго величества. Воля ваша государская — мнѣ законъ

---

[1]) Отъ 25 сентября 1773 года. *Восемнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 96.
[2]) Въ письмѣ отъ 9 сентября. *Восемнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 97.

и высокія повелѣнія ваши — мнѣ предѣлъ, его же не преступлю».

Руководимый такими началами, князь Волконскій старался развѣдать, что̀ станутъ говорить о пріѣздѣ Кара люди разныхъ партій, и скоро убѣдился, что москвичи встрѣтили пріѣхавшаго весьма непріязненно. Оно иначе и быть не могло. Каръ былъ посланъ на защиту помѣщичьихъ интересовъ,—былъ посланъ усмирить населеніе, искавшее свободы отъ крѣпостной зависимости и отъ заводской работы. Онъ не исполнилъ порученія, не усмирилъ волненій и, слѣдовательно, достоинъ осужденія. Всѣ порицали Кара, но въ чемъ онъ виноватъ—никто не могъ дать себѣ яснаго отчета.

— Какой это генералъ, говорили одни,—что не могъ съ такими бездѣльниками управиться и самъ сюда ушелъ! Его надобно бы было повѣсить.

Другіе, не столь скорые въ своихъ приговорахъ, называли Кара только трусомъ, говорили, что его надобно отдать подъ судъ, и всѣ толковали объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Пріѣзжіе изъ Казани привозили по бо̀льшей части извѣстія столь тревожнаго свойства, что князю Волконскому приходилось увѣрять москвичей, что дѣла вовсе не такъ дурны.

«Я теперь, всемилостивѣйшая государыня», писалъ онъ [1]), «стараюсь публику увѣрить, что оренбургскія дѣла никакого уваженія не заслуживаютъ и никакихъ худыхъ слѣдствій ожидать не можно, а что только шайка никуды годныхъ людей собралась, которая вскорѣ истреблена будетъ, а Кару я чрезъ оберъ-полиціймейстера велѣлъ сказать, чтобы какъ онъ самъ о тамошнихъ дѣлахъ ничего ни съ кѣмъ, а по малой мѣрѣ предосудительнаго, не говорилъ, такъ бы и людямъ своимъ запретилъ».

Въ отвѣтѣ на это императрица просила князя Волконскаго послать сказать Кару, чтобъ онъ не дерзнулъ показаться ей на глаза и ѣхать въ Петербургъ. «А если», прибавляла императрица [2]), «на Москвѣ отъ его пріѣзда болтанья умножились, то обно-

[1]) Въ письмѣ отъ 2 декабря 1773 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 103.

[2]) Въ письмѣ князю Волконскому отъ 7 декабря. Тамъ же. Письмо это напечатано съ пропусками въ *Москвитянинѣ*, 1845 года № 9, и притомъ невѣрно означено отъ 3 декабря.

вите изъ Сената указы старые о неболтаніи, каковыхъ много есть и въ прежнія времена, и при мнѣ уже часто о семъ обновлялась память и съ успѣхомъ».

Находя, что оренбургскія дѣла «худымъ поведеніемъ Кара болѣе испорчены, нежели поправлены», императрица приказала исключить его изъ службы, «ибо, писала она князю Волконскому [1]), въ нужное время не надобно, чтобы больной и трусъ занималъ мѣсто и получалъ жалованья».

«Рапорты ваши изъ Казани, писала военная коллегія генералъ-маіору Кару [2]), исправно въ коллегіи получены и ея императорскому величеству всеподданнѣйше представлены были. Ея императорское величество высочайше усматривая изъ оныхъ, что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному вашему къ службѣ усердію и мужеству, когда высочайшей ея довѣренности надобно вамъ было соотвѣтствовать ревностью своей къ отечеству, и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обязывали васъ долгъ и присяга, по въ случаѣ неизбѣжимости не щадить и живота своего, вы о болѣзненномъ себѣ сказавши припадкѣ, оставили самимъ вамъ *извѣстной важности постъ*, сдали тотчасъ порученную вамъ команду и самовольно отъ оной удалились. По такой слабости духа, въ персонѣ званія вашего примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей, и не находитъ ея императорское величество прочности въ васъ къ ея службѣ, высочайше повелѣвая военной коллегіи изъ оной васъ уволить и дать вамъ аншидъ».

Каръ былъ уволенъ. Чрезвычайныя обстоятельства вызвали наказаніе за поступокъ, который при другихъ условіяхъ считался дѣломъ весьма обычнымъ. Самовольная отлучка начальника отъ ввѣреннаго ему отряда, конечно, должна считаться преступленіемъ съ точки зрѣнія военной дисциплины, но не только въ тѣ, а и въ позднѣйшія времена, подобныя отлучки практиковались нерѣдко, никому не казались странными, и ни наказаній, ни даже выгово-

---

[1]) Отъ 1 декабря 1773 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 102.

[2]) Въ указѣ отъ 30 декабря 1773 года Моск. Арх. Главн. Штаба. Секретн. опись 47, кн. 53, листъ 252.

ровъ не вызывали. Уѣзжая въ Казань и далѣе, генералъ-маіоръ Каръ вывелъ отрядъ изъ опаснаго положенія и не слагалъ съ себя ни отвѣтственности, ни возложенной на него обязанности. Очутившись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, онъ видѣлъ истинное положеніе дѣлъ, не имѣлъ основанія презирать врага, какъ презирали его въ Петербургѣ и не считалъ возможнымъ съ ничтожными силами ему данными исполнить инструкцію военной коллегіи, требовавшей, чтобъ онъ старался «какъ самого Пугачева, такъ и злодѣйскую его шайку переловить».

Зная изъ опытовъ прошедшихъ войнъ, какъ трудно самымъ лучшимъ войскамъ, предводимымъ геніальными полководцами, имѣть дѣло съ народною войной, нельзя обвинять Кара въ бездѣятельности или трусости, но необходимо сказать, что полуторатысячному отряду безъ кавалеріи и самаго разнохарактернаго состава трудно было не только переловить, но и разогнать толпу, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, преимущественно конныхъ. Каръ понималъ, что окруженъ со всѣхъ сторонъ враждебнымъ населеніемъ и въ каждомъ простолюдинѣ долженъ былъ видѣть пугачевца. Онъ видѣлъ, что въ Петербургѣ высшія правительственныя лица были совершенно незнакомы съ особенностями Заволжскаго края и вовсе не понимали тѣхъ важныхъ и серьезныхъ послѣдствій, которыя могли произойти отъ распространенія волненій. Онъ просилъ о скорѣйшемъ подкрѣпленіи его войсками, но президентъ военной коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ограничившись первыми сдѣланными распоряженіями, успокоился и не оказывалъ никакой помощи. Онъ не послалъ въ помощь Кару ни одного солдата даже и тогда, когда ему указывали на необходимость отправленія кавалеріи. «По мнѣнію моему, писалъ князь Волконскій [1]), надо необходимо туда конницы побольше, а на тамошнихъ надѣяться нельзя и употреблять ихъ не надо; они всѣ къ злодѣю перебѣгутъ, будучи заражены». Графъ Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ это мнѣніе основательнымъ, «въ чемъ теперь, говорилъ онъ, и упражняюсь». Но упражненія

[1]) Графу Чернышеву въ собственноручной припискѣ къ письму отъ 20 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 227.

*

эти были слишкомъ медленны, и Чернышевъ былъ болѣе погруженъ въ политическія интриги, чѣмъ заботился о внутреннихъ дѣлахъ и о болѣе добросовѣстномъ исполненіи обязанности президента военной коллегіи. Дѣлая распоряженія, онъ не имѣлъ времени узнать, на сколько исполняются отдаваемыя имъ приказанія. Такъ отправленныя изъ Петербурга два орудія, дойдя только до Москвы, остались безъ колесъ и лафетовъ, которые разсыпались. Чтобы не задерживать дальнѣйшее ихъ отправленіе, князь Волконскій приказалъ положить орудія на сани и отправилъ въ такомъ видѣ въ Казань. Онъ принужденъ былъ снабдить сопровождавшаго ихъ офицера прогонными деньгами и порохомъ, такъ какъ ни того, ни другого въ Петербургѣ отпущено не было [1]).

Видя бездѣятельность коллегіи, генералъ-маіоръ Каръ просилъ помощи у казанскаго губернатора, а генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ, какъ самъ непмѣвшій никакихъ средствъ, писалъ о томъ же въ Москву князю Волконскому. Послѣдній, 23 ноября, отправилъ въ Казань 200 человѣкъ пѣхоты и самъ остался только съ такимъ гарнизономъ, который необходимъ былъ для содержанія самыхъ важныхъ карауловъ. Князь Волконскій опасался, что тѣхъ силъ, которыя были даны Кару, будетъ недостаточно для подавленія возстанія. «Я думаю, писалъ онъ императрицѣ [2]), весьма-бъ надобно *нарочитый корпусъ цѣлыми полками туда отправить*, чтобъ скорымъ разрушеніемъ бунтовщиковъ сіе зло до дальнѣйшаго распространенія не допустить».

Всякое промедленіе въ отправленіи войскъ обходилось дорого, и каждая минута подрывала правительственную власть въ самомъ ея корнѣ. Возстановленіе этой власти возможно было только при самыхъ энергическихъ мѣрахъ и при силѣ, превосходящей средства мятежниковъ. Но за Волгой не было другихъ войскъ, кромѣ гарнизонныхъ, неподвижныхъ и никуда негодныхъ баталіоновъ, а отправленныя подкрѣпленія могли прибыть на мѣсто дѣйствій

---

[1]) Письмо кн. Волконскаго гр. Чернышеву, 21 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 229.

[2]) Въ письмѣ отъ 23 ноября 1773 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, стр. 100.

лишь въ январѣ 1774 года. Зачѣмъ они посылались? Если правительство смотрѣло на Пугачева какъ на простаго разбойника и поручало Кару переловить его шайку, то подкрѣпленія эти должны были опоздать и не могли принять участія въ ловлѣ. Если же возстаніе въ глазахъ президента военной коллегіи было дѣломъ серьезнымъ, то болѣе чѣмъ странно дозволеніе развиваться мятежу до января мѣсяца, то-есть до сосредоточенія войскъ въ рукахъ начальника, посланнаго усмирить волненіе и уничтожить безпорядки въ краѣ. До сосредоточенія своихъ силъ Кару приходилось, по его выраженію, *маячить* или, другими словами, оставаться въ бездѣйствіи и издали смотрѣть, какъ мятежъ будетъ распространяться все шире и шире. Такое положеніе было тяжело и невозможно для человѣка энергичнаго, какимъ былъ Каръ, и понятно, что онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, чтобъ разсѣять ложный взглядъ на совершающіяся событія и сколь возможно скорѣе усилить свои боевыя средства. Мало знакомый съ дѣйствительнымъ ходомъ бунта, Пушкинъ, говоря объ отъѣздѣ Кара, голословно обвиняетъ его въ трусости, называетъ Пугачева презрѣннымъ и, подобно современникамъ, силы его ничтожными. На самомъ дѣлѣ, Кара слѣдуетъ упрекнуть не въ трусости, а въ отсутствіи сознанія, что при тогдашнемъ положеніи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, появленіе его въ Петербургѣ будетъ крайне непріятно. Въ столицѣ тщательно скрывали все, что̀ могло, хотя временно, ослабить увѣренность въ величіи и силѣ Россіи, а слѣдовательно и то, что̀ происходило подъ Оренбургомъ. Пріѣзжающихъ курьеровъ приводили прямо въ Сенатъ, гдѣ допрашивали, что̀ видѣли и слышали, а затѣмъ обязывали подпиской, что ни слова и никому разсказывать не будутъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, лишь только 25 ноября было получено письмо, въ которомъ Каръ выражалъ желаніе пріѣхать въ Петербургъ, его участь была уже рѣшена. «Кару не суще удачно было, писала въ этотъ день императрица С. М. Козьмину [1]), онъ былъ окруженъ, людей немалое число потерялъ; у злодѣя, сказываютъ, 70 пушекъ. Я посылаю Бибикова

[1]) Въ понедѣльникъ, 25 ноября 1773 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIII, стр. 367.

съ тремя полками. Каръ, потерявъ трамонтанъ (сбившись съ толку), сюда скачетъ».

Такимъ образомъ, Каръ сдѣлался жертвой не своихъ ошибокъ, а бездѣятельности военной коллегіи и президента ея, графа Захара Григорьевича Чернышева. Преемнику Кара пришлось также долго *маячить*, прежде чѣмъ онъ могъ двинуться впередъ.

IX.

Назначеніе А. И. Бибикова для усмиренія волненій.—Посылка новыхъ полковъ на театръ дѣйствій.—Второй манифестъ императрицы.—Права и власть, предоставленныя новому главнокомандующему.—Мѣры правительства относительно колодниковъ и конфедератовъ.—Образованіе секретной коммиссіи.

Остановивъ Кара въ Москвѣ, правительство лишило себя возможности узнать истинное положеніе дѣлъ и все-таки не могло скрыть отъ большинства населенія столицы и представителей иностранныхъ дворовъ то что происходило подъ Оренбургомъ.

«Всѣ извѣстія касательно мятежа въ Оренбургской губерніи, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ [1]), по возможности сохраняются въ тайнѣ, но я почти не сомнѣваюсь въ томъ, что извѣстія эти чрезвычайно неблагопріятны и что городъ Оренбургъ находится въ большой опасности попасть въ руки инсургентовъ».

По Петербургу ходили самые разнообразные и преувеличенные слухи, въ которыхъ даже и такія лица, какъ англійскій посланникъ Гуннингъ, не могли отличить правды отъ неправды. Разсказывали, что во главѣ возстанія находятся искусно переодѣтые три гвардейскіе офицера, «изгнанные отсюда въ продолженіе нынѣшняго царствованія», что мятежники захватили какіе-то серебряные рудники, что опасаются какъ бы они не овладѣли всѣми остальными и пр.

Правительство не имѣло средствъ опровергнуть эти слухи, болѣе потому, что получаемыя оффиціальнымъ путемъ извѣстія были

[1]) Графу Суффолькъ, отъ 29 ноября 1773 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*. Т. XIX, 319. Въ этомъ письмѣ вмѣсто фамиліи Бауэра слѣдуетъ читать: Каръ.

разнорѣчивы, неутѣшительны и, по словамъ того же Гуннинга, возбуждали сильное безпокойство императрицы и ея министровъ.

«Вчерась, писала Екатерина князю Волконскому [1]), я отъ генералъ-маіора Фреймана видѣла рапорта, будто они (мятежники) и Уфимскаго города атаковали, въ которомъ тысячъ съ пятьдесятъ денегъ и пороховой магазинъ. Богъ вѣсть чѣмъ сіе кончится; можетъ статься, что и сами разбѣгутся. Я зачинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра I, но что Богъ ни дастъ, по примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ».

Въ Петербургѣ сознали теперь, что несчастіе это явилось вслѣдствіе небрежности и недостатка распоряженій. «Всего болѣе, писалъ Гуннингъ, осуждаютъ графа Захара Чернышева». Императрица была также недовольна его дѣятельностію, и избравъ генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова командующимъ войсками, назначенными для дѣйствія противъ мятежниковъ, потребовала отъ президента военной коллегіи самыхъ энергичныхъ дѣйствій.

Ноября 27 курьеры везли уже приказаніе: Изюмскому гусарскому (изъ Ораніенбаума), 2-му гренадерскому (изъ Нарвы) и Владимірскому (изъ Шлиссельбурга) пѣхотному полкамъ выступить какъ можно скорѣе въ походъ и слѣдовать черезъ Москву въ Казань. Полки эти признано теперь необходимымъ передвинуть при помощи ямскихъ и обывательскихъ подводъ и потомъ разрѣшено каждому пѣхотному полку брать по 200, а гусарскому по 100 лошадей за прогоны [2]). Въ тотъ же день приказано послать изъ С.-Петербурга въ Казань, на почтовыхъ, ямскихъ и обывательскихъ подводахъ шесть шестифунтовыхъ пушекъ, съ полнымъ числомъ прислуги [3]), а командующему войсками въ Польшѣ генералъ-поручику Романіусу отправить С.-Петербургскій карабинерный и Чугуевскій казачій полки въ Смоленскъ, а три эскадрона Венгерскаго гусарскаго въ Петербургъ [4]).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1 декабря 1773 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, 102.

[2]) Указъ военной коллегіи генералъ-фельдмаршалу графу Разумовскому 27 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 231.

[3]) Указъ военной коллегіи князю Г. Г. Орлову 27 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 233.

[4]) Тоже генералу Романіусу 27 ноября. Тамъ же, листъ 238.

На другой день, 28 ноября, собрался государственный совѣтъ, въ засѣданіи котораго присутствовала и императрица. Она выразила опасеніе, что войска не успѣютъ прибыть во-время и что Оренбургъ долго не удержится, по причинѣ недостатка хлѣба на содержаніе жителей. Графъ Чернышевъ увѣрилъ, что чрезъ два мѣсяца войска будутъ на мѣстѣ и поручился, что оренбургскій губернаторъ будетъ держаться до крайности. Такъ какъ послѣдній былъ запертъ въ крѣпости, то императрица возбудила вопросъ: слѣдуетъ ли для управленія гражданскими дѣлами отправить въ Оренбургскую губернію особое лицо, облеченное властью губернатора, или подчинить всѣ тамошнія мѣста генералъ-аншефу Бибикову. При этомъ она выразила справедливое опасеніе, чтобы между двумя начальниками не произошло несогласія. Совѣтъ, имѣя въ виду, «что всѣ тамошнія мѣста или заражены теперь возмущеніемъ, или колеблются, слѣдовательно и не могутъ безъ воинской помощи управляемы быть», призналъ посылку туда губернатора дѣломъ совершенно ненужнымъ.

Послѣ рѣшенія этихъ вопросовъ въ засѣданіе совѣта былъ приглашенъ А. И. Бибиковъ и при немъ прочтенъ всѣмъ извѣстный манифестъ [1]), въ первоначальной редакціи котораго, между прочимъ, говорилось: «Содрагаетъ духъ нашъ отъ воспоминанія временъ *Годуновыхъ и Отрепьевыхъ*, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія... когда отъ явленія *самозванца Гришки-разстриги и другихъ ему послѣдовавшихъ* обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечомъ истребляемы, кровь россіянъ отъ россіянъ же потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость государственную составляющіе, собственными же руками россіянъ въ конецъ разрушаемы были».

При чтеніи этой части манифеста, графъ Чернышевъ и князь Григорій Григорьевичъ Орловъ заявили, что имъ кажется слишкомъ преувеличеннымъ уподоблять настоящее возмущеніе древнему нашему междоусобію, а Пугачева—Гришкѣ-разстригѣ. «Тогда», го-

[1]) Напечатанъ въ *Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1860 года, кн. II, 72. У Пушкина (т. VI, стр. 186, изд. 1881 года) и въ Приложеніи къ *Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова*. Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ манифестъ ошибочно отнесенъ къ 23 декабря. Онъ подписанъ и напечатанъ 29 ноября 1773 года.

ворили они, «все государство было въ смятеніи, а нынѣ одна только чернь, да и то въ одномъ мѣстѣ; такое сравненіе можетъ привести на память столь непріятное происшествіе и возгордить также мятежниковъ».

Императрица отвѣчала, что ей пришло на мысль сдѣлать такое уподобленіе съ цѣлью возбудить въ народѣ бо̀льшее омерзѣніе къ возмутителю, но что она снова его просмотритъ и если признаетъ нужнымъ, то и измѣнитъ. При вторичномъ просмотрѣ императрица исключила слова: «Годуновыхъ и Отрепьевыхъ», а вмѣсто словъ «самозванца Гришки-растриги и другихъ ему послѣдовавшихъ» написала: *многихъ самозванцовъ*, и въ такомъ видѣ манифестъ былъ утвержденъ и переданъ Бибикову [1]).

По прочтеніи манифеста, государственный совѣтъ слушалъ: инструкцію, предоставлявшую Бибикову полную власть въ способахъ укрощенія мятежа; открытый указъ, коимъ подчинялись ему всѣ власти: военныя, духовныя и гражданскія, и наконецъ, объявленіе, обѣщающее награжденіе тѣмъ, кто доставитъ Пугачева живаго или мертваго.

Поводомъ къ составленію такого объявленія послужило только-что полученное генералъ-прокуроромъ письмо астраханскаго губернатора П. Кречетникова:

«Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости», писалъ онъ князю Вяземскому [2]), «осмѣливаюсь мою мысль сказать: я бы думалъ, не было бы безполезно, если бы назначить какую знаменитую сумму денегъ и прощеніе его сообщникамъ, коп бы только его, Пугачева, живого выдали или-бъ по крайности и мертваго. Казалось бы, чтобъ изъ тѣхъ плутовъ могли таковые найтиться. Другое: мо-

---

[1]) При этомъ генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій писалъ главнокомандующему въ Москвѣ князю М. Н. Волконскому: «Ея императорское величество Высочайше указать соизволила, чтобы ваше сіятельство приказали, съ приложеннаго при семъ печатнаго манифеста, церковными литерами напечатать въ московской синодальной типографіи 1,205 экземпляровъ, наблюдая, чтобъ оное было секретно, и по напечатаніи прислать сюда пять экземпляровъ, а остальные, никуда не употребляя, хранить за печатью до особаго объ оныхъ повелѣнія» (Письмо князя Вяземскаго Волконскому отъ 5 декабря 1773 года. Архивъ Кабинета Его Величества).

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20 ноября 1773 года, изъ Саратова.

жетъ бы могъ найтиться изъ отважныхъ людей и таковой, коему позволить къ нему предаться, опоруча его домомъ и семействомъ, чтобы, войдя къ нему (Пугачеву) въ услугу, его убилъ или-бъ, подговоря другихъ, выдалъ. Буде бы таковой обѣщавшійся и солгалъ, то отъ одного человѣка знатныя опасности произойти не можетъ. Сіе вашему сіятельству донеся, желалъ бы знать ваше на то повелѣніе, но какъ отдаленность далека, то свѣдавъ, гдѣ г. Брандтъ, о семъ съ нимъ списываться буду и требовать его о томъ мнѣнія. Я признательно вамъ донести имѣю, что сей злодѣй Пугачевъ столь мнѣ нетерпимъ, что описать не могу, что такая злобная и пепстовая тварь отважилась въ отечествѣ столь нетерпимое зло произвести, то онъ всекопечно всякаго рода искорененія достоинъ».

Имѣя въ виду, что для уговора казаковъ выдать Пугачева были уже отправлены Перфильевъ и Герасимовъ, императрица находила несообразнымъ съ достоинствомъ ея сана назначать награжденіе за доставленіе головы Пугачева и тѣмъ подавать поводъ къ убійству. Она разрѣшила обѣщать награжденіе только за живого и заявила, «что то объявленіе объ этомъ генералъ Бибиковъ можетъ сочинить самъ». Тѣмъ не менѣе проектъ былъ составленъ въ Сенатѣ, утвержденъ императрицей и присланъ Бибикову [1]). Размѣръ вознагражденія не былъ опредѣленъ въ объявленіи, но впослѣдствіи, какъ увидимъ, за голову Пугачева была обѣщана весьма значительная сумма.

Новый главнокомандующій былъ человѣкъ не случайный, но образованнѣйшій и болѣе другихъ опытный дѣятель тогдашняго времени. Произведенный 7 іюля 1746 года въ инженеръ-прапорщики, А. И. Бибиковъ служилъ потомъ въ Московскомъ Сенатѣ, участвовалъ въ работахъ по Кронштадтской крѣпости, а затѣмъ переведенъ былъ въ артиллерію и отправленъ за границу, сначала въ Саксонію, для изученія технической части артиллеріи, а затѣмъ въ Пруссію и Померанію, для собранія свѣдѣній о запасахъ продовольствія и расположенія войскъ.

Будучи въ чинѣ подполковника и командуя 3-мъ мушкетерскимъ

---

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. № 485.

полкомъ, онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и за личную храбрость въ сраженіи подъ Цорндорфомъ (14 августа 1758 года) произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ комендантомъ города Франкфурта и «отличаясь мягкостію характера, распорядительностью и умѣніемъ обходиться, сдѣлался любимцемъ жителей».

Въ 1761 году, Бибиковъ, уже командуя пѣхотною бригадой, предпринялъ 1 сентября блестящее ночное нападеніе на отрядъ генерала Верпера, вышедшаго изъ крѣпости Кольберга, разбилъ и захватилъ въ плѣнъ самого начальника, съ большею частію его отряда. По окончаніи войны, въ февралѣ 1762 года, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

Блестящія дарованія молодаго генерала обратили на себя вниманіе Екатерины II, и вскорѣ по вступленіи на престолъ императрица отправила Бибикова въ Холмогоры, для разузнанія образа мыслей сосланнаго туда принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго.

Въ декабрѣ 1763 года императрица писала графу Захару Чернышеву: «Моя воля есть, чтобы генералъ Бибиковъ здѣсь еще остался на мѣсяцъ; мнѣ въ немъ нужда» [1]). Нужда эта заключалась въ томъ, что Бибиковъ былъ посланъ и съ блестящимъ успѣхомъ окончилъ порученіе по усмиренію волненій заводскихъ крестьянъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Въ 1767 году онъ назначенъ маршаломъ коммиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія и во время путешествія императрицы въ Казань находился въ ея свитѣ на галерѣ *Волга* [2]).

Въ промежутокъ времени съ 1769 по 1771 годъ, Александръ Ильичъ былъ посланъ для осмотра Финляндіи, потомъ жилъ въ С.-Петербургѣ безъ дѣла и, наконецъ, былъ назначенъ присутствовать въ военной коллегіи. За все это время императрица не прерывала сношенія съ Бибиковымъ и въ отсутствіе его изъ столицы вела съ нимъ переписку.

---

[1]) Собственноручная записка императрицы, отъ 10 декабря. Арх. Канц. воен. минист., Высоч. повел., кн. № 51.

[2]) См. *Славянинъ* 1828 года, т. V.

Въ 1771 году онъ отправленъ былъ въ Польшу командовать войсками въ самое трудное время перваго оной раздѣла, и исполнилъ данное ему порученіе съ такимъ успѣхомъ, что получилъ орденъ св. Александра Невскаго и чинъ генералъ-аншефа.

Въ первой половинѣ 1773 года положеніе нашихъ дѣлъ съ Турціей было не блестящее. Графъ Румянцовъ принужденъ былъ, по недостатку войскъ, перейти обратно черезъ Дунай и просить подкрѣпленій. Въ это время польскія дѣла были приведены уже къ окончанію, и тогда графъ З. Чернышевъ заявилъ, «что по настоящему положенію польскихъ дѣлъ можно послать въ подкрѣпленіе первой арміи нѣсколько полковъ находящагося въ Польшѣ корпуса [1]).

Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ своего сочлена, и высочайшимъ указомъ 17 іюля 1773 года повелѣно было военной коллегіи: генералъ-аншефа Бибикова, съ четырьмя пѣхотными, двумя карабинерными, однимъ гусарскимъ полками и съ пятьюстами донскихъ казаковъ, командировать въ первую армію подъ начальство генералъ-фельдмаршала графа Румянцова. «При корпусѣ же войскъ нашихъ въ Польшѣ, писала императрица, оставить командиромъ генералъ-поручика Романіуса и отправить туда легіонъ Петербургскій, да двѣ легкія команды, въ добавокъ къ войскамъ тамъ находящимся. Башкирскую же тысячную команду возвратить въ ихъ жилища» [2]).

Имѣя личные счеты и будучи въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, А. И. Бибиковъ считалъ это назначеніе немилостью для себя и просилъ о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ, надѣясь въ столицѣ выхлопотать себѣ другое назначеніе. «Если

---

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 252.

[2]) Указъ, данный военной коллегіи 17 іюля 1773 года. Арх. Канцеляріи военнаго министерства, Высочайш. повелѣнія, кн. № $^{33}/_{49}$. Указы коллегіи графу Румянцову, Бибикову и Романіусу отъ 18 іюля, за №№ 246, 247 и 253. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. 53, листъ 118. Протоколу государственнаго совѣта 15 іюля дана настолько неточная редакція, что изъ него можно заключить, будто въ Польшѣ только и оставалось войскъ, что одинъ легіонъ и двѣ легкія полевыя команды. Такою редакціей протокола введенъ въ заблужденіе и Д. Анучинъ, авторъ монографіи: *Дѣйствія Бибикова въ пугачевщину* (см. «*Русскій Вѣстникъ*» 1872 года., т. XCIX., стр. 461).

же и въ семъ мнѣ откажутъ, писалъ онъ графу Н. И. Панину [1]), то будьте увѣрены, что я, отслужа нынѣшнюю войну, не останусь ни на минуту въ службѣ. Желанія мои я ограничивать привыкъ: прихоти, роскошь и пышность меня не удержатъ; возвращусь я къ первобытности дворянскаго состоянія и буду тоже капусту садить, къ которой и по окончаніи всего въ жизни теченія наши братья возвращаются».

Императрица разрѣшила Бибикову пріѣхать въ столицу на самое короткое время и съ тѣмъ, писала военная коллегія, дабы отправляемые въ первую армію полки, которые поручите вы старшему изъ генералъ-маіоровъ, слѣдованія своего черезъ то не останавливали» [2]).

Въ сентябрѣ Бибиковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а 29 ноября былъ назначенъ командовать войсками, отправляемыми для дѣйствія противъ Пугачева [3]).

«Чѣмъ болѣе интересуетъ общее Имперіи благо, писала императрица [4]), безопасность, да и самую цѣлость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе избираемъ мы васъ къ тому, яко истиннаго патріота, коего усердіе къ особѣ нашей, любовь и вѣрность

---

[1]) См. *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*, изд. 1865, стр. 79 Приложеніе.

[2]) Указъ военной коллегіи Бибикову 20 августа 1773 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. 53, листъ 147. Эпизодъ этотъ у Рушича разсказанъ невѣрно (см. «*Русскую Старину*» 1870, т. II, 131).

[3]) Подробности о назначеніи А. И. Бибикова, разсказанныя Г. Р. Державинымъ (см. его Сочиненія, т. VI, стр. 462) и другими авторами (см. Д. Анучинъ «*Русскій Вѣстникъ*» 1872 г., № 6, стр. 462, *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*, стр. 108 и пр.) надо отнести къ числу вымысловъ.

Въ среду 13 ноября 1773 года императрица уѣхала въ Царское Село на охоту, для стрѣлянія тетеревей, и оставалась тамъ до 25 ноября. 17 ноября, въ воскресенье, и 24 ноября, въ день тезоименитства Екатерины II, А. И. Бибиковъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу. Въ этотъ день, надо полагать, и было ему объявлено новое назначеніе, потому что на слѣдующій день императрица, въ приведенномъ нами выше письмѣ, сообщала объ этомъ С. М. Козьмину. 30 ноября былъ дѣйствительно балъ при дворѣ, по случаю кавалерскаго праздника Св. Андрея Первозваннаго, но изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что А. И. Бибиковъ на этомъ балѣ не былъ.

[4]) Бибикову въ рескриптѣ отъ 29 ноября 1773 г. *Сборн. Импер. Истор. Общ.* Т. XIII, стр. 367. См. также Приложеніе къ *Запискамъ Академіи*, Т. I, 38.

къ отечеству, ревность къ нераздѣльной службѣ онаго и нашей, также и отличныя качества, способности и дарованія испытаны уже нами во многихъ случаяхъ».

Сосредоточивая въ одномъ лицѣ всѣ средства и способы для усмиренія взволнованнаго края, императрица предоставила Бибикову обширныя полномочія. Всѣ мѣстные начальники: духовные, военные и гражданскіе подчинялись главнокомандующему и обязаны были исполнять его требованія, какъ бы приказанія самой императрицы, «дабы никако въ дѣлахъ коммиссіи его, которыя для общаго государственнаго блага и для возстановленія драгоцѣннаго покоя толико нужны, никакого препятствія и остановки послѣдовать не могло» [1]).

Въ этихъ послѣднихъ видахъ императрица совѣтовала Бибикову, не ожидая сбора войскъ, отправиться немедленно въ Казань, чтобъ имѣть время ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, присмотрѣться ко всѣмъ движеніямъ возмутителей и «познавъ прямо (точно) ихъ силы, ихъ связь въ землѣ, ихъ ресурсы въ пропитаніи, ихъ внутреннее между собою управленіе, словомъ, физическое и моральное ихъ положеніе во всѣхъ частяхъ онаго, послѣ тѣмъ съ бо́льшими выгодами поднять на нихъ оружіе и дѣйствовать наступательно съ тою поверхностію, каковую мужество, просвѣщеніемъ и искусствомъ руководствуемое, долженствуетъ всегда имѣть предъ толпою черни, движущеюся однимъ бурнымъ фанатизма духовнаго или политическаго вдохновеніемъ и помраченіемъ».

По прибытіи въ Казань, Бибиковъ долженъ былъ собрать къ себѣ все дворянство Казанской губерніи и изобразивъ «тутъ же живыми красками настоящее бѣдственное состояніе сосѣдственнаго имъ края», потребовать его содѣйствія въ усмиреніи волненій. Содѣйствіе это могло выразиться вооруженіемъ нѣкотораго числа людей и снабженіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Имѣя въ виду, что дворянство всегда было опорою престола, императрица выражала увѣренность, что оно явится на помощь по первому требованію, тѣмъ

---

[1]) Открытый указъ 29 ноября, объ оказаніи Бибикову всѣми начальниками и подданными повиновенія и содѣйствія, *Сборн. Импер. Истор. Общ.*, Т. 13 стр. 371.

болѣе, что въ данномъ случаѣ «интересованы въ высшей степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса». Скрывая отъ большинства своихъ подданныхъ все, что происходило подъ Оренбургомъ, императрица не находила нужнымъ дѣлать это относительно дворянства казанскаго, «ибо, писала она, не можетъ имъ быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попадшіеся донынѣ, по несчастію, въ руки мятежниковъ, всѣ безъ изъятія и безъ малѣйшей пощады преданы лютѣйшей и поносной смерти, котораго жребія натурально и они всѣ, одинъ по другомъ, ожидать должествуютъ, еслибъ, отъ чего Боже сохрани, возстаніе и мятежъ черни при самозванцѣ Пугачевѣ, иногда собственнымъ ихъ нерадѣніемъ и небреженіемъ, могъ переступить предѣлы Оренбургской губерніи и заразить ядомъ своимъ Казанскую».

Что касается дѣйствій противъ мятежниковъ, то Бибикову вмѣнялось въ обязанность прежде всего разослать печатный манифестъ, съ цѣлью открыть глаза «ослѣпленной черни и для испытанія, не удастся ли симъ способомъ кротости» и обѣщаніемъ совершеннаго прощенія «обратить на истинный путь если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть сообщниковъ самозванца Пугачева». Такъ какъ манифестъ этотъ рѣшено было на первый случай публиковать въ раіонѣ дѣйствій мятежниковъ, то для большинства населенія той мѣстности онъ оказался совершенно непонятнымъ и потому не имѣлъ никакого успѣха. Излагая бѣдствія, которыя испытала Россія отъ самозванца Лже-Димитрія и возникшихъ тогда междоусобій, говоря о томъ, что отечество наше едва не подпало подъ власть Польши и тогда греко-каѳолическая вѣра подверглась бы «*римскому стулу*», государственный совѣтъ, гдѣ составлялся манифестъ, упустилъ изъ вида, что онъ долженъ быть публикованъ почти псключительно среди раскольниковъ, магометанъ и язычниковъ. Населеніе Казанской, Оренбургской и Астраханской губерній не имѣло ничего или весьма мало общаго съ остальною Россіей, и защита православія, конечно, не входила въ интересы магометанъ, была чужда для инородцевъ. Къ тому же написанный языкомъ непонятнымъ для простолюдина, манифестъ не могъ произвести впечатлѣнія на населеніе, неимѣвшее ника-

кого понятія о политическомъ строѣ, искавшее только воли и матеріальнаго обезпеченія.

«Нескладный слогъ» воззваній самозванца, по выраженію Бибикова, дѣйствовалъ на народъ гораздо болѣе, чѣмъ внушеніе о религіозномъ единствѣ и политической цѣлости государства. Мы увидимъ ниже какъ манифестъ былъ понятъ населеніемъ и какія распоряженія вызвалъ онъ со стороны Бибикова, хорошо понимавшаго, что возникшіе безпорядки надо на первыхъ порахъ уничтожать силой и что безъ войскъ его дѣятельность въ краѣ будетъ безплодна. Хотя въ засѣданіи государственнаго совѣта, 28 ноября, было заявлено объ отправленіи нѣсколькихъ полковъ, но А. И. Бибиковъ призналъ это недостаточнымъ, и по его настоянію военная коллегія приказала отправить: изъ Кексгольма въ Казань Архангелогородскій карабинерный полкъ, изъ Дерпта въ Новгородъ Лейбъ-Кираспрскій [1]) и изъ Могилевской губерніи въ городъ Вязьму Владимірскій драгунскій полки [2]). Президентъ военной коллегіи требовалъ теперь отъ полковыхъ командировъ «наиспѣшнѣйшаго въ пути слѣдованія» и сколь возможно скорѣйшаго прибытія къ мѣсту назначенія.

«О причинѣ, по которой вы отправлены съ полкомъ, прибавлялъ графъ Чернышевъ каждому изъ полковыхъ командировъ [3]), не только не имѣете вы нужды скрывать отъ вашихъ подчиненныхъ, но, напротивъ, сказывать имъ, что сей имъ причиненный маршъ происходитъ отъ того, что бездѣльникъ-самозванецъ около Оренбурга проявился, который, дѣлая разбои и грабительства, причиняетъ вредъ многимъ, и вы посланы не только сію плутовскую шайку разсѣять, разбить и привесть въ той сторонѣ, подъ командою генерала Бибикова, все въ совершенную тишину, но доставить вѣрнымъ подданнымъ то спокойствіе, которое ея императорское величество онымъ всегда желаетъ и которое такими разбойниками, каковъ есть сей самозванецъ и плутъ, отъемлется, и что потому

---

[1]) Указы военной коллегіи полковымъ командирамъ, отъ 30 ноября 1773 года.

[2]) Указъ военной коллегіи, отъ 7 декабря 1773 г., № 544.

[3]) Предписанія полковымъ командирамъ. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 295.

всякаго такого ненавистника покоя должно военному человѣку, во что бы то ни стало, низвергать и обращать въ небытіе».

Для ускоренія всякаго рода сношеній, повелѣно было по тракту отъ Москвы до Казани усилить число почтовыхъ лошадей на станціяхъ. «Пришло на умъ, писала императрица князю Вяземскому, не худо бы, если бы на станціи отъ Москвы до Казани поставили лошадей по сорокъ до февраля мѣсяца, пбо посылокъ много быть можетъ: все же и сіе самое уже сдѣлаетъ въ людяхъ импрессію о сильныхъ мѣрахъ, кои берутся». Высочайшее повелѣніе это князь Вяземскій 28 ноября объявилъ Сенату съ прибавленіемъ, что лошади должны быть поставлены съ повозками и упряжью [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, 30 ноября, Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ни колодниковъ, ни назначенныхъ на поселеніе въ Сибирь и Оренбургскую губернію туда не отправлять, а посылать ихъ въ Александровскую крѣпость, въ Азовъ и Таганрогъ, въ Финляндію на крѣпостныя работы и въ Ригу на работы по Двинѣ. Тѣхъ же колодниковъ и поселенныхъ, которые находились временно въ Казанской губерніи и число коихъ было весьма значительно, отправить въ Азовъ и Таганрогъ, чрезъ Воронежскую губернію, небольшими партіями, человѣкъ по тридцати, и на канатахъ.

«А о полякахъ, писалъ Сенатъ [2]), находящихся въ Казани и прибываемыхъ изъ Сибири, для возвращенія въ отечество, сдѣлать немедленно разсмотрѣніе и распоряженіе военной коллегіи». Послѣдняя приказала остановить всѣхъ конфедератовъ и сосредоточить ихъ въ двухъ пунктахъ: въ Тобольскѣ и Казани; но когда Бибиковъ нашелъ это неудобнымъ, то приказано было тѣхъ, которые находились въ Казанской губерніи, отправить, чрезъ Москву и Смоленскъ, до границы [3]).

Поручая Бибикову умиротворить край во всѣхъ отношеніяхъ

---

[1]) Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. 135, листъ 573. Въ XIII т. *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества* записка императрицы къ князю Вяземскому ошибочно отнесена къ январю 1774 года.

[2]) Въ указѣ военной коллегіи, отъ 30 ноября 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, рекрутская экспедиція, опись 28, св. 484, № 9,575.

[3]) Постановленіе военной коллегіи 27 февраля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 28, св. 484.

и зная, что въ Казани содержится «нѣсколько разглашателей объ извѣстномъ самозванцѣ Пугачевѣ», императрица поручила ихъ въ «полное вѣдомство генералъ-аншефа Бибикова», и съ этою цѣлью при немъ была составлена особая коммиссія, получившая впослѣдствіи названіе *секретной* [1]). Въ составъ этой коммиссіи были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ Лунинъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Василій Собакинъ и секретарь тайной экспедиціи въ Сенатѣ Зряховъ. Имъ приказано было отправиться въ Казань какъ можно скорѣе и, не дожидаясь пріѣзда Бибикова, приступить къ занятіямъ.

Независимо отъ членовъ секретной коммиссіи, въ распоряженіе Бибикова назначены: генералъ-маіоръ Мансуровъ и князь Петръ Голицынъ, «изъ коихъ сему послѣднему, въ Москвѣ теперь находящемуся», писала военная коллегія А. И. Бибикову [2]), «у васъ и явиться велѣно, а Мансуровъ отправляется въ Симбирскъ къ слѣдующимъ туда чрезъ Воронежъ изъ Смоленска легкимъ полевымъ командамъ». Съ Бибиковымъ отправлены: командиръ Великолуцкаго полка полковникъ Юрій Бибиковъ [3]), одинъ инженерный офицеръ, одинъ лекарь, одинъ офицеръ генеральнаго штаба, и «для бо̀льшаго оказательства» ему разрѣшено было взять съ собою изъ гвардіи нѣсколькихъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ и двѣнадцать гренадеръ [4]). Въ числѣ выбранныхъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Г. Р. Державинъ, а лейбъ-гвардіи Коннаго полка адъютантъ князь Волконскій и поручикъ Кошелевъ, и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Толстой отправились въ Казань волонтерами.

На первый случай Бибиковъ могъ располагать только четырьмя

---

[1]) Высочайшій указъ казанскому губернатору, 30 ноября 1773 г.

[2]) Въ указѣ отъ 29 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 250.

[3]) Указъ военной коллегіи фельдмаршалу графу Разумовскому 4 декабря 1773 г. Тамъ же, листъ 422.

[4]) Протоколъ государственнаго совѣта 28 ноября 1773 г. Арх. Государственнаго Совѣта, кн. I, 444.

полками [1]), въ которыхъ было до 2,547 пѣхотинцевъ и 1,562 кавалеристовъ. Въ его распоряженіе должны были поступить 1,718 человѣкъ строевыхъ съ 16 орудіями, находившіеся въ четырехъ полевыхъ командахъ, получившихъ приказаніе вмѣсто Саратова слѣдовать въ Симбирскъ [2]), отрядъ генералъ-маіора Фреймана (въ которомъ къ 10 декабря было только 1,754 человѣка строевыхъ съ 11 орудіями) [3]), 280 человѣкъ бахмутскихъ гусаръ и наконецъ отрядъ Деколонга, находившійся въ Троицкой крѣпости [4]).

На усиленіе войскъ въ Москвѣ отправлены были туда изъ Новгорода гренадерская рота Вятскаго пѣхотнаго полка и изъ Ладоги весь Нарвскій пѣхотный полкъ. «Кажется, всего сего довольно», писалъ графъ Чернышевъ князю Волконскому [5]), «но дальность меня безпокоитъ и печалитъ то разореніе, которое *плутецъ* (Пугачевъ) до прихода сего причинитъ».

Дѣйствительно, «плутецъ» долго еще могъ хозяйничать безнаказанно, такъ какъ даже и тѣ войска, которыя были отправлены изъ Финляндіи и окрестностей Петербурга, могли прибыть въ Казань не ранѣе первыхъ чиселъ января 1774 года, а остальныя и гораздо позже.

---

[1]) Вторымъ гренадерскимъ (1,552 строевыхъ) и Владимірскимъ пѣхотнымъ (955 строевыхъ) полками, Изюмскимъ гусарскимъ (703 строевыхъ) и Архангелогородскимъ карабинернымъ (859 строевыхъ). Въ статьѣ Д. Анучина: *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину* приведены иныя цифры численности полковъ. Разница происходитъ отъ того, что онъ приводитъ весь списочный составъ полковъ, а здѣсь приведены только тѣ чины, которые могли выдти въ строй.

[2]) Къ половинѣ ноября состояло: въ 22-й легкой полевой командѣ 368 человѣкъ строевыхъ и 60 драгунъ; въ 23-й—371 человѣкъ строевыхъ и 60 драгунъ; въ 24-й—366 строевыхъ и 62 драгуна; въ 25-й командѣ—371 человѣкъ строевыхъ и 60 драгунъ. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листы 314, 391, 436 и 513.

[3]) Къ 26 ноября въ отрядѣ Фреймана было: пѣхоты 1,288 человѣкъ строевыхъ, 234 казака и 631 башкирецъ, а за побѣгомъ башкирцевъ къ 10 декабря состояло: пѣхоты 1,293 строевыхъ, 270 казаковъ и 191 башкирецъ — всего 1,754 человѣка. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листы 104 и 325.

[4]) Въ отрядѣ Деколонга состояли: двѣ легкія полевыя команды, одна губернская и три гарнизонныя роты тобольскихъ баталіоновъ и 150 казаковъ. Указы военной коллегіи генераламъ Фрейману и Деколонгу 30 ноября 1773 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. 53.

[5]) Въ письмѣ отъ 29 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 295.

*

Войска эти были бо́льшею частію въ походѣ и еще далеко отъ мѣста дѣйствій. Не скоро можно было приступить къ фактическому усмиренію мятежниковъ, и потому А. И. Бибиковъ не особенно торопился отъѣздомъ изъ столицы, но призналъ необходимымъ отправить впередъ членовъ секретной коммиссіи. Онъ приказалъ имъ ѣхать какъ можно скорѣе въ Казань и открыть засѣданія, не ожидая его пріѣзда, дабы «укротить хотя мало бунтующія души въ городѣ и во всемъ околоткѣ, а наказаніемъ на первый случай преступниковъ заставить молчать ядомъ напоенныя сердца».

X.

Народные толки о происходящемъ подъ Оренбургомъ. — Состояніе Казани. — Объявленіе губернатора городскимъ обывателямъ. — Выселеніе изъ города Казани. — Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Волжскіе казаки и ихъ бездѣятельность. — Манифестъ Пугачева.—Занятіе мятежниками всей Самарской линіи и города Самары.— Развитіе мятежа на границахъ Казанской губерніи. — Занятіе инсургентами Заинска. — Состояніе города Уфы, Пермской и Исетской провинцій. — Мѣры, принятыя мѣстными властями для защиты противъ мятежниковъ. — Волненія заводскихъ крестьянъ.

По мѣрѣ того, какъ члены слѣдственной коммиссіи удалялись отъ Петербурга и приближались къ Казани, движеніе въ пользу самозванца обозначалось въ болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ формахъ. На пути отъ Саратова до Пензы всѣ крестьяне, «какъ государевы, такъ и помѣщичьи», увѣряли курьера Полубояринова, что Петръ III живъ и пожаловалъ многія милости народу.

— Теперь мы освобождены отъ податей, говорили они, — будемъ вольны и ни отъ кого независимы. Теперешнее положеніе намъ несносно, ибо большіе дворяне награждаются деревнями и деньгами, а намъ нѣтъ льготы. По причинѣ войны мы несемъ большія тягости: рекрутскіе наборы и разныя подати, кои должно платить и государю, и помѣщикамъ; приходится метаться въ воду.

«О вопискихъ же командахъ», прибавлялъ Полубояриновъ [1]),

[1]) Въ своемъ показаніи. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

«слѣдующихъ для истребленія злодѣевъ, говорятъ, что-де все это напрасно: всѣ-де солдаты лишь только придутъ, то будутъ ему служить, вѣдь и имъ житье не лучше крестьянскаго».

То же или почти то же разсказывалось на всемъ пространствѣ отъ Самары до Арзамаса, и простой народъ, выражая сочувствіе къ самозванцу, готовъ былъ оказать ему содѣйствіе и желалъ полнаго успѣха.

«Отъ Арзамаса до Москвы», показывалъ яицкій казакъ Андрей Мизиновъ [1]), «хотя и есть таковые слухи, но не столь гласны. Дворцовые крестьяне говорятъ, что ихъ разоряютъ сосѣдніе помѣщики; помѣщичьи же оброчные крестьяне не столько объ этомъ говорятъ, какъ тѣ, кои ходятъ на работу (барщину), ибо жалуются, что пять дней въ недѣлю работаютъ на помѣщиковъ».

Желая избавиться отъ этой тяжкой работы, крестьяне готовы были подчиниться тому, кто обѣщалъ имъ свободу, равенство и право собственности.

— Настаетъ наше время, говорила чернь, — теперь мы возьмемъ верхъ и опасаться намъ нечего.

«Торопясь скорѣе прибыть въ Казань», доносилъ капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ [2]), «некогда намъ было всѣмъ буянамъ и продерзателямъ дѣлать примѣчанія и оныхъ, забирая, отсылать къ начальникамъ, да и невозможно, въ самомъ дѣлѣ, по причинѣ множества ихъ».

Почти все населеніе деревень, ближайшихъ къ мѣстопребыванію мятежниковъ, принимало сторону самозванца и его полковниковъ, а бо́льшая часть интеллигенціи спѣшила уѣхать въ Москву и ближайшіе къ ней города: дѣло доходило до полнаго переселенія изъ одной губерніи въ другую. По дорогѣ изъ Казани въ Москву тянулись длинныя вереницы обозовъ съ семействами дворянъ и съ ихъ имуществомъ.

— Куда вы ѣдете? Что̀ за причина столь спѣшнаго и всеобщаго выселенія? спрашивалъ Мавринъ удалявшихся.

---

[1]) Отъ 9 декабря 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 27 мая 1774 года.

— Если и вы, отвѣчали ему переселенцы, — не обязаны дѣломъ, то совѣтуемъ воротиться назадъ и въ Казань не ѣздить.

Тогдашняя Казань состояла преимущественно изъ деревянныхъ маленькихъ домиковъ; улицы города были узки и кривы, за исключеніемъ Арской, выводившей на Арское поле. Эта послѣдняя улица была шире другихъ, прямѣе и вся вымощена бревнами. На выѣздѣ къ Арскому полю стояла большая караульня - изба, гдѣ жили выбранные изъ обывателей на полугодичное время сотники и десятники (съ точеными окрашенными дубинами), на обязанности которыхъ было содержать караулъ. Въ ночное время Арская улица закладывалась деревянною рогатиной на колесѣ и однимъ концомъ прикрѣпленною къ столбу болтомъ. По всѣмъ остальнымъ улицамъ были сдѣланы для проѣзда большія ворота, по ночамъ запиравшіяся на замокъ.

Считая и эти охранительныя мѣры недостаточными, городскія власти силились возстановить и реставрировать Казанскую крѣпость или, лучше сказать, ея развалины. «Въ крѣпости и мой монастырь (Спасо-Рязанскій)», писалъ П. Любарскій [1]), «и, по моему мнѣнію, онъ будетъ безопаснѣйшею крѣпостью: въ немъ найдется для всѣхъ пріютъ и убѣжище; въ немъ могутъ сохраняться казна и спасаться жители. Крѣпость и мой монастырь, по милости Божіей (вѣроятно), не будутъ осаждаемы оренбургскимъ воромъ или оренбургскою совой; Богъ не допуститъ ихъ до разрушенія. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ у насъ было безопасно при всеобщемъ страхѣ и смущеніи, можно и у насъ во всякое время подвергнуться истязаніямъ и наспѣямъ со стороны черни».

Послѣднее обстоятельство было причиной, что Казань въ короткое время почти опустѣла, ибо не только дворяне, купцы, граждане и подъячіе, но и многіе изъ простолюдиновъ, въ ночь на 29 ноября, выбрались изъ города, «оставя неизвѣстному жребію однихъ только духовныхъ въ городскихъ развалинахъ, да владыку (преосвященнаго Веніамина) въ Воскресенскомъ монастырѣ» [2]).

---

[1]) Въ письмѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому, отъ 28 ноября 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

[2]) Письмо П. Любарскаго Н. Н. Бантышъ-Каменскому, отъ 5 декабря 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

Всеобщее бѣгство заставило казанскаго губернатора обратиться къ обывателямъ съ особымъ воззваніемъ и просить преосвященнаго Веніамина прочесть его въ церквахъ.

«По обстоятельствамъ объ извѣстной злодѣйской толпѣ, писалъ генералъ Брандтъ [1]), по городу Казани, какъ слышу, такія разносятся ложныя разглашенія, что будто партіи злодѣйской толпы приближаются уже къ Казани, отъ каковыхъ страховъ происходитъ великое въ народѣ нестроеніе».

Губернаторъ увѣрялъ населеніе что все это «дѣйствительная ложь и неправда». Онъ говорилъ, что имѣетъ оффиціальныя извѣстія отъ генерала Фреймана и оренбургскаго губернатора, причемъ первый извѣщаетъ его, что по Московской дорогѣ «партій извѣстной злодѣйской толпы нѣтъ, кромѣ разъѣзжающихъ воровскихъ шаекъ ставропольскихъ калмыковъ и уфимскихъ башкирцевъ». По словамъ Брандта, шайки эти были незначительны, не имѣли никакой связи съ самозванцемъ и слѣдовательно «не только Казани, но и никакому городу не дѣлаютъ ни малѣйшей опасности».

Что же касается толпы, стоявшей подъ Оренбургомъ, то, по увѣренію губернатора, она была вооружена только однѣми дубинами и «отнюдь не имѣетъ толикаго числа людей, какъ слухъ о ней носится». Атаки же и пораженія «ей не дѣлается въ ожиданіи подкрѣпленія въ силахъ изъ сибирскихъ предѣловъ, которыя въ скорости въ Оренбургъ ожидаются».

Послѣ литургіи, 1 декабря, жители Казани выслушали это объявленіе, но не повѣрили губернатору, потому что онъ самъ, прежде другихъ, отправилъ свое семейство въ Козьмодемьянскъ, какъ мѣсто наиболѣе безопасное. Примѣру губернатора послѣдовали прочія должностныя лица, и въ Козьмодемьянскѣ образовалась цѣлая колонія переселенцевъ. Оставшійся въ Казани простой народъ предался разгулу и пьянству, а должностныя унынію и отчаянію.

— Казань погибаетъ, твердили всѣ въ одинъ голосъ,—и нѣтъ

---

[1]) Отъ 30 ноября 1773 года. Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

ей никакого спасенія, ибо злодѣи уже въ 30 — 40 верстахъ, а нѣкоторые и ближе.

По словамъ Маврина, отчаяніе и страхъ были такъ велики, что если бы Пугачевъ прислалъ человѣкъ тридцать своихъ сообщниковъ, то легко могъ бы овладѣть городомъ. «Сказывали мнѣ въ Казани понятіе человѣческое имѣющіе люди, прибавлялъ Мавринъ, что было два дня такихъ, въ кои казалось не только пришествіе къ Казани самозванца близъ городскихъ воротъ приближалось, но и преставленіе свѣта настало. Всѣ свое имѣніе съ торопливостью забираютъ, укладываютъ на воза безъ порядка, мечутся во всѣ стороны яко бѣшеные и себя спасаютъ, не зная притомъ куда бѣгутъ и что̀ дѣлаютъ. Что̀-же, всемилостивѣйшая государыня, дѣлать тѣмъ, которымъ ни бѣжать, ни увезти нечего? Не остается ли отпирать, въ случаѣ нашествія злодѣя, ворота и встрѣчать, но не по предательскому обыкновенію злодѣя, а по необходимости, яко истиннаго въ томъ казузѣ гостя, чернь не презирающаго».

Въ первый же день своего пріѣзда въ Казань, капитанъ-поручикъ Мавринъ явился къ губернатору. Страннымъ казалось ему, что домъ былъ пустъ и въ немъ вовсе не было мебели. Зная, что генералъ Брандтъ живетъ хорошо и не «по-нѣмецки», Мавринъ рѣшился выяснить свое недоразумѣніе.

— Не было ли вашему превосходительству какой тревоги, спросилъ онъ,—что въ домѣ ничего не имѣете?

— У меня все отпущено въ Козьмодемьянскъ, отвѣчалъ простодушно Брандтъ,—и сейчасъ оттуда жена пріѣхала.

— Безъ сомнѣнія, злодѣи близко? спросилъ опять Мавринъ.

— Конечно, и въ великихъ толпахъ злодѣйствуютъ.

— Такъ отъ этого и въ городѣ никого нѣтъ?

— Отъ этого.

Мавринъ замѣтилъ, что отправивъ свое семейство въ Козьмодемьянскъ, губернаторъ показалъ дурной примѣръ жителямъ, но Брандтъ промолчалъ и не обидѣлся, быть можетъ потому, прибавлялъ Мавринъ, что слышалъ это «отъ дурака или отъ дерзкаго человѣка».

Какъ ни странно было пріѣзжимъ смотрѣть на объятыхъ на-

ническимъ страхомъ казанскихъ жителей, но, познакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, члены секретной коммиссіи принуждены были покинуть петербургскій взглядъ на оренбургскія происшествія и сознать, что правительственная власть въ краѣ парализована, что мятежъ охватилъ уже всю Оренбургскую губернію и началъ проникать въ Казанскую.

— На весь Оренбургскій край, говорилъ Платонъ Любарскій, спустился какой-то густой туманъ и не видать ни откуда просвѣта.

Къ концу ноября вся сѣверо-западная часть Оренбургской губерніи была во власти Пугачева, а южная ея часть подвергалась грабежамъ киргизъ-кайсаковъ.

Пользуясь тѣмъ, что рѣка Яикъ (Уралъ) была покрыта льдомъ, киргизы перекочевали на внутреннюю сторону, и 26 ноября Нуръ-Али-ханъ подошелъ къ Кулагинской крѣпости и объявилъ, что останется здѣсь на всю зиму. Подвластные ему киргизы хозяйничали на всемъ пространствѣ отъ Кулагинской крѣпости до Гурьевскаго редута, и подавшись къ рѣкѣ Волгѣ, появились значительными толпами близъ Чернаго Яра [1]). Они грабили и уводили въ плѣнъ жителей, отгоняли скотъ, жгли сѣно и нападали на форпосты, «такъ что изъ оныхъ казакамъ ни за сѣномъ, ни за дровами почти выпуску не даютъ» [2]). Комендантъ Яицкаго городка (нынѣ Уральска) полковникъ Симоновъ и астраханскій губернаторъ Кречетниковъ просили Нуръ-Али-хана запретить его подвластнымъ производить грабежи и увѣдомить, съ какою цѣлью онъ переправился на земли, принадлежащія казакамъ [3]). Нуръ-Али отвѣчалъ, что, опасаясь шалости подвластныхъ ему киргизъ-кайсаковъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, онъ переправился на внутреннюю сторону рѣки Яика съ тою цѣлью, чтобы не дозволить имъ грабить жившихъ на Волгѣ калмыковъ, съ которыми

[1]) Рапортъ полковника Симонова Сенату, 3 декабря 1773 года. Госуд. Арх., VI д. № 504. Рапортъ князю Вяземскому отъ главнаго смотрителя Ахтубенскихъ шелковыхъ заводовъ, Рычкова, отъ 23 декабря 1773 года. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

[2]) Рапорты Симонова Сенату 20 и 24 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

[3]) Письмо Симонова Нуръ-Али-хану 24 ноября 1773 года. Тамъ же.

киргизы имѣли непримиримую вражду. Грабежи же подъ Чернымъ Яромъ ханъ объяснялъ обстоятельствами и особымъ состояніемъ края.

— Киргизы теперь меня не слушаютъ, говорилъ Нуръ-Али посланному Кречетникова,—а причиною того злодѣй, именующій себя императоромъ Петромъ III. Онъ присылалъ ко мнѣ посланнаго съ письмомъ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ и былъ въ его послушаніи, и за то обѣщалъ по взятіи Оренбурга сдѣлать меня начальникомъ какъ въ Оренбургѣ, такъ и во всѣхъ городахъ до самой Астрахани. Я отвѣчалъ, что данной присяги не перемѣню и къ нему не поѣду.

Тогда, по словамъ хана, Пугачевъ обратился къ киргизамъ съ особымъ воззваніемъ, и требуя, чтобъ они признали его законнымъ государемъ, предоставилъ имъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Киргизы воспользовались этимъ, разбойничали на пространствѣ отъ Дубовской до Балыклейской и Караванной станицъ и грабили селенія волжскихъ казаковъ. Царицынскій комендантъ, полковникъ Циплетевъ, приказалъ волжскимъ казакамъ разставить повсюду форпосты, производить ежедневные разъѣзды и имѣть сверхъ того въ Дубовкѣ триста человѣкъ казаковъ, всегда готовыхъ по первому требованію отразить нападеніе хищниковъ. «За Волгой же, писалъ Циплетевъ казакамъ [1]), въ зимовьяхъ и ни въ какихъ мѣстахъ ни скота, ни зимующихъ людей отнюдь не было бы, а всѣ бы убирались въ свои жилища».

Распоряженіе это не было исполнено, и когда старшина Терскій прискакалъ въ Дубовку съ извѣстіемъ, что киргизы напали на форпостъ, стоящій за рѣкою Волгой, то по сдѣланной тревогѣ могли собрать только шесть казаковъ. Въ тотъ же день съ Водянскихъ хуторовъ, находившихся въ 25 верстахъ отъ Дубовки, пріѣхалъ казакъ Кротковъ съ объявленіемъ, что и на нихъ напали киргизы, которые отгоняютъ скотъ и берутъ въ плѣнъ жителей. Струсившій войсковой атаманъ приказалъ, чтобы ни одинъ казакъ не выходилъ изъ Дубовки и самъ сталъ прятать свои по-

[1]) Рапортъ Циплетева военной коллегіи 14 января 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

житки. Поступокъ атамана навелъ такой страхъ на казаковъ, что всѣ жители Дубовки стали прятать свое имущество и потомъ дня черезъ три насилу могли его разобрать.

Киргизы въ этотъ день разграбили Водянскіе, Широковскіе и Стрѣлинскіе хутора, многія зимовья, форпосты, и захвативъ сто сорокъ девять человѣкъ въ плѣнъ и множество скота, спокойно удалились въ степь. Только на третій день казаки опомнились и послали погоню, но безуспѣшно, такъ какъ киргизы были верстъ за двѣсти. Атаманъ донесъ, будто бы онъ преслѣдовалъ киргизовъ на протяженіи шестидесяти верстъ, но, писалъ онъ, киргизы «какъ птицы улетѣли, а ихъ (казаковъ) лошади ослабѣли».

Слабость волжскихъ казаковъ, писалъ Петръ Кречетниковъ [1]), «столь велика, что они насилу достойны казаками назваться. Киргизы сами были на изнуренныхъ лошадяхъ и едва таскались; они же почти безоружны, и ихъ бы легко было не только разбить, но и совсѣмъ забрать, если бы сіи проклятые казаки не принимались за святошное пьянство, а были бы въ осторожности, какъ имъ приказано было.

«Вѣрьте, милостивый государь, что сіе мнѣ столь чувствительно, что я описать не могу сколь чувствую нерадивость людей и гнусную ихъ трусость. Я бы душою радъ былъ, если бы мнѣ можно было вездѣ самому поспѣть, но того сдѣлать нельзя, а кому ни приказывай, то всѣ или медленно, или совсѣмъ не дѣлаютъ».

Такое бездѣйствіе, конечно, служило въ пользу Пугачева, дѣла котораго въ это время шли вполнѣ успѣшно.

Съ занятіемъ мятежниками Бузулукской крѣпости не было уже препятствій къ дальнѣйшему распространенію бунта, и Пугачевъ призналъ нужнымъ обратиться къ населенію съ новымъ манифестомъ, который и поручилъ написать секретарямъ Ивану Почиталину и Максиму Горшкову. Полуграмотные секретари долго трудились надъ составленіемъ воззванія, выбирая отборныя слова изъ попавшейся имъ переплетенной книги, состоявшей *изъ раз-*

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю А. А. Вяземскому, отъ 18 января 1774 года.

ныхъ печатныхъ и письменныхъ публичныхъ указовъ. Но какъ они и по выборкѣ лучшихъ мѣстъ «не умѣли порядочно рѣчей сплести», то и трудились надъ составленіемъ манифеста болѣе недѣли. Въ это время подано было въ пугачевскую коллегію заводскимъ крестьяниномъ Иваномъ Петровымъ прошеніе на ограбившаго его башкирца. Прошеніе это показалось секретарямъ «такъ разумно написаннымъ», что они тотчасъ же призвали къ себѣ Петрова и показали ему составленный манифестъ.

— Нѣтъ, господа, не такъ у васъ написано, замѣтилъ Петровъ, и сталъ исправлять по-своему.

Исправленный манифестъ былъ переписанъ Горшковымъ набѣло и одобренъ Пугачевымъ [1]). Онъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Божіею милостію, мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., проч., проч.

«Объявляется во всенародное извѣстіе:

«Не безъизвѣстно есть каждому вѣрноподданному рабу, какимъ образомъ мы не отъ доброжелателей, а зависцовъ общаго покоя всероссійскаго и по всѣмъ правамъ принадлежащаго престола лишены были, а нынѣ Всемогущій Господь неизреченными своими праведными судьбами, моленіемъ и усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ паки возвести насъ соизволилъ и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а зависцовъ общему покою и благотишіны подъ ноги наши повергаетъ. Только и нынѣ нѣкоторые, ослѣпясь невѣдѣніемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходятъ въ чувство и высокой власти нашей чинятъ противленіе и непокореніе и тщатся процвѣтшеся имя наше такимъ же образомъ, какъ и прежде угасить, а нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ, истинныхъ сыновъ отечества, аки младенцевъ осиротить. Однако, мы, по природному нашему

---

[1]) Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Показаніе Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 506. Манифестъ этотъ былъ признанъ сообщниками самозванца написаннымъ столь удачно, что впослѣдствіи, когда нужно было издать манифестъ, то его переписывали, проставляли мѣсяцъ, число и разсылали. Такъ подъ этимъ манифестомъ были подписаны числа: 2, 7, 13, 17 и 18 декабря 1773 года, 14 апрѣля и 23 іюня 1774 года.

къ вѣрноподданнымъ отеческому непзреченному великодушію, буде кто и нынѣ, возникнувъ отъ мрака невѣдѣнія и пришедъ въ чувство, власти нашей усердно покорится и во всеподданническія должности быть повинится, всемилостивѣйше прощаемъ, сверхъ того, всякою вольностію отечески васъ жалуемъ. А буде же кто и за симъ въ такомъ ожесточеніи и суровости останется и данной намъ отъ Создателя высокой власти не покорится, то уже неминуемо навлечетъ на себя праведный нашъ и непзбѣжный гнѣвъ. Чего ради отъ насъ для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія симъ и публикуется. Декабря 2 дня 1773 года [1]).

Pitr (Петръ)».

Манифестъ этотъ былъ разосланъ по всѣмъ направленіямъ и врученъ атаману Арапову, получившему приказаніе самозванца двинуться къ Самарѣ и утвердиться на самарской линіи. Собравъ себѣ толпу въ Бузулукѣ, Араповъ выступилъ 22 декабря изъ города, зашелъ по дорогѣ въ крѣпости Елшанскую, Борскую, Красно-Самарскую и Мочинскую татарскую слободу. Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ Араповъ приглашалъ желающихъ служить государю и перепменовывалъ ихъ въ казаки. Охотниковъ было много, и комплектованіе шаекъ производилось изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. Такъ, когда Араповъ находился еще въ Бузулукѣ, къ нему явились до тысячи крестьянъ, принадлежавшихъ графамъ Орловымъ, изъ волостей, селъ и деревень, находившихся близъ Сызрани. Возстаніе охватило весь Ставропольскій уѣздъ, гдѣ калмыки грабили помѣщичьи села, и одна изъ партій появилась въ 12 верстахъ отъ города.

Ставрополь защищали 249 человѣкъ, изъ коихъ 59 были вооружены ружьями, а остальные одними копьями, тогда какъ въ уѣздѣ считалось до пяти тысячъ калмыковъ, не говоря объ остальномъ населеніи, приготовлявшемъ копья и вооружавшемся [2]).

---

[1]) Это единственный манифестъ, подъ которымъ намъ пришлось видѣть иноязычную подпись. См. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. III. Манифестъ этотъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1875 г., т. XIII, 273, по съ измѣненіями.

[2]) Рапорты Фегезака военной коллегіи, отъ 15 декабря 1773 года и 13 января 1774 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. II, листъ 254. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

Съ появленіемъ шаекъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ, городъ Самара и его уѣздъ оказались отрѣзанными отъ Казани, и 23 декабря Араповъ безпрепятственно занялъ пригородъ Алексѣевскъ, Онъ благодарилъ населеніе за то, что оно не оказало сопротивленія и встрѣтило его съ почетомъ.

— Вы, обыватели, говорилъ самозванный атаманъ, — хорошо сдѣлали, что безъ сопротивленія покорились государю. Надобно бы было послать сказать въ Самару, чтобъ и тамъ не противились.

Подвернувшійся писарь Алексѣй Горбуновъ совѣтовалъ послать туда посадскаго Короткаго.

— Прикажите, сударь, говорилъ Горбуновъ Арапову,—послать вотъ этого дѣтину, онъ вамъ все исправитъ.

Передавъ Короткому манифестъ самозванца, Араповъ приказалъ ему говорить всѣмъ, что у него множество войска и 50 пушекъ, и что сзади идутъ на подкрѣпленіе еще 200 человѣкъ. По прибытіи въ Самару Короткій былъ призванъ комендантомъ, капитаномъ Балахонцевымъ, который разспрашивалъ у пріѣхавшаго сколько у Арапова людей, пушекъ, и узнавъ, что силы эти весьма значительны, рѣшился оставить городъ. Взявъ 36 человѣкъ нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ, капитанъ Балахонцевъ въ слѣдующую же ночь ушелъ изъ Самары въ Сызрань. За нимъ ушелъ и поручикъ нижегородскаго баталіона Кутузовъ съ командой въ 25 человѣкъ, присланною для пріема рекрутъ. Хотя за уходомъ ихъ въ Самарѣ все-таки осталось 40 солдатъ и болѣе 300 поселенныхъ, но они согласились съ жителями не оказывать никакого сопротивленія мятежникамъ.

Декабря 25 Араповъ подошелъ къ Самарѣ и былъ встрѣченъ населеніемъ съ крестомъ и образами. Онъ проѣхалъ прямо къ церкви, приказалъ отслужить молебенъ, по окончаніи котораго, въ знакъ побѣды, было произведено нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ.

«При ономъ городѣ Самарѣ, доносилъ Араповъ своей коллегіи, взято мною артиллеріи пушекъ 6; пороху и денежной казны ничего не отыскалось, ибо оную казну и порохъ злодѣй капитанъ Балахонцевъ увезъ съ собою».

Помѣстясь въ домѣ маіора Племянникова, Арапов принималъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему на поклонъ.

— Батюшкѣ нашему будетъ очень мило, говорилъ онъ,—что вы покорились безъ сопротивленія; онъ, конечно, не забудетъ этотъ городъ и сдѣлаетъ его губерніей.

— Дай-то Господи, чтобъ это такъ было, отвѣчали жители Самары.

Арапов приказалъ выкатить бочки водки, и перепившійся народъ кричалъ: «Здравствуй нашъ батюшко, Петръ Ѳедоровичъ» [1]). Окрестныя къ городу селенія тотчасъ же присоединились къ мятежникамъ и присягнули на вѣрность императору Петру III. Арапов разослалъ въ разныя стороны своихъ агентовъ съ манифестами самозванца и съ приказаніемъ, чтобы жители готовили продовольствіе и доставляли его въ Бузулукъ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ изъ Берды въ Самару есаулъ Чулошниковъ съ указомъ пугачевской коллегіи и порученіемъ набрать ополченіе для арміи «государя».

«Здѣшней арміи, писала коллегія [2]), есаулу Чулошникову опредѣляется: какъ по Самарской дистанціи, такъ и въ прочихъ селахъ и деревняхъ, набравъ сколько отыщется ревнителевъ къ службѣ его императорскаго величества и соединясь съ атаманомъ Арановымъ и прочими при командахъ командирами, сикурспровать противъ противническихъ партій въ защищеніи вѣрноподданныхъ жительствъ.

«Причемъ же рекомендуется вамъ, ежели гдѣ найдется походная легкая къ оборонѣ отъ злодѣевъ артиллерія съ матеріалы и ихъ припасы, то взявъ съ собою учинить по сему его императорскаго величества указу непремѣнное исполненіе».

Посланные разъѣзжали по селеніямъ и собирали въ ополченіе по одному человѣку съ пяти душъ. Съ набранными такимъ обра-

---

[1]) Показаніе сержанта Ивана Звѣрева 31 октября 1774 года. Показаніе священника Андрея Иванова 13 января 1774 года. Рапортъ Арапова пугачевской коллегіи, отъ 27 декабря. Госуд. Арх., VI, д. №№ 437, 438 и 512. Въ статьѣ *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину*, о капитанѣ Балахонцевѣ встрѣчается противорѣчивое изложеніе. Сравн. «*Русскій Вѣстникъ*» 1872 года, № 6, стр. 494, и № 7, стр. 20.

[2]) Въ указѣ отъ 21 декабря 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 420.

зомъ шайками эмиссары Арапова и Чулошникова грабили помѣщичьи имѣнія, умерщвляли неуспѣвшихъ скрыться владѣльцевъ, забирали хлѣбъ и скотъ, а у крестьянъ брали печеный хлѣбъ кафтаны и шубы.

Сосредоточившись болѣе или менѣе значительными толпами и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, мятежники захватили въ свои руки значительное пространство, и впослѣдствіи вошли въ связь съ башкирцами, опустошавшими сѣверо-западную часть Оренбургской губерніи. Толпы мятежниковъ бродили у Бугуруслана и въ окрестностяхъ Бугульмы, гдѣ стоялъ отрядъ Фреймана, совершенно изолированный и, какъ увидимъ, для нихъ безопасный. Въ крѣпости Бакалахъ, находившейся всего въ 30 верстахъ отъ Бугульмы, казаки посадили на цѣпь своего атамана и намѣрены были отвезти его къ Пугачеву; то же самое хотѣли сдѣлать и жители Нагайбака со своимъ воеводой, капитаномъ Рушинскимъ, за желаніе его оказать помощь Уфѣ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, генералъ-маіоръ Фрейманъ въ Нагайбакскую крѣпость отправилъ небольшую пѣхотную команду и для прикрытія ея въ пути назначилъ секундъ-маіора Тевкелева съ 400 башкирцевъ. При возвращеніи изъ Нагайбака Тевкелеву приказано было расположиться въ 23 верстахъ отъ Бугульмы, или въ селеніи Крымъ-Сараѣ, или въ деревнѣ Акбашевой, гдѣ удобнѣе, съ тѣмъ чтобы помочь въ случаѣ нужды той командѣ, которая была оставлена въ Нагайбакѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть отрядъ самого Фреймана со стороны города Уфы. Тевкелевъ 5 декабря остановился въ деревнѣ Акбашевой, а въ полдень 6 числа на него напала толпа башкирцевъ въ 600 человѣкъ, склонила на свою сторону весь его отрядъ, сожгла деревню, а Тевкелева, избитаго и израненаго, захватила въ плѣнъ.

Лишившись такимъ образомъ послѣдней кавалеріи, Фрейманъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Въ селеніи Акташѣ, въ 12 верстахъ отъ Кичуя и по бугурусланской дорогѣ стояли толпы мятежниковъ; прямыя дороги изъ Кунгура и Заинска въ Казань были ими отрѣзаны. Заинскъ [1]) занятъ стар-

[1]) Нынѣ пригородъ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

шиной Нагайбакомъ съ толпой башкирцевъ. При содѣйствіи подпрапорщика Буткевича, старшина Нагайбакъ склонилъ жителей Заинска не оказывать сопротивленія, и начальникъ инвалидныхъ солдатъ, капитанъ Мертвецовъ, приказалъ священнику Андрееву прочесть предъ народомъ указъ самозванца. Жители встрѣтили Нагайбака съ хлѣбомъ и солью, а дьячки звонили въ колокола. Священникъ Прокофій Андреевъ отслужилъ молебенъ за здравіе императора, за что̀ получилъ 1 рубль и въ церковную сумму столько же. Послѣ молебна было произведено нѣсколько выстрѣловъ, и Нагайбакъ отправился въ домъ капитана Мертвецова, который ввелъ его въ горницу, посадилъ за столъ и угощалъ. Жившіе въ Заинскѣ маіоръ Лопатинъ и капитанъ Савиничъ пришли къ Нагайбаку съ хлѣбомъ и солью и вмѣстѣ съ присутствующими пили за здоровье самозванца, называя его императоромъ [1]).

Утвердившись въ Заинскѣ, мятежники расширили и здѣсь раіонъ своихъ дѣйствій и появились въ селеніяхъ, лежащихъ въ окрестностяхъ Бирска, и даже крестьяне Закамской Челнинской волости, близъ Елабуги, отправляли большими обозами хлѣбъ на продовольствіе толпы, стоявшей у Мензелинска.

Окружая со всѣхъ сторонъ отрядъ Фреймана и грозя зайти ему въ тылъ, шайки бунтовщиковъ были хотя и незначительны числомъ и на половину безъ оружія, но опасны потому, что, по словамъ Фреймана, «крестьяне не токмо имъ не противятся, но еще сами помогаютъ грабить помѣщичьи дворы и разносятъ слухи, что вся злодѣйская Пугачева толпа намѣрена идти на Казань, отъ чего такъ вся здѣшняя окрестность трепещетъ, что никакого отъ жителей оной извѣстія о скитаньяхъ злодѣйскихъ получить не можно».

«И хотя, доносилъ Фрейманъ [2]), для поиску сихъ злодѣйскихъ

---

[1]) Показанія подпрапорщика Буткевича, капитана Мертвецова и священника Прокофія Андреева. Госуд. Арх. VI, д. № 434. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 94, св. 17, д. № 15. За эти преступленія, по приговору военной коллегіи, маіоръ Лопатинъ и капитанъ Мертвецовъ, по лишеніи чиновъ и правъ состоянія, были сосланы въ каторжную работу въ Азовъ, а капитанъ Савиничъ умеръ ранѣе приговора.

[2]) Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 7 декабря 1773 года. Архивъ Главн. Штаба въ С.-Петербургѣ, кн. II, листъ 16.

шаскъ въ разныя мѣста командирую команды, но какъ оныя состоятъ по большей части изъ пѣхоты, то и остаются безъ успѣха, ибо разбойники всегда на перемѣнныхъ коняхъ и безпрепятственно ѣздятъ вездѣ по волп, въ чемъ снѣгъ по мелкости своей ни мало имъ не мѣшаетъ». Фрейманъ опасался, что мятежники отрѣжутъ его сообщеніе съ Казанью и поставятъ его въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ отрядѣ сталъ замѣчаться ропотъ среди нижнихъ чиновъ, «*что безъ помощи оставлены въ столь отдаленномъ и открытомъ мѣстѣ*».

Прося о присылкѣ надежной кавалеріи, Фрейманъ находилъ, что безъ нея наступательныя дѣйствія совершенно безполезны. Онъ отказался двинуться впередъ и тогда, когда получилъ отъ уфимскаго коменданта, полковника Мясоѣдова, просьбу оказать ему помощь въ разогнаніи толпы башкирцевъ, обложившихъ городъ Уфу.

Имѣя въ своемъ распоряженіи, вмѣстѣ съ вооруженными обывателями, до 1,650 человѣкъ гарнизона, Мясоѣдовъ хотя и не опасался за участь города, но съ пѣшимъ ополченіемъ и безъ обоза, будучи, такъ сказать, прикованъ къ одному мѣсту, не могъ разогнать конпаго непріятеля, грабившаго окрестности и проникшаго на Пермскіе горные заводы и въ Исетскую провинцію.

Исетская провинціальная канцелярія старалась убѣдить подвѣдомственное ей населеніе, что принявшій на себя имя императора Петра III, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, есть воръ и обманщикъ. Приводя жителямъ на память публикованный въ 1762 году манифестъ императрицы, канцелярія присовокупляла, что не менѣе ста тысячъ человѣкъ «своими глазами видѣли, что онъ, блаженной памяти государь императоръ Петръ Ѳедоровичъ, въ началѣ іюля мѣсяца помянутаго года, отъ приключившихся ему болѣзненныхъ припадковъ отъиде отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, при множествѣ помянутыхъ зрителей, въ томъ числѣ и здѣшнихъ Исецкой провинціи присутствующихъ, коимъ въ то время случилось быть въ С.-Петербургѣ, при должностяхъ своихъ. Слѣдовательно сіе и не можетъ быть сверхъ натуры, чтобы до конечнаго и праведнаго суда Божія и воскресенія мертвыхъ могъ кто-либо черезъ 11 лѣтъ изъ

мертвыхъ воскреснуть, а потому означенный воръ и разбойникъ казакъ Пугачевъ подлинно ложный и самозванецъ» [1]).

Пермское горное начальство сдѣлало то же самое, и согласно предложенію генерала фонъ-Брандта, объявило, что тотъ, кто приведетъ Пугачева въ Казань, получитъ тысячу рублей [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено: 1) собрать съ партикулярныхъ заводовъ и приписныхъ крестьянъ по нѣскольку человѣкъ хорошо вооруженныхъ; 2) учредить пикеты и усилить полицію. Работы на большой части заводовъ были прекращены, а управители и приказнослужители употреблены для наблюденія за караульными. Для распоряженій по защитѣ заводовъ отъ мятежниковъ былъ опредѣленъ членъ канцеляріи главнаго заводовъ правленія Михаилъ Ивановичъ Башмаковъ.

Имѣя въ виду, что Юговскій казенный мѣди-плавильный заводъ [3]) былъ обнесенъ кругомъ палисадомъ, рогатками и въ немъ устроена крѣпость, Башмаковъ рѣшился на этомъ заводѣ защищаться отъ мятежниковъ. Онъ приказалъ свозить сюда съ другихъ заводовъ пушки, порохъ, снаряды и прислать заводскихъ вооруженныхъ людей. Въ половинѣ декабря Башмаковъ закрылъ Аннинскій (Бабкинскій) заводъ [4]) и приказалъ всѣхъ рабочихъ съ оружіемъ перевести на Юговскій заводъ. Распоряженіе это встрѣтило сопротивленіе, и большинство заводскаго населенія не только отказалось идти на Юговскій заводъ, но и не пускало тѣхъ, которые изъявили на то свое согласіе.

— Если бы подлинно онъ былъ не государь, говорили рабочіе про Пугачева,—а бѣглый казакъ, то, конечно, изъ Москвы и Петербурга давно бы присланы были ея величества войска. Но когда прошло три мѣсяца и ихъ не прислано, то и признается, что онъ подлинный государь Петръ III императоръ, которому мы прежде присягали и нынѣ принять желаемъ.

Между тѣмъ, 18 декабря, на рѣкѣ Тульѣ, впадающей въ Каму

---

[1]) Объявленіе Исетской провинціальной канцеляріи 3 декабря 1773.

[2]) *Пермскія «Губернскія Вѣдомости»*, 1864 года, № 22.

[3]) Построенный на рѣкѣ Югѣ, въ 57 верстахъ отъ города Кунгура.

[4]) Аннинскій или Бабкинскій заводъ построенъ на рѣкѣ Бабкѣ, впадающей въ Сылву.

*

при городѣ Осѣ и въ селеніяхъ, лежавшихъ не далѣе 100 верстъ отъ Юговскаго завода, появились значительныя шайки мятежниковъ. Онѣ разорили Шермяитскій заводъ Яковлева, и склонивъ на свою сторону почти всю Осинскую волость, дворцовыхъ крестьянъ и пахатныхъ солдатъ, стали угрожать городу Кунгуру, Юговскому и Аннинскому заводамъ. Тогда Башмаковъ вторично отправилъ на послѣдній заводъ унтеръ-шихтмейстера Бахмана поторопить рабочихъ переселеніемъ на Юговскій заводъ. На требованіе Бахмана, чтобы хозяева собрались въ заводскую контору, никто не явился, а жены говорили, что не знаютъ куда уѣхали ихъ мужья. Бахманъ повторилъ свое требованіе, и тогда пришло въ контору человѣкъ съ десять.

— Мы желаемъ, говорили они,—быть вѣрноподданными императрицы, а только изъ своихъ домовъ не поѣдемъ, по той причинѣ, что наши семейства и дома будутъ разорены.

Бахманъ пытался убѣдить, что исполнить приказаніе необходимо, но всѣ его попытки оказались тщетными.

— Если ты здѣсь заживешься, сказалъ ему шепотомъ рабочій Василій Чупровъ,—то мы намѣрены связать тебѣ руки и ноги и отвезти въ партію.

Бахманъ поторопился уѣхать, а рабочіе какъ этого завода, такъ и прочихъ, видя свое безпомощное состояніе, приняли сторону мятежниковъ; но справедливость требуетъ сказать, что на многихъ заводахъ рабочіе старались сохранить порядокъ и удержать буйныя головы отъ своеволій. Въ письменномъ постановленіи 30 декабря 1773 года [1]), жители нѣсколькихъ селеній, приписанныхъ къ Юговскому заводу, «со всего мірскаго и общаго согласія», выбрали въ сотники Гаврилу Ситникова, а въ старосты Клементія Звѣрева и уполномочили ихъ быть ходатаями по всѣмъ мірскимъ дѣламъ и оберегателями общественнаго спокойствія. Рабочіе поручили Ситникову и Звѣреву «случившіяся между заводскими жителями всякія ссоры и непорядочество умирять и кто явится виновнымъ въ какомъ случаѣ, то таковыхъ, смотря по винѣ, штрафовать, а потомъ наказывать батожьемъ, *дабы отъ не-*

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. № 416.

имѣнія надъ собою страху, не могли бо́льшихъ причинъ и своевольствъ чинить».

Это постановленіе не помѣшало Ситникову въ тотъ же день снарядить нѣсколько человѣкъ «въ казачье войско» и передать ихъ предводителю явившейся башкирской толпы Батыркаю Иткину [1]). Отказать въ подобномъ требованіи населеніе считало невозможнымъ, изъ опасенія за свои семейства и имущество. Башкирцы уничтожали до тла все русское: грабили церкви и дома, умерщвляли духовенство, уводили плѣнныхъ, жгли хлѣбъ и отгоняли скотъ. Заводское населеніе искало защиты въ Бердѣ, и пугачевская коллегія, опасаясь, что поступки башкирцевъ могутъ возстановить противъ мятежниковъ простой народъ, старалась ввести нѣкоторый порядокъ въ краѣ, «повинившемся императору Петру III.» Съ этою цѣлью въ Бердѣ выдавались сначала охранные листы всѣмъ тѣмъ селеніямъ, которыя присоединились къ самозванцу, а затѣмъ всѣ заводы и селенія, находившіеся въ окрестностяхъ Уфы и вся Башкирія были поручены управленію Зарубина (Чики), наименованнаго въ Бердѣ *графомъ Чернышевымъ.*

XI.

Прибытіе Зарубина (Чики) къ городу Уфѣ, его дѣятельность, наставленіе и инструкціи.—Занятіе Красноуфимска башкирцами.—Появленіе ихъ у города Кунгура.—Дѣятельность жителей по оборонѣ города.—Прибытіе въ Кунгуръ секундъ-маіора А. В. Попова съ отрядомъ и его энергическая дѣятельность.—Инструкція, составленная для жителей.—Пораженіе башкирцевъ на рѣкѣ Ирени и въ деревнѣ Кишертѣ.—Воззваніе Ивана Кузнецова къ жителямъ Кунгура.—Происшествіе въ Челябинскѣ.—Возмущеніе городскихъ казаковъ.—Воззваніе атамана Грязнова къ жителямъ Челябинска.

Получивъ приказаніе принять начальство надъ войсками подъ Уфой, Зарубинъ (Чика) взялъ себѣ въ помощники Илью Ульянова, 30 человѣкъ рабочихъ Воскресенскаго Твердышева завода и отправился съ ними по назначенію. Встрѣчая повсюду сочувствіе, онъ успѣлъ собрать по дорогѣ толпу въ 500 человѣкъ, и въ на-

[1]) Подписка, данная Ситниковымъ Батыркаю Иткину 30 декабря 1773 года, Госуд. Арх., VI, д. № 416.

чалѣ декабря прибылъ въ селеніе Чеспоковку. Помѣстясь въ домѣ священника Андрея Иванова, Зарубинъ тотчасъ же разослалъ манифестъ самозванца, приказалъ его читать въ церквахъ, приводить населеніе къ присягѣ на вѣрность императору Петру III, и требовалъ, чтобы жители собирались въ походъ съ каждаго двора по одному человѣку съ оружіемъ и безъ всякихъ отговорокъ. При этомъ онъ выдумалъ, будто «надлежитъ явившееся по казанской дорогѣ, изъ уфимской стороны, войско съ двумя пушками истребить».

Населеніе быстро вооружалось, и въ короткое время самозванный *графъ Чернышевъ* располагалъ уже силами до 4,000 человѣкъ [1]). Спустя нѣсколько дней силы эти почти утроились вслѣдствіе перехода на сторону самозванца рабочихъ со многихъ заводовъ, прослышавшихъ, что въ Бердѣ выдаются охранные листы, обезпечивающіе населеніе отъ грабежей башкирцевъ.

Узнавъ объ этомъ, рабочіе Саткинскаго завода тотчасъ отправили депутатовъ въ Берду за охраннымъ листомъ, и писали, что хотя они приготовились къ оборонѣ, но не «противъ его величества, а отъ пабѣгу озорническихъ и башкирцевъ воровскихъ партій, которыя изъ заводскихъ жителей, выѣзжавшихъ за сѣномъ, уже много покололи безвинно, лошадей отогнали, и теперь за сѣномъ и прочими потребностями выѣхать съ завода не даютъ свободности» [2]).

Депутаты были встрѣчены на дорогѣ пугачевскою партіей въ 25 человѣкъ подъ начальствомъ Ивана Кузнецова, который вмѣстѣ съ ними отправился на Саткинскій заводъ, обѣщалъ населенію покровительство лже-императора, но ограбилъ домъ заводчика Лугинина, взялъ 10,000 рублей денегъ, 12 пушекъ, 250 ружей и 5 пудовъ пороха. Отсюда онъ прошелъ на Златоустовскій и Катавъ-Ивановскій заводы, былъ встрѣченъ крестьянами съ полною покорностью, взялъ 40 пушекъ и 90 пудовъ пороху.

---

[1]) Показаніе Зарубина (Чики). Показаніе священника Андрея Иванова 22 іюня 1775 года. Показаніе Ильи Ульянова въ августѣ 1774, Государственный Архивъ, VI, дѣла за №№ 416, 465 и 506.

[2]) Прошеніе Саткинскаго завода отъ 6 декабря 1773 года, подписанное священниками и крестьянами. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней на сторону самозванца перешло болѣе 8,000 человѣкъ заводскихъ крестьянъ. Заботясь о томъ, чтобы не только ихъ удержать за собою, но и склонить на свою сторону остальное заводское населеніе, пугачевская военная коллегія предписала своему «графу Чернышеву» принять строгія мѣры къ прекращенію грабежей башкирцевъ и къ возвращенію награбленнаго хозяевамъ. «Да и впредь, писала коллегія [1]), если такіе злодѣи, хотя изъ малаго чего окажутся, то, не пріемля отъ нихъ никакихъ отговорокъ и не возя сюда (въ Берду), чинить смертную казнь, дабы впредь того чинить другіе не отважились».

Зарубинъ (Чернышевъ) широко воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и впослѣдствіи распоряжался самостоятельно, мало обращая вниманія на военную коллегію и на то, что происходило подъ Бердой.

Поселясь въ Чесноковкѣ, онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ Башкиріи и прилегающихъ къ ней провинцій, словомъ, хозяиномъ всего за-Камскаго края. Это былъ второй Пугачевъ, но болѣе умный, самостоятельный и энергичный. Въ Чесноковкѣ происходило безпрерывное пьянство, разгулъ и развратъ. Вино, деньги, хорошенькія молодыя женщины и дѣвушки привозились изъ окрестностей для удовлетворенія сладострастія самозваннаго графа и его приближенныхъ. Около дома Зарубина были поставлены двѣ висѣлицы, а подъ наметомъ изъ соломы хранились боевые заряды и орудія, доставленныя мятежниками изъ разныхъ городовъ и укрѣпленій; тутъ же въ сараѣ хранились и награбленныя вещи. Сначала Зарубинъ отправлялъ въ Берду каждые два дня донесенія съ конными башкирцами и отвѣты коллегіи приказывалъ читать публично на улицахъ. Съ теченіемъ времени донесенія эти посылались все рѣже и рѣже, Зарубинъ сталъ дѣйствовать болѣе самостоятельно и изъ Чесноковки сдѣлалъ вторую Берду: окружилъ себя свитой, назначалъ атамановъ и полковниковъ, дѣйствовавшихъ по его указаніямъ, производилъ въ чины, писалъ наставленія и

[1]) Въ указѣ Чернышеву (Зарубину) отъ 20 декабря 1773 года. Государственный Архивъ, VI, дѣла №№ 420 и 512.

инструкціи, принималъ просителей, творилъ судъ и расправу. Постановивъ правиломъ, чтобы въ каждомъ селеніи или заводѣ былъ выбранъ атаманъ или староста, Зарубинъ объявилъ ихъ отвѣтственными предъ собою, обязалъ смотрѣть за порядкомъ, содержать пикеты и заставы въ селеніяхъ и на главнѣйшихъ дорогахъ. Они должны были останавливать проѣзжавшихъ и всѣхъ подозрительныхъ отправлять въ Чесноковку [1]).

«Надлежитъ вамъ, писалъ Зарубинъ выбраннымъ отъ Рождественскаго завода атаману Волкову и есаулу Завьялову [2]), свою команду содержать въ добромъ порядкѣ и ни до какихъ своевольствъ и грабительствъ не допускать, а ежели кто окажется его императорскому величеству противникомъ, а вамъ ослушникомъ, таковыхъ по произволенію вашему наказывать на тѣлѣ, смотря по винѣ. Напротиву того и вамъ самихъ себя къ худому состоянію не подвергать и во всегдашнемъ времени его величества манифесты и указы должны чувствовать и непремѣнное исполненіе чинить, за что вы можете получить особливую себѣ похвалу. Командѣ своей никакихъ обидъ, налоговъ и разореній не чинить и ко взяткамъ не касаться, опасаясь за вашъ проступокъ неизбѣжной смертной казни. Притомъ стараніе прилагайте, по насылаемымъ отъ меня къ вамъ ордерамъ и прочимъ повелительнымъ отъ меня письмамъ исполненіе чинить въ немедленномъ времени, и гдѣ что видѣть можете интересу казенному какую трату, о томъ немедленно меня рапортуйте. Также, гдѣ окажутся его величеству злодѣйскія партіи, таковыхъ всемѣрно стараться съ командой своей ко всеконечному истребленію приводить и вѣрноподданныхъ сыновъ отечеству защищать. Когда потребую изъ команды вашей въ службу его величества, то по тому требованію хорошихъ и доброконныхъ и вооруженныхъ ребятъ въ немедленномъ времени отправлять ко мнѣ. А въ службу набирать надлежитъ таковыхъ, чтобы не были старѣе 50 и малолѣтнѣе 18 лѣтъ».

Приказывая производить наборы равномѣрно между жителями, Зарубинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы женамъ и вообще семей-

[1]) Повелѣніе Зарубина села Ильинскаго казаку Андрею Носкову 10 января 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 422.

[2]) Государств. Арх., VI, дѣло № 422.

ствамъ выступившихъ въ походъ былъ отпускаемъ провіантъ изъ казенныхъ или общественныхъ магазиновъ. Послѣднее приказано было атаманамъ и старостамъ принять въ свое вѣдѣніе, но порохъ, оружіе, снаряды и въ особенности деньги отправлять въ Чесноковку [1]). Населеніе повиновалось безпрекословно, и скоро въ рукахъ Зарубина очутились весьма значительныя суммы, которыми онъ распоряжался безотчетно, жилъ широко и весело. «У онаго Чернышева, показывалъ священникъ Данило Ивановъ [2]), пробылъ я четыре дня и одинъ разъ обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ. Столъ содержитъ изобильный, потому что великое множество приходитъ къ нему жителей на поклонъ и всякій приноситъ какой-нибудь подарокъ: кто гуся, а кто поросенка; да и вина видѣлъ я у него бочекъ съ 200, и всѣ пьянствуютъ, но самъ Чернышевъ простаго вина не пьетъ, а пьетъ водку».

Въ числѣ приходившихъ на поклонъ былъ и воевода пригорода Осы, поручикъ Ф. Д. Пироговскій, привезшій въ Чесноковку мѣдную пушку, 10 пудовъ пороху и два воза мѣдныхъ денегъ. Зарубинъ принялъ подарки и въ благодарность приказалъ остричь Пироговскому волосы по-казачьи.

— Будь ты отнынѣ казакъ, сказалъ онъ,—а не воевода; полно тебѣ мірскую кровь-то сосать.

Пироговскаго приказано было поставить на квартиру съ простыми казаками, но потомъ Зарубинъ отпустилъ его въ Осу къ семейству и выдалъ билетъ для свободнаго проживанія [3]).

Поступая такимъ образомъ съ представителями правительственной власти, Зарубинъ (Чика) щадилъ духовенство, надѣясь имѣть чрезъ него вліяніе на населеніе. Призывая къ себѣ священниковъ, онъ приказывалъ имъ слѣдить въ своемъ приходѣ за тѣмъ, «чтобы не было противниковъ его императорскаго величества высокой власти, и ежели кто гдѣ сыщется, то такихъ всемѣрно стараться

---

[1]) Повелѣніе графа Ивана Никифоровича Чернышева, села Ильинскаго казаку Андрею Носкову 10 января 1774 года. Гос. Арх., VI, д. № 422.

[2]) Показаніе священника Данилы Иванова 19 февраля 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 426.

[3]) Показаніе поручика Пироговскаго. Показаніе священника Данилы Иванова. Государ. Арх., VI, д. №№ 426 и 440.

увѣщевать, чтобы какъ можно отъ того отвратились. А когда чрезъ такое увѣщаніе они не отвратятся, то такихъ ловя представлять ко мнѣ немедленно, съ которыми поступлено будетъ въ силу указовъ немилостиво» [1]).

Отпуская домой явившагося на поклонъ священника села Березовки, Данилу Иванова, Зарубинъ приказалъ ему приводить къ присягѣ и покорности къ государю все окрестное населеніе.

Прибывъ въ Саранулъ, Ивановъ собралъ сходку, на которой рѣшено было присягнуть императору. Ивановъ отправился по окрестнымъ селамъ, встрѣтилъ всюду полное сочувствіе къ своей дѣятельности, за исключеніемъ Ижевскаго завода, населеніе котораго отказалось признать власть самозванца. Тогда, по распоряженію Зарубина (Чики), 1 января явилась на заводъ партія мятежниковъ въ 300 человѣкъ подъ начальствомъ Кудашева, овладѣла конторой, разграбила казенные дома и чего нельзя было увезти съ собою, то разбила и уничтожила. Отобравъ у солдатъ ружья, Кудашевъ взялъ съ собою до ста человѣкъ, записанныхъ въ казаки, и 9 тысячъ рублей, которые и отослалъ въ Чесноковку [2]). «Прочимъ же мастеровымъ и работнымъ людямъ», доносилъ коллежскій совѣтникъ Венцель генералу Бибикову [3]), «дозволено отлучаться кто куда хочетъ и даваны имъ отъ тѣхъ старшинъ билеты, съ которыми немалое число въ жительства свои и разъѣхались. Бывшіе же при заводѣ въ работахъ крестьяне также тою же злодѣйскою толпой распущены, почему никакихъ при заводѣ работъ не производится и заводъ не дѣйствуетъ».

Почти одновременно съ занятіемъ Ижевскаго завода, значительная толпа башкирцевъ, подъ начальствомъ Канзафара Усаева и Салавата Юлаева, подошла къ Красноуфимску, находившемуся въ 90 верстахъ отъ Кунгура. Воевода, поручикъ Никифоръ Бахматовъ, опасаясь быть повѣшеннымъ, вошелъ въ соглашеніе съ

---

[1]) Наставленіе Зарубина Сарапульскаго заказа села Березовки священнику Данилѣ Иванову, отъ 3 января 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 426.

[2]) Въ Государственномъ Архивѣ сохранилась росписка Зарубина въ полученіи этихъ денегъ отъ надзирателя Ижевскаго завода Губанова и его помощника Киселева.

[3]) Рапортъ главнаго командира Гороблагодатскихъ и Камскихъ заводовъ Венцеля, отъ 16 января. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

канцеляристомъ Петромъ Лутохинымъ и рѣшили не противиться башкирцамъ. Они отобрали подъ разными предлогами у казаковъ ружья, сняли караулы и стали ожидать прибытія мятежниковъ. Капзафаръ Усаевъ и Салаватъ Юлаевъ безпрепятственно заняли Красноуфимскъ, забрали казну и отправили ее подъ Оренбургъ, а захваченныя пушки оставили при себѣ [1]).

Безпрепятственное занятіе мятежниками Красноуфимска навело Зарубина на мысль организовать дѣйствія болѣе правильнымъ образомъ и занять два наиболѣе важные пункта: Кунгуръ, главный городъ Пермской провинціи, и Челябинскъ, центральный пунктъ Исетской провинціи [2]). Именовавъ табынскаго казака Ивана Кузнецова *главнымъ россійскаго и азіятскаго войска предводителемъ*, Зарубинъ отправилъ его изъ Чесноковки для принятія начальства надъ всѣми толпами башкирцевъ, группировавшимися вокругъ Красноуфимска, а атаману Грязнову поручилъ соединить подъ своимъ начальствомъ заводскихъ крестьянъ въ Исетской провинціи и занять городъ Челябинскъ.

Прибывъ въ Красноуфимскъ, Иванъ Кузнецовъ узналъ, что Салаватъ Юлаевъ и Капзафаръ Усаевъ отправили двѣ партіи подъ начальствомъ пожалованныхъ полковниковъ: Батыркая [3]) къ Кунгуру и Бѣлобородова [4])—къ Екатеринбургу.

Въ концѣ декабря (31 числа) Батыркай занялъ селенія Тихвинское, Старопосадское и острожекъ Степановскій, находившіеся въ 15—20 верстахъ отъ Кунгура, покинутаго властями. Въ ночь на

---

[1]) Показаніе казака Дупленкова, представленное пермскою канцеляріей Бибикову 19 февраля 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Исетскую провинцію составляли Зауральская Башкирія и дистрикты (уѣзды): Исетскій (Челябинскій тожь), Шадринскій, Окупевскій и Куртамышскій.

[3]) Въ *Пермскомъ Сборникѣ* (1860 года, кн., II, стр. 13) Батыркай именованъ Ишкиневымъ, а въ допросахъ онъ именуется Ишкинымъ.

[4]) Иванъ Наумовъ Бѣлобородовъ происходилъ изъ крестьянъ села Мѣдянки, приписаннаго къ мѣди-плавильному заводу Осокина, находившемуся въ Кунгурскомъ уѣздѣ. Въ 1759 году Бѣлобородовъ былъ сданъ въ солдаты, служилъ сначала въ Выборгскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ, а потомъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ близъ Петербурга. Не желая служить, «началъ притворно хромать правою ногой», отправился въ лазаретъ и лежалъ въ немъ полгода. Уволенный въ 1766 году въ отставку по болѣзни на собственное пропитаніе, Бѣлобородовъ женился и поселился въ селѣ Богородскомъ, Кунгурскаго уѣзда, гдѣ торговалъ медомъ и другими товарами.

23 декабря воевода Миллеръ, а въ ночь на 27 число и всѣ члены пермской провинціальной канцеляріи, «миновавъ учрежденные караулы, обходными дорогами скрылись изъ города» и бѣжали въ Чусовскіе городки. Въ управленіе городомъ вступилъ кунгурскій магистратъ [1]), и при содѣйствіи купечества сталъ принимать мѣры къ оборонѣ, прося въ то же время помощи у Башмакова съ Юговскаго завода и у полковника Василія Бибикова изъ Екатеринбурга [2]).

Наличныя средства обороны города состояли изъ восьми орудій, съ весьма ограниченнымъ запасомъ пороха и снарядовъ. Подъ руководствомъ двухъ братьевъ Хлѣбниковыхъ, Емельяна и Пантелеймона, сыновей президента кунгурскаго магистрата, жители приступили къ устройству батарей, на которыхъ были разставлены городскія пушки. Для стрѣльбы изъ нихъ были собраны отставные канониры, а молодые посадскіе «*обряжены*» конными гусарами и назначены для содержанія разъѣздовъ вокругъ города [3]). Башмаковъ, вмѣсто помощи войсками, прислалъ горнаго офицера Алексѣя Солопонекова съ порученіемъ вывести изъ Кунгура всѣхъ колодниковъ на Кушвинскій заводъ, что и было исполнено. Избавившись такимъ образомъ отъ вреднаго элемента, жители все-таки принуждены были разсчитывать на собственныя силы и съ большимъ страхомъ ожидали появленія мятежниковъ.

Между тѣмъ Батыркай, послѣ двухдневныхъ грабежей и попойки, призвалъ къ себѣ священника Аѳанасія Колесникова и приказалъ ему отнести въ Кунгуръ сочиненный имъ же отъ имени Пугачева манифестъ и письмо протопопу Благовѣщенскаго собора Іоанну Пантелеймонову. Манифестъ состоялъ изъ набора словъ безъ всякаго смысла [4]), а въ письмѣ Батыркай говорилъ, что,

---

[1]) Рапортъ кунгурскаго магистрата Бибикову, 14 марта 1774 г., № 208. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

[2]) *Пермскій Сборникъ*, 1860 года, кн. II, отд. I, стр. 10.

[3]) Рапортъ кунгурскаго магистрата казанскому губернатору. Тамъ же, стр. 13.

[4]) Въ заголовкѣ его было написано: «Великимъ Богомъ моимъ на семъ свѣтѣ я, великій государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, изъ потерянныхъ объявился, своими ногами всю землю исходилъ. Божіею милостію, мы, великій государь Петръ Ѳеодоровичъ, самодержецъ вѣрноподданнымъ рабамъ всякаго званія и чину. Я подлинный императоръ Петръ Ѳеодоровичъ государь, своимъ языкомъ именной указъ на всю Россію публикую, кто моего указу не слушаетъ и проч., и проч., и проч».

имѣя приказаніе «привести въ тишину вѣрноподданныхъ какъ священнаго сана, такъ и прочихъ сановъ», онъ желаетъ знать: «съ честію ли меня, полководца, изволите встрѣтить или съ суровостію противиться будете».

Подойдя ночью 3 января къ пикету у Алексѣевской башни, Колесниковъ заявилъ капитану Бутримовичу, что присланъ отъ войскъ императора Петра Ѳеодоровича спросить гражданъ, будутъ ли они сопротивляться, или пришлютъ отъ себя уполномоченныхъ для заключенія договора о сдачѣ города [1]). Священникъ Колесниковъ и два сопровождавшіе его мужика были арестованы, а принесенные ими манифестъ и письмо оставлены въ тайнѣ, чтобы не взволновать народъ и не привести въ отчаяніе людей робкихъ. Городскіе караулы были усилены, и обывателямъ строжайше подтверждено, чтобъ они поступали по совѣсти, присягѣ и, не щадя живота своего, дѣйствовали «безо всякой робости и трусости».

На слѣдующій день, 4 января, прибылъ изъ Екатеринбурга присланный полковникомъ Василіемъ Бибиковымъ подпоручикъ Посоховъ съ двумя орудіями, пятью пудами пороха и 100 человѣками казаковъ. Жители ободрились, и когда въ тотъ же день, въ 3 часа пополудни, Батыркай подошелъ къ Кунгуру, то былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ орудій и принужденъ отступить. Подпоручикъ Посоховъ преслѣдовалъ мятежниковъ со своими казаками и небольшимъ числомъ городовыхъ казаковъ, но попалъ на засаду, былъ убитъ, а бывшіе съ нимъ казаки стали отступать. Оправившись отъ погони, башкирцы снова подошли къ городу, но выстрѣлами съ передовыхъ пикетовъ были остановлены и въ сумерки скрылись изъ вида. Въ 11 часовъ утра 5 января мятежники повторили нападеніе, но также безуспѣшно, и тогда, окруживъ городъ почти со всѣхъ сторонъ, они расположились въ ближайшихъ деревняхъ. Защитники Кунгура просили казанскаго губернатора прислать имъ помощь, такъ какъ собраннымъ въ го-

---

[1]) Рапортъ капитана Бутримовича пермской провиціальной канцеляріи 4 января 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кп. VII. Въ *Пермскомъ Сборникѣ* (1860 г., кн. II) сказано, что Батыркай отправилъ въ Кунгуръ священниковъ: Ѳедора Иванова и Ивана Лукина, но откуда взято это свѣдѣніе—неизвѣстно.

родѣ конным казакамъ и крестьянамъ «фуража провезти уже не можно» [1]).

Въ это время совершенно неожиданно для жителей прибылъ въ Кунгуръ казанскаго гарнизоннаго баталіона секундъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Поповъ со своимъ отрядомъ. Находясь еще прежде въ Кунгурѣ для пріема рекрутъ и не предвидя никакой опасности городу, маіоръ Поповъ въ концѣ декабря выступилъ съ новобранцами въ Казань. По прибытіи въ селеніе Верхніе Муллы, онъ узналъ объ опасности, угрожающей Кунгуру и о бѣгствѣ изъ него властей. Поручивъ капитану Рылеву вести рекрутъ въ Казань, маіоръ Поповъ оставилъ при себѣ 12 человѣкъ старыхъ солдатъ, 386 человѣкъ новобранцевъ, и съ ними рѣшился возвратиться въ Кунгуръ и организовать тамъ оборону.

«По прибытіи команды въ с. Верхніе Муллы, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ воеводѣ Миллеру [2]), извѣстно стало чрезъ вѣрную руку, что вы, воевода, выѣхавъ безо всякаго дозволенія изъ Кунгура, находитесь въ Чусовскихъ городкахъ, оставивъ городъ, канцелярію и казну на явное расхищеніе злодѣйской толпы, о коей совсѣмъ нѣтъ вѣроятнаго слуха, въ какихъ силахъ она находясь къ Кунгуру приближается, а только разсѣяны одни отъ ихъ единомышленниковъ, для устрашенія робкихъ сердецъ, пустые слухи.

«Помянутая команда, благополучно прибывъ въ Муллы, имѣетъ пробыть для распоряженія о дальнихъ ея движеніяхъ, а притомъ требуетъ, чтобы вы, воевода, или въ Кунгуръ возвратились, или сюда (въ Верхніе Муллы) прибыли, ради общаго совѣта о недопущеніи злодѣевъ къ пущему нападенію на ввѣренную вамъ провинцію. Въ случаѣ отбывательства (отсутствія) вы можете противъ нарушенія присяги отвѣтствовать, а къ командѣ на сіе письмо сообщить».

На это Миллеръ отвѣчалъ Попову [3]): «Сообщеніе ваше отъ

---

[1]) Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи Брандту отъ 6 января 1774 года. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Письмо Попова воеводѣ Миллеру отъ 29 декабря 1773 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. Ш.

[3]) Въ сообщеніи отъ 30 декабря 1773 г. «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ Пугачевскому бунту въ предѣлахъ Пермской губерніи» Василія Шишонко.—Рукопись Императорскаго русскаго историческаго общества.

29 декабря сего 1773 года, о прибытіи къ вамъ на Муллы, или чтобъ я возвратился въ Кунгуръ и о прочемъ, 30 числа декабря мною получено.—На которое вамъ чрезъ сіе отвѣтствую, что я изъ Кунгура въ Чусовскіе городки отбылъ по справедливому извѣстію о непріятельской толпѣ, которая состояла отъ г. Кунгура въ ближнемъ разстояніи и имѣла намѣреніе на 27 число дѣйствительно въ Кунгуръ войти и меня захватить, почему я для нѣкоторой *предосторожности города и казны распоряженія* и отбылъ.—Откуда по учиненіи онаго обратно и намѣренъ я въ скорости ѣхать въ г. Кунгуръ къ своей командѣ, а не на Муллы.—А что же вы пишете, что я, якобы оставилъ городъ, канцелярію, казну и проч. на расхищеніе злодѣямъ, то несправедливо, ибо та непріятельская толпа находилась вблизости Кунгура въ 700 человѣкъ и имѣла намѣреніе въ городъ войти на 27 число и хотѣли меня захватить. Да и вы, г. маіоръ, съ отбытія вашего изъ Кунгура, съ 25 декабря по сіе время находитесь съ командою на Муллахъ и для какихъ законныхъ обстоятельствъ, того я понять не могу, а единственно рекомендую, чтобы вы изволили рекрутскую (партію) вести въ повелѣнное мѣсто и съ крайнею предосторожностію отъ злодѣйской толпы и такъ точно, какъ въ данномъ вамъ отъ пермской провинціальной канцеляріи наставленіи предписано».

Не считая себя подчиненнымъ воеводѣ и признавая поступокъ его неблаговиднымъ, Поповъ прямо высказалъ это въ письмѣ и укорилъ бѣглеца въ трусости. «Когда, писалъ онъ Миллеру [1]), намѣревающаяся злодѣйская толпа на 27 число хотѣла въ Кунгуръ зайти и васъ, г. воеводу, захватить, то вамъ для нѣкоторой предосторожности города и казны распоряженія въ Чусовскіе городки совсѣмъ въ глухую сторону и гдѣ къ отпору противъ злодѣевъ силъ весьма трудно собрать, и уѣзжать было не надобно; а лучше бы ѣхать сюда въ Муллы, гдѣ человѣкъ до 400 господъ помѣщиковъ, здѣшнихъ селеній людей съ оружіемъ единодушно защищать себя въ мѣсто сіе собрались; а и того бы способнѣе проѣхать вамъ къ коллежскому ассесору Башмакову и съ нимъ посовѣтовать, который не только не колеблется страхомъ, но еще

[1]) Письмо Попова Миллеру отъ 31 декабря 1773 г. Рукопись В. Шишонко.

сюда вечоръ прислалъ сто человѣкъ на общее сопротивленіе злодѣямъ, что вчерашняго числа отъ нихъ уже и произошло проѣздомъ, (разъѣздомъ?) состоящимъ въ 50 человѣкахъ, кои по моему приговору здѣшнихъ управителей конницею изъ здѣшнихъ жителей встрѣчены, а я самъ, взявъ баталіонныхъ штатныхъ солдатъ, да и жителей пѣшихъ же съ ружьями, ходилъ тѣхъ подкрѣплять. Оные злодѣи разбиты и прогнаны, а на мѣстѣ убитъ одинъ татаринъ да русскихъ: одинъ тяжело, а другой легко раненыхъ взяты сюда и приведены.

«Здѣсь же я нахожусь по сіе время вотъ для чего: по немалому числу рекрутъ и по малости конвойныхъ, коими долженъ первыхъ по квартирамъ разставлять и собирать, подводы доставлять, имѣть притомъ предосторожность и развѣдывать о злодѣѣ. Сдѣлалъ я отъ Кунгура до сихъ мѣстъ пять маршей безъ роздыховъ, потому что у рекрутъ съ собою хлѣба нѣтъ, по причинѣ неотпуска отъ васъ въ натурѣ провіанта; вчерась по закону сдѣлалъ роздыхъ, а нынѣ разсмотря, гдѣ не такъ опасенъ отъ злодѣевъ путь и мѣры принять не упущу, потому что злодѣй находится отсюда въ 15 верстахъ на казанской дорогѣ, по объявленію выше показанныхъ раненыхъ, на коихъ объявленіе можно больше положиться, нежели на посторонніе слухи. Слѣдовательно, теперь должно мнѣ свою диспозицію имѣть, какимъ образомъ поступить въ сохраненіи рекрутъ отъ злодѣевъ. А чтобъ я велъ рекрутскую команду въ повелѣнное мѣсто такъ точно, какъ вы, г. воевода, изъ канцеляріи мнѣ наставленіе, дали—оно не наставленіе, а сообщеніе мнѣ было, въ коемъ вы весьма много увѣряли о злодѣйскихъ на Кунгуръ покушеніяхъ и совѣтовали рекрутъ вывесть, не видя дальней опасности, то и не должно мнѣ считать сіе наставленіемъ. Для сихъ причинъ: 1) отъ моей команды (начальства) не предписано, чтобы мнѣ состоять подъ повелѣніемъ вашимъ, а 2) что его высокопревосходительство генералъ-аншефъ, Казанской губерніи губернаторъ Яковъ Ларіоновичъ фонъ-Брандтъ, на представленіе ваше не апробовалъ мнѣ со всѣми рекрутами идти, разсмотря напередъ сколь неудобно такое число людей въ маршѣ зимнимъ путемъ всякими выгодами снабдить, а указалъ по 300 человѣкъ отправлять при вашихъ офицерахъ, а о достальныхъ ожидать повелѣнія. Потому-то я теперь

его высокопревосходительства повелѣніе къ отправленію учпію съ капитаномъ Рылѣевымъ, съ штатными и отставными солдатами, а самъ здѣсь съ достальными находиться имѣю.—Вы же, г. воевода, благоволите прислать ко мнѣ офицера, дабы я, какъ скоро изъ дер. Зинцовъ конвойные солдаты сюда возвратятся, съ оными могъ бы отправить другихъ 300 человѣкъ, какъ его высокопревосходительство въ учрежденіи своемъ предписать изволилъ».

Отговариваясь тѣмъ, что уѣхалъ изъ Кунгура для поощренія крестьянъ сопротивляться мятежникамъ, и для собранія вооруженныхъ жителей для защиты города, воевода Миллеръ счелъ лучшимъ отправиться въ отрядъ Попова, а въ Кунгуръ послалъ изъ Чусовскихъ городковъ 300 человѣкъ наскоро набранныхъ и вооруженныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ присоединившись къ отряду, воевода Миллеръ 6 января прибылъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кунгуръ. Маіоръ Поповъ тотчасъ принялъ самыя энергическія мѣры къ оборонѣ, раздѣлилъ городъ на участки и поручилъ ихъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвратившемуся воеводскому товарищу, прокурору Попову, горнаго вѣдомства капитану Попову, президенту отъ купечества, бургомистрамъ и ратманамъ.

«Воеводѣ же Миллеру, писалъ секундъ-маіоръ Поповъ въ составленной имъ инструкціи [1]), какъ градодержателю, не опредѣляя себѣ нигдѣ поста, раздавать всѣмъ вышеписаннымъ особамъ, чрезъ капитана Буткевича, приказанія. Для чего онымъ (начальникамъ дистанцій) долженствуетъ ему, воеводѣ, во всемъ безропотно повиноваться, *черезъ что узломъ сего послушанія* всѣ здѣшніе и собранные изъ селеній обыватели къ общей всѣхъ пользѣ твердо и надежно будутъ стоять и противляться атакующимъ городъ злодѣямъ».

Не ограничиваясь этимъ, Поповъ приказалъ прочесть всѣмъ жителямъ города, «не исключая ни одной души и при молебномъ Господа Бога прошеніи», обыкновенную присягу, манифестъ и указъ императрицы и увѣщаніе, присланное преосвященнымъ Веніаминомъ.

---

[1]) Отъ 6 января 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

«Чтожь до меня принадлежитъ, писалъ онъ всѣмъ городскимъ властямъ и управленіямъ, то всѣхъ услужно прошу отпустить мнѣ годныхъ ружей съ припасами, сколько за раздачею найдется, коими я снабдя умѣющихъ въ командѣ моей рекрутъ стрѣлять, опредѣляю себя къ напважнѣйшему посту, на который, по положенію мѣста, больше чаять надобно непріятельскаго стремленія. Сверхъ того, стану и прочихъ рекрутъ обучать, по скорости времени и частымъ тревогамъ, хотя только заряжать ружье, дабы ежели еще гдѣ порожнія ружья найдутся, всѣ онымъ въ отпоръ дѣйствовать могли.

«Воевода, какъ хозяинъ и первое занимаетъ въ провинціи и городѣ мѣсто, благоволитъ приказать чрезъ полицію, чтобы во всемъ городѣ была тишина. Шумъ, пѣсни, а особливо по ночамъ должны быть прекращены и не только по бекетамъ и вокругъ города, но и вездѣ внутри города по улицамъ, посылать дозоры, чтобъ праздно въ почи никто не шатался, а всего лучше, если заблагоразсуждено будетъ, къ общественной пользѣ и всѣхъ цѣлости, питейнымъ домамъ продажу вина и другихъ напитковъ запретить.

«Какъ отъ обошедшихъ почти вкругъ города злодѣевъ частыя бываютъ тревоги и изъ оныхъ иногда по одному только бекету и то малое число единственно для высматриванія подъѣзжаютъ, а во всемъ городѣ великое отъ того происходитъ смятеніе и безпокойство, то во избѣжаніе такихъ колебаній, ежели разсудится, поступать такимъ образомъ: когда противъ котораго бекета злодѣи станутъ показываться, то командиръ, изготовясь оружіемъ къ принятію, ту же самую минуту даетъ знать воеводѣ, который, чтобъ одни только вокругъ города бекеты изготовились, приказываетъ ударить въ большой колоколъ нѣсколько разъ. Ежели бы на два или больше бекета подъѣздъ показываться началъ и отъ тѣхъ бекетовъ дойдутъ до него извѣстія, тогда бить въ набатъ на всѣхъ колокольняхъ, почему къ пріумноженію силъ на всѣхъ постахъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ назначенные бѣгутъ со своимъ изъ домовъ и квартиръ оружіемъ. А что касается по ночамъ, то какъ за темнотой увидѣть не можно, на одинъ ли только бекетъ стремленіе происходитъ, то по полученному съ перваго бекета извѣстію о приближеніи злодѣйскомъ, по мнѣнію моему, должно уже повсюду въ набатъ ударить.

«Когда злодѣевъ вокругъ города видно не будетъ, то вышеписанные командиры могутъ въ своихъ квартирахъ находиться, осматривая однако въ день почасту въ точной ли готовности его подчиненные люди находятся и все ли у нихъ оружіе въ исправности состоитъ, *а къ ночи, хотя бы и не было тревоги, неотходно быть при своихъ мѣстахъ и тамъ ночевать.* А если кто отъ своего поста при тревогѣ умышленно отлучится, тотъ сочтенъ будетъ ея императорскаго величества *измѣнникомъ и недостойнымъ тѣмъ называться чѣмъ онъ теперь есть*, какъ и за то, если, ища покоя и страшась смерти, скажется при нынѣшнемъ случаѣ больнымъ.

«Впрочемъ, объявя мое мнѣніе, что̀ еще съ совѣта къ лучшему признано будетъ, *я на всѣ труды и опасности усердно себя полагаю*».

Эта энергическая и обстоятельная инструкція сразу подчинила Попову все населеніе города; жители смотрѣли на него, какъ на своего избавителя и преслѣдователя тѣхъ, которые пожелали бы уклониться отъ общаго дѣла. Обыватели повиновались ему безпрекословно и при первомъ появленіи непріятеля выказали полную энергію.

Въ первомъ часу пополудни 9 января мятежники стали подходить къ Кунгуру по тремъ дорогамъ: изъ Осы, Казани и по сибирской дорогѣ, со стороны Екатеринбурга. Изъ толпы, слѣдовавшей по осинской дорогѣ, выѣхало впередъ нѣсколько человѣкъ башкирцевъ, которые кричали по-русски и требовали сдачи города.

— На что̀ вы насъ и себя мучите, кричали они, — мы хотимъ быть съ вами въ мирѣ, только выплите къ нашему полковнику вашего воеводу и другихъ начальниковъ, а сами городъ сдайте. Мы васъ ничѣмъ не тронемъ.

Въ отвѣтъ на это послѣдовали выстрѣлы изъ орудій. Мятежники подались назадъ, но остановились почти около города. Тогда маіоръ Поповъ съ 12 человѣками солдатъ казанскаго баталіона, 30 рекрутами, съ 60 пѣшими и 100 человѣками конныхъ обывателей и съ однимъ орудіемъ произвелъ вылазку и смѣло ата-

*

ковалъ непріятеля. Башкирцы разбѣжались, и Поповъ возвратился въ городъ безъ всякаго урона [1]).

Черезъ день, 11 января, секундъ-маіоръ Поповъ рѣшился самъ перейти въ наступленіе или, по крайней мѣрѣ, нанести мятежникамъ серьезное пораженіе въ полѣ. Не ослабляя обороны города, онъ собралъ сколько можно было солдатъ, рекрутъ, обывателей, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ; взявъ съ собою два орудія, онъ вышелъ въ 10 часовъ утра изъ Кунгура, и отойдя три версты, остановился близъ рѣчки Ирени. Расположивъ пѣхоту въ одну линію и въ три шеренги, причемъ задняя была вооружена однѣми длинными пиками, Поповъ прикрылъ фланги съ правой стороны небольшимъ перелѣскомъ, а съ лѣвой буеракомъ, идущимъ отъ рѣки Ирени. Поставивъ конницу за флангами пѣхоты и заманивая башкирцевъ атаковать себя, онъ устроилъ нѣсколько засадъ: въ глубокой лощинѣ, противъ средины лѣваго фланга положилъ 12 человѣкъ солдатъ, а за стогомъ сѣна, находившимся противъ праваго фланга, помѣстилъ до 20 стрѣлковъ.

Непріятель не заставилъ себя долго ждать, и толпа башкирцевъ, числомъ до 500 человѣкъ, съ восемью разноцвѣтными значками и неистовымъ крикомъ бросилась на малочисленный отрядъ Попова. Будучи вооружены по преимуществу стрѣлами и копьями, башкирцы не могли состязаться съ регулярнымъ войскомъ. Проскакавъ засады, они были приняты въ два огня, съ фронта и съ тыла, стрѣлками. Нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы произвести замѣшательство въ нестройной толпѣ, и лишь только Поповъ перешелъ въ наступленіе, какъ непріятель разсыпался въ разныя стороны [2]). Глубокій снѣгъ не допускалъ продолжительнаго преслѣдованія, тѣмъ болѣе безполезнаго, что нагнать коннаго непріятеля было трудно, а пѣшіе башкирцы уходили на лыжахъ. Непріятель оставилъ на полѣ сраженія 15 человѣкъ убитыми, одно

---

[1]) Рапортъ секундъ-маіора Попова военной коллегіи, отъ 10 января 1774 года. Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. III. Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи Брандту, отъ 10 января. Тамъ же, кн. VI.

[2]) Рапортъ маіора Попова военной коллегіи, отъ 12 января 1774 г. Моск. Арх. Главн. Шт., опись 47, кн. III. Журналъ прокурора Филиппа Попова: «Какимъ образомъ сего 1774 года злодѣйская башкирская и прочихъ народовъ толпа дѣлала на городъ Кунгуръ нападеніе». Арх. Каб. Е. И. В.

знамя, мѣдный барабанъ и 30 лошадей. Съ этими трофеями секундъ-маіоръ Поповъ возвратился въ Кунгуръ, имѣя въ отрядѣ только трехъ легко раненыхъ.

Первый успѣхъ этотъ на столько ободрилъ жителей, что Поповъ рѣшился предоставить городъ собственной защитѣ и съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 92 нижнихъ чиновъ, нѣсколькихъ обывателей и двухъ орудій, двинулся противъ мятежниковъ, собравшихся въ 20 верстахъ отъ города въ деревняхъ Кишертѣ и Усть-Кишертѣ.

Выступивъ въ 7 часовъ утра, 15 января, и двигаясь нѣсколько кружнымъ путемъ, Поповъ, незамѣченный, зашелъ въ тылъ инсургентамъ и утромъ слѣдующаго дня атаковалъ селеніе Усть-Кишертъ, въ которомъ находилось до 400 башкирцевъ и около 200 сибирскихъ и другихъ казаковъ. Застигнутый врасплохъ, непріятель оказалъ весьма малое сопротивленіе и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій разсыпался въ разныя стороны, потерявъ до 40 человѣкъ убитыми, много ранеными и 161 человѣкъ плѣнными. Мятежники бросили въ селеніи пять чугунныхъ пушекъ, много пороха, ядеръ и гранатъ. Поповъ преслѣдовалъ ихъ по кустарникамъ лыжниками, а по дорогѣ конницей, но какъ отрядъ его состоялъ изъ людей неопытныхъ, то преслѣдованіе и не могло быть особенно энергично.

«Мнѣ одному, доносилъ онъ, не имѣвъ при себѣ изъ офицеровъ помощника, распоряжать и всюду поспѣвать весьма было неудобно» [1]). Большая часть его команды состояла изъ рекрутъ и обывателей, которые не имѣли «смѣльства, что̀ всего надобнѣе, и по непривычкѣ къ заряжанію ружья и по неготовности патроновъ къ узкоствольному ружью не могли производить желаемаго успѣха». Поповъ, по его словамъ, принужденъ былъ часто оставлять пѣхоту и пушки назади и слѣдовать съ конницей «*стыдить въ несмѣльствѣ и угрожать съ ласкою, напоминая присягу*».

Пройдя нѣсколько верстъ по слѣдамъ бѣжавшихъ мятежниковъ и забравъ съ собою всѣ трофеи и плѣнныхъ, Поповъ повернулъ къ городу Кунгуру, куда и прибылъ 17 января.

---

[1]) Рапортъ секундъ-маіора Попова казанскому оберъ-коменданту Лецкому, 18 января 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

Энергическія дѣйствія Попова заставили предводителей башкирскихъ партій во что бы то ни стало захватить въ свои руки храбраго маіора, и они рѣшились ударить совокупными силами на городъ Кунгуръ.

Къ 19 января, въ селеніи Старомъ-Посадѣ, собрались со своими толпами: Салаватъ Юлаевъ [1]), Канзафаръ Усаевъ, красноуфимскій канцелярист Петръ Лутохинъ, бывшій красноуфимскій писарь, а теперь атаманъ Михаилъ Мальцевъ и другіе. Они положили отправить въ Кунгуръ увѣщаніе, въ которомъ писали [2]), будто бы городъ Уфа уже взятъ главнымъ предводителемъ Иваномъ Никифоровичемъ Чернышевымъ (Зарубинымъ), Красноуфимскъ добровольно покорился, всѣ заводы, села и деревни, Сибирской губерніи крѣпости «*по приклоненіи взяты*», и что теперь со всею артиллеріей, найденною въ крѣпостяхъ, и болѣе чѣмъ съ 15 тысячъ человѣкъ идутъ они къ Кунгуру.

Салаватъ Юлаевъ и его товарищи высказывали удивленіе, что *главный къ бунту возмутитель и командиръ* Поповъ осмѣливается противиться и проливать кровь невинныхъ. Они требовали его выдачи, сдачи города, пушекъ, оружія, пороха и преклоненія знаменъ.

Въ 2 часа пополудни, 19 января, красноуфимскій казакъ Иванъ Дружининъ пріѣхалъ въ Кунгуръ и передалъ увѣщаніе въ провинціальную канцелярію. Послѣдняя, повѣривъ словамъ Салавата, что у него 15 тысячъ человѣкъ, въ тотъ же день, безъ вѣдома Попова, отправила посланнаго къ главнокомандующему съ просьбой прислать войска. Канцелярія доносила, что на собранныхъ для защиты крестьянъ она не надѣется, потому что «у многихъ въ той злодѣйской толпѣ находятся отцы, братья и другіе родственники, да оружія у нихъ только однѣ пики и дубины, пороху здѣсь налицо только одинъ пудъ, а свинца ничего нѣтъ» [3]).

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Салавата Юлаева, впрочемъ, во многомъ не вполнѣ достовѣрныя, можно найти въ *Оренбургскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 4.

[2]) Увѣщаніе отъ 19 января 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга VI.

[3]) Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи А. И. Бибикову, отъ 19 января 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

Въ этотъ же самый день прибылъ въ селеніе Старый-Посадъ присланный Зарубинымъ казакъ Иванъ Кузнецовъ и принялъ общее начальство. Онъ составилъ и на слѣдующій день отправилъ новое воззваніе ко всѣмъ «начальствующимъ и настоятелямъ города Кунгура» [1]). Кузнецовъ писалъ, что онъ не удивляется тому, что жители не вѣрятъ воззваніямъ башкирскихъ предводителей и публикуемымъ ими манифестамъ. Онъ говорилъ, что и самъ прежде не вѣрилъ въ появленіе императора Петра III, но теперь, когда самымъ видѣніемъ лица его величества удостоились довольно видѣть и при немъ вѣрноподданнически служить, «онъ не сомнѣвается въ его происхожденіи и увѣряетъ, что то есть истинный царь, *«изъ неизвѣстности на монаршій престолъ восходящій»*.

Скорбя о грабежахъ и насиліяхъ, причиненныхъ башкирцами жителямъ, Кузнецовъ просилъ припомнить, «что народъ этотъ имѣетъ отмѣнныя мысли» противъ русскихъ и увѣрялъ, что онъ присланъ для введенія среди ихъ порядка и устройства. Онъ говорилъ, что принялъ уже мѣры къ возстановленію церквей, разрушенныхъ и разоренныхъ башкирцами, и просилъ покориться, не оказывая сопротивленія.

Не получивъ никакого отвѣта, Кузнецовъ, въ 7 часовъ утра, 23 января, съ толпой до 2,000 человѣкъ, подошелъ къ Кунгуру и имѣя при себѣ семь пушекъ, открылъ изъ нихъ огонь. Изъ города хотя и отвѣчали на выстрѣлы, но рѣдко, за неимѣніемъ пороха. Ободренные башкирцы подвезли свои орудія почти на ружейный выстрѣлъ и окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Офицеры ободряли защитниковъ, но съ малою надеждой на успѣхъ, «потому что подчиненные изъ обывателей, иные по непривычкѣ, а иные по боязливости прежде времени выходя изъ послушанія, прятались отъ свиста ядеръ по заугольямъ» [2]). Тѣмъ не менѣе, сознавая слабость своего вооруженія, состоящаго изъ пикъ и стрѣлъ, мятежники не рѣшались на штурмъ, а ограничивались новымъ требованіемъ связать и выдать имъ всѣхъ начальниковъ, а населенію выдти имъ на встрѣчу съ образами. Требованіе это не было

[1]) Увѣщаніе Кузнецова, отъ 20 января 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[2]) Журналъ пермской провинціальной канцеляріи, представленный А. И. Бибикову 26 января 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

исполнено, и Кузнецовъ, прекративъ къ вечеру огонь, расположилъ свою толпу вокругъ города въ 3—4 верстахъ отъ него. Здѣсь онъ простоялъ нѣсколько дней безъ всякой дѣятельности, пока, какъ увидимъ ниже, не былъ разбитъ прибывшими въ Кунгуръ правительственными войсками.

Такую же неудачу испыталъ и другой сподвижникъ Зарубина, атаманъ Грязновъ, посланный къ Челябинску, вокругъ котораго еще съ половины декабря разъѣзжали башкирскія партіи отъ 300 до 150 человѣкъ.

Расположенный на рѣкѣ Міасѣ, Челябинскъ, построенный въ 1736 году, обнесенъ былъ кругомъ валомъ съ нѣсколькими башнями и деревяннымъ заплотомъ. Гарнизонъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, и потому воевода Исетской провинціи, статскій совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Веревкинъ, еще въ началѣ декабря приказалъ собрать 1,300 человѣкъ крестьянъ, которыхъ, назвавши «временнымъ казачествомъ», прислать въ Челябинскъ подъ командою выбранныхъ въ слободахъ отставныхъ солдатъ. Имъ приказано было вооружиться чѣмъ кто могъ и запастись продовольствіемъ на двѣ недѣли. Замѣчательно, что открывшіеся уже безпорядки не заставили мелкое начальство поудержаться отъ всякаго рода злоупотребленій. Люди назначались въ казачество несправедливо: одиночки, бѣдные, дряхлые и малолѣтки. Узнавъ объ этомъ, Веревкинъ, по совѣту секундъ-маіора Ивана Завороткова, приказалъ явиться въ Челябинскъ одному изъ семи человѣкъ здоровыхъ и не-малолѣтнихъ. Остальные шесть человѣкъ должны были снабдить седьмаго пристойною одеждою, лошадью съ приборомъ, фуражомъ и провіантомъ и давать 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ жалованья, т.-е. по 25 коп. съ человѣка. Въ казаки приказано было брать только изъ семействъ «многорабочихъ, гдѣ 5 и 7 душъ, а изъ тѣхъ семействъ, гдѣ отъ 1 до 5 душъ не брать и не назначать, въ видахъ сохраненія ихъ хозяйствъ и домашняго быта...»[1]) Казаки собирались туго и приходили съ плохимъ вооруженіемъ, преимущественно съ кольями. Для усиленія защиты Веревкинъ сформировалъ роту изъ рекрутъ послѣдняго набора. Купечество также

[1]) *Пермск. Сборн.* 1859 г., кн. I, стр. 48.

вооружило нѣсколькихъ людей на свой счетъ, но всего этого было недостаточно въ виду многочисленности мятежниковъ.

«Крайне нужно, писалъ Веревкинъ князю Вяземскому [1]), прислать въ провинцію, какъ наивозможно скорѣе, изъ *господъ генералъ-маіоровъ, на которомъ бы необходимо и лента была.* Ваше сіятельство довольно изволите знать здѣшній народъ, въ грубости и легкомысліи погруженный, а особливо казаковъ, которые отъ ихъ командировъ совсѣмъ избалованы и вольны и ни въ какую службу неспособны, а на всякое зло предпріимчивы. При всемъ томъ знатныхъ однихъ генераловъ, кои имѣютъ на себѣ орденъ, чтутъ и боятся».

Веревкинъ писалъ о томъ же и сибирскому губернатору, просилъ присылки войскъ и присовокуплялъ, что почти вся Исетская провинція перешла на сторону самозванца. Генералъ Чичеринъ, еще ранѣе полученія этого письма, отправилъ въ Челябинскъ, подъ начальствомъ подпоручика Ѳедота Пушкарева, роту тобольскаго баталіона и съ нею полевую артиллерію, для доставленія на Оренбургскую линію. Едва успѣла эта рота вступить въ городъ, какъ въ воскресенье, 5 января, по окончаніи заутрени, челябинскіе казаки, въ числѣ 200 человѣкъ, подъ предводительствомъ хорунжаго Наума Невзорова, бросились на орудія, стоявшія противъ воеводскаго дома и овладѣли ими. Разставивъ своихъ часовыхъ съ зажженными фитилями, Невзоровъ угрозой открыть по городу огонь намѣренъ былъ заставить жителей покориться. Но предводимая имъ толпа слишкомъ увлеклась успѣхомъ, и не оставивъ у пушекъ никакого прикрытія ворвалась въ домъ воеводы Веревкина, захватила какъ его самого, такъ и всѣхъ у него жившихъ. Связавъ Веревкину руки и ноги, казаки били его до полусмерти и разодравъ платье, почти полунагаго потащили за ноги и за волосы по улицѣ въ свою войсковую избу [2]). Тамъ связали его еще крѣпче, «такъ что и кожу съ рукъ и ногъ содрали», и били прикладами, пиками и кулаками. Полумертвому воеводѣ повидимому

[1]) Отъ 28 декабря 1773 года, изъ Челябинска.

[2]) Такой же участи подверглись регистраторъ Колесниковъ и жившая у Веревкина сестра бывшаго челябинскаго прокурора, Анна Алексѣевна Благово. Вдова прокурора Гуляева была избита, но оставлена въ домѣ Веревкина.

не было спасенія, но явившійся на помощь подпоручикъ Пушкаревъ избавилъ Веревкина отъ мучительной смерти.

Услышавъ шумъ и крики, Пушкаревъ собралъ свою роту, отбилъ у мятежниковъ орудія, оставленныя подъ охраной нѣсколькихъ человѣкъ часовыхъ, а затѣмъ проложилъ себѣ путь штыками къ войсковой избѣ и освободилъ Веревкина. Предводитель толпы, хорунжій Невзоровъ, бѣжалъ изъ города, часть жителей котораго была въ страхѣ, а другая въ волненіи [1]).

На другой день были получены извѣстія, что находящіяся вокругъ города крѣпости: Чебаркульская и Коельская, слободы Верхнеувельская и Кундравинская заняты мятежниками. Повсюду населеніе встрѣчало бунтовщиковъ съ радушіемъ, имѣя во главѣ духовенство. Всякая попытка отдѣльныхъ лицъ убѣдить населеніе сопротивляться мятежникамъ кончалась весьма печально для уговаривающихъ. Въ слободѣ Кундравинской, поручикъ Максимовъ былъ удавленъ за то, что уговаривалъ не сдаваться подходившей толпѣ [2]). Ворвавшись въ селеніе, бунтующая толпа прежде всего разбивала кабаки, захватывала деньги, уничтожала конторскія бумаги и заставляла населеніе присягать императору Петру III. Всѣ приставшіе къ мятежникамъ надѣвали черезъ правое плечо кусокъ бѣлаго полотна, а желавшіе остаться вѣрными правительству покидали свои дома, имущество и бѣжали въ Челябу. «Всѣ находящіеся въ Исетской провинціи заводскіе крестьяне, доносилъ товарищъ воеводы, коллежскій ассессоръ Свербѣевъ [3]), уже и послѣдніе дворянина Демидова Кыштымскаго и Каслинскаго заводовъ, отъ злодѣйскаго башкирскаго и казаковъ возмущенія извѣстному самозванцу отложились».

Такимъ образомъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ мятежниками, Челябинскъ могъ полагаться лишь на свою силу. Собранные для защиты крестьяне и казаки почти всѣ разбѣжались, и въ городѣ осталось купечество, рота рекрутъ и рота тоболь-

---

[1]) Рапортъ Веревкина Чичерину 5 января. Рапортъ Чичерина военной коллегіи 9 января. Показаніе посадскаго Петра Чебыкина 6 января. Московск. Арх. Гл Штаба, опись 47, кн. III, и VI.

[2]) Чтенія въ Общес. Исторіи, 1859 г., кн. I, смѣсь, стр. 22.

[3]) Сибирскому губернатору Чичерину отъ 7 января. Тамъ же, ч. VI.

скаго баталіона, состоявшая изъ трехсотъ недавно обученныхъ рекрутъ. Командиръ этой роты, подпоручикъ Пушкаревъ, принялъ мѣры къ защитѣ: разставилъ вокругъ города пикеты и на важнѣйшихъ пунктахъ небольшія команды.

Между тѣмъ, бѣжавшій изъ Челябинска хорунжій Невзоровъ собралъ въ подгородныхъ деревняхъ 160 человѣкъ, и въ ночь на 7 января подошелъ съ ними къ Челябинску. Онъ требовалъ, чтобы жители не противясь впустили его въ городъ и увѣрялъ, что государева сила въ 40 тысячъ человѣкъ подходитъ къ Челябинску, и всѣ противящіеся будутъ преданы жестокому мученію. Получивъ отказъ, Невзоровъ отправился въ Кундравинскую слободу ко вступившему уже въ командованіе башкирцами атаману Грязнову и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ городу.

Остановясь въ деревнѣ Маткиной, въ двухъ верстахъ отъ Челябинска, Грязновъ 8 января прислалъ два воззванія: одно на имя товарища воеводы Василія Ивановича Свербѣева, а другое жителямъ и всякаго званія людямъ.

«Я въ удивленіе прихожу, писалъ Грязновъ Свербѣеву, что такъ напрасно закоснѣли сердца человѣческія и не приходятъ въ чувство, а паче не иное что какъ дѣлаютъ разореніе православнымъ христіанамъ и проливаютъ кровь неповинно, а паче называютъ премилосердощедраго государя и отца отечества великаго императора Петра Ѳедоровича бродягою, донскимъ казакомъ Пугачевымъ; вы же думаете, что одна Исетская провинція имѣетъ въ себѣ разумъ, а прочихъ почитая за ничто или словомъ сказать за скоты. Повѣрь, любезный, ошиблись, да и ошибаются многіе, не зная, конечно, ни силы, ни писанія; если бы мы нашего премилосердаго отца отечества великаго государя были не самовидцы, то-бъ и мы въ сомнѣніи были. Вѣрь, душа моя, безсомнѣнно, что вѣрно и дѣйствительно нашъ государь-батюшка самъ истинно, а не самозванецъ: чтожь за прибыль быть православнымъ христіанамъ въ междуусобіи и браняхъ и проливать кровь неповинныхъ, и за что вашъ господинъ воевода съ артиллерійскою командой взялся вѣрнѣйшихъ слугъ государя приводить въ разореніе? Пожалуй, сдѣлай себя счастливымъ, прикажи, чтобы безо всякаго кровопролитія сдѣлать и крови напрасно не проли-

вать. Если же послѣ сего послѣдняго до васъ увѣщанія въ склонность не придете, то обѣщаюсь Богомъ подвигнуть мои, ввѣренныя отъ его императорскаго величества, войска, и уже тогда никакой пощады ждать вамъ падѣяться не предвижу; отъ мала и до велика прошу, яко брата, уговорить; васъ же, если сіе сдѣлаете, обѣщаю вамъ передъ Богомъ животъ, а не смерть; закоснѣлымъ же, кто не пріидетъ въ чувство послѣ сего, благополучія ожидать не остается. Развѣ мы не сыны церкви Божіей? Опомнитесь, други и браты о Бозѣ! Затѣмъ, сократя, оканчиваю симъ и остаюсь при арміи, посланной отъ его императорскаго величества главной арміи полковникъ Иванъ Грязновъ».

Въ другомъ воззваніи, обращенномъ къ населенію, Грязновъ старался доказать, что со вступленіемъ на престолъ Петра III Россія избавится отъ *ига работы*.

«Всему свѣту извѣстно», писалъ онъ, «сколько во изнуреніе приведена Россія, отъ кого-жь — вамъ самимъ то небезъизвѣстно: дворянство обладаетъ крестьянами, но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами; компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ, а напротивъ того, съ женами и дѣтьми малолѣтными не было ли ко Господу слезъ?»

Грязновъ говорилъ, что дворянство заставило государя Петра Ѳедоровича 11 лѣтъ скитаться за то, что онъ приказалъ, чтобъ у дворянъ не было крестьянъ во владѣніи, что и теперь то же дворянство распустило слухъ, будто государь самозванецъ, донской казакъ Пугачевъ, наказанный кнутомъ и имѣющій на лбу и щекахъ клейма. Требуя сдачи города, Грязновъ увѣрялъ, что каменныя стѣны не спасутъ его, и удивлялся, что населеніе не желаетъ себѣ добра и не покоряется. «Орды невѣрныя государю покорились», говорилъ онъ, «а мы противотворничаемъ».

Посланный съ этими воззваніями былъ задержанъ въ Челябинскѣ, и Грязновъ не получилъ отвѣта. Подойдя къ городу, онъ приказалъ своей толпѣ растянуться въ одну линію, чтобы напу-

гать гарнизонъ значительностію своихъ силъ, и открылъ огонь изъ пяти пушекъ. Изъ Челябинска отвѣчали ему выстрѣлами изъ 18 орудій, и мятежники, не видя возможности взять городъ, послѣ 50 выстрѣловъ отступили опять къ деревнѣ Маткиной [1]). Въ этотъ день въ Челябинскъ успѣлъ пробиться шедшій изъ Сибири небольшой отрядъ подъ начальствомъ секундъ-маіора Фадѣева [2]). Воевода Исетской провинціи Веревкинъ 9 января отправилъ въ толпу манифестъ императрицы отъ 29 ноября, но Грязновъ въ тотъ же день вернулъ его со своимъ объясненіемъ.

«Разсмотрѣніе нами чинено», писалъ предводитель шайки [3]), «и по разсмотрѣніи сія ваша бумажка посылается обратно. Изъ манифеста же усматривается, якобы государь нашъ церкви разорялъ и прочіе чинилъ непорядки, о таковыхъ непорядкахъ написанныхъ мы не нынѣ уже извѣстны, что написано напрасно и персонально съ государемъ было говорено; вы-жь, не видя (его), называете Емельяномъ Пугачевымъ, а мы, видя, и свидѣтельствовали. Какъ дерзнуть можетъ, да и печатовать болѣе къ увѣщеванію. *Гришекъ растригъ видно не находятъ,* да и вы не дураки ли: Дмитрій царевичъ былъ весьма малолѣтенъ, а Гришка назвался уже взрослымъ! Почему-жь можно было опознать его, какъ нашъ батюшка всемилостивѣйшій государь уже не малыхъ лѣтъ принимать изволилъ Россію. Слѣдственно, кого-бъ я видалъ прежде, но и на всѣхъ послаться могу, что узнаю черезъ двадцать лѣтъ, нежели черезъ одиннадцать. Итакъ, если отыщутся у васъ благоразумные люди, разсудить могутъ, что и узнать можно. Такъ вы лихо не подумайте того, что дворяне привыкли всею Россіей ворочать, какъ скотомъ, но еще и хуже почитаютъ собакъ, а притомъ безъ малыхъ жить не привыкли; а государь все то отъ нихъ отобрать изволилъ, такъ чрезъ то дворяне умыслили написать хулу, а признали быть за лучшее владѣть Россіей сами и всѣми угоднымъ имъ угодностями. И для того благоволите городъ

---

[1]) Срав. *Пермскій Сборникъ,* 1859 г., кн. I, 50.

[2]) Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

[3]) Государственный Архивъ, VI, д. № 485. *Русская Старина,* 1875 года, т. XIII, 276.

сдать безъ всякаго напраснаго православнымъ кровопролитія. Если-жь вы такъ отдаться не согласны, дать намъ вскорѣ знать, нынѣ же черезъ два часа присылкой нарочнаго не умедлить. Вы думаете и опасаетесь прислать человѣка? Такъ не извольте сомнѣваться, мы не таковыхъ сердецъ, какъ вы, нашего (посланнаго) удерживаете; если же своего жаль выслать — нашего (вышлите), и для того немедленно дайте знать, или знатную отъ васъ персону, хотя для переговорки; право, пустимъ обратно».

Переговорка эта не состоялась, и 10 января толпа мятежниковъ, усиленная прибытіемъ крестьянъ съ Кыштымскаго и другихъ заводовъ и возросшая до пяти тысячъ человѣкъ, съ восемью пушками снова подошла къ Челябинску, но была отбита, причемъ хорунжій Невзоровъ былъ захваченъ въ плѣнъ [1]). Грязновъ отступилъ сначала къ деревнѣ Шершневой, въ шести верстахъ отъ города, а потомъ къ Чебаркульской крѣпости. Подъ Челябинскомъ онъ оставилъ небольшую толпу башкирцевъ, съ приказаніемъ блокировать городъ и никого не пропускать ни въ него, ни изъ него [2]). Веревкинъ просилъ прислать для управленія провинціей достойнаго человѣка, «ибо, доносилъ онъ [3]), за учиненнымъ мнѣ отъ воровъ бунтовщиковъ казаковъ увѣчьемъ и чрезъ то въ крайнюю болѣзнь приведенномъ, службу ея императорскаго величества, хотя бы усердно желалъ, продолжать нахожусь понынѣ не въ состояніи».

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, главнокомандующій А. И. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань и не успѣлъ еще подробно ознакомиться съ ходомъ событій.

---

[1]) Экстрактъ происшествій въ Челябинскѣ, представленный Веревкинымъ Бибикову и Сенату. Госуд. Арх., VI, д. №№ 485 и 504. Невзоровъ былъ тотчасъ же подвергнутъ допросу съ пристрастіемъ, и чрезъ 15 часовъ отъ плетей и полученныхъ ранъ умеръ. Въ статьѣ «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину» («*Русск. Вѣстн.*» 1872 года, № 7, стр. 43) разсказъ о Невзоровѣ неточенъ.

[2]) Показаніе крестьянъ Семена Никушкина и Матвѣя Чулкова 13 января 1774 года. Архивъ Синода, дѣло № 30.

[3]) Въ рапортѣ отъ 18 января 1774. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

XII.

Генералъ-аншефъ Бибиковъ на пути изъ Петербурга въ Казань.—Манифестъ императрицы въ толкованіи народномъ. — Объявленіе секретной коммиссіи.—Пріѣздъ Бибикова въ Казань и свиданіе его съ губернаторомъ.—Административные порядки въ краѣ.—Постановленіе казанскаго дворянства о сформированіи коннаго корпуса. — Императрица Екатерина—казанская помѣщица.—Рескрипты ея Бибикову. — Торжество въ Казани по полученіи этихъ рескриптовъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 9 декабря 1773 года, генералъ-аншефъ Бибиковъ нагналъ въ Новгородѣ 2-й гренадерскій полкъ, приказалъ одному баталіону сѣсть на подводы и на перемѣнныхъ лошадяхъ слѣдовать какъ можно скорѣе въ Казань [1]).

Утромъ, 14 декабря, Александръ Ильичъ пріѣхалъ въ Москву, «гдѣ были небольшія враки и болтанья», какъ выразился князь Волконскій, «но ни унынія и страха, ни трепета не было» [2]). Въ первопрестольной столицѣ Бибиковъ узналъ о грабежахъ киргизъ-кайсаковъ и просилъ графа З. Г. Чернышева усилить его кавалерію. «Податель сего, писалъ ему А. И. Бибиковъ [3]), привезетъ вамъ новыя вѣсти, а самовидцы скажутъ и детали. Худо еще въ прибавокъ то, что киргизцы начинаютъ бѣситься. Разбить каналью считаю навѣрно, да отвратить разореніе потребно конныхъ людей больше. Кажется, поселенные и изъ Новороссійской губерніи гусары къ сему всего теперь ловчѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, закрыли отъ разбойническихъ спхъ волковъ набѣговъ. Пѣхоты довольно, но съ нею поспѣвать не можно за симъ вѣтромъ (конпымъ непріятелемъ)».

Въ день отъѣзда Бибикова изъ Москвы, князь Волконскій прислалъ къ нему сержанта Брюхачева, посланнаго генераломъ Деко-

---

[1]) Письмо А. И. Бибикова князю Вяземскому 15 декабря. Архивъ Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[2]) Письмо князя Волконскаго императрицѣ 7 января 1774 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 105. Сравни: *Записки о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, стр. 126, и статью г. Д. Анучина: «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину», *«Русск. Вѣстн.»* 1872 года № 6, стр. 472.

[3]) Собственноручное письмо Бибикова графу Чернышеву, отъ 15 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 126.

лонгомъ въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ о поголовномъ возстаніи башкирцевъ. Прочтя это донесеніе, Бибиковъ вновь просилъ объ усиленіи его кавалеріей и, по соглашенію съ княземъ Волконскимъ, приказалъ двумъ эскадронамъ Изюмскаго гусарскаго полка, безъ лошадей, съ одними сѣдлами и оружіемъ, слѣдовать въ Казань на обывательскихъ подводахъ [1]).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторъ Ступишинъ заявилъ А. И. Бибикову, что хотя въ губерніи безпорядковъ никакихъ не замѣчено, но что въ народѣ не безъ сочувствія говорятъ о самозванцѣ. Заявленіе это обратило на себя особое вниманіе главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, проѣзжая по Нижегородской губерніи, слышалъ «многія неосновательныя и ложныя молвы, пересказываемыя не только простыми, но и неподлыми людьми» [2]). Полагая, что манифестъ, отъ 29 ноября, раскроетъ глаза населенію и дастъ ему истинное понятіе о Пугачевѣ и его злодѣйствахъ, А. И. Бибиковъ оставилъ манифестъ Ступишину и приказалъ его обнародовать. Нижегородскій губернаторъ исполнилъ приказаніе, но манифестъ былъ на столько непонятенъ для народа, что приводилъ его къ совершенно превратнымъ толкамъ. Жители Козмодемьянска увѣряли, что прочтенный имъ манифестъ повелѣвалъ не называть Пугачева императоромъ, а именовать его *Балтійскихъ острововъ княземъ* [3]), а жители села Татинцева, той же губерніи, говорили, что Пугачева приказано называть *Голштинскимъ княземъ* и что съ нимъ пришло нѣсколько тысячъ голштинской пѣхоты и артиллеріи. Такое толкованіе заставило генерала Бибикова приказать прочитать манифестъ еще нѣсколько разъ, съ объясненіемъ его истиннаго значенія [4]), а затѣмъ обратиться къ населенію со слѣдующимъ объявленіемъ [5]):

---

[1]) Рапортъ князя Волконскаго военной коллегіи 20 декабря 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 267.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе Бибикова, отъ 30 декабря 1773 г. Воепн.-учен. арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 74.

[3]) Рапортъ Ступишина Бибикову 9 февраля 1774 г. Государствен. Архивъ, VI, д. № 466.

[4]) Письма Бибикова генераламъ Брандту и Ступишину, отъ 19 февраля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 466 и 485.

[5]) Отъ 19 февраля. Госуд. Архивъ, VI, дѣло № 507.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ учрежденной въ Казани, по высочайшему именному указу, секретной коммиссіи.

«Объявляется всенародно.

«По слѣдствіямъ, произведеннымъ въ сей коммиссіи, открылось, что многіе какъ городскіе, сельскіе, такъ и деревенскіе жители по простотѣ и глупости своей, прямой силы и разума публикованныхъ ея императорскаго величества манифестовъ о злодѣѣ, лжесамозванцѣ, бѣгломъ казакѣ Емельянѣ Пугачевѣ, не понимаютъ и дѣлаютъ онымъ свои глупые и кривые толки. А, напротивъ того, другіе, по злонравію своему и склонности къ лжесамозванцу, бунтовщику и разбойнику, коварно вымышляютъ и разсѣеваютъ о немъ въ простомъ народѣ ложныя плевелы, служащія ко вреду общенароднаго спокойствія и тишины.

«Чего ради секретная коммиссія за нужное почитаетъ симъ ея величества указомъ подтвердить: *первымъ, простакамъ,* чтобы они старались воздержать себя ото всѣхъ глупыхъ и кривыхъ толковъ, но знали бы и утвердились несомнѣнно, что Пугачевъ сущій злодѣй, бунтовщикъ и врагъ отечеству, бѣглый съ Дона казакъ, а потому и не вѣрили бы ни подъ какимъ видомъ происходящимъ отъ сообщниковъ сего злодѣя ложнымъ плевеламъ и разглашеніямъ, подъ опасеніемъ за слѣпое легковѣріе жестокаго наказанія. А *послѣднимъ,* коварно и умышленно разсѣвателямъ ложныхъ плевелъ, въ послѣдній разъ здѣсь напоминается, *чтобы перестали быть врагами своему отечеству* и покорились бы безмятежно высочайшей ея императорскаго величества, яко отъ Бога предоставленной власти. Но буде паче чаянія и за симъ увѣщаніемъ найдутся таковые рода человѣческаго изверги и разрушители блаженнаго спокойствія и тишины, то всѣ оные, какого бы кто званія ни былъ, безо всякой милости преданы будутъ жесточайшему по закону осужденію».

Въ ночь на 26 декабря А. И. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань, гдѣ былъ встрѣченъ губернаторомъ фонъ-Брандтомъ и прочими представителями мѣстной власти.

— Для чего дали Пугачеву такъ усилиться? невольно вырвалось изъ устъ пріѣхавшаго.

Брандтъ не далъ на это прямаго отвѣта, и главнокомандующій вмѣстѣ съ губернаторомъ отправились въ особую комнату для совѣщаній. По отъѣздѣ Брандта, Бибиковъ вышелъ къ собравшимся для его встрѣчи.

— Государи мои, сказалъ онъ,—давно ли сей мужъ (Брандтъ) съ ума сошелъ? Что за планъ его для истребленія Пугачева? Совѣтуетъ мнѣ защищать границу Казанской губерніи и просить только не пропустить его (Пугачева) за оную. Да развѣ Оренбургская и прочія губерніи другаго государя? Злодѣя должно истреблять во всѣхъ мѣстахъ одинаково и дѣлать надъ нимъ поискъ, еслибъ онъ былъ и въ водѣ, дабы въ другомъ видѣ оттуда не показался.

Эти слова ободрили присутствовавшихъ и все населеніе города Казани [1]). Личное знакомство съ положеніемъ дѣлъ приводило Бибикова къ самымъ неутѣшительнымъ заключеніямъ. «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, писалъ онъ [2]), дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде-бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ съ начала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи: Онъ одинъ исправить можетъ своею милостію». Администрація края была въ плохомъ состояніи и въ мѣстахъ, гдѣ еще не было бунта, господствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Генералъ фонъ-Брандтъ, человѣкъ честный, но старый, не могъ услѣдить за злоупотребленіями и удержать своихъ подчиненныхъ отъ пропзвола, нарушенія законовъ и лихоимства.

— Что за причина, спрашивалъ его однажды Бибиковъ, — что вы такъ нерѣшительны стали въ дѣлахъ своихъ и все идетъ у васъ навыворотъ, нѣтъ строгости и никакого взысканія съ подчиненныхъ. Я зналъ васъ прежде за человѣка энергичнаго и справедливаго.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе капитанъ-поручика Саввы Маврина, отъ 21 мая 1774 года, изъ Оренбурга.

[2]) Супругѣ, отъ 30 декабря 1773 года. *Записки о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, прилож. стр. 87.

«Изъ сего скользкаго разговора, замѣчаетъ Мавринъ, и нѣмцу трудно было вывернуться»; однакоже Брандтъ пытался оправдаться.

— Что же мнѣ дѣлать и кого на мѣста опредѣлять? говорилъ онъ,—всѣ меня обманываютъ.

— Да вы бы приказали, замѣтилъ Бибиковъ,—присматривать за порядкомъ хотя бы своимъ товарищамъ.

— Какъ это можно! отвѣчалъ добродушно Брандтъ.—Если я самъ не поѣду по губерніи, то и ни одинъ изъ нихъ не поѣдетъ.

«А потому и видно, доносилъ Мавринъ, что въ губерніи Казанской дѣла дѣлаются только въ присутствіи хозяина. Неоднократно говаривалъ хозяинъ, что онъ съ юстицкими дѣлами незнакомъ, а отдаетъ справедливость не только въ оныхъ, но и въ другихъ своему секретарю. А какъ одному злодѣю бывшему въ бунтѣ Пугачева была казнь, то многіе тутъ изъ черни зрители вслухъ кричали: «конечно, на висѣлицѣ другая петля приготовлена для секретаря».

Такіе порядки были не въ одной Казанской губерніи, но и въ большинствѣ правительственныхъ учрежденій тогдашняго времени. «Воеводы и начальники гражданскіе, писалъ Бибиковъ князю Вяземскому [1]), изъ многихъ мѣстъ отъ страху удалились, оставя города и свои правленія на расхищеніе злодѣямъ». Комендантъ, секретари и прочіе дѣятели покидали свои мѣста и бѣжали задолго угрожающей имъ опасности. Край оставался безъ правителей, безъ защиты, и Бибикову приходилось, прежде всего, вступить въ борьбу съ чиновниками, борьбу едва ли не болѣе трудную, чѣмъ съ мятежниками. Не полагаясь на мѣстную администрацію, необходимо было призвать дѣятелей извнѣ и поручить имъ созиданіе заново совершенно разрушеннаго порядка. Бибиковъ предвидѣлъ это еще въ Петербургѣ, и потому отправился въ Казань съ большою свитой, въ которой были люди лично ему извѣстные своею энергіей и храбростію. Впослѣдствіи въ его распоряженіе были посланы князья Щербатовъ и Голицынъ, полковникъ Михельсонъ, и командированы полки, бывшіе съ нимъ въ Польшѣ и

[1]) Князю Вяземскому, отъ 5 января 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 485.

отличившіеся подъ его начальствомъ. Въ ожиданіи ихъ прибытія Бибиковъ принужденъ былъ прибѣгать къ полумѣрамъ и, за недостаткомъ главнѣйшимъ образомъ кавалеріи, не могъ воспрепятствовать дальнѣйшему развитію бунта. Послѣдній охватилъ всю Оренбургскую губернію, и главнѣйшіе города: Оренбургъ, Яикъ, Уфа, Кунгуръ и Челябинскъ были обложены мятежниками; что происходило въ этихъ пунктахъ, въ Казани ничего не знали. Всѣ инородцы (киргизъ-кайсаки, калмыки и башкирцы) и большинство рабочихъ съ пермскихъ заводовъ перешли на сторону самозванца. Наканунѣ пріѣзда А. И. Бибикова въ Казань, пригородъ Алексѣевскъ и городъ Самара были заняты атаманомъ Араповымъ, а спустя нѣсколько дней получены были извѣстія, что безпорядки стали возникать въ Казанской губерніи и даже коснулись Сибири.

«Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волоску, писалъ Бибиковъ графу Чернышеву [1]), да и самая Сибирь тому же подвержена. Одна надежда на войска, которыхъ, по умножающемуся злодѣйскому многолюдству, видится быть недостаточно, а наче въ разсужденіи обширности и разстоянія сего края мѣстъ. Толпу Пугачева я разбить не отчаяваюсь и съ тѣми, которые теперь ко мнѣ назначены, когда соберутся, но тушить вездѣ пожаръ и останавливать злодѣйское стремленіе, конечно, конныя войска въ прибавокъ необходимы.

«Въ проѣздъ мой чрезъ Москву, генералъ Бергъ меня увѣрялъ, что отъ второй арміи три или четыре полка конныхъ отдѣлить можно безо всякой для тамошней стороны опасности, за что онъ отвѣчаетъ; но откуда бы то ни было, а умножить необходимо надлежитъ. Войдите въ сіе дѣло, ваше сіятельство, и вы увидите, что я говорю вамъ истину.

«На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого счету дѣлать не извольте: они такъ скаредны, что и башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Чернышевымъ и маіоромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ, что они, разставленныя отъ Фреймана и отъ

---

[1]) Отъ 30 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 524.

губернатора по постамъ, бѣгаютъ изъ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ.

«Сволочь Пугачева злодѣйской толпы, конечно, порядочнаго вооруженія, ниже строю имѣть не можетъ, кромѣ свойственной таковымъ бродягамъ буйности и колобродства. Но ихъ болѣе шести тысячъ, по всѣмъ извѣстіямъ, считать должно, а считая нынѣ воровъ башкирцевъ, число крайне быть должно велико. Не считаю я трудности разбить сію кучу, но собрать войска, запастись не только провіантомъ и фуражомъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ суть наиглавнѣйшія трудности; а между тѣмъ (необходимо) отражать во всѣхъ концахъ убійство и разореніе и удерживать отъ заразы преклонныхъ отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей».

Эта необходимость заставила Бибикова поторопиться приглашеніемъ дворянъ вооружить своихъ поселянъ, но не иначе какъ «*обнадежась прежде въ ихъ твердости*». Съ этою цѣлью Бибиковъ поручилъ предводителю дворянства собрать въ Казань къ 1-му января дворянъ и просилъ преосвященнаго Веніамина оказать содѣйствіе къ вразумленію «*несмысленной черни*».

Послѣ литургіи 1-го января 1774 года и по прочтеніи манифеста архіепископъ обратился къ народу съ увѣщаніемъ.

— Правовѣрные должны пребывать непоколебимы въ вѣрѣ православной, говорилъ Веніаминъ, и въ повиновеніи премудраго Закона Божія, коимъ правятъ цари царствующіе и господа господствующіе. Люди всякаго состоянія должны ополчаться на защиту вѣры, отечества, женъ и дѣтей ихъ противъ злобнаго возмутителя и безбожныхъ его соумышленниковъ, которые возстали на церковь Божію и священныхъ ея служителей, не щадятъ никакого состоянія, никакого пола, ни невинныхъ младенцевъ, распространяютъ неслыханное варварство и опустошеніе. Они не различаютъ и покорствующихъ отъ противящихся, предаютъ всѣхъ безъ разбора ужаснѣйшимъ истязаніямъ и мучительной смерти, и тѣмъ самымъ подвергаются страшной анаѳемѣ, правосудному гнѣву и мщенію Божіему, и въ ожиданіи адскихъ мученій, не избѣгнутъ и на землѣ достойнаго имъ наказанія.

Изъ церкви А. И. Бибиковъ отправился въ домъ предводителя къ собравшемуся дворянству.

— Зло возростаетъ до крайности, сказалъ онъ, — и злодѣйство измѣнниковъ вышло изо всѣхъ предѣловъ. Всякому истинному вѣрноподданному должно стараться о прекращеніи сего зла.

Представивъ опасность, которая угрожаетъ семействамъ и имуществу отъ своеволія мятежниковъ, Бибиковъ напомнилъ, что первый долгъ дворянина — жертвовать не только всѣмъ имѣніемъ своимъ, но и жизнію для спасенія и пользы отечества. Онъ выразилъ увѣренность, что каждый изъ присутствующихъ поможетъ ему въ усмиреніи возникшаго возстанія. Дворянство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ словамъ главнокомандующаго.

— Готовы мы, говорили присутствующіе, — за императрицу и отечество жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и своею жизнію, такъ какъ и предки наши всегда пребыли государю и отечеству въ непоколебимой вѣрности.

Въ тотъ же день дворянство опредѣлило составить изъ своихъ собственныхъ людей и своимъ иждивеніемъ *вооруженный конный корпусъ*, для чего собрать съ каждыхъ двухсотъ душъ по одному человѣку и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, а для вооруженія собираемаго ополченія генералъ-аншефъ Бибиковъ приказалъ выдать старые драгунскіе палаши и пистолеты изъ казанскаго коммиссаріата. Сборъ ополченія былъ распространенъ не только на собравшихся дворянъ, но и на тѣхъ, которые не были въ собраніи, «дабы не лишить и отсутственныхъ дворянъ таковаго жъ какъ и нашего усердія и ревности къ поспѣшествованію общаго блага» [1]). Командованіе корпусомъ было поручено родственнику Бибикова, оберштеръ-кригсъ-коммиссару генералъ-маіору Ларіонову [2]), и въ помощь ему, для занятія штабъ-и оберъ-офицерскихъ должностей, вызваны были охотники. Всѣ эти лица 5 января собрались на совѣщаніе, «и имѣя о содержаніи онаго корпуса въ воинской дисциплинѣ и строевомъ порядкѣ разсужденіе,

[1]) Военно-учен. арх., дѣло № 104 (А), листы 95 и 96.

[2]) Александръ Леонтьевичъ Ларіоновъ былъ своднымъ братомъ А. И. Бибикова. Мать Ларіонова была во второмъ бракѣ за Ильею Александровичемъ Бибиковымъ, овдовѣвшимъ по смерти матери Александра Ильича.

согласно положили: для лучшаго командованія онымъ корпусомъ, дабы каждый изъ насъ зналъ свою должность и отправлялъ ее добропорядочно и съ хорошимъ успѣхомъ, начать слѣдующимъ исполненіемъ. Какъ шефъ, такъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры при дворянскомъ своемъ корпусѣ служить пожелали изъ собственнаго ревностнаго усердія, то и не остается намъ ничего болѣе о себѣ сказать, какъ единственно посвятить жизнь нашу въ услугу ея величеству и отечеству, содержа въ памяти нашей данную нами Всемогущему Богу въ вѣрности службы клятву».

«Сей корпусъ надежно быть можетъ до 300 человѣкъ рядовыхъ, то и раздѣляется онъ на три компаніи, при которыхъ должности наши раздѣляются слѣдующимъ образомъ: шефъ командуетъ всѣмъ корпусомъ, такъ какъ воинская диспозиція и отъ его высокопревосходительства генералъ-аншефа А. И. Бибикова повелѣно будетъ, а прочіе штабъ- и оберъ-офицеры принять могутъ на себя *вообще имя товарища, но точію по старшинству*» [1]). Что же касается унтеръ-офицеровъ и капраловъ, то дворянство просило назначить ихъ изъ прибывшихъ въ Казань эскадроновъ Изюмскаго гусарскаго полка.

Не ограничиваясь принятіемъ мѣръ къ скорѣйшему сформированію корпуса, дворянство Казанскаго уѣзда пожертвовало войскамъ шубы, сукна на теплые чулки, лошадей для гусарскихъ эскадроновъ, и просило Бибикова, чтобъ онъ чрезъ предводителей дворянства пригласилъ всѣхъ остальныхъ дворянъ Казанской губерніи принять участіе въ составленіи такого же ополченія. Разосланныя Бибиковымъ пригласительныя письма оказали свое дѣйствіе.

---

[1]) Такимъ образомъ были назначены командирами: *1-й компаніи* — старшій товарищъ полковникъ Николай Толстой, а младшими товарищами: лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Александръ Толстой, капитаны Сергѣй Левашовъ и Гаврило Матюнинъ; *2-й компаніи*—старшій товарищъ подполковникъ Дмитрій Молоствовъ и младшіе товарищи: подпоручикъ Михайло Голосницкій и лейбъ-гвардіи конпаго полка вице-вахмистръ Иванъ Чюфаровскій; *3-й компаніи* — старшій товарищъ секундъ-маіоръ Сергѣй Тютчевъ, младшіе товарищи: титулярный совѣтникъ Алексѣй Мельгуновъ и поручикъ Александръ Наумовъ. Въ адъютантскія должности были избраны: лейбъ-гвардіи фурьеръ Яковъ Кудрявцевъ и капралъ Никаноръ Нормотскій (Моск. Арх. Главн. Штаба. Опись 47, кн. VI. Военно-учен. арх., д. № 104 (А), листъ 96).

Прежде всего казанскій магистратъ, слѣдуя примѣру дворянства, выразилъ желаніе сформировать одинъ *конный эскадронъ гусаръ* на своемъ «иждивеніи и содержаніи [1]), а въ половинѣ января А. И. Бибиковъ получилъ отвѣтныя письма отъ предводителей дворянства симбирскаго, свіяжскаго и пензенскаго. При этомъ прокуроръ Пензенской провинціи и предводитель пензенскаго дворянства Чемесовъ, «по неимѣнію по городу Петровску у благороднаго дворянства предводителя, потому что ихъ въ Петровскомъ уѣздѣ жительство имѣетъ самое малое число (всего пять человѣкъ)», донесъ, что дворяне готовы поставить съ каждыхъ 200 душъ по одному человѣку, всего 11 человѣкъ съ ружьемъ и продовольствіемъ [2]).

«Усердіе казанскаго дворянства меня обрадовало», писала Екатерина Бибикову [3]), «сей образъ мыслей прямо есть благороденъ».

Довольная «прямо дворянскими поступками казанскаго дворянства» [4]), императрица приказала прочесть донесеніе Бибикова въ собраніи Сената [5]), и затѣмъ 20 января 1774 года послѣдовалъ указъ дворцовой канцеляріи собрать со всѣхъ подвѣдомственныхъ ей крестьянъ Казанской губерніи по одному человѣку съ 200 душъ и «снабдить каждаго всѣмъ къ службѣ потребнымъ, какъ-то: мундиромъ, амуниціей и лошадью съ приборомъ» [6]). Для командованія этимъ ополченіемъ императрица, по просьбѣ Бибикова, приказала выбрать казанскихъ помѣщиковъ изъ числа желающихъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ и, пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, велѣла отправить какъ можно скорѣе въ Казань [7]).

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Бибикова отъ 17 января 1774 года, № 4. Военно-учен. арх., дѣло № 104 (А), листъ 110.

[2]) Рапортъ петровской воеводской канцеляріи Бибикову 27 января. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[3]) Рескриптъ Бибикову отъ 15 января. *Русскій Архивъ*, 1866 года, стр. 390.

[4]) Рескриптъ Бибикову отъ 16 февраля. *Русскій Архивъ*, 1866 года, стр. 393.

[5]) Записка князя Вяземскаго Сенату 17 января. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. 115.

[6]) Указъ Дворцовой канцеляріи 20 января 1774 года. Государственный Архивъ, XI, д. № 455.

[7]) Письмо Бибикова императрицѣ отъ 5 февраля 1774 года. Приложеніе къ *Запискамъ Академіи Наукъ*, т. I. Бумаги Бибикова, изданныя Я. К. Гротомъ, стр. 59. Письмо Екатерины Бибикову 16 февраля. *Русскій Архивъ*, 1866 года, стр. 393.

Сообщая объ этомъ Бибикову и принявъ на себя званіе *казанской помьщицы,* Екатерина поручила ему объявить свое благоволеніе казанскому дворянству за единодушное соединеніе и вспомоществованіе правительству и увѣрить его, что она считаетъ своею обязанностію цѣлость, благосостояніе и безопасность дворянства «ничѣмъ нераздѣлимо почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностію и благосостояніемъ» [1]).

Получивъ 27 января рескриптъ и письмо [2]), Бибиковъ поручилъ предводителю собрать 30 января всѣхъ дворянъ, жившихъ въ городѣ Казани и окрестностяхъ, для выслушанія высочайшихъ повелѣній. Въ этотъ день дворяне прислали къ главнокомандующему двухъ депутатовъ съ донесеніемъ, что они ожидаютъ его прибытія въ домъ предводителя и для бо́льшей церемоніи конвой изъ 50 человѣкъ вооруженныхъ уланъ при двухъ офицерахъ. На крыльцѣ дома предводителя Бибиковъ былъ встрѣченъ двумя дворянами, и затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ по лѣстницѣ привѣтствуемъ такимъ же числомъ. Послѣ краткой рѣчи Бибикова былъ прочтенъ рескриптъ императрицы, принятый со всеобщимъ восторгомъ.

— Да здравствуетъ великая наша самодержица! кричали собравшіеся; да царствуетъ надъ нами щедрая мать наша! Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что́ мы имѣемъ.

Дворяне просили дозволить имъ снять копіи съ рескрипта и хранить его у себя на память потомству о милостяхъ Екатерины къ казанскому дворянству.

Послѣ того предводитель дворянства казанскаго уѣзда Макаровъ прочелъ письмо, въ коемъ высказалъ благодарность за ми-

---

[1]) Рескрипты Бибикову 16 и 20 января 1774 года. *Записки о жизни Бибикова,* изданіе 1865 года, стр. 51. *Чтенія Общества Исторіи и Древностей,* 1860 года, кн. II, 65.

[2]) Г. Д. Апучинъ говоритъ, что вмѣстѣ съ рескриптомъ былъ полученъ и манифестъ, но это несправедливо. Какъ увидимъ ниже, манифестъ былъ изданъ 22 февраля и полученъ въ Казани въ первой половинѣ марта. См. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104 (А), листъ 185.

лость императрицы и попеченіе ея оградить подданныхъ отъ «бѣдствія напастей нашихъ». Онъ благодарилъ и Бибикова за совѣты, просилъ сохранить любовь и довѣренность къ дворянству и принять въ свое покровительство казанскій дворянскій корпусъ [1]).

«Воспріимите», читалъ въ заключеніе своего письма Макаровъ, «въ свое покровительство избраннаго нами шефа съ его товарищами, подайте имъ случай пролить кровь свою за благополучіе отечества нашего и матери нашей. Мы же, будучи очевидно увѣрены въ вооруженіи корпуса и ревностныхъ шефа стараніяхъ, имѣемъ несомнѣнную надежду, что всѣ они положатъ душу свою за возлюбленную нашу самодержицу».

Выдѣлившись изъ толпы, шефъ дворянскаго корпуса, генералъ-маіоръ Ларіоновъ, заявилъ, что онъ считаетъ настоящій день за прекраснѣйшій въ своей жизни, избраніе шефомъ — за честь, и готовъ остатокъ дней своихъ посвятить на службу дворянства, благородно «воспаленнаго ревностью и примѣромъ» [2]).

По окончаніи этой рѣчи, Бибиковъ прочелъ письмо къ нему императрицы отъ 20 января, въ которомъ она приняла на себя званіе казанской помѣщицы.

— Казанское дворянство, сказалъ предводитель Макаровъ по выслушаніи письма, — приноситъ вашему высокопревосходительству свою нижайшую благодарность за объявленіе пріятнѣйшей намъ вѣсти и проситъ дозволить намъ высказать наше чувство своей самодержицѣ.

Получивъ на это разрѣшеніе Бибикова, казанскій помѣщикъ Бестужевъ подошелъ къ портрету Екатерины II и прочелъ извѣстную рѣчь, сочиненную Г. Р. Державинымъ [3]).

— Исполненіемъ долга нашего, говорилъ, между прочимъ, Бе-

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Бибикова отъ 5 февраля 1774 года, № 10, Военно-ученый архивъ, дѣло № 104 (А), листъ 140—146.

[2]) Рѣчь Ларіонова напечатана въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, 1860 года, кн. II, 64, и въ *Запискахъ о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, стр. 57.

[3]) Государственный Архивъ, VI, д. № 527. Собственноручное донесеніе Бибикова императрицѣ отъ 5 февраля. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложеніе № 4, стр. 59.

стужевъ словами поэта, — хотя мы не заслуживаемъ особливаго вашего императорскаго величества высокаго намъ признанія; хотя мы недостойны любезнаго и намъ дражайшаго товарищества твоего, однако высочайшую волю твою разверзстымъ принимаемъ сердцемъ и за наивеличайшее ее почитаемъ благополучіе. Начертываемъ неоцѣненныя слова благоволенія твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. *Признаемъ тебя своею помѣщицею. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою!* Но за сіе ходатайствуй и ты за насъ у престола величества твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше тебѣ будутъ, помогай намъ и заступай насъ у тебя. Мы болѣе на тебя, нежели на себя надѣемся [1]).

По окончаніи торжественнаго чтенія всѣ отправились въ соборъ для слушанія литургіи и благодарственнаго молебствія, причемъ во время многолѣтія производилась пальба изъ орудій. Вечеромъ у предводителя былъ балъ, и всю ночь дома дворянъ были иллюминованы.

Донося о торжествѣ, происходившемъ въ Казани, генералъ-аншефъ Бибиковъ присовокуплялъ, что и прочее дворянство Казанской губерніи съ равнымъ усердіемъ приступило къ формированію корпусовъ: симбирское — 4 января, свіяжское — 15 и пензенское 26 января [2]). Предводителями этихъ корпусовъ были назначены: симбирскаго—секундъ-маіоръ Степанъ Ѳедоровичъ Глятковъ, пензенскаго — прокуроръ и предводитель дворянства Ефимъ Чемесовъ, а свіяжское ополченіе, по малочисленности дворянства, не могло составить особаго корпуса и потому положило присоединиться къ казанскому и признать начальникомъ своимъ отставного капитана Гавріила Матюнина, уже выбраннаго казанскимъ дворянствомъ въ составъ своего корпуса.

Находя, что поступокъ дворянства Казанской губерніи «пока-

---

[1]) Рѣчь эта въ полномъ объемѣ напечатана въ *Исторіи Пугачевскаго бунта* Пушкина, изд. 1881 года, т. VI, 121; въ *Запискахъ о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, стр. 52.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе Бибикова отъ 5 февраля, № 10. Военно-ученый арх., д. № 104 (А), листы 147 до 152.

зываетъ свѣту *и настоящихъ дворянъ* истинными и достойными преемниками и подражателями тѣхъ отличныхъ добродѣтелей и заслугъ, кои предкамъ ихъ доставляли по временамъ сіе преимущественное званіе», императрица 22 февраля издала особый манифестъ, въ которомъ восхваляла дворянство и купечество. Она повелѣла прочесть его во всѣхъ церквахъ, раздать по экземпляру всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя принимали участіе въ полезныхъ опредѣленіяхъ обществъ, и на память потомству положить въ архивъ каждаго города по нѣскольку экземпляровъ [1]).

Готовность дворянства содѣйствовать правительству въ усмиреніи мятежа была, конечно, утѣшительна, но Бибиковъ не обольщалъ себя и смотрѣлъ на это ополченіе не болѣе, какъ на средство поднять упавшій духъ населенія и хотя нѣсколько уменьшить опасность для самой Казанской губерніи. Онъ сознавалъ и доносилъ [2]), что «обнаженный, такъ-сказать, отъ воинскихъ командъ, здѣшній край не въ силахъ удерживать стремленіе многолюдной сей и на такомъ великомъ пространствѣ разсыпавшейся саранчи. Корпусъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, когда и весь соберется, можетъ только подать стѣсненному Оренбургу помощь, что я первымъ своимъ долгомъ исполнить и поставляю. Но страшусь, чтобы прибытіе войскъ для него было благовременно».

Главнокомандующій просилъ усилить его войсками и прислать въ его распоряженіе нѣсколько полковъ пѣхоты и въ особенности кавалеріи. Безъ этого онъ не видѣлъ возможности скоро усмирить мятежъ, потому что «находящіяся по разнымъ мѣстамъ и здѣсь гарнизонныя и такъ-называемыя инвалидныя команды, каковыми и первыхъ вообще съ ихъ начальниками назвать можно, только имя регулярныхъ военныхъ людей занимаютъ, не имѣя, къ стыду званія солдатскаго, ни малѣйшихъ къ тому способностей».

---

[1]) Рескриптъ Бибикову отъ 22 февраля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 485. Манифестъ же напечатанъ въ *Чтен. Общ. Истор. и Древн.*, 1860, кн. II, 77.

[2]) Императрицѣ отъ 30 декабря 1773 года. Военно-Ученый Архивъ, отдѣлъ I, д. 104 (А), листъ 75.

XIII.

Мѣры правительства къ усмиренію возстанія. — Засѣданіе государственнаго совѣта 9 декабря.—Мнѣніе Сената о преданіи анаѳемѣ какъ Пугачева, такъ и его сообщниковъ.—Указъ о предосторожностяхъ противъ возмутителей.—Манифестъ 23 декабря 1773 года.—Мѣры къ усмиренію башкирцевъ.—Состояніе войска Донскаго. — Сожженіе дома Пугачева и его воззваній.—Отправленіе въ Казань семейства Пугачева и награда за поимку его.

Неоднократныя просьбы Бибикова о присылкѣ войскъ, а главное рядъ самыхъ неутѣшительныхъ извѣстій, полученныхъ въ Петербургѣ о развитіи мятежа, заставляли правительство обратить на совершающіяся событія болѣе серьезное вниманіе. Въ день отъѣзда А. И. Бибикова изъ столицы, 9 декабря, состоялось засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій заявилъ о желаніи императрицы принять мѣры къ тому, чтобы мятежъ не распространялся далѣе Оренбургской губерніи и чтобы сосѣднія съ нею губерніи остались въ тишинѣ и покоѣ. Князь Вяземскій предлагалъ объявить отъ имени Сената, что въ Оренбургской губерніи умножились разбойничьи толпы, и что для недопущенія ихъ въ сосѣднія провинціи предписывается во всѣхъ деревняхъ сдѣлать рогатки и заставы, у которыхъ останавливать всѣхъ подозрительныхъ людей и отправлять ихъ къ начальству. Князь Орловъ находилъ, что подобная мѣра подастъ поводъ къ «прицѣпкамъ и остановкамъ» проѣзжихъ и «вмѣсто ожидаемаго сохраненія тишины, духи раздражены и скорѣе къ соединенію съ возмутителями расположены будутъ».

— Всякое узаконеніе тщетно, говорилъ Г. Г. Орловъ,—когда исполнительною властью оно не будетъ поддержано. Не имѣя тамъ нынѣ довольнаго числа войскъ, мы не можемъ надѣяться, чтобы сіе объявленіе порядочно исполняемо было, а потому лучше не дѣлать никакого, нежели дать случай къ новымъ неустройствамъ. Если же оное сдѣлать разсуждено будетъ, то надобно, по крайней мѣрѣ, положить ему предѣлъ исполненіемъ въ самыхъ только ближнихъ къ Оренбургу мѣстахъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Н. И. Панинъ находилъ,

что изолировать Оренбургскую губернію невозможно, что скрывать истину вредно и о происходящемъ подъ Оренбургомъ необходимо объявить во всенародное извѣстіе.

— О возмущеніи, безъ сомнѣнія, извѣстно уже во всемъ государствѣ, говорилъ графъ Панинъ, — и правительство, скрывая его предъ народомъ, придаетъ ему болѣе важности, нежели есть оно на самомъ дѣлѣ. Для отнятія всѣхъ вредныхъ мыслей и толковъ, слѣдовательно и для удержанія сосѣднихъ мѣстъ въ спокойствѣ, нужно объявить о томъ манифестомъ во всей Имперіи, именовать мятежниковъ разбойничьими толпами, а Пугачева воромъ и самозванцемъ.

Соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости обнародованія манифеста, государственный совѣтъ не отвергъ предложенія князя Вяземскаго и поручилъ ему составить проектъ объявленія и представить его совѣту [1]).

На слѣдующій день, 10 декабря, Сенатъ разсуждалъ, что «хотя нѣтъ сомнѣнія, чтобъ измѣнникъ Пугачевъ, по взятымъ на пораженіе его мѣрамъ, *вскорѣ истребленъ не былъ* (?), но какъ всего того надъ нимъ въ дѣйство произвесть еще некогда было, а между тѣмъ слухи объ измѣнѣ вездѣ часъ отъ часу распространяются и увеличиваются гораздо больше, нежели сколько въ самомъ дѣлѣ есть, то Сенатъ почитаетъ за нужное, чтобъ о сей измѣннической воровской партіи публиковано было во всемъ государствѣ отъ высочайшаго ея императорскаго величества имени краткими манифестами, съ точнымъ притомъ объявленіемъ, что какъ самъ предводитель той воровской шайки, измѣнникъ Пугачевъ, такъ равно и тѣ, кои въ сообщество его донынѣ вступили и впредь паче ожиданія вступятъ, *преданы отъ Св. Синода анаѳемѣ*».

Въ томъ же засѣданіи князь А. А. Вяземскій предложилъ на обсужденіе другой вопросъ: не слѣдуетъ ли публиковать указъ отъ имени Сената, чтобы населеніе имѣло осторожность отъ разбойническихъ шаекъ. Присутствующіе члены единогласно согласились съ мнѣніемъ генералъ-прокурора, но при этомъ постановили,

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, кн. I, стр. 445.

что указъ этотъ долженъ быть отправленъ на усмотрѣніе Бибикова, и если онъ признаетъ эту мѣру полезною, то публиковать его только въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской и Астраханской, въ Исетской провинціи и Екатеринбургскомъ горномъ вѣдомствѣ [1]).

Объявляя, что въ Оренбургской губерніи появилась шайка мятежниковъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ «отважился, даже безо всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя императора Петра III», Правительствующій Сенатъ предостерегалъ населеніе сосѣднихъ губерній, чтобъ оно не вѣрило ложнымъ разглашеніямъ и приняло мѣры къ охраненію себя отъ разбойническихъ партій. Съ этою цѣлью Сенатъ счелъ своимъ долгомъ напомнить жителямъ «и возобновить тѣ осторожности, которыя по причинѣ *бывшей моровой язвы* къ исполненію во всѣхъ селеніяхъ предписаны были: *ибо и сіе зло въ слабыхъ и неосторожныхъ людяхъ подобный моровой язвѣ вредъ произвести можетъ*». Предосторожности эти заключались въ томъ, чтобы въ каждомъ селеніи была оставлена одна дорога для въѣзда и выѣзда, всѣ же остальныя или были перекопаны, или заняты днемъ и ночью караулами. На проѣзжей дорогѣ должны были быть поставлены рогатки или ворота для опроса проѣзжающихъ. Въ каждомъ селеніи долженъ быть выбранъ смотритель «изъ лучшихъ людей», на обязанность коего возложено слѣдить за тѣмъ, чтобы «бродяги, а иногда и самые воры въ селеніе впущены не были, ибо ослабѣвъ и разбойническія шайки могутъ въ нищенскомъ одѣяніи и подъ разными видами входить и зло какъ разглашеніемъ, такъ и дѣйствіемъ коварнымъ производить». Всѣхъ подозрительныхъ приказано представлять начальству, шайкамъ бродягъ и разбойниковъ не давать ни пропитанія, ни пристанища, отражать ихъ силой и помогать войскамъ, давая знать о мѣстѣ сбора мятежниковъ. «А какъ долгъ званія дворянскаго обязываетъ оныхъ болѣе пещись о спасеніи невинныхъ крестьянъ своихъ отъ угрожаемаго отъ таковыхъ злодѣевъ разврата, мучительствъ и разоренія и о скорѣйшемъ и совершенномъ истребленіи сихъ без-

[1]) Журналъ Сената. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

человѣчныхъ злодѣевъ, то и не можно усомниться, чтобы всякій изъ нихъ не употребилъ своего раченія, силъ и возможности, дабы вспомоществовать воинскимъ командамъ, такъ какъ и частнымъ смотрителямъ въ вышеприведенномъ искорененіи и поимкѣ злодѣевъ» [1]).

Проектъ этого указа былъ утвержденъ въ засѣданіи государственнаго совѣта 12 декабря. На другой день онъ былъ уже напечатанъ, а 16 декабря графъ Н. Панинъ читалъ сочиненный имъ манифестъ, который и былъ одобренъ членами совѣта. Обнародованный 23 декабря, манифестъ этотъ впервые разнесъ по всей Имперіи извѣстіе о появленіи подъ Оренбургомъ самозванца подъ именемъ Петра III. «Излишне было бы, говорилось въ манифестѣ, обличать и доказывать здѣсь нелѣпость и безуміе такого обмана, который ни малѣйшей вѣроподобности не можетъ представить человѣку, имѣющему только общій смыслъ человѣческій. Богу благодареніе! протекло уже то для Россіи *страшное невѣжества время*, въ которое симъ самымъ гнуснымъ и ненавистнымъ обманомъ *могли влагать мечъ въ руки брату на брата такіе отечества предатели, каковъ былъ Гришка Отрепьевъ и его послѣдователи.* Уже всѣ истинные сыны отечества познали и долговременно выкупали потомъ плоды внутренняго спокойствія въ такой степени, что нынѣ приводитъ каждаго въ содраганіе и единое тѣхъ плачевныхъ временъ воспоминаніе. Словомъ, нѣтъ и не можетъ нынѣ быть ни одного изъ носящихъ достойно имя Россіянина, который бы не возгнушался толь безумнымъ обманомъ, какимъ разбойникъ Пугачевъ мечтаетъ себѣ найти и обольщать невѣждъ, унижающихъ человѣчество своею крайнею простотой, *обѣщая вывести ихъ изъ всякой властямъ подчиненности.* Какъ будто бы не самъ Творецъ всея твари основалъ и учредилъ человѣческое общество таковымъ, что оно безъ посредственныхъ между государя и народа властей существовать не можетъ».

Императрица выражала увѣренность, что всѣ вѣрноподданные будутъ гнушаться дерзкимъ обманомъ Пугачева и будутъ содѣйствовать правительству къ возстановленію тишины и покоя.

---

[1]) Указъ Сената отъ 13 декабря 1773 года. Арх. Глав. Штаба (въ Петербургѣ), кн. II, листъ 61. Пушкинъ, т. VI, приложеніе, стр. 182.

Какъ этотъ манифестъ, такъ и тотъ, который былъ отправленъ съ генералъ-маіоромъ Каромъ (отъ 15 октября), императрица приказала перевести на татарскій языкъ, для распространенія въ Башкиріи [1]). Она предоставляла Бибикову сдѣлать въ переводахъ манифестовъ, если признаетъ нужнымъ, поправки, «также вмѣсто имени генералъ-маіора Кара включить ваше или же послать и вовсе особое извѣщеніе». Бибикову поручено было выбрать изъ казанскаго татарскаго «духовенства» людей надежныхъ, «въ башкирскомъ народѣ кредитъ имѣющихъ», и отправить ихъ въ башкирскія селенія для увѣщеванія жителей. «Мы надѣемся, писала при этомъ Екатерина А. И. Бибикову [2]), что если сіи отправленные, яко же и прочіе татарскіе по духовенству чиновники, съ тѣмъ усердіемъ и вѣрностію, которою они намъ обязаны, за сіе примутся, то скоро всѣ непорядки прекращены будутъ, тѣмъ надежнѣе, что изъ давнихъ лѣтъ пріобрѣтенная по духовному чину надъ умами башкирцевъ татарская поверхность во всемъ никакого препятствія не полагаетъ».

Бибиковъ отправилъ не только въ Башкирію, но и въ Берду восемь человѣкъ надежныхъ татаръ и поручилъ имъ уговаривать населеніе, чтобъ оно отстало отъ самозванца, раскаялось и возвратилось въ свои дома.

Независимо отъ этого, по предложенію князя Вяземскаго, Бибиковъ потребовалъ къ себѣ подполковника Лазарева, управлявшаго прежде башкирцами и пользовавшагося ихъ уваженіемъ, но находившагося подъ судомъ за злоупотребленія. Главнокомандующій предложилъ ему, какъ средство заслужить прощеніе, отправиться въ Башкирію и содѣйствовать усмиренію населенія. [3]) Лаза-

---

[1]) Письмо князя Вяземскаго Бибикову 30 декабря 1773 года. Арх. Кабинета Его Величества.

[2]) Въ рескриптѣ, отъ 30 декабря 1773 года. Тамъ же.

[3]) Поводомъ къ такому предложенію было письмо Веревкина князю Вяземскому, отъ 23 декабря 1773 года, изъ Челябинска:

«Вашему сіятельству, писалъ Веревкинъ, изъ рапортовъ моихъ о несчастіи моемъ почти со всею провинціею извѣстно. Чего ради и осмѣливаюсь всенижайше просить, дабы благоволили ввѣренной мнѣ провинціи, находящейся теперь въ крайнемъ бѣдствіи, скорую помощь показать присылкою воинской команды; равнымъ образомъ прислать и для уговору башкирцевъ подполковника Лазарева, потому

ревъ охотно принялъ предложеніе и, снабженный деньгами на подарки вліятельнымъ лицамъ, отправился въ Исетскую провинцію. Въ помощь ему былъ назначенъ коллежскій ассессоръ Тоузаковъ, какъ человѣкъ знающій въ совершенствѣ быть и нравы башкирскаго народа. Съ ними отправлено было двадцать человѣкъ конвоя, одѣтаго и вооруженнаго по-гусарски, отпущена тысяча рублей на покупку вещей и предоставлено Лазареву право наиболѣе вѣрныхъ башкирцевъ производить въ сотники, пятидесятники и другіе чины, «смотря по людямъ и ихъ важности» [1]). Мѣры эти и извѣстія, что Уфа держится, что она не захвачена еще мятежниками, давали правительству надежду на возможность возвратить башкирцевъ увѣщаніями къ должному повиновенію. Съ усмиреніемъ Башкиріи, положеніе края могло значительно видоизмѣнится и являлась возможность ограничить волненіе предѣлами Оренбургской губерніи. Въ Казанскую губернію направлены были войска, къ Симбирску подходили четыре легкія полевыя команды, волжское войско не выказывало сочувствія къ мятежу, а главное утѣшительно было то, что донскіе казаки выражали отвращеніе къ самозванцу и полную готовность содѣйствовать правительству въ усмиреніи бунта.

Еще въ октябрѣ войско Донское постановило выбрать тысячу человѣкъ изъ лучшихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобъ они были готовы къ походу по первому требованію. Для недопущенія въ войско эмиссаровъ Пугачева, приказано было атаманамъ станицъ зорко слѣдить за всѣми пріѣзжающими и приходящими, «особливо изъ бродягъ и носящихъ на себѣ образъ нищаго» [2]).

Въ концѣ ноября 1773 года полковникъ Илья Денисовъ, тотъ самый, у котораго Пугачевъ находился на ординарцахъ и который наказалъ его «нещадно плетью», просилъ разрѣшенія военной коллегіи собрать изъ войска донскаго пятьсотъ человѣкъ казаковъ и съ ними идти прямо подъ Оренбургъ для пораженія

что оный башкирцами крайне любимъ и надѣюсь на милость Божію, что оный можетъ съ успѣхомъ сію коммиссію исполнить». Госуд. Арх., VI, д. № 504.

[1]) Письма Бибикова князю Вяземскому, отъ 8 и 29 января. Рапортъ его Сенату, отъ 8 марта 1774 г., № 57. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[2]) Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга I.

самозванца [1]). Одобряя такое предложеніе, императрица приказала полковнику Денисову, съ выбранными имъ казаками, слѣдовать въ Самару, гдѣ и поступить подъ начальство генералъ-маіора Мансурова [2]).

Послѣдующія извѣстія относительно донцовъ были еще болѣе успокоительнаго свойства. «Я уже имѣлъ счастіе доносить вашему сіятельству, писалъ Рычковъ князю Вяземскому [3]), въ письмахъ, отправленныхъ изъ Харькова, что разсѣявшійся тамъ слухъ, будто бы извѣстная толпа мятежниковъ шатается въ округѣ Царицына, дѣлалъ ѣзду мою весьма опасною [4]). Но приблизясь къ Царицыну, узналъ я, что сторона наша спокойна и больше еще утѣшился тѣмъ, что, проѣзжая станицами донскихъ казаковъ и стараясь постороннимъ образомъ извѣдать мысли ихъ въ разсужденіи Пугачева и всей измѣннической его толпы, нашелъ ихъ въ весьма хорошемъ расположеніи. Они гнушаются мерзостью его дѣйствій и больше еще стыдятся и того, что Донъ имѣлъ несчастіе произвести сіе чудовище на свѣтъ. Въ такомъ точно расположеніи нашелъ я, по крайней мѣрѣ, всѣхъ тѣхъ, съ коими мнѣ и бывшимъ при мнѣ разговаривать случилось».

То же самое подтверждалъ и оберъ-комендантъ крѣпости св. Димитрія, генералъ-маіоръ Потаповъ. Посланные имъ для наблюденія за донскими казаками офицеры, проѣхавшіе по рѣкамъ Дону, Сѣ-

---

[1]) Рапортъ полковника Денисова военной коллегіи, отъ 23 ноября 1773 года Государств. Арх., VI, д. № 504.

[2]) Указъ военной коллегіи А. И. Бибикову 17 января 1774 года, № 57. Москов. Арх. Главн. Штаба. Журналъ секретной экспедиціи, кн. 54, листъ 23.

[3]) Въ письмѣ, отъ 23 декабря 1774 года. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[4]) Коллежскій ассессоръ Рычковъ былъ главнымъ смотрителемъ Ахтубенскихъ шелковыхъ заводовъ и ѣхалъ на Ахтубу. Принявъ мѣры къ сохраненію спокойствія на заводахъ, Рычковъ писалъ князю Вяземскому, что «мерзость дѣлъ сего общаго злодѣя, раздирающаго спокойствіе отечества, приводитъ всѣхъ въ крайнее безпокойство, и злодѣянія его, надѣюсь, извѣстны вашему сіятельству. По точному извѣстію, сей убійца дни и ночи препровождаетъ въ пьянствѣ, но къ сохраненію своему наблюдаетъ разныя осторожности, и потому средство, кое приходитъ мнѣ иногда на мысль, истребить сіе чудовище способомъ человѣка смѣлаго и отчаяннаго (который бы подъ видомъ, что предался на его сторону, исполнилъ сіе дѣло) кажется ненадежнымъ, не говоря о томъ, сколь трудно будетъ отыскать и такого отчаяннаго». Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

*

верному Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, единогласно донесли, что ни въ одной изъ станицъ не встрѣтили сочувствія къ Пугачеву, причемъ ротмистръ Аѳанасій Болдыревъ, бывшій въ Зимовейской станицѣ, донесъ, что жена и дѣти Пугачева «по бѣдности между дворовъ бродятъ» [1]).

Это донесеніе возбудило вопросъ, какъ поступить съ имѣніемъ Пугачева, съ его женой, дѣтьми и племянникомъ, бывшимъ въ Петербургѣ и находившимся уже подъ присмотромъ. Такъ какъ они не принимали никакого участія въ бунтѣ, то, спрашивала Екатерина: «справедливо ли будетъ ихъ арестовать, ибо и Петръ Великій часто говаривалъ: «*братъ мой, а умъ свой*».

Государственный совѣтъ постановилъ, что «для возбужденія омерзѣнія къ Пугачеву злодѣянію должно домъ его на Дону, если найдется, или пустое мѣсто, гдѣ онъ живалъ, чрезъ палача разорить выжечь и посыпать солью». Семейство же самозванца и его племянника отправить въ Казань къ А. И. Бибикову, «разсуждая, писала Екатерина [2]), что можетъ быть они послужить вамъ иногда могутъ и нѣкоторымъ способомъ къ скорѣйшему и удобнѣйшему извлеченію изъ заблужденія легковѣрныхъ невѣждъ». Въ грамотѣ, данной по этому поводу войску Донскому [3]), императрица повелѣвала: жену, дѣтей и буде есть братьевъ самозванца, «безъ оказанія имъ наималѣйшаго огорченія, яко неимѣющимъ участія въ злодѣйскихъ дѣлахъ его, Пугачева», отправить къ генералъ-маіору Потапову для препровожденія ихъ въ Казань и «устыденія тѣхъ, кои въ заблужденіи своемъ самозванцовой лжи поработились».

«Привезенную къ вамъ (въ Казань) прямую жену Пугачева, писалъ впослѣдствіи главнокомандующій А. М. Лупину [4]), извольте приказать содержать на пристойной квартирѣ подъ присмотромъ, однако безъ всякаго огорченія, и давайте ей пропитаніе порядочное,

---

[1]) Рапортъ коменданта крѣпости св. Димитрія, генералъ-маіора Потапова, военной коллегіи, отъ 16 декабря 1773 года, № 7,159. Арх. Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листы 335—338.

[2]) Въ рескриптѣ Бибикову, отъ 10 января 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 485.

[3]) Отъ 10 января 1774 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), книга II, листъ 329.

[4]) Въ письмѣ, отъ 19 марта. *Рус. Архивъ* 1866 г., 385.

ибо такъ ко мнѣ указъ. А между тѣмъ не худо, чтобъ пускать ее ходить и чтобъ она въ народѣ, а паче черни могла разсказывать, кто Пугачевъ и что она его жена. Сіе однакожь надлежитъ сдѣлать съ манерою, чтобъ не могло показаться съ нашей стороны ложнымъ увѣреніемъ; паче-жь думаю въ базарные дни, чтобъ она, ходя, будто сама собою разсказывала о немъ кому можно или кстати будетъ...»

«Что же касается до дома Пугачева, находившагося въ Зимовійской станицѣ, то «въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, сказано было въ грамотѣ отъ 10 января, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся только хижинахъ, имѣетъ Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Димитрія штабъ-офицерѣ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной станицы жителей, при всѣхъ при нихъ сжечь и на томъ мѣстѣ чрезъ палача или профоса пепелъ разсѣять; потомъ то мѣсто огородить надолбами или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, яко осквернённое жительствомъ на немъ всѣ казни и лютыя истязанія дѣлами своими превосшедшаго злодѣя, котораго гнусное имя останется мерзостію на вѣки, а особливо для донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени, хотя отнюдь однимъ такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ намъ и отечеству помрачиться и нималѣйшаго претерпѣть не могутъ нареканія».

Назначенные генераломъ Потаповымъ маіоръ Рукинъ и войскомъ Донскимъ старшина Туровѣровъ отправились въ Зимовейскую станицу. Прибывъ на мѣсто 4 февраля 1774 года, они не нашли въ станицѣ семейства Пугачева и узнали, что оно живетъ въ Есауловской станицѣ у матери жены самозванца. Домъ послѣдняго былъ проданъ еще осенью 1773 года отставному казаку Еремѣю Евсееву за 24 р. 50 к. и перевезенъ имъ въ Есауловскую станицу. Не смотря на это, Рукинъ и Туровѣровъ признали необходимымъ отобрать домъ отъ Евсеева, сломали его и перевезли «прямо на то мѣсто, гдѣ его, злодѣя, Зимовейской станицы обитаніе имѣлось». Затѣмъ какъ домъ, «такъ и при рѣкѣ хижина съ огорожею и съ нѣсколькимъ числомъ садовыхъ деревьевъ»

6 февраля были сожжены, пепелъ разсѣянъ и мѣсто это окопано рвомъ для «оставленія на вѣчныя времена безъ поселенія, яко осквернепное злодѣйскимъ жительствомъ». При этомъ жители заявили маіору Рукину, что, гнушаясь и «мерзя злодѣйскими пороками» Пугачева, желаютъ переселиться на другое мѣсто, «о чемъ и просить намѣрены позволить имъ оное исполнить, дабы и имя сей станицы (хотя оно для положенія своего отъ наводненія предъ другими и выгоднѣе) могло совсѣмъ уничтожиться [1]).

Одновременно съ искорененіемъ имени Пугачева въ войскѣ Донскомъ, императрица приказала предавать публичному сожженію чрезъ палача всѣ его манифесты и воззванія [2]). Сенатъ объявилъ объ этомъ указъ 10 января 1774 года, съ прибавленіемъ, чтобы манифесты эти отнюдь не читались въ народѣ и никому не объявлялось ихъ содержаніе; но военная коллегія поручила А. И. Бибикову подлинные указы самозванца жечь, а копіи съ нихъ доставлять въ коллегію [3]).

«Между прочими мѣръ принятіями къ искорененію злодѣйствъ Пугачева, писалъ графъ З. Г. Чернышевъ Бибикову [4]), не безполезно кажется быть можетъ и обѣщаніе нѣкотораго награжденія тѣмъ кто его живаго взявъ приведетъ къ оренбургскому-ли губернатору, или же къ военнымъ нашимъ командирамъ. Таковое обѣщаніе помянутымъ губернаторомъ дѣйствительно и учинено, но какъ оно слишкомъ умѣренно, то пишу я теперь къ г. Рейнсдорпу и находящемуся въ Яицкомъ городкѣ подполковнику Симонову, дабы учинили они публикацію, что *за приведеніе означеннаго самозванца живаго дано будетъ въ награжденіе десять тысячъ рублей*».

Къ этому графъ Чернышевъ присоединилъ, что по просьбѣ главнокомандующаго императрица приказала отправить въ Казань

---

[1]) Рапортъ Потапова военной коллегіи 13 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Опись 47, кн. II. Желаніе станичниковъ, какъ увидимъ, было исполнено и станица наименована Потемкинскою.

[2]) Бумаги Екатерины, *Сборникъ Истории. Общества*, т. XIII, 441.

[3]) Указъ военной коллегіи Бибикову отъ 4 января 1774 года. Московскій Арх. Главн. Штаба. Журн. Секретн. Экспед., кн. 54, листъ 2.

[4]) Отъ 4 января 1774 года. *Записки Академіи*. Т. I. Приложеніе № 4, стр. 48.

тысячу человѣкъ малороссійскихъ казаковъ [1]). «Въ сихъ изстари ненависть примѣчена къ яицкимъ, писала Екатерина Бибикову [2]), а употребить ихъ будете какъ знаете».

XIV.

Прибытіе войскъ, назначенныхъ въ распоряженіе А. И. Бибикова. — Пораженіе мятежниковъ у Самары и пригорода Алексѣевска. — Планъ наступательныхъ дѣйствій.—Дѣйствія полковника Юрія Бибикова.—Пораженіе мятежниковъ у сел. Сухарева. — Освобожденіе Заинска. — Занятіе Нагайбака и крѣпости Бакалы. — Дѣйствія князя П. Голицына и генералъ-маіора Мансурова. — Воззваніе къ калмыкамъ.—Пораженіе мятежниковъ у деревни Захаркиной.—Состояніе Оренбурга.

Въ то время, когда формировалось казанское ополченіе и А. И. Бибиковъ принималъ мѣры къ усмиренію башкирцевъ, къ театру военныхъ дѣйствій стали подходить войска. 7 января прибыли на подводахъ три эскадрона Изюмскаго гусарскаго полка, а 8 января вступилъ въ Казань второй баталіонъ 2-го гренадерскаго полка. Чрезъ два дня, 10 января, прибылъ Владимірскій полкъ; 17 января—Архангелогородскій карабинерный и 27 числа остальныя роты Томскаго полка [3]).

Въ этотъ промежутокъ времени въ Симбирскъ прибыла 22-я легкая полевая команда; въ Сызрань—24-я легкая полевая команда и въ Саратовъ—два эскадрона поселенныхъ бахмутскихъ гусаръ [4]). 30 декабря генералъ-аншефъ Бибиковъ получилъ извѣстіе, что генералъ-маіоръ Мансуровъ, заболѣвшій горячкой и пролежавшій

---

[1]) Указъ Сенату отъ 15 января 1774 года. Арх. Кабинета Его Величества. Казакамъ этимъ приказано было собраться въ Глуховѣ и слѣдовать чрезъ города Ливны, Воронежъ, Новохоперскъ, Керенскъ, Саранскъ, Алатырь, Свіяжскъ и Казань, всего 1,153 версты. Они выступили тремя эшелонами: первый 12 февраля, второй 14 и третій 16, и должны были прибыть въ Казань чрезъ 48 дней. Рапортъ Малороссійск. коллегіи Сенату 17 февраля 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 504.

[2]) Въ письмѣ отъ 15 января 1774 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.* Т. XIII, 382.

[3]) Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 507; Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

[4]) При отправленіи этихъ эскадроновъ изъ Качалинской станицы, командиръ ихъ, капитанъ Собовъ, донесъ, что за старостію и онобленіемъ ноги выступить въ походъ не можетъ, и эскадроны были поручены капитану Краевичу.

въ Серпуховѣ безъ памяти семь дней, оправился отъ болѣзни, нагналъ 23-ю и 25-ю легкія полевыя команды и съ ними слѣдуетъ къ Симбирску, но находится еще въ 400 верстахъ отъ города [1]).

Прибытіе этихъ войскъ значительно усиливало боевыя средства Бибикова, «но, писалъ онъ [2]), къ утушенію заразы сего очень мало». Главнокомандующій очень хорошо понималъ, что не Пугачевъ важенъ, а важно всеобщее негодованіе. «Пугачевъ чучело», говорилъ Бибиковъ, «которою воры — яицкіе казаки — играютъ» [3]). На мѣстныя гарнизонныя команды положиться было невозможно, «что̀ я уже испытаніемъ знаю», писалъ Бибиковъ [4]). «Сія негодница довольна, что ихъ не трогаютъ и до первой деревни дошедши, остановясь, присылаютъ рапорты, что окружены и далѣе идти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ на выручку. Они ободрили злодѣевъ (на столько), что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза». Населеніе было увѣрено, что войска не желаютъ идти противъ государя, и простой народъ явно говорилъ, что солдаты драться не будутъ. Бибиковъ слышалъ эти разсказы по пути въ Казань, слышалъ и то, что въ нѣкоторыхъ полкахъ, какъ напримѣръ во Владимірскомъ пѣхотномъ, ходили разнаго рода непріятные слухи. Солдаты жаловались на тяжелую службу, говорили, что ихъ привели въ Петербургъ для участвованія въ церемоніи бракосочетанія великаго князя Павла Петровича, а не дали даже и «по чаркѣ водки». Они роптали на то, что ихъ заставляли вбивать сваи на дворцовой набережной, и говорили, что служба такъ тяжела, что они положатъ оружіе предъ появившимся «царемъ». Извѣстіе о походѣ было встрѣчено съ большою радостію. «Не на Воронежъ ли?» спрашивали солдаты другъ друга: «если туда, то дай Богъ, потому что тамъ все дешевле» [5]). По прибытіи въ Москву, солдаты разсказывали, что

---

[1]) Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 525.

[2]) Въ письмѣ къ своей супругѣ отъ 30 декабря 1773 года. *Записки о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, приложеніе, стр. 87.

[3]) Письмо А. И. Бибикова Д. И. фонъ-Визину отъ 29 января 1774 года. Тамъ же, стр. 76. Въ заголовкѣ письма ошибочно напечатанъ ноябрь мѣсяцъ.

[4]) Чернышеву отъ 17 января 1774 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 551.

[5]) Показаніе сержанта Владимірскаго полка Ивана Наумова. Госуд. Архивъ, VI, д. № 466.

появившійся подъ Оренбургомъ не Пугачевъ, а истинный государь, «да и государыня уже труситъ», говорилъ сержантъ Филиппъ Мухинъ [1]), «то въ Раненбомъ (Ораніенбаумъ), то туда, то сюда ѣздитъ, а графовъ Орловыхъ и духъ уже не помянется».

За полкомъ учрежденъ былъ строгій надзоръ, и въ Нижнемъ было арестовано нѣсколько солдатъ. Арестъ этотъ произвелъ грустное впечатлѣніе на А. И. Бибикова, и онъ «дьявольски труситъ за своихъ солдатъ, чтобъ они не сдѣлали такъ же, какъ гарнизонные: не сложили оружія предъ мятежниками» [2]). Тѣмъ не менѣе, главнокомандующій рѣшился дѣйствовать наступательно и, прежде всего, очистить отъ мятежниковъ Самарскую линію. Избирая для этой цѣли находившіяся вблизи Самары легкія полевыя команды и не имѣя понятія ни о составѣ офицеровъ, ни объ образѣ мыслей нижнихъ чиновъ, А. И. Бибиковъ отправилъ въ Симбирскъ и Самару лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручика Державина съ порученіемъ сдѣлать «примѣчаніе какъ на легкія обѣ полевыя команды, такъ и на гусаръ: въ какомъ состояніи они находятся и во всемъ ли исправны и какіе недостатки? каковыхъ имѣютъ офицеровъ и въ какомъ состояніи строевыя лошади?» [3])

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій отправилъ два предписанія: одно командиру 24-й полевой команды, маіору Муфелю, двинуться изъ Сызрани и выгнать мятежниковъ изъ Самары; а другое командиру 22-й команды, подполковнику Грипеву, выступить изъ Симбирска, присоединить къ себѣ бахмутскихъ гусаръ и слѣдовать на соединеніе съ Муфелемъ.

Отойдя верстъ тридцать отъ Сызрани, Муфель встрѣтилъ бѣжавшихъ изъ Самары: дворянъ съ ихъ семействами, капитана Балахонцева съ 23 солдатами и прапорщика Панова съ казаками. Узнавъ отъ нихъ, что Самара занята мятежниками, Муфель поспѣшилъ движеніемъ, и 28 декабря былъ уже въ пяти верстахъ отъ города, въ селѣ Рождественскомъ.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Волконскаго, 6 февраля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 465.

[2]) Письмо А. И. Бибикова Д. И. фонъ-Визину 29 января 1774 года.

[3]) Предписаніе Бибикова Державину, отъ 29 декабря 1774 года. *Сочиненія Державина*, изд. Я. К. Грота, т. V, стр. 1.

Здѣсь ему передали, что, по распоряженію атамана Арапова, партія въ 300 ставропольскихъ калмыковъ должна была атаковать отрядъ съ тыла, въ то время, когда самъ Араповъ двинется съ фронта.

Устроивъ вагенбургъ въ селеніи Рождественскомъ, маіоръ Муфель, въ 7 часовъ утра, 29 декабря, подошелъ къ Самарѣ, гдѣ былъ встрѣченъ огнемъ изъ двухъ полевыхъ и шести чугунныхъ орудій. Не теряя времени на перестрѣлку, онъ смѣло двинулся впередъ, и хотя встрѣтилъ упорное сопротивленіе, но штыками выгналъ мятежниковъ изъ города, захватилъ 200 человѣкъ плѣнныхъ и всѣ орудія, причемъ самъ лишился трехъ человѣкъ убитыми и пятнадцати ранеными. «Злодѣевъ хотя и побито довольное число, доносилъ онъ [1]), однако за великимъ снѣгомъ и мятелью, которыми трупы заносило, никакъ исчислить было не можно, да и здѣшними обывателями многіе трупы были покрадены».

Донося о своихъ дѣйствіяхъ Бибикову, маіоръ Муфель свидѣтельствовалъ о храбрости всѣхъ чиновъ, и въ особенности хвалилъ команду волжскихъ казаковъ, которые «немало свергали ихъ (мятежниковъ) съ коней пиками» [2]). Онъ писалъ, что «всѣ въ Самарѣ жители болѣе оказываютъ суровости нежели ласки», и что «самарское духовенство всемилостивѣйшую нашу государыню въ поминовеніи изъ эктеній исключило». Спрашивая Бибикова, какъ поступить со священниками, нарушившими обязанности и присягу вѣрноподданныхъ, Муфель доносилъ, что за неимѣніемъ свинца онъ долженъ нѣсколько дней пробыть въ городѣ, и просилъ прислать ему «хотя малую частицу карты, дабы я могъ узнать окрестности сего мѣста, а отъ старой карты ничего узнать не можно».

Между тѣмъ, 4 января прибылъ въ Самару подполковникъ Гриневъ со своимъ отрядомъ, при которомъ находился и поручикъ

---

[1]) Въ рапортѣ 31 декабря 1773 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

[2]) Въ статьѣ «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину» (*Русск. Вѣстн.* 1872 года, № 7, стр. 21) авторъ упоминаетъ о командѣ *польскихъ* казаковъ и недоумѣвая, откуда они явились, строитъ нѣсколько предположеній. Предположенія эти ошибочны и произошли отъ невѣрнаго чтенія документа, слѣдуетъ читать: *волгскихъ*, а не *польскихъ*.

Державинъ, имѣвшій предписаніе главнокомандующаго изслѣдовать, кто изъ жителей наиболѣе виновенъ во встрѣчѣ мятежниковъ. Всѣхъ таковыхъ было приказано отправить въ Казань, «а нѣкоторыхъ для страху жестоко на площади наказать плетьми при собраніи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребыть въ твердости и живота своего, какъ вѣрные подданные, щадить не долженствуютъ» [1]).

Въ теченіе двухъ дней Гриневъ, при содѣйствіи Муфеля и Державина, занимался возстановленіемъ порядка въ городѣ и приведеніемъ къ присягѣ жителей, отъ которыхъ отбирались подписки, что они впредь останутся вѣрными императрицѣ, не будутъ имѣть ни тайныхъ, ни явныхъ сношеній съ мятежниками и какъ самого Пугачева, такъ и его шайки будутъ почитать злодѣями, измѣнниками и разбойниками.

Что касается духовенства, то оно все оказалось виновнымъ, но Державинъ не призналъ возможнымъ арестовать его, опасаясь, «что лиша церкви служенія, не подложить бы въ волнующійся народъ, обольщенный разными коварствами, сильнѣйшаго огня къ зловредному разглашенію, что мы, наказуя поповъ, стѣсняемъ вѣру».

Раздѣляя это мнѣніе, главнокомандующій потребовалъ, чтобы казанскій архіепископъ Веніаминъ отправилъ въ Самару новыхъ священниковъ, а тѣхъ, которые оказались виновными, приказалъ прислать въ Казань. Отправивъ ихъ въ числѣ 9 человѣкъ, подполковникъ Гриневъ въ 2 часа ночи, на 7 января, выступилъ изъ Самары къ Алексѣевску со сборнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пѣхоты, кавалеріи и четырехъ единороговъ [2]).

Темная ночь и сильная мятель замедляли движеніе, и въ 9 часовъ утра Гриневъ остановился въ восьми верстахъ отъ пригорода Алексѣевска съ тѣмъ, чтобы дать людямъ отдохнуть и по-

---

[1]) Предписаніе А. И. Бибикова Державину 29 декабря 1773 года. *Сочиненія Державина*, изд. Я. К. Грота, т. V, стр. 2.

[2]) Опредѣлить численность отряда Гринева нѣтъ никакой возможности. Въ рапортѣ А. И. Бибикову онъ доносилъ, что у него было: «команды моей 80, да 24-й команды при командирѣ премьеръ-маіорѣ Муфелѣ 57; также отъ обѣихъ командъ были драгуны и егери; сверхъ того, Бахмутскаго полка два эскадрона неполные гусаръ и 30 человѣкъ, при есаулѣ, волгскихъ и саратовскихъ казаковъ».

кормить лошадей. Но ни того, ни другаго не удалось исполнить, такъ какъ мятежники, въ числѣ 2,000 человѣкъ [1]), подъ начальствомъ двухъ атамановъ: Арапова и Чулошникова, атаковали только-что остановившійся отрядъ. Построивъ каре, въ которомъ одинъ фасъ составляли гусары и казаки, второй—егеря, третій—мушкетеры и четвертый—драгуны, подполковникъ Гриневъ приказалъ открыть огонь и постепенно подвигался впередъ. Отвѣчая огнемъ изъ трехъ орудій, мятежники, почти всѣ конные, произвели рядъ атакъ, но прорвать каре не могли. Понеся весьма значительныя потери отъ разрывныхъ гранатъ, которыхъ сами не имѣли, мятежники стали отступать, будучи преслѣдуемы гусарами и казаками.

У самаго пригорода Алексѣевска Араповъ и Чулошниковъ пытались снова остановить Гринева, но и на этотъ разъ неудачно. Бой, продолжавшійся въ теченіе почти цѣлаго дня, окончился занятіемъ Алексѣевска. Потерявъ убитыми пять нижнихъ чиновъ и девять ранеными, подполковникъ Гриневъ захватилъ три чугунныхъ орудія съ 60 ядрами и 230 штукъ рогатаго скота [2]). Населеніе города было приведено къ присягѣ, а виновные въ возмущеніи были пересѣчены плетьми въ церковной оградѣ при собраніи всего народа [3]).

Отсюда, въ 3 часа утра, 9 января, подполковникъ Гриневъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Самарѣ къ Красному Яру, гдѣ, по свѣдѣніямъ, собрались ставропольскіе калмыки. Онъ успѣлъ захватить тристa штукъ рогатаго скота и двѣсти овецъ, но калмыковъ не настигъ, такъ какъ они вмѣстѣ со своею ханшей Дербетовою ушли за Араповымъ и Чулошниковымъ, отступившими вверхъ по рѣкѣ Кинелю.

Извѣстія о прогнаніи мятежниковъ изъ Самары и Алексѣевска и донесеніе Державина о благонадежности легкихъ полевыхъ командъ успокоили А. И. Бибикова и вселили въ немъ увѣренность, что

---

[1]) Въ составѣ толпы мятежниковъ находилось: 400 казаковъ, 600 калмыковъ, 300 черкесовъ и 700 человѣкъ мужиковъ, татаръ и другихъ.

[2]) Рапорты подполковника Гринева Бибикову 7 и 11 января 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 507 (1).

[3]) *Записки Державина*, изд. Я. К. Грота, т. VI, стр. 472.

войска будутъ обходиться съ сообщниками Пугачева какъ съ мятежниками. «Это придаетъ мнѣ храбрость», писалъ главнокомандующій [1]); являлась возможность перейти въ наступленіе, столь необходимое въ особенности со стороны Башкиріи, гдѣ дѣла были въ самомъ печальномъ положеніи.

Донесеніе Веревкина о происшествіи въ Челябинскѣ и затруднительное положеніе города Кунгура также озабочивали А. И. Бибикова. Кунгуръ находился въ пятистахъ верстахъ отъ Казани, а Челябинскъ еще дальше. Подать скорую помощь имъ было невозможно, потому что бунтъ распространился слишкомъ широко, и мятежники, перейдя рѣки Каму и Вятку, разграбили Иштымскій Иноземцова заводъ и набирали себѣ ополченіе почти у самой Казани. Войскамъ приходилось водворять спокойствіе на огромномъ пространствѣ, прежде чѣмъ они могли дойти до Кунгура. Не зная объ энергическихъ дѣйствіяхъ маіора Попова, генералъ-аншефъ Бибиковъ утѣшалъ себя тѣмъ, что на помощь городу явится коллежскій ассессоръ Башмаковъ, который, доносилъ онъ [2]), не только «своими служителями заводы свои, укрѣпя, защищаетъ, но и высылаетъ команды для поиска надъ злодѣями». Скоро однакоже и Башмаковъ призналъ свое безсиліе и писалъ Бибикову [3]), что «безъ подкрѣпленія регулярной воинской команды наше войско вовсе сумнительно и ненадежно, и теперь остается единая ко спасенію намъ надежда — высокая милость Божія».

Спѣшить на помощь по первому призыву или заявленію было невозможно, а разбрасывать войска по разнымъ направленіямъ и мелкими частями даже вредно. Оцѣнивъ свое положеніе, А. И. Бибиковъ рѣшился усмирять край постепенно и хотя медленно, но вѣрно. Онъ приказалъ генералъ-маіору Мансурову принять общее начальство надъ четырьмя легкими полевыми командами, продолжать наступленіе «живо и проворно», распространить свои поиски вверхъ по

---

[1]) Въ письмѣ фонъ-Визину. *Записки о жизни и службѣ Бибикова.* Изд. 1865 года, стр. 76.

[2]) Императрицѣ отъ 8 января. Военно-ученый Арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 99.

[3]) Въ рапортѣ отъ 18 января. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

рѣкѣ Самарѣ и войти въ связь съ отрядомъ генералъ-маіора Фрейманa, расположеннымъ въ Бугульмѣ [1]). Очистивъ отъ мятежниковъ пространство между Самарой и Бугульмой и закрывъ селенія отъ набѣговъ, оба генерала должны были двигаться къ Оренбургу, составляя авангардъ главныхъ силъ генералъ-маіора князя Голицына, попеченію котораго ввѣрено было «очищеніе земли къ сторонѣ Оренбурга» [2]).

«Если Оренбургъ имѣетъ пропитаніе», писалъ главнокомандующій графу З. Г. Чернышеву [3]), «то надѣюсь его спасти, а симъ уповаю и главную всему злу переломлю преграду. Но маршемъ поспѣшить великія настоятъ трудности, потому что число подводъ для подвоза пропитанія на корпусъ и для способствованія городу выходитъ большое по дальнему и степному положенію. А притомъ разсѣевшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постовъ Фрейманових проходу нѣтъ и на насъ лѣзутъ. Конвоированіе великаго подвоза требуетъ по степнымъ мѣстамъ людей; безъ прикрытія же и самую Казань со стороны Башкиріи оставить нельзя».

Для дѣйствія со стороны Башкиріи были сформированы два отряда: капитана Кардашевскаго, изъ пятидесяти гренадеръ и роты гусаръ съ однимъ орудіемъ, и полковника Юрія Бибикова изъ четырехъ ротъ 2-го гренадерскаго и трехъ ротъ (эскадроновъ) Изюмскаго гусарскаго полковъ (всего сто коней) при двухъ орудіяхъ.

Слѣдуя чрезъ городъ Арскъ и далѣе къ рѣкѣ Вяткѣ до впаденія ея въ Каму, капитанъ Кардашевскій долженъ былъ очистить все это пространство отъ шатающихся мятежниковъ, а полковникъ Бибиковъ — освободить Мензелинскъ и Заинскъ и очистить дорогу изъ Бугульмы, соединяющую Казань съ отрядомъ Фрейманa [4]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Бибикова 5 января 1774 года. Военно-ученый Архивъ, отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 92.

[2]) Тоже отъ 17 января 1774 года. Тамъ же, листъ 109.

[3]) Отъ 17 января 1774 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ). Секретныя бумаги о Пугачевѣ, кн. II, листъ 551.

[4]) Рапортъ Бибикова военной коллегіи отъ 21 января 1774 года, № 13. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

4 января Юрій Бибиковъ выступилъ изъ Казани съ своимъ отрядомъ, а на слѣдующій день двинулся и капитанъ Кардашевскій. При деревнѣ Каюкахъ онъ встрѣтилъ небольшую толпу бродягъ, оказавшихъ весьма малое сопротивленіе и разбѣжавшихся въ разныя стороны. Захвативъ три человѣка въ плѣнъ, Кардашевскій дошелъ до рѣки Вятки и не только не встрѣтилъ мятежниковъ, но и не «слыхалъ, чтобы гдѣ злодѣи шатались». Считая задачу свою относительно этой мѣстности исполненною, Кардашевскій пошелъ на соединеніе съ полковникомъ Юріемъ Бибиковымъ.

Послѣдній, слѣдуя чрезъ село Алексѣевское и Старошешминскъ, 13 января встрѣтилъ мятежниковъ въ селеніи Сухаревѣ, въ тридцати верстахъ отъ Заинска. Подходя къ селенію, полковникъ Бибиковъ послалъ впередъ подполковника Бедрягу съ гусарами и ротой гренадеръ, и приказалъ занять его. Мятежники разрушили мостъ черезъ лощину предъ Сухаревымъ, но, не смотря на то и на глубокій снѣгъ, подполковникъ Бедряга почти безъ сопротивленія занялъ селеніе. Мятежники расположились вокругъ отряда въ трехъ деревняхъ и хотя находились всего въ 2—4 верстахъ, но Бибиковъ принужденъ былъ остановиться на день въ селеніи Сухаревѣ, чтобы дать отдыхъ утомленному отряду. «Пушки у меня такъ тяжелы», писалъ онъ, «что я отъ нихъ время весьма много потерялъ; дороги такъ снѣжны, что и одна лошадь насилу можетъ идти».

Въ восьмомъ часу утра, 14 января, Ю. Бибиковъ атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и всѣ три селенія (Ерыклы крещеныя, Ерыклы и Туба магометанскія) сжегъ до основанія, «авось либо», писалъ онъ, «послѣ узнаютъ свое заблужденіе и возвратятся на путь истинный» [1]). Захваченныхъ въ плѣнъ мужиковъ полковникъ Бибиковъ пересѣкъ; сухаревскаго священника, читавшаго манифестъ Пугачева, и двухъ отставныхъ солдатъ, изъ коихъ одинъ кричалъ гусарамъ, чтобъ они перешли на сторону самозванца, отправилъ въ Казань въ секретную коммиссію. Обращая

[1]) Рапортъ полковника Ю. Бибикова А. И. Бибикову 15 января 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

вниманіе главнокомандующаго на энергію и храбрость подполковника Бедряги, Юрій Бибиковъ просилъ прислать ему три или четыре 3-хъ-фунтовыя пушки, а тѣ орудія, которыя у него были, оставить въ Запискѣ, «ибо съ ними», говорилъ онъ, «никуда не могу поспѣвать, изнуря въ дорогѣ людей и лошадей».

16 января Ю. Бибиковъ выступилъ изъ селенія Сухарева по направленію къ Записку. Верстъ за шесть отъ деревни Аскариной отрядъ былъ встрѣченъ атаманомъ Арепкуломъ Асѣевымъ съ шестьюстами мятежниковъ и тремя орудіями. Послѣ непродолжительной перестрѣлки Бибиковъ приказалъ ротѣ гренадеръ овладѣть батареей, что̀ и было исполнено. Мятежники обратились въ бѣгство, «но, доносилъ Ю. Бибиковъ, бѣгъ имъ былъ весьма неудаченъ, ибо они, скакавъ безпорядочною толпой, другъ дружкѣ мѣшали и вязли въ снѣгу». Подполковникъ Бедряга со своими гусарами рубилъ всѣхъ увязшихъ, и мятежники оставили на полѣ сраженія до 200 тѣлъ.

Изъ деревни Аскариной отрядъ двинулся къ Записку и былъ встрѣченъ мятежниками, расположившимися впереди города въ числѣ до 1,400 человѣкъ. Выставивъ на пригоркѣ три орудія, предводители толпы приставили къ нимъ канониpовъ, захваченныхъ въ Запискѣ и приказали имъ открыть огонь. Раздѣливъ свой отрядъ на три колонны, полковникъ Бибиковъ приказалъ: маіору Неклюдову уничтожить рогатки, поставленныя на дорогѣ, капитану Плахутѣ со второю колонной и поручику конной гвардіи Кошелеву съ третьей занять предмѣстье, раздѣленное рвами на двѣ части, и выгнать изъ него мятежниковъ. Самъ же Бибиковъ, поднявшись на высоту, находившуюся саженяхъ въ 200 отъ города, поставилъ на ней батарею, а подполковнику Бедрягѣ съ гусарами приказалъ обойти городъ и стать за перелѣскомъ.

Наступавшія колонны были встрѣчены выстрѣлами, но безвредными, потому что канониры стрѣляли сначала поверхъ головъ, а потомъ скатили свои пушки подъ гору и сами бѣжали къ атакующимъ.

Потеря трехъ орудій и мѣткій огонь батареи, выставленной полковникомъ Бибиковымъ, заставили мятежниковъ очистить городъ. Они бѣжали въ разсыпную, и «тутъ опять предсталъ случай

гусарамъ продолжать свою работу». Подполковникъ Бедряга, «какъ искусный и храбрый кавалерійскій офицеръ», стремительно преслѣдовалъ бѣгущихъ, и на протяженіи не болѣе двухъ верстъ изрубилъ до 300 человѣкъ; въ городѣ же найдено до ста убитыхъ и раненыхъ.

Въ Заинскѣ полковникъ Бибиковъ захватилъ подпрапорщика Буткевича, сдавшаго городъ вмѣстѣ съ капитаномъ Мертвецовымъ, арестовалъ священника и дьякона, служившихъ молебны о здравіи самозванца. Отправивъ ихъ въ Казань, въ секретную коммиссію, Юрій Бибиковъ доносилъ, что пробудетъ въ Заинскѣ дня четыре, «ибо со всѣхъ сторонъ приходятъ крестьяне, татары съ повинною, и сколько таковыхъ будетъ, донесу. Солдаты, которые положили ружья, прогнаны сквозь строй; дьячки за крикъ многолѣтія высѣчены» [1]).

Донесеніе это весьма обрадовало главнокомандующаго; «хотя писалъ правитель его канцеляріи [2]), вездѣ посланныя команды имѣютъ поверхность надъ злодѣями, но не было еще столь громкаго удара, каковой распространилъ повсюду деташаментъ Юрія Богдановича».

Приказавъ исключить изъ донесенія все, что относилось до наказанія, понесеннаго населеніемъ занятаго города, и представляя его въ копіи императрицѣ, А. И. Бибиковъ выражалъ увѣренность, что край «очистится отъ сей нечистой сволочи», и послѣдствія этихъ побѣдъ будутъ благотворны [3]). Дѣйствительно, на другой день по занятіи Заинска къ полковнику Бибикову явились съ повинною 22 деревни и заявили, что и прочіе ихъ односельцы, взятые мятежниками на службу, возвращаются въ дома. Ю. Бибиковъ выдавалъ имъ билеты и отпускалъ по домамъ, «ибо, доносилъ онъ [4]), держать мнѣ ихъ негдѣ, потому что тысячи четыре вчерашній день у меня ихъ съ повинною было».

---

[1]) Рапортъ полковника Ю. Бибикова отъ 18 января 1774 года. Рапортъ генералъ-маіора Фреймана генералъ-аншефу Бибикову 19 января 1774 года, № 25. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III и IV.

[2]) Алексѣй Бушуевъ, отъ 21 января. Государств. Архивъ, VI, д. № 527.

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ А. И. Бибикова, отъ 21 января 1774 года, № 5. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло 104 (А), листъ 112.

[4]) Рапортъ полковника Ю. Бибикова, отъ 19 января 1774 года. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

Изъ Заинска Ю. Бибиковъ пошелъ на освобожденіе маіора Перскаго, окруженнаго мятежниками въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ. Еще 27 декабря казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ отправилъ командира 2-го баталіона казанскаго гарнизона, маіора Перскаго, съ 100 человѣками и однимъ орудіемъ, къ Мензелинску. Онъ поручилъ ему ввести порядокъ въ городѣ и вступить въ управленіе, такъ какъ воевода Мажаровъ и маіоръ Тихановскій убѣжали въ Казань, за что и были преданы суду [1]).

Дойдя до села Елабуги, Перскій былъ окруженъ мятежниками, и хотя выдержалъ нападеній пять, но пройти къ Мензелинску признавалъ невозможнымъ. Онъ доносилъ, что по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы собралось болѣе шести тысячъ мятежниковъ, и просилъ помощи [2]).

Полковникъ Бибиковъ 26 января выступилъ изъ Заинска и, прибывъ въ сел. Ляки, писалъ, что не встрѣтилъ нигдѣ мятежниковъ, «да и отъ Мензелинска всѣ бѣгутъ въ степь, а большая часть въ Нагайбакѣ теперь жмется» [3]). Отправивъ маіора Неклюдова съ ротой гренадеръ и ротой гусаръ, Бибиковъ приказалъ ему выручить Перскаго, что и было исполнено, причемъ въ происшедшей схваткѣ мятежники потеряли до 200 человѣкъ убитыми [4]).

Прибывъ 30 января въ Мензелинскъ, полковникъ Бибиковъ не нашелъ и тамъ мятежниковъ; они, въ числѣ до двухъ тысячъ человѣкъ, собрались въ селѣ Пьяномъ-Бору, въ 15 верстахъ отъ города, на рѣкѣ Камѣ, гдѣ и построили укрѣпленіе «изъ дровъ на подобіе палисаду», дороги идущія въ село были завалены засѣками и колодами [5]).

На слѣдующее утро, 31 января, Ю. Бибиковъ отправилъ подполковника Бедрягу съ тремя стами человѣкъ пѣхоты, эскадро-

---

[1]) Рапортъ Брандта Сенату 8 января 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

[2]) Рапортъ Перскаго генералу Брандту 21 января. Показаніе крестьянина Кириллы Михайлова 25 января 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VI.

[3]) Рапортъ Ю. Бибикова главнокомандующему 28 января. Тамъ же.

[4]) Всеподдан. донесеніе А. И. Бибикова, отъ 29 января 1774 года, № 7. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 121.

[5]) Рапортъ Бибикова, отъ 2 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

номъ гусаръ и четырьмя пушками [1]), и приказалъ ему выгнать толпу изъ Пьянаго-Бора, а укрѣпленія сжечь.

Подходя къ селенію, Бедряга былъ встрѣченъ авангардомъ мятежниковъ, охранявшихъ дорогу, но оттѣснилъ ихъ и приготовился къ штурму укрѣпленія. Онъ раздѣлилъ свои силы на три колонны и, поручивъ ихъ маіору Неклюдову, конной гвардіи поручику Кошелеву и 2-го гренадерскаго полка поручику графу Санти, съ трехъ сторонъ двинулся на укрѣпленіе. Мятежники встрѣтили наступающихъ сильнымъ огнемъ, но послѣ жаркой схватки были отброшены и бѣжали, преслѣдуемые гусарами; засѣвшіе въ избахъ были переколоты. Въ отрядѣ Бедряги убитыхъ не было, а раненыхъ было всего 8 человѣкъ [2]). Мятежники оставили на полѣ сраженія до 400 человѣкъ и лишились 60 человѣкъ, захваченныхъ въ плѣнъ, «которыхъ, доносилъ Юрій Бибиковъ, я наказалъ кошками подъ висѣлицей и отпустилъ попрежнему въ свои дома. Теперь со всѣхъ сторонъ, изъ селъ и деревень, пріѣзжаютъ съ повинною; въ однѣ сутки 40 деревень признали свою вину и у меня явились. Февраля 1 числа прислалъ ко мнѣ злодѣйскій атаманъ Торновъ, изъ Нагайбака, отставнаго прапорщика Скугаревскаго, брата роднаго тому, что у меня переводчикомъ. Не отвѣчая ему ничего на вопросъ, велѣлъ публично, при наказаніи плѣнныхъ, профосу подъ висѣлицей сжечь. Капитанъ Алексѣевъ, что былъ въ Нагайбакѣ съ командой, оставя городъ, сочтя себя малымъ оный защищать, обще съ воеводой ретировался въ Мензелинскъ, котораго я теперь арестовалъ и держу подъ карауломъ до повелѣнія вашего высокопревосходительства».

Съ разсѣяніемъ мятежниковъ, собравшихся у Пьянаго-Бора, почти весь Мензелинскій уѣздъ до самой рѣки Ика былъ успокоенъ, за исключеніемъ части, прилегавшей къ Нагайбаку, на помощь которому была отправлена изъ окрестностей Уфы толпа въ

---

[1]) Введенный въ заблужденіе собственноручною припискою А. И. Бибикова въ рапортѣ императрицѣ, Д. Анучинъ невѣрно показалъ составъ отряда и ошибочно называетъ полковника Бибикова Васпліемъ. Василій Бибиковъ, тоже полковникъ, находился въ Екатеринбургѣ.

[2]) Въ числѣ раненыхъ стрѣлами были: артиллеріи поручикъ Байковъ и гусарскаго полка прапорщикъ Готовицкій.

*

четыре тысячи человѣкъ, съ 11—13 орудіями. Ю. Бибиковъ предупредилъ мятежниковъ занятіемъ Нагайбака, и они остановились въ крѣпости Бакалахъ [1]). Взявъ съ собою 300 человѣкъ пѣхоты, 120 гусаръ, 50 казаковъ и три орудія, Юрій Бибиковъ, въ 2 часа ночи на 11 февраля, выступилъ изъ Нагайбака. Пройдя 38 верстъ, онъ, въ 9 часовъ утра, 11 февраля, атаковалъ Бакалы и, безъ всякой потери въ людяхъ, овладѣлъ укрѣпленіемъ. Лишившись до 400 человѣкъ убитыми и раненымп, мятежники разсыпались въ разныя стороны, и окрестные жители являлись съ повинной. «Деревень съ полтораста пріѣхали за билетами, доносилъ Ю. Бибиковъ [2]), и каждая деревня безъ наряду привезла фуражъ». Онъ разослалъ по дорогѣ въ городъ Уфу приказанія, чтобы населеніе готовило продовольствіе для значительнаго отряда, и «имѣю извѣстіе, писалъ Ю. Бибиковъ, что по всей дорогѣ со всякою покорностью исполняютъ мое повелѣніе». Жители возвращались въ свои дома, и въ Казань стали ежедневно являться съ невнесенными податями и непоставленными рекрутами [3]). Возстановивъ порядокъ въ Бакалахъ, Ю. Бибиковъ возвратился въ Нагайбакъ, а затѣмъ получилъ приказаніе идти на соединеніе съ княземъ Голицынымъ.

Сосредоточивъ свой отрядъ у рѣки Камы, генералъ-маіоръ князь П. Голицынъ раздѣлилъ его на три колонны: *первая,* или средняя, подъ его личнымъ начальствомъ [4]), должна была двигаться по ново-московской дорогѣ [5]); *вторая*, полковника Изюмскаго гусарскаго полка Хорвата, направлена къ рѣкѣ Черемшану [6]); *третья*, премьеръ-маіора Владимірскаго полка Елагина, къ Билярску [7]).

---

[1]) Рапорты Юрія Бибикова А. И. Бибикову, отъ 6 и 9 февраля 1774 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Въ рапортѣ, отъ 12 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[3]) Всеподданнѣйшій рапортъ А. И. Бибикова, отъ 15 февраля 1774 года. Воен.-учен. Арх., дѣло № 104 (А), листъ 153.

[4]) Въ отрядѣ этомъ находилось: четыре роты гренадеръ и егерская команда, два эскадрона карабинеръ, одинъ эскадронъ гусаръ и шесть орудій полевой артиллеріи.

[5]) Дорога эта проходила изъ Москвы въ Казань, а оттуда, чрезъ Кичуевскій фельдшанецъ, Бугульму, деревню Сарманаеву и сакмарскій городокъ, въ Оренбургъ.

[6]) Двѣ роты гренадеръ и егеря Владимірскаго полка, по одному эскадрону карабинеровъ и гусаръ, съ тремя орудіями.

[7]) Двѣ роты гренадеръ Владимірскаго полка, эскадронъ карабинеръ и три полевыя орудія.

Торопясь соединиться съ «неподвижнымъ» отрядомъ генералъ-маіора Фреймана, стоявшимъ въ Бугульмѣ, князь Голицынъ 29 января прибылъ со своею колонной въ Кичуевскій фельдшанецъ, гдѣ узналъ, что мятежники группировались въ слѣдующихъ пунктахъ: у Ставрополя было до 1,400 калмыковъ; отъ Бѣлаго-Яра, вверхъ по рѣкѣ Черемшану, бродила толпа въ 600 человѣкъ; въ деревняхъ Каменкѣ и Шенталѣ, въ 30—40 верстахъ отъ Черемшанской крѣпости, стоялъ бузулукскій казакъ Чернеевъ съ 1,000 человѣкъ; въ окрестностяхъ Кувацкой слободы партія въ 500 человѣкъ; на рѣкѣ Кинели стоялъ Араповъ съ 400 человѣкъ и за Бугульмой, по дорогѣ къ Оренбургу, въ селѣ Рычковѣ (Спасское тожь) и деревнѣ Дымской находилось 1,000 человѣкъ съ семью орудіями [1]).

Глубокіе снѣга задерживали движеніе и заставили князя Голицына сформировать команду лыжниковъ; онъ приказалъ, чтобы въ каждой ротѣ было по 25 человѣкъ и всѣ егеря имѣли лыжи [2]). Поручивъ затѣмъ маіору Елагину очистить окрестности Ставрополя и войти въ связь съ отрядомъ подполковника Гринева, а полковнику Хорвату разогнать мятежниковъ въ деревняхъ Каменкѣ и Шенталѣ, самъ князь Голицынъ, 4 февраля, перешелъ въ Бугульму, гдѣ и соединился съ генераломъ Фрейманомъ. Въ ту же ночь онъ отправилъ два небольшіе отряда: маіора Варнстедта по московской дорогѣ и полковника Ильина къ Нагайбаку, для открытія связи съ отрядомъ полковника Ю. Бибикова.

Имѣя въ своемъ отрядѣ 160 гренадеръ, 80 карабинеровъ и 10 малолѣтковъ, полковникъ Ильинъ разогналъ небольшія толпы мятежниковъ въ деревняхъ Сумароковой, Акбашѣ, Крымъ-Сараѣ и затѣмъ, получивъ извѣстіе, что Нагайбакъ уже занятъ Ю. Бибиковымъ, онъ повернулъ на оренбургскую дорогу и пошелъ на соединеніе съ маіоромъ Варнстедтомъ.

Послѣдній выгналъ мятежниковъ изъ деревень Рычковой и Дымской и двинулся къ Сокъ-Кармалинской слободѣ, находившейся

---

[1]) Рапортъ князя Голицына генералу А. И. Бибикову, отъ 29 января 1774 г. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Рапортъ его же, отъ 22 января 1774 г. Тамъ же.

въ 50 верстахъ отъ Бугуруслана, скорѣйшее занятіе котораго признавалось крайне необходимымъ.

Бугурусланъ былъ ближайшимъ къ намъ пунктомъ, въ которомъ мятежники устроили склады продовольствія, обезпечивавшіе какъ отдѣльныя шайки, такъ и толпу, стоявшую подъ Оренбургомъ. Уничтоженіе этихъ складовъ или взятіе ихъ значительно затруднило бы всѣ предпріятія возмутителей, и потому князь Голицынъ приказалъ находившемуся въ окрестностяхъ Черемшанской крѣпости полковнику Хорвату соединиться съ отрядомъ маіора Елагина, какъ можно скорѣе занять Бугурусланъ [1]) и войти въ связь съ отрядомъ генералъ-маіора Мансурова, наступавшимъ по Самарской линіи.

Прибывъ въ Самару, Мансуровъ принялъ общее начальство надъ четырьмя легкими полевыми командами (22-ою, 23-ею, 24-ою и 25-ою), и прежде всего принужденъ былъ имѣть дѣло съ калмыками, грабившими окрестности. Получивъ приказаніе главнокомандующаго обратиться къ калмыкамъ съ увѣщаніемъ, Мансуровъ отправилъ къ нимъ воззваніе, написанное Г. Р. Державинымъ.

«Собственно вамъ самимъ довольно извѣстно, писалъ Мансуровъ калмыкамъ [2]), что вы съ нами одной вѣры, одного съ нами почитаете Бога. Собственно вы также знаете, сколько вы имѣли милостей всемилостивѣйшей нашей государыни, бывъ отъ нея награждены какъ жалованьемъ, такъ землей и всѣми угодьями, и находились подъ ея щедрымъ покровомъ безъ утѣсненія, то и удивительно всѣмъ, что вы, бывъ до сего люди добрые, сдѣлались нынѣ милосердой государыни измѣнниками.

«Для того послано сіе письмо къ вамъ, чтобы вы, ежели отъ какого неразумѣнія сдѣлали сіе, очувствовались и пришли бы въ раскаяніе. Кто вамъ сказалъ, что Государь Петръ III живъ, послѣ одиннадцати лѣтъ смерти его? откуда онъ взялся? Но ежели-бъ онъ былъ и живъ, то пришелъ ли бы онъ къ казакамъ требовать себѣ помощи? Нѣтъ развѣ на свѣтѣ государей, друзей его и сродни-

---

[1]) Рапортъ князя Голицына А. И. Бибикову 31 января 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Госуд. Арх. VI, д. № 527. *См. Соч. Державина*, т. VII, стр. 20.

ковъ, кто бы за него вступился, кромѣ бѣглыхъ людей и казаковъ? У него есть отечество—Голштинія и свойственникъ—великій государь Прусскій, котораго вы силу, бывъ противъ него на войнѣ, довольно знаете (?).

«Стыдно вамъ, калмыкамъ, слушаться мужика, бѣглаго съ Дона казака, Емельяна Пугачева, и почитать его за царя, который самъ хуже васъ всѣхъ, для того что онъ разбойникъ, а вы люди честные. Стыдно вамъ повиноваться тому, который можетъ-быть отъ непріятелей нашихъ турокъ подкупленъ лить кровь нашу, стараться помрачить славу россійскую и послѣ самъ васъ погубитъ своимъ злодѣйствомъ.

«Не хотите вы терпѣть господъ, то не стыдно ли вамъ въ то же самое время почитать крестьянина Аранова за своего господина, атамана, и во всемъ его слушаться. А особливо княгинѣ вашей не стыдно ли имѣть съ нимъ дружбу? Для того, ежели вы разсудите и раскаетесь и принесете повинность своей всемилостивѣйшей государынѣ, то она васъ своимъ матернимъ милосердіемъ въ манифестѣ уже прощаетъ; ускорите пасть къ ногамъ ея, доколь не постигнетъ васъ всѣхъ праведный гнѣвъ ея и строгая казнь. Многочисленные полки ея приблизясь всѣхъ васъ перебьютъ. Жалѣйте жизни своей, женъ, дѣтей своихъ и всего своего имѣнія, которое все погибнетъ безъ остатку.

«Видали вы при Алексѣевскомъ, какъ неустрашимо ея войско, то что̀ вы будете дѣлать, когда оно все на васъ нападетъ? гдѣ вы будете и куда спрячетесь? — васъ земля не будетъ носить; отъ стрѣлянія ея пушекъ слѣдъ вашъ пропадетъ и прахъ вашъ разсѣется по вѣтрамъ. Отнюдь не надѣйтесь на самозванца вашего, онъ васъ не защититъ; онъ не царь вашъ, онъ васъ обманываетъ, а вы развѣ дураки всѣ, что ему вѣрите? Я васъ увѣряю своей головой, что онъ тотчасъ побитъ будетъ, какъ только соберутся и придутъ къ нему полки. Вы же, какъ скоро принесете свою повинность, то простятся вамъ всѣ ваши грабежи и преступленія, и вы будете жить по старому.

«Жалѣючи васъ написано сіе вамъ увѣщаніе. Подумайте и отвѣчайте: что̀ вы еще хотите дѣлать»?

Воззваніе это не понравилось императрицѣ: «*оно такого слога,*

писала Екатерина [1]), *что онаго конечно не напечатаю*». По содержанію, воззваніе это нельзя назвать удачнымъ, и калмыки, не считая себя одной съ нами вѣры, не касаясь политическаго вопроса, къ кому бы Петръ III долженъ былъ обратиться за помощью, къ казакамъ или голштинцамъ, продолжали хищничать. Въ пять часовъ утра, 20 января, они подъ начальствомъ Дербетева, ворвались въ городъ Ставрополь, и хотя въ городѣ было 249 гарнизонныхъ солдатъ, но они не оказали никакого сопротивленія и не сдѣлали ни одного выстрѣла. Калмыки захватили шесть пушекъ, разграбили лучшіе дома и, уходя изъ города, увели съ собою коменданта, бригадира фонъ-Фегезака, падворнаго совѣтника Милковича, баталіоннаго командира Алашеева и секретаря Микляева. Всѣ эти лица были потомъ найдены убитыми близъ села Буяна, находившагося въ семидесяти верстахъ отъ города.

Разграбленіе Ставрополя и извѣстіе, что калмыки намѣрены напасть на транспортъ съ провіантомъ, отправленный изъ Симбирска въ Самару, заставили генералъ-маіора Мансурова командировать подполковника Гринева съ его 22-ю легкою полевою командой и ротой гусаръ къ Красному-Яру. Отступая отъ Ставрополя, Дербетевъ наткнулся на отрядъ Гринева, атаковалъ его, но былъ разбитъ и прогнанъ. Мятежники бросили пять пушекъ, захваченныхъ ими въ Ставрополѣ, потеряли 120 человѣкъ убитыми и 40 плѣнными. Поручивъ Гриневу преслѣдовать мятежниковъ до Черпорѣченска и зная, что полковникъ Хорватъ слѣдуетъ изъ Черемшана въ Сергіевскъ на соединеніе съ маіоромъ Елагинымъ для скорѣйшаго занятія Бугуруслана, генералъ-маіоръ Мансуровъ просилъ его содѣйствовать Гриневу въ пораженіи калмыковъ.

Прибывъ въ Сергіевскъ, полковникъ Хорватъ не засталъ тамъ маіора Елагина, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ выступившаго къ Бугуруслану, и нагналъ его близъ деревни Захаркиной во время боя съ калмыками, собравшимися здѣсь подъ начальствомъ Дербетева въ числѣ до двухъ тысячъ человѣкъ. Шедшій въ аван-

[1]) А. И. Бибикову отъ 16 февраля. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIII, 392.

гардѣ отряда Елагина, Владимірскаго пѣхотнаго полка капитанъ Воронинъ, со 106 человѣками пѣхоты, 30 гусарами и однимъ орудіемъ, былъ встрѣченъ предъ деревней выстрѣлами изъ трехъ орудій, а затѣмъ окруженъ мятежниками.

Воронинъ два часа отбивалъ атаки, пока подоспѣвшій на поле сраженія полковникъ Хорватъ не отправилъ ему въ помощь весь отрядъ маіора Елагина. Тогда мятежники отступили къ деревнѣ Захаркиной, но были выбиты и шесть верстъ преслѣдуемы кавалеріей. Оставивъ на мѣстѣ сраженія до 150 человѣкъ убитыми и одну пушку, калмыки разсыпались въ разныя стороны [1]). Дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ за чрезвычайно глубокимъ снѣгомъ оказывалось невозможнымъ, и полковникъ Хорватъ на слѣдующій день перешелъ въ слободу Черкаскую, гдѣ не нашелъ мятежниковъ, отступившихъ въ Борскую крѣпость, находившуюся на Самарской линіи.

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ февраля было очищено отъ мятежниковъ все пространство отъ границъ Башкиріи до рѣки Волги и далѣе на югъ по рѣкамъ Ику и Кинели до Самарской линіи.

Предоставивъ дальнѣйшія дѣйствія противъ толпы, скрывшейся въ Борской крѣпости, генералъ-маіору Мансурову, полковникъ Хорватъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Кинели прямо къ Бугуруслану, который и занялъ [2]). Здѣсь онъ остановился въ ожиданіи прибытія отряда князя Голицына, но послѣдній, будучи занятъ заготовленіемъ продовольствія какъ для себя, такъ и для Оренбурга, подвигался весьма медленно. Сформированный подвижной транспортъ стѣснялъ движеніе князя Голицына на столько, что онъ могъ прибыть въ Бугурусланъ не ранѣе конца февраля. «Причиной тому, доносилъ главнокомандующій императрицѣ [3]), бездорожица и глубокіе снѣга, тожь подвозъ пропитанія степными мѣстами слиш-

---

[1]) Рапортъ полковника Хорвата генералъ-маіору Мансурову отъ 6 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Рапортъ полковника Хорвата князю Голицыну отъ 8 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 5 февраля. Бумаги Бибикова, изд. Я. К. Грота. *Записки Академіи наукъ*. Т. I. прилож., стр. 57.

комъ на триста верстъ. Но нѣтъ трудности, которую бы вѣрныя и усердныя вамъ войска не преодолѣли. Я за нихъ и за себя дерзаю ручаться, что если успѣхъ равенъ будетъ усердію, то увѣнчается и дѣло желаемымъ концомъ. Ни о чемъ такъ не прошу Всевышняго, чтобы благословилъ пробавить Онъ пропитаніе Оренбургу. Что всего опаснѣе».

Прошло четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ городъ этотъ, предоставленный собственнымъ силамъ и средствамъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мятежниками. Блокада эта не имѣла ничего характернаго, ничего выдающагося, но была томительна для жителей, ощущавшихъ недостатокъ въ продовольствіи. «По благости Божіей», писалъ оренбургскій губернаторъ, генералъ Рейнсдорпъ, казанскому, фонъ-Брандту [1]), «здѣшнее общество находится въ городѣ благополучно, только крайне безпокоитъ бѣдственное страданіе гражданъ въ хлѣбѣ, который давно у всякаго изшелъ». Рейнсдорпъ принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ гражданамъ продовольствія изъ казенныхъ магазиновъ, и такимъ образомъ провіантъ выдавался ежедневно болѣе чѣмъ шестнадцати тысячамъ человѣкъ. «Но ежели онаго было бы достаточно, писалъ оренбургскій губернаторъ, то-бъ обойтиться можно было, а то и казенный весь безъ остатку въ расходъ вышелъ, слѣдовательно неминуемый наступаетъ голодъ». Фуража для лошадей также не было, и ихъ приходилось кормить хворостомъ, для рубки котораго посылались команды, но рѣдко съ успѣхомъ. Мятежники зорко слѣдили за всѣми выходящими изъ крѣпости, и старались захватить въ плѣнъ, нападая на команды въ несоразмѣрно большемъ числѣ. Положеніе оренбургскаго гарнизона и жителей съ каждымъ днемъ становилось хуже. Началось дезертирство изъ города, и высылаемыя казачьи партіи приводили мало плѣнныхъ. Яицкіе казаки и татары, бывшіе въ Оренбургѣ, находились подъ командой коллежскаго совѣтника Тимашева. «Онъ хотя человѣкъ усердный,

---

[1]) Отъ 4 января 1874 года. «Экстрактъ, сочиненный изъ дѣла о самозванцѣ Емельянѣ Пугачевѣ произведеннаго, объ обстоятельствахъ съ нимъ, Пугачевымъ, и съ измѣнническою его толпой происшедшихъ, и какія притомъ здѣшнія распоряженія и дѣйства учинены».

писалъ современникъ [1]); по толще покойнаго князя Ивана Васильевича Одоевскаго и много на него похожъ». По своей тучности, Тимашевъ никогда не выходилъ за ворота, и все что̀ доносили ему казаки считалъ истиной. Развѣдки производились плохо, и что̀ дѣлалось за чертой города—никто ничего не зналъ. Надежды на скорую помощь не было; добыть продовольствіе извнѣ было невозможно. Самымъ лучшимъ исходомъ для города и гарнизона былъ бы штурмъ. Никто не сомнѣвался, что послѣдній будетъ отбитъ, и тогда бы, пользуясь деморализаціей противника, можно было перейти въ наступленіе, захватить запасы въ Бердѣ и хотя на нѣкоторое время обезпечить себя продовольствіемъ. Но Пугачевъ понималъ, что съ такимъ ополченіемъ, какое было у него, взять Оренбургъ невозможно, а отъ дезертировъ зналъ то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится населеніе, благодаря недостатку продовольствія. Онъ рѣшился предоставить голоду сдѣлать свое дѣло и не предпринимать штурма, тѣмъ болѣе, что въ это время самозванецъ мечталъ о возможности овладѣть Яицкимъ городкомъ, куда отправилъ часть своихъ силъ, а потомъ и самъ уѣхалъ по приглашенію казаковъ.

XV.

Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ защитѣ Яицкаго городка.—Дѣятельность Толкачева. — Перестрѣлка гарнизона съ казаками. — Прибытіе Пугачева въ Яицкій городокъ.—Минныя работы мятежниковъ.—Взрывъ подкопа и попытка казаковъ штурмовать укрѣпленія.—Выборъ атамана и старшинъ.—Посылка Овчинникова за порохомъ въ Гурьевъ городокъ и возмущеніе въ немъ.—Новый подкопъ.—Женитьба Пугачева на Устиньѣ Кузнецовой.—Взрывъ миннаго колодца подъ колокольней.—Отъѣздъ Пугачева подъ Оренбургъ.—Жизнь Устиньи въ Яицкомъ городкѣ. — Ея придворный штатъ. — Переписка съ Пугачевымъ. — Переговоры Перфильева съ капитаномъ Крыловымъ.

Посланный самозванцемъ для дѣйствія противъ Яицкаго городка казакъ Михаилъ Толкачевъ проѣхалъ черезъ киргизскія урочища на Миргеневскій форпостъ и затѣмъ пошелъ по Яику (Уралу),

[1]) Ѳедоръ Сукинъ въ письмѣ петербургскому губернатору 8 апрѣля 1774 года: Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

забирая съ собою всѣхъ казаковъ. Набравъ такимъ образомъ толпу до 300 человѣкъ, Толкачевъ въ концѣ декабря подошелъ къ Яицкому городку [1]).

Комендантъ, полковникъ Симоновъ, еще послѣ перваго появленія Пугачева принялъ мѣры къ защитѣ и успѣлъ возвести непрерывную линію укрѣпленій. Упираясь обоими концами въ Старицу (старое русло рѣки Яика), укрѣпленія заключали въ своей чертѣ часть города и главныя зданія: домъ войсковой канцеляріи, гауптвахту и проч. Въ чертѣ укрѣпленій, или такъ-называемаго ретраншемента, находилась и соборная церковь съ высокою колокольней. Та и другая составляли одну линію съ валомъ передняго фаса. Колокольня имѣла входъ на самый верхъ, причемъ подъ колоколами были два помоста съ восемью окнами, расположенными на всѣ стороны. На этихъ помостахъ были поставлены двѣ трехфунтовыя пушки и расположены искуснѣйшіе стрѣлки. Поднятыя на значительную высоту и имѣя широкій обстрѣлъ, пушки эти наносили сильный вредъ и дальность ихъ выстрѣла достигала одной версты.

Внутри укрѣпленій былъ помѣщенъ провіантъ, порохъ, сдѣланъ запасъ дровъ и устроены землянки для нижнихъ чиновъ.

Въ такомъ положеніи полковникъ Симоновъ могъ считать себя до нѣкоторой степени обезпеченнымъ отъ штурма и надѣялся удержать городъ до прибытія подкрѣпленій.

Получивъ 29 декабря извѣстіе о приближеніи Толкачева съ толпой, Симоновъ выслалъ на встрѣчу ему старшину Мостовщикова съ 80 человѣками оренбургскихъ и яицкихъ казаковъ. Выступивъ въ ночь на 30 декабря, Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ мятежниками, которые захватили въ плѣнъ 24 человѣка оренбургскихъ казаковъ и присоединили къ себѣ добровольно передавшихся всѣхъ яицкихъ. Трое оренбургскихъ казаковъ успѣли избавиться отъ плѣна и предъ зарей прискакали обратно въ городъ [2]). Выслушавъ ихъ показаніе, Симоновъ при-

[1]) Показаніе Толкачева 14 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 467.

[2]) Журналъ дѣйствій команды въ яицкомъ ретраншементѣ съ 30 декабря 1773 года по 16 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

казалъ ударить въ набатъ, служившій сигналомъ, по которому всѣ желающіе казаки должны были перейти въ ретраншементъ подъ защиту войскъ [1]). Такихъ набралось не болѣе 70 человѣкъ, а большинство осталось въ домахъ изъ опасенія, чтобы Толкачевъ не выжегъ города и не предалъ смерти ихъ женъ и дѣтей. Опасеніе это было тѣмъ болѣе основательно, что Толкачевъ всѣхъ противившихся ему вѣшалъ или бросалъ въ воду съ камнями на шеѣ. Такъ онъ утопилъ атамана Ѳедора Бородина и старшину Мостовщикова, повѣсилъ нѣсколькихъ священниковъ и казаковъ.

Утромъ 30 декабря Толкачевъ подошелъ къ Яицкому городку и былъ сочувственно принятъ жителями. Призвавъ къ себѣ духовенство и собравъ кругъ, онъ объявилъ указъ о вступленіи на престолъ императора Петра III и приказалъ упоминать въ церквахъ его имя и имя наслѣдника цесаревича. Вслѣдъ затѣмъ онъ двинулся къ ретраншементу и вмѣстѣ съ присоединившимися къ нему городскими казаками открылъ огонь. Засѣвъ въ высокія избы и забравшись подъ кровли, мятежники были безопасны отъ ружейнаго огня изъ укрѣпленій, и напротивъ, сами могли бить на выборъ. Поэтому Симоновъ приказалъ стрѣлять преимущественно изъ орудій и направлять огонь на ближайшія строенія; но каленыя ядра пробивали насквозь деревянныя стѣны домовъ и, падая въ снѣгъ, потухали. Тогда трое солдатъ 6-й легкой полевой команды вызвались зажечь руками ближайшій дворъ, что и исполнили съ успѣхомъ и безъ всякаго вреда для себя. Пожаръ быстро распространился по всему городу, мятежники стали разбѣгаться, преслѣдуемые выстрѣлами изъ ретраншемента.

Съ наступленіемъ вечера, гарнизонъ произвелъ вылазку и успѣлъ зажечь еще нѣсколько строеній. Такія вылазки и поджиганіе домовъ продолжались три дня сряду, и предъ ретраншементомъ образовалась обширная обгорѣлая площадь шириной отъ

---

[1]) А. С. Пушкинъ обвиняетъ Симонова въ робости, но это едва ли справедливо. Осторожность не есть робость, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ многочисленныхъ показаній мы не встрѣтили ни одного намека въ подтвержденіе этого факта, да и самъ капитанъ Крыловъ, считавшій себя недостаточно награжденнымъ, изложилъ свои заслуги въ письмѣ Г. А. Потемкину, но не упомянулъ, что онъ распоряжался вмѣсто Симонова.

25—100 саженъ. Въ глубинѣ ея виднѣлись устья улицъ, расходившихся въ разныя стороны и заваливаемыхъ баррикадами. Желая преградить доступъ къ своимъ жилищамъ, казаки строили завалы въ нѣсколько бревенъ толщиной, продѣлывали въ крайнихъ избахъ бойницы и устроивали насыпи въ разныхъ мѣстахъ подъ батареи [1]). Сознавая, что и этихъ мѣръ недостаточно, чтобъ обезпечить себя отъ вылазокъ гарнизона, владѣвшаго достаточнымъ числомъ орудій, Толкачевъ отправилъ въ Берду донесеніе о своей дѣятельности, съ просьбой прислать ему помощь, а главное пушекъ. Онъ писалъ, что занялъ городъ, но только потому, что казаки не сопротивлялись; что Симоновъ заперся въ ретраншементѣ, и такъ какъ Дусали-султанъ киргизскій не прислалъ ни одного человѣка, то овладѣть ретраншементомъ онъ не въ силахъ. Пугачевъ тотчасъ же послалъ въ Яицкій городокъ атамана Овчинникова съ 50 казаками, тремя пушками и однимъ единорогомъ, а черезъ нѣсколько дней поѣхалъ туда и самъ, въ сопровожденіи восьми человѣкъ конвоя [2]).

На другой день послѣ Крещенья, 7 января, Толкачевъ прислалъ сказать духовенству, что государь ѣдетъ въ городъ и приказалъ выдти къ нему навстрѣчу всѣмъ соборомъ. Облачась въ ризы, духовенство вышло за городъ съ крестами и образами, а казаки съ хлѣбомъ и солью. Пугачевъ приложился ко кресту, а потомъ принялъ хлѣбъ-соль и поцѣловалъ ихъ. Увидѣвъ въ толпѣ своего знакомаго Дениса Пьянова, самозванецъ обратился къ нему съ вопросомъ: «ну что, узнаешь ли ты меня?»

— Какъ не узнать! вѣдь дѣло-то недавно было.

---

[1]) Журналъ дѣйствій команды въ яицкомъ ретраншементѣ. Показанія казака Ивана Харчова и пономаря Петра Живетина. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 508. См. также статью: «Оборона Яика отъ партій мятежниковъ» въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1824 года, ч. XIX.—Статья эта съ небольшими измѣненіями перепечатана въ *Архивѣ князя Воронцова,* кн. XVI, стр. 470. А. С. Пушкинъ разсказъ о происшествіяхъ подъ Яикомъ основалъ на этой статьѣ, но она во многомъ невѣрна, а главное преувеличена опасность положенія гарнизона, его потери и проч.; точно такого же характера и статья «Яицкое казачество 1680 — 1774» (*Русск. Вѣстн.* 1863 г., № 8). Разсказъ о штурмѣ также преувеличенъ и отчасти искаженъ.

[2]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Якова Почиталина. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

— Смотри же, я не Емельянъ Ивановъ, а государь вашъ Петръ Ѳедоровичъ. Я хлѣбъ-соль твою помню и тебя не забуду.

Послѣ обычной церемоніи цѣлованія руки, самозванецъ отправился прямо въ домъ Толкачева [1]), а затѣмъ вышелъ посмотрѣть на укрѣпленія, построенныя Симоновымъ. Выбравъ наиболѣе удобное, по его мнѣнію, мѣсто, Пугачевъ приказалъ строить на немъ батарею и приступить къ устройству подкопа подъ одну изъ фланговыхъ батарей ретраншемента, болѣе другихъ опасную для жителей города. Для этого, по приказанію самозванца, было собрано до 150 человѣкъ рабочихъ и 11 человѣкъ плотниковъ, руководителемъ коихъ былъ выбранъ мордвинъ, Пензенскаго уѣзда, Яковъ Кубарь. Вся эта толпа подъ предводительствомъ самого Пугачева отправилась въ погребъ казака Ивана Губина, находившійся въ 50 саженяхъ отъ батареи, и тутъ самозванецъ «самъ въ стѣнѣ, зачертивъ три аршина въ ширину и три аршина въ длину», приказалъ Кубарю вырубить стѣну и рыть подкопъ. Пугачевъ показывалъ какъ производить работу и по нѣсколько разъ, днемъ и ночью, приходилъ въ погребъ, чтобъ слѣдить за ея ходомъ. «Освѣщали оный подкопъ», показывалъ Кубарь [2]), «множествомъ сальныхъ и восковыхъ свѣчей. Во время работы приказывалъ онъ мнѣ, чтобы не шумѣли, работы производили бы тихо и отдушины дѣлать почаще,—сажени три, четыре и пять одна отъ другой». Подкопъ вели въ прямомъ направленіи, и когда онъ достигъ до 50 саженъ длиной, то Пугачевъ приказалъ прекратить работы, говоря, что теперь подошли уже подъ валъ укрѣпленія. Въ концѣ подкопа была поставлена бочка, въ которую насыпали до 10 пудовъ пороха и покрыли его тряпицей. Часа за три до разсвѣта, 20 января, Пугачевъ приказалъ яицкимъ казакамъ быть готовыми и какъ только послѣдуетъ взрывъ, то штурмовать ретраншементъ. Самъ же онъ вмѣстѣ съ Кубаремъ и однимъ работникомъ спустился въ галлерею «съ зажженною свѣчей, сдѣланной изъ воска, съ особливою свѣтильней, намазанною незнаемо чѣмъ-то для того, чтобъ отъ духа она не погасла». Установивъ свѣчку въ срединѣ

---

[1]) Показаніе пономаря Петра Живетина. Госуд. Арх., VI, № 508.

[2]) Показаніе Кубаря 15 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, № 467.

боченка, не закрывъ отдушинъ и не сдѣлавъ забивки горна, самозванецъ вышелъ изъ галлереи. Когда свѣча догорѣла, послѣдовалъ взрывъ, причинившій весьма малый вредъ укрѣпленію, но разрушившій часть контръ-эскарпа, осѣвшаго въ ровъ на столько, что послѣдній былъ засыпанъ почти до половины. Дымъ отъ взрыва не успѣлъ еще разсѣяться, какъ огромная толпа мятежниковъ, среди которой были видны женщины, бросилась штурмовать укрѣпленіе. До двухсотъ человѣкъ спустились въ ровъ и, при помощи лѣстницъ, пытались взобраться на валъ, но, встрѣченные штыками, они не могли овладѣть укрѣпленіемъ. По собравшимся на площади казакамъ былъ открытъ картечный и ружейный огонь, заставившій ихъ разбѣжаться съ огромной потерей. Скрывшись по улицамъ и не смѣя показаться на площадь, казаки засѣли въ крайнихъ домахъ и открыли огонь по ретраншементу, но какъ разстояніе до него было теперь довольно значительно, то выстрѣлы ихъ и не причиняли особаго вреда гарнизону.

Между тѣмъ, спустившіеся въ ровъ мятежники подкапывали насыпь, рубили заплотные столбы и пытались снова взобраться на валъ, но всѣ ихъ попытки оказались безуспѣшными. Будучи отрѣзаны отъ своихъ цѣлою площадью, обстрѣливаемою сильнымъ картечнымъ огнемъ, они не могли ожидать помощи и были не страшны гарнизону. Сначала на нихъ сыпали горячую золу и лили варъ, а потомъ произведена была вылазка подъ начальствомъ подпоручика 6-й легкой полевой команды Полстовалова. Принятые въ штыки, мятежники, послѣ слабаго сопротивленія, были выгнаны изо рва, и какъ только появились на площади, ихъ осыпали картечью и ружейными пулями. Большинство ихъ было или убито, или ранено, и штурмъ укрѣпленія, продолжавшійся около 10 часовъ, лишилъ Пугачева до 400 человѣкъ его сообщниковъ; потеря гарнизона состояла изъ 15 человѣкъ убитыми и 22 ранеными [1]). Опасаясь вылазокъ, казаки усилили караулы на баррикадахъ и обвинили Кубаря въ измѣнѣ, говоря, что онъ нарочно велъ под-

[1]) Журналъ дѣйствій команды въ яицкомъ ретраншементѣ съ 30 декабря 1773 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV. Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 506. «Оборона крѣпости Яика», *Отечественныя Записки* 1824 г., ч. XIX, № 52.

копъ не туда, куда слѣдовало. Пугачевъ хотѣлъ его повѣсить, но одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ толпѣ, выстрѣлилъ и ранилъ Кубаря въ животъ. Самозванецъ приказалъ отыскать другого минера, и собираясь уѣхать въ Берду, велѣлъ вести новый подкопъ подъ церковь, такъ какъ казаки увѣрили его, что пороховой погребъ гарнизона находится подъ колокольней.

Предъ отъѣздомъ Пугачевъ приказалъ яицкимъ казакамъ выбрать себѣ атамана, и за нѣсколько дней спрашивалъ разныхъ лицъ, кого бы они желали имѣть своимъ начальникомъ. Большинство указывало на казака Никиту Каргина, человѣка жестокаго по характеру, но набожнаго, «для спасенія своей души и богомолія» жившаго въ пустынѣ на рѣкѣ Ташлѣ, находившейся въ 100 верстахъ отъ Яицкаго городка и недавно пріѣхавшаго повидаться съ семьей. Самозванецъ призвалъ къ себѣ Каргина, посмотрѣлъ на него пристально и отпустилъ.

— Поди теперь домой, сказалъ Пугачевъ, — а впредь будешь ты мнѣ надобенъ.

Чрезъ нѣсколько дней самозванецъ опять призвалъ къ себѣ Каргина и отправился съ нимъ на площадь, гдѣ собранъ былъ казачій кругъ. Тамъ, по приказанію Пугачева, казакъ Иванъ Герасимовъ прочелъ прежній указъ самозванца, въ которомъ онъ жаловалъ казаковъ землей и вольностію, рѣкой Яикомъ со всѣми впадающими въ нее рѣками и протоками.

— Извольте, яицкое войско, сказалъ затѣмъ Пугачевъ,—выбрать себѣ атамана и старшинъ, по прежнему вашему обыкновенію, кого хотите—отдаю это на вашу волю. Если выбранные атаманы и старшины не станутъ дѣлать войску угодность и казаки будутъ ими недовольны, то отдаю на ихъ волю, хоть черезъ три дня, стараго атамана и старшинъ смѣнить, а на мѣсто ихъ выбрать другихъ старшинъ, въ кругу, по общему совѣту.

— Довольны, батюшка, надежа-государь, кричали одни, — вашею царскою милостію.

— То-то отецъ-то, кричали другіе, — отдаетъ на нашу волю выборъ атамана! Онъ старинный нашъ обычай по прежнему хочетъ возстановить.

Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній казаки указали на Ни-

киту Каргина, Аѳанасія Перфильева, присланнаго предъ тѣмъ изъ Берды съ письмами къ самозванцу, и на Ивана Фофанова. При этомъ они объявили, что перваго выбираютъ атаманомъ, а послѣднихъ двухъ старшинами.

Услышавъ это, Каргинъ, «не желая быть въ такомъ большомъ достоинствѣ», сталъ передъ самозванцемъ на колѣни и просилъ его уволить отъ этой должности.

— Помилуй, ваше величество, говорилъ онъ, — я этой должности за старостію и неумѣніемъ грамотѣ снести не могу.

— Какъ! такъ ты поэтому мнѣ служить не хочешь? спросилъ съ сердцемъ Пугачевъ. — Весь міръ теперь обращается ко мнѣ, а ты одинъ хочешь противиться?

— Я радъ тебѣ послужить, отвѣчалъ Каргинъ.

— Поздравляю васъ, яицкое войско, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ кругу, — съ выбранными вами старшинами, будь по вашему, я воли съ васъ не снимаю.

— Благодарствуемъ, кричали казаки, — на твоей царской милости.

Самозванецъ отправился въ домъ къ Толкачеву, а казаки вызвали въ средину круга трехъ выбранныхъ и, снявъ шапки, стали просить ихъ принять на себя обязанности по управленію войскомъ.

— Пожалуй, господинъ атаманъ и старшины, говорили, кланяясь, казаки, — примите на себя этотъ трудъ, послужите намъ, яицкому войску, вѣрою и правдою.

— Мы, яицкое войско, не имѣемъ большого разума, отговаривались выбранные, — да и недостойны управлять вами.

«Но напослѣдокъ», показывалъ Перфильевъ [1]), «по многимъ съ обѣихъ сторонъ перекорамъ (кои у нихъ обыкновенно и прежде при такихъ выборахъ въ кругахъ бывали, и хотя бы кто и самъ того чина домогался, однакоже всегда въ кругу отговариваются отъ принятія онаго для того, чтобы больше ихъ просили и чтобы тѣмъ показать свое безкорыстіе), приняли на себя налагаемые чины».

---

[1]) Въ сентябрѣ 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 425.

— Ну, будь воля ваша, яицкое войско, отвѣчали выбранные, и вступили въ свои должности.

Пугачевъ предоставилъ имъ разбирать судныя дѣла, и виновныхъ въ незначительныхъ преступленіяхъ наказывать самимъ, «а если будутъ какіе противники намѣреніямъ нашимъ (то-есть самозванца) и оказывающіеся въ важныхъ винахъ» (преступленіяхъ), то о таковыхъ доносить и ожидать указа. Для такихъ пощады не было и рѣшеніе бывало одно: *повѣсить* или *казнить смертію*.

Уѣзжая въ Берду, Пугачевъ отправилъ Овчинникова въ Гурьевъ-городокъ съ приказаніемъ забрать тамъ весь порохъ, какой есть, и доставить его въ Яицкій-городокъ.

26 января Овчинниковъ съ нѣсколькими яицкими казаками прискакалъ въ Гурьевъ-городокъ, населеніе котораго, какъ состоящее исключительно изъ казаковъ, тотчасъ же присоединилось къ прибывшимъ. Небольшое число жителей, не-казачьяго сословія, торопилось запереться въ Кремлѣ, но многіе не успѣли этого сдѣлать и были захвачены казаками. Отправлявшій службу священникъ Михайло Яковлевъ, узнавъ о появленіи мятежниковъ, взялъ съ престола крестъ и евангеліе, и въ полномъ облаченіи хотѣлъ также бѣжать въ крѣпость, но видя, что мятежники уже на площади, заперся въ церкви съ немногочисленными прихожанами, по преимуществу женщинами и малолѣтками. Казаки съ бранью требовали, чтобы церковь была отворена и послѣ отказа стали ломать западныя двери. Тогда Яковлевъ отворилъ двери, и мятежники, ворвавшись въ церковь, «бѣгали въ царскія и другія двери, по алтарю и всѣ священническія одежды по полу разметали, въ церковное окно нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей сдѣлали и побили народу человѣкъ до пятнадцати».

На другой день Овчинниковъ повѣсилъ атамана Филимонова, писаря Жерехова, священника Дмитрія и человѣкъ до десяти жителей [1]). Забравъ весь порохъ, снаряды и орудія, Овчинниковъ отправился въ Яицкій-городокъ, куда почти слѣдомъ за нимъ при-

[1]) Донесеніе Синоду Меѳодія, архіепископа астраханскаго, отъ 20 мая 1774 г. Арх. Синода, д. № 3.

ѣхалъ опять и Пугачевъ, съ намѣреніемъ лично руководить минными работами.

Онъ приказалъ собрать до сотни рабочихъ не изъ казаковъ, а изъ поденщиковъ, приходившихъ на Яикъ со всѣхъ концовъ Россіи. Собранные крестьяне стали было отказываться отъ работъ, но когда семь человѣкъ были за это повѣшены, то остальные подчинились распоряженію, и подъ руководствомъ Матвѣя Ситнаго приступили къ работѣ. Работу, какъ и прежде, начали изъ погреба дома, находившагося въ саженяхъ во ста отъ колокольни. Рыли галлерею шириною въ сажень, а высотою въ ростъ средняго человѣка, и не прямо, а зигзагами, «то въ ту, то въ другую сторону». Пугачевъ приказалъ дѣлать эти «повороты, сказываютъ, для того, что опасался Симонова, чтобы не вышелъ также подкопомъ противъ ихъ на встрѣчу, а чтобы свѣчи не гасли, такъ вертѣли вверху часто отдушины большимъ колѣнчатымъ буравомъ» [1]). Самозванецъ лично слѣдилъ за работами, производившимися безостановочно, и далъ отдыхъ рабочимъ только въ день своей свадьбы, послѣдовавшей вскорѣ послѣ вторичнаго его пріѣзда въ Яицкій-городокъ.

Окруженный разнохарактерною толпой и будучи самъ далеко несамостоятельнаго характера, Пугачевъ легко поддавался постороннему вліянію и былъ игрушкой въ рукахъ лицъ, преслѣдовавшихъ свои личныя и узко-корпоративныя цѣли. По совѣту такихъ лицъ, онъ задумалъ жениться и притомъ непремѣнно на казачкѣ.

— Ты какъ женишься, говорили совѣтники, — такъ войско яицкое все къ тебѣ прилежно будетъ.

Одобривъ эту мысль, Пугачевъ собралъ къ себѣ старшинъ и совѣтовался съ ними. Старшины говорили, что надобно еще подождать и не торопиться женитьбой.

— Ты, замѣтили они,—не основалъ еще порядочно царство.

— Въ томъ есть моя польза, отвѣчалъ на это съ сердцемъ самозванецъ.

«А какъ предъ симъ, показывалъ впослѣдствіи Михайло Тол-

[1]) Показаніе Рыбной слободы дворцоваго крестьянина Петра Таркова, 16 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 467.

качевъ, Пугачевъ трехъ дѣвокъ изъ Яицкаго городка въ Берду уже взялъ и съ ними въ одной кибиткѣ жилъ, то старшины, чтобы впредь такого похищенія не могъ сдѣлать и притомъ видя его наклонности, разсудили согласиться съ желаніемъ самозванца».

— Когда есть въ томъ, государь, ваша польза, сказали они,— то женитесь.

Пугачевъ избралъ своими сватами Толкачева и Почиталина, которые и отправились въ домъ казака Кузнецова, зная что у него есть дочь шестнадцатилѣтняя Устинья, «дѣвица хорошая и постоянная, а притомъ и Пугачевъ уже о ней слышалъ».

Въ то время казака Петра Кузнецова не было дома: онъ уѣхалъ на погребеніе умершаго племянника. Единственная его дочь Устинья, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ лишившаяся матери, сидѣла дома самъ-другъ со снохою своею, Анною Григорьевою. Замѣтивъ, что къ воротамъ дома подъѣхали Михайло Толкачевъ съ женой и Иванъ Почиталинъ, Устинья хотѣла-было спрятаться, но была удержана пріѣхавшими.

— Не бѣгай, говорили гости,—мы пріѣхали тебя посмотрѣть и хотимъ высватать за гвардіонца.

Устинья остановилась молча, и гости, «побывъ малое время», уѣхали, а черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали опять въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ. Увидя въ своихъ сѣняхъ гостей, молодая дѣвушка испугалась и спряталась подъ полъ.

— Гдѣ Устинья? спрашивали пріѣзжіе, входя въ избу.

— Не знаю, отвѣчала сноха.

— Вѣдь ей не убѣжать! говорили казаки, уходя и бранясь что не застали дома.

Вышедшая изъ-подполья Устинья была въ большомъ смущеніи и не знала что вокругъ ея совершалось.

— Что они, дьяволы, псовы дѣти, ко мнѣ привязались! говорила она, жалуясь снохѣ.

Между тѣмъ пріѣхали домой ея братья, Андрей и Егоръ, и почти слѣдомъ за ними и въ третій уже разъ сваты, съ бо̀льшимъ числомъ казаковъ. Устинья убѣжала въ сосѣднюю горницу, но по приказанію пріѣхавшихъ, «запросто, безъ всякаго наряда», была

приведена снохой. Сконфуженная дѣвушка стояла прислонившись къ печкѣ предъ многочисленнымъ собраніемъ, «и не успѣли ей еще никто и ничего сказать», какъ самъ Пугачевъ вошелъ въ двери и сѣлъ на лавку.

— Покажите мнѣ невѣсту, сказалъ самозванецъ.

Сноха взяла Устинью за руку и подвела къ Пугачеву.

— Хороша, проговорилъ онъ,—хороша!.. Поздравляю тебя, ты будешь современемъ всероссійскою царицей.

Самозванецъ вынулъ нѣсколько серебряныхъ денегъ, рублей тридцать, и передавая ихъ своей невѣстѣ, поцѣловалъ ее.

Въ самый разгаръ этой сцены вернулся домой отецъ нареченной царицы, отставной казакъ Петръ Кузнецовъ. Трудно было ему понять, что происходило въ домѣ, но недоразумѣніе его скоро разъяснилось.

— Ты хозяинъ? а это дочь твоя? спрашивалъ Пугачевъ.

— Да, отвѣчалъ Кузнецовъ.

— Я намѣренъ на ней жениться и спасибо тебѣ, что кормилъ и поилъ ее.

Кузнецовъ бросился самозванцу въ ноги «и плакалъ горько о томъ, что она молодехонька, принуждена идти замужъ неволею».

— Меня некому ни обшить, ни обмыть, говорилъ онъ,—а старухи (жены) не имѣю.

— Чтобы къ вечеру готово было къ сговору, сказалъ строго Пугачевъ,—а завтра быть свадьбѣ.

Эти слова еще болѣе огорчили отца и дочь, и они были въ «великихъ слезахъ».

— Не плачь и готовься къ вѣнцу, сказалъ самозванецъ, и вмѣстѣ со своими сообщниками оставилъ на время домъ Кузнецова.

Предъ сумерками женихъ прислалъ Устиньѣ сарафанъ и рубашку голевую, сороку и шубу длинную лисью и приказалъ къ вечеру снарядиться, «что она въ той горницѣ у печки и исполнила; убирали ее подружки, а первая тутъ сваха была жена Толкачева».

«Устинья, показывалъ Иванъ Почиталинъ, сперва не хотѣла было за него идти, равнымъ образомъ и отецъ не очень былъ до-

воленъ, потому больше, что ихъ дѣло казачье, а отдаютъ дочь за царя, такъ не скоро привыкнетъ къ царской поступи». Такъ думалъ одинъ изъ ближайшихъ наперсниковъ Пугачева, но чистая по натурѣ Устинья не могла и впослѣдствіи свыкнуться со своею горькою долей, и инстинктъ подсказывалъ ей, что сначала женихъ, а потомъ мужъ, былъ не кто другой какъ самозванецъ.

Одѣтая въ нарядное платье, она все у той же печки дожидалась пріѣзда Пугачева. Послѣдній посадилъ невѣсту рядомъ съ собою и приказалъ подносить вино: пили, въ лицѣ Пугачева, за здоровье Петра III, великаго князя Павла Петровича и супругу его Наталью Алексѣевну, пили за невѣсту, почти за каждаго изъ присутствовавшихъ и вообще пьянство продолжалось до самой утренней зари.

Утромъ Пугачевъ съ поѣзжанами и большою свитой пріѣхалъ за невѣстой и вмѣстѣ съ нею отправился въ церковь Петра и Павла, гдѣ собрано было духовенство всего Яицкаго городка. Церемонія поѣзда состояла въ томъ, что впереди жениха и невѣсты ѣхало множество казаковъ со знаменами и значками разныхъ цвѣтовъ. Въ церковь были допущены самые близкіе, а вся остальная свита расположилась кругомъ въ ожиданіи параднаго салюта. Служили всѣмъ соборомъ, но кто именно вѣнчалъ — Устинья не видала, «ибо покрыта была фатой и горько плакала». По окончаніи вѣнчанія былъ произведенъ салютъ изъ ружей и новобрачные принимали поздравленія, допуская къ рукѣ всѣхъ присутствовавшихъ. Заплативъ духовенству двадцать рублей, Пугачевъ приказалъ, чтобъ Устинью «поминали на ектеніяхъ *благовѣрною императрицей*», и затѣмъ новобрачные отправились въ домъ Толкачева, гдѣ былъ приготовленъ парадный обѣдъ. Во время тостовъ и поздравленій всѣ называли Устинью благовѣрною государыней и подходили къ ея рукѣ. Послѣ обѣда церемонія окончилась подарками роднымъ невѣсты и нѣкоторымъ изъ приближенныхъ самозванца. Отецъ молодой, Петръ Кузнецовъ, получилъ въ подарокъ лисью шубу; сестра Устиньи, Марья, бывшая замужемъ за казакомъ Семеномъ Шелудяковымъ, получила пять аршинъ канавату и пять аршинъ голи; казакъ Денисъ Пьяновъ — пять рублей деньгами, а остальные были награждаемы зипунами и бешметами разной цѣны

и достоинства. Въ тотъ же день ко мнимой государынѣ были назначены изъ казачекъ двѣ фрейлины: Прасковья Чапурина и Марья Череватая, а главною надзирательницей за всѣмъ домомъ Аксинья Толкачева, жена сподвижника самозванца [1]).

Вся эта церемонія не отуманила Устинью и не вселила въ ней убѣжденія, что изъ простой казачки она стала чѣмъ-то особеннымъ. Она не вѣрила въ свое возвышеніе и старалась выяснить свое положеніе.

— Подлинно ли ты государь? спрашивала она наединѣ Пугачева. — Я сомнѣваюсь въ томъ, потому что ты женился на простой казачкѣ. Ты меня обманулъ и заѣлъ мою молодость: ты человѣкъ старый, а я молодешенька.

— Я современемъ бороду-то обрѣю, отвѣчалъ самозванецъ,— и буду тогда помоложе.

— Безъ бороды казаки тебя любить не будутъ.

— Я самъ не люблю бороды брить, сказалъ Пугачевъ какъ бы спохватившись, что проговорился,—а сдѣлаю это въ угодность развѣ тебѣ одной.

— Вѣдь ты имѣешь государыню — какъ ее бросить! а нигдѣ не водится, чтобъ имѣть двѣ жены.

— Какая она мнѣ жена, когда съ царства свергнула — она мнѣ злодѣйка.

— Такъ тебѣ ея не жаль?

— Нисколько; жаль только Павлушу, онъ законный мой сынъ, а ей, какъ Богъ допуститъ въ Петербургъ, срублю голову.

— Тебя туда не допустятъ. У государыни людей много, тебѣ прежде срубятъ голову.

— Я скоро возьму Оренбургъ, и тогда до Питера дойду безпрепятственно.

— До Питера еще много городовъ.

— Только бы Оренбургъ взять, а тамъ всѣ ко мнѣ преклонятся [2]).

---

[1]) Сравн. съ разсказомъ А. С. Пушкина. Соч. т. VI, изд. 1881 г., стр. 49.

[2]) Показанія: Пугачева 4 ноября 1774 года, Михаила Толкачева, Устиньи Кузнецовой, Петра Кузнецова, Марьи Шелудяковой, Никиты Каргина, дьячка Ивана Корчагина, пономаря Петра Живетина, Ивана Почиталина и другихъ. Государственный Архивъ, VI, дѣла №№ 506, 512 и 467.

Оренбургъ-то взять было трудно, а Яицкій-городокъ казалось легче. Подкопъ приходилъ къ концу, и въ половинѣ февраля минеры дорылись до камня, очевидно фундамента колокольни. Тогда самозванецъ приказалъ не двигаться болѣе впередъ, а вырыть въ концѣ подкопа глубокую яму, чтобы положить въ нее боченки съ порохомъ. Всѣ рабочіе были распущены по домамъ съ приказаніемъ не выходить изъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока Ситновъ съ приближенными Пугачева успѣютъ зарядить колодезь и произвести взрывъ [1]).

Между тѣмъ, въ полночь, 19 февраля, явился въ укрѣпленіе къ Симонову малолѣтокъ, казачій сынъ Иванъ Неулыбинъ, и объявилъ, что казаки намѣрены вновь атаковать укрѣпленіе и что они подвели подкопъ подъ колокольню. Неулыбинъ былъ принятъ сначала за человѣка, подосланнаго Пугачевымъ, чтобы подобнымъ извѣстіемъ поколебать гарнизонъ, заставить его снять посты, ближайшіе къ колокольнѣ и тѣмъ облегчить мятежникамъ доступъ къ этому пункту. Тѣмъ не менѣе извѣстіе это не могло быть оставлено безъ всякаго вниманія, и полковникъ Симоновъ приказалъ вывезти весь хранившійся подъ колокольней порохъ и приступить къ устройству контръ-минной галлереи. Едва только успѣли вывезти часть пороха, какъ послѣдовалъ взрывъ, и колокольня, говоритъ очевидецъ, «съ удивительною тихостію начала валиться въ ретраншементъ. На самомъ верху оной спали три человѣка; не разбудя, ихъ снесло и съ постелями на землю, чему, по высотѣ зданія, трудно даже повѣрить; бывшую наверху пушку съ лафетомъ составило на низъ. Хотя паденіе было тихо и камни, не бывъ разбросаны, свалились въ груду, однако около 45 человѣкъ лишились при семъ жизни» [2]).

Лишь только послѣдовалъ взрывъ, Симоновъ приказалъ тотчасъ же открыть артиллерійскій и ружейный огонь, предполагая, что мятежники попытаются овладѣть укрѣпленіемъ; но казаки не рѣшились на приступъ. Въ темнотѣ слышны были только крики и понуканія старшинъ.

---

[1]) Показаніе крестьянина Петра Таркова 16 мая 1774 года. Тамъ же, д. № 467.

[2]) Оборона крѣпости Яика. *Отечественныя Записки*, 1824 года. Ч. XIX, № 52, стр. 171.

— На сломъ! кричали они, — на сломъ, атаманы-молодцы!

Казаки не слушались и впередъ не подвигались, а засѣвъ за своими завалами, ограничивались однимъ крикомъ. Не видя никого вблизи укрѣпленій, полковникъ Симоновъ приказалъ уменьшить огонь, и хотя штурма не было, но крики и визгъ продолжались до свѣта.

19 февраля въ городкѣ было замѣчено большое движеніе, которое продолжалось и на слѣдующій день. То были сборы въ дорогу и отъѣздъ Пугачева въ Берду.

— Смотри же, старикъ, говорилъ самозванецъ, обращаясь къ Каргину, — послужи мнѣ вѣрою и правдою. Я теперь ѣду въ армію подъ Оренбургъ и возвращусь оттуда скоро, а государыню здѣсь оставляю. Вы почитайте ее такъ, какъ меня, и будьте ей послушны.

Избравъ лучшій въ городкѣ домъ старшины Андрея Бородина, Пугачевъ помѣстилъ въ немъ свою молодую жену со всѣмъ придворнымъ ея штатомъ и приказалъ, чтобъ у воротъ ея дома былъ постоянный караулъ изъ яицкихъ казаковъ. Ближними при ней были назначены: отецъ, Петръ Кузнецовъ, Михайло Толкачевъ и Денисъ Пьяновъ. Пугачевъ требовалъ, чтобъ Устинья писала ему письма, и какъ она была неграмотна, то оставилъ ей форму и приказалъ подписываться такъ: *Царица и государыня Устинья.* Она исполняла приказаніе мужа въ точности и въ отвѣтъ получала письма самозванца, почти всегда съ препровожденіемъ какихъ-либо вещей или денегъ, которыя она была обязана хранить до востребованія.

«Всеавгустѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Устиньѣ Петровнѣ», писалъ Пугачевъ [1]), «любезнѣйшей супругѣ моей радоватися желаю на несчетныя лѣты. О здѣшнемъ состояніи, ни о чемъ другомъ свѣдѣнію вашему донести не нахожу: по сіе теченіе со всею арміей все благополучно, напротиву того я отъ васъ всегда извѣстнаго полученія ежедневно слышать и видѣть писаніемъ желаю. При семъ послано отъ двора моего

---

[1]) Письмо это писано изъ-подъ Оренбурга, но безъ числа и мѣсяца. Государственный Архивъ, VI, д. № 418.

съ подателемъ сего, казакомъ Кузьмою Фофановымъ, семь сундуковъ за замками и за собственными моими печатями [1]), которые, по полученіи, вамъ что̀ въ нихъ есть не отмыкать и поставить къ себѣ въ залы, до моего императорскаго величества прибытія. А фурманъ одинъ, который съ симъ же Фофановымъ посылается, о чемъ по полученіи сего имѣете принять и въ крайнемъ смотрѣніи содержать; сверхъ того что̀ послано съѣстныхъ припасовъ, тому при семъ прилагается точный реестръ. Впрочемъ донеся вамъ, любезная моя императрица, остаюся я великій Государь».

Зная, что Устинья будетъ соблюдать его интересы и что она находится подъ охраной постояннаго караула, Пугачевъ избралъ домъ Бородина складочнымъ мѣстомъ всего награбленнаго имущества [2]).

Устинья жила въ городкѣ скромно, тихо и почти никуда не выходила. Время она проводила преимущественно въ бесѣдѣ со своими фрейлинами и подругами, а мужской персоналъ бывалъ въ ея горницѣ рѣдко. Толкачевъ, съ отцомъ Устиньи и Денисомъ Пьяновымъ, «какъ стражи ближніе ея здоровья», жили въ томъ же домѣ, но въ отдѣльномъ помѣщеніи, и съ нею вмѣстѣ обѣдать

---

[1]) Печати эти, по приказанію самозванца, были вырѣзаны ему въ Яицкомъ городкѣ серебряныхъ дѣлъ мастерами, дворцовыми крестьянами Рыбной слободы Иваномъ Токраповымъ, Иваномъ Рыжимъ, Петромъ Владиміровымъ и армяниномъ, жившимъ въ городкѣ (см. показаніе Горшкова. Гос. Арх. VI, № 467).

[2]) Въ разное время въ домъ Бородина для храненія было прислано: денегъ серебряною монетой 2 тыс. р.; 9 фунтовъ серебра толщиною въ большой палецъ и длиною въ пол-аршина и болѣе; 9 ковшиковъ серебряныхъ вызолоченныхъ, такихъ, какіе обыкновенно жаловались казакамъ высочайшими особами; сорока, низанная жемчугомъ; маленькій мѣдный сундучокъ, въ которомъ лежало множество ширинокъ, коноватныхъ, а сверху кушакъ мужской золотой и стояла цѣлая банка, насыпанная жемчугомъ; здѣсь же находилась и коробочка съ шестью парами серегъ съ подвѣсками и каменьями и четыре кольца золотыя. Сундукъ, въ которомъ лежали: одинъ стаканъ золотой и 15 серебряныхъ, перстень, о которомъ Пугачевъ писалъ Устиньѣ, что стоитъ 500 рублей; два перстня съ красными камешками, два большіе серебряные подноса и 40 серебряныхъ ложекъ. Сверхъ того, въ залѣ Устиньи стояли семь огромныхъ сундуковъ, въ которыхъ находились: въ № 1—матеріи кусками и 25 серебряныхъ чарокъ; въ № 2—мужскіе бешметы и казачьи уборы съ позументомъ; въ № 3—двадцать шубъ мужскихъ и женскихъ; въ № 4—мѣха лисьи и бѣличьи; въ № 5—серебряные стаканы, чарки, подносы и подсвѣчники; въ № 6—бобры, кумачи и китайки; въ № 7—бѣлье, выбойки и домашняя мелочь. Кромѣ этихъ сундуковъ, въ кладовой на шестѣ висѣло много шубъ и другихъ вещей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

«они не осмѣливались», а обѣдали съ Устиньею фрейлины и иногда жена Толкачева. Ежедневно поутру приходилъ къ ней атаманъ Каргинъ, или вмѣстѣ со старшинами и рапортовали о состояніи постовъ. Устинья выслушивала ихъ рапорты, и «хотя принимала всѣхъ ласково, однакожь никого не сажала». По праздничнымъ днямъ всѣ представители власти приходили къ ней на поклонъ и цѣловали руку [1]).

— Не дайте меня въ обиду, говорила она обыкновенно пришедшимъ,—вѣдь отъ государя на ваши руки я отдана.

Когда Каргинъ или его помощники спрашивали приказаній Устиньи, она всегда отклоняла отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла.

— Мнѣ до вашихъ дѣлъ никакой нужды нѣтъ, что̀ хотите то и дѣлайте.

Имѣя категорическое приказаніе самозванца держать Симонова въ блокадѣ и сохранять учрежденные посты безъ всякой отмѣны, Каргинъ буквально исполнялъ приказаніе, и осада гарнизона не выражалась никакими особенно энергическими дѣйствіями со стороны казаковъ. Они построили нѣсколько новыхъ батарей и баррикадъ, но постройки эти не усилили блокады и не причиняли особаго вреда гарнизону. Видя, что овладѣть укрѣпленіями казакамъ очень трудно и почти невозможно, Перфильевъ старался вступить въ переговоры и имѣлъ свиданіе съ капитаномъ Крыловымъ, высланнымъ для этой цѣли изъ ретраншемента полковникомъ Симоновымъ. Перфильевъ старался убѣдить Крылова, что Пугачевъ не самозванецъ, а истинный государь Петръ III, и гарнизону необходимо сдать ретраншементъ.

— Долго ли вамъ противиться батюшкѣ нашему государю Петру Ѳедоровичу? говорилъ Перфильевъ; пора вамъ образумиться и принести покорность.

— Перестань ты, Перфильевъ, злодѣйствовать, отвѣчалъ Крыловъ,—и быть участникомъ въ злыхъ дѣлахъ разбойника, которому вы служите. Помянулъ бы ты Бога и присягу свою въ вѣрной ея императорскому величеству службѣ и старался бы испол-

[1]) Показаніе Никиты Каргина 14 мая 1774 года. Показаніе Устиньи. Гос. Арх. VI, д. №№ 467 и 506.

нить то высочайшее повелѣніе, съ коимъ ты отправленъ изъ Санктъ-Петербурга отъ всемилостивѣйшей государыни.

— Меня нечего увѣщевать и учить, а послушай-ка лучше моего совѣта. Я знаю съ чѣмъ я посланъ отъ государыни, да мнѣ тамъ сказали, что будто бы батюшка нашъ донской казакъ Пугачевъ, но вмѣсто того это неправда. Пріѣхавъ къ нему, я нашелъ, что онъ подлинный государь, такъ не могу злодѣйства предпринять противъ законнаго нашего государя. Да что и вы стопте, вѣдь ежели не сдадитесь, такъ послѣ вамъ худо будетъ, а лучше признайте свою вину и принесите покорность: батюшка васъ проститъ и пожалуетъ. Ты здѣсь капитанъ, а у него можетъ-быть и генераломъ будешь. Пожалуй, не сомнѣвайся, право, онъ подлинный государь. Да чего больше говорить, у него въ Бердѣ служитъ коллежскій ассесоръ изъ Симбирска, такъ ему лучше нашего можно знать кому онъ служитъ—государю или нѣтъ? Итакъ, сами разсудите: когда государь съ государыней несогласны, такъ намъ нечего въ ихъ дѣла вступаться — они какъ хотятъ между собою, а намъ лучше сторону держать государя, потому что мы еще прежде присягали ему вѣрно служить.

Взаимныя доказательства были недостаточно убѣдительны, и обѣ стороны остались при прежнемъ положеніи: казаки надѣялись, что голодъ заставитъ гарнизонъ сдаться, а полковникъ Симоновъ былъ увѣренъ, что ему будетъ оказана помощь, и онъ выйдетъ изъ своего крайне стѣснительнаго положенія.

XVI.

Вылазка изъ Оренбурга. — Заботы Рейнсдорпа о продовольствіи. — Захватъ мятежниками Илецкой защиты. — Письмо изъ Берды генералу Рейнсдорпу. — Наступленіе отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. — Столкновеніе ихъ съ мятежниками у Бузулука и деревни Пронкиной. — Побѣда подъ Татищевою и ея послѣдствія.

Получивъ извѣстіе объ отъѣздѣ Пугачева въ Яицкій-городокъ, генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ пытался еще разъ перейти въ наступленіе и атаковать Бердинскую слободу. Въ случаѣ успѣха

онъ надѣялся захватить тамъ запасы и хотя на нѣкоторое время обезпечить себя продовольствіемъ. Собравъ 1,700 человѣкъ пѣхоты, 400 казаковъ съ 23 орудіями, Рейнсдорпъ раздѣлилъ ихъ на три отряда и поручилъ общее командованіе генералъ-маіору Валленштерну. Войска должны были выдти изъ города въ 5 часовъ утра 13 января и стремительно ударить на непріятеля.

Къ назначенному часу пѣхота была готова, но казаки, не смотря на неоднократныя требованія Валленштерна, присоединились къ отряду только на половинѣ пути. Глубокій по колѣно снѣгъ и истощенныя лошади замедляли движеніе и дали возможность мятежникамъ собраться и приготовиться къ бою.

Когда Валленштернъ сталъ выходить на дорогу въ Берду, то мятежники, скрывавшіеся въ лощинахъ, окружили его почти со всѣхъ сторонъ. Притянувъ къ себѣ отряды бригадира Корфа и секундъ-маіора Наумова, генералъ-маіоръ Валленштернъ хотя и открылъ огонь изъ своихъ орудій, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, видя многочисленность непріятеля, принужденъ былъ начать отступленіе. Пугачевцы насѣдали на отрядъ съ такой энергіей и настойчивостью, что Валленштернъ потерялъ 8 орудій, 281 человѣка убитыми и 123 ранеными [1]).

Неудача эта, совершившаяся на глазахъ жителей, слѣдившихъ съ городского вала за дѣйствіями войскъ, произвела на нихъ тяжелое впечатлѣніе, и генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ доносилъ, что безъ посторонней помощи не только *вылазки противъ него, злодѣи, сдѣлать уже не въ состояніи, но и получить свѣдѣніе, что дѣлается въ Бердѣ, почти невозможно* [2]). Гарнизонъ былъ до такой степени истощенъ и деморализованъ, что посылаемые для разъѣздовъ казаки, не надѣясь на своихъ лошадей, ограничивались выѣздомъ за ворота и не рѣшались отдалиться отъ стѣнъ крѣпости. Чтобы получить свѣдѣнія о непріятелѣ, добыть «языка», генералъ Рейнсдорпъ принужденъ былъ, по совѣту коллежскаго совѣтника Тимашева, разставить вокругъ города 27 кап-

[1]) Рапортъ Валленштерна генералъ Рейнсдорпу 6 февраля. Рапортъ Наумова Валленштерну 4 февраля 1774 года. Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 25 января 1774 года. Тамъ же.

кановъ, «въ томъ намѣреніи», пишетъ Рычковъ [1]), «чтобъ, выѣхавъ за городъ, яицкимъ казакамъ заманить злодѣевъ на сіе мѣсто, и когда онымъ инструментомъ подъ кѣмъ изъ нихъ уязвлена и подшибена будетъ лошадь, чтобы, наскакавъ, подхватить его было удобнѣе». Выдумка эта не привела къ желаемымъ результатамъ; мятежники растаскали всѣ капканы и, осыпавъ оренбургскаго губернатора насмѣшками, обѣщали заморить голодомъ. Они хорошо знали, что въ Оренбургѣ давно уже приказано было выдавать половинную дачу провіанта и что число больныхъ въ городѣ, въ особенности цынгой, стало умножаться. Цѣны на всѣ продукты быстро возвысились; пудъ муки продавали отъ 10 до 15 руб., а фунтъ печенаго хлѣба доходилъ до 30 к.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ оренбургскій губернаторъ вновь просилъ генерала Деколонга доставить провіантъ и обѣщалъ весьма хорошую плату подводчикамъ. Хотя по состоянію запасовъ въ крѣпостяхъ Орской дистанціи можно было отдѣлить 7,980 четвертей муки, 248 четвертей крупъ, но генералъ Деколонгъ не находилъ никакой возможности доставить ихъ въ Оренбургъ. Чтобы поднять такое количество необходимо было 886 подводъ; для запряжки можно было набрать казачьихъ лошадей, но саней и хомутовъ достать было негдѣ. «Сверхъ того», доносилъ Деколонгъ [2]), «ежели крѣпостныхъ казаковъ и жителей употребить подъ извозъ того провіанта, то уже крѣпости останутся совершенно обнаженными, такъ-что разъѣздовъ производить и курьеровъ препровождать будетъ некому, сѣна и дровъ привезти будетъ не можно и не на чемъ».

Отправленный транспортъ среди глубокаго снѣга и непроходимыхъ дорогъ долженъ былъ встрѣтить огромныя препятствія. Преслѣдуемый башкирцами, обозъ долженъ былъ бы втянуться въ длинныя ущелья Губерлинскихъ горъ, столь узкія, что иначе какъ въ одну повозку пройти было невозможно. По выходѣ изъ горъ и до Озерной крѣпости дорога пролегала по мѣстности не-

---

[1]) Въ своей лѣтописи. См. соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, стр. 371 (приложеніе).

[2]) А. И. Бибикову отъ 6 января 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

ресѣченной, а далѣе начиналась степь безъ всякаго жилья. Подходившій транспортъ и конвоирующій его отрядъ могли быть встрѣчены мятежниками далеко отъ Оренбурга и поставлены въ безвыходную необходимость защищаться въ степи безъ всякаго пристанища и опоры.

Всѣ эти обстоятельства и волненія, возникшія въ Пермской и Исетской провинціяхъ, заставили Деколонга отказаться отъ исполненія просьбы Рейнсдорпа, и оренбургскій губернаторъ еще разъ обратился къ возмутителямъ съ словами увѣщаній. Онъ отправилъ въ Берду оба манифеста императрицы и свое воззваніе ко всѣмъ «находящимся въ измѣнническою толпѣ вора и возмутителя Пугачева всякаго званія людямъ».

Рейнсдорпъ требовалъ, чтобъ мятежники раскаялись въ своихъ поступкахъ и разошлись по домамъ. Онъ обѣщалъ имъ прощеніе именемъ императрицы, «понеже, писалъ онъ, дерзость ваша приписана быть можетъ невѣжеству вашему, а паче коварному упомянутаго злодѣя и вора уловленію».

«Буде же, прибавлялъ оренбургскій губернаторъ, сіе мое увѣщаніе, по жестокосердію вашему, дѣйства не возымѣетъ, то, конечно, останется погибать вамъ какъ въ семъ, такъ и въ будущемъ свѣтѣ, ибо не льстите себя, чтобы вы напослѣдокъ отъ праведнаго ея величества гнѣва ускользнуть могли» [1]).

Мятежники не помышляли о покорности, и дѣла ихъ въ это время шли удачно: захвативъ въ свои руки Илецкую защиту, они праздновали новую побѣду.

Пользуясь вторичнымъ отъѣздомъ самозванца въ Яицкій-городокъ, Максимъ Шигаевъ, какъ начальникъ толпы, остававшейся подъ Оренбургомъ, отправилъ Хлопушу для занятія Илецкой защиты и доставленія оттуда хлѣба.

Въ началѣ февраля Хлопуша выступилъ изъ Берды съ четырьмя сотнями заводскихъ крестьянъ, нѣсколькими казаками и съ двумя орудіями. Подойдя къ Илецкой защитѣ, онъ окружилъ ее и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, 130 человѣкъ оренбургскихъ

---

[1]) Воззваніе Рейнсдорпа, отъ 7 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

и сакмарскихъ казаковъ, бывшихъ въ укрѣпленіи, передались на сторону мятежниковъ. Начальникъ гарнизона, капитанъ Ядринцевъ, съ женой и дѣтьми, спрятался въ церкви и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій къ защитѣ. Капитанъ Варачевъ и подпоручикъ Исаевъ, хотя и успѣли собрать гарнизонъ, состоявшій изо ста солдатъ разныхъ баталіоновъ, но они отказались защищаться и вышли къ Хлопушѣ съ повинною. Мятежники ворвались въ Илецкую защиту, ранили смертельно Варачева и Исаева, выпустили всѣхъ арестантовъ, захватили все имущество и деньги. По приказанію Хлопуши, хорунжій Уключенниновъ, за невыдачу будто бы жителямъ провіанта, исколотъ копьями; а капитанъ Ядринцевъ, о которомъ жители просили какъ о человѣкѣ добромъ, былъ оставленъ командиромъ и ему приказано защищать запасы и селеніе отъ нападенія киргизовъ.

Выдавъ всѣмъ арестантамъ и ссыльнымъ одежду, «такъ какъ многіе изъ нихъ не имѣли рубахъ», Хлопуша взялъ ихъ съ собою въ Берду, куда привезъ часть захваченнаго провіанта, 280 рублей и 5 пушекъ [1]).

Ободренный новымъ успѣхомъ своего сообщника, самозванецъ приказалъ написать и отправить ругательный отвѣтъ на увѣщаніе Рейнсдорпа.

«Оренбургскому губернатору, говорилось въ отвѣтѣ [2]), сатанину внуку, дьявольскому сыну! Прескверное ваше увѣщаніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по демству сатанину (sic), ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудрилъ. Вѣдай, мошенникъ, да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно, сколько ты ни пробовалъ своего всесквернаго счастія, служишь единому твоему отцу-сатанѣ. Разумѣй, хотя ты по дѣйству сатанинному во многихъ мѣстахъ *капканы разставилъ*, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя Варавиныхъ не станетъ петель, а мы у мордвина хотя гривну дадимъ, да на тебя веревку свить можемъ.

[1]) Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Показаніе 87 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ Илецкой защиты. Государ. Арх., VI, д. № 467.

[2]) Письмо изъ Берды, отъ 23 февраля 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

«Не сумнѣвайся ты: нашъ всемилостивѣйшій монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день (одновременно) бываетъ и съ нами всегда присутствуетъ, дабы мы вамъ совѣтовали, оставя свое зловредіе, придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему монарху. Егда придешь въ покореніе, сколько бы твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ извиненіяхъ всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишаетъ, а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете.

«Итако объявя вамъ сіе, да пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы».

Отправивъ это письмо, Пугачевъ объявилъ войску, что будучи въ Яицкомъ городкѣ онъ женился на казачьей дочери Устиньѣ Петровнѣ и приказалъ всѣмъ признавать и почитать ее за царицу. Старики призадумались, и женитьба эта наводила многихъ на сомнѣніе въ личности Пугачева. Его стали подозрѣвать въ самозванствѣ, но, «бояся висѣлицы, не смѣлъ ни одинъ человѣкъ явно того говорить» [1]).

— Государи на простыхъ никогда не женятся, шептались берденцы между собою, — а всегда берутъ за себя изъ иныхъ государствъ царскую или королевскую дочь. Такъ и ему, по примѣру сему, такую же взять надлежало по завладѣніи уже государствомъ.

— Положимъ, говорили другіе,—что царь воленъ: какую захочетъ, такую и возьметъ, но онъ имѣетъ жену, которая здравствуетъ, а законъ запрещаетъ жениться отъ живой жены.

Какъ ни объясняли этотъ поступокъ, все выходило неладно, и женитьба Пугачева не одобрялась большинствомъ. «Съ сего самаго времени, показывалъ Тимоѳѣй Мясниковъ, пропала у многихъ охота ревностно и усердно ему служить, и заключали, что современемъ изъ сего выйдетъ что-нибудь худое, а хорошаго не будетъ».

Такъ и вышло: надъ берденцами давно уже собирались тучи и громъ готовъ былъ разразиться.

Еще въ бытность Пугачева въ Яицкомъ городкѣ было полу-

---

[1]) Показанія Ивана Творогова, Тимоѳѣя Падурова и Максима Горшкова. Госуд. Арх., VI, д. №№ 505 и 506.

чено извѣстіе о приближеніи отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова, но такъ какъ они были далеко, то Пугачевъ ограничился приказаніемъ наблюдать за ними и доносить ему объ ихъ движеніи. Движеніе это происходило по двумъ направленіямъ: по ново-московской дорогѣ двигался отрядъ князя Голицына, а по Самарской линіи шелъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, съ четырьмя легкими полевыми командами и двумя эскадронами Бахмутскихъ гусаръ. Глубокіе снѣга и совершенное бездорожье затрудняли движеніе. Проходя черезъ пригородъ Алексѣевскъ, Мочинскую татарскую слободу и Красносамарскую крѣпость, Мансуровъ приводилъ жителей къ присягѣ, назначалъ новыхъ начальниковъ и 10-го февраля пришелъ въ Борскую крѣпость. Обезсилѣвшіе отъ труднаго похода люди и лошади требовали отдыха, и Мансуровъ принужденъ былъ дать имъ дневку.

Видя невозможность борьбы съ правительственными войсками, мятежники отступали и увлекали за собой населеніе, увѣряя его, что войска предаютъ смерти всѣхъ захваченныхъ въ деревняхъ, не различая ни пола, ни возраста. Жители вѣрили и разбѣгались, забирая съ собою и малолѣтнихъ дѣтей. Мансуровъ разослалъ объявленіе, въ которомъ обѣщалъ полное прощеніе, и со всѣхъ сторонъ, доносилъ онъ [1]), «бѣгущіе цѣлыми деревнями и семьями приходятъ ко мнѣ и просятъ, какъ устрашенные и отчаянные, помилованія». Въ три дня болѣе двухъ тысячъ человѣкъ получили охранные билеты и были возвращены въ свои жилища.

Простоявъ сутки въ Борской крѣпости, Мансуровъ двинулся чрезъ Елшанскъ къ Бузулуку, а отрядъ подполковника Гринева, прикрывавшій лѣвый флангъ главныхъ силъ, шелъ черезъ деревни Хилкову, Тимашеву, Языкову и Троицкое.

Бузулукъ имѣлъ весьма важное значеніе для обѣихъ сторонъ. Представляя пунктъ, въ которомъ всего удобнѣе могли соединиться отряды Мансурова и князя Голицына, Бузулукъ въ то же время долженъ былъ служить складочнымъ мѣстомъ для продовольственныхъ запасовъ, которые при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ было весьма

---

[1]) Въ рапортахъ А. И. Бибикову, отъ 7 и 10 февраля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга VI.

удобно отправлять вверхъ по рѣкѣ Самарѣ. Такимъ же складочнымъ мѣстомъ онъ служилъ и для мятежниковъ, шатавшихся по Самарской линіи и по ново-московской дорогѣ. Изъ Бузулука пугачевцы получали продовольствіе и въ немъ находили точку опоры.

Приближеніе Мансурова къ Бузулуку и неудачи, испытанныя въ послѣднее время мятежниками, заставили Пугачева принять мѣры къ спасенію своихъ запасовъ. За нѣсколько дней до прибытія отряда, мятежники расчистили дорогу отъ Бузулука до Яицкаго городка и отправили туда обозъ въ 200 подводъ, нагруженныхъ мясомъ и хлѣбомъ [1]). Они сосредоточили въ Бузулукѣ до 2,000 человѣкъ съ 15 орудіями, и главные вожаки ихъ, Араповъ, Чулошниковъ и другіе, рѣшились защищаться самымъ энергическимъ образомъ.

Въ 9 часовъ утра, 14 февраля, войска подошли къ Бузулуку по двумъ направленіямъ: по самарской дорогѣ—отрядъ Мансурова, а со стороны деревни Милоховой — отрядъ Гринева. Мятежники вышли изъ крѣпости и расположились для защиты на два фронта. Сильный огонь, открытый ими изъ пушекъ, заставилъ Мансурова приказать 23-й легкой полевой команды поручику Лесковскому съ его драгунскою ротой атаковать батарею, наиболѣе вредившую намъ своимъ огнемъ. Врубившись въ ряды непріятеля, Лесковскій овладѣлъ двумя орудіями и преслѣдовалъ мятежниковъ до крѣпости, у которой былъ остановленъ сильнымъ огнемъ. Въ это время подполковникъ Гриневъ успѣлъ овладѣть шести-орудійной батареей и ворваться въ крѣпость съ другой стороны. Получивъ объ этомъ извѣстіе и желая отрѣзать мятежникамъ путь отступленія, Мансуровъ приказалъ маіору Соловьеву, съ двумя эскадронами Бахмутскихъ гусаръ и ротой драгунъ 24-й полевой команды, занять дорогу, ведущую въ крѣпость Тоцкую. Обскакавъ вокругъ Бузулука, маіоръ Соловьевъ засталъ мятежниковъ въ полномъ отступленіи и преслѣдовалъ ихъ верстъ шесть или семь по дорогѣ въ Тоцкую крѣпость. Мятежники потеряли 217 человѣкъ убитыми, 286 человѣкъ плѣнными и 165 явившимися съ покорностію; по-

[1]) Рапортъ Мансурова А. И. Бибикову, отъ 17 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VI.

теря Мансурова состояла изъ 1 офицера и 4 нижнихъ чиновъ убитыми, 1 офицера и 8 нижнихъ чиновъ ранеными. Въ Бузулукѣ было захвачено 15 орудій, 9 зарядныхъ ящиковъ, три значка и 723 дротика. Сраженіе продолжалось три съ половиною часа, и бо̀льшая половина бывшихъ здѣсь яицкихъ казаковъ осталась на полѣ сраженія [1]).

Для поддержанія связи съ отрядомъ князя Голицына, генералъ Мансуровъ отправилъ къ Бугуруслану одну роту гусаръ, а для развѣдыванія о непріятелѣ выслалъ разъѣздъ по дорогѣ къ Оренбургу. Въ такомъ положеніи онъ рѣшился ожидать прибытія князя Голицына съ его отрядомъ.

Послѣдній, будучи задержанъ заготовленіемъ продовольствія для себя и для Оренбурга, только 27 февраля достигъ Бугуруслана, но и то оставилъ за собою половину транспорта. Для прикрытія его князь Голицынъ приказалъ полковнику Юрію Бибикову съ его отрядомъ выступить изъ Нагайбака къ Бугульмѣ, а для защиты того края и вообще для дѣйствій въ Башкиріи былъ отправленъ главнокомандующимъ изъ Казани отрядъ генералъ-маіора Ларіонова, состоявшій изъ команды Томскаго полка, эскадрона Архангелогородскихъ карабинеровъ, 82 Изюмскихъ гусаръ и эскадрона уланъ, сформированнаго казанскимъ дворянствомъ.

«Сей корпусъ, доносилъ А. И. Бибиковъ императрицѣ [2]), пойдетъ прямою дорогой до Бугульмы и оттуда маршами своими показывать будетъ, что онъ идетъ къ Оренбургу московскою дорогой, а потомъ обратится вдругъ въ лѣвую сторону къ Уфѣ, чтобъ освободить сей городъ отъ облежанія злодѣйскаго и поразить извѣстнаго, такъ-называемаго, графа Чернышева».

Выступивъ 6 февраля изъ Казани, генералъ-маіоръ Ларіоновъ [3]) 21 февраля былъ еще въ Кичуѣ, когда, 19 февраля, мятежники, воспользовавшись уходомъ отряда Юрія Бибикова, ворвались въ

---

[1]) Рапортъ Мансурова А. И. Бибикову отъ 12 и 14 февраля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 15 февраля 1774 года, № 11. Военно-Учен. Арх., отд. I, д. № 104 (А), листы 154 и 155.

[3]) У г. Анучина (*Русск. Вѣстн.* 1872 г., № 8, стр. 523) время выступленія отряда Ларіонова показано невѣрно.

Нагайбакъ и сожгли его [1]). Испуганный этимъ извѣстіемъ, Ларіоновъ взялъ въ Бугульмѣ 105 солдатъ Томскаго полка, 52 казака, нѣсколько орудій и, присоединивъ ихъ своему отряду [2]), двинулся къ селенію Большой Акташъ, куда и прибылъ 27 февраля. Онъ подвигался впередъ весьма медленно, хотя и доносилъ, что около Записка и Мензелинска мятежниковъ нѣтъ и что они, услышавъ о движеніи его, разбѣжались.

Такимъ образомъ, въ концѣ февраля расположеніе боевыхъ силъ было слѣдующее: по пути къ Нагайбаку, въ селеніи Акташѣ, стоялъ отрядъ Ларіонова; изъ Бугульмы въ Бугурусланъ шелъ отрядъ Юрія Бибикова; въ Бугурусланѣ находился отрядъ князя Голицына и, наконецъ, въ Бузулукѣ стоялъ генералъ-маіоръ Мансуровъ со своими войсками. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, главное скопище мятежниковъ находилось въ Сорочинскѣ, имѣя авангарды въ Тоцкой крѣпости и деревнѣ Пронкиной. На помощь имъ шелъ атаманъ Овчинниковъ съ нѣсколькими казаками, а затѣмъ выступилъ и самъ Пугачевъ изъ Берды, съ 1,500 человѣкъ пѣхоты, казаковъ и 10 орудіями [3]).

Располагая атаковать мятежниковъ въ Сорочинскѣ до прибытія къ нимъ подкрѣпленій, князь Голицынъ 28 февраля выступилъ изъ Бугуруслана и, двигаясь прямою дорогой на деревню Пронкину и далѣе на Сорочинскъ, приказалъ генералъ-маіору Мансурову занять крѣпость Тоцкую [4]).

Сильные морозы и мятели замедляли движеніе, заставляя князя Голицына нѣсколько разъ останавливаться въ степи и прикрываться кибитками, бывшими въ обозѣ. Высланные имъ передовые отряды гнали предъ собою мятежниковъ, и одинъ изъ этихъ отрядовъ Владимірскаго полка маіора Елагина, пройдя безпрепятственно чрезъ деревни Гаевицкую и Яшкину, направился къ де-

---

[1]) Рапортъ Юрія Бибикова главнокомандующему 21 февраля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Рапортъ маіора Варнстедта главнокомандующему отъ 27 февраля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[3]) Въ *Чтеніяхъ* 1858 года, кн. II, стр. 30, ошибочно напечатано, что въ томъ числѣ было 560 яицкихъ казаковъ; слѣдуетъ читать 500 казаковъ.

[4]) Рапорты князя Голицына 27 и 28 февраля, №№ 341 и 352. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

ревнѣ Пронкиной. Въ отрядѣ его находились двѣ роты гренадеръ, двѣ егерскія команды, по одной ротѣ карабинеровъ, гусаръ и чугуевскихъ казаковъ, 50 лыжниковъ и четыре орудія. Зная, что въ Сорочинскѣ находится весьма значительное сборище мятежниковъ и что на помощь имъ идетъ толпа изъ Берды, князь Голицынъ признавалъ отрядъ маіора Елагина недостаточно сильнымъ для самостоятельныхъ дѣйствій, и потому отправилъ въ подкрѣпленіе полковника Хорвата съ баталіономъ гренадеръ, эскадрономъ архангелогородскихъ карабинеровъ, тремя ротами изюмскихъ гусаръ, небольшимъ числомъ лыжниковъ и съ тремя орудіями [1]).

Между тѣмъ, маіоръ Елагинъ занялъ деревню Пронкину безъ всякаго сопротивленія, и 6 марта расположился на ночлегѣ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ и не принявъ необходимыхъ предосторожностей. Подъ покровомъ сильной бури и метели, Пугачевъ въ ту же ночь со всѣмъ ополченіемъ, собравшимся въ Сорочинскѣ, быстро двинулся къ деревнѣ Пронкиной, сдѣлалъ форсированный переходъ въ 37 верстъ и внезапно атаковалъ отрядъ маіора Елагина съ толпой въ 2,300 человѣкъ. Передовые пикеты были сбиты, орудія захвачены, и часть мятежниковъ ворвалась въ селеніе.

«Хотя деташаментъ и былъ въ должной осторожности (?), доносилъ князь Голицынъ [2]), но нечаянное стремленіе, паче въ темную ночь съ бурей встрѣчу, произвело нѣкоторое неустройство». По первой тревогѣ маіоръ Елагинъ съ резервомъ бросился впередъ, но нашелъ деревню занятою мятежниками и былъ окруженъ ими. Солдаты дрались отчаянно; 2-го гренадерскаго полка поручикъ Москотиньевъ съ небольшою горстью своихъ людей геройски отстаивалъ орудія и получилъ 12 ранъ. Неподалеку отъ него отбивался отъ непріятеля маіоръ Елагинъ, до тѣхъ поръ, пока не былъ поднятъ на копья. Оставшійся старшимъ въ отрядѣ 2-го гренадерскаго полка, секундъ-маіоръ Пушкинъ успѣлъ собрать отрядъ и атаковалъ мятежниковъ въ то время, когда капитаны Владимір-

[1]) Д. Анучинъ ошибается говоря, что Хорватъ былъ отправленъ только съ одними гусарами (см. *Русск. Вѣстн.* 1872 г., № 8, стр. 489).

[2]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 7 марта 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

скаго полка Квашнинъ-Самаринъ и 2-го гренадерскаго Олсуфьевъ, обойдя селеніе, атаковали непріятеля въ тылъ и флангъ. Орудія были отбиты; «злодѣи нашли со всѣхъ сторонъ жесточайшую оборону» и стали отступать. Кавалерія преслѣдовала отступавшихъ на протяженіи четырехъ верстъ и «поражала сколько дозволяла темнота».

Полковникъ Хорватъ, находясь всего въ восьми верстахъ отъ мѣста боя, хотя и спѣшилъ на помощь, но прибылъ въ селеніе Пронкино, когда сраженіе было уже кончено и непріятель разсыпался въ разныя стороны. Мятежники потеряли убитыми болѣе ста человѣкъ однихъ яицкихъ казаковъ и десять плѣнными, въ числѣ коихъ находились многіе дѣятельнѣйшіе помощники самозванца.

Отправясь самъ въ Берду, Пугачевъ оставилъ Овчинникова начальникомъ ополченія, собраннаго въ Сорочинскѣ, и приказалъ ему, «буде князь Голицынъ самъ съ командой вѣрныхъ войскъ придетъ въ Пронкину деревню, то-бъ онъ со всею толпой, оставя Сорочинскую крѣпость, убирался въ Илецкую, ибо онъ, Емелька, не зналъ куда князь Голицынъ пойдетъ: на Яикъ или въ Оренбургъ» [1]).

Голицынъ занялъ деревню Пронкину, а мятежники очистили Сорочинскъ и Тоцкую крѣпость. Отступая къ Новосергіевску, пугачевцы забирали съ собою всѣхъ обывателей, истребляли хлѣбъ и скотъ. Прибывъ 11 марта въ Сорочинскъ и соединившись здѣсь съ отрядомъ генералъ-маіора Мансурова, князь Голицынъ, по необходимости заготовить продовольствіе для отряда, принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней; но не желая дать непріятелю времени опомниться, отправилъ къ Новосергіевску генералъ-маіора Фреймана съ 2,000 пѣхоты и кавалеріи [2]). Затѣмъ, оставивъ въ Сорочинскѣ, подъ начальствомъ капитана Мосолова, 400 человѣкъ пѣхоты, 70 человѣкъ кавалеріи и 14 орудій [3]), онъ двинулся за Фреймапомъ и 17 марта занялъ Новосергіевскую крѣпость.

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 512.

[2]) Рапортъ князя Голицына А. И. Бибикову, отъ 11 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

[3]) То же, отъ 14 марта, № 463. Тамъ же.

На слѣдующій день князь Голицынъ намѣренъ былъ выступить къ Переволоцкой крѣпости, но, доносилъ онъ [1]), «за чрезвычайною бурей и снѣгомъ принужденъ остановиться, отчего часть большая подвижнаго магазина еще не пришла. Злодѣи не успѣли также сжечь здѣшнюю крѣпость; отъ наступленія корпуса обывателей часть бо́льшую съ собой выгнали къ Илецкой крѣпости. По всѣмъ извѣстіямъ, что̀ я получилъ, видно, будто имѣютъ намѣреніе задъ корпуса тревожить отъ Илецкой крѣпости, а изъ Берды берутъ свое злодѣйское войско къ Татищевой».

Расположенная на лѣвомъ берегу рѣки Камышъ-Самары, при впаденіи ея въ рѣку Яикъ, Татищева крѣпость имѣла весьма важное стратегическое значеніе для обѣихъ сторонъ: она прикрывала пути въ Оренбургъ, въ Илецкъ и Яицкій городокъ. Удержать за собою такой пунктъ было весьма важно для Пугачева, а потому онъ собралъ въ Бердѣ всѣ свободныя силы и, оставивъ Шигаева начальникомъ надъ толпой подъ Оренбургомъ, отправился самъ въ Татищеву; туда же приказалъ онъ слѣдовать и атаману Овчинникову изъ Илецкой крѣпости.

Съ прибытіемъ послѣдняго, Пугачевъ могъ располагать весьма значительными силами, доходившими до 8,000 человѣкъ [2]). Онъ принялъ всѣ мѣры къ оборонѣ крѣпости и приказалъ къ разрушеннымъ стѣнамъ ея присыпать снѣговые валы, которые, будучи облиты водой, обледенѣли и окрѣпли. Самозванецъ самъ разставилъ пушки, назначилъ къ нимъ прислугу изъ захваченныхъ имъ въ плѣнъ канониpовъ и солдатъ, направилъ орудія въ тѣ стороны,

[1]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 18 марта 1774 г. Моск. Арх. Глав. Шт.

[2]) Опредѣлить точно число мятежниковъ, собравшихся въ Татищевой крѣпости, положительно невозможно. Князь Голицынъ въ рапортѣ своемъ А. И. Бибикову (отъ 24 марта, № 504) опредѣляетъ число ихъ въ 9,100 человѣкъ. Онъ говоритъ, что въ толпѣ находилось: 3,000 казаковъ яицкихъ, илецкихъ, исетскихъ и оренбургскихъ; 2,000 пѣхоты, составленной изъ разнаго сброда; 1,800 заводскихъ и ссылочныхъ крестьянъ, которыхъ Овчинниковъ взялъ въ Илецкой защитѣ, и 2,300 татаръ, крѣпостныхъ казаковъ, калмыковъ, башкирцевъ, киргизовъ и «разной бѣглой сволочи». Максимъ Шигаевъ показываетъ, что Пугачевъ взялъ изъ Берды до 5,000 человѣкъ, къ которымъ впослѣдствіи, по показанію самого самозванца, присоединился и Овчинниковъ, пришедшій изъ Илека съ 2,000 человѣкъ (Показаніе Шигаева и Пугачева, отъ 8 мая и 4 ноября 1774 года). Такимъ образомъ, силы самозванца, по показанію обѣихъ сторонъ, простирались отъ 7 до 9 тысячъ, или среднимъ числомъ до 8,000 человѣкъ.

откуда вѣроятнѣе всего можно было ожидать наступленія Голицына, измѣрилъ разстоянія до различныхъ пунктовъ впереди крѣпости и обозначилъ колышками предѣльные поражаемые пункты. «Когда же, показывалъ Иванъ Почиталинъ [1]), въ Татищевой къ оборонѣ противъ князя Голицына было все приготовлено, Пугачевъ собралъ всю свою толпу и говорилъ сначала, чтобы послужили съ храбростію, потомъ далъ приказъ: тотъ день, какъ Голицыну придти должно будетъ къ Татищевой, чтобы была совершенная тишина и чтобы люди всячески скрылись, дабы не видно было никого и до тѣхъ поръ къ пушкамъ и каждому къ своей должности не приступать, покуда князя Голицына корпусъ не подойдетъ на пушечный выстрѣлъ ядромъ».

20 марта разъѣзды Пугачева донесли ему, что князь Голицынъ пришелъ въ Переволоцкую крѣпость и занялъ ее. Прошло два дня, прежде чѣмъ оба противника встрѣтились, и дѣла приняли оборотъ невыгодный для самозванца. Эти два дня были употреблены княземъ Голицынымъ на обезпеченіе своего тыла и поджиданіе транспорта съ провіантомъ. Не зная, что Овчинниковъ со своими силами вызванъ подъ Татищеву, князь Голицынъ все еще опасался за свой тылъ, тѣмъ болѣе, что изъ Илецка къ Новосергіевску проходила большая дорога, весьма удобная для быстраго передвиженія мятежниковъ. Для помѣхи такому передвиженію и вообще для обезпеченія себя отъ всякихъ случайностей, Голицынъ въ Новосергіевскѣ оставилъ два баталіона пѣхоты, три эскадрона кавалеріи и 10 орудій; послѣднія по причинѣ глубокихъ снѣговъ только мѣшали движенію отряда [2]).

Въ день прибытія отряда въ Переволоцкую крѣпость, «злодѣйскія партіи изъ крѣпости Татищевой вертѣлись вокругъ крѣпости, но всегда прогоняемы были». Въ четыре часа утра 21 марта князь Голицынъ лично произвелъ рекогносцировку Татищевой крѣпости, и такъ какъ его разъѣзды, подъѣзжавшіе близко къ крѣпости, не встрѣтили никого, то князь и думалъ сначала,

---

[1]) Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

[2]) Рапортъ князя Голицына главнокомандующему, отъ 21 марта 1774 г., № 488. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

что Татищева, точно такъ же какъ и прочія крѣпости, будетъ оставлена мятежниками безъ боя [1]). Но посылаемые въ теченіе дня частые разъѣзды, къ вечеру убѣдили его, что инсургенты намѣрены защищаться, что ихъ собралось въ Татищевой много, но сколько именно—князь Голицынъ не могъ получить свѣдѣнія [2]). Тѣмъ не менѣе, оставивъ въ Переволоцкой крѣпости весь свой обозъ и поручивъ охраненіе его подполковнику Гриневу съ баталіономъ пѣхоты и двумя эскадронами [3]), князь Голицынъ рѣшился на слѣдующее утро атаковать мятежниковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 6,500 человѣкъ [4]).

Въ четыре часа утра 22 марта выступилъ изъ Переволоцкой, подъ начальствомъ полковника Юрія Бибикова, авангардъ, состоявшій изъ баталіона гренадеръ, баталіона егерей, 200 лыжниковъ и трехъ эскадроновъ кавалеріи. Чрезъ часъ по выступленіи авангарда двинулись и главныя силы. Непріятеля нигдѣ не было видно и Юрій Бибиковъ, приблизившись на четыре версты къ Татищевой, остановился. Онъ выслалъ впередъ разъѣздъ изъ чугуевскихъ казаковъ, который подошелъ почти къ самой крѣпости, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. Исполняя въ точности приказаніе самозванца, мятежники тщательно скрывались за валами и въ городѣ. Татищева крѣпость казалась опустѣлою, и трое казаковъ поѣхали узнать не покинута-ли она мятежниками. Стоявшіе за воротами и слѣдившіе все время за движеніемъ разъѣзда Пугачевъ, Овчинниковъ и Араповъ выслали на встрѣчу казакамъ бабу съ хлѣбомъ и солью. На вопросъ казаковъ: «есть ли кто въ крѣпости»? она должна была заявить, что были злодѣи да уѣхали, что теперь

---

[1]) Рапор. кн. Голицына отъ 21 марта 1774 г.

[2]) Рапортъ князя Голицына главнокомандующему отъ 24 марта, № 504. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

[3]) Г. Д. Анучинъ ошибается, говоря, что подполковникъ Гриневъ былъ оставленъ въ Сорочинскѣ (см. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года, № 8, стр. 492).

[4]) Въ своихъ рапортахъ князь Голицынъ не приводитъ численности отряда. Если бы всѣ баталіоны, полевыя команды и эскадроны имѣли полный штатный составъ, то силы князя Голицына достигали бы до 8,000 человѣкъ. Но такъ какъ въ частяхъ былъ недостатокъ въ людяхъ и командующій отрядомъ принужденъ былъ оставить гарнизоны въ Новосергіевскѣ и Переволоцкой крѣпости, то и слѣдуетъ предположить, что силы отряда, подошедшаго къ Татищевой крѣпости, не превышали 6,500 человѣкъ.

въ городѣ никого нѣтъ и населеніе проситъ князя Голицына вступить въ крѣпость безъ всякаго опасенія. Хитрость эта не вполнѣ удалась, ибо лишь только казаки приблизились къ воротамъ и увидѣли, что въ городѣ и за валами стоитъ вооруженная толпа, они тотчасъ поспѣшили назадъ. Пугачевъ съ Овчинниковымъ и нѣсколькими приближенными бросились въ погоню. Двое чугуевцевъ успѣли ускакать, а третій, исколотый копьями, былъ захваченъ въ плѣнъ. Самозванецъ пробовалъ допрашивать казака сколько у Голицына войскъ, но тотъ, изнемогая отъ ранъ, могъ только отвѣтить что 5,000 пѣхоты и 70 пушекъ [1]).

Получивъ извѣстіе отъ прискакавшихъ казаковъ, что мятежники приготовились къ оборонѣ, полковникъ Ю. Бибиковъ донесъ о томъ князю Голицыну, а самъ двинулся къ крѣпости, занялъ близлежащія высоты лыжниками и егерями, а на выдающихся мѣстахъ поставилъ орудія. Князь Голицынъ тотчасъ же прибылъ къ авангарду, произвелъ новую рекогносцировку и «учредилъ корпусу маршъ въ двѣ коллоны подъ предводительствомъ: правую — генералъ-маіора Мансурова [2]), лѣвую—генералъ-маіора Фреймана [3]), а передовой деташаментъ (Ю. Бибикова) составлялъ съ правой стороны особую колонну, чтобы отнять способы бунтовщикамъ зайти во флангъ». Въ такомъ положеніи войска подходили къ крѣпости, «а злодѣи, доносилъ князь Голицынъ [4]), засѣвши въ своемъ гнѣздѣ, притаились такъ тихо», что не сдѣлали ни одного выстрѣла и не выслали ни одной партіи. Пугачевъ, по его словамъ, запретилъ стрѣлять съ тою цѣлью, «чтобы наждать на себя и не терять напрасно ядеръ», такъ какъ наступающій спустился въ оврагъ, не обстрѣливаемый изъ крѣпости. Въ этомъ оврагѣ

[1]) Показаніе Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI д., № 506.

[2]) Подъ начальствомъ Мансурова находились: сводный баталіонъ изъ Вятскаго и Томскаго полковъ, подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Толстаго и два баталіона, сформированные изъ 23-й и 24-й легкихъ полевыхъ командъ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Аршеневскаго.

[3]) У Фреймана находились: два баталіона 2-го гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника князя Долгорукова и подполковника Филисова, и баталіонъ Владимірскаго полка, подъ командой полковника князя Одоевскаго.

[4]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову отъ 24 марта 1774, № 504.

князь Голицынъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ первой линіи стала пѣхота, а во второй кавалерія [1]). Замѣтивъ, что двѣ главныя высоты, командующія надъ крѣпостью, не заняты мятежниками, онъ приказалъ поставить на нихъ батареи и отправилъ баталіонъ князя Одоевскаго въ лѣвую сторону для занятія третьей высоты, которая могла быть опасною, если бы пугачевцы успѣли занять ее и выставить свои орудія.

Когда все было готово, начальникъ отряда приказалъ открыть огонь по крѣпости, изъ которой отвѣчали выстрѣлами изъ 30 большихъ орудій. Болѣе трехъ часовъ канонада съ обѣихъ сторонъ не прекращалась, и наконецъ, «примѣтивъ я», доносилъ князь Голицынъ, «что отчаянныхъ бунтовщиковъ изъ сего гнѣзда не можно будетъ выгнать одною канонадой, рѣшился штурмовать крѣпость. Атака моя ни откуда не могла быть, какъ на правый ихъ флангъ», и потому генералъ-маіоръ Фрейманъ получилъ приказаніе начать наступленіе съ баталіонами князя Одоевскаго и подполковника Филисова. Едва Фрейманъ двинулся впередъ, какъ Пугачевъ выслалъ изъ крѣпости сильную вылазку, поддержанную семью орудіями. Остановясь на пригоркѣ, орудія эти открыли по наступающимъ убійственный огонь, а пугачевцы произвели контръатаку на столько стремительную и отчаянную, что привели въ замѣшательство оба баталіона.

— Братцы-солдаты, кричали мятежники, — что̀ вы дѣлаете? Вы идете драться и убивать свою братью христіанъ, защищающихъ истиннаго своего государя императора Петра III, который здѣсь въ крѣпости самъ находится!

Слова эти могли, конечно, произвести сильное впечатлѣніе, если бы генералъ-маіоръ Фрейманъ не имѣлъ достаточной энергіи и не успѣлъ привести въ порядокъ разстроенные баталіоны. Подкрѣпленный прибытіемъ баталіона князя Долгорукова, Фрейманъ перешелъ въ наступленіе, но встрѣтилъ энергическое сопротивленіе со сто-

---

[1]) Кавалерія состояла изъ четырехъ эскадроновъ Изюмскихъ гусаръ, двухъ эскадроновъ драгунъ легкихъ полевыхъ командъ, четырехъ эскадроновъ Архангелогородскаго карабинернаго полка, двухъ эскадроновъ Бахмутскихъ гусаръ и двухъ ротъ Чугуевскихъ казаковъ.

роны мятежниковъ, безпрерывно усиливаемыхъ прибытіемъ новыхъ силъ изъ крѣпости.

По стремленію мятежниковъ было очевидно, что на этомъ пунктѣ должна быть рѣшена участь боя, и потому, принявъ здѣсь личное начальство надъ войсками, князь Голицынъ перевелъ постепенно на лѣвый флангъ всю пѣхоту генералъ-маіора Мансурова, а ему поручилъ начальство надъ всею кавалеріей.

Мятежники дрались отчаянно, и на площадкѣ передъ крѣпостью въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шелъ самый упорный бой съ перемѣннымъ успѣхомъ. Баталіоны подполковника Аршеневскаго были уже введены въ боевую линію, бой не склонялся ни на чью сторону, а между тѣмъ въ резервѣ оставался всего одинъ сводный баталіонъ изъ Вятскаго и Томскаго полковъ, подъ командой капитанъ-поручика Толстого. Рѣшаясь и его ввести въ дѣло, князь Голицинъ приказалъ полковнику Ю. Бибикову съ его егерями и лыжниками ударить во флангъ непріятеля, генералъ-маіору Мансурову перейти въ наступленіе съ кавалеріей, а генералъ-маіору Фрейману атаковать мятежниковъ сразу тремя баталіонами. Схвативъ знамя 2-го гренадерскаго полка, Фрейманъ бросился впередъ, а за нимъ и всѣ остальныя войска, въ томъ числѣ и баталіонъ Толстого, предъ которымъ, почти по грудь въ снѣгу, шелъ самъ князь Голицынъ съ обнаженною шпагой. Генералъ-маіоръ Мансуровъ послалъ два эскадрона на илецкую дорогу, а двумъ ротамъ Чугуевскаго полка и двумъ эскадронамъ Бахмутскихъ гусаръ приказалъ занять большую оренбургскую дорогу.

Лишь только чугуевцы и бахмутцы стали огибать городъ и крѣпость, Пугачевъ и его сообщники поняли, что скоро путь ихъ отступленія будетъ не безопасенъ. Многіе стали уходить, и въ числѣ ихъ самъ Пугачевъ, показавшій впослѣдствіи, что къ побѣгу изъ Татищевой его уговорилъ атаманъ Овчинниковъ.

— Уѣзжай, батюшка, говорилъ Овчинниковъ,—чтобы тебя не захватили, а дорога пока свободна и войсками не занята.

— Ну, хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ,—я поѣду. Но и вы смотрите же, коли можно будетъ стоять, такъ постойте, а коли горячо будутъ войска приступать, такъ и вы бѣгите, чтобы не попасть въ руки.

Не болѣе какъ съ четырьмя человѣками самозванецъ выѣхалъ изъ Татищевой. Чугуевскіе казаки хотя и гнались за нимъ версты съ три, «но какъ у него и его товарищей кони были самые хорошіе, то Чугуевцы догнать его не могли» [1]).

За Пугачевымъ бѣжали его сообщники, и войска ворвались въ крѣпость. Первыми взошли на валъ два баталіона 2-го гренадерскаго полка, а затѣмъ лѣвѣе баталіонъ Владимірскаго полка. Кавалерія, подъ начальствомъ подполковника Бедряги, преслѣдуя отступавшихъ, проникла въ городъ тремя въѣздами, а полковникъ Юрій Бибиковъ, со своею командой и лыжниками, «имѣлъ въ то время сильный бой на илецкой дорогѣ съ множествомъ вышедшей изъ крѣпости пѣхоты и конницы» [2]). Неуспѣвшіе бѣжать мятежники защищались внутри крѣпости отчаянно и оставили на мѣстѣ 1,315 тѣлъ. Бой продолжался болѣе шести часовъ, и «дѣло столь важно было, доносилъ князь Голицынъ [3]), что я не ожидалъ таковой дерзости и распоряженія въ таковыхъ непросвѣщенныхъ людяхъ въ военномъ ремеслѣ, какъ есть сіи побѣжденные бунтовщики». Войска преслѣдовали отступавшихъ на протяженіи 11 верстъ, и впослѣдствіи было найдено по дорогѣ, въ лѣсу и сугробахъ 1,180 убитыхъ. Въ плѣнъ взято 290 яицкихъ и илецкихъ казаковъ и болѣе трехъ тысячъ человѣкъ разнаго сброда. Вся артиллерія самозванца, состоявшая изъ 36 орудій со снарядами и зарядными ящиками, осталась въ рукахъ побѣдителей, которые лишились убитыми: 3 офицеровъ и 138 нижнихъ чиновъ; ранеными: 19 офицеровъ и 497 нижнихъ чиновъ [4]).

Столь большая потеря въ отрядѣ князя Голицына вполнѣ окупалась тѣмъ впечатлѣніемъ, которое бой этотъ произвелъ на мя-

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября. Государствен. Арх. VI д., № 512.

[2]) Рапортъ князя Голицына А. И. Бибикову 24 марта 1774 года, № 504. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

[3]) А. И. Бибикову отъ 22 марта. Тамъ же.

[4]) Рапортъ кн. Голицына А. И. Бибикову 24 марта 1774 года, № 504. Въ письмѣ князю М. Н. Волконскому (*Русскій Архивъ* 1867 года, стр. 500) А. И. Бибиковъ опредѣлилъ цифры потерь мятежниковъ не точно. У Пушкина сраженіе подъ Татищевою описано не вполнѣ вѣрно, а г. Мордовцевъ (См. «Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка», *Отечественныя Записки* 1868 года, № 8, стр. 455—457) далъ намъ поэтическій вымыселъ.

тежниковъ. Собранное самозванцемъ ополченіе было разсѣяно: Овчинниковъ съ частью своихъ силъ отступилъ къ Илецкому городку, а все остальное бросилось бѣжать степью, безъ дорогъ, по направленію къ Переволоцкой крѣпости. «*То-то жерновъ съ сердца свалился*», писалъ А. И. Бибиковъ своей женѣ [1]) въ день полученія извѣстія о побѣдѣ подъ Татищевой, «а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика»...

Обрадованный блестящимъ успѣхомъ князя Голицына, главнокомандующій просилъ императрицу оказать благоволеніе генераламъ Фрейману, Мансурову и въ особенности самому начальнику отряда. «Погрѣшилъ бы я противъ вѣрности моей къ вашему императорскому величеству, прибавлялъ Бибиковъ [2]), если бы генералъ-маіору князю Голицыну, по отличному его усердію, вѣрности, храбрости и искусству, не отдалъ предъ вами заслуженной имъ отъ всякаго справедливости, и если распоряженія мои въ точности исполнялись и исполняются, то никому иному какъ сему трудолюбивому сослуживцу я присвоить долженствую, а потому и всякую милость и монаршее воззрѣніе къ нему, равно какъ бы онѣ собственно до меня принадлежали, поставлять буду».

Получивъ это донесеніе, императрица произвела А. И. Бибикова изъ премьеръ-маіоровъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ подполковники; генераловъ Мансурова и Фреймана наградила орденами св. Анны, а князю Петру Голицыну пожаловала въ Могилевской губерніи, въ Рогачевской провинціи, фольварки Годиловичевскій и Будинскій «со всѣми къ нимъ принадлежащими угодьями» [3]). Два офицера, привезшіе извѣстіе о побѣдѣ подъ Татищевою крѣпостью [4]), были произведены въ слѣдующіе чины, а про-

---

[1]) Отъ 26 марта 1774 года. Сочиненія Пушкина, изд. 1881 года, т. VI, стр. 53.

[2]) Во всеподд. донесеніи 26 марта, за № 17. Военно-учен. арх. Отд. I, д. № 104 (А), листъ 191.

[3]) Указы Сенату и лейбъ-гвардіи Измайловскому полку, отъ 21 апрѣля 1774 г. Государственный Архивъ, X, д. № 467.

[4]) Великолуцкаго полка премьеръ-маіоръ Сергѣй Неклюдовъ и Изюмскаго гусарскаго полка поручикъ Гиршфельдъ.

чимъ всѣмъ участникамъ, писала императрица [1]): «начиная отъ перваго штабъ-офицера до послѣдняго солдата, бывшаго въ дѣлѣ корпуса, всемилостивѣйше жалуемъ мы чрезъ сіе невзачетъ третное жалованье».

Щедрыя награды, пожалованныя участникамъ, соотвѣтствовали тому впечатлѣнію, которое произведено было въ Петербургѣ донесеніями и письмами А. И. Бибикова. «Теперь, писалъ послѣдній князю Волконскому [2]), я могу почти ваше сіятельство *съ окончаніемъ всѣхъ безпокойствъ поздравить*, ибо одно только главнѣйшее затрудненіе и было, но оно теперь преодолѣно, и мы будемъ часъ отъ часу ближе къ тишинѣ и покою».

Люди способны увлекаться, легко вѣрить тому, что̀ удовлетворяетъ ихъ желанію, и потому неудивительно, что князь Волконскій пошелъ еще дальше въ этомъ отношеніи и пожелалъ императрицѣ окончить войну съ Турціей съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ окончены внутреннія безпокойства. «Я, будучи, писалъ онъ [3]), черезъ увѣдомленіе отъ А. И. Бибикова, обрадованъ, что злодѣй Пугачевъ съ его воровскою толпой княземъ П. М. Голицынымъ совершенно разбитъ и что сіе внутреннее безпокойство (которое столь много ваше милосердое матерно сердце трогало) *къ концу почти пришло*, припошу всенижайшее и всеусерднѣйшее поздравленіе. Да даруетъ Всевышній, чтобы и внѣшнее безпокойство, по столь многимъ побѣдамъ, полезнымъ миромъ къ безсмертной славѣ вашего императорскаго величества вскорѣ окончилось же».

Поздравленія и пожеланія стекались въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ Имперіи, и сама императрица спѣшила подѣлиться этою радостною вѣстью со своими сотрудниками. Она написала нѣсколько писемъ, прибавляя въ одномъ изъ нихъ [4]), что послѣ дѣла подъ Татищевою, «гордящіеся симъ разбоемъ ненавистники

---

[1]) Въ рескриптѣ князю Голицыну, отъ 26 апрѣля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 498. См. также Архивъ Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга 207.

[2]) Въ письмѣ, отъ 28 марта 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, дѣло № 527.

[3]) Въ письмѣ императрицѣ, отъ 2 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

[4]) Лифляндскому генералъ-губернатору Брауну въ собственноручномъ письмѣ, отъ 7 апрѣля 1774 г. См. *Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. III, стр. 228.

наши поубавятъ свое ликованіе». Для такихъ «ненавистниковъ» въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ составлялась для гамбургскихъ газетъ статья о побѣдѣ подъ Оренбургомъ, подъ заглавіемъ: «Extrait d'une lettre de Pétersbourg à un comptoir de Hambourg», и была передана въ петербургскій почтамтъ для отправленія по назначенію. Послы и посланники иностранныхъ державъ торопились извѣстить свои правительства, и нѣкоторые писали о подавленіи мятежа, какъ о фактѣ уже совершившемся. «Вчера, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ [1]), отъ генерала Бибикова пріѣхалъ курьеръ и привезъ весьма пріятное извѣстіе *объ окончательномъ подавленіи мятежа*, вслѣдствіе совершенной побѣды, разсѣявшей все мятежное войско».

Такимъ образомъ, побѣдѣ этой было придано гораздо большее значеніе, чѣмъ она имѣла на самомъ дѣлѣ. Правда, что подъ Татищевою были уничтожены лучшія силы Пугачева, но одинъ этотъ успѣхъ не могъ подавить возстанія. Въ Бердѣ была еще значительная толпа мятежниковъ, многочисленнѣе той, которая была собрана самозванцемъ для встрѣчи князя Голицына. Ею распоряжался Шигаевъ, человѣкъ болѣе самозванца способный и энергичный, державшій блокаду Оренбурга строже, чѣмъ она была при Пугачевѣ. Къ этому необходимо прибавить, что сила самозванца заключалась не въ личности его и не въ численности тѣхъ войскъ, которыя имъ были собраны противъ князя Голицына и оставлены подъ Оренбургомъ, а въ сочувствіи большинства населенія, готоваго стать подъ его знамена. Этой послѣдней силы не замѣчали современные представители власти, и большинство правительственныхъ лицъ пришли къ той мысли, что съ пораженіемъ мятежниковъ подъ Татищевою, вопросъ о подавленіи возстанія можно считать окончennымъ и остается только поймать самого Пугачева. Съ этою цѣлью почти повсемѣстно были приняты соотвѣтствующія мѣры. Князь Голицынъ обезпечилъ отъ прорыва самозванца пройденное отрядомъ пространство и Казанскую губернію. Астраханскій губернаторъ Кречетниковъ, все еще остававшійся въ Са-

[1]) Графу Суффолькъ, отъ 8 апрѣля 1774 г. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIX, стр. 409.

ратовѣ, разослалъ курьеровъ ко всѣмъ комендантамъ и по всѣмъ городамъ съ объявленіемъ о побѣдѣ войскамъ и народу. Онъ приказалъ, чтобъ отъ каждаго города были высланы конные разъѣзды по р. Волгѣ, для захвата всѣхъ бѣглыхъ мятежниковъ. Предполагая, что Пугачевъ будетъ искать убѣжища на рѣкѣ Иргизѣ въ раскольничьихъ селеніяхъ, ему хорошо извѣстныхъ, Кречетниковъ отправилъ есаула Ѳомина съ небольшою командой въ Малыковку, а для овладѣнія Гурьевымъ-городкомъ приказалъ отправить отрядъ изъ Астрахани.

Гурьевъ-городокъ очень безпокоилъ астраханскаго губернатора съ тѣхъ поръ, какъ былъ занятъ Овчинниковымъ. Приписывая успѣхъ мятежниковъ слабости коменданта и губернской канцеляріи, Кречетниковъ приказалъ начальнику отряда, въ случаѣ сопротивленія жителей — сжечь городокъ. «Въ семъ городкѣ одни казаки живутъ, писалъ онъ князю Вяземскому [1]), а постороннихъ только шесть семей было, то я и разсудилъ, что ихъ (казаковъ) уже жалѣть не можно, ибо таковой явный и наглый бунтъ, если вдаль потерпѣть, то было бы противу Бога, государя и отечества, а нужно его какъ наискорѣе сорвать и возстановить спокойство».

Получивъ извѣстіе, что посланный съ гарнизонною ротой изъ Астрахани, для занятія Гурьева-городка, секундъ-маіоръ Арбековъ, слѣдуя моремъ, «по худости льда, на пути обломился» и принужденъ былъ остановиться въ Красномъ-Яру, генералъ Кречетниковъ приказалъ отправить, сухимъ путемъ, подполковника Кандаурова съ 3-ю легкою полевою командой [2]). Въ помощь Кандаурову было отправлено изъ Астрахани къ Гурьеву-городку одно судно, долженствовавшее заградить мятежникамъ и самому Пугачеву плаваніе по морю и лишить ихъ возможности, еслибъ они пожелали, удалиться въ Мангышлакъ [3]).

25 марта Кандауровъ выступилъ изъ Астрахани, присоединилъ къ себѣ роту Арбекова, 200 донскихъ казаковъ, 300 калмыковъ изъ отряда князя Дондукова, и лишь 1 мая подошелъ къ Гурьеву-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 9 марта 1774 года.

[2]) Рапортъ Кречетникова военной коллегіи, отъ 9 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

[3]) Тоже, отъ 8 апрѣля 1774 г. Тамъ же.

*

городку, гдѣ былъ встрѣченъ атаманомъ Труняшевымъ и 10 казаками. Прибывъ въ лагерь отряда на Черную рѣчку, въ 12 верстахъ отъ городка, депутаты отъ имени «всего злодѣйскаго ихъ общества» передали ключи города и просили пощады и помилованія» [1]). Казаки не считали возможнымъ сопротивляться; они уже знали, что дѣло ихъ проиграно, что самозванецъ разбитъ и бѣжалъ изъ Берды.

XVII.

Дѣйствія отряда генералъ-маіора Ларіонова, назначеннаго для освобожденія города Уфы. — Занятіе правительственными войсками Нагайбака и Бакаловъ. — Просьба генералъ-маіора Ларіонова объ увольненіи его отъ командованія отрядомъ. — Назначеніе подполковника Михельсона. — Положеніе Уфы. — Попытка мятежниковъ овладѣть городомъ. — Пораженіе инсургентовъ у деревни Чесноковки. — Плѣненіе Зарубина (Чики) и его сообщниковъ. — Освобожденіе города Уфы отъ блокады. — Дѣйствія Михельсона въ окрестностяхъ этого города. — Покорность населенія.

Одновременно съ пораженіемъ, нанесеннымъ Пугачеву подъ Татищевою крѣпостью, былъ уничтоженъ и главнѣйшій его сообщникъ, самозванный графъ Чернышевъ (Зарубинъ), руководившій возстаніемъ въ Башкиріи и державшій въ строгой блокадѣ городъ Уфу.

Назначенный для освобожденія этого города, отрядъ генералъ-маіора Ларіонова въ концѣ февраля находился, какъ мы видѣли [2]), въ сел. Большомъ Акташѣ и лишь 4 марта двинулся къ Нагайбаку. Ларіоновъ видѣлъ передъ собою только отступавшихъ мятежниковъ, и жители селеній, по которымъ проходилъ отрядъ, хотя и имѣли отъ полковника Юрія Бибикова свидѣтельства въ полномъ раскаяніи, но потомъ опять перешли на сторону мятежниковъ.

«Жены и дѣти сихъ изверговъ», доносилъ Ларіоновъ [3]), «въ

---

[1]) Рапортъ Кречетникова военной коллегіи, отъ 14 мая 1774 года. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV. Рапортъ подполковника Кандаурова Мансурову 3 мая. Тамъ же, книга VIII

[2]) См. главу XIV.

[3]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову отъ 5 марта 1774 года, № 83. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

пустыхъ мѣстахъ разбросанныя, не имѣютъ никакого пропитанія и пристанища, которыхъ, *чтобъ они не могли вовсе пропасть, не прикажете ли раздавать желающимъ*. Изъ вышеписанныхъ же двѣ женщины не только не хотятъ возвращаться къ своимъ измѣной остервѣнившимся мужьямъ, но желаютъ и законъ принять греческій, почему я и опредѣлилъ отдать ихъ желающимъ въ деташементѣ, дабы безъ пищи и отъ стужи не погибли».

При приближеніи отряда генералъ-маіора Ларіонова къ Нагайбаку, мятежники отступили къ Бакаламъ и Стерлитамаку. Занявъ 6-го марта Нагайбакъ, Ларіоновъ въ тотъ же день выступилъ-было къ Бакаламъ, но подѣланные инсургентами завалы и глубокіе снѣга заставили его вернуться обратно. Въ 2 часа ночи 8-го марта онъ выступилъ къ Стерлитамаку, гдѣ, по свѣдѣніямъ, была главная толпа подъ предводительствомъ пяти башкирскихъ старшинъ. Въ 20 верстахъ отъ Стерлитамака отрядъ встрѣтилъ конные разъѣзды мятежниковъ. Ларіоновъ выслалъ для преслѣдованія ихъ 100 человѣкъ Чугуевскихъ казаковъ, 50 Изюмскихъ гусаръ и 100 человѣкъ уланъ Казанскаго дворянскаго корпуса подъ общимъ начальствомъ маіора Харина. Въ подкрѣпленіе кавалеріи было отправлено 50 человѣкъ пѣхоты съ одною 3-хъ-фунтовою пушкою. Преслѣдуя отступавшихъ, Харинъ съ своею кавалеріею дошелъ до Стерлитамака, гдѣ, будучи остановленъ артиллерійскимъ огнемъ мятежниковъ, выждалъ прибытія главныхъ силъ. Ларіоновъ приказалъ открыть огонь изъ своихъ орудій, двинулъ кавалерію въ обходъ, а лыжниковъ на батарею, «сдѣланную изъ сѣнныхъ возовъ». Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ башкирцы, число которыхъ, по показанію Ларіонова, простиралось до 3,000 человѣкъ, а по болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ не превышало 1,500 человѣкъ, обратились въ бѣгство. Уланы Казанскаго дворянскаго корпуса преслѣдовали непріятеля и отбили двѣ пушки. «Младенцы мои, доносилъ Ларіоновъ [1]), сугубо показали, что они произошли изъ благородныхъ сердецъ, воспаленныхъ ревностью, усердіемъ вѣрноподданнической любви и должности къ августѣйшей нашей матери и отечеству».

[1]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову отъ 10 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

Разбитые башкирцы отступили къ Бакаламъ, а Ларіоновъ пошелъ съ отрядомъ обратно въ Нагайбакъ. Онъ испугался извѣстія, что въ Бакалы прибылъ на подкрѣпленіе мятежниковъ братъ Зарубина (Чики), а у Мензелинска собираются «новыя толпы съ разными старшинами» [1]).

Оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Нагайбакѣ, Ларіоновъ приказалъ находившемуся въ Мензелинскѣ полковнику Обернибѣсову строго слѣдить за мятежниками, а полковнику Кожину, съ отрядомъ въ 630 человѣкъ и 4 орудіями, [2]) слѣдовать къ Бакаламъ и выгнать оттуда мятежниковъ, число которыхъ, по выяснившимся даннымъ, не превышало 500 человѣкъ.

Въ 12 часовъ дня, 12 марта, Кожинъ выступилъ изъ Нагайбака, а слѣдомъ за нимъ пошелъ и Ларіоновъ съ остальными силами. Подойдя къ Бакаламъ, полковникъ Кожинъ былъ встрѣченъ огнемъ батареи, поставленной въ воротахъ, и потому, сформировавъ колонну въ 200 человѣкъ, приказалъ овладѣть ею. Капитанъ Шепелевъ повелъ первый взводъ колонны, дошелъ почти до самыхъ воротъ и готовъ былъ броситься на орудія, но былъ убитъ. Команда его замѣшалась, повернула назадъ, а за нею и вся колонна. Мятежники ободрились, но въ это время подошелъ генералъ-маіоръ Ларіоновъ и повторилъ атаку. Батарея была взята, мятежники отступили и 13 марта Ларіоновъ занялъ Бакалы съ потерею: убитыми: 1 офицера, 7 нижнихъ чиновъ, ранеными: 1 офицера и 20 нижнихъ чиновъ [3]).

Въ Бакалахъ Ларіоновъ оставался въ теченіе недѣли и не предпринималъ ровно ничего. Такимъ образомъ прошло почти полтора мѣсяца со дня выступленія отряда изъ Казани, а дѣло по усмиренію края подвинулось впередъ весьма немного и городъ Уфа еще долго не могла получить никакой помощи. Главнокомандую-

[1]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову, 10 марта 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VII.

[2]) Въ составъ отряда Кожина были назначены: 300 человѣкъ Томскаго полка, 100 человѣкъ улановъ Казанскаго дворянскаго корпуса, 50 карабинеровъ, 50 Изюмскихъ гусаръ, 50 человѣкъ Казанскаго мѣщанства и 80 чел. Чугуевскихъ казаковъ.

[3]) Рапортъ полковника Кожина генералъ-маіору Ларіонову отъ 13 марта. Рапортъ Ларіонова А. И. Бибикову отъ 13 марта 1774 года, № 103. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII. Показаніе яицкаго казака Ильи Ульянова. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

щій былъ крайне недоволенъ медленностію и нерѣшительностію Ларіонова. «За грѣхи мои», писалъ Бибиковъ [1]), «навязался мнѣ братецъ мой, А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташементомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу». Главнокомандующій требовалъ энергическихъ дѣйствій и скорѣйшаго наступленія къ Уфѣ, а Ларіоновъ ссылался на трудности пути. Онъ говорилъ, что и безъ того узкія дороги, пролегающія среди лѣсовъ, завалены снѣгомъ и засѣками изъ такихъ деревьевъ, «что разрубить ихъ способу нѣтъ»; что мосты въ самыхъ крутыхъ рытвинахъ всѣ сожжены и ему приходится ходить окольными дорогами по глубокимъ снѣгамъ, такъ какъ для возстановленія мостовъ потребовалось бы слишкомъ много времени.

«Слабость моего здоровья», прибавлялъ при этомъ Ларіоновъ [2]), «время отъ времени изнуряетъ меня до того, что я не въ состояніи далѣе командовать. То посему и по ордерамъ вашего высокопревосходительства, сдавъ полковнику Кожину все надлежащее съ подтвержденіемъ крѣпкимъ о точности исполненія вашихъ ордеровъ, намѣренъ подъ прикрытіемъ чугуевской команды, которую ваше высокопревосходительство повелѣли возвратить въ Бугульму, возвратиться въ Кичуй, гдѣ уповаю явиться вашему высокопревосходительству».

Получивъ это донесеніе, главнокомандующій радъ былъ замѣнить Ларіонова другимъ лицомъ, и потому, съ прибытіемъ 2-го марта въ Казань С.-Петербургскаго карабинернаго полка, въ которомъ находился подполковникъ Ив. Ив. Михельсонъ, А. И. Бибиковъ избралъ его, какъ офицера весьма храбраго, способнаго и дѣятельнаго, начальникомъ отряда, назначеннаго для освобожденія Уфы. «Представь, каково эти дни мнѣ», писалъ А. И. Бибиковъ къ А. М. Лунину [3]). «Дворянскаго шефа (Ларіонова) принужденъ перемѣнить со всѣми его куртками, а послать Михельсона,—онъ за болѣзнію попросился. Я уже и тому радъ. Упеталъ меня сей храбрый герой: не могъ съ мѣста цѣлый мѣсяцъ двинуться!»

---

[1]) Сочин. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, стр. 47.

[2]) Рапортъ Ларіонова А. И. Бибикову 13 марта 1774 года, № 103. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

[3]) Отъ 10 марта 1774 года. *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 384.

Ив. Ив. Михельсонъ началъ службу въ офицерскихъ чинахъ въ 3-мъ мушкетерскомъ полку, которымъ командовалъ тогда А. И. Бибиковъ. Участвуя въ Семилѣтней и Турецкой войнахъ, Михельсонъ заслужилъ себѣ блестящую военную репутацію, былъ нѣсколько разъ раненъ и за свои боевые подвиги награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Съ назначеніемъ его теперь вмѣсто генералъ-маіора Ларіонова, отрядъ послѣдняго былъ раздѣленъ на двѣ части, и полковнику Кожину было приказано передать кавалерію и 300 человѣкъ лучшихъ людей Томскаго полка подполковнику Михельсону, а съ оставшейся пѣхотой и Казанскими уланскими компаніями слѣдовать въ Кичуевскій фельдшанецъ [1]).

Въ два часа пополудни 18 марта подполковникъ Михельсонъ съ небольшимъ числомъ карабинеровъ, прибывъ въ Бакалы, засталъ тамъ Ларіонова и принялъ отъ него 300 человѣкъ Томскаго полка съ шестью полевыми орудіями [2]). Полковникъ Кожинъ, дождавшись прибытія изъ Мензелинска отряда Обернибѣсова и оставивъ его въ Бакалахъ для обезпеченія тыла Михельсона, самъ съ остальными войсками 22 марта выступилъ въ Кичуевскій фельдшанецъ [3]).

20-го марта двинулся впередъ и Михельсонъ со своимъ отрядомъ.

Обложенная со всѣхъ сторонъ Уфа защищалась доблестью своихъ гражданъ, распорядительностію коменданта, полковника Мясоѣдова и воеводы А. Н. Борисова.

При первыхъ еще извѣстіяхъ о появленія самозванца уфимскіе жители готовились къ оборонѣ и рѣшились не впускать въ городъ мятежниковъ [4]). Обыватели требовали оружія и формиро-

---

[1]) Рапортъ полковн. Кожина Бибикову отъ 20 марта 1774 года. Моск. Арх. Глав. Шт., оп. 47, кн. VII.

[2]) Рапортъ Михельсона Бибикову 18 марта 1774 года. Моск. Арх. глав. шт., оп. 47, кн. VII.

[3]) Рапортъ Кожина Бибикову отъ 22 марта 1774 года. Тамъ же.

[4]) Авторъ статьи «*Осада Уфы шайками Пугачева*», Р. Г. Игнатьевъ (Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II), говоря о приготовленіяхъ жителей къ оборонѣ, относитъ ихъ къ первой половинѣ сентября 1773 г. (стр. 105). Только во второй половинѣ сентября Пугачевъ объявилъ себя императоромъ и, слѣдова-

вали ополченіе. Прибывшій въ г. Уфу по торговымъ дѣламъ 23-хъ лѣтній ростовскій купецъ Иванъ Игнатьевичъ Дюковъ явился душою обороны. Мѣщанство провозгласило его своимъ предводителемъ, а дворянство, составивъ изъ себя ополченіе, избрало начальникомъ своимъ отставнаго маіора Пекарскаго [1]); штатною гарнизонною ротою, отставными солдатами и казаками командовалъ капитанъ К. К. Пастуховъ. Въ Уфу стекались жители окрестныхъ селъ, помѣщики и духовенство съ ихъ семействами. Многіе изъ нихъ становились въ ряды защитниковъ, но при всемъ томъ силы обороняющихся были незначительны. Онѣ состояли сначала изъ 200 человѣкъ солдатъ, изъ 250 человѣкъ дворянской роты Пекарскаго, 150 человѣкъ купцовъ, мѣщанъ и казаковъ подъ начальствомъ Дюкова и 204 человѣка отставныхъ солдатъ и разночинцевъ,— всего 804 человѣка. Въ городѣ было 40 орудій и при нихъ 58 человѣкъ прислуги подъ начальствомъ воеводы Борисова.

Впослѣдствіи хотя сборомъ вооруженныхъ помѣщичьихъ крестьянъ численность гарнизона и была доведена до 1,650 человѣкъ, но и этого было недостаточно по сравненію съ числомъ мятежниковъ, ежедневно усиливаемыхъ прибытіемъ новыхъ сообщниковъ.

Защитники возлагали, впрочемъ, большія надежды на гористое и обрывистое положеніе города, затруднявшее атаку открытою силою. Рѣка Бѣлая, на всемъ своемъ теченіи вокругъ города, была очищена отъ льда и образованныя такимъ образомъ искусственныя полыньи прикрывали съ этой стороны доступъ мятежникамъ къ городу. Вокругъ Уфы были построены четыре земляныхъ батареи и сверхъ того сформирована одна подвижная изъ четырехъ орудій, для усиленія, въ случаѣ атаки, наиболѣе угрожаемаго пункта.

Одна батарея была поставлена на р. Бѣлой для обстрѣливанія

тельно, ранѣе этого объявленія жители г. Уфы готовиться къ оборонѣ не могли. Вѣроятно ошибка эта произошла отъ неразборчивости мѣсяца, обозначеннаго на документахъ.

[1]) Родословную Пекарскихъ см. въ статьѣ *Извѣстія объ Уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ*“, академика П. П. Пекарскаго (Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г. ч. II, стр. 81—100).

мѣстности со стороны оренбургской дороги; вторая батарея была расположена на Усольской сопкѣ, третья на кладбищѣ — обѣ для защиты доступовъ со стороны сибирской дороги, и наконецъ, четвертая батарея, на горѣ, надъ р. Бѣлой, для обстрѣливанія Фроловской, Казанской и Ильинской улицъ. Городъ былъ раздѣленъ на участки, охраняемые вооруженными гражданами.

Первыя незначительныя шайки башкирцевъ появились въ виду города 1-го октября, въ день праздника Покрова Богородицы. Въ городскомъ соборѣ была отслужена обѣдня и затѣмъ совершенъ крестный ходъ.

— Сегодня, говорилъ народу протопопъ Невѣровъ, Св. Церковь празднуетъ Покрову Божія Матери, это значитъ что Матерь Божія спасаетъ градъ сей.

— Ура! отвѣчалъ народъ.

— Пресвятая Богородица спаси насъ, произнесъ Дюковъ.

Всѣ пали на колѣни и горячо молились.

До конца октября мятежники не предпринимали почти ничего серьезнаго противъ города и ограничивались одною блокадою. Будучи сами плохо вооружены, башкирцы не питали себя надеждою овладѣть городомъ открытою силой, и потому вели безпрерывные переговоры, угрожая нападеніемъ и требуя сдачи и покорности. Съ ними переговаривались маіоръ Пекарскій, коллежскіе регистраторы Черкашенинovъ и Дуровъ, переговаривался и купецъ Дюковъ.

— Мы хотимъ видѣть, говорили мятежники послѣднему,—коменданта и воеводу; но если вы ими посланы, то скажите имъ, чтобы они не противились законному государю, а иначе городъ будетъ взятъ и жители всѣ до однаго человѣка перебиты.

Дюковъ отправился въ городъ и привезъ имъ обратно весьма уклончивый отвѣтъ.

— Уфимское начальство само видитъ, говорилъ онъ,—что городу не устоять: мало людей, оружія, пороху и хлѣба; но народъ хочетъ защищаться и не только не послушаетъ начальниковъ, но даже можетъ быть въ народѣ бунтъ, воевода и комендантъ могутъ пострадать лишеніемъ живота. Надо предоставить времени и

тогда, можетъ быть, воевода и комендантъ найдутъ возможность сдать городъ.

— По указу его императорскаго величества, сказалъ одинъ изъ переговаривающихся предводителей мятежниковъ,—дается вамъ три дня или страшитесь государева гнѣва.

— А ты, умная голова, спросилъ Дюкова тотъ же предводитель, — тоже не изъ командировъ-ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ спрошенный,—я только теперь временный солдатъ всемилостивѣйшей государыни нашей Екатерины Алексѣевны и долженъ исполнять волю начальства, какъ совѣсть и присяга повелѣваютъ.

— Хорошо, ступай, умная голова,—скажи твоему начальству что̀ слышалъ, да и скажи жителямъ, особенно казакамъ, что-де имъ тяжкій грѣхъ поднимать руку на законнаго государя, что Богъ и царь ихъ накажутъ.

Дюковъ вернулся и воевода приказалъ ему объявить народу, безъ утайки, все что̀ слышалъ отъ мятежниковъ.

— Что же, православные, спрашивалъ Борисовъ,—ужели по вашему сдать злодѣямъ городъ? Вы какъ хотите, а я до послѣдняго издыханія буду стоять за вѣру, государыню и отечество, вѣдь я присяру принималъ.

— Мы всѣ присягу принимали, отвѣчали собравшіеся обыватели. Ура! веди насъ противъ злодѣевъ.

Рѣшеніе защищаться до послѣдней крайности было твердо и безповоротно. Ни угрозы бунтовщиковъ, ни манифесты Пугачева, или такъ-называемые «*воровскіе листы*», появившіеся въ городѣ, не могли поколебать обывателей. Нѣтъ сомнѣнія, что среди населенія были сторонники самозванца, которые принимали прокламаціи мятежниковъ и тайкомъ, по ночамъ, наклеивали ихъ на воротахъ, стѣнахъ домовъ и даже церкви, но такія лица скрывали свое сочувствіе и не рѣшались выказаться. Чтобы прекратить подобныя публикаціи, въ городѣ было объявлено, съ барабаннымъ боемъ, что всякій, кто найдетъ подобныя письма, долженъ представить ихъ въ воеводскую канцелярію; если укажетъ на виновнаго, будетъ награжденъ, а за утайку виновнаго и писемъ будетъ повѣшенъ. При такихъ порядкахъ спокойствіе въ городѣ ничѣмъ не

нарушалось. Башкирцы то подходили къ Уфѣ, то удалялись отъ нея и зорко слѣдили за всѣми дорогами и захватывали всѣхъ проѣзжающихъ. Иногда отдѣльныя лица или небольшія партіи мятежниковъ завязывали перестрѣлку, но почти всегда она была безвредна для обѣихъ сторонъ. Съ своей стороны осажденные производили вылазки, изъ которыхъ многія были весьма удачны. Всякій успѣхъ обороняющагося былъ встрѣчаемъ жителями съ восторгомъ. Въ концѣ октября перестрѣлки происходили почти ежедневно, но, будучи безвредны, не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Въ такомъ положеніи находилась Уфа, когда во второй половинѣ ноября прибылъ въ Чесноковку уполномоченный Пугачева, яицкій казакъ Иванъ Зарубинъ (Чика), именованный графомъ Чернышевымъ. Выше мы изложили тѣ мѣры, которыя были предприняты Зарубинымъ къ расширенію своей дѣятельности въ краѣ и къ распространенію своей власти [1]). Формируя отряды и разсылая ихъ по разнымъ направленіямъ, Зарубинъ не забылъ и города Уфы.

Въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, 21-го ноября, мятежники подошли къ городу, поставили на берегу р. Бѣлой свои пушки и открыли огонь. Канонада эта была неудачна и, не смотря на большое число выпущенныхъ выстрѣловъ, атакующіе успѣли зажечь только избу, одиноко стоявшую на берегу р. Бѣлой. Пожаръ былъ скоро потушенъ и результаты бомбардированія сказались лишь въ томъ, что защитники лишились трехъ человѣкъ убитыми.

Съ наступленіемъ сумерекъ толпа стала отступать къ Чесноковкѣ; изъ Уфы былъ высланъ отрядъ въ 240 человѣкъ, съ двумя орудіями, который осторожно переправился черезъ р. Бѣлую и маскируясь горой зашелъ незамѣтно въ тылъ инсургентамъ. Атакованные врасплохъ мятежники обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 30 человѣкъ убитыми и 40 плѣнными.

Городъ праздновалъ побѣду: «ночью въ церквахъ звонили въ колокола и пѣли благодарственные молебны». Настроеніе населенія было вполнѣ удовлетворительное, но начальствующія лица сознавали, что если блокада протянется долго, то окажется недостатокъ

[1]) См. главу XI.

въ боевыхъ припасахъ, и потому рѣшено было беречь ихъ и уклоняться отъ перестрѣлокъ съ непріятелемъ.

Чтобы пріучить жителей и гарнизонъ къ внезапному нападенію, начальство дѣлало днемъ и ночью тревоги. По звону соборнаго колокола, трещотокъ или по зажженію маяка, гарнизонъ долженъ былъ собираться на назначенныхъ ему мѣстахъ. «Жители, вооруженные чѣмъ попало, кольями, топорами», должны были выходить на улицу, не исключая, какъ говоритъ преданіе, и женщинъ» [1]).

Неожиданное появленіе башкирцевъ у Уфы лишило ея жителей возможности сдѣлать запасы продовольствія на продолжительное время, и почти въ самомъ началѣ блокады сталъ ощущаться недостатокъ въ фуражѣ. Поэтому было рѣшено произвести вылазку на сосѣдніе луга и запастись сѣномъ изъ нетронутыхъ еще стоговъ.

Въ 7 часовъ утра, 12 декабря, бо̀льшая часть жителей и даже женщины вышли изъ города подъ прикрытіемъ команды и одного орудія; но лишь только начался сборъ сѣна, какъ Зарубинъ (Чика) бросился на нихъ съ своимъ ополченіемъ и успѣлъ захватить 50 человѣкъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился священникъ Троицкой церкви Илья Ивановъ. Всѣхъ ихъ представили самозванному графу Чернышеву, потомъ обыскали, завязали глаза и отвели въ тюрьму, съ объявленіемъ, что на другой день они будутъ повѣшены.

На слѣдующее утро ихъ опять привели къ Зарубину (Чикѣ), который былъ совершенно пьянъ, полуодѣтъ, босой и, сидя въ переднемъ углу подъ образами, едва могъ шевелить языкомъ. Приведеннымъ плѣннымъ объявили, что сидящій подъ образами есть его сіятельство графъ Чернышевъ, самый близкій человѣкъ къ батюшкѣ государю Петру Ѳедоровичу, находящемуся нынѣ подъ Оренбургомъ; что графъ присланъ подъ Уфу требовать добровольной покорности и сдачи города безъ кровопролитія. Пьяный Зарубинъ объявилъ, что всѣхъ милуетъ, отмѣняетъ казнь, отпу-

[1]) *Осада Уфы*, Р. Г. Игнатьева. Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II, стр. 117.

скаетъ обратно въ городъ, но съ условіемъ: передать, что̀ видѣли и слышали и уговорить населеніе исполнить волю государя Петра Ѳедоровича. 14 декабря плѣнные отправились въ городъ, при входѣ были окружены войсками и отведены прямо въ канцелярію для допроса. Послѣ того имъ было сдѣлано увѣщаніе въ соборѣ, всѣ они были приведены къ присягѣ и распущены по домамъ. Зарубинъ не получилъ никакого отвѣта и черезъ два дня самъ поѣхалъ къ городу, съ намѣреніемъ вступить въ переговоры. Въ 9 часовъ утра 17 декабря онъ подошелъ къ Уфѣ съ значительною толпою и видя, что населеніе не намѣрено вступать съ нимъ въ сношеніе, приказалъ открыть огонь. Съ городскихъ батарей отвѣтили тѣмъ же и Зарубинъ (Чика) принужденъ былъ отступить. Онъ разослалъ повсюду приказаніе, чтобы всѣ способные носить оружіе собирались въ Чесноковку для взятія города Уфы. Мятежное населеніе стекалось со всѣхъ сторонъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней, по словамъ современника, собралось до 20 тысячъ человѣкъ.

Съ этими силами и 23 орудіями Зарубинъ, въ 7 часовъ утра 23 декабря, подошелъ къ Уфѣ и открылъ канонаду. Городскія батареи отвѣчали весьма удачно и не допускали мятежниковъ близко къ городу. Замѣтивъ малолюдство защитниковъ, стоявшихъ у выхода Усольской улицы, инсургенты собрались здѣсь въ значительномъ числѣ, успѣли перевезти черезъ рѣку двѣ пушки и, поставивъ ихъ на горѣ, стали обстрѣливать городъ. Выстрѣлы этой батареи наносили большой вредъ строеніямъ, но захватить ее или заставить замолчать у горожанъ не доставало силъ. Тогда отставной вахмистръ изъ дворянъ Дмитрій Аничковъ (Баталинъ тожь) взялъ 20 человѣкъ вооруженныхъ людей и, зная хорошо мѣстность, обошелъ батарею съ правой стороны и открылъ огонь въ тылъ мятежниковъ. Прислуга у батареи была частью перебита, а остальная бросилась бѣжать. Аничковъ тотчасъ повернулъ орудія и осыпалъ картечью бѣгущихъ. Въ погоню за ними была выслана изъ города партія конныхъ, успѣвшая захватить нѣсколько плѣнныхъ. Ополченіе Зарубина разошлось въ разныя стороны, штурмъ былъ отбитъ и побѣдители захватили два орудія.

Въ три часа дня непріятеля не было уже въ виду города и

населеніе торжествовало побѣду. На слѣдующій день полковникъ Мясоѣдовъ сдѣлалъ парадъ всѣмъ вооруженнымъ людямъ и было отслужено благодарственное молебствіе. 25-го декабря было опять молебствіе, послѣ котораго зажиточные жители устроили угощеніе для защитниковъ. Каждый взялъ къ себѣ нѣсколько вооруженныхъ людей, «къ сдѣланію съ пріятелями веселаго времени». Пять бочекъ вина было отпущено отъ казны, но ни пьянства, ни безпорядка не было.

Въ теченіе цѣлаго затѣмъ мѣсяца Зарубинъ (Чика) не предпринималъ ничего противъ Уфы. Онъ усилилъ только блокаду города и изрѣдка велъ перестрѣлку, впрочемъ незначительную. Толпа его грабила окрестности, жгла запасы сѣна и разграбила соляные магазины, въ пяти верстахъ отъ города. Исподволь Зарубинъ собиралъ свои силы и 25 января снова явился подъ Уфою съ 12,000 мятежниковъ [1]). Набатъ призвалъ жителей къ оружію, и обѣ стороны открыли огонь. Одинъ изъ предводителей толпы, Губановъ, прорвался-было на Сибирскую улицу, но былъ выгнанъ, а Зарубинъ направился опять на Усольскую улицу и, остановившись на горѣ, распоряжался боемъ.

Зима этого года была снѣжная и, по преданію, снѣгъ въ Уфѣ лежалъ выше заборовъ, что̀ затрудняло атаку: пѣхота мятежниковъ, вооруженная преимущественно кольями и топорами, вязла въ снѣгу и была поражаема пулями защитниковъ. Атакующіе подвигались впередъ медленно, и отставной капралъ Лодыгинъ рѣшился повторить маневръ Аничкова. Взявъ 25 человѣкъ солдатъ, онъ пробрался между строеніями, зашелъ въ тылъ атакующимъ и открылъ огонь. Мятежники пришли въ большое замѣшательство и, по словамъ современника, Лодыгинъ бросился на самого Зарубина, но былъ убитъ. Команда его разсѣялась, но въ это время прибыла подвижная батарея и осыпала инсургентовъ картечью. Подъ Чикою была убита лошадь, но онъ успѣлъ пересѣсть на другую и ускакалъ, а за нимъ бросилась назадъ и вся толпа. Отступленіе было самое безпорядочное и гибельное для мя-

[1]) Журналъ происшествіямъ въ Уфѣ. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга IV.

тежниковъ: «ихъ убивали безъ сопротивленія, особенно увязшихъ въ снѣгу»; многіе съ отчаянія бросались въ овраги и тамъ гибли. Атакующіе потеряли болѣе 200 человѣкъ убитыми и 50 человѣкъ плѣнными; гарнизонъ и обыватели лишились 20 человѣкъ убитыми и ранеными. На слѣдующій день былъ отслуженъ молебенъ, войска окроплены св. водой, а Лодыгинъ и всѣ убитые похоронены съ большою церемоніею при Смоленскомъ соборѣ. Нижнимъ чинамъ были выданы денежныя награды, а офицеры приглашены на обѣдъ къ коменданту, полковнику Мясоѣдову [1]).

Одушевленіе защитниковъ и вѣра въ свою силу были такъ велики, что они желали идти въ Чесноковку и выгнать оттуда Зарубина (Чику), но начальство не раздѣляло этого желанія и считало болѣе выгоднымъ оставаться въ оборонительномъ положеніи, предоставляя инціативу дѣйствій мятежникамъ. Малѣйшая неудача въ наступленіи могла передать городъ въ руки инсургентовъ, и потому выгоднѣе было, оставаясь за укрѣпленіями, дождаться прибытія помощи.

Помощь однакоже не прибывала и притомъ, идутъ-ли войска на освобожденіе Уфы—никакихъ свѣдѣній не имѣлось. Продовольствіе въ городѣ истощалось и всѣ продукты сильно вздорожали: пудъ ржи продавался по 1 р. 20 к., пудъ пшеницы стоилъ 1 р. 60 к., а за возъ сѣна платили по 2 руб., что, по тогдашнимъ цѣнамъ, было очень дорого. Солдаты и вооруженные граждане получали половинную дачу провіанта, а болѣе бѣдные стали ощущать голодъ. За неимѣніемъ сѣна большинство владѣльцевъ принуждено было кормить своихъ лошадей и скотъ древесными вѣтвями. Въ городѣ стали развиваться болѣзни, а съ тѣмъ вмѣстѣ явился ропотъ и неудовольствіе; начались побѣги, преимущественно среди помѣщичьихъ крестьянъ, собранныхъ въ городъ для защиты. Впрочемъ, побѣги начались подъ самый конецъ блокады, были незначительны и изъ регулярныхъ войскъ бѣжалъ только одинъ канониръ Нагаевъ. Онъ ушелъ 23 марта, наканунѣ того дня,

---

[1]) Осада города Уфы, Р. Г. Игнатьева. Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II. *Оренбургскія Вѣдомости*, 1852 г., № 16.

когда подполковникъ Михельсонъ подошелъ къ Чесноковкѣ и разбилъ ополченіе Зарубина (Чики).

Выступивъ изъ Бакаловъ и слѣдуя черезъ селеніе Тюряшево, подполковникъ Михельсонъ старался добыть *«языка»*, но не могъ никого захватить въ плѣнъ, потому что «изъ нихъ, злодѣевъ, ни одинъ живой не сдавался», а за неимѣніемъ въ деревняхъ жителей получить свѣдѣнія о непріятелѣ было почти невозможно. Только 23 числа, подходя къ деревнѣ Караяпуловой, при встрѣчѣ авангарда отряда съ толпою въ 400 человѣкъ, Михельсонъ успѣлъ захватить 5 человѣкъ въ плѣнъ. Отъ нихъ онъ узналъ, что по дорогѣ изъ города Уфы въ дер. Жуковой находится 2,000 человѣкъ съ 4 орудіями, а въ Чесноковкѣ стоитъ самъ графъ Чернышевъ (Зарубинъ) съ 10,000 человѣкъ и значительнымъ числомъ орудій.

Какъ ни опасно было оставлять у себя въ тылу мятежниковъ, собравшихся въ дер. Жуковой, тѣмъ не менѣе Михельсонъ рѣшился атаковать прежде всего главныя силы, расположенныя въ Чесноковкѣ, повернулъ вправо и пошелъ на дер. Арово, гдѣ и остановился съ намѣреніемъ переночевать и дать отдыхъ отряду. Однако въ пятомъ часу пополудни было замѣчено, что верстахъ въ семи отъ мѣста расположенія отряда, въ дер. Кляшевой, собралась толпа человѣкъ до 500. Выславъ туда 200 человѣкъ пѣхоты и конницы, Михельсонъ приказалъ немедленно атаковать непріятеля и, не зная точнаго числа его, пошелъ и самъ со всѣмъ отрядомъ. Инсургенты не дождались приближенія правительственныхъ войскъ и разбѣжались въ разныя стороны. Остановившись въ дер. Кляшевой, Михельсонъ приказалъ играть зорю и разложить какъ можно болѣе огней, а съ наступленіемъ совершенной темноты, въ одиннадцатомъ часу ночи, выступилъ далѣе и въ 2 часа пополуночи подошелъ къ сел. Третьякову. При приближеніи отряда, въ селеніи поднялась большая тревога и бывшіе тутъ мятежники, въ числѣ 1,000 человѣкъ съ 2 орудіями, открыли огонь. Шедшій въ авангардѣ маіоръ Харинъ, не обращая вниманія на выстрѣлы, смѣло ворвался въ селеніе, а высланные Михельсономъ, подъ начальствомъ поручика Базарова, лыжники, обогнувъ деревню и появившись въ тылу, навели панику на инсургентовъ. Разстрѣлявъ въ безпоря-

дочной ночной стрѣльбѣ всѣ свои патроны, толпа обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ всѣ пушки. Большинство мятежниковъ бѣжало въ Чесноковку, и потому, желая воспользоваться впечатлѣніемъ ночного боя и наведеннымъ страхомъ, Михельсонъ, лишь только успѣлъ устроить въ Третьяковой вагенбургъ, тотчасъ же двинулся къ Чесноковкѣ. Хотя ему приходилось пройти всего 5 верстъ, но Зарубинъ (Чика) успѣлъ выслать къ дер. Зубовкѣ 7,000 человѣкъ съ 10 орудіями. Разставивъ по обѣимъ сторонамъ дороги своихъ лыжниковъ и растянувъ на версту въ одну линію тысячъ до четырехъ пѣхоты и конницы, Зарубинъ намѣренъ былъ окружить ими Михельсона съ фланговъ и тыла въ то время, когда сомкнутая толпа въ 3,000 человѣкъ ударитъ съ фронта.

Встрѣченный огнемъ изъ 7 орудій, поставленныхъ въ дер. Зубовкѣ, маіоръ Харинъ, шедшій въ авангардѣ, остановился, выдвинулъ впередъ одно орудіе и, спѣшивъ часть кавалеріи, началъ отстрѣливаться. Михельсонъ отправилъ къ нему на помощь часть пѣхоты, спѣшенныхъ Чугуевскихъ казаковъ, С.-Петербургскихъ карабинеровъ и одно орудіе. Для прикрытія своего тыла онъ оставилъ до 100 человѣкъ конницы, 40 человѣкъ пѣхоты и 2 орудія. Мятежники наступали сначала весьма энергично и хотя встрѣчали повсюду сильный отпоръ, но не теряли надежды овладѣть всѣмъ отрядомъ. Башкиры и татары, составлявшіе главную силу толпы, дрались отчаянно и въ плѣнъ не сдавались. Бой продолжался нѣсколько часовъ, и наконецъ Михельсонъ рѣшился перейти въ наступленіе. Какъ только батарея мятежниковъ «искуснымъ дѣйствіемъ нашихъ орудій» была приведена къ молчанію, Михельсонъ замѣнилъ пѣхотою спѣшенную кавалерію, а маіору Харину приказалъ сѣсть на коней и атаковать непріятеля. Атака эта была произведена «съ такимъ отмѣннымъ мужествомъ, храбростью и расторопностію», что инсургенты были обращены въ бѣгство и преслѣдованы до самой Чесноковки, тогда же занятой маіоромъ Харинымъ.

Сраженіе продолжалось до 2-хъ часовъ пополудни 24 марта и окончилось полною и блестящею побѣдою. Мятежники потеряли до 500 человѣкъ убитыми, лишились 25 орудій съ зарядными ящиками

и снарядами и 1,560 человѣкъ плѣнными. Въ отрядѣ Михельсона было 23 человѣка убитыхъ и 32 раненыхъ.

При самомъ началѣ боя, лишь только въ Уфѣ услышали выстрѣлы, комендантъ, полковникъ Мясоѣдовъ, желая узнать что̀ происходило около Чесноковки, отправилъ капитана Пасмурова съ 200 человѣкъ пѣхоты, лыжниковъ, кавалеріи и съ тремя орудіями. Городскіе жители думали сначала, что между мятежниками происходитъ междоусобная перестрѣлка, но скоро получили извѣстіе отъ Пасмурова, что Зарубинъ разбитъ Михельсономъ [1]), и съ 20 человѣками своей свиты успѣлъ бѣжать въ Табынскъ, куда за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправилъ всю свою денежную казну и пожитки.

Остановившись съ отрядомъ въ Чесноковкѣ, Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ предводителей, а трехъ высѣкъ кнутомъ. Всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ «послѣ увѣщаній» распустилъ по домамъ, точно такъ же какъ распускалъ впослѣдствіи всѣхъ тѣхъ, которые являлись къ нему съ повинною. Такихъ было очень много, «кромѣ башкирцевъ, доносилъ Михельсонъ [2]), въ коихъ злость и жестокосердіе съ такою яростію вкоренились, что рѣдкій живой въ полонъ отдавался, а которые и были захвачены, то нѣкоторые вынимали ножи изъ кармановъ и рѣзали людей, ихъ ловившихъ». «Найденные въ сѣняхъ и подъ полами, сказано въ журналѣ [3]), видя себя открытыми, выскакивали съ копьями и ножами, чиня сопротивленіе».

Послѣ пораженія мятежниковъ подъ Чесноковкою толпа, бывшая въ Красномъ-Яру, разбѣжалась почти вся сама собою, но для окончательнаго очищенія этого пункта Михельсонъ отправилъ Изюмскаго гусарскаго полка капитана Кардашевскаго съ его эскадрономъ, 100 человѣками лыжниковъ и 2 орудіями. Кардашевскій не засталъ мятежниковъ въ Красномъ-Яру и узнавъ, что они бросили пушки и отступили на заводъ Потѣхина, двинулся для преслѣдованія ихъ. Большинство инсургентовъ расходилось по домамъ,

---

[1]) Рапортъ Мясоѣдова Бибикову 13 апрѣля 1774 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 24 марта 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга III.

[3]) Журналъ дѣйствій отряда подполковника Михельсона.

а нѣкоторые скрывались въ густыхъ лѣсахъ, дѣлая вокругъ себя засѣки для защиты отъ правительственныхъ войскъ.

Отправивъ всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ, отбитую артиллерію и собственные экипажи въ гор. Уфу, подполковникъ Михельсонъ, 26 марта, выступилъ къ Табынску, приказавъ и капитану Кардашевскому, не вдаваясь въ далекое преслѣдованіе мятежниковъ, идти къ нему на соединеніе. Отойдя верстъ 30 отъ Чесноковки, Михельсонъ получилъ на дорогѣ рапортъ табынскаго казачьяго есаула, что онъ, собравъ народъ, захватилъ и сковалъ прибывшихъ въ Табынскъ Зарубина (Чику), Ульянова, Губанова и всѣхъ ихъ товарищей. Михельсонъ тотчасъ же послалъ впередъ поручика Матиса съ карабинерами и казаками принять арестованныхъ, а затѣмъ, въ первомъ часу дня, 28 марта, и самъ вступилъ въ Табынскъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. За поимку Зарубина (Чики) и Ульянова подполковникъ Михельсонъ выдалъ есаулу и его помощникамъ 500 рублей и отправилъ въ главную толпу самозванца надежныхъ людей съ манифестами, увѣщаніями и съ обѣщаніемъ награды за поимку Пугачева.

«Теперь, доносилъ онъ [1]), мнѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ ничего не осталось болѣе дѣлать, какъ установить старый порядокъ и собрать людей въ ихъ деревни, въ чемъ мои труды и не безъ успѣху. Многіе жители съ великимъ раскаяніемъ приходятъ ко мнѣ, встрѣчаютъ меня изъ своихъ деревень и просятъ прощенія въ своихъ проступкахъ. Я надѣюсь, что въ здѣшней околичности, *въ три дня* всѣ обитатели съ покоемъ возвратятся въ свои жилища, кромѣ тѣхъ башкиръ, кои ушли въ горы.

«Дня черезъ два я другою дорогой возвращусь къ гор. Уфѣ, и какъ скоро мнѣ удастся въ тамошнемъ уѣздѣ обывателей, коихъ бо́льшая часть бѣгаетъ по лѣсамъ, усмирить, то пойду къ Уральскимъ горамъ. Изъ допросовъ нѣкоторыхъ пойманныхъ я усмотрѣлъ, что они весьма опасаются уфимскихъ жителей и дворянъ и многіе, единственно опасаяся оныхъ, не возвращаются въ свои жилища. Я за нужное почелъ уфимской провинціальной канцеляріи

---

[1]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 28 марта 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

сдѣлать предложеніе, чтобъ запретить къ обывателямъ дѣлать придирки, а хотя бы кто и имѣлъ справедливыя претензіи, то взялъ бы терпѣніе до возстановленія совершенной тишины. Не знаю, будетъ-ли сіе отъ оной канцеляріи довольно взято въ уваженіе».

Предложеніе Михельсона, къ сожалѣнію, не было исполнено и онъ съ грустью долженъ былъ донести, что мѣстное интеллигентное населеніе само препятствуетъ водворенію порядка. «Объ уфимскихъ жителяхъ, писалъ онъ [1]), я съ крайнимъ соболѣзнованіемъ долженъ донести, что они, не взирая на мое предложеніе, въ окрестныхъ деревняхъ, въ отмщеніе, дѣлаютъ великія разоренія». Одинъ только прокуроръ Зубовъ хлопоталъ болѣе о возстановленіи общаго покоя, чѣмъ о возвращеніи потерянnаго своего имущества, и сознавалъ, что всякая месть можетъ довести до новыхъ кровавыхъ столкновеній [2]).

Занимаясь административными распоряженіями, Михельсонъ оставался въ Табынскѣ болѣе недѣли. Онъ опредѣлилъ комендантомъ прибывшаго изъ Уфы и бывшаго передъ тѣмъ въ Стерлитамакѣ гарнизоннаго маіора Мершилова, поруча въ его команду всѣхъ табынскихъ казаковъ, захваченную мятежниками въ Нагайбакѣ пѣхоту, отбитую въ сраженіи у Чеспоковки и 6 пушекъ, найденныхъ въ Табынскѣ. Съ этими силами Мершиловъ обязанъ былъ, охраняя порядокъ въ городѣ, имѣть вліяніе на окрестное населеніе и содержать его въ тишинѣ и порядкѣ. Сдѣлать это было не трудно потому, что обыватели являлись со всѣхъ сторонъ не только съ повинною, но и съ заявленіемъ, что въ случаѣ надобности готовы собраться и дѣйствовать противъ злодѣевъ. Мещеряки въ особенности отличались чистосердечіемъ своего раскаянія, «и я черезъ короткое время, писалъ Михельсонъ [3]), имѣю надежду имѣть въ деташементѣ моемъ, подъ предводительствомъ извѣстныхъ вашему высокопревосходительству старшинъ Мендѣя Тюпсева и Султанъ-

---

[1]) Въ рапортѣ Бибикову, отъ 29 марта 1774 года. Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) За эти дѣйствія Зубовъ награжденъ былъ чиномъ надворнаго совѣтника. Архивъ Сената, Именные указы 1774 г., кн. № 136.

[3]) Въ рапортѣ Бибикову, отъ 30 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

Мурада Янышева, лучшаго войска 500 человѣкъ». Примѣру мещеряковъ слѣдовали и башкирцы: на Стерлитамакской соляной пристани, въ 40 верстахъ отъ Табынска, они устроили съѣздъ и совѣщаніе, для выбора депутатовъ и отправленія ихъ къ Михельсону съ повинною. Поводомъ къ тому послужило возвращеніе въ дома плѣнныхъ, захваченныхъ въ Чесноковкѣ. На всемъ пространствѣ отъ гор. Уфы до Стерлитамакской пристани, населеніе возвратилось въ свои дома, доставляло Михельсону фуражъ, подводы и подписывало присяжные листы, разосланные повсюду на туземныхъ языкахъ.

Отправивъ Зарубина (Чику) и Ульянова въ Уфу, дождавшись прибытія на подкрѣпленіе маіора Тютчева съ гусарами и возвращенія капитана Кардашевскаго съ отрядомъ, Михельсонъ 3 апрѣля выступилъ изъ Табынска и 4 апрѣля вступилъ въ гор. Уфу, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ жителями. Отрядъ его въ это время состоялъ: изъ четырехъ ротъ Томскаго полка, роты егерей, шести ротъ С.-Петербургскаго карабинернаго полка, четырехъ ротъ Черныхъ гусаръ, четырехъ ротъ Изюмскихъ гусаръ, двухъ ротъ Чугуевскихъ казаковъ и четырехъ орудій.

Со вступленіемъ Михельсона всѣ треволненія для жителей гор. Уфы были окончены и спокойствіе въ городѣ болѣе не нарушалось. «Въ здѣшней провинціи, доносилъ онъ [1]), не только о злодѣяхъ уже не слышно, но почти всякій старшина обязывается набрать войско и слѣдовать куда ему повелѣно будетъ». Одинъ только Торновъ успѣлъ собрать себѣ шайку и разорялъ жителей въ окрестностяхъ Бакаловъ. Для поимки его подполковникъ Михельсонъ отправилъ маіора Харина съ 600 человѣкъ [2]) и двумя орудіями, а самъ съ 350 человѣками регулярныхъ войскъ, 50 мещеряками и съ тремя орудіями пошелъ къ Бирску, чтобы отрѣзать мятежникамъ дорогу къ Сарапулу. Маіоръ Харинъ не дошелъ еще до Бакаловъ, когда къ Михельсону были доставлены атаманъ Торновъ

---

[1]) Рапортъ Михельсона А. И. Бибикову, отъ 7 апрѣля 1774 года, изъ Уфы. Моск. Арх. Главн. Шт., опись 47, кн. VIII.

[2]) Въ числѣ конхъ было 100 человѣкъ мещеряковъ.

и бывшій депутатъ Бугурусланской слободы Давыдовъ, связанные башкирскимъ старшиною Кидрясомъ [1]).

Вернувшись обратно въ г. Уфу, подполковникъ Михельсонъ отправилъ къ Бирску маіора Тютчева съ небольшимъ отрядомъ, для поимки нѣкоторыхъ иновѣрческихъ старшинъ, которые, доносилъ онъ [2]), «вмѣсто того чтобы послѣдовать примѣру прочихъ своихъ товарищей, собрались человѣкъ до 500 и вездѣ разглашаютъ, якобы то неправда, что ихъ графъ (Зарубинъ) и Пугачевъ разбиты, а спасся единственно я съ 30 человѣками».

При помощи партизана Султана Мурада Янышева, маіоръ Тютчевъ успѣлъ захватить двухъ главныхъ возмутителей: старшину Ахмета Агеева и сотника Мурзакая Роткина, а партизанъ Михельсона Мандей Тюпеевъ, съ своими вѣрными сподвижниками, связалъ и доставилъ въ отрядъ 68 человѣкъ бунтовщиковъ, въ числѣ коихъ было только три татарина, а остальные все русскіе [3]).

Легкій захватъ плѣнныхъ, почти добровольная выдача главныхъ зачинщиковъ бунта и просьба о помилованіи были слѣдствіемъ ряда пораженій, нанесенныхъ бунтовщикамъ правительственными войсками. Мятежнымъ жителямъ этой мѣстности некуда было дѣваться: съ запада и юга они были окружены войсками, на востокѣ прилегала бѣдная и разоренная горная часть Пермской провинціи, а съ сѣвера подходилъ отрядъ маіора Гагрина, освободившій отъ осады Кунгуръ и разсѣявшій толпы, бродившія въ его окрестностяхъ.

---

[1]) Рапорты Михельсона главнокомандующему, отъ 9, 11 и 13 апрѣля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII. — Кидрясъ былъ тотъ самый старшина, который во время пребыванія Екатерины II въ Казани получилъ особое награжденіе.—Онъ былъ также въ толпѣ мятежниковъ, но потомъ, опомнившись, въ числѣ первыхъ возвратился на путь истины и «доказалъ чрезъ то, что колебаніе его вѣрности происходило единственно отъ слабости духа, убоясь бунтовщиковъ» (Письмо князя П. М. Голицына графу З. Г. Чернышеву 19 апрѣля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV). О дѣятельности депутата Давыдова и послѣдующей его судьбѣ, см. *Русскую Старину* 1876 года, томъ XVII, стр. 65.

[2]) Въ рапортѣ отъ 13 апрѣля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

[3]) Рапортъ Михельсона главнокомандующему отъ 16 апрѣля. Тамъ же.

XVIII.

Оборона Кунгура.—Несогласія, возникшія между мятежниками.—Движеніе отряда маіора Гагрина на выручку Кунгура.—Пораженіе мятежниковъ при селеніи Ординскомъ и г. Красноуфимскѣ.—Происшествія подъ Екатеринбургомъ.—Дѣятельность Бѣлобородова на заводахъ.—Положеніе обороны Екатеринбурга.—Афиши полковника Василія Бибикова.—Приближеніе отряда маіора Гагрина.—Пораженіе мятежниковъ въ Уткинскомъ и Каслинскомъ заводахъ.

Послѣ неудачи, испытанной подъ Кунгуромъ, [1]) мятежники расположились вокругъ города и не предпринимали ничего рѣшительнаго. Одинъ изъ предводителей, Савалатъ-Юлаевъ, былъ раненъ, другой, Канзафаръ Усаевъ, какъ посланный самимъ Пугачевымъ, не хотѣлъ подчиняться Кузнецову, и между предводителями толпы произошли раздоры и весьма крупная ссора. Кузнецовъ приказалъ заковать Усаева въ желѣза и отправился въ Чесноковку съ жалобою къ Зарубину (Чикѣ). Начальникомъ надъ инсургентами оставался красноуфимскій писарь Михаилъ Малцевъ, не мечтавшій уже объ овладѣніи Кунгуромъ, а заботившійся только о томъ, чтобы удержать свою толпу подъ городомъ и не выпустить изъ него маіора Попова, энергическія дѣйствія котораго наводили страхъ на бунтовщиковъ. «Сей маіоръ, доносилъ А. И. Бибиковъ императрицѣ [2]), есть первый изъ всѣхъ понынѣ мнѣ извѣстныхъ здѣшнихъ гарнизонныхъ офицеровъ, который должность свою дѣлаетъ какъ вѣрному подданному и расторопному офицеру надлежитъ».

«Объявите сему достойному штабъ-офицеру, отвѣчала императрица [3]), что я жалую его подполковникомъ и отпишите ко мнѣ въ какихъ онъ лѣтахъ [4]) и не можно-ль отъ него надѣяться и впредь службы». Не зная лично Попова и не находя въ Казани

---

[1]) См. главу XI.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 29 января 1774 года. Воен.-учен. арх. Отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 120.

[3]) Въ письмѣ Бибикову отъ 9 февраля. *Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества.* Т. XIII, стр. 386.

[4]) По донесенію Бибикова Попову было 39 лѣтъ. См. *Записки Академіи наукъ.* Т. I, прилож. стр. 60.

никого кто бы его зналъ, такъ какъ Поповъ только осенью прибылъ изъ первой арміи, А. И. Бибиковъ не рѣшился сдѣлать никакого заключенія о его способностяхъ, но былъ увѣренъ, что до прибытія подкрѣпленій Поповъ удержитъ столь важный пунктъ, какимъ былъ Кунгуръ.

Городъ этотъ находился на пути изъ Сибири и Екатеринбурга, былъ главнымъ городомъ обширной провинціи, и слѣдовательно освобожденіе его отъ блокады являлось дѣломъ крайне необходимымъ. Сосредоточивая силы для нанесенія удара главному скопищу мятежниковъ подъ Оренбургомъ, главнокомандующій могъ отдѣлить къ Кунгуру лишь незначительныя силы. Недостатокъ въ силахъ приходилось возмѣстить достоинствами начальника отряда и А. И. Бибиковъ выбралъ для этой цѣли Нарвскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіора Гагрина, какъ человѣка надежнаго и лично ему извѣстнаго своею храбростью. Передавъ въ распоряженіе Гагрина всего 200 человѣкъ Владимірскаго полка и два орудія, главнокомандующій поручилъ ему не только освободить Кунгуръ, но очистить дороги къ Екатеринбургу и, войдя въ сношеніе съ Башмаковымъ, находившемся на Юговскомъ заводѣ, вмѣстѣ съ нимъ принять мѣры къ уничтоженію волненій въ краѣ [1]). Съ отрядомъ Гагрина была отправлена запасная амуниція и нѣсколько ружей, для вооруженія рекрутъ «*достойнаго*», какъ выразился главнокомандующій, маіора Попова и гражданъ г. Кунгура.

Приближеніе маіора Гагрина заставило мятежниковъ отступить, и 25 января онъ безпрепятственно вступилъ въ городъ [2]). Не имѣя точныхъ свѣдѣній, куда направились инсургенты, Гагринъ оставался нѣсколько дней въ Кунгурѣ, а затѣмъ, узнавъ, что они расположились по сибирской дорогѣ въ селеніяхъ Ординскомъ (Ильинскій острожекъ тожь) и въ Сабаркѣ въ 27 — 30 верстахъ отъ города, онъ въ ночь на 30 января выступилъ для ихъ преслѣдованія. Присоединивъ къ своему отряду маіора Попова съ 10 человѣками солдатъ Казанскаго баталіона и 120 рекрутами, Гагринъ

[1]) Рапортъ А. И. Бибикова императрицѣ 17 января 1774 г. Воен.-учен. арх. Отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 108.

[2]) Рапортъ маіора Гагрина Бибикову отъ 26 января 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

взялъ съ собою двѣ городскія пушки и 700 человѣкъ обывателей, пѣшихъ и конныхъ, изъ числа собранныхъ воеводою Миллеромъ и коллежскимъ ассессоромъ Башмаковымъ [1]).

По дорогѣ Гагринъ узналъ, что селенія Ординское и Сабарка находятся въ 15 верстахъ другъ отъ друга и что наибольшее сборище мятежниковъ расположено въ сел. Ординскомъ. Приближаясь къ послѣднему, отрядъ былъ замѣченъ пикетомъ, состоявшимъ изъ 30 человѣкъ. Въ селеніи ударили въ набатъ, инсургенты въ числѣ до 2,000 человѣкъ заняли крайнія строенія и старую ветхую крѣпость, бывшую впереди селенія. Крѣпость имѣла съ трехъ сторонъ стѣны съ башнями и двое воротъ, въ которыхъ были поставлены по три пушки. Четвертой стѣны вовсе не было и потому здѣсь группировалось большое число мятежниковъ съ шестью пушками, положенными на саняхъ. Окруживъ себя со всѣхъ сторонъ рогатками, расположившись по башнямъ и стѣнамъ, инсургенты ожидали приближенія отряда.

Густой лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги, глубокій снѣгъ и вьюга заставили маіора Гагрина двигаться въ одной колоннѣ. Мятежники встрѣтили наступающихъ выстрѣлами и, бросившись въ лѣсъ, охватили отрядъ съ обоихъ фланговъ. Выславъ на обѣ стороны по небольшому отряду пѣхоты, маіоръ Гагринъ съ главными силами двинулся къ крѣпости и ворвался въ ворота. Защитники засѣли въ домахъ и на колокольнѣ, но выбитые оттуда, зажгли селеніе въ трехъ мѣстахъ и обратились въ бѣгство, преимущественно по дорогамъ сибирскаго тракта.

«Башкиры и казаки, доносилъ Зарубину есаулъ Матвѣй Чигвинцовъ [2]), вскочивъ на коней, черезъ рѣку переплыли, а иные, укрывшись кому гдѣ можно было, спасшись до ночного времени, пѣшкомъ выбѣжали». Конница преслѣдовала бѣгущихъ на протяженіи трехъ верстъ, и бой, начатый въ 7 часовъ утра, окончился лишь къ 2 часамъ пополудни. Мятежники бросили 18 пушекъ и много снарядовъ; они потеряли 62 человѣка плѣнными и

---

[1]) Рапорты маіора Гагрина А. И. Бибикову 29 января и 3 февраля. Рапортъ Пермской провинціальной канцеляріи А. И. Бибикову 29 января 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Государствен. Архивъ, VI, д. № 422.

до 100 человѣкъ убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и канцеляристъ Петръ Лутохинъ. Атаманъ Мальцовъ съ остатками своей толпы бѣжалъ въ Красноуфимскъ, захвативъ съ собою и содержавшагося въ оковахъ Канзафара Усаева. Изъ Красноуфимска онъ отправилъ Усаева въ Чесноковку, но тотъ успѣлъ бѣжать съ дороги и поѣхалъ въ Берду съ жалобою на Зарубина (Чику). Раненый Салаватъ еще до начала сраженія уѣхалъ домой и мятежники, лишившись своихъ предводителей, разсѣялись въ разныя стороны. Маіоръ Гагринъ возвратился въ Кунгуръ, потерявъ всего 4 человѣкъ убитыми 12 ранеными, причемъ самъ Гагринъ былъ раненъ дробиною въ ногу, но не считалъ свою рану препятствіемъ «продолжать поиски надъ злодѣями» [1]).

Пробывши нѣсколько дней въ городѣ и получая извѣстія, что толпы инсургентовъ собираются у Красноуфимска, маіоръ Гагринъ двинулся туда преимущественно черезъ тѣ селенія, которыя выказывали наибольшее сочувствіе къ мятежу [2]). Слѣдуя черезъ сел. Сабарку и Златоустенское, Гагринъ, 5 февраля, остановился въ деревнѣ Кашаевой, въ 75 верстахъ отъ Кунгура и въ 25 верстахъ отъ Красноуфимска. Здѣсь онъ узналъ, что въ Красноуфимскѣ уже собралось до 4,000 мятежниковъ и потому, не полагаясь на свой отрядъ, состоявшій преимущественно изъ обывателей, Гагринъ пошелъ обратно въ Кунгуръ [3]). Силы инсургентовъ оказались черезчуръ преувеличенными и потому, лишь только маіоръ Гагринъ получилъ отъ Башмакова 442 человѣка пѣшихъ и 152 конныхъ, набранныхъ изъ горно-заводскихъ селеній [4]), онъ тотчасъ же опять двинулся къ Красноуфимску.

Собравшаяся здѣсь толпа имѣла уже новыхъ начальниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ красноуфимской станичной избы есаулъ Матвѣй Чигвинцовъ. Онъ организовалъ оборону, выставилъ передовые посты и зорко слѣдилъ за движеніями правительственныхъ

---

[1]) Военно-ученый архивъ, отдѣлъ I, д. № 104 (А).

[2]) Рапорты Гагрина А. И. Бибикову, 30 января и 3 февраля 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[3]) Тоже, отъ 6 февраля 1774 г. Тамъ же.

[4]) Рапортъ коллежскаго ассессора Башмакова А. И. Бибикову 2 февраля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

войскъ. Получивъ 15 февраля извѣстіе, что маіоръ Гагринъ остановился въ сел. Соксунскомъ, въ 50 верстахъ отъ Красноуфимска, есаулъ Чигвинцовъ просилъ помощи у Бѣлобородова, стоявшаго близъ Екатеринбурга на Уткинскомъ заводѣ. Сообщая, что къ Красноуфимску подходитъ Гагринъ съ отрядомъ въ 2,500 человѣкъ и что для защиты города онъ имѣетъ не болѣе тысячи человѣкъ, Чигвинцовъ просилъ прислать ему подкрѣпленія, «дабы, писалъ онъ, нашей арміи, по малолюдству и за малоимѣніемъ артиллеріи и пороху, напрасно не погибнуть» [1]). Оставаясь «благонадежнымъ въ вышеписанномъ одолженіи», Чигвинцовъ не получилъ однако же помощи.

«Вамъ чрезъ сіе объявляю, писалъ ему въ отвѣтъ Бѣлобородовъ [2]), я съ моею арміею, которая уже, по власти всемогущаго Бога, мнѣ въ управленіе поручилась, имѣю слишкомъ три тысячи и съ крайнимъ моимъ усердіемъ занимаю самыя къ Екатеринбургу нужнѣйшія мѣста и самъ нахожусь по близости онаго. Итакъ, отступить или для васъ изъ своего войска удѣлить никакъ невозможно, а хотя-бъ васъ артиллеріею, т.-е. пушками снабдить и можно (было), но пороха у меня въ войскѣ у самого недостаточно. Я же, усматривая изъ вашего требованія, а паче же дошедшими до меня слухами, увѣренъ, что кунгурское войско (отрядъ Гагрина), надъ арміею его величества взыграя, получило себѣ добычу отъ слабости предводителей, не имѣя настоящаго при войскѣ распоряженія, допуская солдатъ къ богомерзкому пьянству... Для чего предаю вамъ мое наставленіе къ распоряженію и лучшему управленію находящейся при васъ арміи, хотя въ помощь себѣ выбрать, по общему войска согласію, вѣрнаго, смѣлаго и въ нужныхъ случаяхъ неробкаго человѣка, *ибо армія всегда однимъ добраго распоряженія человѣкомъ противъ непріятеля ободрена бываетъ.* И при семъ вамъ накрѣпко подтверждаю, чтобы предводитель былъ выбранъ изъ вѣрныхъ рабовъ, который, по довольной уже вашей знаемости къ его величеству, чистосердечныя своя ревности оказуетъ, а не изъ льсте-

[1]) Донесеніе есаула Чигвинцова Бѣлобородову отъ 15 февраля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 429.

[2]) Госуд. Арх., VI д. № 429.

цовъ, кои только однимъ видомъ и обманствомъ свои заслуги оказываютъ и въ томъ крайне наблюдать, дабы отъ такого хищника впредь не можно было обмануться».

Пока предводители мятежниковъ переписывались между собою, маіоръ Гагринъ, 19-го февраля, подошелъ съ отрядомъ къ Красноуфимску. Построившись въ боевой порядокъ, онъ приказалъ маіору Попову съ небольшимъ отрядомъ двигаться по правой дорогѣ, пересѣкавшей р. Уфу, а капитану Дурново слѣдовать по лѣвой дорогѣ и стараться обойти крѣпость; самъ Гагринъ съ остальными силами намѣренъ былъ штурмовать съ фронта. Но какъ обѣ дороги расходились въ самомъ ущельѣ, на ружейномъ выстрѣлѣ отъ башенъ, то лишь только Поповъ показался въ этомъ пунктѣ, какъ былъ встрѣченъ огнемъ и атакою мятежниковъ. Онъ остановился и открылъ огонь; выходъ на дорогу вправо былъ ему прегражденъ и планъ атаки долженъ былъ измѣниться.

Подкрѣпивъ Попова, маіоръ Гагринъ двинулся со всѣми силами на укрѣпленіе, и послѣ незначительнаго сопротивленія овладѣлъ имъ. Мятежники бѣжали по двумъ дорогамъ и были преслѣдуемы на протяженіи 10 — 11 верстъ, пока не разсыпались въ разныя стороны [1]). Бой продолжался до трехъ часовъ, причемъ мятежники потеряли 8 пушекъ, 40 человѣкъ убитыми и 55 плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ были: атаманъ Мальцовъ, одѣтый въ кольчугу и потому отчаянно бросавшійся впереди всѣхъ въ атаку, есаулъ Матвѣй Чигвинцовъ, управлявшій Красноуфимскомъ, и другіе.

Отсюда Гагринъ прошелъ въ Ачитскую крѣпость, привелъ жителей къ присягѣ, приказалъ маіору Попову слѣдовать обратно въ Кунгуръ, а самъ намѣренъ былъ слѣдовать къ Екатеринбургу, обложенному толпою Бѣлобородова [2]).

Возвратившись въ Кунгуръ, Поповъ узналъ о своемъ производствѣ въ подполковники и о томъ, что мятежники по прежнему собираются съ разныхъ сторонъ къ Красноуфимску [3]). Онъ тот-

---

[1]) Рапортъ Гагрина А. И. Бибикову, 20 февраля 1774 г. Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Рапортъ маіора Гагрина 22 февраля. Тамъ же, кн. VII.

[3]) Рапортъ Попова А. И. Бибикову, отъ 7 марта 1774 г. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

часъ же двинулся на ихъ преслѣдованіе, имѣя въ отрядѣ свою рекрутскую команду, 16 человѣкъ Волжскихъ казаковъ и 740 человѣкъ собранныхъ изъ кунгурскаго купечества и окрестныхъ обывателей, пѣшихъ и конныхъ, вооруженныхъ ружьями, копьями и луками; при отрядѣ находилось четыре пушки съ достаточнымъ запасомъ зарядовъ [1]).

Двигаясь черезъ дер. Галухину, село Мѣдянскій острожекъ и Преображенское, подполковникъ Поповъ прибылъ 10 марта въ Ачитскую крѣпость. Здѣсь онъ узналъ, что мятежники собрались въ дер. Ева, въ 20 верстахъ отъ Красноуфимска, по ту сторону р. Уфы, и что число ихъ простирается будто бы до 3,000 человѣкъ [2]). Подходя къ Красноуфимску Поповъ, 14 марта, былъ встрѣченъ передовою партіей, но разсѣялъ ее и вступилъ въ крѣпость [3]). Отсюда онъ двинулся на Саранинскій заводъ и 17 марта разбилъ инсургентовъ у дер. Бугалыша. Предводительствовавшій ими Салаватъ Юлаевъ бѣжалъ [4]). Подполковникъ Поповъ пошелъ къ селенію Богородскому [5]), а затѣмъ внизъ по р. Ирени «по татарскимъ неспокойно живущимъ селеніямъ» [6]). Хотя мятежники терпѣли повсюду пораженіе, но успѣли разграбить окрестности. Такъ жители гор. Кунгура и ближайшихъ деревень понесли убытку на 4,393 р. 76 к., а въ Красноуфимской крѣпости и Мѣдянскомъ острожкѣ бунтовщики взяли всѣ орудія, порохъ, ружья и деньгами отъ солянаго сбора 3,987 р. 55 к. [7]).

Видя невозможность борьбы съ правительственными войсками, мятежники частію возвращались въ дома и старались скрыть свое участіе въ мятежѣ, а частію скрывались въ лѣсахъ и пробирались въ толпу, собравшуюся въ окрестностяхъ Екатеринбурга.

Еще выступая изъ Шуртанскаго Осокина завода Канзафаръ

---

[1]) Рапортъ Пермской провинціальной канцеляріи Бибикову, отъ 8 марта. Моск. Арх. Г. Шт., опись 47, кн. VI.

[2]) Рапортъ Попова А. И. Бибикову, отъ 10 марта. Тамъ же.

[3]) Тоже, отъ 15 марта. Тамъ же.

[4]) Тоже, отъ 18 марта. Тамъ же.

[5]) Тоже, отъ 23 марта. Тамъ же.

[6]) Тоже, отъ 25 марта. Тамъ же.

[7]) *Пермскій Сборникъ* 1860 г., кн. II, стр. 21. *Пермскія Губернскія Вѣдомости* 1869 г., № 59.

Усаевъ, именемъ Пугачева, наименовалъ полковникомъ отставнаго солдата Ивана Бѣлобородова, далъ ему 100 человѣкъ изъ своей толпы и приказалъ слѣдовать къ Екатеринбургу. Бѣлобородовъ былъ уполномоченъ всѣмъ противящимся рубить головы, «а которые склонятся, тѣхъ жаловать вольностью, стричь волосы по-казацки и приводить къ присягѣ» на вѣрность императору. Двигаясь черезъ Ачитскую, Бисерскую и прочія крѣпости и заводы, Бѣлобородовъ набиралъ себѣ ополченіе, и 18 января 1774 г. пришелъ на Билимбаевскій заводъ. Онъ потребовалъ къ себѣ писаря горнаго вѣдомства, Дементія Верхоланцева, въ распоряженіи котораго находилось 500 человѣкъ горнорабочихъ, и приказалъ ему рано утромъ слѣдующаго дня «выставить свою команду во фронтъ» и сдѣлать перекличку по горнымъ спискамъ. «Ночью на 19 января, говоритъ Верхоланцевъ [1]), я выстроилъ 500 человѣкъ въ одну линію противъ квартиры полковника (Бѣлобородова) и ждалъ разсвѣта; Бѣлобородовъ всталъ рано, ему доложили обо мнѣ и я тотчасъ былъ допущенъ».

— Что, любезный другъ, спросилъ Бѣлобородовъ,—исполнилъ ли ты мой приказъ?

— Исполнилъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Верхоланцевъ.

Бѣлобородовъ надѣлъ лисій малахай и вышелъ къ командѣ. Проходя вдоль фронта, онъ выбралъ для себя 300 человѣкъ, а остальныхъ забраковалъ по малолѣтству или по тѣлеснымъ недостаткамъ. Потомъ вынулъ свою саблю и обратившись къ Верхоланцеву пожаловалъ его чиномъ походнаго сотника.

— А васъ, ребята, прибавилъ онъ, — поздравляю съ товарищемъ.

Верхоланцевъ поклонился; ему тотчасъ же остригли волосы по-казачьи и дали саблю.

Мастеровые и крестьяне бросились въ кабакъ, но Бѣлобородовъ, не желая допустить до пьянства, приказалъ разбить бочки и лишь охотники пили вино изъ грязныхъ лужъ. Народъ бушевалъ по

---

[1]) Разсказъ Верхоланцева о Пугачевѣ. *Чтенія Общества Исторіи и Древностей*, 1862 года, кн. III. Два года спустя разсказъ этотъ былъ перепечатанъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 г., № 2.

улицамъ, грабилъ дома начальниковъ и заводское правленіе, конторскія бумаги и архивъ были вынесены на площадь и зажжены.

— Горите наши долги, кричали рабочіе, съ крикомъ и смѣхомъ, бросая въ огонь разсчетныя книги.

Усплпвъ на Билимбаевскомъ заводѣ свою толпу до 600 человѣкъ и имѣя 5 пушекъ, Бѣлобородовъ пытался ввести среди своего ополченія нѣкоторый порядокъ и раздѣлилъ его на три части, назначивъ для командованія ими сотниковъ. Всѣ русскіе рабочіе были отданы сотнику Семену Варепцову, башкиры — Егафару Азбаеву, а черемисы — Оськѣ Оскину. Каждому сотнику было выдано особое наставленіе, которымъ, писалъ Бѣлобородовъ [1]), «накрѣпко подтверждаю, чтобъ имѣющуюся въ вашихъ сотняхъ русскую и татарскую воинскія команды содержать во всякой строгости и вамъ послушаніи и крайне надъ оною наблюдать, чтобъ были всѣ въ единодушномъ къ службѣ его императорскаго величества усердіи. А если кто изъ находящихся въ вашихъ командахъ казаковъ оказываться будетъ въ самовольствахъ, озорничествахъ и вамъ въ непослушаніи, за то таковыхъ упорственниковъ и противниковъ воли его величества наказывать вамъ безъ всякой пощады плетьми: русскихъ при собраніи русской и татарской командъ, татаръ по тому-жь, при собраніи татарской и русской командъ, дабы, смотря на то (каждый) могъ страшиться самовольствъ и озорничествъ, а паче противныхъ поступковъ противъ воли его величества чинить не могли. Если же и затѣмъ кто-либо окажется въ наивящшемъ своемъ упорствѣ, то уже, для настоящаго усмиренія, присылать ко мнѣ».

Изъ Билимбаевскаго завода Бѣлобородовъ перешелъ на Шайтанскій (Васильевскій) Ширяева заводъ и, остановившись всего въ 40 верстахъ отъ Екатеринбурга, отправилъ 30 человѣкъ на Уткинскій казенный заводъ, съ требованіемъ, чтобы населеніе покорилось и шло на службу къ государю. Жители не противились, а унтеръ-шихтмейстеръ Павелъ Жубринскій отправился къ Бѣлобородову и привезъ ему 1,500 руб. казенныхъ денегъ [2]). Назна-

[1]) Наставленіе Бѣлобородова сотникамъ 31 января 1774 г., № 66. Государств. Архивъ, VI, д. № 429.

[2]) Показаніе Бѣлобородова 30 іюля 1774 г., Госуд. Арх. VI, д. № 429.

чивъ Жубринскаго сотникомъ, Бѣлобородовъ приказалъ ему ѣхать обратно на заводъ и набирать тамъ ополченіе, а самъ двинулся къ Екатеринбургу, оборона котораго была въ плохомъ состояніи.

Екатеринбургскіе горные заводы находились въ главномъ вѣдѣніи полковника Василія Бибикова, не отличавшагося ни энергіею, ни твердостью и рѣшимостью характера. При первыхъ извѣстіяхъ о началѣ волненій въ Башкиріи, члены правленія горныхъ заводовъ указывали на необходимость принять мѣры къ защитѣ, но всѣ предложенія ихъ отвергались Бибиковымъ съ презрѣніемъ. Онъ не допускалъ, чтобы замѣшательства подъ Оренбургомъ могли распространиться столь далеко, и потому первыя распоряженія относительно обороны послѣдовали только тогда, когда толпы мятежниковъ уже ворвались въ Исетскую провинцію.

Въ концѣ декабря для защиты Екатеринбурга съ его вѣдомствомъ было собрано 1,235 человѣкъ заводскихъ крестьянъ, и отъ сибирскаго губернатора Чичерина прислано 405 человѣкъ солдатъ при офицерахъ. За разсылкою на посты и отправкою въ разъѣзды, въ самомъ Екатеринбургѣ оставалось вмѣстѣ съ солдатами горнаго вѣдомства 646 казаковъ, 28 солдатъ, 200 вооруженныхъ заводскихъ крестьянъ и 16 орудій [1]). Впослѣдствіи часть и этихъ людей разослана была по постамъ, не принесшимъ никакой пользы. Небольшія команды эти были захвачены мятежниками или добровольно присоединялись къ нимъ. Полковникъ Бибиковъ, писалъ Охлебининъ [2]), «сдѣлалъ по границѣ пикеты изъ малаго числа солдатъ, а большею частію изъ казаковъ, собранныхъ изъ крестьянъ; никого изъ нихъ не приготовилъ къ службѣ, ни къ тому, какъ имъ Пугачева разумѣть должно, хотя время на то около двухъ мѣсяцевъ было».

Получая извѣстія, что возстаніе распространяется все шире и шире, что мятежъ охватилъ всю Исетскую провинцію, полковникъ Василій Бибиковъ ограничивался сначала изданіемъ однихъ объявленій, въ которыхъ призывалъ жителей Екатеринбурга къ вѣр-

---

[1]) Рапортъ полковника Василія Бибикова главнокомандующему отъ 20 декабря 1773 г. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 80.

[2]) Записка Охлебинина, поданная князю Вяземскому. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

ности престолу и отечеству. Требуя отъ нихъ присяги, по особой сочиненной имъ формѣ [1]), полковникъ Бибиковъ, въ своихъ періодическихъ объявленіяхъ сообщалъ краткія извѣстія о ходѣ мятежа, о назначеніи главнокомандующимъ А. И. Бибикова, объ изгнаніи инсургентовъ изъ Самары, объ отбитіи ихъ отъ Кунгура и проч.

«Я не думаю, прибавлялъ онъ [2]), чтобъ кто, бывъ прямой сынъ отечества, для собственной и общей пользы великой нашей государыни, не возчувствовалъ отъ такого извѣстія духа бодрости и усердія на пораженіе злодѣевъ, которые большею частію есть башкирцы, стремящіеся оскорбить нашу православную вѣру, попрать освященный данный намъ на пользу отъ великихъ государей законъ, похитить и осквернить нашихъ женъ и дѣтей, не говоря уже объ имѣніи, какъ то ими во многихъ русскихъ селеніяхъ къ несчастію своему или къ нимъ приклонившихся, или на стремленіи ихъ лежащихъ и дѣлается.

«Гдѣ же отмщеніе мы получимъ за учиненное отъ нихъ православнымъ оскорбленіе, если не будемъ готовы на ихъ пораже-

---

[1]) Клятвенное обѣщаніе было слѣдующаго содержанія: «Азъ, ниже именованный, обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, передъ святымъ его евангеліемъ, въ томъ, что желаю и обязанъ Ея Императорскому Величеству, Богомъ избранной на Всероссійскій престолъ помазанницѣ, благовѣрной, благочестивѣйшей и великой нашей государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и высокому ея законному наслѣднику, благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу и супругѣ его благовѣрной Государынѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ, вѣрно и нелицемѣрно служить, повинуясь во всемъ приставленнымъ и учрежденнымъ отъ высокой Ея Императорскаго Величества власти начальникамъ, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, стремиться всегда на пораженіе и совершенное истребленіе появившагося, къ несчастію православныхъ, вора, клятвопреступника, возмутителя общаго покоя и тишины, государственнаго злодѣя и изверга Емельяна Пугачева, его сообщниковъ и къ нимъ приклонившихся. Объ ухищреніяхъ которыхъ или къ нимъ въ партію о намѣряющихся бѣжать, такъ и объ одобряющихъ сихъ злодѣевъ, сколь скоро увѣдаю, то немедленно командирамъ своимъ доносить, не смотря ни на какія отъ нихъ скаредныя и злыя обольщенія, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ; а за противное сему, да поразитъ меня его Всемогущество и да буду лишенъ всѣхъ отъ него къ роду человѣческому благодѣяній и наслѣдую въ жилищѣ себѣ, обѣщанный вѣроломнымъ и клянущимся въ суѣ Его Пресвятымъ именемъ, адъ; здѣсь же градскую казнь и въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

[2]) Въ одномъ изъ своихъ объявленій. См. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

ніе? Таковыя обстоятельства, конечно, должны возбудить во всякомъ праведный гнѣвъ и обратить его на главы виновниковъ нашего оскорбленія. Не сомнѣваюсь я, чтобы всякій теперь остался при своей должности установленной Вѣчнымъ существомъ и чтобъ кто такъ былъ золъ, что-бъ сталъ одобрять воровъ и къ нимъ прилѣпясь, къ совершенному своему несчастію, обратился разрушать покой любезнаго своего отечества, а думаю, всякій готовъ будетъ на таковыхъ доносить».

Донесенія эти были самаго неутѣшительнаго свойства. Въ концѣ декабря и въ самомъ началѣ января 1774 года извѣстно было, что большая часть заводовъ съ приписнымъ къ нимъ населеніемъ передались на сторону самозванца [1]). Тогда, 4-го января, полковникъ Бибиковъ собралъ совѣтъ, въ который пригласилъ находившагося въ Екатеринбургѣ генералъ-маіора Данненберга и всѣхъ членовъ главнаго заводскаго управленія. Заявивши собравшимся, что въ Каслинскомъ заводѣ мятежники захватили 350 чел. команды, а въ Ачитской крѣпости 50 человѣкъ, и что въ распоряженіи у него осталось всего 700 человѣкъ необученныхъ рекрутъ, Бибиковъ отказывался защищать Екатеринбургъ. Такое заявленіе озадачило собравшихся на совѣщаніе. Послѣ шумныхъ и горячихъ споровъ совѣтъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію, но положилъ однакоже, чтобъ каждый членъ на другой день подалъ письменное свое мнѣніе о мѣрахъ, какія принять необходимо. Всѣ сходились на томъ, что необходимо укрѣпить городъ, запастись провіантомъ, вооружить людей, прочитать манифестъ императрицы и истолковать имъ предстоящія обязанности по защитѣ города. Нѣсколько дней полковникъ Бибиковъ разсматривалъ эти мнѣнія и, наконецъ, 8 января собралъ опять совѣтъ. Въ немъ принимали участіе генералъ-маіоръ Данненбергъ, коллежскій совѣтникъ Сокольниковъ, надворный совѣтникъ Охлебининъ, коллежскіе ассессоры: Масловъ и Метлинъ и секундъ-маіоръ Пушкаревъ. По прочтеніи поданныхъ мнѣній, полковникъ Василій Бибиковъ за-

[1]) Каслинскій, Кыштымскій, Златоустовскій, Саткинскій екатеринбургскаго вѣдомства, всѣ заводы Твердышева, Иргинскій, Соксунскій и Ашанскій, принадлежавшіе Пермской провинціи.

явилъ, что не надѣясь на людей, назначенныхъ для защиты города, дабы не быть безполезною жертвою, не находитъ другаго средства, какъ, согласно 120 главы военнаго артикула, оставить городъ и вмѣстѣ «*съ благородными*» изъ онаго выѣхать.

Предполагая, что всѣ члены будутъ согласны съ этимъ мнѣніемъ, Бибиковъ заранѣе заготовилъ постановленіе совѣта и предложилъ членамъ подписать его. Въ постановленіи этомъ предлагались слѣдующія мѣры: 1) Поручить премьеру-маіору Пирогову приступить немедленно къ укрѣпленію города, обнесенію домовъ рогатками и къ возведенію на важнѣйшихъ пунктахъ батарей; 2) усилить со всѣхъ сторонъ пикеты и для того вооружить всѣхъ свободныхъ людей, а недостающее число ружей и канонировъ къ орудіямъ требовать отъ сибирскаго губернатора; 3) по городу дѣлать «подъ крѣпкимъ присмотромъ безпрестанные разъѣзды», а по всѣмъ главнѣйшимъ дорогамъ выставить въ три линіи пикеты съ маяками такъ, чтобы первый пикетъ стоялъ въ 5, второй въ 10, а третій въ 15 верстахъ отъ города.

«Но ежели сіе, сказано было въ проектированномъ Бибиковымъ постановленіи [1]), со всею вѣрностью и усердіемъ къ ея императорскому величеству не будетъ имѣть желаемаго успѣха и примѣтится въ людяхъ, которыми защищаться опредѣлятся, легкомысліе, склонность къ измѣнѣ и предательству начальниковъ, то дабы не сдѣлаться напраспою и безполезною изверговъ жертвою, всѣмъ благороднымъ въ такой крайности позволяется выѣхать отсель въ безопасныя мѣста, по ихъ разсужденію. Но сколь возможность допуститъ всѣми силами стараться сохранить интересъ и военныхъ людей, съ военными снарядами ввѣренныхъ въ правленіе каждаго; которыхъ же изъ орудій забрать не можно, тѣ испортить».

— Не видавъ еще никакой крайности, говорилъ надворный совѣтникъ Охлебининъ,—постыдно подписывать опредѣленіе, которое не согласуется ни съ честью, ни съ должностью и присягою.

Эти слова были поддержаны генералъ-маіоромъ Данненбергомъ, коллежскимъ совѣтникомъ Сокольниковымъ и коллежскимъ ассес-

---

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

сором Масловымъ. Собравшіеся раздѣлились на двѣ партіи: одна готова была подписать опредѣленіе, а четверо отъ этого отказывались. Видя разногласіе, полковникъ Бибиковъ прочелъ полученныя имъ въ тотъ день извѣстія о возмущеніи въ Исетской провинціи и требовалъ разрѣшенія на выѣздъ изъ города. Охлебининъ возражалъ, что полученныя свѣдѣнія преувеличены, что Исетской провинціи, а тѣмъ болѣе Екатеринбургу особой опасности еще не предстоитъ, и члены совѣта разошлись безъ всякаго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе, происходившее въ совѣтѣ не было тайною и проектъ опредѣленія, составленный Бибиковымъ, въ тотъ же день сдѣлался извѣстнымъ въ городѣ. Народъ «пришелъ въ великую робость и большее еще потомъ уныніе, когда увидѣлъ, что у полковника 50 подводъ на дворѣ къ побѣгу были въ готовности». По улицамъ стали собираться народныя толпы и ежеминутно можно было ожидать возмущенія. Тогда надворный совѣтникъ Рооде собралъ подвѣдомственную ему монетную роту и рабочихъ съ золотыхъ промысловъ и, производя самъ разъѣзды днемъ и ночью, удержалъ порядокъ въ городѣ. Распоряженія Рооде не нравились Василію Бибикову и, считая ихъ самовольными, онъ жаловался главнокомандующему А. И. Бибикову и сибирскому губернатору Чичерину. Послѣдній требовалъ, чтобы силы, назначенныя для защиты Екатеринбурга, не были разбрасываемы и приняты были мѣры къ укрѣпленію города. «Ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Василій Бибиковъ [1]), справедливо изволите разсуждать, что разсылая за злодѣями малыя партіи, слѣдствіе (можно) обезсилиться и погубить людей напрасно. Но ежели въ обстоятельства войти, то также кажется я не безъ важной причины то дѣлаю. Можетъ быть злословіе или неосновательныя вѣсти другой видъ даютъ моимъ распоряженіямъ, такъ я на то и ничего уже сказать не могу».

Полковникъ Бибиковъ говорилъ, что онъ разослалъ небольшія команды по заводамъ для ободренія жителей тогда, когда они еще не волновались, а «*феатръ бунта*» находился отъ однихъ во 100, а отъ другихъ въ 400 верстахъ. Неболь-

[1]) Въ письмѣ Чичерину, отъ 9 января 1774 г. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга VI.

шія команды эти, по словамъ Бибикова, легко могли, при содѣйствіи населенія, защищаться отъ мятежниковъ, потому что почти на всѣхъ заводахъ были орудія съ достаточнымъ запасомъ пороха и снарядовъ. «Но можно ли, спрашивалъ Бибиковъ, отъ своихъ воровъ быть гдѣ-нибудь безопаснымъ? Слѣдствіе показало, сколь много свои плуты въ состояніи зла надѣлать». На Кыштымскомъ заводѣ, напримѣръ, могло собраться до 10,000 человѣкъ мещеряковъ, «которые вѣрности своей многіе знаки показали», но когда мятежники подошли почью къ заводу и прочли манифестъ самозванца, то всѣ жители взбунтовались, арестовали маіора, офицеровъ и солдатъ. «Вотъ успѣхъ моихъ распоряженій, писалъ Василій Бибиковъ, и плодъ нашихъ силъ! Что-жь бы я еще тутъ дѣлать началъ? Дожидаться воровъ въ городѣ, а сіе легко быть можетъ; дорога близка и безпрепятственна, жители принять ихъ (мятежниковъ) лесть готовы».

Видя въ каждомъ измѣну, Василій Бибиковъ не оставлялъ своего намѣренія покинуть городъ, и съ этою цѣлью 10-го января созвалъ опять совѣтъ, которому прочиталъ вновь полученныя извѣстія о возстаніи всей Исетской провинціи и о занятіи будто бы мятежниками г. Челябинска. Тогда генералъ-маіоръ Даненбергъ и коллежскій совѣтникъ Сокольниковъ перешли на сторону большинства и подписали опредѣленіе, а Охлебининъ и Масловъ отказались исполнить желаніе членовъ главнаго заводовъ правленія. Охлебининъ просилъ себѣ паспорта, а Масловъ заявилъ, что онъ города ни въ какомъ случаѣ не оставитъ и съ нимъ не разстанется. На другой день единомышленники Бибикова, собравшись вновь въ канцеляріи, постановили просить помощи изъ Казани и отъ сибирскаго губернатора, а Охлебинина и Маслова, какъ лицъ, дѣлающихъ «одно промедленіе въ такомъ нужномъ и время не терпящемъ дѣлѣ, оставить при ихъ мысляхъ, а исполненіе сдѣлать по учиненному опредѣленію, согласно съ указомъ 1714 года и впредь ихъ, *по такимъ медлительностямъ въ подобныя сему разсужденія не приглашать*[1]).

[1]) Сообщеніе генералъ-аншефу Бибикову изъ канцеляріи главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ отъ 12 января 1774 г. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

Представляя это послѣднее опредѣленіе главнокомандующему, полковникъ Василій Бибиковъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ генералъ-прокурору князю Вяземскому [1]): «Я почти не знаю, что̀ въ такой крайности и начать. Собранъ былъ совѣтъ изъ всѣхъ въ здѣшнемъ городѣ находившихся штабъ-офицеровъ, которые, по несогласію, родившемуся у нихъ еще прежде, ни того, ни другого не дѣлаютъ. Я же, къ несчастію, больше еще ненавидимъ за свои прежнія распоряженія, для чего они безъ ихъ совѣта дѣлались (если можно назвать совѣтомъ сборище вздору)».

Бибиковъ жаловался, что у него команды не болѣе 100 человѣкъ, а собранные въ помощь ей вооруженные крестьяне заявляютъ претензію, что они взяты не по очереди, что они стары и просятся домой за продовольствіемъ и фуражомъ. То же самое писалъ Чичерину и генералъ-маіоръ Данненбергъ, просившій позволеніе вывезти изъ города присутственныя мѣста и деньги. «Здѣсь, въ городѣ, денежной казны имѣется такая сумма, писалъ онъ [2]), что съ великимъ только сожалѣніемъ сказать о томъ можно. Городъ вовсе не укрѣпленъ и воинской команды въ немъ не болѣе ста человѣкъ; рекрутовъ же хотя считается до 700, но многіе распущены по домамъ; да хотя бы и всѣ были на лицо, о кмо пальбѣ нисколько не учены».

Въ Екатеринбургѣ не было никакого порядка; команда полковника Бибикова была до того распущена и не знала своихъ обязанностей, что однажды ночью надворный совѣтникъ Рооде обобралъ всѣ ружья у солдатъ, стоявшихъ въ караулѣ на гауптвахтѣ у дома главнаго командира [3]).

Безпорядки эти крайне опечалили главнокомандующаго и онъ, не зная всѣхъ подробностей, а основываясь на донесеніи полковника Бибикова, предписалъ всѣмъ чинамъ главнаго правленія горныхъ заводовъ находиться въ полномъ повиновеніи послѣдняго, хотя и младшаго чиномъ, но за дѣйствія котораго онъ принимаетъ

---

[1]) Отъ 12 января 1774 года. Архивъ Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[2]) Письмо Данненберга Чичерину 11 января 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

[3]) Военно-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 184.

всю отвѣтственность на себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ Ильичъ приказалъ полковнику Василію Бибикову, по прибытіи въ Екатеринбургъ маіора Гагрина съ отрядомъ, передать въ его распоряженіе всѣ находившіяся въ Екатеринбургѣ средства горнаго вѣдомства. Гагринъ могъ прибыть нескоро, и распоряженіе главнокомандующаго нельзя назвать удачнымъ. Съ предоставленіемъ власти Василію Бибикову всѣ члены правленія отступились и не вмѣшивались въ дѣло обороны города, а главный распорядитель думалъ только о томъ, какъ бы самому скорѣе удрать изъ Екатеринбурга.

При такихъ условіяхъ и не встрѣчая никакого препятствія, Бѣлобородовъ постепенно окружалъ городъ, распространялъ свою власть на заводахъ и приводилъ населеніе на вѣрность императору Петру III.

«Для прельщенія простыхъ людей, писалъ Яковъ Волеговъ [1]), разъѣзжаетъ съ партіею въ знатной одеждѣ наряженный казакъ, имѣющій на головѣ золотой колпакъ съ портретомъ якобы покойнаго императора Петра III и носитъ съ собой указъ на показаніе за его рукою народу, и приводитъ многихъ простяковъ въ свою пагубную шайку».

Встрѣчая сочувствіе въ населеніи, Бѣлобородовъ усиливалъ свою толпу, обезпечивалъ ее продовольствіемъ, добровольно доставляемымъ жителями, захватывалъ деньги и разорялъ заводы почти до основанія. Расположенные по р. Бѣлой и около Кунгура желѣзные и мѣдные заводы были разграблены, уголь сожженъ, плотины разрушены, вода изъ прудовъ выпущена, строенія разломаны и всѣ конторскія дѣла уничтожены. «Прикащики, которые въ руки имъ попались и скверной ихъ присяги не приняли, замучены, конскій и рогатый скотъ колятъ и жрутъ въ домахъ господскихъ; товары купеческіе грабятъ, въ питейныхъ домахъ вино пьютъ безденежно, провіантъ и конскіе кормы обираютъ и женскій полъ скверняютъ блудомъ».

Опасаясь подвергнуться такой же участи и видя бездѣятельность главнаго начальства, жители Екатеринбурга стали высе-

---

[1]) Въ письмѣ къ неизвѣстному, отъ 24 января 1774 года. Архивъ Кабинета Его Величества.

ляться изъ города и потянулись къ Верхотурью. Попытка Василія Бибикова остановить переселеніе не увѣнчалась успѣхомъ и онъ подвергся насмѣшкамъ какъ оставшихся въ городѣ, такъ и удалявшихся. «Честные и неустрашимые ваши поступки, писалъ Башмакову ассессоръ Москвинъ [1]), дали многимъ примѣръ не трусить злодѣйской гнусной толпы, коя для всякаго разумнаго,—въ разсужденіи трусовъ, въ томъ числѣ и екатеринбургскихъ, кои на соблазнѣ подлости обозы свои черезъ Верхотурье невѣдомо куда отпустили, съ крайнимъ уѣзднымъ обывателямъ въ подводахъ разореніемъ,—ничто оное значитъ, какъ одинъ только смѣхъ, а въ самомъ дѣлѣ произвелъ въ народѣ возмущеніе, да и у насъ съ Камскихъ заводовъ, всѣ командующіе, въ томъ числѣ и другъ нашъ Иванъ Яковлевичъ Ялымовъ, оставя свои мѣста, не видѣвъ въ глаза непріятелей, разбѣжались».

Власти бѣжали, а мятежники пользовались этимъ и окружали Екатеринбургъ. Аванпосты Бѣлобородова стояли въ 20—25 верстахъ отъ города и прервали сообщеніе, за исключеніемъ дороги, проходившей къ Невинскому заводу. Доставка въ Екатеринбургъ хлѣба пресѣклась. Скоро оказался такой недостатокъ въ продовольствіи, что лавки были запечатаны и вольная продажа запрещена. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пудъ хлѣба съ 8 коп. поднялся до 17 коп. Отправленный для закупки хлѣба и фуража, по единственной свободной дорогѣ къ Верхотурью, капитанъ Ярополковъ пробрался въ Краснослободскъ, но назадъ вернуться не могъ, потому что и этотъ путь былъ уже занятъ мятежниками.

«Вотъ, ваше сіятельство, наши дѣла, писалъ Василій Бибиковъ князю Вяземскому [2]). Я было испытывалъ счастье и посылалъ отсель партіи поражать злодѣевъ, человѣкъ по пятисотъ, но что же? вмѣсто боя отъ нерегулярныхъ вооруженныхъ крестьянъ, выходитъ съ бунтовщиками дружескій разговоръ и только зовутъ одинъ другаго передаться на свою сторону. Многіе же съ нашей стороны, при первомъ выстрѣлѣ изъ пушекъ, не только разстропа-

[1]) Присутствовавшій въ гороблагодатскомъ горномъ управленіи, въ письмѣ отъ 30 января 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

[2]) Въ письмѣ отъ 11 февраля 1774 г. Арх. Кабинета Его Величества.

ются, но и бѣгаютъ назадъ и къ злодѣямъ, а удержать таковой безпорядокъ и зло нѣтъ возможности, потому что при такой командѣ не больше состояніе наше позволяетъ военныхъ послать, какъ двухъ офицеровъ и человѣкъ 30 солдатъ, которымъ должно или своихъ удерживать въ порядкѣ, или оберегать начальника и артиллерію.

«Не послѣднее зло угнетаетъ насъ и то, что крестьяне хлѣба и сѣна сюда не везутъ, о чемъ однакожь стараніе еще отъ меня продолжается и не знаю, успѣю-ли что. Къ возстановленію-жь покоя и пресѣченію зла не оставилъ я испытать всѣхъ средствъ, т. е. ласку, денежныя награжденія, обнародованіе съ увѣщаніемъ вѣстей, о пораженіи гдѣ либо чудовищъ; привелъ всѣхъ не только мастеровыхъ вновь, но и сельскихъ крестьянъ къ присягѣ, по особо учиненной на сей случай формѣ, а наконецъ и самую строгость и страхъ, но очень мало вижу отъ того желаемаго успѣха».

Простоявши на Шайтанскомъ заводѣ недѣли съ три, Бѣлобородовъ отправился на Уткинскій казенный и Демидова заводы. На Уткинскомъ заводѣ находился сержантъ Тобольскихъ ротъ Курловъ съ 6 солдатами и набранными съ заводовъ мастеровыми.

Курловъ успѣлъ такъ организовать оборону, что Бѣлобородовъ встрѣтилъ здѣсь упорное сопротивленіе. Три дня сряду мятежники производили нападеніе на заводъ, но безуспѣшно, и лишь на четвертый, пользуясь своею многочисленностью, успѣли овладѣть имъ. Курловъ былъ изрубленъ и потеря съ обѣихъ сторонъ простиралась до тысячи человѣкъ [1]).

Овладѣвши здѣсь 15-ю орудіями, Бѣлобородовъ побывалъ на Сылвинскомъ, Илимскомъ заводахъ и потомъ возвратился опять на Шайтанскій. Повсюду онъ верталъ рабочихъ въ казаки, забиралъ деньги, назначалъ правителей и оставлялъ гарнизоны. Только одинъ Сысерскій Турчанинова заводъ не хотѣлъ покориться и признать власти самозванца. Владѣлецъ завода обнесъ его рогатками и надолбами, насыпалъ снѣжный съ хворостомъ валъ и полилъ его водою. Построивъ на выдающихся мѣстахъ батареи и снабдивъ рабочихъ оружіемъ, Турчаниновъ далъ наставленіе, какъ дѣйствовать противъ мятежниковъ, и такими мѣрами отстоялъ

[1]) Записка Охлебинина. Показаніе Бѣлобородова 30 іюля 1774 года.

свои заводы отъ разоренія [1]). Съ 15 и по 17 февраля, въ теченіе трехъ дней, толпа инсургентовъ въ тысячу человѣкъ [2]) пыталась овладѣть Сысерскимъ заводомъ, но была отбита. На помощь осажденнымъ была выслана изъ Екатеринбурга команда въ 600 человѣкъ съ 5-ю орудіями [3]), которые заставили мятежниковъ отступить.

Съ этого времени положеніе Екатеринбурга стало улучшаться. 15 февраля прибылъ въ городъ съ командою подполковникъ Лазаревъ, посланный главнокомандующимъ уговорить башкирцевъ оставить самозванца и возвратиться въ свои дома. Прежнее вліяніе Лазарева на башкирцевъ возбуждало большія надежды и населеніе города стало успокоиваться. Полковникъ Бибиковъ, сдѣлавшись смѣлѣе, отправилъ нѣсколько отрядовъ для очищенія окрестностей Екатеринбурга. Высланный по сибирской дорогѣ подпоручикъ Озеровъ, съ командою около ста человѣкъ, имѣлъ дѣло съ мятежниками у дер. Златогоровой. Численное превосходство непріятеля заставило его отступить и идти къ Бѣлоярской слободѣ на соединеніе съ поручикомъ Костинымъ, высланнымъ для его поддержки. Отправленный же по московской дорогѣ съ 700 человѣкъ секундъ-маіоръ Фишеръ дошелъ 14 февраля до Шайтанскаго завода, прогналъ мятежниковъ, преслѣдовалъ ихъ по билимбаевской дорогѣ, отнялъ у нихъ четыре пушки и образа. Предоставивъ всѣмъ желающимъ отправить своихъ женъ и дѣтей въ Екатеринбургъ подъ охраною отряда, маіоръ Фишеръ зажегъ заводъ въ шести мѣстахъ и возвратился въ городъ безъ всякой потери. «Вотъ возмездіе за нарушеніе покоя и измѣну, писалъ полковникъ Василій Бибиковъ въ своемъ объявленіи жителямъ Екатеринбурга [4]). Но сіе еще начало болѣзней(?) ихъ ожесточенія. Никакъ и никогда не могутъ они себя ласкать благоденствіемъ, продолжая зло.

«Таковое свѣдѣніе сообщая публикѣ, надѣюсь, что всякій по-

---

[1]) Рапортъ Турчанинова Бибикову отъ 22 февраля. У Алексѣя Турчанинова было три завода: Сысерскій, Полевскій и Северскій. См. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

[2]) Человѣкъ 700 башкирцевъ и 300 заводскихъ крестьянъ.

[3]) Письмо Дьячкова Турчанинову 18 февраля 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

[4]) Отъ 16 февраля 1774 г. Архивъ Кабинета Его Величества.

дражать и ревновать будетъ обратиться на сихъ чудовищъ и изверговъ, не смотря на злыя ихъ и бѣдственныя прелести и удаляясь всегда отъ сообщенія съ ними».

«Вотъ плодъ бунта, говорилъ полковникъ Василій Бибиковъ въ другомъ своемъ объявленіи [1]). Мы къ несчастію теперь ополчаться должны не только на своихъ единоземцевъ, но и на родственниковъ, которыхъ ожесточеніе ужасно: забыть свою должность, присягу, разрушить собственный покой и не надѣяться никогда его возвратить. А для чего? — чтобы только слѣпо послѣдовать главныхъ бунтовщиковъ пагубнымъ прелестямъ...» Такъ смѣло писалъ онъ по полученіи извѣстія о приближеніи къ Екатеринбургу отряда маіора Гагрина.

Выступивъ изъ Ачитской крѣпости и проходя черезъ Бисертскую и Кленовскую, Гагринъ не находилъ въ селеніяхъ жителей, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ, а остальные были поголовно забраны въ толпу Бѣлобородова [2]).

Переночевавши въ Бисертскомъ Демидова заводѣ, маіоръ Гагринъ, 26 февраля, подошелъ къ Уткинскому заводу, половина котораго прикрыта была снѣжнымъ валомъ въ $1^1/_2$ сажени высотою; другая половина прикрывалась прудомъ съ крутыми берегами, а затѣмъ шли рогатки, прикованныя другъ къ другу толстымъ полосовымъ желѣзомъ, за которыми были поставлены большія туры, набитыя снѣгомъ. Поверхъ снѣжнаго вала былъ протянутъ частый ельникъ, а въ четырехъ выходахъ поставлены пушки за рогатками. Заводъ защищался 700 человѣкъ подъ начальствомъ самозваннаго подполковника Паргачева.

Часа за два до свѣта Гагринъ штурмовалъ укрѣпленія и, послѣ незначительнаго сопротивленія, выгналъ мятежниковъ изъ Уткинскаго завода. Потеря инсургентами 15-ти человѣкъ была, конечно, ничтожна, но «*отъ страху*» сдалось 587 человѣкъ, взято 5 пушекъ со снарядами, много ружей, сабель и 2 знамя.

Для преслѣдованія отступавшихъ была отправлена вся кавалерія отряда и въ подкрѣпленіе ея егеря посажены на лошадей.

---

[1]) Отъ 22 февраля 1774 г. Архивъ Кабинета Е. В.

[2]) Рапортъ Гагрина А. И. Бибикову, отъ 24 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

Непріятель потерялъ 45 человѣкъ убитыми, 308 человѣкъ плѣнными, 4 орудія, много оружія и лошадей. Вся потеря Гагрина въ оба сраженія состояла изъ 4 человѣкъ убитыхъ и 6 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

На помощь разбитымъ спѣшилъ Бѣлобородовъ съ толпою въ 425 человѣкъ [1]), но опоздалъ и прибылъ тогда, когда войска преслѣдовали остатки разбитой шайки Паргачева. Бѣлобородовъ вступилъ-было въ дѣло и атаковалъ отрядъ Гагрина «съ превеликимъ крикомъ, при пушечной пальбѣ», но встрѣтилъ контръ-атаку, веденную «съ такимъ стремленіемъ, что она (толпа) съ тою же скоростію, съ какою впередъ стремилась, въ бѣгъ обращена, оставя пушки» [2]).

Бѣлобородовъ бѣжалъ на Каслинскій Демидова заводъ, гдѣ началъ строить укрѣпленіе [3]). Окрестное населеніе приходило съ покорностью, принимало присягу и распускалось по домамъ. Изъ числа плѣнныхъ виновные въ подстрекательствѣ и бунтѣ 803 человѣка были отправлены въ Екатеринбургъ, 235 человѣкъ отпущены по домамъ, а 255 человѣкъ хорошо вооруженныхъ присоединены къ отряду; всѣ укрѣпленія, построенныя мятежниками въ разныхъ селеніяхъ, были разрушены. Гагринъ видѣлъ ясно, что большинство населенія не преступно, что оно вовлечено въ мятежъ обманомъ и вѣритъ искренно, что называющій себя государемъ есть дѣйствительно императоръ Петръ III. Чистосердечное раскаяніе многихъ давало надежду, что убѣжденія не останутся безплодными и потому Гагринъ, выбравъ нѣсколькихъ человѣкъ, наболѣе уважаемыхъ, передалъ имъ манифестъ императрицы и увѣщаніе главнокомандующаго и отправилъ ихъ въ Шайтанскій заводъ и Илимскую казенную пристань, гдѣ находились еще мятежники, подъ предводительствомъ есаула Павла Зубринскаго.

---

[1]) Съ Ревдинскаго завода 200 человѣкъ, съ Шайтанскаго 200 человѣкъ и 25 человѣкъ своей свиты. Показаніе Бѣлобородова. Государств. Арх., VI, д. № 429.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ А. И. Бибикова, отъ 8 марта 1774 года. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104 (А), листъ 164.

[3]) Рапортъ Гагрина главнокомандующему 28 февраля 1774 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII. Показаніе Бѣлобородова. Госуд. Арх., VI, дѣло № 429.

«Зубринскій, доносилъ А. И. Бибиковъ [1]), велѣлъ оное прочесть при собраніи (конечно, отъ неосторожности), а посланные сказывали, что на Уткинскомъ заводѣ тѣмъ наказанія никакого не сдѣлано, кто добровольно явился. Сіе произвело такое дѣйствіе, что какъ только начальникъ воровской Зубринскій намѣрился бѣжать, то прочіе до того не допустили», а маіоръ Гагринъ тотчасъ же отправилъ въ эти селенія команды подъ начальствомъ капитановъ Дурново и Морсошникова. На Шайтанскомъ заводѣ и Илимской пристани было взято четыре орудія, 388 человѣкъ добровольно покорившихся и захвачены главнѣйшіе предводители и зачинщики: Петръ Паргачевъ, Павелъ Зубринскій, Сергѣй Шепелевъ, Антипъ Менщиковъ и Ѳедоръ Кощуновъ.

1 марта, маіоръ Гагринъ ночевалъ на Уткинскомъ заводѣ и 3-го числа вступилъ въ Гробовскую крѣпость. Здѣсь онъ получилъ увѣдомленіе, что полковникъ Василій Бибиковъ высылаетъ ему на помощь отрядъ изъ Екатеринбурга, «но какъ я, доносилъ маіоръ Гагринъ [2]), и къ разбитію злодѣйской толпы ихъ не требовалъ, а по теперешнему обстоятельству оныя (силы) мнѣ не надобны, о чемъ къ нему съ прописаніемъ резону рапортовалъ».

«Полковникъ (Бибиковъ) стыдясь, писалъ Охлебинину [3]), что сей предводитель (Гагринъ) съ малою командою произвелъ толь великіе успѣхи, спѣшилъ себѣ сколько-нибудь предоставить славы». Онъ командировалъ маіора Фишера на Каменскій заводъ со всѣми силами, какія только были въ Екатеринбургѣ и приказалъ ему, преслѣдуя мятежниковъ, идти на соединеніе съ маіоромъ Гагринымъ. Послѣдній не принялъ этого содѣйствія и, оставивъ Фишера въ Коневской крѣпости, самъ пошелъ на Каслинскій заводъ, гдѣ Бѣлобородовъ успѣлъ собрать до тысячи человѣкъ. Утромъ, 12 марта, маіоръ Гагринъ штурмовалъ Каслинскій заводъ; мятежники были разбиты и Бѣлобородовъ бѣжалъ въ Саткинскій Лугинина заводъ. Онъ потерялъ 57 человѣкъ убитыми, 420 человѣкъ

---

[1]) Императрицѣ, отъ 8 марта 1774 года. Военно-ученый архивъ, отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 165.

[2]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 3 марта 1774 г. Тамъ же.

[3]) Записка Охлебинина, поданная князю А. А. Вяземскому. Архивъ Кабинета Его Величества.

захваченными въ плѣнъ и добровольно явившимися, 300 лошадей и четыре знамя, которыя были публично сожжены [1]).

Такимъ образомъ, очистивъ отъ мятежниковъ весь край, отъ Кунгура къ Екатеринбургу, и приведя къ покорности бо̀льшую часть заводовъ [2]), Гагринъ побѣдоносно вступилъ въ городъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 120 солдатъ и 670 человѣкъ полу-вооруженныхъ крестьянъ. Заслуги Гагрина были оцѣнены императрицою и онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры [3]). Екатеринбургъ былъ избавленъ отъ предстоявшей ему гибели и тогда полковникъ Василій Бибиковъ не постыдился написать канцеляріи главныхъ заводовъ правленія, «что посланными отъ него командами злодѣи изъ слободъ выгнаны» [4]).

Со вступленіемъ маіора Гагрина въ Екатеринбургъ мятежники разсѣялись въ разныя стороны, но край этотъ еще нельзя было считать окончательно усмиреннымъ. Бѣлобородовъ съ небольшимъ числомъ своихъ сообщниковъ ушелъ, черезъ селенія Верхнія и Нижнія Киги, на соединеніе съ Пугачевымъ, а бывшая съ нимъ толпа, раздѣлившись на мелкія шайки, бродила по разнымъ направленіямъ и частію соединилась съ толпою атамана Грязнова, хозяйничавшаго въ окрестностяхъ Челябинска.

XIX.

Занятіе Челябинска отрядомъ генерала Деколонга. — Дѣйствія мятежниковъ. — Бой у дер. Першиной. — Отступленіе Деколонга. — Выселеніе челябинскихъ жителей. — Жалоба главнокомандующаго на бездѣйствіе Деколонга. — Намѣреніе императрицы замѣнить его Суворовымъ. — Отказъ графа П. А. Румянцова отпустить Суворова изъ своей арміи. — Развитіе мятежа. — Блокада Долматова монастыря. — Занятіе инсургентами Курганской слободы и другихъ пунктовъ на границахъ Сибирской губерніи. — Дѣятельность сибирскаго губернатора Чичерина по усмиренію возстанія.

Послѣ неудачнаго приступа атамана Грязнова къ Челябинску, 10 января, онъ, какъ мы видѣли, отступилъ къ Чебаркульской

[1]) Рапортъ маіора Гагрина А. И. Бибикову 14 марта 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

[2]) Заводы эти были: Уткинскій, Сильвинскій, Шайтанскій, Собакинъ, Бисертскій, Верхній и Нижній Сергинскіе, Биламбаевскій, Ревдинскій и друг.

[3]) Предложеніе З. Г. Чернышева военной коллегіи, отъ 12 мая 1774 года. Сенат. Арх., копіи Высоч. повелѣн., кн. № 207.

[4]) Записка Охлебинина.

крѣпости, оставивъ небольшую толпу башкирцевъ для блокады города [1]). Блокада эта продолжалась не долго и 13-го января генералъ Деколонгъ, послѣ незначительной перестрѣлки, занялъ Челябинскъ съ своимъ отрядомъ.

Онъ пришелъ туда почти случайно.

Получивъ увѣдомленіе сибирскаго губернатора объ отправленіи въ Челябинскъ орудій, предназначенныхъ для оренбургской линіи, и не подозрѣвая, что городъ этотъ уже окруженъ мятежниками, генералъ Деколонгъ съ 10-ю и 11-ю легкими полевыми командами выступилъ изъ Верхне-Яицкой крѣпости въ Челябинскъ, съ намѣреніемъ присоединить орудія къ себѣ и произвести поискъ надъ мятежниками. На пути Деколонгъ получилъ два сообщенія Веревкина: одно о бунтѣ челябинскихъ казаковъ, а другое—о появленіи шайки Грязнова подъ городомъ. Ускоривъ свое движеніе, Деколонгъ лишь только вступилъ въ Челябу, какъ получилъ просьбу о помощи отъ начальника екатеринбургскихъ заводовъ, полковника Василія Бибикова. Не считая возможнымъ бросить Челябинскъ, къ которому, по слухамъ, долженъ былъ вернуться Грязновъ, съ вновь набраннымъ на заводахъ ополченіемъ и 20 пушками, Деколонгъ приказалъ слѣдовавшимъ съ сибирскихъ линій маіору Жолобову съ 12-ю легкою полевою командою и маіору Фишеру съ двумя гарнизонными ротами повернуть къ Екатеринбургу и идти на помощь полковнику В. Бибикову. Самъ же Деколонгъ остался въ Челябинскѣ съ тою цѣлью, какъ говорилъ онъ, чтобы разсѣять шайку Грязнова [2]), но до 1-го февраля почти не выказывалъ никакой дѣятельности.

Грязновъ съ толпою до 4,000 человѣкъ снова подошелъ къ Челябинску, и расположившись въ шести верстахъ, въ деревнѣ Першиной, почти ежедневно высылалъ небольшія партіи, съ цѣлью отрѣзать сообщеніе съ городомъ, въ которомъ находился весьма значительный гарнизонъ. Деколонгъ объяснялъ свою бездѣятельность тѣмъ, что большинство мятежниковъ конные, а у него кон-

[1]) См. главу IX.

[2]) Рапортъ Деколонга генералу Чичерину отъ 22 января 1774 г. Записка его же, безъ мѣсяца и числа. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI и VIII.

ницы всего 240 человѣкъ, съ которыми предпринять наступленіе невозможно. Окрестное населеніе, не видя защиты отъ войскъ, частію по принужденію, а въ большинствѣ добровольно посылало къ Грязнову депутатовъ, и прося принять въ покровительство, переходило на сторону самозванца. Оно находилось почти въ безвыходномъ положеніи: отъ правительственной власти защиты нѣтъ, а мятежники грабятъ всѣхъ непокорныхъ и покровительствуютъ покорившимся. Ясно, что держаться стороны мятежниковъ было выгоднѣе, и Грязновъ почти ежедневно принималъ депутатовъ, приказывалъ имъ высылать изъ селеній казаковъ и увеличивалъ свои силы.

Такимъ путемъ присоединились къ мятежникамъ Карачельскій форпостъ, Воскресенское село, Кургамышская слобода и друг. Челябинскъ оказался отрѣзаннымъ отъ главныхъ путей и Деколонгъ досидѣлся въ немъ до того, что сталъ опасаться за недостатокъ продовольствія для отряда. Попытка его разсѣять мятежниковъ, собравшихся въ дер. Першиной, была безуспѣшна, хотя въ донесеніи своемъ онъ старался доказать, что одержалъ побѣду.

Выступивъ 1-го февраля изъ города и подходя къ сел. Першину, Деколонгъ нашелъ непріятеля готовымъ его встрѣтить и расположеннымъ впереди деревни въ боевомъ порядкѣ. По высотамъ были разставлены орудія, прикрытыя набранною изъ крестьянъ пѣхотою, а впереди для встрѣчи отряда была выслана башкирская конница. Тѣсня башкирцевъ, Деколонгъ хотя и дошелъ до дер. Першиной, овладѣлъ одною высотою, захватилъ 2 орудія и 180 человѣкъ плѣнныхъ, но остальныхъ мятежниковъ не прогналъ съ поля сраженія. На дальнѣйшія атаки онъ не рѣшился «за наступившимъ вдругъ большимъ туманомъ, а болѣе по малости конницы, на оное покуситься и въ видимую опасность вдаваться не разсудилъ». Съ двумя легкими полевыми командами, гарнизономъ и городскими обывателями можно было сдѣлать что-нибудь болѣе простой прогулки до дер. Першиной и возвращенія съ потерею всякой надежды защитить городъ, который «*съ пустырями*» имѣлъ болѣе 6 верстъ въ окружности. Опасаясь, къ тому же, остаться безъ продовольствія, Деколонгъ рѣшился поки-

нуть городъ на произволъ мятежниковъ. Предлогомъ для своего удаленія онъ избралъ письмо, полученное отъ полковника Василія Бибикова, сообщавшаго, что «тамошняя окрестность и самый Екатеринбургъ отъ злодѣйскихъ обращеній весьма опасны». Бибиковъ писалъ, что если Деколонгъ не придетъ скоро къ нему на помощь, «то не иное что въ городѣ найдетъ, какъ самихъ бунтовщиковъ», ибо крестьяне весьма сомнительны и ожидаютъ только «отъ злодѣйской толпы оказіи».

Опираясь на то, что отъ военной коллегіи и отъ главнокомандующаго войсками А. И. Бибикова приказано было ему защищать главнѣйшимъ образомъ Екатеринбургскіе заводы, какъ приносящіе «знатную пользу государству», Деколонгъ оставилъ Челябинскъ, но не пошелъ къ Екатеринбургу, а къ Шадринску. «Хотя бы въ Челябѣ и надлежало оставить достаточный гарнизонъ, доносилъ онъ генералу Чичерину [1]), но по малости войскъ онаго удѣлить никоимъ образомъ было не можно».

Узнавъ о намѣреніи Деколонга оставить городскихъ обывателей безъ защиты, исетская провинціальная канцелярія просила разрѣшенія переселиться также или въ Екатеринбургъ, или въ ближайшія къ нему мѣста, съ письменными дѣлами, денежною казною и «со всѣми вѣрноподданными ея величества рабами» [2]). Начальникъ отряда изъявилъ на то согласіе, и 4-го февраля на видныхъ мѣстахъ улицъ г. Челябинска было выставлено объявленіе, въ которомъ Деколонгъ говорилъ, «что имѣя важные и справедливые резоны, долженъ оставить городъ», взявъ съ собою всѣхъ вѣрноподданныхъ и прямо служащихъ ея императорскому величеству, *идти внутрь провинціи до Шадринска или гдѣ способнѣе его высокопревосходительство изберетъ изволитъ съ войсками свое пребываніе имѣть*».

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ Деколонгъ свои дѣй-

[1]) Въ рапортѣ отъ 16 февраля. Воен.-учен. арх., отд. I, д. № 104 (А). Замѣчательно, что въ своихъ донесеніяхъ Деколонгъ умалчиваетъ о численности своихъ войскъ и не приводитъ цифры присоединенныхъ къ себѣ отрядовъ, забранныхъ имъ въ разныхъ пунктахъ. Онъ обыкновенно говоритъ только, что войскъ у него мало, кавалеріи недостаточно и проч.

[2]) Донесеніе исетской провинціальной канцеляріи Деколонгу отъ 20 января 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

ствія или лучше сказать бездѣйствіе, объяснялъ желаніемъ удержать Исетскую провинцію отъ мятежа, развивавшагося на его глазахъ; потомъ говорилъ, что спѣшитъ къ Екатеринбургу и потому не можетъ оказать другимъ помощи, а въ дѣйствительности пошелъ къ Шадринску. Отступая къ этому пункту, онъ ничего не защищалъ и даже не прикрывалъ ничего, кромѣ одной изъ числа многихъ дорогъ въ Сибирь, а уходилъ изъ Челябинска потому, что боялся столкнуться съ мятежниками. Онъ требовалъ, чтобы всѣ тѣ жители, «кои прямо и непоколебимо» желаютъ служить императрицѣ, «тѣ-бъ къ походу съ его высокопревосходительствомъ, черезъ 24 часа въ самой крайней готовности, безъ тягостей и имѣя только на однѣ сутки себѣ пищи, конные верхами, а прочіе пѣшіе, съ ружьемъ, какое у кого имѣется, были готовы и ожидали бы на всякій часъ къ выступленію повелѣнія».

На слѣдующій день, 5-го февраля, по приказанію того же Деколонга было выпущено изъ бочекъ 7,320 ведеръ вина; 7-го числа всѣ жители приготовлялись къ выступленію, а 8-го февраля отрядъ выступилъ изъ Челябинска, забравъ съ собою всѣхъ бывшихъ въ городѣ рекрутъ, воеводу Веревкина, всѣхъ членовъ провинціальной канцеляріи, денежную казну и всю годную артиллерію. За отрядомъ, оставя свои дома и бо́льшую часть имущества, послѣдовали посадскіе, цеховые и прочіе обыватели. Въ Челябинскѣ оставлено: 648 четвертей муки, 37 четвертей крупъ, 389 четвертей овса, 20,479 пудовъ соли [1]) и нѣсколько испорченныхъ орудій. За отрядомъ пошли: 192 человѣка купцовъ, 162 казака, 11 офицеровъ, 207 рекрутъ, 1,350 человѣкъ крестьянъ, собранныхъ Веревкинымъ для защиты города, Тобольская рота, состоявшая изъ 2 офицеровъ и 130 человѣкъ нижнихъ чиновъ, вся провинціальная канцелярія съ дѣлами и съ 23,168 р. 59 к. казенныхъ денегъ [2]).

Двигаясь черезъ Карачельскій форпостъ, деревни Сухоберскую

---

[1]) Цифры эти, кажется, не внушали опасеній за недостатокъ продовольствія.

[2]) Журналъ происшествій въ Исетской провинціи. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII. Рапортъ Челябинской ратуши въ главный магистратъ отъ 24 февраля. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

*

и Заикову, генералъ Деколонгъ былъ преслѣдуемъ мятежниками и неоднократно ими атакуемъ. Хотя, по словамъ его, во всѣхъ этихъ стычкахъ въ отрядѣ не было ни одного убитаго, а у мятежниковъ человѣкъ по 200 и болѣе, тѣмъ не менѣе онъ ни разу не перешелъ въ наступленіе, не мечталъ о возможности разсѣять непріятеля, а напротивъ торопился уйти, и 15-го числа прибылъ въ село Воскресенское. Отсюда онъ отправилъ донесеніе сибирскому губернатору Чичерину, въ которомъ, преувеличивая опасность, старался представить свое положеніе въ отчаянномъ видѣ.

«Главный при мнѣ недостатокъ, доносилъ Деколонгъ [1]), какъ уже и выше объявлялъ, тотъ, что конницы весьма мало, которая на таковыхъ варваровъ, каковы злодѣйскія толпы, болѣе нежели пѣхота потребна и безъ коей успѣха въ прекращеніи зла быть не можетъ, ибо, за малосостояніемъ оной при мнѣ, во всѣ стороны для переимки злодѣевъ посылать некого, а малыми партіями весьма опасно, потому что по тракту, гдѣ я слѣдовалъ, находилъ всѣ деревни пусты и жителей окромѣ стариковъ и малолѣтнихъ, да и то весьма небольшаго числа, никого нѣтъ. По объявленіямъ же захваченныхъ значится, что всѣ крестьяне разбѣжались, боясь какъ видно за свою продерзость должнаго наказанія; да имъ же и отъ злодѣевъ приказано во время моего съ корпусомъ слѣдованія то учинить, дабы мнѣ провіанта, фуража и подводъ получить было не можно. Чего ради, повторяя прежнія мои требованія, ваше превосходительство въ послѣдній уже разъ прошу: городовыхъ или по неимѣнію оныхъ выписныхъ вооруженныхъ и доброконныхъ казаковъ, сколько набрать можно, выкомандируя въ крайней скорости, отправить въ Шадринскъ, а ежели тутъ меня не застанутъ, то приказать слѣдовать по тракту, гдѣ я буду находиться».

Требованіе Деколонга о безотлагательной присылкѣ къ нему кавалеріи можно бы было еще оправдать, если бы оно было сдѣлано ранѣе или гораздо позднѣе. Теперь же былъ самый разгаръ зимы и глубокіе снѣга препятствовали дѣйствію кавалеріи на столько, что употреблять ее сомкнутыми частями было почти не-

[1]) Въ рапортѣ Чичерину отъ 16 февраля 1774 г. Военно-учен. Арх. отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 175.

возможно. Полезнѣе кавалеріи были *лыжники*, которыми пользовались съ такимъ успѣхомъ маіоры Гагринъ и Поповъ. Главный неуспѣхъ дѣйствій Деколонга лежалъ въ отсутствіи энергіи и недовѣріи къ своимъ силамъ. Онъ былъ уже человѣкъ старый, нерѣшительный, недовѣрявшій тѣмъ войскамъ, которыми начальствовалъ. Недовѣріе это было такъ велико, что двигаясь къ Челябинску, не зная гдѣ мятежники, сколько ихъ и что городъ уже окруженъ ими, Деколонгъ въ прибавку къ своимъ двумъ полевымъ командамъ приказалъ 23-й полевой командѣ, прибывшей изъ Кузнецка въ Омскъ, слѣдовать къ нему на соединеніе [1]). Онъ собиралъ къ себѣ войска отовсюду, забиралъ команды вездѣ, гдѣ только могъ взять, и послѣ неважныхъ стычекъ съ мятежниками считалъ свои силы недостаточными и просилъ о присылкѣ казаковъ.

«Если же, писалъ онъ Чичерину, и теперь ваше превосходительство сего во уваженіе принять не изволите, въ такомъ случаѣ, чтобъ сіе зло не ворвалось и въ губернію вашему превосходительству порученную, удержать не въ силахъ. Не остается мнѣ болѣе ничего, какъ оставя производимыя мною дѣйствія безъ всякаго успѣха, потянуться съ корпусомъ моимъ на сибирскія линіи, потому особливо, что злодѣйскія партіи, будучи всѣ конныя, могутъ быть всегда впереди нашихъ войскъ и тѣмъ пресѣкать способъ къ полученію надлежащаго для войскъ пропитанія».

Съ отступленіемъ Деколонга изъ Челябы не только вся Исетская провинція была предана на разграбленіе мятежниковъ, но отдѣльныя ихъ партіи стали проникать въ Сибирскую губернію. Путь между Екатеринбургомъ и Тюменью былъ пресѣченъ и киргизы стали производить нападеніе на русскія селенія. Не смотря на то, генералъ Чичеринъ, по полученіи послѣдняго рапорта Деколонга, передалъ въ его распоряженіе полроты пѣхоты и тысячу человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ Ялуторовскаго уѣзда, и просилъ только его, присоединивъ посылаемыя войска къ своему отряду, очистить отъ мятежниковъ хотя ту часть Исетской про-

[1]) Рапортъ генералъ-маіора Скалона А. И. Бибикову отъ 15 февраля 1774 г. Воен.-учен. Арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 178.

винціи, которая непосредственно прилегала къ Сибирской губерніи [1]).

Сообщая о своихъ распоряженіяхъ А. И. Бибикову, сибирскій губернаторъ выражалъ однакоже сомнѣніе, чтобы Деколонгъ могъ сдѣлать что-либо серьезное для умиротворенія края, хотя и хвалилъ войска, бывшія въ распоряженіи послѣдняго. «Не извольте считать здѣшній гарнизонъ какъ прочіе, писалъ Чичеринъ А. И. Бибикову; осмѣлюсь увѣрить дать имъ равенство людьми и экзерциціею съ лучшимъ армейскимъ полкомъ; одно мое несчастіе, не имѣю офицеровъ—собранная погань изъ всѣхъ мѣстъ».

Говоря, что онъ сдѣлалъ все что могъ, «выслалъ 1,840 человѣкъ на помощь Оренбургу», Чичеринъ справедливо выражалъ удивленіе, что войска эти не принесли никакой пользы и, будучи разбросаны Деколонгомъ по частямъ, сами уходили отъ мятежниковъ. «Гдѣ нынѣ генералъ-маіоръ Станиславскій? спрашивалъ Чичеринъ, при которомъ одна легкая полевая команда (№ 14), одна моя мушкетерская рота, три рекрутскихъ и нѣсколько казаковъ. Я никакого свѣдѣнія не имѣю, а слышу, что поворотилъ и онъ».

При самомъ отправленіи Деколонга въ походъ, Чичеринъ собралъ выписныхъ казаковъ и намѣренъ былъ отправить ихъ на Сибирскую линію, чтобы они могли быть на случай нужды въ полномъ распоряженіи Деколонга, но тотъ отвѣчалъ, что казаки эти вовсе ему ненужны и что защита линіи совершенно обезпечена. Спустя нѣсколько времени Чичеринъ, получивъ извѣстіе о недостаткѣ продовольствія на Оренбургской линіи, хотѣлъ подвинуть туда запасные магазины, но Деколонгъ призналъ и это ненужнымъ, «а что теперь кушаютъ, говорилъ Чичеринъ, не знаю».

«Я бы за особливую милость почелъ, прибавлялъ сибирскій губернаторъ въ письмѣ А. И. Бибикову [2]), ежели бы изволили дать мнѣ повелѣніе прислать къ вашему высокопревосходительству, для опредѣленія въ армейскіе полки, сержантовъ; могъ бы служить

---

[1]) Рапортъ Чичерина А. И. Бибикову 19 февраля 1774 г. № 854. Воен.-учен. арх. Отдѣл. I, дѣло № 104 (А) листъ, 172.

[2]) Въ письмѣ отъ 19 февраля 1774 г. Воен.-учен. арх. д. № 104 (А), листъ 177.

довольнымъ числомъ очень достойныхъ всѣми хорошими поведеніями, а притомъ выученныхъ геометріи и геодезіи, сколь возможность дозволяла и фортификаціи; съ сожалѣніемъ на нихъ здѣсь оставающихъ (остающихся) безъ произвожденія смотрю».

Воспользовался ли Бибиковъ такимъ предложеніемъ или нѣтъ, намъ неизвѣстно, но бездѣятельность Деколонга была для него прискорбна. «Изъ бумагъ, сообщенныхъ ко мнѣ отъ Чичерина, писалъ Александръ Ильичъ императрицѣ [1]), между прочимъ усмотрѣть изволите, что главный недостатокъ и въ тамошнихъ гарнизонахъ есть негодное собраніе офицеровъ, отъ каковыхъ и весь здѣшній край претерпѣлъ. Странному поведенію генерала Деколонга или лѣты его, или вкоренившаяся сибирская косность причиною. Признаюся, всемилостивѣйшая государыня, что я бы лучше желалъ, чтобъ сей генералъ на нынѣшнее время тамъ не былъ, и если бы возможно кого надежнѣйшаго отправить, а его отозвать, то бы весьма казалось быть полезнѣе. Сего самъ собою сдѣлать не отваживаюсь, тѣмъ болѣе, что онъ указомъ военной коллегіи мнѣ и не подчиненъ, а только ему содѣйствовать велѣно, слѣдовательно перемѣна его отъ высочайшей воли вашего императорскаго величества зависитъ».

Предоставляя Бибикову на будущее время перемѣнять командировъ по своему желанію, Екатерина II писала ему, что сдѣлала распоряженіе объ отправленіи на мѣсто Деколонга генералъ-поручика Суворова [2]). Въ день отправленія этого письма военная коллегія предписала фельдмаршалу графу П. А. Румянцову исключить Суворова изъ списковъ 1-й арміи [3]), а послѣднему приказала съ того мѣста, гдѣ полученъ будетъ имъ указъ коллегіи, какъ можно поспѣшнѣе отправиться черезъ Казань и явиться къ Бибикову тамъ, гдѣ онъ будетъ [4]).

---

[1]) Въ письмѣ, отъ 15 марта. Записки Академіи т. I, приложеніе № 4, стр. 63.

[2]) Письмо Императрицы Бибикову 29 марта, *Запис. Акад.*, т. I прилож. № 4, стр. 64.

[3]) Указъ военной коллегіи графу Румянцову, отъ 29 марта. Московс. Арх. Главнаго Штаба. Журн. секрет. экспедиціи, кн. 54, листы 92 и 93.

[4]) Указъ военной коллегіи Суворову 29 марта. Московс. Арх. главн. штаба, опись 47, секрет. повытья, св. 233, листъ 857.

Фельдмаршалъ не отпустилъ Суворова и не исполнилъ высочайшаго повелѣнія.

«Генералъ-поручику Суворову, доносилъ графъ Румянцовъ [1]), по указу военной коллегіи, къ вновь назначенной командѣ немедленно бы ѣхать я приказалъ, ежели бы онъ въ пути, а хотя и на мѣстѣ, но не на посту въ лицѣ непріятеля противу Силистріи находился, къ которому онъ мною опредѣленъ и со ввѣреннымъ ему корпусомъ, какъ на сей городъ по усмотрѣнію удобности поискъ сдѣлать, такъ и Гирсовъ оберегать поручено. Въ семъ случаѣ я не могъ на оное поступить *изъ уваженія, что сія отлучка подала бы непріятелю подтвержденіе по дѣламъ оренбургскимъ*, кои они воображаютъ себѣ быть для насъ крайне опасными, нежели они суть, и можетъ быть, какъ я вижу изъ публичныхъ вѣдомостей, вовсе изчезшіе». Соблюдая прежде всего свой интересъ, графъ Румянцовъ просилъ назначить въ распоряженіе А. И. Бибикова вмѣсто Суворова одного изъ генераловъ, «находящихся въ Россіи», но причисленныхъ къ его арміи. Такого назначенія не послѣдовало и Деколонгъ оставался командовать своимъ отрядомъ почти до усмиренія возстанія.

Дойдя до Окуневской слободы, Деколонгъ распустилъ по домамъ 800 человѣкъ крестьянъ, а жителей Челябинска и провинціальную канцелярію отправилъ въ слободу Байчанку, подъ прикрытіемъ рекрутской Тобольской роты, бывшей подъ начальствомъ секундъ-маіора Фадѣева [2]). Затѣмъ, узнавъ, что мятежники собрались возлѣ Долматова монастыря и Шадринска, повернулъ къ послѣднему.

Такимъ образомъ, всѣ деревни и села между Челябинскомъ,

---

[1]) Въ рапортѣ военной коллегіи, отъ 15 апрѣля, за № 2,407 изъ Яссъ. Московс. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV. Соч. Пушкина, т. VI, 222.

[2]) «Журналъ происшествіямъ въ Исетской провинціи». Рапортъ Чичерина А. И. Бибикову отъ 27 марта 1774 года за № 1,279. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книги VII и VIII. Изъ Байчанки бывшій воевода Исетской провинціи, Веревкинъ, оправившись отъ побоевъ и ранъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ взысканъ милостями императрицы. Ему пожаловано 500 руб. на излѣченіе и имѣя въ виду, что у него было всего 11 душъ крестьянъ, а онъ имѣлъ жену, двухъ дочерей и сына, императрица пожаловала ему въ вѣчное потомственное владѣніе «Псковской губерніи, Полоцкой провинціи, Невельскаго ключа часть Дубнечевскую со всѣми къ ней принадлежащими угодьями». Указъ Сенату 29 декабря 1774 г. Арх. Сената, высоч. повелѣн., кн. № 136.

Екатеринбургомъ и Шадринскомъ поступили въ руки мятежниковъ. Попытки отдѣльныхъ лицъ разогнать толпы инсургентовъ, бродившихъ по разнымъ направленіямъ, были безуспѣшны. Управитель Окуневскаго дистрикта, Томиловъ, пытался пробраться въ Челябинскъ съ своимъ ополченіемъ, но узнавъ, что многочисленныя толпы башкирцевъ обложили городъ и вѣшаютъ всякаго, кого только захватятъ, вернулся обратно. Набранные въ разныхъ мѣстахъ крестьяне, подъ именемъ казаковъ, лишь только безпорядки касались тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ они были собраны, тотчасъ же переходили на сторону инсургентовъ и усиливали башкирцевъ. Явились инициаторы и, подъ видомъ уполномоченныхъ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, объявляли себя его полковниками и становились предводителями отдѣльныхъ партій. Такіе предводители не имѣли никакой связи и сношеній ни съ самимъ Пугачевымъ, ни съ другими предводителями. Они дѣйствовали по своему усмотрѣнію, грабили и разоряли все, что̀ принадлежало казнѣ и помѣщикамъ. Въ Исетской провинціи извѣстенъ былъ своею дѣятельностью Михаилъ Ражевъ, который, собравъ значительную толпу, отдѣлился отъ толпы, предводительствуемой Грязновымъ, занялъ Міасскую крѣпость, въ 25 верстахъ отъ Челябинска, и проникнулъ потомъ до села Бродоколмацкаго, подчиняя своей власти всѣ близлежащія деревни. Самозванный капралъ Матвѣй Евсевьевъ, сопровождаемый только шестью человѣками мятежниковъ, 31 января прибылъ въ село Теченское, былъ встрѣченъ народомъ и священниками съ иконами, колокольнымъ звономъ и пѣніемъ.

«Капралъ, довольный такою встрѣчею, величался честью, оказанною ему и, не доходя до церкви 200 саженъ, приказалъ всѣмъ остановиться, остановился и самъ. Настала вдругъ могильная тишина, нарушаемая только дребезжавшимъ голосомъ писчика Лебедева, читавшаго народу, по приказанію Евсевьева, возмутительный листъ или манифестъ Пугачева. Потомъ Евсевьевъ пилъ съ народомъ вино въ питейномъ домѣ, откуда воротясь въ мірскую избу, приказалъ сжечь на площади всѣ дѣла, а старосту и выборнаго велѣлъ отмѣнить; на мѣсто же ихъ назначилъ атамана и есаула изъ тамошнихъ крестьянъ; мірская изба была переименована въ избу станичную. Затѣмъ, забравъ казенныя деньги и имѣвшуюся

пушку, отправился въ слободу Бродоколмацкую и оттуда въ Міасскую крѣпость. Цѣловальника Теченскаго онъ увелъ съ собою; крестьяне и казаки провожали его» [1]).

Подобно Евсевьеву поступали и другіе предводители партій; поступки ихъ въ городахъ и селахъ были однообразны: вездѣ торжественная встрѣча, пьянство, упоминаніе на эктеніяхъ имени императора Петра III, сожженіе дѣлъ, выборъ новыхъ правителей и грабежъ имущества. Послѣднее, конечно, болѣе всего привлекало на себя мятежниковъ и они стремились захватить въ свои руки то, что̀ представляло болѣе богатую добычу. Въ этомъ отношеніи Долматовскій Успенскій монастырь, съ находившимся вблизи его селомъ Никольскимъ (нынѣ заштатный городъ Долматовъ) представлялъ большой соблазнъ для мятежниковъ. Занявъ его, они прежде всего могли въ немъ укрѣпиться и защищаться отъ правительственныхъ войскъ; въ монастырѣ были запасы пороха, ружья, пушки, продовольственные припасы, а для башкирцевъ богатое церковное имущество. Овладѣвъ этимъ пунктомъ, мятежники захватывали въ свои руки всю Исетскую долину, покрытую многолюдными селеніями и пріобрѣтали прочный опорный пунктъ.

Долматовскій мужской монастырь находился на возвышенномъ лѣвомъ берегу р. Исети, на сибирскомъ трактѣ, между Шадринскомъ и Екатеринбургомъ, отъ котораго отстоялъ въ 158 верстахъ. Монастырь былъ обнесенъ кирпичною стѣною «съ шпицами и амбразурами въ два ряда и отверстіями для боя изъ мелкаго ружья (бойницами)». Эта ограда охватывала собою площадь въ 9,450 квадратныхъ саженъ и имѣла видъ шестиугольника. Высота стѣны была различна (отъ $2^2/_3$ до 3 саж.), точно такъ же какъ и толщина (отъ $1^1/_4$ до $2^3/_4$ аршина). Въ угловыхъ мѣстахъ стѣны возвышались башни съ амбразурами для орудій и бойницами для ружейной стрѣльбы. Сообщеніе монастыря съ окрестностями производилось черезъ ворота, которыхъ было трое: сѣверныя, южныя и восточныя или *святыя*.

Овладѣніе монастыремъ, повидимому, не представляло особыхъ

---

[1]) «Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и окрестностяхъ его». Александра Зырянова. *Пермскій Сборникъ* 1859 г., ч. I, стр. 54 и 55.

затрудненій для мятежниковъ. Они разсчитывали на содѣйствіе приписныхъ экономическихъ крестьянъ, недовольныхъ монастырскимъ начальствомъ, и еще въ 1762 году пытавшихся избить монаховъ Долматовскаго монастыря и лишить жизни его настоятеля, архимандрита Іакинфа. Возстаніе это, извѣстное подъ именемъ *дубинщины* [1]), было усмирено силою, виновные жестоко наказаны, а остальные сохранили ненависть къ монастырской братіи. Поэтому, при первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, въ близлежащихъ селеніяхъ замѣчено было нѣкоторое волненіе. Архимандритъ Іакинфъ сталъ готовиться къ защитѣ, укрѣплялъ монастырь, просилъ помощи, но видя, что ни изъ Шадринска, ни изъ Екатеринбурга ее не присылаютъ, въ началѣ января 1774 года отправился въ Тобольскъ просить сибирскаго губернатора Чичерина прислать въ монастырь войска.

Въ февралѣ 1774 года партія мятежниковъ, въ числѣ 500 человѣкъ, отдѣлившись отъ Челябинска, появилась въ первый разъ у Долматова, подъ начальствомъ атамановъ Ражева, Пестерева и есаула Тараканова. Монастырь встрѣтилъ инсургентовъ готовымъ къ оборонѣ и хотя настоятель его, архимандритъ Іакинфъ, находился въ то время въ Тобольскѣ, но своими письмами постоянно призывалъ братію къ мужеству и защитѣ. Въ экономическомъ казначеѣ, секундъ-маіорѣ Заворотковѣ, архимандритъ Іакинфъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и энергическаго помощника. Заворотковъ воодушевлялъ на борьбу съ врагами подчиненныхъ ему крестьянъ села Никольскаго, предлагалъ имъ скрыться въ стѣнахъ монастыря и защищаться огнестрѣльнымъ оружіемъ. Прежде другихъ послѣдовалъ совѣту староста Игнатій Степинъ, а за нимъ стали переселяться въ монастырь и другіе со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Многіе не слушали увѣщаній и остались въ селѣ Никольскомъ, ожидая прибытія мятежниковъ.

Сельскій священникъ Петръ Лебедевъ своими поступками поддерживалъ духъ возмущенія и не совѣтовалъ своимъ прихожанамъ переселяться въ монастырь. Тѣмъ не менѣе, въ монастырѣ собралось 383 человѣка, въ числѣ коихъ было 10 человѣкъ солдатъ и

[1]) Нѣкоторыя подробности о «дубинщинѣ» можно найти въ статьѣ: «Архимандритъ Іакинфъ». *Пермскій Сборникъ* 1860 г., кн. II, стр. 22—27.

20 крестьянъ-казаковъ, присланныхъ еще прежде изъ Шадринска. Въ монастырѣ было 16 орудій и 80 ружей, большіе запасы пороха, патроновъ и зарядовъ.

Во второмъ часу пополудни, 11 февраля, съ колокольни монастыря замѣтили приближеніе толпы, шедшей съ запада, отъ дер. Верхоярской, а вслѣдъ затѣмъ возвратился въ монастырь крестьянинъ Леонтій Боголюбовъ, которому мятежники засунули за пазуху бумагу для доставленія ея монастырской братіи. Въ бумагѣ этой, или какъ сказано было въ заголовкѣ, въ «*извѣстіи о благополучіи*», походный атаманъ Прохоръ Пестеревъ писалъ, что онъ командированъ изъ арміи его величества съ 1,500 человѣкъ и 15 орудіями, для занятія Долматова монастыря, и потому проситъ покориться безъ кровопролитія и выслать довѣренныхъ для переговоровъ.

«Сверхъ же того, вамъ объявляю, писалъ онъ [1]), что уже и Казанская губернія, царствующій градъ Москва, также Нижній и другіе города склонены наслѣдникомъ его императорскаго величества, государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, такъ и государемъ нашимъ Петромъ Ѳедоровичемъ; Оренбургская губернія и показанныя: Челяба, Троицкая и прочія жительства въ склонность приведены благополучно; и если же сверхъ сего, въ вѣрность не пойдете, то, конечно, оставаться будетъ вамъ отъ моей команды въ безпорядкѣ».

Не получивши отвѣта, мятежники въ тотъ же день, съ крикомъ и гамомъ, ворвались въ Долматовъ (село Никольское), зажгли два крестьянскихъ овина и разбрелись по обывательскимъ домамъ. Занявъ домъ крестьянина Петрова, бывшій за рѣкою атаманъ Пестеревъ приказалъ устроить у своей квартиры висѣлицы, для наказанія всѣхъ тѣхъ, кто откажется присягнуть императору Петру III. Скоро угрозы эти, въ примѣръ и устрашеніе населенія, стали приводиться въ исполненіе. Атаманъ шайки повѣсилъ нѣсколькихъ монастырскихъ служителей, капитана Петра Вырубова и священника Павла Хорсина. Пестеревъ и его сподвижникъ Ражевъ

---

[1]) Въ объявленіи, отъ 11 февраля 1774 года. *Пермскій Сборникъ* 1859 г., ч. I, стр. 62 и 63.

истязали женщинъ, били многихъ кнутомъ и предавали разнымъ пыткамъ всѣхъ, остававшихся вѣрными своему долгу и присягѣ.

На другой день послѣ занятія села Никольскаго, Пестеревъ отправилъ крестьянина Ѳедота Макрушникова къ монастырю съ требованіемъ, чтобы запершіеся въ немъ сдались безъ сопротивленія. Посланный уговаривалъ собравшихся на стѣнахъ монастыря разойтись по домамъ и жить спокойно подъ защитой императора Петра III, обѣщающаго свободу и вольность, и грозилъ въ противномъ случаѣ уморить всѣхъ голодомъ.

Съ своей стороны обороняющіеся уговаривали пришедшаго оставить свое заблужденіе и, по совѣту маіора Завороткова, отъ имени всего Долматовскаго общества отправили Пестереву отвѣтъ, впрочемъ никѣмъ не подписанный [1]).

«О благополучіи вашемъ, писали монастырцы, извѣстіе сюда отъ васъ, черезъ мужика, здѣшняго крестьянина, прислано, *въ коемъ смышнова достойныя прописаны бредни,* чему никоимъ образомъ статься не можно, *да и помыслить ужасно, что-бъ покойному государю императору Петру III прежде чаемаго общаго воскресенія изъ мертвыхъ одному воскреснуть.* Правда, будетъ общее всѣмъ воскресеніе, но какъ святое писаніе намъ доказываетъ, что праведные воскреснутъ въ животъ вѣчный, а грѣшные въ мученіе вѣчное, и такъ разумѣется, что тѣмъ воскресшимъ *не понадобится тогда ни царю престола своего, ни богатому имѣнія своего,* а воздастъ Богъ каждому по дѣламъ его. А сія гнусная чучела (Пугачевъ), назвавшись такимъ ужаснымъ по Россіи именемъ, на подобіе якобъ воскресъ изъ мертвыхъ и желаетъ похитить самимъ Богомъ узаконенную власть грабежами, разбоемъ и кровопролитіемъ, чего и въ цѣломъ свѣтѣ не слыхано. А какъ не безъизвѣстно, что *всякій монархъ вступаетъ на престолъ правленія тишиною и весьма полезнымъ всему обществу спокойствіемъ;* а какъ вашъ мнимый государь Петръ III, императоръ, въ своемъ ложномъ и то письменномъ, а не печатномъ манифестѣ всему обществу въ свѣдѣніе не предъявилъ, гдѣ онъ и въ какихъ мѣстахъ черезъ двѣнадцати-

[1]) Отъ 12 февраля 1774 г. Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ. А. Зыряновъ. *Пермскій Сборникъ* 1859 г., ч. I, стр. 64.

лѣтнее время находился и для чего только въ одну Оренбургскую губернію вкрался, простыхъ нашу братью, мужиковъ, особливо отъ прочихъ мѣстъ ослѣпленныхъ не вездѣ прельщать и приводить въ конечную пагубу, и награждать склонившихся къ нему (старается) крестомъ и бородою, травами и морями и всякою вольностію,—чѣмъ мы и безъ его награжденія отъ милостивой нашей Монархини довольствуемся. Крестъ Спаспителя нашего всякій изъ насъ православный христіанинъ чтитъ и поклоняется, а бороды природныя у всякаго по человѣчеству имѣются, *растущіе на ней волосы по своей волѣ кто стрижетъ и бреетъ, а иной и отпущаетъ,* въ томъ принужденія никому нѣтъ; травами же и бородами мы безъ награжденія вашего довольны и недостатка никакого не имѣемъ».

Монастырское общество заявляло, что оно готово-бы было покориться, если бы называющій себя государемъ Петромъ III появился въ столицѣ, тамъ былъ принятъ и объявилъ о своемъ восшествіи на престолъ, безъ грабежей и разоренія народа. Обороняющіеся просили прислать имъ болѣе ясныя доказательства о подлинности государя и возвратить захваченныхъ ихъ плѣнныхъ. Пестеревъ отвѣчалъ требованіемъ покорности и увѣрялъ, что государь въ самомъ непродолжительномъ времени отправится изъ Казани «къ своей супругѣ», что печатныхъ манифестовъ ему до сихъ поръ сочинять было негдѣ, «а когда онъ, великій государь, вступитъ въ Петербургъ, тогда уже и печатные указы будетъ по всѣмъ губернскимъ провинціямъ и городамъ публиковать и о всемъ истинно доказывать».

Запершіеся въ монастырѣ просили оставить ихъ въ покоѣ, отступить и донести своему государю, что они не послушали увѣщанія его атамана. «А ежели кровопролитное злодѣйство съ нами дѣлать усилитесь, писали они Пестереву [1]), то Возбранная и Побѣдительная воевода, Пречистая Благословенная Богоматерь насъ защитить можетъ. Такъ спасла она царствующій градъ Константинополь отъ *Епифскаго воеводы, свирѣпаго звѣря кабана* (?) и потопила въ морѣ многочисленные полки. Почему и нынѣ надежду нашу болѣе на нее полагаемъ, что надъ вами, уже не такъ какъ

[1]) Отъ 12 февраля 1774 г. *Пермскій Сборникъ*, кн. I, 68.

съ невѣрными, но яко съ вѣроломными и поднимающими злодѣйскимъ образомъ на своихъ братьевъ и на самую обитель оружіе, учинитъ отмщеніе здѣсь, а особливо и въ будущей жизни».

Отправивъ это увѣщаніе, долматовцы требовали, чтобы Пестеревъ черезъ полчаса далъ имъ отвѣтъ, что̀ намѣренъ дѣлать. До вечера 12-го февраля намѣренія непріятеля были неизвѣстны осажденнымъ, а затѣмъ въ монастырѣ былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ предводитель мятежниковъ писалъ, что въ предстоящую полночь защитники должны ожидать на себя «храбрый пушечный ударъ». Пестеревъ и его товарищи надѣялись, что молитвы пресвятой Богородицѣ и Николаю Чудотворцу (Великому) помогутъ имъ возвратить на истинный путь «изъ лѣсу заблудящихъ боязненныхъ звѣрей и привесть въ истинную вѣру и кротость».

Ночь прошла покойно. Наутро въ монастырѣ были отслужены утреня, обѣдня и молебенъ. Служившій іеромонахъ благословилъ крестомъ всѣхъ защитниковъ, еще съ вечера находившихся на своихъ мѣстахъ.

Въ 9 часовъ утра 12-го февраля мятежники подошли къ монастырю и открыли огонь изъ пушекъ и ружей. Съ монастырскихъ стѣнъ отвѣчали тѣмъ же, и канонада эта продолжалась почти до полуночи, съ малымъ вредомъ для обѣихъ сторонъ [1]). Утромъ 14-го числа инсургенты вновь предложили осажденнымъ сдаться, но получивъ отказъ, продолжали перестрѣлку. Видя невозможность съ успѣхомъ штурмовать монастырь, мятежники разсыпались небольшими шайками по окрестнымъ селамъ и завладѣли ими. Встрѣчая сочувствіе среди податного и заводскаго населенія и распространяя возстаніе во всѣ стороны, пугачевцы мало-по-малу окружили г. Шадринскъ со всѣхъ сторонъ. Сношенія его съ окрестностями были прерваны и никто изъ обывателей не могъ и не смѣлъ выходить изъ города далѣе пяти верстъ. Дорога изъ Шадринска въ Сибирь была отрѣзана, и всякая попытка возстановить сообщеніе была тщетна. Только въ концѣ февраля Шадринскъ былъ освобожденъ отъ блокады, когда 20 февраля, со стороны Маслянскаго острога, подошелъ отрядъ маіора Жолобова, а затѣмъ,

[1]) Въ монастырѣ было ранено три человѣка, а у мятежниковъ не болѣе семи человѣкъ.

23 февраля, вступилъ въ городъ и отрядъ генералъ-поручика Деколонга.

Соединившись въ Шадринскѣ съ 12-ю легкою полевою командою, Деколонгъ все-таки не зналъ на что рѣшиться и находился въ крайне тревожномъ состояніи «Я здѣсь, доносилъ онъ [1]), а вокругъ меня и за мною въ Сибирской губерніи, по большой почтовой дорогѣ къ Тюмени, сіе зло прорвавшись начинаетъ пылать. Опасаясь за свой тылъ, Деколонгъ оставилъ намѣреніе идти на помощь Долматову монастырю, и предоставилъ его собственной защитѣ.

Между тѣмъ, на помощь Пестереву подошла къ монастырю новая шайка, подъ начальствомъ яицкаго казака Василія Митрофанова, который 22 февраля потребовалъ отъ осажденныхъ полной покорности государю. Митрофановъ писалъ, что всѣ города «*государственные, царственные, настольные* и прочіе россійскіе, отъ перваго даже до послѣдняго, окромѣ половины Тобольской губерніи», покорились государю и принесли «благополучное подданство». Онъ совѣтовалъ осажденнымъ не проливать напрасно крови и не навлекать праведнаго и неизбѣжнаго гнѣва его величества.

Монастырцы въ тотъ же день отвѣчали, что если Петръ III дѣйствительно живъ и послѣ клятвеннаго отреченія отъ престола имѣетъ законную причину принять опять скипетръ Россійской Имперіи, то чтобы шелъ онъ въ одинъ изъ столичныхъ городовъ, Петербургъ или Москву, и тамъ объявилъ манифестъ о вторичномъ вступленіи своемъ на престолъ.

«А то разсудите сами, писали монастырцы [2]), что мы, будучи обязаны присягою должнаго подданничества всероссійской монархинѣ, государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея законному наслѣднику, какъ можемъ увѣриться пришедшему невѣдомо откуль, не въ столицу россійскую, но въ одинъ Оренбургской губерніи край и въ полыя мѣста человѣку, безъ всякаго

[1]) Въ рапортѣ А. И. Бибикову отъ 27 февраля 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга VIII.

[2]) Отъ 22 февраля 1774 г. «Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ», *Пермскій Сборникъ*, 1859 года, кн. I, стр. 77.

доказательства назвавшемуся такимъ большимъ по Россіи именемъ, ибо и апостолъ въ своемъ посланіи говоритъ: не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть; яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ».

Необходимость человѣку, назвавшему себя государемъ, идти прежде всего въ одну изъ столицъ, осажденные доказывали словами Спасителя, глаголавшаго: «не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелазя инуде, той тать есть, и разбойникъ, а входяй дверьми пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ и овцы гласа его слышатъ; и свои овцы глашаетъ по имени и овцы по немъ идутъ, яко вѣдятъ гласъ его; по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа. А вы же сами, еще не разобравъ о истинности, прельстились къ невѣдущему, да и насъ прельщаете со стремленіемъ невинно-пролитіемъ крови сыновъ россійскихъ и подняли оружіе на святую обитель».

Монастырцы просили мятежниковъ отойти безъ наказанія Божія и обратиться въ повиновеніе законной монархинѣ. «Думается намъ, прибавляли они, что вамъ, упражняющимся въ вашихъ произведеніяхъ, не доставалось времени видать и читывать манифеста за собственноручнымъ ея величества всемилостивѣйшей государыни Екатерины Алексѣевны подписаніемъ о предводителѣ вашемъ (Пугачевѣ), то для прочитанія при семъ вамъ посылается одинъ съ тѣмъ, чтобы вы, по прочтеніи при собраніи вашей партіи, имѣли сюда оный обратно прислать».

Пугачевцы не отвѣчали, но спустя нѣсколько дней, и именно 1-го марта, въ монастырѣ замѣтили приближеніе со стороны Шадринска новой толпы мятежниковъ. Соединившись съ тѣми, которые осаждали Долматовъ и наскоро переговоривъ съ ними, инсургенты въ безпорядкѣ стали отступать по дорогѣ къ Челябинску. Осаждавшіе послѣдовали за ними, и монастырь былъ спасенъ къ удивленію скрывшихся подъ защиту его стѣнъ. Поводомъ къ столь быстрому отступленію было разосланное Деколонгомъ объявленіе, въ которомъ онъ требовалъ покорности и писалъ, что «съ состоящими при мнѣ войсками, коихъ *не менѣе трехъ тысячъ*, имѣю слѣдовать къ Екатеринбургу, для того въ деревнѣ Коротковой, въ Долматовѣ монастырѣ и въ прочихъ по тракту лежащихъ мѣстахъ

приготовить къ продовольствію тѣхъ войскъ провіанта, овса и сѣна безнедостаточно».

Избавившись отъ осады и вздохнувъ свободно, монастырцы жестоко отомстили всѣмъ крестьянамъ, принимавшимъ участіе въ бунтѣ. Подъ предлогомъ выслушанія всемилостивѣйшаго манифеста, были собраны крестьяне къ сѣвернымъ вратамъ монастыря. Ихъ окружили солдаты и силою вдвинули во внутренность ограды. «Тѣхъ, кому выпалъ жребій принять возмездіе за измѣну и убійство, возводили на крыльцо при верхнемъ жильѣ верхняго корпуса, по отобраніи допросовъ въ военномъ судѣ, тотчасъ на этомъ крыльцѣ сѣкли кнутомъ и кого бездыханнаго, кого едва дышавшаго сбрасывали со стѣны за монастырь въ рытвину, промытую вблизи токомъ весеннихъ и дождевыхъ водъ; кто оставался въ живыхъ подъ ударами кнута, тотъ умиралъ въ снѣгу по паденіи въ рытвину» [1]). Такихъ несчастныхъ было 29 человѣкъ, а на всѣхъ остальныхъ были разложены денежные убытки монастыря, простиравшіеся до 1,026 руб. 21 коп.

Казнь и истязанія не могли смирить волнующихся, и монастырскіе крестьяне уходили въ толпу мятежниковъ, которая, опасаясь встрѣчи съ правительственными войсками, отодвинулась къ Челябинску, покинутому Деколонгомъ.

Послѣдній, имѣя въ своемъ распоряженіи три легкихъ полевыхъ команды, считалъ себя не въ силахъ подавить возстаніе и дѣйствовать наступательно. Онъ дѣлалъ по временамъ вылазки изъ Шадринска, разгонялъ бродившія въ окрестностяхъ его шайки, наносилъ имъ, какъ напримѣръ при Уксянской слободѣ, значительныя пораженія, но отойти отъ Шадринска на дальнее разстояніе не рѣшался и доносилъ, что силы мятежниковъ съ каждымъ днемъ ростутъ все болѣе и болѣе [2]). Это были остатки толпы Бѣлобородова, разбитой маіоромъ Гагринымъ, шайки отступившія отъ Шадринска и Долматова, и наконецъ башкирцы, собравшіеся на берегахъ рѣки Міяса.

---

[1]) «Долматовъ монастырь въ 1773 и 1774 г. или въ Пугачевскій бунтъ», протоіерея Григорія Плотникова. *Чтенія въ Московск. Общ. Исторіи и Древностей*, 1859 г., кн. I, стр. 39.

[2]) Рапортъ Деколонга А. И. Бибикову отъ 12 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

Видя бездѣятельность Деколонга и разузнавъ, что у него вовсе не такъ много войскъ, какъ было сказано въ объявленіи, мятежники стали смѣлѣе. Башкирцы разорили и ограбили деревни Иткульскую, Брылину, Усть-міясскій винокуренный заводъ и село Каргопольское. Одна изъ мятежническихъ партій, подъ начальствомъ Осипа Сазонова, подходила къ Троицкой крѣпости, два раза пыталась овладѣть ею, но была отбита [1]); другія шайки, предводительствуемыя, къ сожалѣнію, по преимуществу священниками, дьячками и пономарями [2]), обратились къ Тюмени, Туринску, Краснослободску и наиболѣе значительная подошла къ Кургану.

Появленіе ихъ вызвало со стороны сибирскаго губернатора Чичерина энергическую дѣятельность. Изъ ямщиковъ городовъ Сургута и Березова, съ прибавленіемъ къ нимъ конфедератовъ, онъ сформировалъ гусарскую роту. Тобольскій президентъ Ефимъ Шевыринъ собралъ изъ тобольскаго купечества 900 человѣкъ конныхъ; тобольскій ямской управитель Иванъ Борисовъ сформировалъ 120 человѣкъ изъ ямщиковъ и подгородныхъ крестьянъ, по бо̀льшей части отборныхъ стрѣлковъ, имѣвшихъ каждый при себѣ лыжи. Ополченіе это, раздѣленное на четыре части, было разослано въ Тюмень, Туринскъ, Краснослободскъ и Ялуторовскъ, причемъ въ первые три пункта было послано, сверхъ того, и по одной рекрутской ротѣ.

Пока части эти пришли по назначенію, мятежники въ числѣ 3,000 человѣкъ подошли къ Курганской слободѣ. Для отраженія ихъ былъ сформированъ отрядъ изъ 1,900 человѣкъ крестьянъ и роты солдатъ съ однимъ орудіемъ, подъ общимъ начальствомъ маіора Салманова. Подходя къ Кургану и оставаясь самъ въ резервѣ съ 700 человѣкъ, Салмановъ отправилъ впередъ капитана Смольянинова съ ротою пѣхоты, 1,200 человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ и однимъ орудіемъ. Занявъ Курганскую слободу и желая разсѣять собравшуюся вблизи толпу, Смольяниновъ

[1]) Рапорты коменданта Троицкой крѣпости, бригадира Фейервара, военной коллегіи 20 и 24 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга III.

[2]) Рапортъ сибирскаго губернатора Чичерина военной коллегіи 28 марта 1774 г. Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

пошелъ ей на встрѣчу, но измѣнившіе крестьяне схватили его со всѣми офицерами и выдали мятежникамъ. То же самое сдѣлали крестьяне и съ маіоромъ Салмановымъ. Инсургенты заняли Курганъ, оба предводители отрядовъ и нѣкоторые изъ офицеровъ были повѣшены. Бо̀льшая часть окрестныхъ слободъ съ населеніемъ, простиравшемся до 18,000 душъ, перешли на сторону мятежниковъ. Чичеринъ приказалъ тогда, чтобы слѣдовавшая изъ Кузнецка въ отрядъ Деколонга 13-я легкая полевая команда была немедленно отправлена къ Кургану. Присоединивъ къ себѣ въ слободѣ Байчанкѣ секундъ-маіора Фадѣева съ рекрутскою ротою, командиръ 13-й полевой команды, маіоръ Эрдманъ, быстро двинулся къ Кургану и былъ встрѣченъ мятежниками у Осиповой слободы. Смѣлою атакою Эрдманъ разсѣялъ трехъ-тысячную толпу, захватилъ всю артиллерію и письменныя дѣла. Оставивъ на полѣ сраженія до 600 тѣлъ, инсургенты отступили къ Курганской слободѣ. Преслѣдуя ихъ, маіоръ Эрдманъ въ Иковской слободѣ былъ окруженъ толпою до 5,000 человѣкъ, приготовившихся къ встрѣчѣ и укрѣпившихся. По совѣтамъ и указаніямъ мѣстнаго духовенства [1]), мятежники насыпали валъ изъ снѣга и разставили орудія. Два дня продолжалась канонада съ обѣихъ сторонъ и наконецъ маіоръ Эрдманъ штурмовалъ Иковскую слободу. Мятежники были разбиты, бѣжали въ Утяцкую слободу, и 24 марта Эрдманъ занялъ Курганъ [2]).

Такая же неудача постигла и прочія шайки инсургентовъ. Отъ Краснослободска они были отбиты подпоручикомъ Фефиловымъ, потеряли всѣ пушки и много плѣнныхъ. Прибывшіе въ Туринскъ и Тюмень роты съ ополченіемъ перешли въ наступленіе и преслѣдовали мятежниковъ: «оныхъ поражая, доносилъ Чичеринъ, разгоняютъ, предводителей ловятъ и присылаютъ въ Тобольскъ, слободы и деревни утверждаютъ вновь присягою».

Все это происходило на границахъ Сибирской губерніи, а вся Исетская провинція и сѣверная часть Оренбургской губерніи были

---

[1]) Курганской слободы священника Лаврентія Антонова, дьякона Андрея Антонова же и дьячковъ: Тимоѳея Бурцова и Гаврила Кокшарскаго.

[2]) Рапортъ Чичерина Бибикову 27 и 28 марта 1774 года за №№ 1,279 и 1,293. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

въ полномъ возстаніи и находились во власти мятежниковъ. Уральская горная возвышенность, съ ея населеніемъ и заводами, была единственнымъ и прекраснымъ убѣжищемъ для Пугачева послѣ пораженія его подъ Татищевою крѣпостью. Если бы Деколонгъ изъ Челябы двинулся на югъ, то Пугачевъ могъ быть окруженъ со всѣхъ сторонъ, но бездѣйствіе этого генерала дало возможность самозванцу оправиться, собраться съ новыми силами и появиться тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали.

XX.

Бѣгство Пугачева изъ Берды. — Освобожденіе Оренбурга отъ осады. — Награды губернатору и жителямъ.—Преслѣдованіе самозванца.—Бой у Каргалы.—Бѣгство Пугачева въ Башкирію.

Въ день сраженія подъ Татищевою, поздно вечеромъ, Пугачевъ прискакалъ въ Берду въ сопровожденіи только четырехъ человѣкъ свиты: Ивана Почиталина, Василія Коновалова, Григорія Бородина и шурина самозванца, Егора Кузнецова. Опасаясь наступленія князя Голицына и вылазки изъ Оренбурга, Пугачевъ приказалъ тотчасъ же смѣнить съ караула всѣхъ крестьянъ и солдатъ, а на ихъ мѣста поставить Яицкихъ казаковъ, какъ людей болѣе ему преданныхъ и болѣе опытныхъ въ сторожевой службѣ.

Въ Бердѣ еще не знали о пораженіи товарищей и потому распоряженіе это удивило многихъ.

— Что̀ за чудо, что насъ смѣняютъ не вовремя и гонятъ цѣлыми толпами въ Берду? спрашивали караульные другъ друга.

Наиболѣе любопытные обращались за разъясненіемъ къ своимъ командирамъ, а тѣ, сами не зная ничего, шли въ военную коллегію. Въ числѣ первыхъ явившихся въ главное управленіе самозванца былъ Хлопуша. Онъ засталъ въ комнатѣ только одного писаря Васильева, отъ котораго не получилъ удовлетворительнаго отвѣта.

— Тебѣ что̀ за нужда, сказалъ Васильевъ; — зналъ бы ты свое дѣло, да лежалъ бы на своемъ мѣстѣ.

Хлопуша отправился къ Творогову и, проходя по улицѣ, видѣлъ, что яицкіе и илецкіе казаки укладывали на воза свои вещи.

— Что это значитъ? спрашивалъ Хлопуша.

— А это тѣ казаки, отвѣчалъ уклончиво Твороговъ, — что пріѣхали изъ своихъ мѣстъ за хлѣбомъ и теперь собираются домой. Я съ ними жену свою отпускаю, а ты поди и распусти свою команду.

Хлопуша исполнилъ приказаніе, пошелъ-было къ Шигаеву, но тотъ ушелъ изъ дома съ Чумаковымъ и Григоріемъ Бородинымъ.

Послѣдній, будучи очевидцемъ всего происшедшаго подъ Татищевой, былъ увѣренъ, что дѣло, затѣянное яицкими казаками, проиграно окончательно, и потому въ тотъ же вечеръ отправился къ Шигаеву и разсказалъ ему событія дня.

— Я поѣду въ Оренбургъ, говорилъ Григорій Бородинъ, — и тамъ разскажу, а между тѣмъ не можно ли его (самозванца) связать.

— Поѣзжай, отвѣчали Шигаевъ и случившійся у него Ѳедоръ Чумаковъ,—и предстательствуй за насъ всѣхъ, чтобы помиловали, а мы постараемся его связать.

Переговоривъ еще съ хорунжимъ Трифономъ Горловымъ, Оспиномъ Бановымъ и съ калмыкомъ Гибзаномъ, Бородинъ совѣтовалъ имъ выдать Пугачева и явиться съ повинною, а самъ въ ту же ночь уѣхалъ изъ Берды, причемъ Шигаевъ и Чумаковъ провожали его до рѣки Сакмары [1]).

Рано утромъ, 23 марта, Пугачевъ призвалъ къ себѣ Максима Шигаева [2]), Андрея Витошнова, Ѳедора Чумакова, Ивана Творогова, Тимоѳѣя Падурова и Коновалова. Онъ разсказалъ имъ откровенно о несчастіи, постигшемъ его армію подъ Татищевою и спрашивалъ: что дѣлать?

— Какъ вы разсудите, дѣтушки, говорилъ самозванецъ: — куда намъ теперь идти?

---

[1]) Показанія Григорія Бородина и Максима Шигаева. Государствен. Арх., VI, д. №№ 467 и 506. У гг. Анучина, Пекарскаго (*Москвит.* 1841 года, ч. III, 459), Рычкова и др. эпизодъ этотъ разсказанъ невѣрно.

[2]) Г. Д. Анучинъ въ своей статьѣ (*Русскій Вѣстникъ* 1872 г., № 8, стр. 500), исправляя показанія Пугачева, говоритъ, что Шигаевъ взятъ въ плѣнъ подъ Татищевою, но это невѣрно.

— Мы не знаемъ, былъ первый отвѣтъ опечаленныхъ присутствующихъ.

— Я думаю, что намъ способно теперь пробраться степью, чрезъ Переволоцкую крѣпость, въ Яицкій-городокъ; тамъ, взявъ крѣпость, можемъ укрѣпиться и защищаться отъ поиска войскъ.

— Власть ваша, отвѣчали присутствующіе, — куда хотите, а куда вы, туда и мы.

— Поѣдемъ лучше, ваше величество, подъ Уфу, къ графу Чернышеву, говорилъ Твороговъ,—а если тамъ не удастся, то будемъ близко Башкиріи, и тамъ можемъ найти спасеніе.

— Не лучше-ли, замѣтилъ Пугачевъ, — намъ убираться на Яикъ, ибо тамъ близко Гурьевъ-городокъ, въ коемъ еще много хлѣба оставлено и городъ весьма крѣпокъ.

Эти послѣднія слова были поддержаны Шигаевымъ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ,—въ обходъ на Яикъ, чрезъ Сорочинскую крѣпость.

Рѣшаясь двигаться по этому направленію, Пугачевъ послалъ казака за Хлопушей.

— Ты шатался много по степямъ, сказалъ ему самозванецъ,— такъ не знаешь-ли дороги Общимъ Сыртомъ, чтобы пройти на Яикъ.

— Этого тракта я не знаю, отвѣчалъ Хлопуша.

— Тутъ есть хутора Тимоѳѣя Падурова, замѣтилъ Твороговъ,—и онъ долженъ знать дорогу.

Падуровъ не брался однакоже быть провожатымъ по степи въ зимнее время.

— Ты здѣшній житель, говорилъ Пугачевъ, — сыщи ты мнѣ такого вожака, который бы зналъ здѣшнія мѣста.

— Вчера пріѣхалъ оттуда казакъ Репинъ, отвѣчалъ Падуровъ, — и сказывалъ, что тамъ дорога есть.

Репинъ былъ призванъ въ совѣтъ и ему приказано быть колоновожатымъ. Командирамъ полковъ велѣно готовиться къ походу, но собирать къ себѣ только доброконныхъ, а остальнымъ и всѣмъ пѣшимъ разрѣшено идти кто куда хочетъ. Шигаеву поручено раздать вино и деньги, которыхъ было четыре тысячи рублей, все

мѣдною монетой [1]). Лишь только выкатили нѣсколько бочекъ, изъ сорока бывшихъ въ складѣ, какъ народъ съ крикомъ бросился къ нимъ и каждый старался въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться разрѣшеніемъ самозванца. Произошла свалка, шумъ и драка, а между тѣмъ Пугачевъ узналъ, что одинъ изъ ближайшихъ его сообщниковъ, казакъ Григорій Бородинъ, ему измѣнилъ и еще наканунѣ бѣжалъ въ Оренбургъ [2]). Если бы генералъ Рейнсдорпъ, по полученіи извѣстій отъ Бородина, въ ту же ночь сдѣлалъ вылазку, то быть-можетъ сообщники Бородина и выдали бы самозванца; но наутро они были уже безсильны, такъ какъ хорунжій Горловъ успѣлъ донести о совѣтахъ Бородина и объ его бѣгствѣ. Пугачевъ не жалѣлъ ничьей головы для собственной безопасности, и поднимать вопросъ о выдачѣ самозванца было равносильно добровольному пожертвованію жизнію безъ всякой пользы.

Принявъ мѣры противъ заговора и опасаясь, чтобы до времени и другіе не послѣдовали примѣру Бородина, самозванецъ приказалъ разставить къ сторонѣ Оренбурга особые караулы, не пропускать никого и «тутъ, говорилъ Хлопуша, кто вознамѣрился бѣжать, множество (было) переколото».

На улицахъ Берды съ самаго утра видно было небывалое движеніе, укладывались пожитки и награбленное имущество, Шигаевъ раздавалъ мѣдныя деньги, а у бочекъ съ виномъ шумѣла и бушевала пьяная толпа. Опасаясь, что шумъ и крики привлекутъ вниманіе оренбургскаго гарнизона и пьяное сборище можетъ быть застигнуто врасплохъ, Пугачевъ приказалъ яицкимъ казакамъ готовиться скорѣе къ походу, выбивать у бочекъ дно; и вино широкою рѣкой полилось по улицамъ Бердинской слободы.

Взявъ десять пушекъ и не ожидая пока соберется все ополченіе, Пугачевъ съ яицкими казаками и толпой не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ выѣхалъ изъ Берды по дорогѣ на Переволоцкую крѣпость. Въ слободѣ остались пьяные, да тѣ что, потерявъ вѣру

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 г. Показанія Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Государств. Архивъ VI, дд. №№ 467, 505, 506 и 512.

[2]) У Рычкова въ лѣтописи, а съ его словъ и у всѣхъ авторовъ бѣжавшій названъ Логиновымъ, но это невѣрно.

въ самозванца и не зная куда приклонить голову, рѣшились явиться съ повинною. Длинною вереницей тянулись они къ Оренбургу верхами, на саняхъ и на дровняхъ; многіе везли съ собою хлѣбъ и сѣно, но бо́льшая часть шла пѣшкомъ съ женщинами и дѣтьми. Въ этотъ день пришло въ городъ болѣе 800 человѣкъ [1]), а въ послѣдующіе дни число ихъ достигло 4,000 человѣкъ [2]). Всѣхъ прибывшихъ сажали подъ арестъ и допрашивали.

Только послѣ полудня 23 марта Рейнсдорпъ рѣшился отправить въ Берду 8-й легкой полевой команды секундъ-маіора Зубова съ шестьюстами человѣкъ егерей, оренбургскихъ и яицкихъ казаковъ. Отрядъ этотъ выступилъ изъ города въ сопровожденіи огромной толпы жителей всѣхъ состояній, спѣшившихъ воспользоваться запасами продовольствія, собранными самозванцемъ для своей арміи. Занявъ Берду безъ всякаго сопротивленія, Зубовъ захватилъ до 50 артиллерійскихъ орудій со всѣми боевыми припасами и 17 бочекъ мѣдной монеты (всего 1,700 р.), а пришедшіе съ нимъ жители забирали все что попадало подъ руку. «Носился въ городѣ слухъ, пишетъ Рычковъ [3]), что въ Бердѣ городскими людьми учинены великія грабительства и хищенія и яко бы многіе пожитки, въ рукахъ злодѣевъ находившіеся, разными людьми вывезены въ городъ».

Въ бывшемъ станѣ самозванца найдено столько продовольствія, что пятнадцатитысячное населеніе города было обезпечено имъ на десять дней [4]). Припасы прибывали въ городъ ежедневно, и цѣны на всѣ продукты быстро понизились. Пудъ ржаной муки, стоившій 22 и 23 марта 13 р., продавался 24-го числа отъ 80 до 50 коп.; фунтъ печенаго хлѣба вмѣсто 40 коп. по 5 к. и т. д. [5]).

Утромъ 24 марта прибылъ въ Оренбургъ посланный княземъ Голицынымъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Татищевой крѣпостью,

---

[1]) Лѣтопись Рычкова. Соч. Пушкина, изд. 1881. Т. VI. Прил., стр. 394.

[2]) Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 8 апрѣля 1774. Моск. Арх. Гл. Штаба. опись 47, кн. III.

[3]) Лѣтопись Рычкова. Соч. Пушкина, изд. 1881. Т. VI. Прил., стр. 394.

[4]) Всеподданнѣйшее донесеніе Рейнспорпа отъ 8 апрѣля 1774 года. Воен. учен Арх., дѣло № 104 (А), листъ 281.

[5]) *Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова.* Соч. академика П. Пекарскаго, изд. 1867, стр. 176—177.

а вслѣдъ затѣмъ привезли одного изъ главныхъ пособниковъ Пугачева, ссыльно-каторжнаго Хлопушу [1]). Городское населеніе собралось въ соборъ для слушанія благодарственнаго молебствія объ освобожденіи города отъ осады. «La victoire, писалъ Рейнсдорпъ князю Голицыну [2]), que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse, retentit d'allégresse et les habitants font des voeux pour la prospérité de leur illustre libérateur».

Называя князя Голицина избвителемъ Оренбурга, генералъ Рейнсдорпъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не приписать и себѣ нѣкоторой заслуги. Онъ писалъ въ томъ же письмѣ, что Пугачевъ «чрезъ высланную отъ меня команду *будучи приведенъ въ крайнее замышательство* (?), единственно съ вѣрными ему, забравъ лучшее имущество и десять пушекъ, бѣжалъ черезъ Общій Сыртъ, повидимому, на Переволоцкую крѣпость».

Мы знаемъ когда бѣжалъ Пугачевъ и когда прибылъ въ Берду посланный Рейнсдорпомъ отрядъ секундъ-маіора Зубова, и потому не можемъ согласиться съ послѣдними словами оренбургскаго губернатора. Тѣмъ не менѣе, вспоминая все происходившее подъ Оренбургомъ, мы должны сказать, что со стороны Рейнсдорпа нужно было много энергіи, чтобъ удержать въ порядкѣ полуголодное населеніе, страдавшее цынготною и другими болѣзнями и неви-

[1]) Вотъ какъ Хлопуша разсказывалъ о своемъ плѣненіи: Передъ отъѣздомъ изъ Берды Хлопуша просилъ у Пугачева позволенія проводить свою жену и сына въ Сакмару, на что и получилъ разрѣшеніе самозванца. Когда же Хлопуша съ женою и сыномъ пріѣхалъ въ Каргалу и хотѣлъ спросить полковника Мусу Улѣева, поѣдетъ ли за Пугачевымъ, на то Муса сказалъ: «видишь, братъ, дѣло наше худо, и ты собирайся куда глаза глядятъ, а я своего полка не пустилъ ни одного татарина, и всѣ они дома». А какъ свѣдалъ старшина каргалинскій, что тутъ находится Хлопуша, то тотчасъ взялъ его съ женою и сыномъ подъ караулъ: его отправили въ Оренбургъ, а жену съ сыномъ оставили въ Каргалѣ (Гос. Арх. VI, дѣло № 467). По сентенціи секретной коммиссіи, повелѣно было отсѣчь Хлопушѣ голову и для вѣчнаго зрѣлія посадить на колъ, а тѣло предать землѣ.

[2]) Въ письмѣ отъ 24 марта. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VII. См. также соч. Пушкина, изд. 1881. Т. VI, стр. 133: «Побѣда, которую ваше сіятельство одержали надъ мятежниками, возвратила жизнь обитателямъ Оренбурга. Блокированный въ теченіе шести мѣсяцевъ, городъ этотъ былъ обреченъ на ужасный голодъ, а теперь оглашается радостью и жители шлютъ пожеланія благоденствія своему знаменитому освободителю».

дѣвшее конца своимъ бѣдствіямъ. Заслуга эта была велика, и Рейнсдорпъ былъ щедро награжденъ императрицей. «Желая всегда отличать, писала она [1]), и награждать важныя государству и намъ оказанныя услуги, по случаю усерднаго, ревностнаго и твердаго вашего поведенія, во время несчастнаго притѣсненія города Оренбурга клятвопреступниками, ворами и разбойниками, въ знакъ нашего удовольствія посылаемъ къ вамъ знаки нашего ордена св. Александра Невскаго, повелѣваемъ вамъ оные на себя возложить и носить. Къ сему еще присовокупляемъ *пятнадцать тысячъ рублей* на покупку лентъ и звѣздъ, изъ принадлежащихъ нашей статсъ-конторѣ доходовъ». Всѣ жители Оренбурга были уволены на два года отъ подушнаго сбора и въ пользу города оставлена на одинъ годъ вся прибыль отъ откупа [2]).

Такъ кончилась шестимѣсячная осада города Оренбурга: мятежники были разсѣяны, многія тысячи ихъ содержались арестованными, но прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ Рейнсдорпъ и князь Голицынъ узнали, куда скрылся Пугачевъ послѣ бѣгства изъ Берды.

На другой день послѣ сраженія подъ Татищевой князь Голицынъ узналъ, что Пугачевъ ушелъ въ Берду, а вслѣдъ затѣмъ получилъ извѣстіе, что онъ двигается къ Переволоцкой крѣпости, съ намѣреніемъ пробраться на Яикъ. Желая преградить ему путь въ этомъ направленіи, князь Голицынъ приказалъ подполковнику Бедрягѣ, съ двумя баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами гусаръ и карабинеровъ и десятью орудіями, занять Переволоцкую крѣпость и выслать разъѣзды къ Ново-Сергіевской. Черезъ эту послѣднюю проходили дороги изъ Яицкаго и Илецкаго городковъ, и потому прочное занятіе этой крѣпости имѣло весьма важное значеніе. «Пылая усердіемъ и ревностью къ службѣ и не смотря на свои лѣта и слабость здоровья», подполковникъ Милковичъ, по собственному почину, выступилъ изъ Сорочинска, съ 240 человѣками пѣ-

---

[1]) Въ рескриптѣ Рейнсдорпу. Арх. Сената, копіи съ Высочайшихъ повелѣній, кн. 207.

[2]) Высочайшій указъ, отъ 1 мая 1774 года. Онъ напечатанъ у Пушкина. Т. VI, стр. 194 (Приложеніе).

хоты и шестью орудіями, и въ шестомъ часу вечера 26 марта занялъ Ново-Сергіевскую крѣпость [1]).

Обезпечивъ себя въ этомъ отношеніи, князь Голицынъ просилъ генералъ-поручика Рейнсдорпа наблюдать за всѣмъ теченіемъ Яика и занять войсками слободы: Бердинскую, Каргалинскую и Сакмарскій городокъ [2]). Оренбургскій губернаторъ поручилъ коменданту, генералъ-маіору Валленштерну, осмотрѣть окрестности города, разослалъ повсюду гонцовъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и освобожденіи Оренбурга, сдѣлалъ распоряженіе о возстановленіи почтъ, но ни Каргалы, ни Сакмары не занялъ солидными отрядами, а ограничился выставкой предъ ними однихъ наблюдательныхъ постовъ. Сакмарскъ онъ занялъ 50 казаками, подъ начальствомъ атамана Донскаго; Каргалу оставилъ вовсе безъ наблюденія, а для полученія свѣдѣній о мятежникахъ командировалъ нѣсколько казаковъ и каргалинскихъ татаръ на губернаторскій хуторъ (отъ города только 12 верстъ) для примѣчанія на тамошнихъ высокихъ мѣстахъ [3]). Даже Берда не была занята войсками, а ежедневно посылались туда очень небольшія команды за провіантомъ, которыя приходили и уходили, оставляя слободу безъ всякой защиты. Подъ впечатлѣніемъ неудачъ во время осады, Рейнсдорпъ весьма долгое время оставался въ пассивномъ положеніи и опасался взять на себя иниціативу дѣйствій. Посты, выставленные имъ въ тѣхъ пунктахъ, о занятіи которыхъ просилъ князь Голицынъ, были такъ слабы, что не могли задержать самозванца, и онъ успѣлъ воспользоваться оплошностію оренбургскаго губернатора.

Отойдя верстъ сорокъ отъ Берды, Пугачевъ, въ ночь на 24 марта, остановился на хуторѣ Репина, а на слѣдующее утро двинулся на хуторъ Углицкаго, подходя къ коему встрѣтилъ человѣкъ тридцать лыжниковъ, высланныхъ подполковникомъ Бедрягою для развѣдыванія о непріятелѣ. Появленіе ихъ испугало самозванца.

---

[1]) Рапортъ подполковника Милковича А. И. Бибикову 27 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

[2]) Рапортъ кн. Голицына Бибикову отъ 29 марта. Тамъ же, кн. VIII.

[3]) Лѣтопись Рычкова. См. соч. Пушкина, изданія 1881 года, стр. 397 (Приложеніе).

— Нѣтъ, дѣтушки, сказалъ онъ, — нельзя намъ тутъ прорваться; видно и тутъ много войска; опасно, чтобы не пропасть намъ всѣмъ.

Повернувъ назадъ, Пугачевъ пошелъ такъ быстро, что бросилъ на дорогѣ три пушки, и видя пасмурныя лица своихъ спутниковъ, старался ихъ утѣшить.

— Когда намъ въ здѣшнемъ краю не удастся, говорилъ онъ,— то мы пойдемъ прямо въ Петербургъ, и я надѣюсь, что Павелъ Петровичъ насъ встрѣтитъ.

Къ вечеру 24 марта самозванецъ и его толпа пришли обратно на хуторъ Репина: дѣла ихъ въ это время были очень плохи. «Остановившись между горъ и въ снѣжныхъ мѣстахъ», какъ доносилъ подполковникъ Милковичъ, и имѣя съ собою весьма малые запасы продовольствія, Пугачевъ и его сообщники были обложены лыжниками подполковника Бедряги, за которыми въ крѣпостяхъ Татищевой, Переволоцкой и Ново-Сергіевской находились болѣе или менѣе значительные отряды. Если бы генералъ Рейнсдорпъ занялъ Каргалу и Сакмарскъ, то Пугачевъ былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ и прорваться сквозь такое обложеніе ему было бы трудно. Естественный вопросъ: что̀ дѣлать? былъ на устахъ каждаго изъ бѣглецовъ.

— Теперь куда пойдемъ? спрашивалъ Пугачевъ Шигаева и другихъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ.

— Пойдемъ въ Каргалу, отвѣчали они, — а изъ Каргалы въ Сакмару.

— Ну, хорошо, а изъ Сакмары-то куда?

— Пойдемъ на Яикъ, а съ Яика на Гурьевъ-городокъ и тамъ возьмемъ провіанта.

— Да можно ли отсидѣться въ Гурьевѣ, когда придутъ войска?

— Отсидѣться долго нельзя, отвѣчали сообщники.

— Мы изъ Гурьева-городка пойдемъ къ Золотой-мечети, говорилъ казакъ Яковъ Антиповъ.

— Кто же насъ туда проведетъ? спрашивалъ Пугачевъ.

— У насъ есть такой человѣкъ, отвѣчалъ Антиповъ,—который тамъ бывалъ.

— Я бы васъ провелъ на Кубань, замѣтилъ самозванецъ, —

да теперь какъ пройдешь? Крѣпости, мимо коихъ идти надобно, заняты, въ стени снѣга, то какъ пройти!

Всѣ эти совѣщанія ясно свидѣтельствуютъ, что ни Пугачевъ, ни его сообщники не знали, на что рѣшиться и не имѣли никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Присутствовавшій на совѣщаніи башкирскій главный атаманъ Кинзя рѣшился вмѣшаться въ разговоръ. Не говоря по-русски, онъ просилъ татарина, яицкаго казака Идорку, быть переводчикомъ.

— Куда вы, государь, насъ теперь ведете и что намѣрены предпринять? спрашивалъ Кинзя Пугачева. — Для чего вы не спрашиваете у насъ совѣта?

— Я намѣренъ, отвѣчалъ самозванецъ,—идти теперь въ Каргалу или въ Сакмарскій городокъ, пробыть тамъ до весны, а какъ хорошее время наступитъ, то пойду на Воскресенскіе Твердышева заводы.

— Если вы туда придете, замѣтилъ Кинзя, — такъ я вамъ тамъ чрезъ десять дней хоть десять тысячъ своихъ башкирцевъ поставлю.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ.

Итакъ, рѣшено было идти сначала на Каргалу, а потомъ въ Сакмару [1]). Пугачевъ отправилъ воззваніе къ башкирцамъ и письмо къ князю Голицыну, въ которомъ просилъ его подумать, съ кѣмъ воюетъ, напоминалъ ему отца и дѣда, вѣрно служившихъ его мнимымъ предкамъ. Не ожидая, конечно, отвѣта на это письмо и посылая его только для ободренія своихъ сообщниковъ и бо̀льшаго ихъ убѣжденія въ томъ, что онъ истинный царь, Пугачевъ пошелъ обратно въ Каргалу и 26 марта занялъ ее безъ сопротивленія и совершенно неожиданно. Передовые изъ шайки самозванца вступили въ слободу въ то время, когда тамъ находился братъ атамана Донскаго, высланный изъ Сакмарска всего съ однимъ казакомъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Пугачевцы захватили и ранили этого казака, а братъ Донскаго, повязавъ себѣ

---

[1]) Показанія: Пугачева 4 ноября 1774 года, Максима Шигаева 4 іюня, Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, дд. №№ 506 и 512.

лицо платкомъ, чтобъ его не узнали, успѣлъ уѣхать и дать знать о случившемся въ Сакмарскій городокъ [1]).

Всѣ сообщники самозванца, связанные каргалинскими старшинами и разсаженные по погребамъ, были выпущены. Старшины, которые ихъ сажали, были переколоты и бо́льшая часть слободы, преимущественно дома старшинъ, выжжена. Пробывъ въ Каргалѣ около часа и оставивъ здѣсь Тимоѳѣя Мясникова съ 500 человѣкъ, Пугачевъ пошелъ въ Сакмарскій городокъ и занялъ его. Узнавъ отъ брата о появленіи мятежниковъ въ Каргалѣ и не говоря объ этомъ своей командѣ, атаманъ Донской объявилъ, что ѣдетъ на встрѣчу князю Голицыну и поскакалъ на Чернорѣченскую крѣпость, а оттуда по Яику въ Оренбургъ [2]). Пугачевъ повѣсилъ отца атамана и присоединилъ къ себѣ человѣкъ сто сакмарскихъ казаковъ, бывшихъ прежде въ его толпѣ и непослѣдовавшихъ за нимъ при уходѣ его изъ Берды.

Недостатокъ въ продовольствіи заставилъ Пугачева еще при выступленіи изъ Каргалы отправить Творогова въ Берду за провіантомъ. Имѣя съ собою отъ 800 до 1,000 человѣкъ, Твороговъ налетѣлъ на слободу, захватилъ тамъ команду, высланную изъ Оренбурга, разграбилъ многіе дома и съ плѣнными возвратился къ самозванцу съ извѣстіемъ, что въ Берду вступаютъ правительственныя войска. То не были войска, высланныя Рейнсдорпомъ изъ Оренбурга [3]), а авангардъ изъ отряда князя Голицына, единственно опаснаго для Пугачева.

Какъ только въ Татищевой было получено точное извѣстіе, что самозванецъ отказался отъ намѣренія пробраться въ Переволоцкую крѣпость и повернулъ на Каргалу, князь Голицынъ отправилъ для его преслѣдованія полковника Хорвата съ двумя баталіонами пѣхоты, четырьмя эскадронами кавалеріи и съ соотвѣт-

[1]) Лѣтопись Рычкова. См. соч. Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, стр. 399 (Приложеніе).

[2]) Лѣтопись Рычкова. См. соч. Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, стр. 399 (Приложеніе).

[3]) Разграбленіе Берды и непринятіе мѣръ къ ея защитѣ заставили Рейнсдорпа прибѣгнуть ко лжи. Въ своемъ приказѣ онъ писалъ, что будто мятежники прокрались въ Берду во время тумана нечаянно. Но Рычковъ съ ироніей записалъ въ своемъ журналѣ: «могло статься, что въ оной слободѣ былъ туманъ, но въ городѣ во весь сей день никакого тумана не было».

ственнымъ числомъ орудій. Начальникъ отряда писалъ стоявшему въ Орской крѣпости генералъ-маіору Станиславскому, чтобъ онъ наблюдалъ за движеніемъ мятежниковъ и разослалъ объявленія и приказанія ловить самозванца. Выступая самъ изъ Татищевой, князь Голицынъ оставилъ въ крѣпости генералъ-маіора Мансурова съ тремя баталіонами пѣхоты, пятью эскадронами кавалеріи и достаточнымъ числомъ артиллеріи. Онъ предписалъ ему «имѣть примѣчанія въ здѣшней окружности, чтобы злодѣй не могъ пробраться къ Яику, потомъ слѣдовать на тѣхъ, которые остаются въ Илецкой крѣпости, занять гарнизономъ Татищеву крѣпость, и если зимній путь допуститъ, то идти и до самаго Яику» [1]).

30 марта, сдѣлавъ форсированный переходъ, князь Голицынъ пришелъ въ Чернорѣченскую крѣпость, гдѣ получилъ рапортъ полковника Хорвата, доносившаго, что онъ занялъ Бердинскую слободу, но двигаться далѣе не можетъ въ виду значительнаго скопленія мятежниковъ въ Каргалѣ и Сакмарскомъ-городкѣ. Онъ писалъ, что въ послѣдніе дни положеніе Пугачева измѣнилось, что къ нему на помощь прибыли двѣ тысячи башкирцевъ и присоединилось много «отчаянной сволочи», такъ что теперь силы самозванца достигли отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ. Хорватъ доносилъ, что самозванецъ успѣлъ собрать достаточное количество провіанта и фуража и, засѣвъ въ Сакмарскѣ, намѣренъ защищаться [2]).

Торопясь атаковать мятежниковъ и не дать имъ времени устроиться, князь Голицынъ 31 марта перешелъ въ Берду и въ тотъ же день, съ небольшимъ конвоемъ и свитой [3]), поѣхалъ въ Оренбургъ на свиданіе съ генераломъ Рейнсдорпомъ. Онъ былъ принятъ населеніемъ съ восторгомъ «при общемъ восклицаніи всѣхъ городскихъ жителей».

«Не могу довольно изъяснить, писалъ князь Голицынъ А. И. Бибикову, сколько городъ Оренбургъ радостно восхищенъ и при-

---

[1]) Рапортъ князя Голицына Бибикову 29 марта 1774 года, № 563. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Рапортъ князя Голицына Бибикову, отъ 3 апрѣля, № 582. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII. См. также лѣтопись Рычкова, Соч. Пушкина, т. VI, стр. 414 (Приложеніе).

[3]) Тоже.

носитъ Всевышнему молитвы за здравіе ея величества, что материнмъ ея попеченіемъ избавлены отъ рукъ варварскихъ. Пропитаніе и послѣднее не оставалось, всѣ способы истощены были, голодъ обиталъ въ первомъ градусѣ и надежда потеряна. Таперича изобиліе открывается со всѣхъ сторонъ: изъ сорочинскаго магазина 2,000 пудовъ близко сюда слѣдуютъ, изъ Каргалы отъ меня приказано муки тысячу четвертей изъ отбитаго у злодѣевъ хлѣба отослать скуднымъ обитателямъ сего города, скота также приказано нагнать изъ ближнихъ деревень башкирскихъ».

Пробывъ въ городѣ недолго, князь Голицынъ успѣлъ взять у губернатора нѣсколько пѣхоты, эскадронъ легкихъ драгунъ и до 300 яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ, которые хотя и не имѣли лошадей, «но я, доносилъ князь Голицынъ, нашелъ способы изыскать ввѣреннаго мнѣ корпуса у гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, усердствуя къ службѣ всемилостивѣйшей государыни, съ крайнею ревностью отдали послѣднихъ своихъ лошадей на истребленіе злодѣевъ».

Въ 2 часа утра, 1 апрѣля, князь Голицынъ выступилъ съ отрядомъ изъ Берды [1]) и шелъ по тремъ дорогамъ, имѣя въ авангардѣ полковника Ю. Бибикова. По извѣстіямъ, въ Каргалѣ было мятежниковъ немного, но когда отрядъ сталъ подходить къ слободѣ, то узнали, что на помощь имъ прибылъ Пугачевъ съ двумя-третями своей толпы, бывшей въ Сакмарскомъ-городкѣ.

Находясь въ Губерлинскихъ горахъ, среди мѣстности, изрытой рвами и дефилеями, Каргала и ея окрестности представляли множество мѣстъ, удобныхъ для защиты и невыгодныхъ для наступленія. Воспользовавшись силой своей позиціи, мятежники приготовились къ оборонѣ и на дорогѣ «самонужной» и единственно возможной для атаки выставили батарею изъ семи орудій. Огнемъ этихъ орудій пугачевцы пытались остановить наступавшіе въ головѣ отряда: сводный баталіонъ капитанъ-поручика Толстаго и ба-

[1]) Г. Анучинъ говоритъ, что князь Голицынъ выступилъ изъ Берды 2 апрѣля (см. *Русскій Вѣстникъ* 1872 г., № 8, стр. 510), но это невѣрно. Въ своемъ рапортѣ (отъ 3 апрѣля, № 582) князь Голицынъ писалъ: «Итакъ, корпусъ могъ выступить изъ Берды 1 апрѣля, пополуночи въ 2 часа».

таліонъ, составленный изъ легкихъ полевыхъ командъ подполковника Аршеневскаго. Энергическая атака этихъ баталіоновъ скоро заставила мятежниковъ отступить, и они, выходя изъ слободы, стали спускаться къ рѣкѣ Сакмарѣ. Замѣтивъ это, князь Голицынъ тотчасъ же отправилъ полковника Хорвата съ тремя эскадронами Изюмскихъ гусаръ и однимъ карабинеровъ Архангелогородскаго полка, приказавъ ему отрѣзать путь отступленія на Сакмару; но мятежники упорно отстаивали свои позиціи, силы ихъ были весьма значительны, и Хорвату не удалось исполнить даннаго ему порученія.

Вытѣсненные изъ Каргалы баталіонами Толстаго и Аршеневскаго, сообщники самозванца отступили три версты и заняли пильную мельницу, находившуюся на берегу рѣки Сакмары, между Каргалой и Сакмарскимъ-городкомъ. Тогда князь Голицынъ приказалъ полковнику Бибикову занять высоту, лежавшую лѣвѣе дороги, гдѣ и были выставлены подоспѣвшія орудія, шедшія въ хвостѣ колонны. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ мятежники обратились «въ наглый бѣгъ» и были преслѣдованы полковникомъ Хорватомъ на протяженіи восьми верстъ. Пугачевъ хотѣлъ удержаться въ Сакмарскѣ, но гусары столь стремительно преслѣдовали бѣгущихъ, что на ихъ плечахъ ворвались въ городъ. «Самозванецъ, доносилъ князь Голицынъ [1]), какъ всегда имѣлъ готовыхъ лошадей къ побѣгу, подхватя четырехъ заводныхъ, бѣжалъ по дорогѣ на Пречистенскую крѣпость. Полковникъ Хорватъ не упустилъ его догонять столько, сколько дозволили силы усталыхъ лошадей, но не могъ достичь». Толпа Пугачева была окончательно разбита и разсѣяна; мятежники бѣжали въ разныя стороны; «всякій старался какъ бы поскорѣе уйти, говорилъ Максимъ Шигаевъ, отчего и стѣснились такъ, что другъ на друга давили»; многіе прятались по разнымъ мѣстамъ, были отыскиваемы войсками и забираемы въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ были и главнѣйшіе пособники самозванца: Максимъ Шигаевъ, Иванъ Почиталинъ — секретарь Пугачева, Максимъ Горшковъ — привилегированный его

[1]) Въ рапортѣ Бибикову, отъ 3 апрѣля 1774 года, № 582. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

писарь, Тимоѳѣй Падуровъ, солдатъ Жилкинъ и многіе другіе [1]). Все число плѣнныхъ простиралось до 2,813 человѣкъ, убито было 400 человѣкъ, въ числѣ коихъ, надо полагать, былъ и пропавшій безъ вѣсти предсѣдатель пугачевской коллегіи, старикъ Андрей Витошновъ. Въ Сакмарскѣ захвачено девять пушекъ, одно знамя Симбирскаго баталіона, отбитое у полковника Чернышева, нѣсколько значковъ, весь обозъ, провіантъ и фуражъ. Вся потеря въ отрядѣ князя Голицына не превышала восьми раненыхъ кавалеристовъ.

Съ толпой не болѣе какъ въ пятьсотъ человѣкъ [2]) Пугачевъ бѣжалъ «не кормя, во всю прыть, до Тимашевой слободы. По пріѣздѣ въ ту слободу, только-что накормили лошадей, то поскакали опять и пріѣхавъ въ Тагилу ночевали». Только теперь опомнился самозванецъ и сталъ считать, кто изъ главнѣйшихъ его приближенныхъ съ нимъ остался и кто отъ него отсталъ. Недосчитавшись многихъ, онъ рѣшился до времени скрываться въ Башкиріи и отправился въ домъ башкирскаго старшины Кинзи [3]).

Надежда пробраться въ Яицкій-городокъ была навсегда покинута, такъ какъ на освобожденіе его шелъ уже отрядъ генерала Мансурова.

---

[1]) Показанія Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, дд. №№ 505 и 506. Разсказъ объ этомъ сраженіи, помѣщенный въ запискахъ Пекарскаго (*Москвитянинъ* 1841 г., часть III), не вполнѣ вѣренъ.

[2]) По показанію Пугачева, у него въ это время было: сто человѣкъ яицкихъ и илецкихъ казаковъ, сто человѣкъ заводскихъ мужиковъ и триста человѣкъ татаръ и башкирцевъ (Показаніе 4 ноября. Госуд. Арх., VI, д. № 512).

[3]) Рапортъ подполковника Милковича Бибикову, отъ 6 апрѣля 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

*

XXI.

Положеніе отряда полковника Симонова въ Яицкомъ-городкѣ. — Переговоры казаковъ съ гарнизономъ ретраншемента. — Письмо Симонова атаману Каргину и отвѣтъ на него. — Тяжелое положеніе гарнизона. — Прибытіе отряда генерала Мансурова. — Освобожденіе защитниковъ отъ осады. — Кончина А. И. Бибикова. — Возвышеніе Г. А. Потемкина.

Послѣ переговоровъ капитана Крылова съ Аѳанасіемъ Перфильевымъ, [1]) въ Яицкомъ-городкѣ не происходило ничего особеннаго. Обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ, сидя за укрѣпленіями. 9-го марта, полковникъ Симоновъ произвелъ вылазку, но она не увѣнчалась успѣхомъ и онъ снова и на долгое время заперся въ ретраншементѣ.

Ободренные этою неудачею казаки старались, при помощи убѣжденій, склонить гарнизонъ къ сдачѣ, и 14 марта надъ ретраншементомъ поднялся бумажный змѣй, къ хвосту котораго былъ привязанъ конвертъ. Какъ только онъ достигъ извѣстной высоты, нитка была обрѣзана и змѣй упалъ внутрь укрѣпленія. Въ доставленномъ такимъ способомъ письмѣ казаки, отъ имени Пугачева, просили полковника Симонова и его команду удержаться отъ вылазокъ на будущее время, не производить напраснаго кровопролитія и лучше покориться, обѣщая въ противномъ случаѣ *звѣрояростною местью*» [2]). Хотя въ отвѣтъ на это въ собравшуюся толпу и было пущено нѣсколько гранатъ, но положеніе Симонова и его гарнизона въ это время было очень трудное: продовольствія оставалось не болѣе какъ на десять дней и по необходимости пришлось уменьшить его выдачу. Солдатамъ выдавали по четверти фунта муки при изнурительной работѣ. Половина людей была всегда въ ружьѣ, а другой позволялось дремать сидя; «холодъ и голодъ, говоритъ участникъ [3]), приводилъ насъ въ отчаяніе, которое съ каждымъ днемъ умножалось». Слухъ, что казаки роютъ

---

[1]) См. главу XV стр. 285.

[2]) Рапортъ полковника Симонова военной коллегіи 19 мая 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

[3]) Отечественныя записки, 1824 г., т. XIX.

повый подкопъ подъ комендантскій домъ, крайне безпокоилъ осажденныхъ и гарнизону, при ограниченности пищи, приходилось еще усиленно трудиться надъ рытьемъ рва вокругъ дома, чтобы открыть направленіе непріятельскихъ подземныхъ работъ. О вылазкахъ и вообще объ успѣхѣ наступательныхъ дѣйствій нечего было и думать, такъ какъ казаки усилили свои завалы прибавкою нѣсколькихъ орудій и зорко слѣдили за осажденными.

Сознавая, что въ самое непродолжительное время гарнизонъ будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе, по недостатку продовольствія и истощенію силъ, Симоновъ отправилъ увѣщаніе къ атаману Каргину, въ которомъ требовалъ покорности и прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Каргинъ призвалъ старшинъ и приказалъ писарю Петру Живетину прочитать имъ письмо, полученное отъ Симонова. Старшины рѣшили отправить отвѣтъ, составленіе котораго и возложено было на Живетина. Послѣдній, возвратившись въ канцелярію, совѣтовался съ казакомъ Иваномъ Карчагинымъ, «какими бы словами отвѣчать» Симонову, но въ это время подошелъ къ нимъ бѣглый съ Иргиза раскольничій старецъ Гурій, жившій изъ милости и подаяніями отъ двора мнимой царицы Устиньи.

— Я вамъ напишу, сказалъ Гурій; я знаю тѣ обстоятельства, по какимъ государь лишенъ престола.

Живетинъ и Карчагинъ согласились, но когда Гурій написалъ, то они нашли, что въ письмѣ включены непристойныя слова относительно государыни и потому не рѣшились нести его къ Каргину. Придумывая какъ бы исправить письмо и выдти изъ затруднительнаго положенія, они вспомнили, что въ канцеляріи содержится арестантъ, бѣглый солдатъ Иванъ Мамаевъ, который говорилъ, что онъ служилъ прежде подъячимъ, и слѣдовательно долженъ быть человѣкъ бойкій по письменной части. Живетинъ и Карчагинъ обратились къ Мамаеву съ просьбой прочитать письмо, и если нужно, то исправить. Всѣ совѣщавшіеся единогласно рѣшили, что «не должно священную особу государыни такъ поносить, что это не только дурно, но и противно Богу». Непристойныя выраженія Гурія были замѣнены Мамаевымъ новыми, и затѣмъ исправ-

ленное письмо было переписано Живетинымъ и представлено атаману Каргину [1]).

«Всѣмъ уже не безъизвѣстно, сказано было въ этомъ письмѣ, на какихъ основаніяхъ россійское государство лишилось всемилостивѣйшаго своего монарха отъ злодѣевъ нашего вселюбезнаго отечества. Его императорское величество изволилъ всему яицкому войску изъяснить, что въ бытность-де мою въ Раибовѣ (Ораніенбаумѣ), согласясь ваши *нѣкоторые, забывъ страхъ и законъ Божій* [2]), съ Орловымъ бѣжали въ Петербургъ, объявили ложныя клеветы всей гвардіи на лицо его императорскаго величества. Итакъ, чрезвычайно, изыскался злодѣй Измайловскаго полка маіоръ Николай Рославлевъ и обольстя весь Измайловскій полкъ, привелъ къ присягѣ и весь Петербургъ возмутили, объявляя и взблевая на дражайшаго своего монарха различныя б.....и, съ которымъ случаемъ, такимъ же образомъ всю армію обманули, а отъ государя въ Кронштадтѣ ворота затворили, и, вооружась злодѣйски, въ помянутый Кронштадтъ не впустили.

«Итакъ, всепресвѣтлѣйшій государь Петръ Ѳедоровичъ, умиленно лишась своего престола, и донынѣ, подражая дѣду своему Петру Великому, всякіе способы излюбопытствовалъ. А что вы къ намъ пишете, что якобы вамъ закона христіанскаго быть преступниками и своей присяги нарушителями, что оставить свою государыню, на то вамъ и мы отвѣтствуемъ: разумѣйте же безумнія въ людяхъ и буди нѣкогда умудритеся. Егда всепресвѣтлѣйшая наша государыня императрица Елисавета Петровна отъиде на вѣчное блаженство, всему нашему государству извѣстно, что соизволила скиптръ россійскаго государства вручить природному наслѣднику, великому нашему государю императору Петру Ѳедоровичу и все государство наслѣдному своему монарху присягало. И вы не причастны-ли были той же присягѣ? и равнымъ образомъ той же казни Божіей будете достойны, яко отступники и нарушители христіанскаго закона, что изгнаша своего государя

---

[1]) Показанія атамана Каргина, писаря Петра Живетина, Ивана Карчагина и Ивана Мамаева. Госуд. Арх. VI, д. № 460.

[2]) Курсивомъ набраны, слова написаныя Мамаевымъ, вмѣсто неприличныхъ словъ Гурія.

и *вмѣсто закона принявъ на себя ни есть какое беззаконіе* [1]).

«Развѣ вамъ дивно, что его же хощетъ Богъ, того и избираетъ на царство, какъ и въ древнихъ родѣхъ учиняемо было, что помазаннаго на царство пророкомъ израильскаго царя Саула, всемогущій Господь съ престола извергъ и вмѣсто (него) поятъ Давида, раба своего. Не избѣжите за сіе страшнаго Божія суда и нашего великаго государя смертоноснаго меча.

«Да полноте насъ стращать и угрожывать! Когда у вашихъ солдатъ руки долги и шеи не коротки, такъ въ томъ кому Господь да поможетъ. Мы же страстей вашихъ очень не опасны, а во всемъ уповаемъ на волю сотворившаго насъ Господа. Ежели хотите вы идти противъ насъ, то мы давно милости просимъ, а по вашему предложенію быть ничего въ удовольствіе вамъ не можетъ и переписокъ никакихъ больше принимать черезъ посланныхъ отъ васъ не хотимъ. А отъ государя нашего прислано полное наставленіе, чтобъ съ вами поступать сперва сердечно, по-христіански. А видно вы не хотите совсѣмъ его величеству служить и повиноваться, такъ и полно вами болѣе дорожить».

Письмо это атаманъ Каргинъ приказалъ прочитать при собраніи старшинъ и сотниковъ, а затѣмъ поручилъ Живетину подписать его и отправить къ полковнику Симонову. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки уговаривали гарнизонъ сдаться; кричали, что всѣ посланныя противъ самозванца правительственныя войска разбиты, Уфа, Казань и Самара взяты, а Оренбургъ находится въ крайности. Пользуясь тѣмъ, что многія жены солдатъ находились въ городкѣ, казаки уговаривали ихъ склонить своихъ мужей посадить коменданта и офицеровъ въ воду и выходить потомъ изъ крѣпости [2]). Съ такою же цѣлью подсылались въ ретраншементъ бѣглые солдаты, погонщики и даже казаки. Всѣ эти убѣжденія хотя и оставались безъ послѣдствій, но полковнику Симонову надо было имѣть много энергіи и употребить много усилій, чтобы удержать гарнизонъ въ полномъ повиновеніи.

---

[1]) Курсивомъ набрано написаное Иваномъ Мамаевымъ, вмѣсто неприличныхъ словъ Гурія.

[2]) Отечественныя записки, 1824 г., ч. XIX.

13-го апрѣля обороняющійся съѣлъ послѣдніе свои запасы и находился въ полномъ изнеможеніи. Солдаты глодали кости палыхъ лошадей, оставленныя собаками, и употребляли въ пищу мясо лошадей, околѣвшихъ отъ сапа. Когда и этотъ нѣточникъ изсякъ, то стали варить изъ глины подобіе киселя и его ѣли. О близкой помощи не было никакихъ извѣстій и освобожденіе осажденныхъ извнѣ считалось дѣломъ невозможнымъ. Одно убѣжденіе въ томъ, что отъ мятежниковъ нельзя ожидать пощады и что во всякомъ случаѣ приходилось умирать, заставляло защитниковъ ретраншемента предпочесть смерть съ честью, нежели съ измѣною присягѣ.

Между тѣмъ, утромъ 14-го апрѣля караульные, наблюдавшіе съ церкви за всѣмъ, что происходило въ Яицкомъ-городкѣ, дали знать, что среди жителей замѣтно сильное движеніе, что большія толпы казаковъ выходятъ изъ городка, провожаемые женщинами. Это извѣстіе ободрило гарнизонъ и укрѣпило его силы такъ, «какъ будто мы съѣли по куску хлѣба», говоритъ современникъ и участникъ. Очевидно, что одно приближеніе отряда могло вызвать движеніе казаковъ, желавшихъ его встрѣтить впереди городка и не допустить до разоренія своихъ домовъ.

Такъ оно и было.

Узнавъ о приближеніи отряда генералъ-маіора Мансурова, атаманъ Овчинниковъ собралъ человѣкъ 500 казаковъ съ тремя пушками, и вышелъ съ ними изъ городка съ намѣреніемъ остановить Мансурова [1])

Выступивъ двумя отрядами: изъ Татищевой и Новосергіевской крѣпостей и двигаясь внизъ по Яицкой линіи, генералъ-маіоръ Мансуровъ, 6-го и 7-го апрѣля, занялъ безъ сопротивленія крѣпости: Озерную, Разсыпную и Илецкій городокъ, въ которомъ захватилъ 14 пушекъ. Бывшая здѣсь толпа мятежниковъ разсыпалась въ разныя стороны, а предводитель ея, атаманъ Чулошниковъ, съ нѣсколькими приближенными ускакалъ въ Яицкій-городокъ съ донесеніемъ о приближеніи отряда. Слѣдуя далѣе и под-

[1]) Показаніе Никиты Каргина 14 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 467 (13).

ходя къ Иртецкому форпосту, находившемуся въ 98 верстахъ отъ Яицкаго-городка, Мансуровъ встрѣтилъ толпу въ 200 человѣкъ, состоявшую преимущественно изъ яицкихъ казаковъ. Послѣ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ казаки разсѣялись въ разныя стороны и были преслѣдуемы кавалеріею на протяженіи 28 верстъ. «Я теперь нахожусь въ Иртецкомъ форпостѣ, доносилъ Мансуровъ 12 апрѣля [1]), и принужденъ здѣсь завтра имѣть роздыхъ, потому что весь транспортъ мой, будучи на саняхъ, сталъ; здѣсь снѣгъ весь пропалъ и на саняхъ путь продолжать никакъ не можно. Хотя я и послалъ въ Илекъ, чтобы достать тамъ телѣгъ, но въ томъ мѣстѣ столько отыскать невозможно. Ваше сіятельство прошу въ томъ мнѣ приказать помочь и хотя бы кулей до 500 муки, съ пропорціею крупъ, приказать отправить изъ Сорочинской въ слѣдъ за мною, а изъ Самары, за вскрытіемъ рѣкъ, теперь доставить туда пропитаніе способу нѣтъ».

Не ожидая сформированія колеснаго транспорта, Мансуровъ двинулся далѣе, и 15-го апрѣля у тѣснаго прохода на р. Быковкѣ, между Гевварцевскимъ и Рубежнымъ форпостами, встрѣтилъ Овчинникова съ 500 человѣкъ яицкихъ казаковъ, 50 калмыками и 5 пушками, «съ малымъ весьма числомъ худыхъ зарядовъ» [2]).

Пользуясь всѣми выгодами узкаго прохода, Овчинниковъ намѣренъ былъ задержать отрядъ, но усилія его остались тщетными. Выставивъ на берегу рѣки Быковки семь орудій, генералъ-маіоръ Мансуровъ, подъ прикрытіемъ ихъ огня, началъ переправу. Прежде всего переправились три эскадрона кавалеріи, подъ начальствомъ подполковника Бедряги, и яицкій старшина Бородинъ съ своими казаками; затѣмъ переправились: баталіонъ гренадеръ и 160 человѣкъ егерей. Казаки не выдержали смѣлой атаки подполковника Бедряги, были опрокинуты и преслѣдованы 12 верстъ. Они потеряли сто человѣкъ убитыми, всѣ свои пушки и 4 хоругви или знамя. «Ежели истинную справедливость отдать кавалеріи, доно-

---

[1]) Въ рапортѣ князю П. М. Голицыну отъ 12 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

[2]) Силы Овчинникова опредѣлены самимъ Мансуровымъ, и приводимыя другими авторами мы считаемъ преувеличенными.

силъ Мансуровъ [1]), то она все то сдѣлала, подъ предводительствомъ командира подполковника Бедряги, чего только отъ рода ихъ службы требовать и желать должно; подражалъ примѣру его и старшина яицкій Бородинъ съ своими казаками».

Мятежники были руководимы Овчинниковымъ, Перфильевымъ и Дехтяревымъ; первые двое бѣжали въ степь, и впослѣдствіи присоединились къ Пугачеву въ Магнитной крѣпости, а послѣдній съ двумя хорунжими былъ захваченъ въ плѣнъ.

Въ тотъ же день вечеромъ изъ укрѣпленія видно было, какъ толпа казаковъ поспѣшно въѣхала въ городокъ и собравшись по набату «въ кругъ» держали совѣтъ: кругъ рѣшилъ связать атамановъ Каргина, Толкачева и семь человѣкъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей и представить ихъ полковнику Симонову [2]). Исполнивъ рѣшеніе круга, казаки направились къ ретраншементу. Осажденные открыли огонь, полагая, что они намѣрены штурмовать укрѣпленіе, но изъ толпы послышались крики, что покоряются императрицѣ и просятъ помилованія. Симоновъ потребовалъ выдачи главнѣйшихъ предводителей, и девять человѣкъ связанныхъ были переданы въ руки правосудія. При этомъ казаки объявили, что Овчинниковъ и Перфильевъ успѣли бѣжать, а къ дому жены самозванца, Устиньи, приставленъ караулъ. Связанные были приняты; голодавшій гарнизонъ подкрѣпился пищею, доставленною тѣми же казаками, а на слѣдующее утро, 16-го апрѣля, вступилъ въ Яицкій-городокъ генералъ-маіоръ Мансуровъ съ своимъ отрядомъ. Онъ прошелъ въ ретраншементъ черезъ ворота, которыя были заперты и завалены съ 30 декабря 1773 года.

Радость освобожденныхъ отъ осады трудно описать. «Самые тѣ изъ насъ, говоритъ участникъ [3]), которые отъ голоду и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все было въ движеніи; разговаривали, бѣгали, благодарили Бога и поздравляли другъ друга». Въ награду мужества и храбрости, оказанныхъ гарнизономъ въ теченіе осады, императрица пожаловала

---

[1]) Въ рапортѣ князю Голицыну отъ 15 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

[2]) Журналъ дѣйствій команды въ Яицкомъ ретраншементѣ. Тамъ же.

[3]) Отечествен. Записки 1824 г. т. XIX.

полковнику Симонову 600 душъ крестьянъ [1]), и приказала выдать всему гарнизону годовой окладъ жалованья; атаманъ оренбургскаго войска подполковникъ Могутовъ произведенъ въ армейскіе полковники, а старшина яицкаго войска Мартемьянъ Бородинъ — въ армейскіе маіоры; обоимъ имъ пожалованы золотыя медали и по тысячѣ рублей каждому [2]).

Со вступленіемъ Мансурова въ Яицкій-городокъ, многіе казаки, считавшіе себя почему-либо виновными, оставили свои дома и разбѣжались въ разныя стороны. Съ ними бѣжали и всѣ тѣ безпаспортные и бѣглые, которые находили всегда пріютъ въ Яицкомъ-городкѣ. Принявъ мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ и вообще къ очищенію окрестностей отъ шаекъ мятежниковъ, Мансуровъ сформировалъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ премьеръ-маіора Муфеля и приказалъ ему очистить самарскую и бузулукскую дороги. Отъ Малыковки же вверхъ по Иргизу до Сызранской дороги поручилъ сдѣлать то же самое гвардіи поручику Г. Р. Державину, при которомъ состояла довольно значительная команда, присланная ему изъ Саратова [3]).

Донесеніе Мансурова объ освобожденіи Яицкаго-городка не застало въ живыхъ главнокомандующаго, А. И. Бибикова. Онъ получилъ только извѣстія объ освобожденіи Оренбурга и Уфы. «Поспѣшилъ бы я, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ [4]), прибытіемъ моимъ въ Оренбургъ, если бы приключившаяся мнѣ жестокая болѣзнь меня здѣсь (въ Бугульмѣ) не остановила, которою въ такое изнеможеніе и слабость приведенъ, что не имѣю почти никакого движенія, такъ что едва только могу приказывать находящемуся при мнѣ генералъ-маіору Ларіонову, который повелѣнія мои подписывая, въ разныя мѣста разсылаетъ и служитъ мнѣ органомъ всемилостивѣйше возложеннаго на меня дѣла».

---

[1]) Московс. Арх. Глав. Штаба Гарнизонной экспедиціи, опись 27, книга 502, № 58.

[2]) Указъ императрицы военной коллегіи 13-го іюня 1774 г. Арх. Сената, копіи Высоч. повелѣній, книга № 207.

[3]) Рапортъ генералъ-маіора Мансурова кн. Щербатову, отъ 29 апрѣля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. VIII.

[4]) Въ донесеніи отъ 7 апрѣля 1774 г. *Записки Академіи*, т. I, приложеніе № 4, стр. 65.

По мѣрѣ того какъ отрядъ кн. Голицына подвигался къ Оренбургу, а генералъ-маіоръ Мансуровъ двигался по Самарской линіи и очищались крѣпости, занятыя мятежниками, главнокомандующій не имѣлъ надобности оставаться въ Казани и признавалъ болѣе удобнымъ находиться вблизи дѣйствующихъ отрядовъ. Уѣзжая изъ города, А. И. Бибиковъ просилъ казанскаго губернатора фонъ-Брандта вступить въ управленіе частью Оренбургской губерніи впредь до возстановленія дѣятельности оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, понимая, что за разбитіемъ мятежниковъ и дальнѣйшимъ движеніемъ отрядовъ впередъ, могутъ въ тылу ихъ бродить еще небольшія шайки, главнокомандующій для окончательнаго успокоенія края сформировалъ нѣсколько небольшихъ отрядовъ, составившихъ вторую, тыльную линію. Дождавшись прибытія въ Казань генерала князя Щербатова, главнокомандующій поручилъ ему начальство надъ этими отрядами и возложилъ на обязанность его водвореніе окончательнаго спокойствія въ раіонѣ его дѣйствій.

Выѣхавши изъ Казани, А. И. Бибиковъ прибылъ въ Кичуевскій фельдшанецъ, гдѣ и оставался довольно долгое время, работая неустанно надъ распоряженіями по отправленію войскъ и заготовленію для нихъ продовольствія. «Здѣсь, кочуя на Кичуѣ, писалъ онъ А. М. Лунину [2]), ничего отраднѣе мнѣ нѣтъ. Пишу только свободнѣе, никто мнѣ не мѣшаетъ, и пишу не покладывая рукъ. Хожу, когда перестану писать, какъ роженица ожидая разрѣшенія».

Задерживаемыя зимнею непогодою и бездорожьемъ, войска подвигались впередъ довольно медленно и видимаго успѣха въ усмиреніи возстанія тогда еще не было замѣтно. «Куда какъ мнѣ скучно, писалъ главнокомандующій, точная родильница на сносяхъ».

Пребываніе въ Кичуѣ было далеко не привлекательно и А. И. Бибиковъ въ зимнюю пору жилъ почти на бивакѣ. Обозъ съ его

---

[1]) Рапортъ А. И. Бибикова Сенату 8 марта 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 504.

[2]) Отъ 10 марта 1774 г. *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 384.

вещами не приходилъ, и главнокомандующій испытывалъ многія лишенія въ дурномъ и сыромъ помѣщеніи. Постоянно напряженное состояніе духа, выжидательное положеніе, безпрерывная работа днемъ и ночью, при самыхъ дурныхъ условіяхъ, надломили здоровье А. И. Бибикова и въ концѣ марта онъ захворалъ. «Лихорадка, посѣтившая меня, писалъ онъ Лунину 28 марта [1]), мучитъ меня въ сіе время и я неподвижно лежу въ постелѣ». Лишь только болѣзнь ослабѣла и главнокомандующій почувствовалъ себя бодрѣе, онъ тотчасъ же переѣхалъ въ Бугульму, но переѣздъ этотъ не прошелъ ему даромъ. Въ Бугульмѣ болѣзнь его на столько усилилась, что получаемыя радостныя извѣстія о разбитіи мятежниковъ не могли уже возстановить разстроеннаго здоровья. При отсутствіи опытныхъ врачей, А. И. Бибиковъ сознавалъ самъ, что жизнь его близится къ концу. «Si j'avais un seul habile homme, писалъ онъ императрицѣ [2]), il m'aurait sauvé, mais hélas je me meurs sans vous voir». Черезъ день послѣ этого письма А. И. Бибикова не стало: онъ скончался 9 апрѣля, въ 12 часовъ дня [3]).

Получивъ первыя извѣстія о серьезной болѣзни Александра Ильича Бибикова, императрица просила князя М. Н. Волконскаго немедленно отправить изъ Москвы въ Бугульму извѣстнаго ей доктора Самойловича. «Снабдите его, писала Екатерина [4]), невзачетъ третнымъ жалованьемъ, дабы не мѣшкавъ ѣхалъ къ нему (Бибикову) и посмотрѣлъ, не можно-ль какъ-нибудь возстановить здоровье, столь нужное въ теперешнихъ тамошнихъ обстоятельствахъ сего генерала.

«Съ нынѣшнимъ праздникомъ поздравляю васъ и желаю вамъ проводить онаго въ радости, *а мнѣ сокрушаетъ вѣсть сегодня полученная о болѣзни Бибикова*».

Письмо это было получено княземъ Волконскимъ послѣ извѣстія о смерти главнокомандующаго.

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 387.

[2]) Отъ 7 апрѣля 1774 года. *Записки Академіи наукъ*, томъ I, приложеніе № 4, стр. 65.

[3]) Рапортъ генералъ-маіора Ларіонова кн. Щербатову 9 апрѣля 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

[4]) Князю Волконскому 20 апрѣля 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 109. Письмо это напечатано въ *Москвитянинѣ* 1845 г., № 9, но съ невѣрнаго оригинала.

«По истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ [1]), преждевременная смерть сего генерала, а паче въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ потерю немалою; хотя положенное на него дѣло *уже и къ окончанію пришло* (?), но еще много остается, что дѣлать. Я не могу безъ сердечнаго сокрушенія подумать, какъ сей несчастный случай васъ, всемилостивѣйшая государыня, огорчаетъ. Всю здѣсь публику очень опечалило, а меня особливо наичувствительнѣйше поразило, будучи съ нимъ всегда пріятель и нынѣ въ частой по дѣламъ перепискѣ, я всегда его почиталъ достойнымъ и надобнымъ человѣкомъ къ службѣ вашей и пользѣ отечеству. Человѣкъ былъ отмѣнныхъ качествъ, генералъ хорошій, честный и безкорыстный».

Немногіе изъ дѣятелей Екатерининскаго времени возбуждали къ себѣ такое сочувствіе при жизни и сожалѣніе послѣ смерти, какое досталось на долю А. И. Бибикова.

«О Бибиковѣ я уже писалъ, говорилъ Платонъ Любарскій въ письмѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому; теперь нечего; ибо объ немъ или много, или ничего лучше не упоминать. О Бибиковъ! или бы онъ вѣчно жилъ, или ужь его никогда на свѣтѣ не было!»

Каждый начальникъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ по своему характеру и нравственнымъ качествамъ, всегда будетъ имѣть среди приближенныхъ такихъ лицъ, которыя будутъ сожалѣть о его кончинѣ. Неудивительно поэтому, что Г. Р. Державинъ написалъ оду на смерть Бибикова и что правитель канцеляріи главнокомандующаго, Бушуевъ, въ своемъ письмѣ къ Державину, сожалѣлъ объ утратѣ начальника, но гораздо важнѣе свидѣтельство тѣхъ лицъ, которыя имѣли весьма рѣдкое сношеніе съ покойнымъ, или не знали даже его въ лицо, а судили по тому впечатлѣнію, которое кончина его произвела на общество.

«Въ прошлую среду, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ [2]), дворъ получилъ весьма непріятное извѣстіе о смерти генерала Бибикова. Монархиня и Имперія не могли никогда, особенно же въ настоя-

[1]) Отъ 25 апрѣля 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 110.

[2]) Графу Суффолькъ въ депешѣ, отъ 26 апрѣля (6 мая) 1774 г. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. XIX, стр. 411.

щую минуту, потерпѣть болѣе тяжелой утраты. Его извѣстная честность, его искренній патріотизмъ и его обширныя военныя свѣдѣнія подавали ему заслуженное право на довѣріе его государыни; лишь благодаря его благоразумнымъ и своевременнымъ распоряженіямъ, успѣхамъ настоящаго мятежа была столь быстро воздвигнута преграда.

«Весьма легко можетъ случиться, говорилъ Гуннингъ, что смерть его снова возбудитъ духъ инсургентовъ», и онъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Смута затянулась почти на полгода, и, конечно, этого бы не случилось, если бы Бибиковъ оставался распорядителемъ по усмиренію возстанія.

Тѣло Александра Ильича, подъ прикрытіемъ эскадрона карабинеровъ, было отправлено изъ Бугульмы въ Казань и поставлено въ придѣлѣ соборной церкви впредь до отправленія, согласно завѣщанію покойнаго, водянымъ путемъ въ костромское его имѣніе [1]).

«Бѣдная жена и дѣти, писала изъ Петербурга жена новгородскаго губернатора Якова Сиверса своему мужу [2]), остались въ незавидномъ положеніи: у нихъ нѣтъ состоянія, какъ ты знаешь, а сверхъ того, долги».

То же самое писалъ и князь М. Н. Волконскій императрицѣ. «Но, прибавлялъ онъ [3]), вашего императорскаго величества милосердіе — неисчерпаемый кладезь всѣмъ вашимъ вѣрнымъ подданнымъ, по старинной пословицѣ: за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ».

Екатерина пожаловала семейству А. И. Бибикова въ Могилевской губерніи, Оршинской провинціи, мѣстечко Копысъ со всѣми принадлежащими къ нему деревнями и угодьями [4]). Императрица очень сожалѣла о кончинѣ Бибикова и сожалѣніе это было бы еще сильнѣе, если бы она не была занята возвышеніемъ новаго

---

[1]) Рапортъ князя Щербатова военной коллегіи 13-го апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, книга «Опредѣленій», 1774 года, листъ 137.

[2]) *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложеніе 4, стр. 17.

[3]) *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 110.

[4]) Указъ Сенату 28 іюня 1774 года. Архивъ Сената. Именные указы 1774 г., книга № 136.

любимца, на котораго могла опереться и на дѣятельность котораго могла положиться.

Безпрерывная борьба придворныхъ партій и интриги, въ которыхъ династическій вопросъ игралъ не послѣднюю роль, заставили Екатерину приблизить къ себѣ такого человѣка, который стоялъ внѣ этихъ партій, былъ ей преданъ, имѣлъ твердый характеръ и по своимъ дарованіямъ могъ стать посредникомъ между интригующими.

Такимъ лицомъ былъ генералъ-поручикъ Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Участникъ переворота 28 іюня 1762 года, и будучи въ то время вахмистромъ конной гвардіи, Г. А. Потемкинъ быстро пошелъ потомъ впередъ и скоро сталъ лично извѣстенъ императрицѣ, какъ человѣкъ умный, острый, находчивый, энергичный и обладающій весьма твердымъ характеромъ. «Вы умны, писала ему Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ, вы тверды и непоколебимы въ своихъ принятыхъ намѣреніяхъ. Мнѣ кажется, во всемъ ты не рядовой, но весьма отличаешься отъ прочихъ» [1]).

Пожалованный камеръ-юнкеромъ вскорѣ послѣ вступленія Екатерины на престолъ, Григорій Александровичъ, въ августѣ 1763 года, былъ назначенъ въ Синодъ за оберъ-прокурорскій столъ, «дабы онъ, сказано въ указѣ Синоду [2]), слушаніемъ, читаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что онъ къ пользѣ своей за потребно найдетъ, навыкалъ быть искуснымъ и способнымъ» къ занятію мѣста оберъ-прокурора. Съ этою цѣлью въ сентябрѣ того же года была дана Потемкину особая инструкція или наставленіе, которымъ онъ долженъ былъ руководствоваться въ новой его должности [3]).

Съ открытіемъ засѣданій коммиссіи для составленія новаго уложенія, Григорій Александровичъ явился представителемъ интересовъ инородцевъ. Въ семидесятомъ засѣданіи, 3-го декабря 1767 года, было заявлено въ коммиссіи, что депутаты разныхъ

---

[1]) Государственный Архивъ, V, д. № 85.

[2]) Отъ 19 августа 1763 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества.* Бумаги Екатерины, т. I, 316.

[3]) Тамъ же, стр. 317.

губерній, отъ татаръ и другихъ иновѣрцевъ, «по той причинѣ, что они не довольно знаютъ русскій языкъ, выбрали себѣ опекуномъ двора ея императорскаго величества камеръ-юнкера Григорія Александровича Потемкина [1]).

Послѣдній, 22 сентября 1768 года былъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ [2]), былъ частымъ собесѣдникомъ Екатерины и на столько пріятнымъ, что возбудилъ ревность графа Григорія Орлова и подъ разными предлогами былъ удаленъ отъ двора.

По своимъ способностямъ, быстротѣ соображеній и по природному уму, Потемкинъ стоялъ выше большинства окружавшихъ императрицу и искалъ себѣ успѣха такимъ путемъ, который былъ непонятенъ для его соперниковъ. «Судя по тому, что̀ я о немъ слышалъ, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ [3]), онъ кажется знатокъ человѣческой природы и обладаетъ бо̀льшею проницательностью, чѣмъ выпадаетъ вообще на долю его соотечественниковъ при той же, какъ у нихъ, ловкости для веденія интригъ и гибкости, необходимой въ его положеніи».

Григорій Александровичъ понялъ, что удаленіемъ отъ двора, наружною холодностью и равнодушіемъ къ тѣмъ лицамъ, вниманіемъ которыхъ дорожилъ, онъ скорѣе заслужитъ ихъ расположеніе и уже тогда расположеніе это будетъ гораздо прочнѣе, чѣмъ пріобрѣтенное лестью, поклонами и угодливостью. Почти за полвѣка ранѣе Г. А. Потемкинъ руководствовался тѣмъ правиломъ, которое высказано поэтомъ въ стихѣ: «*Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей*». Рѣшившись на-время удалиться отъ двора и искать славы на полѣ брани, онъ, съ открытіемъ воен-

[1]) Депутаты эти были: *Казанской провинціи:* отъ крещеныхъ вотяковъ, чувашъ, черемисъ и мордвы; некрещеныхъ вотяковъ и чувашъ, старо-крещеныхъ татаръ, ясашные черемисы; *Сибирской губерніи:* новокрещеные татары; *Вятской провинціи:* татары, приписанные къ адмиралтейству; *Кунгурской провинціи:* ясашные татары и некрещеные черемисы; *Ставропольской провинціи* — новокрещеная мордва; *Уфимской провинціи* — ясашные тептяри; *Исетской провинціи* — ясашные тептяри и бобыли; *астраханскій* депутатъ князь мурза Урусовъ; *Астраханской губерніи*—гилянскіе татары; кизлярскіе татары, кизлярское мѣщанство; *Сѣяжской провинціи* — новокрещеные чуваши (см. *Сборникъ Императ. русскаго историческ. общества*, т. VIII, 336).

[2]) Сенатскій Архивъ. Высочайшія повелѣнія, книга 125.

[3]) Графу Суффолькъ отъ 4 (15) марта 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческ. общества*, т. XIX, стр. 407.

ныхъ дѣйствій съ Турціею просилъ о переводѣ вновь въ военную службу, и 23 іюня 1769 года императрица писала графу З. Г. Чернышеву: «нашего камергера Григорія Потемкина извольте опредѣлить въ армію» [1]).

Переименованный въ генералъ-маіоры, Потемкинъ тотчасъ же отправился въ Молдавію и Валахію, подъ начальство фельдмаршала гр. Румянцова, и при нападеніи турокъ на нашъ отрядъ при Фокшанахъ «*былъ виновникъ одержанной тутъ побѣды*». Впослѣдствіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ поискахъ на города Браиловъ и Журжу, а въ кампанію 1770 г., при движеніи арміи по лѣвому берегу р. Прута, охранялъ съ своимъ отрядомъ «правую той рѣки сторону». Участвуя въ сраженіи 17-го іюня близъ дер. Гермишты, Г. А. Потемкинъ особенно отличился 7-го іюля въ сраженіи при Ларгѣ, гдѣ, командуя отдѣльнымъ каре, онъ «былъ изъ первыхъ въ атакѣ укрѣпленнаго тамъ ретраншемента и овладѣніи онымъ». Награжденный за это сраженіе орденомъ Св. Георгія 3-й степени, Григорій Александровичъ 21-го іюля находился въ Кагульскомъ сраженіи и своими дѣйствіями весьма много содѣйствовалъ пораженію турецкой арміи. Въ этотъ день, «по важности настоящей нужды и изъ лучшей надежды на его искусство», Потемкинъ былъ посланъ фельдмаршаломъ защищать обозъ и провіантскіе транспорты отъ нападенія многочисленныхъ татарскихъ ордъ, «которые черезъ то удержаны были отъ ограбленія и отъ всякаго предпріятія на тылъ арміи». Получивъ за это дѣло всемилостивѣйшее удовольствіе и признательность [2]), Григорій Александровичъ, вслѣдъ затѣмъ, находился при овладѣніи Измаиломъ, а при взятіи крѣпости Киліи «имѣлъ первую часть въ корпусѣ кн. Репнина, былъ ему во всѣхъ сихъ побѣдахъ помощникомъ и споспѣшникомъ».

Въ 1771 году, находясь съ отрядомъ въ Банатѣ Краіовскомъ и отразивъ съ успѣхомъ нѣсколько нападеній турокъ, генералъ

---

[1]) Арх. Канц. военн. минист. Высоч. повелѣн. 1769 г., кн. 60.

[2]) См. *Сборникъ Историческаго Общества*, т. X, стр. 429. Въ азбучномъ указателѣ этого тома, благодарность императрицы ошибочно отнесена къ П. С. Потемкину. Послѣдній былъ въ то время еще бригадиромъ и отдѣльнымъ отрядомъ не командовалъ. См. т. XIII, того же *Сборника Историч. Общ.*, стр. 373.

Потемкинъ первымъ переправился черезъ Дунай и 5-го мая овладѣлъ какъ городомъ Цимброю, такъ и непріятельскою флотиліею тамъ находившеюся. Затѣмъ, двигаясь черезъ крѣпость Турно на соединеніе съ корпусомъ кн. Репнина, Григорій Александровичъ выдержалъ нападеніе превосходнаго въ силахъ непріятеля, разбилъ турокъ и соединился съ княземъ Репнинымъ близъ Бухареста.

По истеченіи срока перемирія, въ 1773 году, и послѣ разрыва мирнаго конгресса въ Бухарестѣ, Потемкинъ опять-таки первый открылъ кампанію. Въ самое суровое время года онъ двинулся къ Дунаю, переправился черезъ рѣку, произвелъ цѣлый рядъ поисковъ и удержалъ тѣмъ турокъ у Силистріи и Туртукая. Лѣтомъ того-же года, когда главная армія подошла къ переправѣ черезъ Дунай и когда на противоположномъ берегу турки приготовились ее встрѣтить на Гуробальскихъ высотахъ, Потемкинъ съ отрядомъ переправился 7-го іюня черезъ Дунай и вмѣстѣ съ генералмъ Вейсманомъ, обходившимъ турокъ съ противоположнаго фланга, разбилъ непріятеля, овладѣлъ всѣмъ его лагеремъ и всею артиллеріею. 12-го іюня, подходя къ Силистріи, онъ содѣйствовалъ побѣдѣ, подоспѣвъ на поле сраженія съ кавалеріею и легкими войсками. Опрокинувъ непріятеля и преслѣдуя бѣгущихъ, Потемкинъ «отнялъ весь лагерь и артиллерію всего турецкаго корпуса, выведеннаго изъ города сераскиромъ Османъ-пашою». Оставаясь у Силистріи, Григорій Александровичъ командовалъ передовымъ отрядомъ, переносилъ «всѣ наибольшія трудности и опасности», выбилъ турокъ 18-го іюня изъ передовыхъ укрѣпленій и затѣмъ, когда предпринято было отступленіе, онъ, прикрывая переправу арміи, послѣдній перешелъ на лѣвый берегъ Дуная.

Осенью 1773 года графъ Румянцовъ, предпринимая дѣйствія за Дунаемъ и желая вмѣстѣ съ тѣмъ удержать значительную часть турокъ въ Силистріи, избралъ Потемкина начальникомъ отряда, блокирующаго эту крѣпость, какъ человѣка энергичнаго и съ установившеюся уже военною репутаціею. «Со всей охотой, отвѣчалъ Григорій Александровичъ [1]), желаю я исполнить волю ва-

[1]) Въ письмѣ графу Румянцову отъ 26 октября 1773 г. Воен.-учен. Архивъ, отд. I, д. № 99.

*

шего сіятельства, и съ радостію останусь, гдѣ угодно будетъ меня опредѣлить. Что касается до полковъ, то я бы желалъ Орловскій, Козловскій и Ярославскій всегда съ собою имѣть, а прочіе три куда прикажете; они хотя числомъ людей и велики, только я ихъ не желаю. Я за толикое вниманіе нанчувствительнѣйше благодаренъ вашему сіятельству».

Такимъ образомъ, всю осень этого года Потемкинъ провелъ со своимъ отрядомъ на островѣ противъ Силистріи. Не смотря на суровость погоды и убійственныя климатическія условія, онъ почти ежедневно бомбардировалъ крѣпость [1]), отражалъ вылазки и «нанося туркамъ превеликій вредъ и страхъ, облегчалъ всѣ тѣ дѣйствія, что въ глубь земли непріятельской за Дунаемъ, тогда посланными войсками отъ другихъ частей, производимы были».

Находясь въ такомъ положеніи, Григорій Александровичъ Потемкинъ совершенно неожиданно получилъ собственноручное письмо императрицы.

«Господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ! писала Екатерина [2]),—вы, я чаю, столь упражнены глазѣньемъ на Силистрію, что вамъ *некогда письма читать;* и хотя я по сю пору не знаю, предуспѣла-ли ваша бомбардирада, но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, что вы сами предпріемлете, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію *ко мнѣ персонально* и вообще къ любезному отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я весьма желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу *по пустому не вдаваться въ опасности.* Вы, читавъ это письмо, можетъ статься сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобы вы имѣли *подтвержденіе моего образа мыслей объ васъ; ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна*».

Зная образъ мыслей императрицы, Потемкину, по свойственной ему проницательности, не трудно было понять съ какою

---

[1]) Арх. Канц. воен. министр. Высоч. повелѣн. кн. № 69. См. также Сѣв. арх. 1826 г. ч. XIV, стр. 164.

[2]) Отъ 4 декабря 1773 г. *Сборникъ Императорск. русскаго историческ. общества* т. XIII, стр. 373.

цѣлью было написано письмо, и онъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ. Въ январѣ 1774 года онъ прибылъ въ столицу, и какъ въ то время императрица, противъ обыкновенія, была въ Царскомъ Селѣ, то Потемкинъ и просилъ князя Орлова доложить ей о своемъ прибытіи. Въ тотъ же день онъ получилъ отвѣтъ, что Екатерина желаетъ его видѣть. Въ пять часовъ пополудни слѣдующаго дня Григорій Александровичъ былъ приглашенъ во внутреннія покои, и съ этого момента началось его возвышеніе. Конечно, не безъ согласія Екатерины онъ, 27 февраля, передалъ Стрекалову слѣдующее всеподданнѣйшее письмо:

«Всемилостивѣйшая государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для службы вашей; не щадилъ ея отнюдь, гдѣ только былъ случай къ прославленію высочайшаго имени. Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи, и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало вашего императорскаго величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ армію командиромъ отдѣльныхъ и къ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному всевозможнаго вреда, въ чемъ ссылаюсь на командующаго арміею и на самихъ турковъ. Отнюдь не побуждаемъ я завистью къ тѣмъ, кои моложе меня, но получили лишніе знаки высочайшей милости, а тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь-ли я въ мысляхъ вашего величества меньше противъ прочихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, просить, если служба моя достойна вашего благоволенія и когда щедрота и монаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня *въ генералъ-адъютанты вашего императорскаго величества.* Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что находясь подъ особливымъ покровительствомъ вашего императорскаго величества, удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вящше способнымъ къ службѣ вашего императорскаго величества и отечества».

«Я просьбу вашу нашла столь умѣренною, отвѣчала Екатерина, въ разсужденіи заслугъ вашихъ, мнѣ и отечеству учинен-

ныхъ, что я приказала заготовить указъ о пожалованіи васъ генералъ-адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе мнѣ весьма пріятно, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами».

1-го марта 1774 г. генералъ-поручикъ Потемкинъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ.

«Во-первыхъ, скажу вамъ вѣсть новую, писала Екатерина Александру Ильичу Бибикову [1]). Я прошедшаго марта 1-го числа Григорья Александровича Потемкина, по его просьбѣ и желанію, къ себѣ взяла въ генералъ-адъютанты; а какъ онъ думаетъ, что вы, любя его, тѣмъ обрадуетеся, то сіе къ вамъ и пишу. А кажется мнѣ, что по его ко мнѣ вѣрности и заслугамъ немного для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіи трудно описать; *а я глядя на него веселюсь, что хотя одного человѣка совершенно довольнаго около себя вижу*».

«При дворѣ, писалъ графъ Сольмсъ въ депешѣ королю прусскому, начинаетъ разыгрываться новая сцена интригъ и заговоровъ. Императрица назначила генерала Потемкина, недавно вернувшагося изъ арміи, своимъ генералъ-адъютантомъ, а это необыкновенное отличіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ величайшей благосклонности, которую онъ долженъ наслѣдовать отъ Орлова и Васильчикова. Потемкинъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, но имѣетъ непріятную наружность, такъ какъ сильно коситъ. Онъ извѣстенъ за человѣка хитраго и злаго и потому новый выборъ императрицы не можетъ встрѣтить одобренія».

Прибытіе Потемкина въ Петербургъ и быстрое его возвышеніе было совершенно неожиданно для многихъ, и даже для родныхъ. Никто не подозрѣвалъ о существованіи переписки между имъ и императрицею, и когда Григорій Александровичъ заявилъ, что въ армію больше не поѣдетъ, то первое время никто не могъ объяснить причины тому. «На другой день рано (т.-е. 1 марта) былъ у матушки вашей Дарьи Васильевны, писалъ Потемкину Іосифъ Сатинъ [2]), и что вы мнѣ изволили приказывать, что ваше превос-

[1]) Въ письмѣ, отъ 7 марта 1774 г. *Сборникъ Император. русскаго Историческ. Общества*, т. XIII, стр. 395. *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 396.

[2]) Отъ 3 марта 1774 г. Государственный Архивъ, XI, № 946.

ходительство въ армію не поѣдете и скоро пришлете за обозомъ курьера, докладывалъ. И какъ матушка, такъ зять вашъ и сестрица сему случаю недомыслятся основанія, къ чему ваше удержаніе въ С.-Петербургѣ назначено, то и меня о томъ съ великимъ прошеніемъ спрашивали, чтобъ я сказалъ, ежели знаю; но мнѣ, не зная, сказать было нечего».

Скоро недоразумѣнія разъяснились и товарищи по арміи спѣшили поздравить его съ новымъ назначеніемъ. Одни ограничивались простымъ поздравленіемъ, а другіе присоединяли и просьбицу. «Такъ какъ всѣ сказываютъ, писалъ В. Левашевъ [1]), что вы пожалованы генералъ-адъютантомъ, то я васъ съ тѣмъ и имѣю честь поздравствовать отъ искренняго сердца и притомъ сказать, что я этому не очень радъ, по причинѣ того, что я васъ не буду видѣть, живучи такъ далеко и имѣвъ такъ рѣдкіе способы ѣздить въ Петербургъ. Я же скоро ѣду въ армію: разсудите, каково ѣхать изъ Москвы мнѣ, которому здѣсь очень весело и ѣхать не хочется; однимъ словомъ, ѣхать приходится. Однако, можетъ быть, я уже такъ долго пишу, что васъ и безпокою; для того и конецъ письму, желая только, чтобъ вы меня любили по старому и знали, что я не шутя вашъ вѣрный слуга».

На томъ же самомъ письмѣ находилась приписка отъ Матвѣя Муромцева.

«Что я не пишу особливаго письма, то простишь, а присоединяю и мое поздравленіе при семъ же письмѣ отъ господина оберъ-повѣсы. Ты можешь себѣ представить, Григорій Александровичъ, сколько преданнѣйшіе твои, между коими и азъ многогрѣшный, обрадованъ твоему благополучію и сколько усердно поздравляю. Правда, что и я скажу вмѣстѣ съ Левашевымъ, что жаль, что не будемъ вмѣстѣ. Вотъ, голубчикъ, ты и достигъ къ тихому пристанищу, да только наше дитятко неунимчиво, чтобы опять военная кровь не взыграла!..»

На этотъ разъ предположенія Муромцева не оправдались и Потемкинъ не думалъ о возвращеніи въ армію. Новый любимецъ становился твердою ногою между интригующими партіями и посте-

[1]) Отъ 9 марта 1774 г. Гос. Архивъ, XI, № 946.

пенно пріобрѣталъ все бо́льшую силу и значеніе. Двѣ недѣли спустя послѣ пожалованія званія генералъ-адъютанта, Григорій Александровичъ Потемкинъ, 15 марта, былъ назначенъ подполковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка [1]). Императрица была на столько занята возвышеніемъ своего фаворита, что въ тотъ же день писала Бибикову [2]): «Друга вашего, Потемкина, весь городъ опредѣляетъ быть подполковникомъ въ полку Преображенскомъ. Весь городъ часто лжетъ, но сей разъ я весь городъ во лжи не оставлю и вѣроятіе есть, что тому быть такъ. Но спросишь: какая нужда мнѣ сіе къ тебѣ писать, на что отвѣтствую—для забавы. Если бы здѣсь былъ не сказала бы, но прежде нежели получишь сіе письмо, дѣло уже сдѣлано будетъ. Такъ не замай же: я первая вамъ скажу; меня увѣряютъ, что оно вамъ не противно, а кто увѣряетъ не скажу».

Назначеніе подполковникомъ ясно указывало всѣмъ на прочность положенія Г. А. Потемкина, и искателей его покровительства явилось еще болѣе. М. Муромцевъ просилъ дать ему мѣсто и избавить отъ службы въ генеральномъ штабѣ [3]); Іосифъ Сатинъ — исходатайствовать пожалованіе ему въ Полоцкой провинціи старостваСыцкова; князь Юрій Трубецкой—устроить его такъ, «чтобъ я жилъ съ тобою поближе; сдѣлай сіе скорѣе и знай, что я, почтя и полюбя тебя безо всякой твоей степени, навсегда уже, конечно, чтить и любить тебя буду» [4]).

«Всеусердно, писалъ князь Алексѣй Волконскій [5]), имѣю честь поздравить господина подполковника Преображенскаго полка, а притомъ отъ искренняго сердца желаю, чтобы господинъ полковникъ (императрица) къ вамъ милостивъ былъ.

«При семъ прилагаю письмо, а притомъ и достойное вамъ въ похвалу сочиненіе отъ общаго нашего пріятеля Н. Н. Папафило, который отъ радости вашего благополучія столь восхищенъ

---

[1]) Указъ Преображенскому полку. Арх. Сената, копіи Высочайшихъ повелѣній, книга 207.

[2]) Въ письмѣ, отъ 15 марта 1774 г. *Сборникъ Императ. русскаго Историческ. Общества*, т. XIII, 396. *Русск. Арх.* 1866 г., стр. 397.

[3]) Письма М. Муромцева, отъ 27 апрѣля и 18 іюня 1774 года.

[4]) Письмо кн. Юрья Трубецкаго, отъ 19 марта 1774 года.

[5]) Въ письмѣ, отъ 31 марта 1774 года.

и веселъ, чтобъ я желалъ, чтобъ вы самолично его видѣть изволили, тѣмъ паче, какъ онъ васъ много любитъ.

«Мыза моя Каменный-носъ стоитъ праздно, а ежели ваше превосходительство въ свободное время и иногда разсудите отъ дѣлъ успокоиться, то-бъ я охотно тѣмъ служить вашему удовольствію почелъ бы за милость вашего ко мнѣ благодѣянія, о чемъ отъ меня и писано въ Петербургъ».

Такъ искали расположенія новаго любимца не только бывшіе его друзья, но и многія лица совершенно ему незнакомыя. Потемкинъ получилъ нѣсколько хвалебныхъ стиховъ, прославлявшихъ его подвиги и заслуги, и императрица была права, говоря, что городъ былъ занятъ новымъ подполковникомъ. Говоръ въ столицѣ еще болѣе усилился, когда узнали, что прежній фаворитъ А. С. Васильчиковъ выѣхалъ изъ дворца.

«Г. Васильчиковъ, писалъ Робертъ Гуннингъ [1]), любимецъ, способности котораго были слишкомъ ограничены для пріобрѣтенія вліянія въ дѣлахъ и довѣрія своей государыни, теперь замѣненъ человѣкомъ, обладающимъ всѣми задатками для того, чтобы овладѣть тѣмъ и другимъ въ высочайшей степени».

Обѣ партіи: великаго князя Павла Петровича, во главѣ которой стоялъ графъ Никита Панинъ, и партія Орловыхъ были поражены и недовольны новымъ выборомъ. Зная, съ одной стороны, энергію и самостоятельный характеръ Г. А. Потемкина, а съ другой—«нерадѣніе къ дѣламъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему придется встрѣчаться»—онѣ предвидѣли, что дѣла пойдутъ инымъ путемъ и предчувствія ихъ скоро оправдались.

Понимая, что графъ Н. Панинъ, по своей преданности и любви къ великому князю, по защитѣ его наслѣдственныхъ правъ никогда не будетъ близокъ императрицѣ, Потемкинъ счелъ для себя удобнымъ перейти временно на сторону этой партіи. «Перемѣна любимца, писалъ графъ Сольмсъ [2]), повидимому, не тревожитъ Панина. Напротивъ того, мнѣ кажется, онъ доволенъ ею и надѣется извлечь изъ нея нѣкоторыя выгоды. Болѣе всего онъ раз-

[1]) Графу Суффолькъ 4 (15) марта 1774 года. *Сборникъ Историч. Общ.*, т. XIX, стр. 405.

Въ депешѣ отъ 7 марта. *Русскій Архивъ*, 1873 г., № 2, стр. 125.

считываетъ на то, что это событіе повлечетъ за собою паденіе Орловыхъ и уменьшитъ вліяніе князя Григорія Григорьевича на императрицу. Генералу Потемкину, при его молодости и умѣ, будетъ легко занять въ сердцѣ императрицы мѣсто Орлова, послѣ коего она чувствуетъ пустоту, которую не умѣлъ пополнить Васильчиковъ. Пока еще Потемкинъ не имѣетъ ни довѣрія, ни партіи, ни друзей. Если для пріобрѣтенія тѣхъ и другихъ онъ будетъ придерживаться графа Панина, то скорѣе будетъ хорошо, чѣмъ дурно. Очевидно, что съ нѣкотораго времени графъ Панинъ имѣетъ видъ болѣе довольный, чѣмъ прежде. Онъ сталъ смѣлѣе говорить о тѣхъ предложеніяхъ, которыя намѣренъ сдѣлать императрицѣ и чаще бываетъ на ея частныхъ бесѣдахъ».

Оказывая болѣе чѣмъ прежде вниманія великому князю, Екатерина также льстила тѣмъ графу Никитѣ Панину, довольному всѣмъ тѣмъ, что̀ способствовало уменьшенію власти Орловыхъ.

«Не думаю, писалъ Гуннингъ [1]), чтобы графъ Захаръ Чернышевъ испыталъ подобное же удовольствіе, увидя въ такомъ положеніи человѣка, на столько превосходящаго его въ хитрости и ловкости».

Неудовольствіе графа Чернышева усилилось, когда, 5-го мая, Потемкину повелѣно было засѣдать въ государственномъ совѣтѣ [2]); 30 мая онъ былъ назначенъ помощникомъ графу З. Чернышеву въ званіи вице-президента военной коллегіи [3]), а 31-го мая—генералъ-губернаторомъ Новороссійской губерніи и войскъ тамъ поселенныхъ главнымъ командиромъ [4]).

Быстрота, съ которою возвышался Потемкинъ, и милость къ нему императрицы вызвали протестъ со стороны князя Г. Г. Орлова и его партіи. По поводу послѣднихъ назначеній между Екатериною II и княземъ Орловымъ «произошло нѣчто болѣе простого объясненія, а скорѣе горячее столкновеніе», послѣ котораго Орловъ былъ такъ разстроенъ, «какъ еще никогда не видали» [5]).

---

[1]) Гр. Суффолькъ 7 (18) марта 1774 г. Сб. Ист. Об., т. XIX, стр. 408.

[2]) Въ книгѣ «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I, стр. IX, мѣсяцъ и число назначенія Потемкина членомъ совѣта пропущены.

[3]) Указъ Сенату 30 мая 1774 г. Арх. Сената. Именные указы, кн. 136.

[4]) Указъ Сенату 31 мая 1774 г. Тамъ же.

[5]) *Сборникъ Императорск. русскаго историч. общества*, т. XIX, стр. 416.

Дѣло его было проиграно и кн. Орловъ рѣшился удалиться отъ двора: онъ просилъ объ увольненіи его на пять недѣль въ деревню. Іюня 6-го онъ получилъ это разрѣшеніе, и въ тотъ же день графъ Захаръ Чернышевъ объявилъ военной коллегіи высочайшее повелѣніе, чтобы Г. А. Потемкинъ былъ зачисленъ въ штатномъ воинскомъ армейскомъ спискѣ [1]).

Отпуская Орлова, Екатерина писала Потемкину [2]): «только одно прошу не дѣлать—не вредить и не стараться вредить князю Орлову въ моихъ мысляхъ, ибо я сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человѣка, котораго бы онъ болѣе мнѣ хвалилъ и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ и въ прежнее время и нынѣ до самаго пріѣзда твоего, какъ тебя; а если онъ свой порокъ имѣетъ, то ни тебѣ, ни мнѣ непригоже ихъ разславить. Онъ тебя любилъ, а мнѣ они друзья—я съ ними не разстанусь».

Въ концѣ іюля Г. А. Потемкинъ былъ назначенъ начальникомъ всей легкой кавалеріи и иррегулярныхъ войскъ [3]). Будучи вице-президентомъ военной коллегіи и пользуясь полнымъ довѣріемъ императрицы, онъ былъ единственнымъ докладчикомъ по военному министерству. Устраненіе отъ наиболѣе важныхъ дѣлъ графа Захара Чернышева заставило послѣдняго просить объ увольненіи его отъ званія президента военной коллегіи и отъ прочихъ должностей.

«Съ сожалѣніемъ, писала Екатерина гр. Чернышеву отъ 23-го августа [4]), усмотрѣла я изъ письма вашего, что ослабѣвающія ваши силы препятствуютъ вамъ по извѣстной ревности и усердію къ службѣ продолжать оную съ надлежащимъ раченіемъ и

---

[1]) Арх. Сената. Копіи Высочайшихъ повелѣній, книга 207.

[2]) Государственный Архивъ, V, № 85.

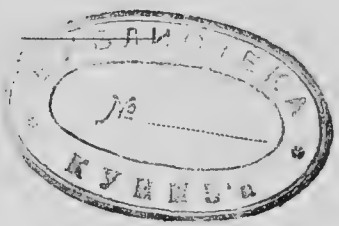
[3]) Подъ его начальство поступили: *легкая кавалерія:* Сумскій, Сербскій, Волжскій, Венгерскій, Изюмскій, Харьковскій, Острогожскій, Ахтырскій гусарскіе полки; Смоленскій конный; Воронежскій, Володимірскій, Борисоглѣбскій и Астраханскій драгунскіе полки. *Казачьи войска:* Моздокскій казачій полкъ, Волжское, Астраханское, Донское, Оренбургское и Яицкое войска; Хоперскій казачій полкъ, казачьи полки, находившіеся: въ Азовѣ, Таганрогской крѣпости, Кизлярѣ и крѣпости св. Димитрія; Чугуевскій и Тобольскій казачьи полки (см. ордера Г. А. Потемкина полковымъ командиромъ 4-го и 5-го августа за № 21—47. Моск. Архивъ Главнаго Штаба).

[4]) Государственный Архивъ, XI, № 348.

вниманіемъ — суть причиною, побуждающею васъ желать и просить увольненія васъ отъ должности президента военной коллегіи и отъ прочихъ коммиссій.

«Снисходя на сіе, я приказала послать о томъ указъ въ Сенатъ, съ котораго прилагается здѣсь точная копія [1]). Согласно же съ прочимъ въ письмѣ вашемъ изложеннымъ поручаю вамъ, какъ назначенную вамъ дивизію, такъ и въ управленіе ваше обѣ Бѣлорусскія губерніи съ надѣяніемъ, что вы, по мѣрѣ вашихъ силъ, не оставите имѣть объ оныхъ надлежащее стараніе и попеченіе. Для поправленія же вашего здоровья дозволяю вамъ находиться въ тѣхъ мѣстахъ Имперіи нашей, гдѣ вы для того за полезное усмотрите».

Съ увольненіемъ президента военной коллегіи, Г. А. Потемкинъ сталъ полнымъ распорядителемъ по военной части и забралъ въ свои руки бо̀льшую часть распоряженій по усмиренію возстанія.



Подлинный указъ. См. Архивъ Сената, Именные указы, книга № 138.

Алфавитный указатель именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

Абдулъ, татаринъ. 134.
Аблай, киргизъ. 136.
Аверинъ, П. И. 59, 61.
Аверкіевъ, Григорій, подпрапорщикъ. 109, 135, 146.
Агеевъ, Ахметъ, старшина. 327.
Азбаевъ, башкирецъ. 336.
Алашеевъ, баталіонный командиръ. 264.
Алексѣевъ, капитанъ. 259.
Альвей, башкирскій старшина. 85.
Амановъ, башкирецъ. 1, 2, 3.
Андреевъ, священникъ. 193.
Аничковъ, Дмитрій (Баталинъ тожь), дворянинъ. 318, 319.
Антиповъ, Яковъ, казакъ. 115, 381.
Антоновъ, Андрей, дьяконъ. 372.
Антоновъ, Лаврентій, священникъ. 372.
Антонъ, Ульрихъ, Брауншвейгскій. 171.
Анучинъ, Д. 3, 30, 46, 79, 172, 173, 179, 233, 293, 295, 299, 385.
Араповъ, Илья, атаманъ. 127, 142, 189, 190, 191, 192, 228, 250, 252, 261, 263, 292, 299.
Арбековъ, маіоръ. 307.
Аршеневскій, подполковникъ. 93, 300, 302, 386.
Астафьевъ, маіоръ. 95, 156.
Асѣевъ, Аренкулъ. 256.
Айчувакъ, султанъ. 77.
Бабаевъ, сержантъ. 83.
Базаровъ, поручикъ, 321.
Балахонцевъ, капитанъ. 190, 249.
Баннеръ, генералъ. 96.
Бановъ, Осипъ, казакъ. 374.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н. 51, 154.
Барановъ, казакъ. 6, 10.
Бартеневъ, П. И. 160, 161, 164.
Баталинъ, См., Аничковъ, Дмитрій.
Бауеръ, генералъ. 166.
Бахматовъ, поручикъ. 202.
Бахманъ, унтеръ - шихтмейстеръ. 196.
Башаринъ, капитанъ. 120, 121.
Башмаковъ Михаилъ Никитичъ. 195, 204, 207, 253, 329, 330, 345.
Байковъ, поручикъ. 259.
Бедряга, подполковникъ. 255, 256, 258, 259, 303, 379, 380, 381, 393, 394.
Безпаловъ, Петръ, приказчикъ. 115.
Бергъ, генералъ. 228.
Бестужевъ, помѣщикъ. 234.
Бецкій. 57.
Бибиковъ, А. И., генералъ-аншефъ. 67, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 202, 203, 204, 214, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 241, 242, 243, 244, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 257, 259, 260, 261, 262, 265, 291, 292, 293, 296, 297, 300, 303, 304, 305, 309, 310, 311, 312, 323, 324, 326,

328, 329, 330, 331, 333, 338, 341, 342, 347, 350, 351, 354, 357, 358, 359, 360, 368, 370, 372, 380, 384, 385, 386, 388, 395, 396, 397, 398, 399, 406, 408.

Бибиковъ, Василій, полковникъ. 204, 205, 328, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 348, 350, 351, 352, 354.

Бибиковъ, Юрій. 178, 247, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 293, 294, 299, 300, 302, 303, 308, 386.

Билдинъ, казакъ. 134, 142.

Биловъ, баронъ, бригадиръ. 20, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30.

Благово, Анна Алексѣевна. 217.

Боголюбовъ, Леонтій, крестьянинъ. 364.

Боковъ, Петръ, казакъ. 6.

Болтай, яицкій казакъ. 1.

Борисовъ, Иванъ, ямской управитель. 371.

Борисовъ, уфимскій воевода. 123, 312, 315.

Болдыревъ, Аѳанасій, ротмистръ. 244.

Бородинъ, Андрей. 12, 112, 114, 116, 117, 282, 283.

Бородинъ, Григорій. 8, 10, 11, 373, 374, 376.

Бородинъ, Иванъ, писарь. 41, 42, 43.

Бородинъ, Мартемьянъ. 5, 21, 88, 89, 90, 393, 394, 395.

Бородинъ, Ѳедоръ. 269.

Брандтъ, фонъ, казанскій губернаторъ. 49, 51, 52, 53, 64, 93, 94, 95, 96, 97, 105, 125, 130, 132, 151, 156, 157, 183, 184, 195, 207, 212, 224, 225, 226, 227, 258, 266, 396.

Браунъ, генералъ. 305.

Брейтигамъ, капитанъ. 83.

Брюсъ, графъ. 57.

Брюхачевъ, сержантъ. 223.

Бурновъ, Иванъ, казакъ. 17.

Бурцовъ, Тимофѣй, дьячекъ. 372.

Буткевичъ, капитанъ. 209.

Буткевичъ, прапорщикъ. 193, 257.

Бутримовичъ, капитанъ. 205.

Бушуевъ, Алексѣй. 257, 398.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. 19.

Бѣлобородовъ, Наумъ. 137, 203, 328, 332, 333, 335, 336, 337, 344, 346, 348, 349, 350, 351, 370.

Бѣловъ, сержантъ. 78.

Бѣлоглазовъ, урядникъ. 80.

Бѣлоносовъ, сотникъ. 115, 117.

Бѣлосельскій, князь. 57.

Валленштернъ, генералъ - маіоръ. 30, 47, 111, 112, 286, 380.

Варачевъ, капитанъ. 289.

Варенцовъ, сотникъ. 336.

Варнстедтъ, маіоръ. 94, 95, 96, 98, 99, 104.

Васильевъ, Иванъ, писарь. 142, 373.

Васильевъ, Кирилла, священникъ 83, 84.

Васильчиковъ, камеръ-юнкеръ. 56, 57, 406, 410.

Веловскій, маіоръ. 18, 19.

Веніаминъ, казанскій архіепископъ. 50, 66, 154, 155, 183, 229, 251.

Венцель, коллежскій совѣтникъ. 202.

Веревкинъ, воевода Исетской провинціи. 216, 217, 218, 222, 241, 253, 355, 360.

Веригинъ, Ѳедотъ Михайловичъ. 51.

Вернеръ, генералъ. 171.

Верхоланцевъ, Дементій, писарь. 335.

Вейсманъ, генералъ. 403.

Визинъ, Фонъ, Д. И. 57, 248, 249, 253.

Витошновъ, казакъ. 8, 9, 10, 12, 26, 115, 137, 374, 387.

Волеговъ, Яковъ. 344.

Волжинскій, поручикъ. 102, 103.

Волковъ, атаманъ. 200.

Волконскій, Алексѣй, князь. 408.

Волконскій, князь, адъютантъ л. гв. коннаго полка. 178.

Волконскій, М. Н. князь 52, 53, 59, 61, 62, 67, 93, 109, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 167, 169, 179, 223, 224, 249, 303, 305, 397, 399.

Воронинъ, капитанъ. 265.

Вороновъ, прапорщикъ. 120.
Владиміровъ, Петръ. 283.
Вульфъ, подполковникъ. 125, 126.
Вырубовъ, Петръ, капитанъ. 364.
Вяземскій А. А., князь. 57, 65, 68, 97, 130, 132, 169, 177, 185, 187, 307, 337, 343, 345.
Гагринъ, маіоръ. 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 344, 348, 349, 351, 357, 370.
Герасимовъ, Иванъ. 129, 130, 170, 273.
Герасимовъ, Петръ, казакъ. 129, 130, 131, 132, 133.
Гибзановъ, калмыкъ. 374.
Гиршфельдъ, поручикъ. 304.
Глядковъ, секундъ-маіоръ. 235.
Голицынъ, князь, вице-канцлеръ. 57.
Голицынъ, П. М. кн. 178, 247, 254, 260, 261, 262, 265, 285, 291, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 327, 373, 377, 378, 379, 380, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 393, 394, 396.
Голицынъ, князь, фельдмаршалъ. 57.
Голосницкій, Михайло, подпоручикъ. 231.
Горловъ, Трифонъ, казакъ. 374, 376,
Горшковъ, Максимъ, казакъ. 13, 17, 137, 138, 139, 142, 145, 187, 188, 290, 386.
Готовицкій, прапорщикъ. 259.
Григорьевъ, сержантъ. 93.
Гриневъ, подполковникъ, 93, 261, 264, 291, 292, 299.
Гротъ, Я. К., академикъ. 92, 97, 99, 100, 101, 153, 232, 252, 265.
Грязновъ, Иванъ, атаманъ. 203, 216, 220, 222, 351, 352, 353, 361,
Губановъ, казакъ. 123, 319, 324.
Губановъ, надзиратель. 202.
Губинъ, Иванъ, казакъ. 271.
Гуляева, вдова прокурора. 217.
Гуннингъ, Робертъ, сэръ. 166, 167, 306, 398, 399, 401, 409, 410.
Гурій, старецъ. 389, 391.
Давилинъ, казакъ. 4, 5, 8, 20, 108, 139.
Давыдовъ, Гаврила, крестьянинъ, депутатъ. 138, 327.
Даллеровскій, Францъ, маіоръ. 47.
Данненбергъ, генералъ-маіоръ. 339, 340, 342, 343.
Деколонгъ, генералъ-поручикъ. 68, 70, 72, 96, 100, 112, 117, 122, 150, 151, 179, 223, 224, 287, 288, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 368, 369, 370, 371, 372, 373.
Демаринъ, полковникъ. 116, 117, 118.
Демидовъ, Семенъ, ссыльный. 19, 34.
Демидовъ, Евдокимъ, 84.
Денисовъ, Илья, полковникъ. 242, 243.
Дербетева, ханша. 252.
Дербетевъ, калмыкскій старшина. 85, 134, 264.
Державинъ, Г. Р. 54, 173, 178, 234, 249, 251. 252, 262, 395, 398.
Дехтяревъ, яицкій казакъ. 394.
Дирисенъ, генералъ-маіоръ. 32.
Дмитріевъ, Потапъ, казакъ. 13.
Долгоносовъ, поручикъ. 81.
Долгополовъ, купецъ. 135.
Долгополовъ, сержантъ. 2.
Долгоруковъ, В. М., князь. 62, 67.
Долгоруковъ, князь, полковникъ. 300, 301.
Дондуковъ, князь. 307.
Донской, атаманъ. 41, 43, 380, 382, 383.
Дружининъ, Иванъ, казакъ. 214.
Дубовъ, казакъ. 5, 12.
Дупленковъ, казакъ. 203.
Дурново, капитанъ. 333. 350.
Дуровъ, колежскій регистраторъ. 123, 314.
Дусали, султанъ. 115, 270.
Дюковъ, Ив. Игн., купецъ. 313, 314.
Дьячковъ, управляющій. 347.
Евсѣевъ, Еремѣй, казакъ. 245.
Евсевьевъ, Матвѣй, капралъ. 361, 362.

Екатерина II, Императрица. 56, 58, 59, 65, 119, 160, 167, 223, 232, 233, 234, 241, 244, 315, 338, 359, 368, 369, 397, 400, 405, 406, 410, 411.
Елагинъ, маіоръ. 260, 261, 264, 265, 295.
Елагинъ, полковникъ. 19, 21, 25, 27.
Елагинъ, сенаторъ. 57.
Елизавета Петровна, Императрица. 143, 144, 390.
Емакъ-Сарай, старшина. 78.
Ергучевъ, казакъ. 132.
Есиповъ, маіоръ. 36.
Ефремовъ, атаманъ. 64.
Жереховъ, писарь. 275.
Живетинъ, Петръ, пономарь. 270, 271, 280.
Живетинъ, писарь. 389, 390, 391.
Жилкинъ, Иванъ, солдатъ. 126, 127, 387.
Жолобовъ, маіоръ. 367.
Жоновъ, Василій, хорунжій. 142.
Жубринскій, Павелъ, унтеръ-шихтмейстеръ. 336, 337.
Забиръ, киргизецъ. 1, 21.
Заворотковъ, Иванъ, маіоръ. 216, 363, 365.
Завьяловъ, есаулъ. 200.
Заевъ, премьеръ-маіоръ. 69, 112, 118, 119, 120, 121, 228.
Зарубинъ, Иванъ (Чика), казакъ. 3, 6, 9, 17, 28, 84, 91, 92, 101, 102, 114, 115, 124, 130, 143, 145, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 214, 215, 216, 308, 310, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 326, 327, 330, 331.
Звѣревъ, Иванъ, сержантъ. 126, 127, 191.
Звѣревъ, Клементій, староста. 196.
Зегелинъ, прусскій министръ. 55.
Зейфертъ, маіоръ. 71.
Зиновьевъ, оберъ-прокуроръ. 57.
Зряховъ, секретарь. 178.
Зубовъ, маіоръ. 377, 378.
Зубовъ, прокуроръ. 325.
Зубринскій, Павелъ, есаулъ. 349, 350.
Зыряновъ Александръ. 362, 365.
Ивановъ, Андрей, священникъ. 191, 198.
Ивановъ, Данило, священникъ. 201, 202.
Ивановъ, Дмитрій, крестьянинъ. 84.
Ивановъ, Илья, священникъ. 317.
Ивановъ, Ѳедоръ, священникъ. 205.
Ивановъ, прапорщикъ. 249.
Игельстромъ, Оттонъ, баронъ. 62.
Игнатьевъ, Р. Г. 317, 320.
Идорка, татаринъ. 1, 115, 382.
Изюмовъ, Иванъ, сотникъ. 139.
Ильинъ, полковникъ. 261.
Исаевъ, подпоручикъ. 289.
Иткинъ, Батыркай. 197, 203, 204, 205.
Іакинфъ, архимандритъ. 363.
Калмыковъ, капитанъ. 109.
Калмыковъ, солдатъ. 134, 140.
Камешковъ, капитанъ. 120.
Кандауровъ, подполковникъ. 307, 308.
Карамзинъ, Михайло, капитанъ. 82.
Каргинъ, Никита, казакъ. 273, 274, 280, 282, 284, 388, 389, 390, 392, 394.
Кардашевскій, капитанъ. 254, 255, 323, 324, 326.
Карташевъ, поручикъ. 104.
Карчагинъ, Иванъ, казакъ. 389.
Каръ, генералъ-маіоръ. 49, 62, 63, 64, 66, 68, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 110, 111, 113, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 241.
Каховскій, генералъ-поручикъ. 67.
Кашкинъ-Самаровъ, башкирецъ. 122, 123.
Кайгородовъ, капралъ. 118,
Квашнинъ-Самаринъ, капитанъ. 296.
Кидрясъ, старшина. 327.
Кинзя, старшина. 78, 86, 134, 382.
Кириловъ, Алексѣй, крестьянинъ. 43.
Киселевъ, помощникъ надзирателя. 202.

Кобеко. 54.
Кожевниковъ, Степанъ, казакъ. 3, 8, 11.
Кожинъ, полковникъ. 310, 311.
Козьминъ, С. М. 165, 173.
Кокшарскій Гаврило, дьячокъ. 372.
Колесниковъ, Сидоръ. 82.
Колесниковъ, Степанъ, солдатъ. 25, 28.
Колесниковъ, регистраторъ. 217.
Колесниковъ, Аѳанасій, священникъ. 204, 205.
Коноваловъ, Василій. 373, 374.
Копѣечкинъ, старшина. 85.
Коротковъ, посадскій. 190.
Корфъ, бригадиръ. 30, 33, 77, 78, 79, 80, 81, 100, 106, 110, 111, 116, 286.
Костинъ, поручикъ. 347.
Костицынъ, Иванъ, оставной сержантъ. 34.
Кочуровъ, Алексѣй, казакъ. 12.
Кочуровъ, Кузьма, казакъ. 3, 8.
Кошелевъ, поручикъ. 178, 256, 259.
Кощуновъ, Ѳедоръ. 350.
Краевичъ, капитанъ. 247.
Красильниковъ, поручикъ. 94.
Красильниковъ, Тимофѣй. 79.
Краузе, маіоръ. 29.
Кречетниковъ, П., генералъ-маіоръ. 67, 68, 96, 169, 185, 186, 187, 306, 307, 308.
Кротковъ, казакъ. 186.
Крушинъ, Яковъ, есаулъ. 41.
Крыловъ, капитанъ. 7, 8, 267, 269, 284, 388.
Крыловъ, солдатъ. 107.
Кубарь, Яковъ, мордвинъ. 271, 272, 273.
Кудашевъ, предводитель толпы. 202.
Кудрявцевъ, А., маіоръ. 82.
Кудрявцевъ, Яковъ, фурьеръ. 231.
Кузнецова, Устинья. 267, 277, 280, 282, 283, 284, 389, 394.
Кузнецовъ, Егоръ. 373.
Кузнецовъ, Иванъ, предводитель шайки. 139, 197, 198, 203, 215.
Кузнецовъ, Петръ, казакъ. 277, 278, 279, 282, 328.
Куклинъ, Осипъ, сержантъ. 126.
Куликовъ, Демидъ, солдатъ. 35.
Курловъ, сержантъ. 346.
Куроѣдовъ, Данило, прапорщикъ, 82.
Кутузовъ, поручикъ. 190.
Лазаревъ, подполковникъ. 241, 242, 347.
Ларіоновъ, генералъ-маіоръ. 230, 234, 293, 294, 308, 309, 310, 311, 312, 395, 397.
Лебедевъ, Петръ, священникъ. 363.
Лебедевъ, писарь. 361.
Левашевъ, В. 407.
Левашовъ, Сергѣй, капитанъ. 231.
Лепехинъ, академикъ. 85.
Лесковскій, поручикъ. 292.
Лецкій, оберъ-комендантъ. 213.
Логиновъ, казакъ. 376.
Лодыгинъ, капралъ. 319, 320.
Лопатинъ, маіоръ. 193.
Лопатинъ, поручикъ. 116.
Лукинъ, Иванъ, священникъ. 205.
Лунинъ, А. М. 244, 311, 396, 397.
Лунинъ, капитанъ. 178.
Лутохинъ, Петръ, концеляристъ. 203, 214, 331.
Лысовъ, Дмитрій, казакъ. 7, 8, 10, 11, 12, 115, 140.
Любарскій, Платонъ, архимандритъ. 51, 154. 156, 182, 185, 398.
Ляховъ, Петръ, капитанъ. 82.
Мавринъ, Савва, капитанъ-поручикъ. 28, 178, 181, 184, 226, 227.
Макаровъ, предводитель дворянства. 233, 234.
Макрушниковъ, Ѳедотъ, крестьянинъ. 365.
Максимовъ, поручикъ. 218.
Мальцевъ, Михаилъ, атаманъ. 214, 328, 331, 333.
Мамаевъ, Иванъ. 389, 391.
Мансуровъ, генералъ-маіоръ. 178, 243, 253, 262, 265, 285, 291, 292, 293, 294, 296, 300, 302, 304, 308, 384, 387, 388, 392, 393, 394, 395, 396.

Масловъ, коллежскій ассесоръ. 339, 341, 342.
Масоловъ, капитанъ. 296.
Матисъ, поручикъ. 324.
Матюнинъ, Гаврило, капитанъ. 231, 235.
Мельгуновъ, Алексѣй, титулярный совѣтникъ. 231.
Мендей, черемисскій старшина. 85.
Менщиковъ, Антипъ. 350.
Мертвецовъ, капитанъ. 193.
Мершиловъ, маіоръ. 325.
Метлинъ, коллежскій ассесоръ. 339.
Меѳодій, астраханскій архіепископъ. 275.
Мизиновъ, Андрей, казакъ. 181.
Миклявъ, секретарь. 264.
Милковичъ, надворный совѣтникъ. 264.
Милковичъ, подполковникъ. 379, 380, 381.
Миллеръ, академикъ. 127.
Миллеръ, генералъ-маіоръ. 50, 51, 53.
Миллеръ, кунгурскій воевода. 204, 206, 207, 209, 330,
Миллеръ, полковникъ. 62.
Мирошихинъ, Иванъ, казакъ. 133.
Митрофановъ, Василій, казакъ. 368.
Митрофанъ, тверской архіерей. 36.
Митрясовъ, Петръ, казакъ. 41,
Михайловъ, Иванъ, священникъ. 41, 42, 43.
Михайловъ, Кирилла, крестьянинъ. 258.
Михельсонъ, Ив. Ив., подполковникъ. 308, 311, 312, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327.
Могутовъ, подполковникъ и атаманъ. 31, 46, 47, 88, 89, 90, 395.
Можаровъ, воевода. 258.
Моисеевъ, маіоръ. 123.
Молоствовъ, Василій, маіоръ. 47.
Молоствовъ, Дмитрій, подполковникъ. 231.
Мордвиновъ, адмиралъ. 57.
Мордовцевъ, Д. 27, 51, 99, 303.
Морсошниковъ, 350.
Москвинъ, ассессоръ. 345.
Москотиньевъ, поручикъ. 295.
Мостовщиковъ, старшина. 268, 269.
Мурзагуловъ, старшина. 87.
Муромцевъ, Матвѣй. 407, 408.
Мусса-Аліевъ, татаринъ. 134.
Муфель, подполковникъ. 93, 249, 250, 251, 395.
Мясниковъ, Тимоѳей, казакъ. 5, 17, 383.
Мясоѣдовъ, коллежскій совѣтникъ. 31, 47.
Мясоѣдовъ, полковникъ. 123, 194, 312, 319, 320, 323.
Нагаевъ, капониръ. 320.
Нагайбакъ, старшина. 193.
Надыровъ, старшина. 105.
Наталья Алексѣевна, великая княгиня. 59, 149, 338.
Наумовъ, Александръ, поручикъ. 231.
Наумовъ, Иванъ, сержантъ. 248.
Наумовъ, секундъ-маіоръ. 6, 8, 23, 48, 74, 75, 76, 286.
Невзоровъ, Наумъ, хорунжій. 217, 218, 219, 222,
Невѣровъ, протопопъ. 314.
Неклюдовъ, маіоръ. 256, 258, 259, 304.
Немировъ, атаманъ. 79.
Неулыбинъ, Иванъ, казакъ. 281.
Нечаевъ, капитанъ. 29.
Николаевъ, Дмитрій, сержантъ. 3, 4, 10, 12, 27.
Никушинъ, Семенъ, крестьянинъ. 222.
Новиковскій, Аѳанасій, казакъ. 13, 14.
Нормотскій, Никаноръ, капралъ. 231.
Норовъ, Иванъ, маіоръ. 47.
Носковъ, Андрей, казакъ. 200, 201.
Нуръ-Али, киргизъ-кайсацкій ханъ. 1, 2, 21, 23, 185, 186.
Обернибѣсовъ, полковникъ. 310, 312.
Обуховъ, директоръ таможни. 31.
Овчинниковъ, Андрей, казакъ. 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 39, 45, 90, 91, 92, 102, 104, 114, 115, 133, 134, 136, 146, 147, 148, 267, 270, 275, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 304, 307, 392, 393, 394.

Одоевскій, Иванъ Васильевичъ, князь, 267.
Одоевскій, князь, полковникъ. 300, 301.
Озеровъ, подпоручикъ. 347.
Окутинъ, старшина. 2, 6, 7, 8, 9.
Олсуфьевъ, капитанъ. 296.
Орловъ, А. Г., графъ. 129, 130, 133, 147, 149.
Орловъ, Г. Г., князь. 67, 143, 167, 168, 237, 406, 410, 411.
Осиповъ, Иванъ, священникъ. 73.
Оскинъ, черемисъ. 336.
Османъ-паша. 403.
Охлебининъ. 337, 339, 340, 341, 342, 346.
Павелъ Петровичъ, Великій Князь, Наслѣдникъ. 54, 56, 58, 59, 87, 119, 133, 143, 149, 150, 248, 338, 364, 381, 409.
Падуровъ, сотникъ. 24, 25, 26, 28, 29, 30, 43, 88, 89, 90, 134, 137, 290, 374, 375, 387.
Палласъ, академикъ. 11, 13, 19, 25.
Панинъ, Никита, графъ. 55, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 160, 173, 237, 238, 240, 409, 410.
Панинъ, П. И., графъ. 116, 117, 159, 160.
Панкинъ, Степанъ. 91.
Пановъ, фурьеръ. 119, 120.
Пантелеймоновъ, Іоаннъ, протопопъ. 204.
Папафило. 408.
Паргачевъ, предводитель шайки. 348, 349, 350.
Пасмуровъ, капитанъ. 323.
Пассекъ, генералъ. 57.
Пастуховъ, капитанъ. 313.
Пекарскій, П. П., академикъ. 127, 377.
Пекарскій, маіоръ. 102, 123, 313, 314.
Перскій, маіоръ. 258.
Перфильевъ, Аѳанасій, сотникъ, 129, 130, 131, 132, 133, 146, 147, 148, 149, 150, 170, 267, 274, 284, 388, 394.
Пестеревъ, атаманъ. 363, 364, 365, 366, 367, 368.
Петровъ, крестьянинъ. 188, 364.
Петръ I, Императоръ. 167, 390.
Петръ III, Императоръ. 4, 13, 83, 103, 125, 130, 131, 180, 191, 194, 195, 218, 220, 239, 240, 262, 269, 279, 284, 344, 349, 362, 364, 365, 368, 390.
Пироговскій, поручикъ. 201.
Пироговъ, маіоръ. 340.
Плахута, капитанъ. 256.
Племянниковъ, маіоръ. 191.
Плотниковъ, Григорій, протопопъ. 370.
Плотниковъ, Савелій, казакъ. 129, 130.
Повало-Швейковскій, маіоръ. 93.
Подхолимовъ, Степанъ, солдатъ. 42.
Полстоваловъ, поручикъ. 272.
Полубояриновъ, курьеръ. 180.
Полянскій, Иванъ, священникъ. 38.
Пономаревъ, казакъ. 109.
Поповъ, капитанъ. 209.
Поповъ, подполковникъ. 328, 329, 333, 334, 357.
Поповъ, прокуроръ. 209, 212.
Портновъ, Лазарь, атаманъ. 13, 14, 15, 16, 17.
Посоховъ, поручикъ. 205.
Потаповъ, генералъ-маіоръ, 63, 243, 244, 245, 246.
Потемкинъ, Григорій Александровичъ. 269, 388, 400, 401, 402, 403, 404, 406, 407, 408, 409, 410, 411. 412.
Почиталинъ, Иванъ, казакъ. 4, 6, 10, 12, 27, 44, 89, 110, 116, 137, 138, 139, 143, 146, 187, 188, 272, 278, 280, 298, 300, 373, 376, 386, 387.
Почиталинъ, Яковъ, казакъ. 3, 7, 8, 11, 270, 277.
Пугачевъ. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 35, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 63, 65, 67, 68, 69, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 96, 99, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 113, 115, 116, 118, 119, 120,

121, 124, 127, 128, 129, 131, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 152, 154, 156, 165, 168, 169, 170, 173, 175, 178, 179, 180, 184, 185, 193, 194, 195, 199, 219, 220, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 237, 238, 239, 242, 243, 244, 245, 246, 249, 251, 255, 263, 267, 268, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 288, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 305, 306, 307, 308, 316, 324, 328, 335, 337, 351, 361, 363, 365, 369, 373, 375, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 394.

Пушкаревъ, маіоръ. 339.

Пушкаревъ Ѳедоръ, подпоручикъ. 217, 218, 219.

Пушкинъ, А. С. 20, 34, 38, 45, 64, 121, 127, 128, 134, 137, 150, 165, 269, 271, 287, 377, 380, 384.

Пушкинъ, секундъ-маіоръ. 295.

Пьяновъ, Денисъ, казакъ. 270, 279, 282, 283.

Радзивилъ, князь. 62.

Ражевъ, Михаилъ, атаманъ. 361, 363, 364.

Разумовскій, К. Г., графъ. 57, 167, 178.

Репинъ, казакъ. 375, 380, 381.

Репинъ, Н. В., князь. 402, 403.

Ресленнъ, медикъ. 63.

Рейнсдорпъ, генералъ. 20, 21, 22, 23, 24, 29, 30, 31, 33, 34, 37, 41, 44, 47, 48, 49, 64, 66, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 80, 85, 86, 89, 93, 95, 106, 110, 111, 112, 113, 121, 128, 150, 151, 246, 266, 285, 286, 288, 376, 377, 378, 379, 380, 383, 384, 396.

Романіусъ, генералъ. 167, 172.

Рооде, надворный совѣтникъ. 341, 343.

Роткинъ, Мурзакай, старшина. 327.

Ружевскій, капитанъ. 110.

Рукинъ, маіоръ. 245, 246.

Румянцевъ, графъ, П. А. 54, 55, 61, 172, 351, 359, 360, 402, 403.

Рупичъ, отставной маіоръ. 173.

Рыжій, Иванъ. 283.

Рычковъ, академикъ. 29, 33, 34, 38, 45, 47, 88, 105, 121, 127, 128, 150, 243, 287, 376, 377, 380, 383, 387.

Савинычъ, капитанъ. 193.

Сазоновъ, Осипъ, атаманъ. 371.

Салмановъ, маіоръ. 371, 372.

Сальдернъ, посолъ. 58, 59.

Самодуровъ, казакъ. 92.

Самойловичъ, докторъ. 397.

Санти, графъ, поручикъ. 259.

Сатинъ, Іосифъ. 406, 408.

Свербѣевъ, коллежскій ассесоръ. 218, 219.

Семеновъ, маіоръ. 109.

Серебрецовъ, казакъ. 85.

Сиверсъ, новгородскій губернаторъ. 93, 399.

Симоновъ, полковникъ. 2, 3, 6, 9, 10, 13, 21, 23, 48, 97, 114, 132, 133, 148, 185, 246, 267, 268, 269, 270, 271, 276, 281, 282, 284, 388, 389, 391, 394, 395.

Ситниковъ, Гаврило. 196, 197.

Ситниковъ, казакъ. 133.

Ситный, Матвѣй. 276, 280, 281.

Скалонъ, генералъ-маіоръ. 357.

Скирмантовъ, Иванъ, маіоръ. 47.

Скобочкинъ, Данило, казакъ. 137.

Скугаревскій, прапорщикъ. 259.

Собакинъ, Василій, подпоручикъ. 178.

Собовъ, капитанъ. 93, 247.

Сокольниковъ, коллежскій совѣтникъ. 339, 340, 342.

Соловьевъ, маіоръ. 292.

Солодовниковъ, Иванъ, казакъ. 73.

Солопопековъ, Алексѣй, горный офицеръ. 204.

Сольмсъ, графъ. 406, 409.

Ставровъ-Милоковъ, статскій совѣтникъ. 31, 47.

Станиславскій, генералъ-маіоръ. 71, 118, 121, 122, 151, 384.

Степановъ, Петръ, священникъ. 82.

Степановъ, солдатъ. 109.

Степинъ, Игнатій, староста. 363.

Стрекаловъ. 405.

Ступишинъ, нижегородскій губернаторъ. 224.
Ступишинъ, полковникъ. 81, 85.
Суворовъ, А. В., генералъ. 351, 359, 360.
Сукинъ, Ѳедоръ. 19, 28, 75, 76, 106, 111.
Суринъ, капитанъ. 18, 19, 24.
Сутормина, Яковъ, сотникъ. 121.
Суффолькъ, графъ. 166, 306, 398, 401, 409, 410.
Суюшъ, сотникъ. 105.
Танганчъ, татаринъ. 115, 116.
Тараканова, есаулъ. 363.
Татищевъ, поручикъ. 102.
Твороговъ, Иванъ. 16, 17, 20, 134, 137, 138, 139, 290, 374, 375, 383.
Тевкелевъ, маіоръ. 51, 192.
Терскій, старшина. 186.
Тимашевъ, коллежскій совѣтникъ. 31, 36, 37, 47, 266, 267, 286.
Тихановскій, маіоръ. 258.
Токрановъ, Иванъ. 283.
Толкачевъ, Михаилъ. 115, 116, 148, 267, 268, 269, 270, 271, 274, 276, 277, 279, 280, 282, 283, 284.
Толкачевъ, Петръ, казакъ. 3.
Толстой, Александръ, капитанъ-поручикъ, 231.
Толстой, капитанъ-поручикъ. 178, 300, 302, 385, 386.
Толстой, Николай, полковникъ. 231.
Томиловъ, управитель Окуневскаго дистрикта. 361.
Торновъ, атаманъ. 259, 326.
Тоузаковъ, коллежскій ассесоръ. 242.
Траубенбергъ, генералъ-маіоръ. 85, 130, 132.
Трубецкой, Юрій, князь. 408.
Труняшевъ, атаманъ. 308.
Туровѣровъ, старшина. 245.
Турчаниновъ, заводчикъ. 347.
Тюпеевъ, старшина. 325, 327.
Тютчевъ, Сергѣй, секундъ-маіоръ. 231, 326, 327.
Уваровъ, А., графъ. 19, 28, 32, 75, 106.
Углецкій, атаманъ. 106, 107.
Уключенниковъ, хорунжій. 289.
Ульяновъ, Илья, казакъ. 115, 197, 198, 310, 324, 326.
Улѣевъ, Мусса. 378.
Ураковъ, князь. 105.
Усаевъ, Канзафаръ. 128, 202, 203, 214, 331.
Ушаковъ, Михайло, подполковникъ. 47.
Фадѣевъ, маіоръ. 372.
Фалькъ, академикъ. 13, 19, 85.
Фегезакъ, бригадиръ. 93, 94, 264.
Фефиловъ, поручикъ. 372.
Фейерваръ, бригадиръ. 69, 70, 71, 371.
Филимоновъ, атаманъ. 275.
Филисовъ, подполковникъ. 300, 301.
Фишеръ, маіоръ. 347, 350.
Фофановъ, Андрей, казакъ. 3, 7.
Фофановъ, Иванъ, казакъ. 133, 142, 143, 274, 283.
Фрейманъ, генералъ-маіоръ. 62, 92, 97, 101, 104, 150, 153, 154, 155, 157, 167, 183, 192, 193, 194, 228, 254, 257, 261, 296, 300, 301, 302, 304.
Фридрихъ, Августъ, коадъюторъ Любскій. 58.
Харинъ, маіоръ. 309, 221, 322, 326.
Харловъ, маіоръ. 19, 20, 24, 145.
Харчевъ, Иванъ, казакъ. 270.
Хлопуша, ссыльно-каторжный. 20, 36, 37, 43, 44, 45, 84, 85, 91, 92, 101, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 134, 145, 288, 289, 373, 374, 375, 376, 378.
Хлѣбниковъ, Емельянъ. 204.
Хлѣбниковъ, Пантелеймонъ. 204.
Хорватъ, полковникъ. 260, 261, 262, 264, 265, 295, 296, 383, 384, 386.
Хорсинъ, Павелъ, священникъ. 364.
Циплетевъ, полковникъ. 62, 186.
Чапурина, Прасковья. 280.
Чеботаревъ, Родіонъ, хорунжій. 109, 112.
Чебыкинъ, Петръ, посадскій. 218.
Чемесовъ, прокуроръ. 232, 235.
Череватая, Марья. 280.

Черкасовъ, баронъ. 57.
Черкашенининовъ, коллежскій регистраторъ. 123, 314.
Чернеевъ, казакъ. 261.
Черновъ, Тимофѣй, казакъ. 83.
Черносвитовъ, маіоръ. 93.
Чернышевъ, З. Г., графъ. 53, 57, 59, 60, 62, 63, 64, 75, 76, 93, 97, 99, 122, 130, 151, 152, 153, 158, 163, 164, 166, 167, 168, 172, 179, 223, 228, 246, 248, 254, 327, 351, 402, 410, 411.
Чернышевъ, полковникъ. 83, 92, 94, 95, 97, 99, 100, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 114, 125, 126, 228.
Чигвинцовъ, Матвѣй, есаулъ. 330, 331, 332, 333.
Чика. См. Зарубинъ.
Чичеринъ, сибирскій губернаторъ. 69, 70, 118, 122, 217, 218, 337, 341, 343, 354, 356, 357, 358, 359, 360, 363, 371, 372.
Чулковъ, Матвѣй, крестьянинъ. 222.
Чулошниковъ, атаманъ. 83, 125, 191, 192, 292, 392.
Чумаковъ, Ѳедоръ, казакъ. 17, 134, 374.
Чупровъ, Василій, крестьянинъ. 196.
Чюфаровскій, Иванъ, вице-вахмистръ. 231.
Шваповичъ, прапорщикъ. 92, 102, 103, 104, 134, 140.
Шевыринъ, Ефимъ, тобольскій президентъ. 371.
Шелудякова, Марья. 279, 280.
Шепелевъ, капитанъ. 310.
Шепелевъ, Сергѣй, предводитель шайки. 350.
Шигаевъ, Максимъ, казакъ. 41, 43, 44, 84, 85, 115, 134, 137, 139, 141, 288, 297, 306, 374, 375, 376, 381, 386, 387.
Шишенко, Василій. 206.
Шишкинъ, маіоръ. 101.
Шкапскій Ѳедоръ. 47.
Шуваловъ, А. И., графъ. 37.
Шуваловъ, А. П., 57, 84.
Щербатовъ, князь, генералъ. 395, 396, 397, 399.
Эрдманъ, маіоръ. 372.
Этингеръ, генералъ-маіоръ. 32.
Юлаевъ, Салаватъ. 202, 203, 214, 328, 331, 334.
Ядринцевъ, капитанъ. 289.
Яковлевъ, Михаилъ, священникъ. 275.
Ялымовъ, Иванъ Яковлевичъ. 345.
Янышевъ, Мурадъ, султанъ. 326.
Ѳедоровъ, Максимъ, дьячокъ. 42.
Ѳоминъ, есаулъ. 307.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть,
51	17	водительствомъ	предводительствомъ
70	15 и 16	Фейрвара	Фейервара
106	35	за № 59	за № 559
182	18	(Спасо-Рязанскій)	(Спасо-Казанскій)
183	31	должпостныя унынію	должностныя лица унынію
206	10	Рылеву	Рылѣеву
294	3	ихъ своему	ихъ къ своему

Общ. каб

№ 2-3-20р